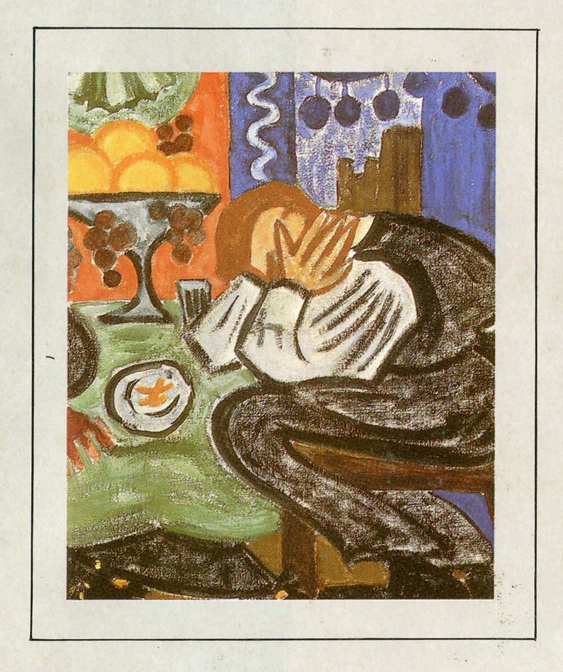
МАРИНА
ЦВЕТАЕВА

ПОЭМЫ
ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

ПОЭМЫ
ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Эллис Лак

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

EL
ELLIS LUCK
ЭЛЛИС ЛАК

МАРИНА

ЦВЕТАЕВА

Собрание сочинений в семи томах

Москва
Эллис Лак
1994

МАРИНА

ЦВЕТАЕВА

Собрание сочинений
в семи томах

Том 3

ПОЭМЫ
ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Москва
Эллис Лак
1994

ББК 84 Ря44
Ц 25

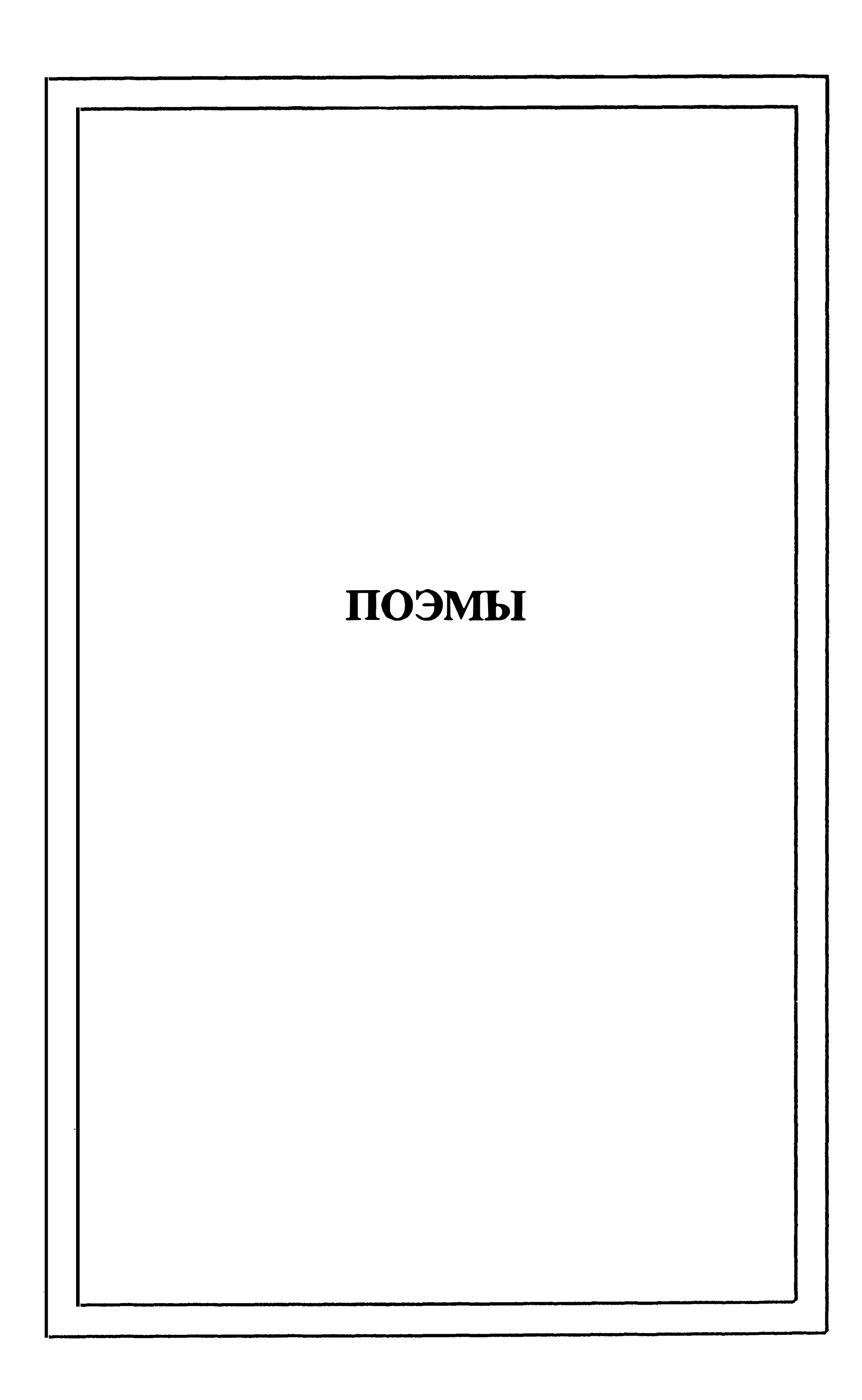
Составление, подготовка текста и комментарии
Анны Саакянц и Льва Мнухина

Художник А. А. Семенов

В оформлении суперобложки использованы
фрагменты картин О. В. Розановой

Ц $\frac{4700000000-013}{130(03)-94}$ Без объявл.

ISBN 5-7195-0014-6 (Т. 3)
ISBN 5-7195-0012-X

ПОЭМЫ

ЧАРОДЕЙ

Поэма

Анастасии Цветаевой

Он был наш ангел, был наш демон,
Наш гувернер — наш чародей,
Наш принц и рыцарь. — Был нам всем он
Среди людей!

В нем было столько изобилий,
Что и не знаю, как начну!
Мы пламенно его любили —
Одну весну.

Один его звонок по зале —
И нас охватывал озноб,
И до безумия пылали
Глаза и лоб.

И как бы шевелились корни
Волос, — о, эта дрожь и жуть!
И зала делалась просторней,
И у́же — грудь.

И руки сразу леденели,
И мы не чувствовали ног.
— Семь раз в течение недели
Такой звонок!

═══

Он здесь. Наш первый и последний!
И нам принадлежащий весь!
Уже выходит из передней!
Он здесь, он здесь!

Он вылетает к нам, как птица,
И сам влетает в нашу сеть!
И сразу хочется кружиться.
Кричать и петь.

═══

Прыжками через три ступени
Взбегаем лесенкой крутой
В наш мезонин – всегда весенний
И золотой.

Где невозможный беспорядок –
Где точно разразился гром
Над этим ворохом тетрадок
Еще с пером.

Над этим полчищем шарманок,
Картонных кукол и зверей,
Полуобгрызанных баранок,
Календарей,

Неописуемых коробок,
С вещами не на всякий вкус,
Пустых флакончиков без пробок,
Стеклянных бус,

Чьи ослепительные грозди
Clinquantes, éclatantes grappes[1] –
Звеня опутывают гвозди
Для наших шляп.

Садимся – смотрим – знаем – любим,
И чуем, не спуская глаз,
Что за него себя погубим,
А он – за нас.

Два скакуна в огне и в мыле –
Вот мы! – Лови, когда не лень! –
Мы говорим о том, как жили
Вчерашний день.

О том, как бегали по зале
Сегодня ночью при луне,
И что и как ему сказали
Потом во сне.

И как – и мы уже в экстазе! –
За наш непокоримый дух
Начальство наших двух гимназий
Нас гонит двух.

Как никогда не выйдем замуж,
– Так и останемся втроем! –
О, никогда не выйдем замуж,
Скорей умрем!

[1] Звенящие, лопающиеся гроздья *(фр.)*.

Как жизнь уже давным-давно нам —
Сукно игорное: — vivat![1]
За Иоанном — в рай, за доном
Жуаном — в ад.

Жерло заговорившей Этны —
Его заговоривший рот.
Ответный вихрь и смерч, ответный
Водоворот.

Здесь и проклятья, и осанна,
Здесь всё сжигает и горит.
О всем, что в мире несказанно,
Он говорит.

Нас — нам казалось — насмерть раня
Кинжалами зеленых глаз,
Змеей взвиваясь на диване!..
О, сколько раз

С шипеньем раздраженной кобры,
Он клял вселенную и нас, —
И снова становился добрый...
Почти на час.

Чревовещание — девизы —
Витийства — о, король плутов! —
Но нам уже доносят снизу,
Что чай готов.

Среди пятипудовых теток
Он с виду весит ровно пуд:
Так легок, резок, строен, четок,
Так страшно худ.

Да нет, — он ничего не весит!
Он ангельски — бесплотно — юн!
Его лицо, как юный месяц,
Меж полных лун.

Упершись в руку подбородком,
— О том, как вечера тихи,
Читает он. — Как можно теткам
Читать стихи?!

[1] Да здравствует! *(лат.)*

О, как он мил, и как сначала
Преувеличенно-учтив!
Как, улыбаясь, прячет жало
И как, скрестив

Свои магические руки,
Умеет — берегись, сосед! —
Любезно отдаваться скуке
Пустых бесед.

Но вдруг — безудержно и сразу! —
Он вспыхивает мятежом,
За безобиднейшую фразу
Грозя ножом.

Еще за полсекунды чинный,
Уж с пеной ý рта взвел курок.
— Прощай, уют, и именинный,
Прощай, пирог!

Чай кончен. Удлинились тени,
И домурлыкал самовар.
Скорей на свежий, на весенний
Тверской бульвар!

Нам так довольно о Бодлере!
Пусть ветер веет нам в лицо!
Поют по-гоголевски двери,
Скрипит крыльцо. —

В больших широкополых шляпах
Мы, кажется, еще милей...
— И этот запах, этот запах
От тополей.

Бульвар сверкает. По дорожке
Косые длинные лучи.
Бегут серсо, за ними ножки,
Летят мячи,

Другие остаются в сетках.
Вот мальчик в шапочке «Варяг»
На платьице в шотландских клетках
Направил шаг.

Сияют кудри, щечки, глазки,
Ревун надулся и охрип.
Скрипят колесами коляски,
— Протяжный скрип. —

Там мама наблюдает зорко
За девочкой с косой, как медь.
В одной руке ее – ведерко,
В другой – медведь.

Какой-то мальчик просит кашки.
Ох, как он, бедный, не дорос
До гимназической фуражки
И папирос!

О вейтесь, кудри, вейтесь, ленты!
Увы, обратно нет путей!
Проходят парами студенты
Среди детей.

Играет солнце по аллеям...
– Как жизнь прелестна и проста! –
Нам ровно тридцать лет обеим:
Его лета.

═══

О, как вас перескажешь ныне –
Четырнадцать – шестнадцать лет!
Идем, наш рыцарь посредине,
Наш свой – поэт.

Мы по бокам, как два привеска,
И видит каждая из нас:
Излом щеки, сухой и резкий,
Зеленый глаз,

Крутое острие бородки,
Как злое острие клинка,
Точеный нос и очерк четкий
Воротничка.

(Кто с нашим рыцарем бродячим
Теперь бредет в луче златом?..)
Над раскаленным, вурдалачьим,
Тяжелым ртом, –

Уса, взлетевшего высоко,
Надменное полукольцо...
– И всё заглядываем сбоку
Ему в лицо.

А там, в полях необозримых,
Служа Небесному Царю,
Чугунный правнук Ибрагимов
Зажег зарю.

═══

На всём закат пылает алый,
Пылают где-то купола,
Пылают окна нашей залы
И зеркала.

Из черной глубины рояля
Пылают гроздья алых роз.
— «Я рыцарь Розы и Грааля,
Со мной Христос,

Но шел за мной по всем дорогам
Тот, кто присутствует и здесь.
Я между Дьяволом и Богом
Разорван весь.

Две правды — два пути — две силы —
Две бездны: Данте и Бодлер!»
О, как он по-французски, милый,
Картавил «эр».

Но, милый, Данте ты оставишь,
И с ним Бодлера, дорогой!
Тихонько нажимаем клавиш,
За ним другой —

И звуки — роем пчел из улья —
Жужжат и вьются — кто был прав?! —
Наш Рыцарь Розы через стулья
Летит стремглав.

Он, чуть ли не вселенной старше —
Мальчишка с головы до пят!
По первому аккорду марша
Он весь — солдат!

Чу! — Звон трубы! — Чу! — Конский топот!
Треск барабана! — Кивера!
Ах, к черту ум и к черту опыт!
Ура! Ура!

Он Тот, в чьих белых пальцах сжаты
Сердца и судьбы, сжат весь мир.
На нем зеленый и помятый
Простой мундир.

Он Тот, кто у кремлевских башен
Стоял во весь свой малый рост,
В чьи вольные цвета окрашен
Аркольский мост.

Должно быть, бледны наши лица,
Стук сердца разрывает грудь.
Нет времени остановиться,
Нет сил — вздохнуть.

Магическою силой руки
По клавишам — уже летят!
Гремят вскипающие звуки,
Как водопад.

Цирк, раскаленный, как Сахара,
Сонм рыжекудрых королев.
Две гордости земного шара:
Дитя и лев.

Под куполом — как царь в чертоге —
Красуется британский флаг.
Расставив клетчатые ноги,
Упал дурак...

В плаще из разноцветных блесток,
Под говор напряженных струн,
На площадь вылетел подросток,
Как утро — юн!

— Привет, милэди и милорды! —
Уже канат дрожит тугой
Под этой маленькой и твердой
Его ногой.

В своей чешуйке многозвездной,
— Закончив резвый пируэт, —
Он улыбается над бездной,
Подняв берет.

Рояль умолкнул. Дребезжащий
Откуда-то — на смену — звук.
Играет музыкальный ящик,
Старинный друг,

Весь век до хрипоты, до стона,
Игравший трио этих пьес:
Марш кукол — Auf der Blauen Donau[1] —
И экосез.

В мир голосов и гобеленов
Открылась тайная тропа:
О, рай златоволосых венок!
О, вальс в три па!

[1] На голубом Дунае *(нем.)*.

Под вальс невинный, вальс старинный
Танцуют наши три весны, —
Холодным зеркалом гостиной —
Отражены.

Так, залу окружив трикраты,
— Тройной тоскующий тростник, —
Вплываем в царство белых статуй
И старых книг.

На вышке шкафа, сер и пылен,
Видавший лучшие лета,
Угрюмо восседает филин
С лицом кота.

С набитым филином в соседстве
Спит Зевс, тот непонятный дед,
Которым нас пугали в детстве,
Что — людоед.

Как переполненные соты —
Ряд книжных полок. Тронул блик
Пергаментные переплеты
Старинных книг.

Цвет Греции и слава Рима, —
Неисчислимые тома!
Здесь — сколько б солнца ни внесли мы, —
Всегда зима.

Последним солнцем розовея,
Распахнутый лежит Платон...
Бюст Аполлона — план Музея —
И всё — как сон.

Уже везде по дому ставни
Захлопываются, стуча.
В гостиной — где пожар недавний? —
Уж ни луча.

Все меньше и все меньше света,
Все ближе и все ближе стук...
Уж половина кабинета
Ослепла вдруг.

Еще единым мутным глазом
Белеет левое окно.
Но ставни стукнули — и разом
Совсем темно.

Самозабвение — нирвана —
Что, фениксы, попались в сеть?! —
На дальних валиках дивана
Не усидеть!

Уже в углу вздохнуло что-то,
И что-то дрогнуло чуть-чуть.
Тихонько скрипнули ворота:
Кому-то в путь.

Иль кто-то держит путь обратный
— Уж наши руки стали льдом —
В завороженный, невозвратный
Наш старый дом.

Мать под землей, отец в Каире...
Еще какое-то пятно!
Уже ничто смешное в мире
Нам не смешно.

Уже мы поняли без слова,
Что белое у шкафа — гроб.
И сердце, растеряв подковы,
Летит в галоп.

— «Есть в мире ночь. Она беззвéздна.
Есть в мире дух, он весь — обман.
Есть мир. Ему названье — бездна
И океан.

Кто в этом океане плавал —
Тому обратно нет путей!
Я в нем погиб. — Обратно, Дьявол!
Не тронь детей!

А вы, безудержные дети,
С умом, пронзительным, как лед, —
С безумьем всех тысячелетий,
Вы, в ком поет,

И жалуется, и томится —
Вся несказанная земля!
Вы, розы, вы, ручьи, вы, птицы,
Вы, тополя —

Вы, мертвых Лазарей из гроба
Толкающие в зелень лип.
Вы, без кого давным-давно бы
Уже погиб.

Наш мир — до призрачности зыбкий
На трех своих гнилых китах —
О, золотые рыбки! — Скрипки
В моих руках! —

В короткой юбочке нелепой
Несущие богам — миры,
Ко мне прижавшиеся слепо,
Как две сестры,

Вы, чей отец сейчас в Каире,
Чьей матери остыл и след —
Узнайте, вам обеим в мире
Спасенья нет!

Хотите, — я сорву повязку?
Я вам открою новый путь?»
«Нет, — лучше расскажите сказку
Про что-нибудь...»

О Эллис! — Прелесть, юность, свежесть,
Невинный и волшебный вздор!
Плач ангела! — Зубовный скрежет!
Святой танцор,

Без думы о насущном хлебе
Живущий — чем и как — Бог весть!
Не знаю, есть ли Бог на небе! —
Но, если есть —

Уже сейчас, на этом свете,
Все до единого грехи
Тебе отпущены за эти
Мои стихи.

О Эллис! — Рыцарь без измены!
Сын голубейшей из отчизн!
С тобою раздвигались стены
В иную жизнь...

— Где б ни сомкнулись наши веки
В безлюдии каких пустынь —
Ты — наш и мы — твои. Во веки
Веков. Аминь.

15 февраля — 4 мая 1914

НА КРАСНОМ КОНЕ

Поэма

Анне Ахматовой

И настежь, и настежь
Руки — две.
И навзничь! — Топчи, конный!
Чтоб дух мой, из ребер взыграв — к Тебе,
Не смертной женой — Рожденной!

Не Муза, не Муза
Над бедною люлькой
Мне пела, за ручку водила.
Не Муза холодные руки мне грела,
Горячие веки студила.
Вихор ото лба отводила — не Муза,
В большие поля уводила — не Муза.

Не Муза, не черные косы, не бусы,
Не басни, — всего два крыла светлорусых
— Коротких — над бровью крылатой.
Стан в латах.
Султан.

К устам не клонился,
На сон не крестил.
О сломанной кукле
Со мной не грустил.
Всех птиц моих — на свободу
Пускал — и потом — не жалея шпор,
На красном коне — промеж синих гор
Гремящего ледохода!

Пожарные! — Широкий крик!
Как зарево широкий — крик!
Пожарные! — Душа горит!
Не наш ли дом горит?!

Сполóшный колокол гремит,
Качай-раскачивай язык,
Сполóшный колокол! — Велик
Пожар! — Душа горит!

Пляша от страшной красоты,
На красных факелов жгуты.
Рукоплещу — кричу — свищу —
Рычу — искры мечу.

Кто вынес? — Кто сквозь гром и чад
Орлом восхúтил? — Не очнусь!
Рубашка — длинная — до пят
На мне — и нитка бус.

Вой пламени, стекольный лязг...
У каждого — заместо глаз —
Два зарева! — Полет перин!
Горим! Горим! Горим!

Трещи, тысячелетний ларь!
Пылай, накопленная кладь!
Мой дом — над всеми государь,
Мне нечего желать.

— Пожарные! — Крепчай, Петух!
Грянь в раззолоченные лбы!
Чтобы пожар не тух, не тух!
Чтоб рухнули столбы!

Чтó это — вдруг — рухнуло — вдруг?
Это не столб — рухнул!
Бешеный всплеск маленьких рук
В небо — и крик: — Кукла!

Кто это — вслед — скоком гоня
Взор мне метнул — властный?
Кто это — вслед — скоком с коня
Красного — в дом — красный?!

Крик — и перекричавший всех
Крик. — Громовой удар.
Вздымая куклу, как доспех,
Встает, как сам Пожар.

Как Царь меж огненных зыбей
Встает, сдвигает бровь.
— Я спас ее тебе, — разбей!
Освободи Любовь!

Чтó это вдруг — рухнуло? — Нет,
Это не мир — рухнул!
То две руки — конному — вслед
Девочка — без куклы.

Злая луна — в прорезь окон.
Первый мне снится сон.

Стоим, обнявшись туго,
Над шумом, где поток.
Вплоть до ноги упругой
Взлетает пенный клок.

Глядим, обнявшись немо,
На пенные столбы.
Я — все его гаремы,
Он — все мои гербы.

Стоим, сплечившись круто:
Бок в бок, ладонь в ладонь.
Вплоть до ноги разутой
Взмывает пенный конь...

— Клянись, что тотчас — с мосту,
Коль я туда — цветок,
Платок... — Глядит — и — просто
Вниз головой — в поток!

Мост ли дрожит, я ли — дрожу?
Кровь или вал — стонет?
Окаменев — тупо — гляжу,
Как моя жизнь — тонет.

Кто это вдруг — взмахом плаща
В воздух меня — вскинул?
Кто это вдруг — красным всплеща
Полымем — в огнь синий?!

Всплеск — и победоносный зов
Из бездны. — Плавный вскок.
Подъемля тело как улов,
Встает как сам Поток.

Как Царь меж вздыбленных зыбей
Встает, сдвигает бровь.
— Я спас его тебе, — убей!
Освободи Любовь!

Что́ это вдруг — ринулось — нет! —
Это не смерч-вьюга!
То две руки — конному — вслед
Девушка — без — друга!

Мутная мгла — в прорезь окон.
Новый мне снится сон.

Ночь гонится — а путь таков:
Кровь в жилах сжата.
Сын! Детище моих боков, —
Веди, вожатый!

Мужайся, отрок! — Дух Горы
Один — нас двое.
Здесь только зори да орлы,
Да мы с тобою.

Вихрь! — Боги бы вернулись вспять,
Орлам он страшен...
Ввысь, первенец! — За пядью пядь —
Высь *будет* нашей!

На то и сына родила,
Прах дольний гло́жа —
Чтоб из-под орльего крыла
Мне взял — гром Божий!

Черная высь. — Голый отвес.
Маленьких рук — стержни.
Кто это там — точно Зевес
В люльке — орла держит?

Смех — и в ответ — яростный плеск
Крыл — и когтей свёрла.
Кто это вслед — наперерез —
Молнией — в гром орлий?!

Хрип — и громоподобный ре́в
Грудь горную рассек.
Как Первенца его воздев,
Встает как сам Набег.

Как Царь меж облачных зыбей
Стоит, сдвигает бровь.
— Я спас его тебе, — убей!
Освободи Любовь!

Чтó это вдруг — хрустнуло — нет! —
Это не сушь-древо.
То две руки — конному — вслед
Женщина — без чрева!

Злая заря — в прорезь окон.
Третий мне снится сон.

Февраль. Кривые дороги.
В полях — метель.
Метет большие дороги
Ветрóв артель.

То вскачь по хребтам наклонным,
То — снова круть.
За красным, за красным конным
Всё тот же путь.

То — вот он! рукой достанешь!
Как дразнит: Тронь!
Безумные руки тянешь,
И снегом — конь.

Султан ли — в глазах — косматый,
Аль так — ветла?
Эй, рук не складайте, сваты!
Мети, ветра!

Мети, громозди пороги —
Превыше скал,
Чтоб конь его крутоногий
Как вкопан — стал.

И внемлют ветра — и стоном
В ответ на стон.
Торопится красным гоном
Мой конный сон.

Косматых воскрылий взлеты,
Аль так — ветла?
Вздымайте, вздымайте метлы!
Держись, ветра!

А что ж это там за глыба
Всплывает — там?
Как будто бы вьюгой вздыблен
Стоглавый храм.

Конец и венец погоне!
Уж в лоб, треща,
Мне пламень подков, в ладони —
Уж край плаща!

На помощь, с мечом и громом,
Всех Воинств Царь!
Но прядает конь — и громом
Взгремел в алтарь!

Стремлю — а за мною сворой
Вся рать ветров.
Еще не остыл — по хорам —
Разлет подков.

Как рокот Сорокоуста
Метель взмелась:
Престол опрокинут! — Пусто!
Как в землю сгас!

Стоните, стоните, стены!
Метель, ярись!
Померкло от конской пены
Сиянье риз.

Шатается купол. — Рухай,
Сонм сил и слав!
И рухает тело — руки
Крестом распяв.

Огромною битвой радуг —
Разлет лампад.
— Прими меня, чист и сладок,
За ны — распят.

Ревнивая длань, — твой праздник!
Прими огонь!
Но что — с высоты — за всадник,
И что за конь?

Доспехи на нем — как солнце...
— Полет крутой —
И прямо на грудь мне — конской
Встает пятой.

Огненный плащ — в прорезь окон.
Огненный — вскачь — конь.

И не метель
Метет, — метла.
И не султана взмах, —
Ветла,
Седые космы разметав,

Качает стан, — не орлий клюв
Заоблачный, — то нос уткнув
В густое облако котла —
С тряпкой в руках —
Бабка.

И тот же стаканом прикрытый штоф.
Отставит — опять пригубит.
— Какой ж это сон мой? — А сон таков:
Твой Ангел тебя не любит.

Гром первый по черепу — или лом
По черепу?! — Люди! Люди!
В сухую подушку вгрызаясь лбом
Впервые сказать: Не любит!

Не любит! — Не надо мне женских кос!
Не любит! — Не надо мне красных бус!
Не любит! — Так я на коня вздымусь!
Не любит! — Вздымусь — до неба!

О дух моих дедов, взыграй с цепи!
Шатай вековые сосны!
О дух моих дедов — Эол! — трепи
Мои золотые космы!

На белом коне впереди полков
Вперед — под серебряный гром подков!
Посмотрим, посмотрим в бою каков
Гордец на коне на красном!

Разломано небо! — Благой знак:
Заря кровянит шлем мой!
Солдаты! До неба — один шаг:
Законом зерна́ — в землю!

Вперед — через ров! — Сорвались? — Ряд
Другой — через ров! — Сорвались? — Вновь
Другой — через ров! — На снегу лат
Не знаю: заря? кровь?

Солдаты! Какого врага — бьем?
В груди холодок — жгуч.
И входит, и входит стальным копьем
Под левую грудь — луч.

И шепот: Такой я тебя желал!
И рокот: Такой я тебя избрал,
Дитя моей страсти — сестра — брат —
Невеста во льду — лат!

Моя и ничья — до конца лет.
Я, руки воздев: Свет!
— Пребудешь? Не будешь ничья, — нет?
Я, рану зажав: Нет.

Не Муза, не Муза, — не бренные узы
Родства, — не твои путы,
О Дружба! — Не женской рукой, — лютой,
Затянут на мне —
Узел.

Сей страшен союз. — В черноте рва
Лежу — а Восход светел.
О кто невесомых моих два
Крыла за плечом —
Взвесил?

Немой соглядатай
Живых бурь —
Лежу — и слежу
Тени.

Доколе меня
Не умчит в лазурь
На красном коне —
Мой Гений!

13—17 января 1921

ПОЭМА ГОРЫ

Liebster, Dich wundert
die Rede? Alle Scheidenden
reden wie Trunkene und
nehmen gerne sich festlich...
Hölderlin[1]

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вздрогнешь — и горы с плеч,
И душа — горé.
Дай мне о гóре спеть:
О моей горé!

Черной ни днесь, ни впредь
Не заткну дыры.
Дай мне о гóре спеть
На верху горы.

1

Та гора была, как грудь
Рекрута, снарядом сваленного.
Та гора хотела губ
Девственных, обряда свадебного

Требовала та гора.
— Океан в ушную раковину
Вдруг-ворвавшимся ура!
Та гора гнала и ратовала.

Та гора была, как гром!
Зря с титанами заигрываем!
Той горы последний дом
Помнишь — на исходе пригорода?

[1] О любимый! Тебя удивляет эта речь? Все расстающиеся говорят как пьяные и любят торжественность... Гёльдерлин *(пер. М. Цветаевой)*.

Та гора была – миры!
Бог за мир взымает дорого!
Горе началось с горы.
Та гора была над городом.

2

Не Парнас, не Синай –
Просто голый казарменный
Холм. – Равняйся! Стреляй!
Отчего же глазам моим
(Раз октябрь, а не май)
Та гора была – рай?

3

Как на ладони поданный
Рай – не берись, коль жгуч!
Гора бросалась по́д ноги
Колдобинами круч.

Как бы титана лапами
Кустарников и хвой –
Гора хватала за́ полы,
Приказывала: стой!

О, далеко не азбучный
Рай – сквознякам сквозняк!
Гора валила навзничь нас,
Притягивала: ляг!

Оторопев под натиском,
– Как? Не понять и днесь!
Гора, как сводня – святости,
Указывала: здесь...

4

Персефоны зерно гранатовое!
Как забыть тебя в стужах зим?
Помню губы, двойною раковиной
Приоткрывшиеся моим.

Персефона, зерном загубленная!
Губ упорствующий багрец,
И ресницы твои – зазубринами,
И звезды золотой зубец...

5

Не обман — страсть, и не вымысел,
И не лжет, — только не дли!
О когда бы в сей мир явились мы
Простолюдинами любви!

О когда б, здраво и пóпросту:
Просто — холм, просто — бугор...
(Говóрят — тягою к пропасти
Измеряют уровень гор.)

В ворохах вереска бурого,
В островах страждущих хвой...
(Высота бреда — над уровнем
Жизни.)
— Нá же меня! Твой...

Но семьи тихие милости,
Но птенцов лепет — увы!
Оттого что в сей мир явились мы —
Небожителями любви!

6

Гора горевала (а горы глиной
Горькой горюют в часы разлук),
Гора горевала о голубиной
Нежности наших безвестных утр.

Гора горевала о нашей дружбе:
Губ — непреложнейшее родство!
Гора говорила, что коемужды
Сбудется — по *слезам* его.

Еще говорила гора, что табор —
Жизнь, что весь век по сердцам базарь!
Еще горевала гора: хотя бы
С дитятком — отпустил Агарь!

Еще говорила, что это — демон
Крутит, что замысла нет в игре.
Гора говорила, мы были немы.
Предоставляли судить горе.

7

Гора горевала, что только грустью
Станет — что́ ныне и кровь и зной.
Гора говорила, что не отпустит
Нас, не допустит тебя с другой!

Гора горевала, что только дымом
Станет — что́ ныне: и мир, и Рим.
Гора говорила, что быть с другими
Нам (не завидую тем другим!).

Гора горевала о страшном грузе
Клятвы, которую поздно клясть.
Гора говорила, что стар тот узел
Гордиев — долг и страсть.

Гора горевала о нашем горе —
Завтра! Не сразу! Когда над лбом —
Уж не memento[1], а просто — *море!*
Завтра, когда поймем.

Звук... Ну как будто бы кто-то просто,
Ну... плачет вблизи?
Гора горевала о том, что врозь нам
Вниз, по такой грязи —

В жизнь, про которую знаем все́ мы:
Сброд — рынок — барак.
Еще говорила, что все поэмы
Гор — пишутся — *так*.

8

Та гора была, как горб
Атласа, титана стонущего.
Той горою будет горд
Город, где с утра и до́ ночи мы

Жизнь свою — как карту бьем!
Страстные, *не быть* упорствуем.
Наравне с медвежьим рвом
И двенадцатью апостолами —

Чтите мой угрюмый грот.
(Грот — была, и волны впрыгивали!)
Той игры последний ход
Помнишь — на исходе пригорода?

[1] Memento mori *(лат.)* — помни о смерти.

Та гора была — миры!
Боги мстят своим подобиям!

. . . .

Горе началось с горы.
Та гора на мне — надгробием.

9

Минут годы, и вот означенный
Камень, плоским смененный, снят[1].
Нашу гору застроят дачами, —
Палисадниками стеснят.

Говорят, на таких окраинах
Воздух чище и легче жить.
И пойдут лоскуты выкраивать,
Перекладинами рябить,

Перевалы мои выструнивать,
Все овраги мои вверх дном!
Ибо надо ведь — хоть кому-нибудь
Дома — в счастье, и *счастья* в дом!

Счастья — в *доме!* Любви без вымыслов!
Без вытягивания жил!
Надо женщиной быть — и вынести!
(Было-было, когда ходил,

Счастье — в доме!) Любви, не скрашенной
Ни разлукою, ни ножом.
На развалинах счастья нашего
Город встанет — мужей и жен.

И на том же блаженном воздухе,
— Пока можешь еще — греши! —
Будут лавочники на отдыхе
Пережевывать барыши,

Этажи и ходы надумывать,
Чтобы каждая нитка — в дом!
Ибо надо ведь — хоть кому-нибудь
Крыши с аистовым гнездом!

10

Но под тяжестью тех фундаментов
Не забудет гора — игры.
Есть беспутные, нет беспамятных:
Горы времени — у горы!

[1] Т.е. вместо этого камня (горы на мне) будет плоский (плита) *(примеч. М. Цветаевой)*.

По упорствующим расселинам
Дачник, поздно хватясь, поймет:
Не пригорок, поросший семьями, —
Кратер, пущенный в оборот!

Виноградниками Везувия
Не сковать! Великана льном
Не связать! Одного безумия
Уст — достаточно, чтобы львом

Виноградники заворочались,
Лаву ненависти струя.
Будут девками ваши дочери
И поэтами — сыновья!

Дочь, ребенка расти внебрачного!
Сын, цыганкам себя страви!
Да не будет вам места злачного,
Телеса, на моей крови!

Твéрже камня краеугольного,
Клятвой смертника на одре:
— Да не будет вам счастья дольнего,
Муравьи, на моей горе!

В час неведомый, в срок негаданный
Опознáете всей семьей
Непомерную и громадную
Гору заповеди седьмой!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Есть пробелы в памяти, бельма
На глазах: семь покрывал...
Я не помню тебя — отдельно.
Вместо чéрт — белый провал.

Без примет. Белым пробелом —
Весь. (Душа, в ранах сплошных,
Рана — сплошь.) Частности мелом
Отмечать — дело портных.

Небосвод — цельным основан.
Океан — скопище брызг?!
Без примет. Верно — особый —
Весь. Любовь — связь, а не сыск.

Вороной, русой ли масти –
Пусть сосед скажет: он зряч.
Разве страсть – делит на части?
Часовщик я, или врач?

Ты – как круг, полный и цельный:
Цельный вихрь, *полный* столбняк.
Я не помнюю тебя отдельно
От любви. Равенства знак.

(В ворохах сонного пуха:
Водопад, пены холмы –
Новизной, странной для слуха,
Вместо: *я* – тронное: *мы*...)

Но зато, в нищей и тесной
Жизни – «жизнь, как она есть» –
Я не вижу тебя совместно
Ни с одной:
                    – Памяти месть.

1 января – 1 февраля 1924
Прага. Гора.
Декабрь 1939. Голицыно, Дом писателей

ПОЭМА КОНЦА

1

В небе, ржавее жести,
Перст столба.
Встал на означенном месте,
Как судьба.

— Бéз четверти. Исправен?
— Смерть не ждет.
Преувеличенно-плавен
Шляпы взлет.

В каждой реснице — вызов.
Рот сведен.
Преувеличенно-низок
Был поклон.

— Бéз четверти. Точен? —
Голос лгал.
Сердце упало: что с ним?
Мозг: сигнал!

Небо дурных предвестий:
Ржавь и жесть.
Ждал на обычном месте.
Время: шесть.

Сей поцелуй без звука:
Губ столбняк.
Так — государыням руку,
Мертвым — так...

Мчащийся простолюдин
Локтем — в бок.
Преувеличенно-нуден
Взвыл гудок.

Взвыл, — как собака, взвизгнул,
Длился, злясь.
(Преувеличенность жизни
В смертный час.)

То, что вчера — по пояс,
Вдруг — до звезд.
(Преувеличенно, то есть:
Во весь рост.)

Мысленно: милый, милый.
— Час? Седьмой.
В кинематограф, или?.. —
Взрыв — Домой!

2

Братство таборное, —
Вот куда вело!
Громом на́ голову,
Саблей наголо́,

Всеми ужасами
Слов, которых ждем,
Домом рушащимся —
Слово: дом.

═══════

Заблудшего баловня
Вопль: домой!
Дитя годовалое:
«Дай» и «мой»!

Мой брат по беспутству,
Мой зноб и зной,
Так и́з дому рвутся,
Как ты — домой!

═══════

Конем, рвaнувшим коновязь —
Ввысь! — и веревка в прах.
— Но никакого дома ведь!
— Есть, — в десяти шагах:

Дом на горе. — Не выше ли?
— Дом на верху горы.
Окно под самой крышею.
— *«Не от одной зари*

Горящее?» Так сызнова
Жизнь? — Простота поэм!
Дом, это значит: и́з дому
В ночь.
(О, кому повем

Печаль мою, беду мою,
Жуть, зеленее льда?..)
— Вы слишком много думали. —
Задумчивое: — Да.

3

И — набережная. Воды́
Держусь, как толщи плотной.
Семирамидины сады
Висячие — так вот вы!

Воды (стальная полоса
Мертвецкого оттенка)
Держусь, как нотного листка —
Певица, края стенки —

Слепец... Обратно не отдашь?
Нет? Наклонюсь — услышишь?
Всеутолительницы жажд
Держусь, как края крыши

Лунатик...
Но не от реки
Дрожь, — рождена наядой!
Реки держаться, как руки,
Когда любимый рядом —

И верен...
Мертвые верны.
Да, но не всем в каморке...
Смерть с левой, с правой стороны —
Ты. Правый бок как мертвый.

Разительного света сноп.
Смех, как грошовый бубен.
— Нам с вами нужно бы...
(Озноб)
— Мы мужественны будем?

4

Тумана белокурого
Волна — воланом газовым.
Надышано, накурено,
А главное — насказано!

Чем пахнет? Спешкой крайнею,
Потачкой и грешком:
Коммерческими тайнами
И бальным порошком.

Холостяки семейные
В перстнях, юнцы маститые...
Нашучено, насмеяно,
А главное — насчитано!
И крупными, и мелкими,
И рыльцем, и пушком.
...Коммерческими сделками
И бальным порошком.

(Вполоборота: *это* вот —
Наш дом? — Не я хозяйкою!)
Один — над книжкой чековой,
Другой — над ручкой лайковой,
А тот — над ножкой лаковой
Работает тишком.
...Коммерческими браками
И бальным порошком.

Серебряной зазубриной
В окне — звезда мальтийская!
Наласкано, налюблено,
А главное — натискано!
Нащипано... (Вчерашняя
Снедь — не взыщи: с душком!)
...Коммерческими шашнями
И бальным порошком.

Цепь чересчур короткая?
Зато не сталь, а платина!
Тройными подбородками
Тряся, тельцы — телятину
Жуют. Над шейкой сахарной
Черт — газовым рожком.
...Коммерческими крахами
И неким порошком —
Бертольда Шварца...
Даровит
Был — и заступник людям.
— Нам с вами нужно говорить.
Мы мужественны будем?

5

Движение губ ловлю.
И знаю — не скажет первым.
— Не любите? — Нет, люблю.
— Не любите! — Но истерзан,

Но выпит, но изведен.
(Орлом озирая местность):
— Помилуйте, *это*—дом?
— Дом—в сердце моем.—Словесность!

Любовь—это плоть и кровь.
Цвет, собственной кровью полит.
Вы думаете, любовь—
Беседовать через столик?

Часочек—и по домам?
Как те господа и дамы?
Любовь, это значит...
— Храм?
Дитя, замените шрамом

На шраме!—Под взглядом слуг
И бражников? (Я, без звука:
«Любовь—это значит лук
Натянутый—лук: разлука».)

— Любовь, это значит—связь.
Всё врозь у нас: рты и жизни.
(Просила ж тебя: не сглазь!
В тот час, в сокровенный, ближний,

Тот час на верху горы
И страсти. Memento[1]—паром:
Любовь—это все дары
В костер,—и всегда—задаром!)

Рта раковинная щель
Бледна. Не усмешка—опись.
— И прежде всего одна
Постель.
— Вы хотели: пропасть

Сказать?—Барабанный бой
Перстов.—Не горами двигать!
Любовь, это значит...
— Мой.
Я вас понимаю. Вывод?

═══

Перстов барабанный бой
Растет. (Эшафот и площадь.)
— Уедем.—А я: умрем,
Надеялась. Это проще!

---

[1] Здесь: память *(лат.)*.

Достаточно дешевизн:
Рифм, рельс, номеров, вокзалов...
— Любовь, это значит: жизнь.
— Нет, и́наче называлось

У древних...
                    — Итак? —
                                        Лоскут
Платка в кулаке, как рыба.
— Так едемте? — Ваш маршрут?
Яд, рельсы, свинец — на выбор!

Смерть — и никаких устройств!
— Жизнь! — Как полководец римский,
Орлом озирая войск
Остаток.
                — Тогда простимся.

6

— Я этого не хотел.
Не этого. (Молча: слушай!
Хотеть — это дело тел,
А мы друг для друга — души

Отныне...) — И не сказал.
(Да, в час, когда поезд подан,
Вы женщинам, как бокал,
Печальную честь ухода

Вручаете...) — Может, бред?
Ослышался? (Лжец учтивый,
Любовнице как букет.
Кровавую честь разрыва

Вручающий...) — Внятно: слог
За слогом, итак — простимся,
Сказали вы? (Как платок,
В час сладостного бесчинства.

Уроненный...) — Битвы сей
Вы — Цезарь. (О, выпад наглый!
Противнику — как трофей,
Им отданную же шпагу

Вручать!) — Продолжает. (Звон
В ушах...) — Преклоняюсь дважды:
Впервые опережен
В разрыве. — Вы это каждой?

Не опровергайте! Месть,
Достойная Ловеласа.
Жест, делающий вам честь,
А мне разводящий мясо

От кости. — Смешок. Сквозь смех —
Смерть. Жест. (Никаких хотений.
Хотеть, это дело — *тех*,
А мы друг для друга — тени

Отныне...) Последний гвоздь
Вбит. Винт, ибо гроб свинцовый.
— Последнейшая из просьб.
— Прошу. — Никогда ни слова

О нас... Никому из... ну...
Последующих. (С носилок
Так раненые — в весну!)
— О том же и вас просила б.

Колечко на память дать?
— Нет. — Взгляд, широкó-разверстый,
Отсутствует. (Как печать
На сердце твое, как перстень

На руку твою... Без сцен!
Съем.) Вкрадчивее и тише:
— Но книгу тебе? — Как всем?
Нет, вовсе их не пишите,

Книг...

Значит, не надо.
Значит, не надо.
Плакать не надо.

В наших бродячих
Братствах рыбачьих
Пляшут — не плачут.

Пьют, а не плачут.
Кровью горячей
Платят — не плачут.

Жемчуг в стакане
Плавят — и миром
Правят — не плачут.

— Так я ухожу? — Насквозь
Гляжу. Арлекин, за верность,
Пьеретте своей — как кость
Презреннейшее из первенств

Бросающий: честь конца,
Жест занавеса. Реченье
Последнее. Дюйм свинца
В грудь: лучше бы, горячей бы

И — чище бы...
Зубы
Втиснула в губы.
Плакать не буду.

Самую крепость —
В самую мякоть.
Только не плакать.

В братствах бродячих
Мрут, а не плачут,
Жгут, а не плачут.

В пепел и в песню
Мертвого прячут
В братствах бродячих.

— Так первая? Первый ход?
Как в шахматы, значит? Впрочем,
Ведь даже на эшафот
Нас первыми просят...
— Срочно

Прошу, не глядите! — Взгляд. —
(Вот-вот уже хлынут градом!
Ну как их загнать назад
В глаза?!) — Говорю, не надо

Глядеть!!!

Внятно и громко,
Взгляд в вышину:
— Милый, уйдемте,
Плакать начну!

Забыла! Среди копилок
Живых (коммерсантов — тож!)
Белокурый сверкнул затылок:
Маис, кукуруза, рожь!

Все заповеди Синая
Смывая—менады мех!—
Голконда волосяная,
Сокровищница утех—

(Для всех!) Не напрасно копит
Природа, не сплошь скупа!
Из сих белокурых тропик,
Охотники,—где тропа

Назад? Наготою грубой
Дразня и слепя до слез,
Сплошным золотым прелюбом
Смеющимся пролилось.

— Не правда ли?—Льнущий, мнущий
Взгляд. В каждой реснице—зуд.
— И главное—эта гуща!
Жест, скручивающий в жгут.

О, рвущий уже одежды—
Жест! Проще, чем пить и есть—
Усмешка! (Тебе надежда,
Увы, на спасенье есть!)

И—сестрински или братски?
Союзнически: союз!
— Не похоронив—смеяться!
(И похоронив—смеюсь.)

7

И—набережная. Последняя.
Всё. Порознь и без руки,
Чурающимися соседями
Бредем. Со стороны реки—

Плач. Падающую соленую
Ртуть слизываю без забот:
Луны огромной Соломоновой
Слезам не выслал небосвод.

Столб. Отчего бы лбом не стукнуться
В кровь? Вдребезги бы, а не в кровь!
Страшащимися сопреступниками
Бредем. (Убитое—Любовь.)

Брось! Разве это двое любящих?
В ночь? Порознь? С другими спать?
— Вы понимаете, что будущее—
Там?—Запрокидываюсь вспять.

— Спать! — Новобрачными по коврику...
— Спать! — Всё не попадаем в шаг,
В такт. Жалобно: — Возьмите под руку!
Не каторжники, чтобы так!..

Ток. (Точно мне *душою* — на руку
Лег! — На руку рукою.) Ток
Бьет, проводами лихорадочными
Рвет, — на душу рукою лег!

Льнет. Радужное всё! Что радужнее
Слез? Занавесом, чаще бус,
Дождь. — Я таких не знаю набережных
Кончающихся. — Мост, и:
— Ну-с?

Здесь? (Дроги поданы.)
Спо — койных глаз
Взлет. — Можно до дому?
В по — следний раз!

8

По — следний мост.
(Руки не отдам, не выну!)
Последний мост,
Последняя мостовина.

Во — да и твердь.
Выкладываю монеты.
День — га за смерть,
Харонова мзда за Лету.

Мо — неты тень
В руке теневой. Без звука
Мо — неты те.
Итак, в теневую руку —

Мо — неты тень.
Без отсвета и без звяка.
Мо — неты — тем.
С умерших довольно маков.

Мост.

Бла — гая часть
Любовников без надежды:
Мост, ты — как страсть:
Условность: сплошное между.

Гнезжусь: тепло,
Ребро—потому и льну так.
Ни *до,* ни *по:*
Прозрения промежуток!

Ни рук, ни ног.
Всей костью и всем упором:
Жив только бок,
О смежный теснюсь которым.

Вся жизнь—в боку!
Он—ухо и он же—эхо.
Желтком к белку
Леплюсь, самоедом к меху

Теснюсь, леплюсь,
Мощусь. Близнецы Сиама,
Что—ваш союз?
Та женщина—помнишь: мамой

Звал?—всё и вся
Забыв, в торжестве недвижном
Те—бя нося,
Тебя не держала ближе.

Пойми! Сжились!
Сбылись! На груди баюкал!
Не—брошусь вниз!
Нырять—отпускать бы руку

При—шлось. И жмусь,
И жмусь... И неотторжима.
Мост, ты не муж:
Любовник—сплошное мимо!

Мост, ты за нас!
Мы реку телами кормим!
Плю—щом впилась,
Клещом—вырывайте с корнем!

Как плющ! как клещ!
Безбожно! Бесчеловечно!
Бро—сать, как вещь,
Меня, ни единой вещи

Не чтившей в сём
Вещественном мире дутом!
Скажи, что сон!
Что ночь, а за ночью—утро,

Эк—спресс и Рим!
Гренада? Сама не знаю,
Смахнув перин
Монбланы и Гималаи.

Про—гал глубок:
Последнею кровью грею.
Про—слушай бок!
Ведь это куда вернее

Сти—хов... Прогрет
Ведь? Завтра к кому наймешься?
Ска—жи, что бред!
Что нет и не будет мосту

Кон—ца...
— Конец.

— Здесь?—Детский, божеский
Жест.—Ну-с?—Впилась.
— Е—ще немножечко:
В последний раз!

9

Корпусами фабричными, зычными
И отзывчивыми на зов...
Сокровенную, подъязычную
Тайну жен от мужей, и вдов

От друзей—тебе, подноготную
Тайну Евы от древа—вот:
Я не более чем животное,
Кем-то раненное в живот.

Жжет... Как будто бы душу сдернули
С кожей! Паром в дыру ушла
Пресловутая ересь вздорная,
Именуемая душа.

Христианская немочь бледная!
Пар! Припарками обложить!
Да ее никогда и не было!
Было тело, хотело жить,

Жить не хочет.

Прости меня! Не хотела!
Вопль вспоротого нутра!
Так смертники ждут расстрела
В четвертом часу утра

За шахматами... Усмешкой
Дразня коридорный глаз.
Ведь шахматные же пешки!
И кто-то играет в нас.

Кто? Боги благие? Воры?
Во весь окоем глазка —
Глаз. Красного коридора
Лязг. Вскинутая доска.

Махорочная затяжка.
Сплёв, пожили значит, сплёв.
...По сим тротуарам в шашку
Прямая дорога: в ров

И в кровь. Потайное око:
Луны слуховой глазок...
. . . .
И покосившись сбоку:
— Как ты уже далек!

10

Совместный и сплóченный
Вздрог. — Наша молочная!

Наш остров, наш храм,
Где мы по утрам —

Сброд! Пара минутная! —
Справляли заутреню.

Базаром и зáкисью,
Сквозь-сном и весной...
Здесь кофе был пакостный, —
Совсем овсяной!

(Овсом своенравие
Гасить в рысаках!)
Отнюдь не Аравией —
Аркадией пах

Тот кофе...

Но как улыбалась нам,
Рядком усадив,
Бывалой и жалостной, —
Любовниц седых

Улыбкою бережной:
Увянешь! Живи!
Безумью, безденежью,
Зевку и любви, —

А главное — юности!
Смешку — без причин,
Усмешке — без умысла,
Лицу — без морщин, —

О, главное — юности!
Страстям не по климату!
Откуда-то дунувшей,
Откуда-то хлынувшей

В молочную тусклую:
— Бурнус и Тунис! —
Надеждам и мускулам
Под ветхостью риз...

(Дружочек, не жалуюсь:
Рубец на рубце!)
О, как провожала нас
Хозяйка в чепце

Голландского глаженья...

Не довспомнивши, не допонявши,
Точно с праздника уведены...
— Наша улица! — Уже не наша... —
— Сколько раз по ней... — Уже не мы... —

— Завтра с западу встанет солнце!
— С Иегóвой порвет Давид!
— Что мы делаем? — Расстаемся.
— Ничего мне не говорит

Сверхбессмысленнейшее слово:
Рас — стаемся. — Одна из ста?
Просто слово в четыре слога,
За которыми пустота.

Стой! По-сербски и по-кроáтски,
Верно, Чехия в нас чудит?
Рас—ставание. Расставаться...
Сверхъестественнейшая дичь!

Звук, от коего уши рвутся,
Тянутся за предел тоски...
Расставание—не по-русски!
Не по-женски! Не по-мужски!

Не по-божески! Чтó мы—овцы,
Раззевавшиеся в обед?
Расставание—по-каковски?
Даже смысла такого нет,

Даже звука! Ну, просто полый
Шум—пилы, например, сквозь сон.
Расставание—просто школы
Хлебникова соловьиный стон,

Лебединый...
                Но как же вышло?
Точно высохший водоем—
Воздух! Руку о руку слышно.
Расставаться—ведь это гром

Нá голову... Океан в каюту!
Океании крайний мыс!
Эти улицы—слишком круты:
Расставаться—ведь это вниз,

Под гору... Двух подошв пудовых
Вздох... Ладонь, наконец, и гвоздь!
Опрокидывающий довод:
Расставаться—ведь это врозь,

Мы же—сросшиеся...

11

Разом проигрывать—
Чище нет!
Загород, пригород:
Дням конец.

Негам (читай—камням),
Дням, и домам, и нам.

Дачи пустующие! Как мать
Старую—так же чту их.

Это ведь действие — пустовать:
Полое не пустует.

(Дачи, пустующие на треть,
Лучше бы вам сгореть!)

Только не вздрагивать,
Рану вскрыв.
За́город, за́город,
Швам разрыв!

Ибо — без лишних слов
Пышных — любовь есть шов.

Шов, а не перевязь, шов — не щит.
— О, не проси защиты! —
Шов, коим мертвый к земле пришит,
Коим к тебе пришита.

(Время покажет еще, каким:
Легким или тройным!)

Так или и́наче, друг, — по швам!
Дребезги и осколки!
Только и славы, что треснул сам:
Треснул, а не расползся!

Что под наметкой — живая жиль
Красная, а не гниль!

О, не проигрывает —
Кто рвет!
Загород, пригород:
Лбам развод.

По слободам казнят
Нынче, — мозгам сквозняк!

О, не проигрывает, кто прочь —
В час, как заря займется.
Целую жизнь тебе сшила в ночь
На́бело, без наметки.

Так не кори же меня, что вкривь.
Пригород: швам разрыв.

Души неприбранные —
В рубцах!..
Загород, пригород...
Яр размах

Пригорода. Сапогом судьбы,
Слышишь – по глине жидкой?
...Скорую руку мою суди,
Друг, да живую нитку

Цепкую – как ее ни канай!
По – следний фонарь!

═════

Здесь? Словно заговор –
Взгляд. Низших рас –
Взгляд. – Можно нá гору?
В по – следний раз!

12

Частой гривою
Дождь в глаза. – Холмы.
Миновали пригород.
За́ городом мы.

Есть – да нету нам!
Мачеха – не мать!
Дальше некуда.
Здесь околевать.

Поле. Изгородь.
Брат стоим с сестрой.
Жизнь есть пригород.
За́ городом строй!

Эх, проигранное
Дело, господа!
Всё-то – пригороды!
Где же города?!

Рвет и бесится
Дождь. Стоим и рвем.
За три месяца
Первое вдвоем!

И у Иова,
Бог, хотел взаймы?
Да не выгорело:
За́ городом мы!

═════

За городом! Понимаешь? За́!
Вне! Перешед вал!
Жизнь — это место, где жить нельзя:
Ев — рейс ий квартал...

Так не достойнее ль во́ сто крат
Стать Вечным Жидом?
Ибо для каждого, кто не гад,
Ев — рейский погром —

Жизнь. Только вы рестами жива!
Иудами вер!
На прокаженные острова!
В ад! — всюду! — но не в

Жизнь, — только выкрестов терпит, лишь
Овец — палачу!
Право-на-жительственный свой лист
Но — гами топчу!

Втаптываю! За Давидов щит —
Месть! — В месиво тел!
Не упоительно ли, что жид
Жить — не́ захотел?!

Гетто избранничеств! Вал и ров.
По — щады не жди!
В сём христианнейшем из миров
Поэты — жиды!

13

Так ножи вострят о камень,
Так опилки метлами
Смахивают. Под руками —
Меховое, мокрое.

Где ж вы, двойни:
Сушь мужская, мощь?
Под ладонью —
Слезы, а не дождь!

О каких еще соблазнах —
Речь? Водой — имущество!
После глаз твоих алмазных,
Под ладонью льющихся, —

Нет пропажи
Мне. Конец концу!
Глажу — глажу —
Глажу по лицу.

Такова у нас, Маринок,
Спесь, — у нас, полячек-то.
После глаз твоих орлиных,
Под ладонью плачущих...

Плачешь? Друг мой!
Всё мое! Прости!
О, как крупно,
Солоно в горсти!

Жестока слеза мужская:
Обухо́м по темени!
Плачь, с другими наверстаешь
Стыд, со мной потерянный.

Оди — накового
Моря — рыбы! Взмах:
...Мертвой раковиной
Губы на губах.

В слезах.
Лебеда —
На вкус.
— А завтра,
Когда
Проснусь?

14

Тропою овечьей —
Спуск. Города гам.
Три девки навстречу.
Смеются. Слезам

Смеются, — всем полднем
Недр, гребнем морским!
Смеются!
— недолжным,
Позорным, мужским

Слезам твоим, видным
Сквозь дождь — в два рубца!
Как жемчуг — постыдным
На бронзе бойца.

Слезам твоим первым,
Последним, — о, лей! —
Слезам твоим — перлам
В короне моей!

Глаз явно не туплю.
Сквозь ливень — перюсь.
Венерины куклы,
Вперяйтесь! Союз

Сей более тесен,
Чем влечься и лечь.
Самóй Песней Песен
Уступлена речь

Нам, птицам безвестным,
Челом Соломон
Бьет, ибо совместный
Плач — больше, чем сон!

И в полые волны
Мглы — сгорблен и равн —
Бесследно, безмолвно —
Как тонет корабль.

Прага, 1 февраля — Иловищи, 8 июня 1924

КРЫСОЛОВ

Лирическая сатира

ГОРОД ГАММЕЛЬН

(Глава первая)

Стар и давен город Гаммельн,
Словом скромен, делом строг,
Верен в малом, верен в главном:
Гаммельн — славный городок!

В ночь, как быть должно комете,
Спал без про́сыпу и сплошь.
Прочно строен, чисто ме́тен,
До умильности похож

— Не подойду и на выстрел! —
На своего бургомистра.

В городе Гаммельне дешево шить:
Только один покрой в нем.
В городе Гаммельне дешево жить
И помирать спокойно.

Гривенник — туша, пятак — кувшин
Сливок, полушка — тво́рог.
В городе Гаммельне, знай, один
Только товар и дорог:

Грех.

(Спросим дедов:
Дорог: редок.)

Ни распоясавшихся невест,
Ни должников, — и кроме
Пива — ни жажды в сердцах. На вес
Золота или крови —

Грех. Полстолетия (пятьдесят
Лет) на одной постели
Благополучно проспавши, спят
Дальше. «Вдвоем потели,

Вместе истлели». Тюфяк, трава, —
Разница какова?

(Бог упаси меня да е пять
Лет на одной перине
Спать! Лучше моську наймусь купать!)
Души Господь их принял.

И озаренье: А вдруг у них
Не было таковых?

Руки — чтоб гривну взымать с гроша,
Ноги — должок не додан.
Но, вразумите, к чему — душа?
Не глубоко ль негодный

— Как жардиньерка — гамак — кларнет —
В нашем быту — предмет?

В городе Гаммельне — отпиши —
Ни одного кларнета.
В городе Гаммельне — *ни души.*
Но у тела́ за это!

Плотные, прочные. Бык, коль дюж,
Дюжины стоит душ.

А приосанятся — георгин,
Ниц! преклонись, Георгий!
Города Гаммельна гражданин, —
Это выходит гордо.

Не забывай, школяры: «Узреть
Гаммельн — и умереть!»

Juri, и Rührei, и Rühr uns nicht
an[1] (в словаре: не тронь нас!) —
Смесь. А глаза почему у них
В землю? Во-первых — скромность,

И... бережливость: воззрился — ан
Пуговица к штанам!

---

[1] Juri — судья, Rührei — яичница-болтунья, национальное блюдо; Rühr uns nicht an — не дотрагивайтесь до нас *(нем.)*.

Здесь остановка, читатель. — Лжешь,
Автор! Очки втираешь!
В сем Эльдорадо когда ж и кто ж
Пуговицы теряет?

— Нищие. Те, что от грязи сгнив,
В спальни заносят тиф, —

Пришлые. Скоропечатня бед,
Счастья бесплатный номер.
В Гаммельне собственных нищих нет.
Был, было, раз — да помер.

Тощее ж тело вдали от тел
Сытых зарыть велел

Пастор, — и правильно: не простак
Пастор, — не всем «осанна!»
Сытые тощему не простят
Ни лоскута, ни штанной

Пуговицы, чтобы знал-де всяк:
Пуговка — не пустяк!

(Маленькая диверсия в сторону пуговицы:)

Пуговицею весь склад и быт
Держатся. Трезв — застегнут.
Пуговица! Праадамов стыд!
Мод и свобод исподних —

Смерть. Обывателю ты — что чуб
Бульбе, и Будде — пуп.

С пуговицею — все право в прах,
В грязь. Не теряй, беспутный,
Пуговицы! Праадамов крах
Только тобой искуплен,

Фиговая! Ибо что же лист
Фиговый («Mensch wo bist?»[1]) —

Как не прообраз ее? («Bin nackt[2],
Наг, — потому робею») —
Как не зачаток, не первый шаг...
Пуговица — в идее!

[1] «Человек, где ты?» *(нем.)*.
[2] «Я наг» *(нем.)*.

Пуговицы же (внемли, живот
Голый!) – идея – вот:

Для отличения Шатуна-
Чад – от овец Господних:
Божье застегнуто чадо нá
Всé, – а козел расстегнут –

Весь! Коли с ангелами в родстве,
Муж, – застегнись на всé!

Не привиденьями ли в ночи
– Целый Бедлам вакантный! –
Нищие, гении, рифмачи,
Шуманы, музыканты,

Каторжники...
Коли взять на вес:
Без головы, чем без[1]

Пуговицы! – Санкюлот! Босяк!
От Пугача – к Сэн-Жюсту?!
Если уж пуговица – пустяк,
Что ж, господа, не пусто?

Для государства она – что грунт
Древу и чреву – фунт

Стерлингов. А оборвется – голь!
Бунт! Погреба разносят!
Возвеселися же, матерь, коль
Пуговицею – носик:

Знак добронравия. (Мой же росс
Явственно горбонос –

В нас[2]).

Дальше от пуговичных пустот,
Муза! От истин куцых!
От революции не спасет –
Пуговица. Да рвутся ж –

Всé! Коли с демонами в родстве –
Бард, – расстегнись на всé!

(Здесь кончается ода пуговице и возобновляется повествование.)

---

[1] NB! Лучше *(примеч. М. Цветаевой).*

[2] Мой сын Георгий (Мур), родившийся в полный разгар мечты о Крысолове и первой главы его – 1-го февраля 1925 г., в воскресенье, ровно в полдень, в безумную (последнюю!) вьюгу, в избе, в деревне Вшеноры, близ Праги. *МЦ.*

Город грядок —
Гаммельн, нравов
добрых, складов
полных, — Рай-

город...

Божья радость —
Гаммельн, здравых —
город, правых —
город...

Рай-город[1], пай-город, всяк-свой-пай-берет, —
Зай-город, зáгодя-закупай-город.

Без загадок —
город, — гладок:
Благость. Навык —
город. — Рай-

город...

Божья заводь —
Гаммельн, гадок —
Бесу, сладок —
Богу...

Рай-город, пай-город, Шмидтов-Майеров
Царь-город, старшему-уступай-город.

Без пожаров —
город, благость-
город, Авель-
город. — Рай-
город...

Кто не хладен
и не жарок,
прямо в Гаммельн
поез —

жáй-город, рай-город, горностай-город.
Бай-город, вóвремя-засыпай-город.

Первый обход!
Первый обход!
С миром сношенья прерваны!
Спущен ли пес? Впущен ли кот?
Предупрежденье первое.

---

[1] Ударение, как: Миргород, Белгород и пр. *(примеч. М. Цветаевой).*

Су – дари, выпрягайте слуг!
Тру – бочку вытрясай, досуг!
Труд, покидай верстак:
«Morgen ist auch ein Tag»[1].

Без десяти!
Без десяти!
Уши законопатить
Ватой! Учебники отнести
В парту! Будильник – нá пять.

Ла – вочник, оставляй мелóк,
Бюр – герша, оставляй чулок
И оправляй тюфяк:
«Morgen ist auch ein Tag».

Десять часов!
Десять часов!
Больше ни междометья!
Вложен ли ключ? Вдéт ли засов?
Предупрежденье третье.

Би – блию закрывай, отец!
Бюр – герша, надевай чепец,
Муж, надевай колпак, –
«Morgen ist auch ein...»

– Спят
Гаммельнцы...

СНЫ

(Глава вторая)

В других городах,
В моих (через – крáй-город)
Мужья видят дев
Морских, жены – Байронов,

Младенцы – чертей,
Служанки – наездников...
А ну-ка, Морфей,
Чтó – гаммельнцам грезится

Безгрешным, – а нý?
– Востры – да не дюже!
Муж видит жену,
Жена видит мужа,

[1] «Завтра – тоже день» *(нем.).*

Младенец — сосок,
Краса толстощекая —
Отцовский носок,
Который заштопала.

Повар — пробует,
Обер — требует.
Всё как следует,
Всё как следует.

Вдоль спицы петля́ —
Та́к всё у них плавно!
Павл видит Петра,
А Петр видит Павла,

Конечно — внучат
Дед (точку — прозаик),
Служанка — очаг
И добрых хозяев.

Каспар — заповедь,
Пастор — проповедь.
Не без проку ведь
Спать, — не плохо ведь?

Пуды колбасы
Колбасник (со шпэком),
Суд видит весы,
Весы же — аптекарь,

Наставнику — трость,
Плод дел его швейных —
Швецу. Псу же — кость?
Ошиблись: ошейник!

Стряпка — щипаное,
Прачка — плисовое.
Как по-писаному!
Как по-писаному!

— А сам бургомистр?
— Что́ въяве — то в дрёме.
Раз он бургомистр,
Так что ж ему кроме

Как бюргеров зреть,
Вассалов своих?
А сам бургомистр —
Своих крепостных[1].

---

[1] Burg — по-немецки крепость. *МЦ*.

Дело слаженное,
Платье сложенное, —
По-положенному!
По-положенному!

(Лишь тон мой игрив:
Есть доброе — в старом!)
А впрочем, чтоб рифм
Не стаптывать даром —

Пройдем, пока спит,
В чертог его (строек
Царь!) прочно стойт
И нашего стóит

Внимания...

Замка не взломав,
Ковра не закапав —
В богатых домах,
Чтó первое? запах.

Предельный, как вкус,
Нещадный, как тора,
Бесстыдный, как флюс
На роже актера.

Вся плоть вещества, —
(Счета в переплете
Шагреневом!) вся
Вещественность плоти

В нем: гниль до хрящей.
С проказой не шутят!
Не сущность вещей, —
Вещественность сути:

Букет ее — всей!
Есть запахи — хлещут!
Не сущность вещей:
Существенность вещи.

Не сущность вещей,
— О! и не дневала! —
Гнилых овощей[1]
— Так пахнут подвалы —

Ему предпочту.

[1] Подразумевается: запах. *МЦ.*

Дух сытости дивный!
Есть смрад чистоты.
Весь смрад чистоты в нем!

Не запах, а звук:
Мошны громогласной
Звук. Замшею рук
По бархату красных

Перил — а по мне
Смердит изобилье! —
Довольством — вполне.
А если и пылью —

Не нашей — с весной
Свезут, так уж што ж нам?
Не нищей: сквозной,
А бархатной — штофной —

Портьерной. Красот
Собранием, скопом
Красот и чистот,
А если и пóтом —

Добротным, с клеймом
Палаты пробирной,
Не нашим (козлом),
А банковским, жирным

Жилетным: не дам.
По самое небо
— О Ненависть! — храм
Стоглавый тебе бы —

За всех и за вся.

Засова не сняв,
Замка не затронув,
(Заметил? что в снах
Засовы не стонут,

Замки не гремят.
Врата без затвора —
Сон. Дóмы — без врат.
Всé — тени, всé — воры

В снах).

Стó — невест тебе.
Всé — с запястьями!
Без — ответственно.
Без — препятственно.

Сé — час жениха!
За кражи! за взломы!
Пустить петуха
В семейные домы!

В двуспальных толстух,
В мужей без измены.
Тот красен петух —
Как стяги — как стены

В *иных* городах...

Замка не затронув,
Посмотрим, как здрав
В добротных хоромах
Своих — бургомистр.

Домовит, румяни́ст —
Баю-бай, бургомистр.

Завершенная седьмица —
Бургомистрово чело.
Что же мнится? что же снится
Бургомистру? Ни — че — го.

Ничего (как с жи́р-горы
Пот-то!), то есть: бюргеры.

Спи, жирна, спи, верна,
Бургомистрша, жена

Бургомистрова: синица,
Переполнившая зоб.
Что же мнится? что же снится
Бургомистрше? (Хорошо б,

Из перин-то вырвавши...)
...Бюргеры, ей — бюргерши.

Той — пропавшей без вести,
Этой — Цезарь рядышком...
Женщине ж порядочной
Ничего не грезится.

Спи-усни, им не верь,
Бургомистрова дщерь.

Соломонова пшеница —
Косы, реки быстрые.
Что же мнится? что же снится
Дочке бургомистровой?

Запахи, шепоты...
Всё — и еще что-то!

НАПАСТЬ

(Глава третья)

Тетки-трещотки,
Кухарки-тараторки,
— Чепцы, кошёлки —
Бабки-балаболки.

— Сала для лекаря!
— Трав для аптекаря!
— Свежего, красного
Легкого для пастора!

— По — следней дойки!
Девки-маслобойки.
— Ядрёной крупки!
Стряпки-мясорубки.

— Счастья, здоровья,
Сил на три месяца!
— Свежих воловьих
Жил для ремесленников!

Тетки-трещотки,
Торговки-горлодёрки
— Кофты на байке —
Хозяйки-всезнайки.

— Све — жая требуха!
— Жи — во́го петуха!
— Масляна, не суха!
— Се́рд — ца для жениха!

— Сливки-последки!
Соседки-добросердки.
— Свежего! с ледничку!
Советницы-сплетницы.

— Взвесь, коль не веришь!
— Жарь — не ужарится!
— Гу — синых перьев
Для нотариуса!

— О́—вощи да с гряды!
— Со́—вести для судьи!

Кур—ки-цесарки,
Невесты-перестарки,
Свежи́, с постельки
Вдовицы-коротельки.

— Мни, да не тискай!
— Рдянь—не редиска!
— По—лушка с миской!
— Мозгов для бургомистра!

— Что́ хотите, то берите!
Подолы́, капора́.
Поварихи-разберихи,
Румяные повара.

Но—сы приплюснутые:
— Чего бы вкусненького?
Ла—дошки—ширмочками:
— Чего бы жирненького?

Выловить.
Выудить.
Выведать.
Выгадать.

— Все́ чехлы посняли с кресел!
— А гостей! А гостей!
— Нынче пекарева крестят!
— Новостей! Новостей!

Язвы-тихони.
Один в трахоме
Глаз, другой—пенится.
Сидни-кофейницы.

— Женишка-то, чай, постарше!
— А наряд! А наряд!
— Говорят, что у почтарши...
— Говорят... Говорят...

Язвы-шныряльі,
Кляузы-обмиралы,
— На́ площадь сор неси!—
Козни-цикорницы.

— Нацепил зеленый галстук!
— Ловелас! Ловелас!
— Мясник с тещей поругался!
— А у нас! А у нас!

— Ред—ко—сти...
— Хит—ро—сти...
— Кхе-кхе-кхе...
— Кхи-кхи-кхи...

— Бургомистрова-то Грета!
— Не того! Не того!
— Третью ночь сидит до свету!
— Каково? Каково?

— Свечку жжет...
— Век свой жжет...
— Счастья ждет...
— В гроб пойдет...

— Скатертей однех—с три пуда!
— Чай, одна! Чай, одна!
— Ни за кем, отцу, не буду.
— Не жена! Не жена!

— Грех-таки...
— Стыд-таки...
— Кхе-кхе-кхе...
— Кхи-кхи-кхи...

— Поглядеть—одне костяшки...
— Не в соку! Не в соку!
— К нам на кашку! К нам на чашку
Кофейку! Кофейку!

Клуб
Женский—закрыт:
Суп
Перекипит.

Город грядок
Гаммельн, нравов
добрых, складов
полных—

Мера! Священный клич!
Пересмеялся—хнычь!
Перегордился—в грязь!
Да соразмерит князь

Милость свою и гнев.
Переовечил—хлев,
Перемонаршил—бунт:
Zuviel ist ungesund[1].

---

[1] Излишество вредно *(нем.)*.

В меру! Сочти и взвесь!
Переобедал — резь,
(Лысина — перескреб),
Перепостился — гроб,

Перелечил — чума!
Даже сходи с ума
В меру: щелчок на фунт:
Zuviel ist ungesund.

В меру и мочь и сметь:
Перезлословил — плеть,
Но и не перегладь!
— Только не передать! —

Не пере-через-край!
Даже и в мере знай —
Меру: вопрос секунд.
Zuviel ist ungesund.

В меру! Im rechten Mass![1]
Верный обманет глаз.
В царстве — давно — химер —
Вера и глазомер.

Мера и сантиметр!
Вот он, разумных лет
Лозунг, наш тугендбунд.
Zuviel ist un —

Не красоты одной — сало, слышишь? —
Вреден излишек.

Переполнения ж складов — рисом —
Следствием — крысы.

Саго, и сала, и мыла — в меру,
Господи, да́руй!
Так и гремит по всему базару:
«Склады-амбары».

Так, чтобы в меру щедрот: не много
Чтоб, и не мало.
Так и гудит по живому салу:
«Склады-завалы»[2].

К вам, сытым и злым,
К вам, жир и нажим:

---

[1] В меру! *(нем.)*
[2] В последующих строках ударяются слоги: первый, второй и последний *(примеч. М. Цветаевой).*

Злость сытости! Сплёв
С на—крытых столов!
Но—в том-то и гвоздь!—
Есть—голода злость.

Злость тех, кто не ест:
Не есть—надоест!
Без—сильных не злобь!
(Кры—синая дробь).

Злость тех, кто не сыт:
Се—годня рысит,
А завтра—повис.
(Кры—синая рысь).

(Скороговорка):

Не сыт и не спит,
(Крысиная сыпь),
По сытеньким—прыг,
(Крысиная прыть).

Дом. Склад.
Съе—дят
До—крох.
(Крысиный горох).

Зря—крал,
Зря—клал,
Зря—греб
(Крысиный галоп).

Глав—глад—
Крысиный набат.
Глав—гвалт—
Крысиный обвал.

Куль! Рвись:
Глав—крыс!

А над кулём-то, а над мешком-то—
Точно над трупом!
И перекатывается круто:
«Крысы да крупы».

(Твой зуб,
Главкруп!)

3 Зак. 175

Докраснобайствовались, мессии
Низшего класса!
Так и свистит по живому мясу:
«Крысы-запасы!»

(Твой всхлёст,
Главхвост!)

— Присягай, визжат, главглоту!
— Взяли склад, дай им глаз!
— Всю́ ночь топали, как рота!
А у нас! А у нас!

— Ушки! Замашки!
— Занды[1] карноухие!
— Вcé-то бумажки
Взрыли, перенюхали!

— Присягай, визжат, главблуду!
— Думал — горсть, смотришь — рать!
— Самого, визжат, на блюде
Бургомистра подать!

Эка кру́говерть
Карноусая!
Все́-то пуговицы
Пообкусывали

Штанные!
— Schande![2]
— Schande нам!
— Банды!

— Мастера́ — усы-то салить!
— Ты им: ой! они: бей!
— У нас Библию: на палец,
Дескать — сала на ней!

— Ух, бессовестные!
— Ух, нахрапистые!
Все́-то соусники
Перепакостили!

— Не спасут, визжат, молебны!
— Ты им: Gott![3] они: глав!
— Всeсь по буковкам судебный
Растащили устав!

---

[1] Убийца Коцебу *(примеч. М. Цветаевой).*
[2] Позор! *(нем.)*
[3] Бог! *(нем.)*

— Ух, нахрапистые!
— Ух, обшарпанные!
Всё-то сахарницы
Пообхаркивали!

— Целый мир грозятся стрескать!
— Солнцеверт! — Мозговрат!
— Из краев каких-то русских,
Кораблем, говорят.

— Граждане!
К спайке!
Schande нам:
Шайки!

Ни торгов от них, ни сна нет:
Ты им: ррраз! они — сто!
«Голов сахарных не станет, —
А купецки на што?»

— Мало этого-то:
Рукой писаные
Всё-то летописи
Поо —

— Присягай, визжат, главсвисту!
— Уж и стыд! Уж и срамь!
— Не совсем, с лица, на крыс-то...
— Да уж крысы ли впрямь?

— Лысины!
— Пасмы!
— Слыхано ль?
В красном!

Предиковинный сорт!
Ты им: Бог, они: черт!

Скок — на башенный шпиц!
Ты им: Herz[1], они: цыц!

Ты им: чин, они: чушь!
Ты им: пиль! они: куш!

Ты им: стой! они: при!
Ты им: три! они:
                    — пли!

[1] Здесь: сердечный, дорогой *(нем.)*.

Коль не бос — кровосос,
Коль не бит — паразит,

— А язык!
— А язык!
— А язык!
— А язык!

У нас: Brot[1], у них: прод,
И язык не берет!
Думал: сдох, смотришь: прет, —
И мышьяк не берет!

У нас: взлом, у них: Ком,
У нас: чернь, у них: тéрн,
Наркомчёрт, наркомшиш, —
Весь язык занозишь!

В новый мир, дескать, брешь:
Не потел — так не ешь,
Не пыхтел — так не ешь,
Не пострел — так не ешь.

До поры, дескать, цел:
Не потел — под расстрел,
Не хотел — под расстрел,
Не пострел — под расстрел!

(Тоном обвинительного акта):

В воровстве.
В кумовстве.
В шельмовстве.
В колдовстве.

(Тоном заговора):

— Всé мы белые?
— Все.
— В чем же дело?
— В словце.

(Силясь выговорить):

Не терял.
Начинал.
Интеграл.
Интервал.

---

[1] Хлеб *(нем.)*.

Наломал.
Напинал.
Интерна –
цио...

– Сказок довольно!
Слушать герольда!
Всех, кто отчизне – сын,
Оповещаю сим...

Не углубляясь в частности:
Гаммельн в опасности!

Горний и дольний!
Слушать герольда!

Всé и семижды всé,
Знайте: на волоске

– Вот уже рвущемся –
Наше имущество,

Слава и класс,
Граждане, глас

Девы, словес не тратящей:
Постановление ратуши:

«Будь то хоть бес, хоть жид,
Тот, кто освободит

Город от тьмы крысиной,
В дом бургомистра – сыном

Вступит – прошу понять:
Сын означает: зять.

(Треск барабанный.)
В Гаммельне... anno

Domini...»[1].

В тот же час – вините будочника:
Что ж он не усторожил?! –
В город медленно входил
Человек в зеленом – с дудочкой.

---

[1] В лето Господне *(лат.)*.

УВОД

(Глава четвертая)

— Ти-ри-ли —
— По рассадам германской земли,
— Ти-ри-рам —
По ее городам
— Красотой ни один не оставлен —

Прохожу,
Госпожу свою — Музыку — славлю.

Нынче — здесь,
Да и то половинку, не весь!
— Ти-ри-рам —
Завтра — там,
И хотя повсеместно обо́лган —

Стар и мал,
Равнодушно никто не внимал
И никто не отказывал в долгом

Взгляде — вслед.
Только там хорошо, где нас нет!

— Сердцелов! —
Только там хорошо, где ты нов:
Не заведом, не дознан, не вызван.

«Прижились», —
Эта слизь называется — жизнью!

— Переезд! —
Не жалейте насиженных мест!
Через мост!
Не жалейте насиженных гнезд!
Так флейтист, — провались, бережливость!
— Перемен! —
Так павлин
Не считает своих переливов.

— Ти-ри-ли!
Провалитесь, мешки и кули!
— Ти-ри-ли! —
Проломитесь, мучные лари!
Вместо гаммельнских — флейта не ферма! —

— Переступ —
Лип и круп,
Есть индийские пальмы и перлы.

Перелив.
Человек не ключарь кладовых!

Половик,
Червь, а не человек — тыловик!
Это — Гаммельн, а есть Гималаи:
Райский сад.

Так да сяк —
Этот шлак называется — Раем!

Оторвись!
По дорогам цветет остролист!
Отвались!
По оврагам цветет барбарис —
Кисловатый.

Лишь бы сыт!
Этот стыд называется: свято.

Крысы, с мест!
Не водитеся с сытостью: съест!
Крысы, с глаз!
Осаждаемый сытостью — сдаст
Шпагу...
О крысоловах злословят!

Дело слов:
Крысо-лов?
Крысо-люб: значит любит, коль ловит!

Крысы, в...

— Што ж мы?
— В чем дело ж?
— Тошно!
— Приелось!

— Вкусно ж, —
В чем тайна?
— Скушно:
Крайне.

Без борьбы человек не живет.
— У меня отрастает живот:
До колен, как у царских крыс.
— У меня — так совсем отвис.

— Без борьбы человек не жилец!
— У меня разминулся жилет
С животом: не разлад, а брешь.
— У меня объявилась плешь.

— Житие — не жысть!
— Разучился грызть!
— Не поход, а сласть!
— Разучился красть!

— Утром — булки, не меньше двух.
— У меня пропадает слух.
— У меня пошатнулся зуб.
— У меня остывает зуд
В зубах...

— Без слуги не влезаю в башмак...
— Есть такая дорога — большак...
— Без борьбы и овраг — острог...
— Хорошо без сапог!

— Не поход — погост.
— У меня отсыхает хвост.
— В полдень — клёцки, не меньше трех...
— У меня — так совсем отсох.

— Без обид, без злоб...
— Назревает зоб...

— Чуть обут-одет —
Уж опять обед
Из трех блюд...

— Знали б — зá версту обошли б!
— Помнишь странную вещь: башлык?

Сшиб да стык,
Штык да шлык...

— Без слуги пе влезаю в обшлаг...
— Есть такая дорога — большак...
— В той стране, где шаги широки,
Назывались мы...

— Больше сил моих нету: пасс!
— У меня заплывает глаз.
— У меня опадает слог.
— У меня — так совсем затек

Мозг.

— В Москву! — В Карлсбад!
— У меня оседает зад.
— У меня, по утрам, прострел.
— У меня — так совсем осéл
До земли...

— Лыжи — и к Богу!
— Грыжа!
— Изжога!

Свыкнись —
И крышка!
Сытно —
Слишком.

— Три денька таких — и готов!
— Начинаю любить котов
И купцов...
                    — Заушат — прощу.
— Завтра дочку свою крещу:

Мне-то — всё одно, ну, а ей —
Ей — целей.

— Не бивак — насест!
— У меня пропадает жест.

ФЛЕЙТА:

Где-то Инд...

— Начинаю вдаваться в винт.

— Различать *твое*.
— Запирать белье.
— Без штанов махал! —
Начинаю вводить крахмал

В туалет.
— Самолично вощить паркет.
— Господа, секрет:
Отвратителен красный цвет

Мне.
— Нам всем!
— От стыда засыпаю в семь.
— Недурен наезд!
— Начинаю бояться мест

Под мостами.
                    — Масс.
— Материнских глаз.
— Ну а я — стрельбы!
— Отчего у дворян гербы, —

А у нас...

Гладко, —
Как шваброй!
— Взятки!
— Подагра!

— В трюм бы!
— В гром бы!
...Тумбы.
...Пломбы.

В самый гром бы да в самый шторм!

ФЛЕЙТА:

Пе—ре—корм.

— Всё назад, чуть съем.
— И естественно: после схем,
Диаграмм—да в склад!

— Обращение камерад
Устарело. Ввиду седин
Предлагаю вам господин...

Господин гражданин...
Для ... форм.

ФЛЕЙТА, настойчиво:

Перекорм.

Пересып.
Ели б досыта—не пошли б,
Спали б домертва—не прошли б
Ни кило́метра, ни шестой:

Перестой.

Чудо ж делают, не присев:
Перепев.

Пересест!
Не жалейте насиженных мест!
Перемен!
Не жалейте надышанных стен!
Звёзд упавших—и тех не жалейте!

Мертвым—мир.
Выход в ми́р
Вот по этой по самой аллейке,—

Чуть левей.
— У меня пятьдесят сыновей!
Как один.
— У меня проржавел карабин.

— Полно — залежь.
Их — по рвам!
— Без программ
Из амбара — да в Индию?!
— Брали ж

Перекоп!
Не искали ж протоптанных троп
На Москву!
— К черту всю

Быль с ее трехсотлетними Lind'ами![1]
— Идем завоевывать Индию!

Напролом!
— У меня недостроенный дом!
— Строим — мир!
— У меня недоеденный сыр!

— Выше носу же не переплюнешь!

ФЛЕЙТА:

Переплюнь!
В синь! в июнь!
В новизну! и к тому — новолунье ж!

Чтоб шагать молодцом —
Выступать нагишом!

Чтоб сошелся кушак —
Выступать натощак!

— Да здравствует полк!
Клыков перещелк.

Довольно с нас круп!
Курков перещуп.

...Сала и масла гарного!
Да здравствует красная...

[1] Липами *(нем.)*.

— Крысы, марш!

Нам опостылел домашний фарш!
Свежесть, которой триста
Лет — не свежа уже! Шагом, марш!
Кто не прокис — окрысься!

Нам опостылел молочный рис!
Погорячее в ранцах!
Три миллиарда индийских крыс
Велико — оке — анских

Ждут, лихорадочные рои
Крысьего штурм унд дранг'а!
С кошками мускусными бои
На побережьях Ганга

Ждут. Не до слоек, не до колбас
Гаммельнских, венских, пражских!
Мы — на вселенную! Мир — на нас!
Кто не пропах — отважься!

Вот оне, слойки!
Сдвинься, стройся!

Вот они, смальцы!
Щерься, скалься!

Ни крупинки не припрятавши —
Шагом, шагом мимо ратуши!

Чванься! пыжься! высься! ширься!
Мимо рынка, мимо кирки.

Мыслью — вестью — страстью — выстрелом —
Мимо дома бургомистрова.

А на балконе...
Ах! а с балкона...
Вроде ожога...
Вроде поклона...

Вроде Шираза
Щёчного — тссс...
Кажется — розу
Поднял флейтист?

(Дело вежливости!)
Не задерживаться!

Вышел радоваться, —
Не оглядываться!

Вот он, в просторы — лбом,
Города крайний дом.

— Око — ём!
Грань из граней, кайма из каём!
«Отстаем», —
Вот и рифма к тебе, окоём!

Скороход
В семитысячемилевых, флот,
Обогнавший нас раз
Навсегда — дальше глаз, дальше лба:

Бредовар!
Растопляющий всякую явь —
Аки воск, —
Дальше всех наших воплей и тоск!

Тоскомер!
Синим пó синю (восемь в уме),
Как по аспиду школьной доски,
Давшей меру и скорость тоски:

Окохват!
Ведь не зря ж у сибирских княжат
Ходит сказ
О высасывателе глаз.

Ведь не зря ж
Эта жгучая женская блажь
Орд и стай —
По заглатывателю тайн.

Окоим!
Окодер, окорыв, околом!
Ох, сини́м —
синё око твое, окоём!

Вышед в вей,
Допроси строевых журавлей,
В гаолян —
Допроси столбовых каторжан!

— Он! — За ним?
— Он же! — Нý á зá? — Он же...
— Джаным!
Здесь — нельзя.
Увези меня за

Горизонт!..

— Шел или спал?
— Штиль или шквал?
— Рус или сед?
— Наш ли уж свет?

— Дали не те!
— Ели не те!
— Горы не те!
— Гулы не те!

— Наш или тот?
— Час или год?
— Год или три, —
Сколько же шли?

— Даль не та!
— Пыль не та!
— Синь не та!
Тень не та!

— Плыл или мчал?
— Гаммельн? Квартал.
— Гаммельн? Проспал.
— Гаммельн? Читал

В сказке.
— Весьма не новая
Сказка: левей Ганновера.

— Лес не тот!
— Куст не тот!
— Дрозд не тот!
— Свист не тот!

— Юн как Ахилл!
— Гаммельн? Гостил!
— Гаммельн? Простыл!
— Гаммельн? Учил

В книжке, покамест та́мбуром
Тетки...
— С меня, так Гамбурга
Хватит!

— Вздох не тот!
— Ход не тот!
— Смех не тот!
— Свет не тот!

Синь, а не бел!
— Гаммельн? Пробел.
— Гаммельн? Прозрел:
Блюдо, и ел

С пивом, в одном приятном
Обществе: Hammelbraten[1].

Славный кусок!
— Гаммельн? Дай срок!
— Гаммельн? Заскок!
— Гаммельн? Отек

Мозга.
— Вниманья требую:
Гаммельна просто не было:

Пыль.
Мель.
Моль.
Нуль.

Наша соль — пыль от пуль!
Наша быль — рваный куль!
Пусть злее чумы, —
Всё ж со́ль земли — мы!

Наша кровь — та же смоль!
Раз кровь — кровью смой!
Пусть ропщут умы, —
Всё ж кровь земли — мы!

Наша дробь — та же трель!
— Эй, раб! Влево цель!
Пав ниже земли, —
Всё ж цвет ее...

— Говорю вам: не те холмы!

[1] Жареная баранина *(нем.)*.

— Не Германия!
— Много далее!
— Не Германия!
— И не Галлия!

— Одурманены!
— Знай да взахивай!
— Не Германия!
— И не Влахия!

— Тише тихого!
— Дольше длинного!
Коль не Скифия,
Значит...
          — Индия!

ФЛЕЙТА:

Индостан!
Грань из граней, страна из стран.
Синий чан —
Это ночь твоя, Индостан.

Здесь на там
Променявший, и дай на дам,
Гамма гамм,
Восходящая прямо в храм.

Рис, маис,
Промываемый девой из
Кув — шинá:
Тишина твоя, Индостан.

Как стрелок
После зарослей и тревог
В пушину́ —
В тишину твою, Индостан —

Человек...

— Пáгоды куполá!
— Что-то синим-синё!
— Рисовые поля!
— Пальмовое вино!

С первоначальных бед,
С первоначальных дрём
Детский и крысий бред
Сахарным тростником.

Миру который год?
Миру который миг?
Перец, в ветрах, цветет!
Сахар, в ветрах, шумит!

Не целина — шагрень!
У синевы налет
Сливы. — Четвертый день
И никоторый год.

Смол
Гул.
Вол.
Мул.

Не полотно — резня
Красок. Дотварный ил.
Творческая мазня
Гения. Проба сил

Демона. В первый раз
Молотом о кремень.
Миру четвертый час
И никоторый день.

Де — вы
Ганга!
Древо
Манго!

Индиго! Первый цвет!
Индия! Первый крик
Твари. Вперись, поэт:
Миру четвертый миг!

Час предвкушаю: смяв
Время, как черновик...
Ока последний взмах —
И никоторый миг

Миру...

СТАРАЯ КРЫСА:

Так-таки и зудит!
Что-то — будто бы — точно — вид
Этой местности мне знаком.
Чем-то пагода на закром

Смахивает...
— Тюрбан! Брамин!

СТАРАЯ КРЫСА:

Чтó за Индия, где овин
На овине...
— Бомбей! Базар!
Дервиш с коброю!

СТАРАЯ КРЫСА:

— И амбар
На амбаре...
— Дворец раджи!

СТАРАЯ КРЫСА:

Вот так тропики в поле ржи!

Черным пó белу, по складам:
Пальма? Мельня. Бамбук? Шлагбаум.
Кондор? Коршун. Маис? Горох.
Мы от Гаммельна в четырех

Милях, — горсточка, а не полк!

ФЛЕЙТА:

Кривотолк!
Рвите шкурника, чтобы смолк!
Крив и кос
Тот, кто в хоботе видит нос
Собственный и в слоне — закром.
Крив и хром.

(Хлеще! хлеще! рассыпай! нижи
Хроматические гаммы лжи!)

Лжец и трус
Тот, кто в будущем видит — гуз,
Мертв и сгнил
Тот, кто, идучи, видит тыл
Собственный, и в просторах — порт.
Перевёрт!

Передёрг!
Верьте Музыке: проведет
Сквозь гранит.
Ибо Музыки — динамит —
Младше...
— Всé на единый фронт:
Горизонт!

— Озеро!
— Яхонт!
— Розовым
Взмахом
— Видишь? —
Самим бы!
Ибис!
Фламинго!

СТАРАЯ КРЫСА:

Синее — топит!

— Зеркало тропик!
Кротость —
В сапфирах!
Лотос!
Папирус!

В воду —
Как в спальню.
Озеру —
Пальмы

Низкопоклонство.
— Смоем!
— Напьемся

Соком лотосовым: покой.

ФЛЕЙТА:

Водопой!
Дальним — варево и постой.
Спят и пьют.

СТАРАЯ КРЫСА:

Говорю вам, что это — пруд
Гаммельнский: триста лет, как сгнил!

ФЛЕЙТА:

Кро — ко — дил!

— Сбудется!
— Близится!

СТАРАЯ КРЫСА:

Лужица!

Жижица!

— Шелком ла́стится!

СТАРАЯ КРЫСА:

Головастики!
Безголовым и главарю:
Головастики, говорю!

ФЛЕЙТА:

Словарю —
Смыслов нищему корчмарю,
Делу рук —
Кто поверит, когда есть звук:
Царь и жрец.

СТАРАЯ КРЫСА:

Говорю вам, что это лжец,
Лжец, агент!

ФЛЕЙТА:

Лжет не Музыка — инструмент!

СТАРАЯ КРЫСА:

Trug und Schand![1]

ФЛЕЙТА:

Лжет не Музыка — музыкант!
Обосо́бь!

СТАРАЯ КРЫСА:

Говорю вам, что это топь,
Гать!

ФЛЕЙТА:

Пусть так!
Лучше Музыка, чем мышьяк.

СТАРАЯ КРЫСА:

Смерть!

[1] Обман и стыд! *(нем.)*

ФЛЕЙТА:

Что в том?
Лучше озеро, чем закром,
Сплыл, чем *сгнил!*
Тина? Полно! Коралл! Берилл!
Изумруд...

Ведь не в луже, а в звуке — мрут!

Чтó тело? Тени тень!
Век тела — пены трель!
Нир — вана, вот он, сок!
Ствол пальмы? Флага шток.

В мир арок, радуг, дуг
Флагштоком будет — звук.
Чтó — руки! Мало двух.
Звук — штоком, флагом — дух.

Есмь: слышу! («вижу» — сон!)
Смысл выше — ниже тон,
Ни — жайший. Тела взмёт,
И — тихо: нота нот.

Воздух душен, вода свежа.
Где-то каждый из нас раджа.
(В смерти...)
С миром глаза смежи...

— Этой Индии *мы* — раджи!

Раджа на радже!
Но крыс тех уже —
Никто и нигде:
Круги на воде.

В РАТУШЕ

(Глава пятая)

Тайные, статские —
Здравствуйте, ратсгерры!
Старого Гаммельна
Стены избавлены
От даровых жильцов.

Праздник котлов,
Шествие прóтвеней, —
Крысы утоплены!

Не был Цезарем бы —
Стал бы поваром бы...
Бейте в сковороды!
Бейте в сковороды!

Дням беспрепятственно
Радуйтесь, ратсгерры!
Ибо очищены
Склады — от хищников,
Головы — от идей.

В скóвороду — бей!

Иллюминацией
Празднуйте, ратсгерры,
— Цукром с цикорием —
Чудо-викторию
Без кулаков, без пуль.

Праздник кастрюль.
Ратсгерры, дожили:
Крысы уложены.

Сладко ль, солоно ли —
Делать нечего
Вам — исполненное,
Мне — обещанное.

Трепеток.
Шепоток.
Раты — вкось,
Герры — в бок.

Щеки — мак,
Брови — еж:
— То есть — как?
— То есть — что ж?

(Полка с мопсами
В лавке глиняной!)
— Что же — собственно?
Что же — именно?

— Ясно и точно, без некто и где-то:
В собственность деву, по имени Грета.

— Грету? Не Греты у нас и нет:
В землях живем германских.
В городе Гаммельне столько ж Грет,
Сколько, к примеру, Гансов.

Ганс или Грета. Не Грета — Ганс.
За валунами в реку —
В Гаммельн за Гретами. Контраданс:
Коли не Ганс — так Грета.

Выйдет тебе
Суженая!
Выводками!
Дюжинами!

Не косорукий, да не слепой —
Уж себе Грету сыщешь!
Яминка — всё на один покрой! —
В ямку и прыщик в прыщик.

Оспа в оспину,
Чутка в чуточку.
Чью же собственно
Грету?
— Шутите!

Чью же, думали, высвистывал
Грету — как не бургомистрову?

Кипяток.
Топотёж.
Раты в скок,
Герры — в лёжь,

Раты — в ик,
Герры — в чих.
— И шутник!
— И жених!

Сто кабанов захрюкало:
Заколыхали брюхами.

— Ой насмешил! Утешил же!
Заполыхали плешами.

— В эдаком фартучке
Девоньку?
— Так-таки.

— С коробом почестей
Девоньку?
— В точности.

Раты — в фырк,
Герры — в верт.

— Ну и франт!
— Ну и ферт!

Очи — в узь,
Щеки — в глянц.
— Ну и гусь!
— Ну и Ганс!

С кузовом сéребра —
Девоньку?
— Сеяли!
— Полную житницу
Девоньку?
— Жните же!

— Нотный тюк!
Штанный клок!

— Ну — супруг!
— Ну — зятек!

Уж и шустр!
Уж и быстр!
Ржет без чувств
Бургомистр.

— Наспех, да наскоро
Свадебку?
— Ратсгерры!

— Первую в городе
Девушку?
— Боровы!

«Будь то хоть бес, хоть жид,
Тот, кто освободит
Город — хоть слеп, хоть спятил! —
В дом бургомистра зятем
Вступит, в графу особ
В городе — первых»...
— Стоп!

Не в хороводе, небось, дуда, —
В думе! Шажком! Анданте!
Только про беса и про жида,
Где же про музыканта

Сказано?
Как завершен обряд —
Милости просим, брате!
Всяк музыканту на свадьбе рад, —
Только не в роли зятя.

За музыканта! за нотный крюк!
Звук! — флейтяную дырку!
Где ж это видано, чтобы вдруг
Да с музыкантом — в кирку?

За музыканта! За нервный ком —
Дочку! милей ковач мне!
Что же и делать-то ей с тюком
Нотным — на ложе брачном!

За музыканта! за голый боб!
Может — в краях незнамых —
Только не слыхивал Гаммельн, чтоб
За музыкантов — замуж!

— Чтó есть музыка? Щебет птах!
Шутка! Ребенок сладит!
— Чтó есть музыка? — Шум в ушах.
— Увеселенье свадеб.

— Беспоследственный дребезг струн.
— Скука и крики браво.
— Что есть музыка? Не каплун,
А к каплуну — приправа.

— За -бывается: молод был —
Сам загибал преловко!
— Мешанина из бычьих жил,
Дерева и сноровки.

— Околпачивающий пар.
— Нет! Музыкантов кормим
Для того, чтобы пищи вар
В нас протекал проворней.

— Полегонечку — за пивцом —
Да чтобы женский пол был...
Две-три арийки перед сном...
Только не очень долго.

— Что есть музыка? с первых нот:
«Что бы вам, братцы, кончить?»
— Ну а я так — наоборот:
Только бы что погромче,
Побасистее!

— Рано встав,
Да коли восемь ртишек...
— Превышение всяких прав.
Гетто: себя не слышишь!

— Музыка? Гриф
С лентами.
— Шлиф.
— К зёву позыв,
— Так... перелив...

— После сольцы — пирожное...
— Из пустоты — в порожнее...

— Не осведомлены, префект:
Музыка есть аффект.

Аффектация неких чувств,
Коих и нету. Хам, мол, —
Кто не чувствует.

— Как ни тщусь
Что-либо, кроме гаммы —

Беспоследственно.
— Факт есть факт:
Музыка есть антракт.

— Рукоделие праздных дур.
Что́ до меня — так стойко:
Пуще всяческих увертюр
Мне по нутру — настройка

Перед оными.
— Фонд есть фонд.
Музыка есть афронт —

Смыслу здравому. Вящий вздор,
Нежель чулок с ажуром.

БУРГОМИСТР:

Выше-высказанное — вздор.
Истина есть. Скажу вам.

Думали — гриф
С лентами? Шлиф?
К зёву позыв?
Так... перелив —

Музыка? Тиф —
Музыка! Взрыв!
По́ степи — скиф!
Жил перерыв!

За головню — да голыми —
Хвать! Из огня да в полымя!

Пострашнее, чем шум в ушах,
Грезы, глаза зажмуря.
Музыка — это банков крах,
Раскрепощенье фурий.

Приглашается папа Пий
На Рождество предместий.
Quatuor[1] четырех стихий,
Раскрепощенье бестий.

Рабской сущности унтергрунд —
Музыка — есть — бунт.

Бунт архангела. Бунт скота.
Бунт галуна в передней.
Не невеста: — клоком — фата!
За фортепьяно — ведьма!

Лучше шулера пощади,
Чем музыканта! Дрема —
В креслах? Бесы на площади́
Думской — и бесы в доме!

Женской сущности септ-аккорд —
Музыка — есть — черт.

Лупоглазого школяра
В пасмах — кулак Потсдаму.
Что есть музыка? Ça ira![2]
Ратсгерры, вот вам гамма!

В оперении райских птах
Демоны: stirb und tödte![3]
Что есть музыка? Тайный страх
Тайного рата Гёте —

Пред Бетховеном.

Брови — вверх,
Краска — в нос.
Раты — в перх,
Герры — в чёс.

[1] Квартет *(лат.)*.
[2] Будет дело! *(фр.)*
[3] Умри и убей! *(нем.)*

Раты — в крёхт,
Герры — в чох.
— С нами фохт!
— С нами Бог.

Только, талант непризнан,
Ратсгерр от Романтизма,

Новорожденски-розов
И Филомелой прозван:
«Музыка в малых дозах —
Это не так серьезно».

Бурго-же-мистр, величав и льдист:
— В вас говорит артист.

РАТСГЕРР ОТ РОМАНТИЗМА:

Tempi passati![1]

БУРГОМИСТР:

Ратсгерры, сядьте!
Шутки — за рюмкой.
Думсгерры, думьте!

Можно ли — непостижим Господь —
За музыканта — плоть

Нашу?

В городе — впрочем, одна семья
Гаммельн! Итак, в семействе
Гаммельнском — местоименья «я»
Нет: не один: всё вместе.

За исключением веских благ
Я — означает всяк.

Славное слово, и есть в нем прок:
Всяк! Так и льнет шубейкой!
Автору же этих скромных строк
— Озолоти! убей хоть! —

Только одна в нем — зато моя! —
Буква понятна: я.

---

[1] В прошлом! *(ит.)*

Необоримая! Так алмаз
Жив в черноте пожара.
Неповторимая! Что есть аз?
Чтó не бывает парой.

На языке невозвратных рас
Аз означает: раз.

(Азры...)

В городе Гаммельне лишь азы...
Впрочем, язык прикусим.
Страшное слово! Страшней грозы
В полночь, гостей за гусем:

Я! (В пожирающем большинстве
Я означает – всé).

Как у соседей! как у людей!
Не мое дело – всé так!
Автору же, ясновидцу лжей,
Оку – из самых светлых,

Только одна в нем – прошу понять –
Буква доступна: ять.

Я: нагруженная по края
Яблонь: снимай не снимешь!
В Гаммельне ж – вместо именья: я –
Мы – лишь тогда не мнимость,

Не глухонемость, не пень, не тын –
С буквы когда – в аршин!

(Право гигантов!)

– За музыканта?
Это пикантно!
Это пикантно!

Время – пропало!
Место – пространство!
– За зубоскала!
– За голодранца!

– Без будущего!
– За дудочника!

В доме – гнусь.
В лавке – долг.
Черный гусь!
Белый волк!

С крыши — душ,
В спальне — штранд.
— Кто ваш муж?
— Му — зы — кант.

Рук — вместо платы,
Плеск — вместо мяса.
— За звездохвата!
— За лоботряса!

В грезы да в планы
Первенца кутай.
— За великана!
— За лилипута!

— За опусника!
— За фокусника!

Вечный иск!
Всё в ломбард!
Крысий писк
Квинт да кварт.

Деток — кладь.
Geld ist Sand[1].
— Кто ваш зять?
— Му — зы — кант.

Дудка! для этого нужен дых
Дюжий, — весь день дудишь-то!
Не затруднительно в молодых
Лётах, а что с одышкой?

Не пригодишься и нужники
Чистить. В слепцы, с жестянкой?
А неоплатные должники —
Все́ они музыканты!

Ратсгерры белым
Полнятся гневом:
— Первую в целом
Городе — деву?

Первому? — браво!
Встречному? — ново!
— За крысодава?
— За крысолова?

— Бессахарника?
— За каторжника!

---

[1] Дсньги — пссок *(нем.)*.

Общий ров.
Гроб в обрез.
Ни венков.
Ни словес.

Помер — прей.
Unbekannt[1].
— Кто был сей?
— Му — зы — кант.

Сомущены — в сумятице —
Глазки, обычно в маслице,
Губки, обычно бантиком,
Ратсгерра от Романтики:

— «В городе Гаммельне вечных благ
Нет, хоть земных и густо.
Гения с Гаммельном — тот же брак,
Что соловья с капустой.

К *Розе* приписана соловью
Страсть. Изменив пенатам,
Над соловьем моим слезы лью,
А соловей — женатый!

Гения с Гаммельном — где же такт?
Вкус? — не в родстве! не в тоне!
Невразумительней есть ли факт,
Чем соловей — в законе?

Брак — это зá борт: засесть, залечь,
Закись — тюфяк — свинина...
Не небожителя слышу речь,
Други, а мещанина!

Сам в бургомистровы рад бы влезть
Туфли — так я — предместье!
Но небожителю — чтó за честь
Звать бургомистра — тестем?

Многозначителен — так красив,
Высокосерд — так знатен.
Миродержателя сыном быв,
Стать бургомистра зятем?

Кухонку?
Куколку?
Кольчико?
Только-то?

[1] Неизвестен *(нем.)*.

Что не для лириков — Гименей,
Вам и ребенок скажет.
Остепенившийся соловей —
Недопустимый казус!

Коль небожители в царстве тел —
Ни лоскутка на дыры
Вам, ибо правильный был раздел
Благ при начале мира:

Нам — только видимый, вам же весь
Прочий (где несть болезни!).
Коль божество, в мясники не лезь,
Как в божества не лезем.

Вам — миродержствовать, нам — родить:
Здесь близнецы, там тройня.
Но музыканту счастливым быть —
По́просту непристойно!

Так предоставьте же сладкий кус
Обыкновенным смертным!
Ваша амброзия слаще уст
Женских, и чище — не́ктар.

Иерофанты в грязи колес,
Боги в чаду блудилищ —
Плачьте и бдите, чтоб нам спалось,
Мрите — чтоб мы плодились!

А бургомистрову дочку — план
Дольний — другим заменим.
Впрочем, в подобных делах профан
И ожидаю мненья

Следующих...»

Поразрумянился весь совет,
Лбищи понапружили.
В Гаммельне собственных мыслей нет,
Только одне чужие.

Не мудрено: на земле живут,
Не в облаках витают.
Да и чужих не сказать, чтоб пуд, —
Только одна, и та ведь

Авто́рская... Шепоток вдоль стен:
«Что́ бы ему взамен?»

— Что-нибудь нужное!
Удочку! Дюжину

Недорогих носков!
— Туфельку для часов!

— Что-нибудь ná стену!
Краскою масляной
Кайзера на коне!
— Дело ведь не в цене!

— Нотную папочку!
— Тросточку! Ná плечи
Что-нибудь из тряпья!
— Кисточку для бритья!

— Так себе — чуточку!
— Штучно! — Посуточно!
Не при дворе ж! в глуши!
— Главное — от души!

— Самую капельку!
— Крохотку! — Крапинку!
— Каб налицо — сюртук,
Я б предложил — утюг:

Прочно и дешево!
— Главное - пошибом
Взять: для подобных бар
Жест — наилучший дар.

Прочее — дорого.
— Дешево — здорово!
Без роковых затрат,
В дельности — аттестат.

Деньги — безвкусица!
Каперцы, устрицы, —
Не диабет — нефрит.
— Гений мечтами сыт.

Доброе мнение —
Вот она, гению,
Плата: кошель похвал.
— Смертный дороже б взял.

Стало быть — аттестационный лист.

РАТСГЕРР ОТ РОМАНТИЗМА:

— Эврика! В руки бейте!
Коль по призванию он — флейтист,
Значит — футляр на флейту!

Раты — в плёск,

Герры — в хлоп.
— Ну и мозг!
— Ну и лоб!

Geben — frisst,
Leb' heisst spar'...[1]
Раз флейтист —
Так футляр.

— Слажено! — Сложено!
— Замшевый! — Кожаный!

— Для музыкальных душ
Так же приятен плюш.

— Стало быть — плюшевый!
— Ратсгерры, кушанье
Стынет. — Коль нежность — цель,
Так же нежна фланель.

— Главное — умысел!
— В траты не сунувшись,
Чтоб от души — к душе —
Так из папье-маше!

Кабы малейший какой в душе
Прок был — у всех была бы.
А в переводе папье-маше —
Жеваная бумага.

Хоть не корова, а нажую!
Боги — а рты замажем!
Так же как критика — соловью:
Жвачкой, притом — бумажной.

— Чистой! без примеси!
— Принято! Принято!

— Хлопковой! Рисовой!
— Браво! Подписано!

БУРГОМИСТР:

Не проскочил — в зятья!
Но, человека чтя
И в музыканте —
Ратсгерры, встаньте!

[1] Дадим — слопает, жить — значит экономить... *(нем.)*.

Девы, монет не тратящей,
Постановленье ратуши:

Гаммельн — не в царстве душ.
Раз музыкант — не муж,
Раз музыкант — не зять.
В названной отказать
Девушке. (В царстве цен!)
И предложить взамен
Нечто из царства чар:
На инструмент — футляр.

Жвачно-бумажный.
Ибó не важно —
Чтó — («Вещество — лишь знак».
Гёте) — а важно — кáк.

Тих как мех.
Тих как лев.
Губы в смех.
Брови в гнев.

Выше звезд,
Выше слов,
Во весь рост —
Крысолов.

«Раз музыкант — так мот.
Дудки не бережет
Дудочник. Треснет — свистнет.
Чехолоненавистник
Он — и футлярокол.
Раз музыкант — так гол.

Чист. Для чего красе —
Щит? Гнойники скрывают!
Кто со всего и всé
В мире — чехлы срывает!

Нехороша — так пнуть!
Чтоб просияла суть.

Нс в ушсса, а в слух
Вам протрубят к обедне
В день, когда сбросит дух
Тело: чехол последний.

В день, когда станут — льды.
В душу — и *без* трубы.

Не в инструменте – в нас
Звук. Разбивайте дудки!
Зорче всего – без глаз
Видящий. Самый гудкий

И благодарный зал –
Грудь. Никогда не мал.

Не соловью беречь
Горло. (Три капли нá ночь!)
Что до футляра – в печь!
Или наденьте нá нос...

Ратсгерры! Долг и мзду –
Дочь бургомистра. Жду».

Зашушукали: шу-шу-шук...
«За каких-нибудь десять штук

Жалких – благо бы крыс! – мышей!
Не видать как своих ушей».

Грета, Грета, попалась в сеть!
Легче уши свои узреть,

Нежель душу.
— Камыш, шурши!
Не видать как своей души.

ДЕТСКИЙ РАЙ

(Глава шестая и последняя)

Розан ал, студень гол,
А будильник – зол.

В школу! В школу! В школу! В школу!
Норд-Ост – в спину! Норд-Вест – в полы!

Не продравши глаз –
В класс! в класс! в класс!

Жарче шуб, слаще дынь –
А будильник: дзинь!

Разрывай-рывай глаза!
Спать нельзя! нельзя! нельзя!

Собирай-бирай мозги!
Тьма — ни зги! ни зги! ни зги!

Но — гами в чан!
Под кран! Под кран!

Не роман и не драма, — скушна весьма!
Из-под крана смывайте румяна сна!

Готы идут и гунны.
Но, говоря разумно,

Так от готов и гуннов — а мир был мал! —
Что осталось? Хороший балл.

Гул да балл.
Гунн да галл.
(Спутал — влёт).
Галл да гот.

Гот да галл.
— Слишком мал —
Гунн да гот,
— Бутерброд.

Гунны — конные, ножки гнуты.
В фунте двадцать четыре фута.
Плюс на минус выходит — плюс.
Цезарь — немец.

Сейчас проснусь.

Спит сурок, спит медведь.
— Спать не сметь! не сметь! не сметь!

Спит мертвец, спит индус.
— Отосплюсь — просплюсь — просплюсь...

Буки — Аз —
В щелки глаз.

Сотней ос —
В ноздри, в нос.

Нá сто лет, нá сто мод —
Мой завод — завод — завод.

— Рухнет дуб, рухнет трон —
Заведён — ведён — ведён.

Сотни лет, сотни мод —
А что дальше будет —

Скажет тот, скажет тот,
Кто будильник – будит.

Чтó есть час? чтó есть год?
Ведь и кратер глохнет!
Скажет тот, скажет тот,
Кто будильник грохнет.

Час пропал, день сгорел,
А будильник – цел.

Были долы –
Выросли горы.
Нынче – в школу,
Завтра – в контору.

Где вы, пчелы?
Где вы, зубрилы?
Нынче в школу,
Завтра в могилу...

Утомительней мошкары...
– Шко – ля – ры!

Чтó это? Новый звук!
Книги летят из рук
– Мимо – и прямо в печь.
Руки хотят от плеч,

Слезы хотят из глаз,
Сало упало в таз,
Мыло упало в суп –
В школьную Morgensupp![1]

Звуки! Звуки! Как из лейки!
Как из тучи! Как из глаз!
Это флейта, это флейта
Это флейта залилась!

Скоки! Скоки! Как из стойла!
Топот-прúтоп, топот пряд
– Флейта, лей нам! Флейта, пой нам! –
Жеребят, козлят, телят.

Вольница.
Конница.
Школьники.
Школьницы.

[1] Утреннюю похлебку! *(нем.)*

Что ливень с суков,
Что щебень с горы —
Со всех чердаков
Горох детворы.

Школьник? Вздор. Бальник? Сдан.
Ливня, ливня барабан!

Глобус? Сбит. Ранец? Снят.
Щебня, щебня водопад!

Всплески! Всплески! Как из шайки!
Атлас, старься! Грифель, жди!
В роще — сойки, в роще — зайки,
В роще — белые дрозды!

Крики! Крики! Так, примером,
Рты и глотки растворя,
Дикари миссионером
Заедают жития.

— Дет — во — ра!
Золотых вечеров мошкара...
Ди — ка — ри!
Голосистых прудов пискари...

Прочь из нор!
Мотылек — не сурок, не бобер.
Прочь из школ!
Ведь еще первоцвет не отцвел.

Есть у меня — не в службу, а в дружбу! —
Для девочек куклы, для мальчиков ружья,
— Глубокая ловля и быстрая гребля, —
Для девочек — иглы, для мальчиков — кегли,

На — ряд и доспех,
И — вафли — для всех.

Птичкам — рощица, рыбкам — о́зерце,
На все́ особи, на все́ возрасты!

Младшим — сладости, старшим — пряности, —
На все́ тайности, на все́ странности.

Блеск — больно глазам:
Эдем и Сезам.

Под родительскою крышею
Вы там-там бессонный слышали?

Под родительскою кровлею
Кто шербет блаженный пробовал?

Дом — тесный загон
Для львов и для жен.

Есть у меня — сказал, так в ладони! —
Для девочек лани, для мальчиков кони,
Плоды Соломона и розы Саади,
Для мальчиков — войны, для девочек — свадьбы,

Весь мир — нараспев
И ласка для всех.

Рыбки в лужице! Птички в клетке!
Уничтожимте все́ отметки!

Рыбкам — озерце, птичкам — лето, —
Уничтожены все́ предметы!

Рож — дественский стол
В древнейшей из школ.

— Говорят, что он в зеленом!
— Где ж он? — Я иду за звоном.

— Он в жару меня баюкал.
— Где ж он? — Я иду за звуком.

— Я за красною фатой.
— Я за старшею сестрой.

— Говорят, что рай — далёко.
— Я не выучил урока.

— Что-то боязно мне втайне.
— Я — за дальним. Я — за крайним.

— Я — чтоб детство наверстать.
— Не остаться. — Не отстать.

— За отчаявшимся кладом.
— Я — за славой. Я — за стадом.

— Всё равно — домой нельзя уж!
Я — так за́ море! Я — замуж.

— Потому что в школе бьют.
— Потому что все́ идут.

— Ночевать хотел бы в сене.
— Я — за Францем. Я — за всеми.

— Воевать хотел бы с львами.
— Я? не знаю. Ноги сами.

Потому что фатер — бьет.
Потому что — *всё* идет!

...Колотушки — и те в миндалинках!
Погремушки для самых маленьких!
Сказки — пастора рассмешишь!
И романтики для больших.

На всякие нужды! на всякие вкусы!
Для мальчиков — пули, для девочек — бусы.
На всякие жажды! на всякие масти!
Для мальчиков — игры, для девочек — страсти.

Без свах, без помех.
И — письма — для всех.

— Говорят, что он заводит,
Топит. (Ворочай, народец!)

— Заведет, потом загубит!
— Раз не *может,* так не будет

Хуже! — В лад — так не злодей!
— В ад — так без проповедей!

— Хорошо еще, что вместе,
Кучей. — А сказать по чести...

(То с воды идет, то свыше, —
Где ж он?) — Ничего не слышу:

Ни гопп-гопп и ни ду-ду, —
Всё идут, и я иду.

— Есть у меня — всё, всё, кроме ренты!
Для мальчиков флинты, для девочек ленты,
Дозорные знаки и тайные числа,
Для девочек — звуки, для мальчиков — смыслы,

Сих — с теми — родство.
И — рифма — на всё.

Ветер в полы!
Мимо школы!

Целым цирком —
Мимо кирки.

Кем ни разу не ласкан
Да без просыпу таскан —
До свидания, классный!
До свидания, пастор!

Не напишем и не пиши!
— Малыши!

Есть у меня — не всё перескажешь! —
Для мальчиков — радость, для девочек — тяжесть,
Нежна — перелюбишь, умна — переборешь.
Для мальчиков — сладость, для девочек — горечь.

Дно — страсти земной...
И — рай — для одной.

Здесь — путы,
Здесь — числа...

Разруха...
Разлука...

Рай — сути,
Рай — смысла,
Рай — слуха,
Рай — звука.

Точно облачко перистое,
Шепот: Грета бургомистрова!

Стройтесь, резвые невестины
Сёстры в свадебное шествие.

Позабыв о сальных бальниках —
За́ руку берите маленьких.

Школьный дом уже с горошину!
На́ руки берите крошечных

Братцев аистовых...
— Не раскаиваться!

Вроде благовеста...
— Не оглядываться!

Вот он, в просторы стай,
Города самый край.

— Зарастай,

След от ног наших. Спросят — в Китай.
Враний грай,
Голоса и шаги заглушай.

Вы, кусты,
Не храните одежд лоскуты.
Ветер, ты
Голоса и шаги относи.

Без следа!
Говорят, что сегодня среда:
День труда.
В том краю воскресенье всегда.

Жить — стареть,
Неуклонно стареть и сереть.
Жить — врагу!
Всё, что вечно — на том берегу!

В царстве моем — ни тюрем, ни боен, —
Одно ледяное! одно голубое!
Под зыбкою рябью, под зыбкою кровлей
Для девочек — перлы, для мальчиков — ловля

Их. — С грецкий орех!
И — ванна — для всех.

Спи-усни, спи-исчезнь,
Жемчуг — чу́дная болезнь.

Хворост — сер. Хочешь — ал?
Вместо хворосту — коралл.

В царстве моем — ни свинки, ни кори,
Ни высших материй, ни средних историй,
Ни расовой розни, ни Гусовой казни,
Ни детских болезней, ни детских боязней:

Синь. Лето красно́.
И — время — на всё.

Тише, тише, дети! Отданы
В школу тихую, подводную.

Лейтесь, лейтесь, розы щёчные,
В воду вечную, проточную.

Кто-то: мел! кто-то: ил!
Кто-то: ноги промочил!

Кто-то: вал! кто-то: гул!
Кто-то: озера хлебнул!

А вода уже по пальчики
Водолазам и купальщицам...

Жемчуга навстречу сыплются.
А вода уже по щиколку...

Под коленочки норовит.
— Хри—зо—лит!

Красные мхи, лазурные ниши...
(А ноги всё ниже, а небо всё выше...)
Зеркальные ложи, хрустальные зальца...
А что-то всё ближе, а что-то всё дальше...

— Берегись! По колено ввяз!
— Хри—зо—праз!

А вода уже по плечико
Мышкам в будничном и в клетчатом.

Выше, выше, носик вздернутый!
А вода уже по горлышко,—

Усладительней простыни...
— Хру—ста—ли...

В царстве моем (нежнейшее dolce[1])...
А веку всё меньше, а око всё больше...
Болотная чайка? Младенческий чепчик?
А ноги всё тяжче, а сердце всё легче...

Поминай, друзья и родичи!
Подступает к подбородочку,

Хороши чертоги выстроил
Нищий—дочке бургомистровой?

— Вечные сны, бесследные чащи...
А сердце всё тише, а флейта всё слаще...
— Не думай, а следуй, не думай, а слушай...
А флейта всё слаще, а сердце всё глуше...

— Муттер, ужинать не зови!

Пу—зы—ри.

Вшеноры, март 1925—
Париж, ноябрь 1925

[1] Нежнейший тон *(ит.)*.

С МОРЯ

С Северо-Южным,
Знаю: неможным!
Можным — коль нужным!
В чем-то дорожном,

— Воздухокрутом,
Мчащим щепу! —
Сон три минуты
Длится. Спешу.

С кем — и не гляну! —
Спишь. Три минуты.
Чем с Оксана —
Долго — в Москву-то!

Молниеносный
Путь — запасной:
Из своего сна
Прыгнула в твой.

Снюсь тебе. Четко?
Глядко? Почище,
Чем за решеткой
Штемпельной? Писчей —

Стóю? Почтовой —
Стóю? Красно?
Честное слово
Я, не письмо!

Вольной цезуры
Нрав. Прыгом с барки!
Чтó без цензуры —
Даже без марки!

Всех объегоря,
— Скоропись сна! —
Вот тебе с моря —
Вместо письма!

Вместо депеши.
Вес? Да помилуй!
Столько не вешу
Вся – даже с лирой

Всей, с сердцем Ченчи,
Всех, с целым *там.*
Сон, это меньше
Десяти грамм.

Каждому пó три –
Шесть (сон взаимный).
Видь, пока смотришь:
Не анонимный

Нос, твердозначен
Лоб, буква букв –
Ять, ять без сдачи
В подписи губ.

Я – без описки,
Я – без помарки.
Роз бы альпийских
Гордость, да хибарка

Нá море, да но
Волны добры.
Вот с Океана,
Горстка игры.

Мало-помалу бери, как собран.
Море играло. Играть – быть добрым.
Море играло, а я брала,
Море теряло, а я клала

Зá ворот, зá щеку, – терпко, мóрско!
Рот лучше ящика, если горсти
Заняты. Валу, звучи, хвала!
Муза теряла, волна брала.

Крабьи кораллы, читай: скорлупы.
Море играло, играть – быть глупым.
Думать – седая прядь! –
Умным. Давай играть!

В рáкушки. Темп un petit navir'a[1].
Эта вот – сердцем, а эта – лирой,

Эта, обзор трех куч,
Детства скрипичный ключ.

---

[1] Речь идет о детской песенке *(фр.)*.

Подобрала у рыбацкой лодки.
Это — голодной тоски обглодки:

Камень — тебя щажу, —
Лучше волны гложу,

Осатанев на пустынном спуске.
Это? — какой-то любви окуски:

Восстановить не тщусь:
Так неглубок надкус.

Так и лежит не внесенный в списки.
Это — уже не любви — огрызки:

Совести. Чем слезу
Лить-то — ее грызу,

Не угрызомую ни на столько.
Это — да нашей игры осколки

Завтрашние. Не видь.
Жаль ведь. Давай делить.

Не что понравится, а что выну.
(К нам на кровать твоего бы сына
Третьим — нельзя ль в игру?)
Первая — я беру.

Только песок, между пальцев, ливкий.
Стой-ка: какой-то строфы отрывки:
«Славы подземный храм».
Ладно. Допишешь сам.

Только песок, между пальцев, плёский.
Стой-ка: гремучей змеи обноски,
Ревности! Обновясь,
Гордостью назвалась.

И поползла себе с полным правом.
Не напостовцы — стоять над крабом
Выеденным. Не краб:
Славы кирпичный крап.

Скромная прихоть:
Камушек. Пемза.
Полый как критик.
Серый как цензор

Над откровеньем.
— Спят цензора! —
Нашей поэме
Цензор — заря.

(Зори — те зорче:
С током Кастальским
В дружбе. На порчу
Перьев — сквозь пальцы...

«Вирши, голубчик?
Ну и черно́!»
И не взглянувши:
Разрешено!)

Мельня ты мельня, морское ко́ло!
Мамонта, бабочку, — всё смололо
Море. О нем — щепоть
Праха — не нам молоть!

Вот только выговорюсь — и тихо,
Море! прекрасная мельничиха,
Место, где на мели
Мелочь — и нас смели!

Преподаватели! Пустомели!
Материки, это просто мели
Моря. Родиться (цель —
Множиться!) — сесть на мель.

Благоприятную, с торфом, с нефтью.
Обмелевающее бессмертье —
Жизнь. Невпопад горды!
Жизнь? Недохват воды

Недокеанской.
Винюсь заране:
Я нанесла тебе столько дряни,
Столько заморских див:
Всё, что нанес прилив.

Лишь оставляет, а брать не просит.
Странно, что это — отлив приносит,
Убыль, в ладонь, дает.
Не узнаешь ли нот,

Нам остающихся по́ две, по́ три
В час, когда Бог их принесший — отлил,
Отбыл... Орфей... Арфист...
Отмель — наш нотный лист!

— Только минуту еще на сборы!
Я нанесла тебе столько вздору:
Сколько язык смолол, —
Целый морской подол!

Как у рыбачки, моей соседки.
Но припасла тебе напоследки
Дар, на котором строй:
Море роднит с Москвой,

Советороссию с Океаном
Республиканцу – рукой шуана –
Сам Океан-Велик
Шлет. Нацепи на шлык.

И доложи мужикам в колосьях,
Что на шлыке своем краше носят
Красной – не верь: вражду
Классов – морей звезду!

Мастеровым же и чужеземцам:
Коли отстали от Вифлеемской,
Клин отхватив шестой,
Обречены – морской:

Прабогатырской, первобылинной.
(Распространяюсь, но так же длинно
Море – морским пластам.)
Так доложи ж властям,

– Имени-звания не спросила –
Что на корме корабля Россия
Весь корабельный крах:
Вещь о пяти концах.

Голые скалы, слоновьи ребра...
Море устало, устать – быть добрым.
Вечность, махни веслом!
Влечь нас. Давай уснем.

Вплоть, а не тесно,
Огнь, а не дымно.
Ведь не совместный
Сон, а взаимный:

В Боге, друг в друге.
Нос, думал? Мыс!
Брови? Нет, дуги,
Выходы из –

Зримости.

Вандея, St. Gilles-sur-Vie.
Май 1926

ПОПЫТКА КОМНАТЫ

Стены косности сочтены
До меня. Но—заскок? случайность?—
Я запомнила три стены.
За четвертую не ручаюсь.

Кто же знает, спиной к стене?
Может *быть*, но ведь может *не*

Быть. И не было. Дуло. Но
Не стена за спиной—так..? Всё, что
Не угодно. Депеша «Дно»,
Царь отрекся. Не только с почты

Вести. Срочные провода
Отовсюду и отвсегда.

На рояле играл? Сквозит.
Дует. Парусом ходит. Ватой—
Пальцы. Лист сонатинный взвит.
(Не забудь, что тебе—девятый.)

Для невиданной той стены
Знаю имя: стена спины

За роялем. Еще—столом
Письменным, а еще—прибором
Бритвенным (у стены—прием—
Этой—делаться коридором

В зеркале. *Перенес*—взглянул.
Пустоты переносный стул).

Стул для всех, кому не войти—
Дверью,—чуток порог к подошвам!
Та стена, из которой *ты*
Вырос—поторопилась с прошлым—

Между нами еще абзац
Целый. Вырастешь как Данзас—

Сзади.
        Ибо Данзасом — *та,*
Званым, избранным, с часом, с весом,
(Знаю имя: стена хребта!)
Входит в комнату — не Дантесом.

Оборот головы. — Готов?
Так и ты через десять строф.

Строк.
        Глазная атака в тыл.
Но, оставив разряд заспинный,
Потолок достоверно — *был.*
Не упорствую: как в гостиной,

Может быть и чуть-чуть косил.
(Штыковая атака в тыл —
Сил.)
      И вот уже мозжечка
Сжим. Как глыба спина расселась.
Та сплошная стена Чека,
Та — рассветов, ну та — расстрелов

Светлых: четче, чем на тени
Жестов — в спину из-за спины.

То, чего не пойму: расстрел.
Но, оставив разряд застенный,
Потолок достоверно цел
Был (еще впереди — зачем нам

Он). К четвертой стене вернусь:
Та, куда, отступая, трус
Оступается.
            «Ну, а пол —
Был? На чем-нибудь да ведь надо ж?..»
Был. — Не всём. — На качель, на ствол,
На коня, на канат, на шабаш, —

Выше!..
        Всем нам на *«тем свету»*
С пустотою сращать пяту
Тяготенную.
            Пол — для ног.
— Как внедрен человек, как вкраплен! —
Чтоб не капало — потолок.
Помнишь, старая казнь — по капле

В час? Трава не росла бы в дом —
Пол, земля не вошла бы в дом —

Всеми — теми — кому и кол
Не препятствие ночью майской!
Три стены, потолок и пол.
Всё, как будто? Теперь — являйся!

Оповестит ли ставнею?
Комната на́спех составлена,
Белесоватым по́ серу —
В черновике набросана.

Не штукатур, не кровельщик —
Сон. На путях беспроволочных
Страж. В пропастях под веками
Некий нашедший некую.

Не поставщик, не мебельщик —
Сон, поголее ревельской
Отмели. Пол без блёсткости.
Комната? Просто — плоскости.

Дебаркадер приветливей!
Нечто из геометрии,
Бездны в картонном томике,
Поздно, но по́лно, понятой.

А фаэтонов тормоз-то —
Стол? Да ведь локтем кормится
Стол. Разлоктись по склонности,
Будет и стол — настольности.

Так же, как деток — аисты:
Будет нужда — и явится
Вещь. Не пекись за три́ версты!
Стул вместе с гостем вырастет.

Все вырастет,
Не ладь, не строй.
Под вывеской
Сказать — какой?

Взаимности
Лесная глушь
Гостиница
Свиданье Душ.

Дом встречи. Все́ — разлуки —
Те, хоть южны́м на юг!
Прислуживают — руки?
Нет, то, что тише рук,

И легче рук, и чище
Рук. Подновленный хлам
С услугами? Тощища,
Оставленная там!

Да, здесь мы недотроги,
И вправе. Рук — гонцы,
Рук — мысли, рук — итоги,
Рук — самые концы...

Без судорожных «где ж ты?».
Жду. С тишиной в родстве,
Прислуживают — жесты
В Психеином дворце.

Только ветер поэту дорог!
В чем уверена — в коридорах.

Прохожденье — вот армий база.
Дóлжно долго идти, чтоб сразу

Середь комнаты, с видом бога-
Лиродержца...
--Стиха дорога!

Ветер, ветер, над лбом — как стягом
Подымаемый нашим шагом!

Водворенное «и так дале» —
Коридоры: домашнесть дали.

С грачьим профилем иноверки
Тихой скоростью даль, по мерке

Детских ног, в дождеватом пруфе
Рифмы милые: грифель — туфель —

Кафель... в павлиноватом шлейфе
Где-то башня, зовется Эйфель.

Как река для ребенка — галька,
Дали — долька, не даль — а далька,

В детской памяти, струнной, донной —
Даль с ручным багажом, даль — бонной...

Не сболтнувшая нам (даль в модах)
Чтó там тащится на подводах...

Доведенная до пенала...
Коридоры: домов каналы.

Свадьбы, судьбы, событья, сроки, —
Коридоры: домов притоки.

В пять утра, с письмецом подметным,
Коридором не только метлы

Ходят. Тмином разит и дерном.
Род Занятия? Ко — ри — дорный.

То́ лишь требуя, что смолола —
Коридорами — Карманьола!

Кто коридоры строил
(Рыл), знал куда загнуть,
Чтобы дать время крови
За́ угол завернуть

Се́рдца — за тот за острый
Угол — громов магнит!
Чтобы сердечный остров
Со всех сторон омыт

Был. Коридор сей создан
Мной — не проси ясней! —
Чтобы дать время мозгу
Оповестить по всей

Линии — от «посадки
Нету» до узловой
Сердца: «Идет! Бросаться —
Жмурься! А нет — долой

С рельс!» Коридор сей создан
Мной *(не поэт* — спроста!),
Чтобы дать время мозгу
Распределить места,

Ибо свиданье — местность,
Роспись — подсчет — чертеж —
Слов, не всегда уместных,
Жестов, погрешных сплошь.

Чтобы любовь в порядке —
Вся, чтоб тебе люба —
Вся, до последней складки —
Губ или платья! Лба.

Платье всё оправлять умели!
Коридоры: домов туннели.

Точно старец, ведомый дщерью —
Коридоры: домов ущелья.

Друг, гляди! Как в письме, как в сне том —
Это *я́* на тебя просветом!

В первом сне, когда веки спустишь —
Это *я́* на тебя предчувствьем

Света. В крайнюю точку срока
Это *я́* — световое око.

А потом?
Сон есть: в тон.
Был — подъем,
Бал — наклон

Лба — и лба.
Твой — вперед
Лоб. Груба
Рифма: рот.

Оттого ль, что не стало стен —
Потолок достоверно крен

Дал. Лишь звательный цвел падёж
В ртах. А пол — достоверно брешь.

А сквозь брешь, зелена как Нил...
Потолок достоверно плыл.

Пол же — что́, кроме «провались!» —
Полу? Что́ нам до половиц
Сорных? Мало мела? — Горе́!
Весь поэт на одном тире

Держится...
                    Над *ничем* двух тел
Потолок достоверно пел —

Всеми ангелами.

St. Gilles-sur-Vie,
6 июня 1926

ПОЭМА ЛЕСТНИЦЫ

Короткая ласка
На лестнице тряской.
Короткая краска

Лица под замазкой.
Короткая — сказка:
Ни завтра, ни здравствуй.

Короткая схватка
На лестнице шаткой,
На лестнице падкой.

В доме, где по ночам не спят,
Каждая лестница водопад —

В ад...
— стезею листков капустных!
Точно лестница вся из спусков,

Точно больше (что́ — жить! жить — жечь!)
Расставаний на ней, чем встреч.

Так, до розовых уст дорваться —
Мы порой забываем: здравствуй.
Тех же уст покидая край —
Кто — когда — забывал: прощай.

Короткая шутка
На лестнице чуткой,
На лестнице гудкой.

От грешного к грешной
На лестнице спешной
Хлеб нежности днешней.

Знаешь проповедь
Тех — мест?
Кто работает —
Тот — ест.

Дорого в лавках!
Тощ — предприимчив.
Спать можно завтра,
Есть нужно нынче.

В жизненной давке —
Княжеский принцип:
Взять можно завтра,
Дать нужно нынче.

Взрывом газовым
Час. Да-с.
Кто отказывал,
Тот — даст.

Даст!
(Нынче зубаст
Газ) ибо за нас
— Даст! — (тигр он и барс)
— Даст! — Черт, а не Маркс!

Ящик сорный,
Скажут, скажите: вздор.
И у черной
Лестницы есть ковер.

(Масти сборной,
Правда...) Чеснок, коты, —
И у черной
Лестницы есть Coty.

Любят сласти-то
Черваки теснот!
Это — классика:
Чердаку — чеснок.

Может лечатся...
А по мне — так месть:
Черной лестницы
Черноту заесть.

Стихотворец, бомби́ст, апаш —
Враг один у нас: бель-этаж.

Короткая сшибка
На лестнице щипкой,
На лестнице сыпкой —
Как скрипка, как сопка,
Как нотная стопка.
Работает — топка!

Короткая встрепка
На лестнице шлепкой,
На лестнице хлопкой.

Бьем до искр из глаз,
Бьем — в лёжь.
Чтó с нас взыскивать?
Бит — бьешь.

Владельца в охапку —
По лестнице кашкой,
По лестнице хлипкой —

Торопится папка,
Торопится кепка,
Торопится скрипка.

— Ох, спал бы и спал бы!
Сжевала, сгноила, смолола!
Торопятся фалды,
Торопятся фалды,
Торопятся полы.

Судор'жь! Сутолочь!
Бег! Приз!
Сами ж путают:
Вверх? вниз?

Чтó этаж — свой кашель:
В прямой связи.
И у нашей
Лестницы есть низы,

Кто до слез, кто с корнем,
Кто тáк, кхи, кхи —
И у черной
Лестницы есть верхи.

— Вас бы выстукать!
— Кúркой в грудь — ужо!
Гамма приступов
От подвала — до

Крыши — грохают!
Большинством заплат —
Маркса проповедь
На стравинский лад.

Короткая спевка
На лестнице плёвкой:
Низов голосовка.

Не спевка, а сплёвка:
На *лестницу* легких
Ни цельного — ловко!

Торопкая склёвка.
А ярости — в клохтах!
Работают — ох как!

Что́ ни бросите —
Всё — в ход.
Кто не досыта ест —
Жрет.

Стол — как есть домашний:
Отъел — кладут.
И у нашей
Лестницы — карта блюд.

Всех сортов диета!
Кипящий бак —
И у этой
Лестницы — Франценсбад.

Сон Иакова!
В старину везло!
Гамма запахов
От подвала — до

Крыши — стряпают!
Ре-ми-фа-соль-си —
Гамма запахов!
Затыкай носы!

Точно в аду вита,
Раскалена — винта

Железная стружка.
Которая стопка
Ног — с лестницы швыркой?

Последняя сушка,
Последняя топка,
Последняя стирка.

Последняя сцепка
Двух — кости да тряпки —
Ног — с лестницей зыбкой.

Последняя папка,
Последняя кепка,
Последняя скрипка.

Тихо. — Даже — кашель
Иссяк, дотряс.
И у нашей
Лестницы есть свой час

Тишины...

Последняя взбёжка
По лестнице дрожкой.
Последняя кошка.

Темнота всё стерла —
И грязь, и нас.
И у черной
Лестницы есть свой час

Чистоты...

Откуда — узнай-ка! —
Последняя шайка —
— Рейн, рухнувший с Альп —
Воды́ об асфальт

Двора...

Над двором — узорно:
Вон — крест, вон — гроздь...
И у черной
Лестницы — карта звезд.

Ночь — как бы высказать?[1]
Ночь — вещи исповедь.
Ночь просит искренности,
Вещь хочет высказаться —

Вся! Все унижены —
Сплошь, до недвижимых
Вплоть. Приступ выспренности:
Вещь хочет выпрямиться.

Винт черной лестницы —
Мнишь — стенкой лепится?
Ночь: час молитвенностей:
Винт хочет вытянуться.

Высь — вещь надежная.
В вещь — честь заложена.
Ложь вижу выломанной
Пря — мою линиею.

[1] Между первым и вторым слогом перерыв (*примеч. М. Цветаевой*).

Двор — горстка выбоин,
Двор — год не выгребен! —
Цветами, ягодами —
Двор бредит за́городом.

Вещь, бросив вежливость:
— Есмь мел! железо есмь!
Не быть нам выкрестами!
Жид, пейсы выпроставший.

Гвоздь, кафель, стружка ли —
Вещь — лоно чувствует.
С ремёсл пародиями
В спор — мощь прародинная.

Стекло, с полок бережных:
— Пе — сок есмь! Вдребезги ж!
Сти — хий пощечина!
Стекло — в пыль песочную!

Прочь, ложь и ломанность!
Тю — фяк: солома есмь!
Мат — рас: есмь водоросль!
Всё, вся: природа есмь!

Час пахнет бомбою.
Ве — ревка: льном была!
Огнь, в куче угольной:
— Был бог и буду им!

Что́ сталось с кранами?
— Пал — бог и встану им!
Чтоб сразу выговорить:
Вещь хочет выздороветь.

Мы, с ремеслами, мы, с заводами,
Что мы сделали с раем, отданным
Нам? Нож первый и первый лом,
Что́ мы сделали с первым днем?

Вещь как женщина нам поверила!
Видно, мало нам было дерева
И железа — отвесь, отбей! —
Захотелось досо́к, гвоздей,

Щеп! удо́боваримой мелочи!
Что мы сделали, первый сделавши
Шаг? Планету, где всё о Нем —
На предметов бездарный лом?

Мы — с ремеслами, мы — с искусствами!
Растянув на одре Прокрустовом
Вещь... Замкнулась и ждет конца
Вещь — на адском одре станка.

Слава разносилась реками,
Славу утверждал утес.
В мир — одушевленный некуда! —
Что же человек превнес?

Нужно же, чтоб он, сей видимый
Дух, болящий бог — предмет
Неодушевленный выдумал —
Лживейшую из клевет!

Вы с предметами, вы с понятьями,
Вы с железом (дешевле платины),
Вы с алмазом (знатней кремня),
(С мыловаром, нужней меня!)

Вы с «незыблемость», вы с «недвижимость»,
На ступеньку которой — ниже нет,
В эту плесень и в эту теснь
Водворившие мысль и песнь —

(Потому-то всегда взрываемся!)
Что́ вы сделали с первым равенством
Вещи — всюду, в любой среде —
Равной ровно самой себе.

Дерево, доверчивое к звуку
Наглых топоров и нудных пил,
С яблоком протягиваю руку.
Человек — рубил.

Горы, обнаруживая руды
Скрытые (впоследствии «металл»),
Твердо устанавливали: чудо!
Человек — взрывал.

Просвещенная сим приемом
Вещь на лом отвечает — ломом.
Стол всегда утверждал, что — ствол.
Стул сломался? Нет, сук подвел.

В лакированных ваших клетках
Шумы — думаете — от предков?
Просто, звезды в окно узрев,
Потянулся, в пазáх, орех.

Просыпаешься — как от залпа.
Шкаф рассохся? Нет, нрав сказался
Вещи. Двóрни домашней бал!
Газ взорвался? Нет, бес взыграл!

Ровно в срок подгниют перильца.
Нет — «нечаянно застрелился».
Огнестрельная воля бдит.
Есть — намеренно был убит

Вещью, в негодованьи стойкой.
В пустоту не летит с постройки
Камень — навыки таковы:
Камень требует головы!

Месть утеса. С лесов — месть леса!
Обстановочность этой пьесы!
Чем обставились? Дуб и штоф?
Застрахованность этих лбов!

Всё страхующих — вплоть до ситки
Жестяной. Это ты — тростник-то
Мыслящий? — Биллиардный кий!
Застрахованность от стихий!

От Гефеста — со всем, что в оном —
Дом, а яхту — от Посейдона.
Оцените и мысль и жест:
Застрахованность от божеств!

От Гефеста? А шпиль над крышей —
От Гефеста? Берите выше!
Но и тише! От всех в одном:
От Зевеса страхуют дом.

Еще плачетесь: без подмоги!
Дурни, спрашивается, боги,
Раз над каждым — язык неймет! —
Каждым домом — богоотвод!

Бухты, яхты, гешефты, кофты —
Лишь одной не ввели страховки:
От имущества, только — сей:
Огнь, страхующий *от* вещей.

Вещи бедных. Разве рогожа —
Вещь? И вещь — эта доска?
Вещи бедных — кости да кожа,
Вовсе — мяса, только тоска.

Где их брали? Вид — издалёка,
Изглубóка. Глаз не труди!
Вещи бедных — точно из бока:
Взял да вырезал из груди!

Полка? случай. Вешалка? случай.
Случай тоже — этот фантом
Кресла. Вещи? шипья да сучья, —
Весь октябрьский лес целиком!

Нищеты робкая мебель![1]
Вся — чего? — четверть и треть.
Вещь — давно, явно на небе!
На тебя — больно глядеть.

От тебя грешного зренья,
Как от язв, трудно отвлечь.
Венский стул — там где о Вене —
Кто? когда? — страшная вещь!

Лучшей всех — *здесь* — обесчещен,
Был бы — дом? мало! — чердак
Ваш. Лишь *здесь* ставшая вещью —
Вещь. Вам — бровь, вставшая в знак

? — сей. На рвань нудную, вдовью
Чтó? — бровь вверх! (Чем не лорнет —
Бровь!) Горазд спрашивать бровью
Глаз. Подчас глаз есть — предмет.

Тáк подчас пуст он и сух он —
Женский глаз, дивный, большой,
Что — сравните — кажется духом —
Таз, лохань с синькой — душой.

Наравне с тазом и с ситом
— Да — царю! Да — на суде! —
Каждый, здесь званный, пиитом,
Этот глаз *знал* на себе!

Нищеты робкая утварь!
Каждый нож *лично* знаком.
Ты как тварь, ждущая утра,
Чем-то здесь, *всем* — за окном —

Тем, пустым, тем — на предместья —
Те — читал хронику краж?
Чистоты вещи и чести
Признак: *не* примут в багаж.

---

[1] См. примеч. на с. 124.

Оттого что слаба в пазах,
Распадается на глазах,
Оттого что на ста возах
Не свезти...
                    В слезах —

Оттого что: не стол, а муж,
Сын. Нс шкаф, а *наш*
Шкаф.
Оттого что сердец и душ
Не сдают в багаж.

Вещи бедных — плоше и суше:
Плоше лыка, суше коряг.
Вещи бедных — попросту — души,
Оттого так чисто горят.

Ввысь, ввысь
Дым тот легкий!
Чист, чист
Лак от локтя!

Где ж шлак?
Весь — золой
Лак, лак
Локтевой!

Прям, прям
Дым окраин.
Труд — Хам,
Но не Каин.

Обшлаг —
Вдоль стола.
Наш лак
Есть смола.

Стол — гол — на вещицы,
Стол — локтем вощится,
Воск чист, локоть востр.
За — стывший пот — воск.

Им, им — ваших спален
(Вощи́м, но не са́лим!)
Им, им так белы́
Полы — до поры!

Вещи бедных — странная пара
Слов. Сей брак — взрывом грозит!
Вещь и бедность — явная свара.
И не то спáрит язык!

Пономарь — чтó ему слóво?
Вещь и *нищ*. Связь? нет, разлад.
Нагота ищет покрова,
Оттого так часто горят

Чердаки — часто и споро —
Час да наш в красном плаще!
Теснота ищет — простора
(Автор сам в рачьей клешне).

Потолок, рухнув — по росту
Стал — уж горб нажил, кралсй.
Правота ищет помоста:
Всё сказать! Пусть хоть с костра!

А еще — место есть: нары.
Ни луча. Лýчная вонь.
Беднота ищет загару.
О всем том — помнит огонь.

Связь, звучанье парное:
Черная — пожарная.

У огня на жалованьи
Жизнь живет пожарами.

В вечной юбке сборчатой —
Не скреби, уборщица!

Пережиток сельскости —
Не мети, метельщица!

Красотой не пичканы,
Чем играют? Спичками.

Мать, к соседке вышедши,
Позабыла спичечный

Коробок...
—как вылизан
Пол, светлее зеркала!
Есть взамен пожизненной
Смерти — жизнь посмертная!

Грязь явственно сожжена!
Дом — красная бузина!

Честь — царственно спасена!
Дом — красная купина!

Ваши рабства и ваши главенства —
Погляди, погляди, как валятся!

Целый рай ведь — за мин удушьица!
Погляди, погляди, как рушатся!

Печь прочного образца![1]
Протопится крепостца!

Все́ тучки поразнесло!
Просушится бельецо!
Пепелище в ночи́? Нет — за́ймище!
Нас спасать? Да от вас спасаемся ж!

Не топчите златого пастбища!
Нас? Да разве спасают — спасшихся?

Задивившись на утро красное,
Это ясень суки выпрастывает!

Спелой рожью — последний ломтичек!
Бельевая веревка — льном цветет!..

А̀ по лестнице — с жарко-спящими —
Восходящие — нисходящие —

Радуги...

— Утро

Спутало перья:
Птичье? мое? невемо.
Первое утро — первою дверью
Хлопает...
Спит поэма.

Вандея, июль 1926

[1] В последних четырех строках между первым и вторым слогом — перерыв.

Печь прочного образца!
Про — топится крепостца!
Все — тучки поразнесло!
Про — сушится бельецо!
(Примеч. М. Цветаевой.)

НОВОГОДНЕЕ

С Новым годом — светом — краем — кровом!
Первое письмо тебе на новом
— Недоразумение, что злачном —
(Злачном — жвачном) месте зычном, месте звучном
Как Эолова пустая башня.
Первое письмо тебе с вчерашней,
На которой без тебя изноюсь,
Родины, теперь уже с одной из
Звезд... Закон отхода и отбоя,
По которому любимая любою
И небывшею из небывалой.
Рассказать, как про твою узнала?
Не землетрясенье, не лавина.
Человек вошел — любой — (любимый —
Ты). — Прискорбнейшее из событий.
— В Новостях и в Днях. — Статью дадите?
— Где? — В горах. (Окно в еловых ветках.
Простыня.) — Не видите газет ведь?
Так статью? — Нет. — Но... — Прошу избавить.
Вслух: трудна. Внутрь: не христопродавец.
— В санатории. (В раю наемном.)
— День? — Вчера, позавчера, не помню.
В Альказаре будете? — Не буду.
Вслух: семья. Внутрь: всё, но не Иуда.

С наступающим! (Рождался завтра!) —
Рассказать, что сделала, узнав про..?
Тсс... Оговорилась. По привычке.
Жизнь и смерть давно беру в кавычки,
Как заведомо-пустые сплёты.
Ничего не сделала, но что-то
Сделалось, без тени и без эха
Делающее!
Теперь — как ехал?
Как рвалось и не разорвалось как —
Сердце? Как на рысаках орловских,
От орлов, *сказал*, не отстающих,
Дух захватывало — или пуще?
Слаще? Ни высот тому, ни спусков
На орлах летал заправских русских —

Кто. Связь кровная у нас с тем светом:
На Руси бывал — *тот* свет на *этом*
Зрел. Налаженная перебежка!
Жизнь и смерть произношу с усмешкой,
Скрытою — своей ее коснешься!
Жизнь и смерть произношу со сноской,
Звездочкою (ночь, которой чаю:
Вместо мозгового полушарья —
Звездное!)
Не позабыть бы, друг мой,
Следующего: что если буквы
Русские пошли взамен немецких —
То не потому, что нынче, дескать,
Всё сойдет, что мертвый (нищий) всё съест —
Не сморгнет! — а потому что *тот* свет,
Наш, — тринадцати, в Новодевичьем
Поняла: не без- а вcé-язычен.

Вот и спрашиваю не без грусти:
Уж не спрашиваешь, как по-русски
Nest?[1] Единственная, и все гнезда
Покрывающая рифма: звезды.

Отвлекаюсь? Но такой и вещи
Не найдется — от тебя отвлечься.
Каждый помысел, любой, Du Lieber[2],
Слог в тебя ведет — о чем бы ни был
Толк (пусть русского родней немецкий
Мне, всех ангельский родней!) — как места
Несть, где нет тебя, нет есть: могила.
Всё как не было и всё как было,
— Неужели обо мне ничуть не? —
Окруженье, Райнер, самочувствье?
Настоятельно, всенепременно —
Первое видение вселенной
(Подразумевается, поэта
В оной) и последнее — планеты,
Раз только тебе и данной — в целом!
Не поэта с прахом, духа с телом,
(Обособить — оскорбить обоих)
А тебя с тобой, тебя с тобою ж,
— Быть Зевесовым не значит лучшим —
Кастора — тебя с тобой — Поллуксом,
Мрамора — тебя с тобою, травкой,
Не разлуку и не встречу — ставку
Очную: и встречу и разлуку
Первую.
На собственную руку

[1] Гнездо *(нем.)*.
[2] Любимый *(нем.)*.

Как глядел (на след – на ней – чернильный)
Со своей столько-то (сколько?) мильной
Бесконечной ибо безначальной
Высоты над уровнем хрустальным
Средиземного – и прочих блюдец.
Всё как не было и всё как будет
И со мною за концом предместья.
Всё как не было и всё как есть уж
— Что списавшемуся до недельки
Лишней! – и куда ж *еще* глядеть-то,
Приоблокотясь на обод ложи,
С этого – как не на тот, с того же –
Как не на многострадальный этот.
В Беллевю живу. Из гнезд и веток
Городок. Переглянувшись с гидом:
Беллевю. Острог с прекрасным видом
На Париж – чертог химеры галльской –
На Париж – и на немножко дальше...
Приоблокотясь на алый обод,
Как тебе смешны (кому) «должно быть»,
(Мне ж) *должны* быть, с высоты без меры,
Наши Беллевю и Бельведеры!
Перебрасываюсь. Частность. Срочность.
Новый Год в дверях. За что, с кем чокнусь
Через стол? Чем? Вместо пены – ваты
Клок. Зачем? Ну, бьет – а при чем я тут?
Что мне делать в новогоднем шуме
С этой внутреннею рифмой: Райнер – умер.
Если ты, такое око смерклось,
Значит, жизнь не жизнь есть, смерть не смерть есть.
Значит – тмится, допойму при встрече! –
Нет ни жизни, нет ни смерти, – третье,
Новое. И за него (соломой
Застелив седьмой – двадцать шестому
Отходящему – какое счастье
Тобой кончиться, тобой начаться!)
Через стол, необозримый оком,
Буду чокаться с тобою тихим чоком
Стекла о стекло? Нет – не кабацким ихним:
Я о *ты,* слиясь дающих рифму:
Третье.
            Через стол гляжу на крест твой.
Сколько мест – зáгородных, и места
Зáгородом! и кому же машет
Как не нам – куст? Мест – именно наших
И ничьих других! Весь лист! Вся хвоя!
Мест твоих со мной (твоих с тобою).
(Что с тобою бы и на массовку –
Говорить?) что – мест! а месяцов-то!
А недель! А дождевых предместий

Без людей! А утр! А всего вместе
И не на́чатого соловьями!

Верно, плохо вижу, ибо в яме,
Верно, лучше видишь, ибо свыше:
Ничего у нас с тобой не вышло.
До того, так чисто и так просто
Ничего, так по плечу и росту
Нам — что и перечислять не надо.
Ничего, кроме — не жди из ряду
Выходящего (неправ из такта
Выходящий!) — а в какой бы, как бы
Ряд вошедшего б?
Припев извечный:
Ничего хоть чем-нибудь на нечто
Что-нибудь — хоть издали бы — тень хоть
Тени! Ничего, что: час тот, день тот,
Дом тот — даже смертнику в колодках
Памятью дарованное: рот тот!
Или слишком разбирались в средствах?
Из всего *того* один лишь *свет* тот
Наш был, как мы сами только отсвет
Нас, — взамен всего сего — весь *тот* свет!

С незастроеннейшей из окраин —
С новым местом, Райнер, светом, Райнер!
С доказуемости мысом крайним —
С новым оком, Райнер, слухом, Райнер!

Всё тебе помехой
Было: страсть и друг.
С новым звуком, Эхо!
С новым эхом, Звук!

Сколько раз на школьном табурете:
Что за горы там? Какие реки?
Хороши ландшафты без туристов?
Не ошиблась, Райнер — рай — гористый,
Грозовой? Не притязаний вдовьих —
Не один ведь рай, над ним другой ведь
Рай? Террасами? Сужу по Татрам —
Рай не может не амфитеатром
Быть. (А занавес над кем-то спущен...)
Не ошиблась, Райнер, Бог — *растущий*
Баобаб? Не Золотой Людовик —
Не один ведь Бог? Над ним другой ведь
Бог?
Как пишется на новом месте?
Впрочем *есть* ты — *есть* стих: сам и есть ты —
Стих! Как пишется в хорошей жисти

Без стола для локтя, лба для кисти
(Горсти)?
          — Весточку, привычным шифром!
Райнер, радуешься новым рифмам?
Ибо правильно толкуя слово
Рифма — что́ — как не́ — целый ряд новых
Рифм — Смерть?
                    Не́куда: язык изучен.
Целый ряд значений и созвучий
Новых.
          — До свиданья! До знакомства!
Свидимся — не знаю, но — споемся.
С мне-самой неведомой землею —
С целым морем, Райнер, с целой мною!

Не разъехаться — черкни заране.
С новым звуконачертаньем, Райнер!

В небе лестница, по ней с Дарами...
С новым рукоположеньем, Райнер!

— Чтоб не за́лили, держу ладонью. —
Поверх Роны и поверх Rarogn'a
Поверх явной и сплошной разлуки
Райнеру — Мария — Рильке — в руки.

Bellevue, 7 февраля 1927

ПОЭМА ВОЗДУХА

Ну, вот и двустишье
Начальное. Первый гвоздь.
Дверь явно затихла,
Как дверь, за которой гость.
Стоявший — так хвоя
У входа, спросите вдов —
Был полон покоя,
Как гость, за которым зов
Хозяина, бденье
Хозяйское. Скажем так:
Был полон терпенья,
Как гость, за которым знак
Хозяйки — всей тьмы знак! —
Та молния поверх слуг!
Живой или призрак —
Как гость, за которым стук
Сплошной, не по средствам
Ничьим — оттого и мрем —
Хозяйкина сердца:
Березы под топором.
(Расколотый ящик
Пандорин, ларец забот!)
Без счету — входящих,
Но кто же без стука — ждет?
Уверенность в слухе
И в сроке. Припав к стене,
Уверенность в ухе
Ответном. (Твоя — во мне.)
Заведомость входа.
Та сладкая (игры в страх!)
Особого рода
Оттяжка — с ключом в руках.
Презрение к чувствам,
Над миром мужей и жен —
Та Оптина пустынь,
Отдавшая — даже звон.
Душа без прослойки
Чувств. Голая, как феллах.

Дверь делала стойку.
Не то же ли об ушах?
Как фавновы рожки
Вставали. Как ро—та... пли!
Еще бы немножко—
Да просто сошла б с петли
От силы присутствья
Заспинного. В час страстей
Так жилы трясутся,
Натянутые сверх всей
Возможности. Стука
Не следовало. Пол—плыл.
Дверь кинулась в руку.
Мрак—чуточку отступил.

Полная естественность.
Свойственность. Застой.
Лестница, как лестница,
Час, как час (ночной).
Вдоль стены распластанность
Чья-то. Одышав
Садом, кто-то явственно
Уступал мне шаг—
В полную божественность
Ночи, в полный рост
Неба. (Точно лиственниц
Шум, пены о мост...)
В полную неведомость
Часа и страны.
В полную невидимость
Даже на тени.
(Не черным-черна уже
Ночь, черна—черным!
Оболочки радужной
Киноварь, кармин—
Расцедив сетчаткою
Мир на сей и твой—
Больше не запачкаю
Ока—красотой.)
Сон? Но, в лучшем случае—
Слог. А в нем? под ним?
Чудится? Дай вслушаюсь:
Мы, а шаг один!
И не парный, слаженный,
Тот, сиротство двух.
Одиночный—каждого
Шаг—пока не дух:
Мой. (Не то, что дыры в них—
Стыд, а вот—платать!)

Что-то нужно выравнять:
Либо ты на пядь
Снизься, на мыслителей
Всех — державу всю!
Либо — и услышана:
Больше не звучу.

Полная срифмованность.
Ритм, впервые мой!
Как Колумб здороваюсь
С новою землей —
Воздухом. Ходячие
Истины забудь!
С сильною отдачею
Грунт, как будто грудь
Женщины под стоптанным
Вое-сапогом,
(Матери под стопками
Детскими...)
　　　　　　В тугом
Шаг. Противу — мнения:
Не удобохож
Путь. Сопротивлением
Сферы, как сквозь рожь
Русскую, сквозь отроду-
Рис, — тобой, Китай!
Словно моря противу
(Противу: читай —
По́ сердцу!) сплечением
Толп. — Гераклом бьюсь!
— Землеизлучение.
Первый воздух — густ.

Сню тебя иль снюсь тебе, —
Сушь, вопрос седин
Лекторских. Дай, вчувствуюсь:
Мы, а вздох один!
И не парный, спа́ренный,
Тот, удушье двух, —
Одиночной камеры
Вздох: еще не взбух
Днепр? Еврея с цитрою
Взрыд: ужель оглох?
Что-то нужно выправить:
Либо ты на вздох
Сдайся, на всесущие
Все, — страшась прошу —
Либо — и отпущена:
Больше не дышу.

Времечко осадное,
То, сыпняк в Москве!
Кончено. Отстрадано
В каменном мешке
Легкого! Исследуйте
Слизь! Сняты врата
Воздуха. Оседлости
Прорвана черта.

Мать! Недаром чаяла:
Цел воздухобор!
Но сплошное аэро –
Сам – зачем прибор?
Твердь, стелись под лодкою
Леткою – утла!
Но – сплошное легкое –
Сам – зачем петля
Мертвая? Полощется...
Плещется... И вот –
Не жалейте летчика!
Тут-то и полет!
Не рядите в саваны
Косточки его.
Курс воздухоплаванья
Смерть, и ничего
Нового в ней. (Розысков
Дичь... Щепы?.. Винты?..)
Ахиллесы воздуха
– Все! – хотя б и *ты*,
Не дышите славою,
Воздухом низов.
Курс воздухоплаванья
Смерть, где всё с азов,
За́ново...

Слава тебе, допустившему бреши:
Больше не вешу.
Слава тебе, обвалившему крышу:
Больше не слышу.
Солнцепричастная, больше не щурюсь.
Дух: не дышу уж!
Твердое тело есть мертвое тело:
Оттяготела.
Легче, легче лодок
На слюде прибрежий.
О, как воздух легок:
Реже – реже – реже...
Баловливых рыбок
Скользь – форель за кончик...
О, как воздух ливок,

Ливок! Ливче гончей
Сквозь овсы, а скользок!
Волоски — а веек! —
Тех, что только ползать
Стали — ливче леек!
Что́ я — скользче лыка
Свежего, и лука.
Па́годо-музыкой
Бусин и бамбука, —
Пагодо-завесой...
Плещь! Все шли б и шли бы...
Для чего Гермесу —
Кры́льца? Плавнички бы —
Пловче! Да ведь ливмя
Льет! Ирида! Ирис!
Не твоим ли ливнем
Шемахинским или ж
Кашемирским...
Танец —
Ввысь! Таков от клиник
Путь: сперва не тянет
Персть, потом не примет
Ног. Без дна, а тве́рже
Льдов! Закон отсутствий
Всех: сперва не держит
Твердь, потом не пустит
В вес. Наяда? Пэри?
Баба с огорода!
Старая потеря
Тела через воду
(Водо-сомущения
Плеск. Песчаный спуск...)
— Землеотпущение.
Третий воздух — пуст.

Седью, как сквозь невод
Дедов, как сквозь косу
Бабкину, — а редок!
Редок, реже проса
В засуху. (Облезут
Все́, верхи бесхлебны.)
О, как воздух резок,
Резок, реже гребня
Песьего, для пёсьих
Курч. Счастливых засек
Редью. Как сквозь про́сып
Первый (нам-то — засып!)
Бредопереездов
Редь, связать-неможность.

О, как воздух резок,
Резок, резче ножниц.
Нет, резца... Как жальцем
В боль — уже на убыль.
Редью, как сквозь пальцы...
Сердца, как сквозь зубы
Довода — на Credo[1]
Уст полураскрытых.
О, как воздух цедок,
Цедок, цедче сита
Творческого (влажен
Ил, бессмертье — сухо).
Цедок, цедче глаза
Гётевского, слуха
Рильковского... (Шепчет
Бог, своей — страшася
Мощи...)
А не цедче
Разве только часа
Судного...
В ломóту
Жатв — зачем рождаем?
...Всем неумолотом,
Всем неурожаем
Верха... По расщелинам
Сим — ни вол ни плуг.
— Землеотлучение:
Пятый воздух — звук.

Голубиных грудок
Гром — отсюда родом!
О, как воздух гудок,
Гудок, гудче года
Нового! Порубок
Гуд, дубов под корень.
О, как воздух гудок,
Гудок, гудче горя
Нового, спасиба
Царского... Под градом
Жести, гудче глыбы —
В деле, гудче клада —
В песне, в большеротой
Памяти народной.
Соловьиных глоток
Гром — отсюда родом!
Рыдью, медью, гудью,
Вьюго-Богослова

[1] Верую *(лат.)*.

Гудью — точно грудью
Певчей — небосвода
Нёбом или лоном
Лиро-черепахи?
Гудок, гудче Дона
В битву, гудче плахи
В жатву... По загибам,
Погрознее горных,
Звука, как по глыбам
Фив нерукотворных.
Семь — пласты и зыби!
Семь — heilige Sieben![1]
Семь в основе лиры,
Семь в основе мира.
Раз основа лиры —
Семь, основа мира —
Лирика. Так глыбы
Фив по звуку лиры...
О, еще в котельной
Тела — «легче пуха!»
Старая потеря
Тела через ухо.
Ухом — чистым духом
Быть. Оставьте буквы —
Веку.
        Чистым слухом
Или чистым звуком
Движемся? Преднота
Сна. Предзноб блаженства.
Гудок, гудче грота
В бури равноденствья.
Темени — в падучке,
Голода — утробой
Гудче... А не гудче
Разве только гроба
В Пасху...
            И гудче гудкого —
Паузами, промежутками
Мо́чи, и движче движкого —
Паузами, передышками
Паровика за мучкою...
Чередованьем лучшего
Из мановений божеских:
Воздуха с — лучше-воздуха!
И — не скажу, чтоб сладкими —
Паузами: пересадками
С местного в межпространственный —
Паузами, полустанками

[1] Священная семерка *(нем.)*.

Сердца, когда от легкого —
Ох! — полуостановками
Вздоха — мытарства рыбного
Паузами, перерывами
Тока, паров на убыли
Паузами, перерубами
Пульса, — невнятно сказано:
Паузами — ложь, раз *спазмами*
Вздоха... Дыра бездонная
Легкого, пораженного
Вечностью...
                    Не вся́ ее —
Так. Иные — смерть.
— Землеотсечение.
Кончен воздух. Твердь.

Музыка надсадная!
Вздох, всегда вотще!
Кончено! Отстрадано
В газовом мешке
Воздуха. Без компаса
Ввысь! Дитя — в отца!
Час, когда потомственность
Ска — зы — ва — ет — ся.
Твердь! Голов бестормозных —
Трахт! И как отсечь:
Полная оторванность
Темени от плеч —
Сброшенных! Беспочвенных —
Грунт! Гермес — свои!
Полное и точное
Чувство головы
С крыльями. Двух способов
Нет — один и прям.
Так, пространством всосанный,
Шпиль роняет храм —
Дням. Не в день, а исподволь
Бог сквозь дичь и глушь
Чувств. Из лука — выстрелом —
Ввысь! Не в царство душ —
В полное владычество
Лба. Предел? — Осиль:
В час, когда готический
Храм нагонит шпиль
Собственный — и вычислив
Всё, — когорты числ!
В час, когда готический
Шпиль нагонит смысл
Собственный...

Медон, в дни Линдберга.

КРАСНЫЙ БЫЧОК

Будет играть — свет свечной:
С косточки — да — в ямочку.
— Мама! Какой сон смешной!
Сон-то какой! Мамочка!

С правой свечи — воск потек...
Ямочки ре — беночка!
— Будто за мной — красный бычок
По зеленой траве гонится!

Не проливайся,
Слеза соленая!
Бычок-то — красный!
Трава зеле — еная!

Ржавый замок, наглый зевок
Надписи: «нет выдачи».
— Вот тебе бык, вот тебе рог!
Родичи, вслед идучи.

Жидкая липь, липкая жидь
Кладбища (мать:) — «садика».
— Вот тебе бык... Жить бы и жить...
Родичи, вслед глядючи.

Нынче один, завтра другой.
Ком. Тишина громкая.
Глиняный ком, ком горловой.
В правой — платок скомканный.

Небо? — да как — не было! Лишь
Смежных могил прутьица.
То ль от стыда в землю глядишь?
Или же стыд — тупишься?

Поле зрачка — полем тоски
Ставшее.
Вес якоря:
Точно на *них* — те пятаки,
Коими *тот* закляли

Взгляд. — Не поднять! — Чувство — понять!
Точно за дверь вытолкан.
Не позабыть старую мать
В глинище — по щиколку.

До — проводив, то есть — сдав — с рук
(Не руки ли?) — Следующий!
— Вот тебе бык, вот тебе луг...
Родичи, вспять едучи.

Установив (попросту *сбыв!*)
Что человек — глина есть...
— Ясное дело! При чем — бык?
Просто на мозг кинулось.

Длинный, длинный, длинный, длинный
Путь — три года на ногах!
Глина, глина, глина, глина
На походных сапогах.

«Дома», «дома», «дома», «дома»,
Вот Москву когда возьмем...
Дона, Дона, Дона, Дона
Кисель, смачный чернозем.

Полоса ты глиняна,
Пастила рябинова!
Широта-ты-родина!
Чернота смородинна!

Зычсн, зычсн, зычсн, зычсн
В ушах — топот, в ушах — мык.
Бычья, бычья, бычья, бычья
Это кличка — большевик.

«Не везет!» — «Подвези!»
Воевать не в лаковых!
День и ночь по грязи
Сапожищи чвакают.

Чернозем — черноям —
Шептала́ со смоквою!
Что да вслед сапогам
За копыта чмокают?

Мне и грязь на худых сапогах
Дорогá! дорогá! дорогá!
— А я — бык! а я — рог! а я — страх!
На рога! на рога! на рога!

Я — большак,
Большевик,
Поля кровью крашу.
Красен — мак,
Красен — бык,
Краснó — время наше!

Бирюза —
Берега!
Воздушки весенни!
Не со зла —
На рога —
А с души веселья!

Сердце — чок.
— На — бо — чок.
— Мамочка??
— Бог милостив!
Красный бычок...
Большевичок....
Марковцы, кор — ниловцы...

Длинный, длинный, длинный, длинный
Путь. — Повязку на рукав!
Глина, глина, глина, глина
На французских каблуках
Матери.

Медон, апрель 1928

ПЕРЕКОП

Моему дорогому и вечному добровольцу

...А добрая воля
Везде — одна!

Dunkle Zypressen!
Die Welt ist gar zu lustig.
Es wird doch alles vergessen[1].

— Через десять лет забудут!
— Через двести — вспомнят!

(Живой разговор летом 1928 г. Второй — я.)

ВАЛ

— Каб не чех!
— Каб не тиф!
Кто-то: — эх!
Кто-то: — жив

бы Колчак...
Солнцепёк.
Солончак.
Перекоп —

Наш. Семивёрстная мозоль
На вражеских глазах.
Земля была суха, как соль,
Была суха, как прах.

Не то копыт, не то лопат
Стук: о костяк — костыль.
Земля была суха — как склад,
Почуявший фитиль!

---

[1] Темные кипарисы!
Мир чересчур весел.
И всё будет забыто *(нем.)*.

— Ой, долго ли? Ой, скоро ли?
Нуда́, нуда́, нуда́
Все вялено, все солоно:
Земля, вода, еда.

Позевывай... постреливай...
К концу — к концу — к концу...
Что́ пили вы? что́ ели вы?
Камсу! камсу! камсу!

Бросит сын мой — дряхлой Европе
(Богатырь — здесь не у дел):
— Как мой папа — на Перекопе
Шесть недель — ежиков ел!

Скажет мать: — Евшему — слава!
И не ел, милый, а жрал.
Тем ежам — совесть приправой.
И поймет — даром, что мал!

Осточертевшая лазорь.
(С нее-то и ослеп
Гомер!)
...была суха, как соль,
Была суха, как хлеб —

Тот, неразмоченный слезой
Паёк: дары Кремля.
Земля была — перед грозой
Как *быть* должна земля.

— Шутка ли! В норах!
После станиц-то!
Что́ мы — кроты, что ль?
Суслики, что ль?

Есть еще порох
В пороховницах,
И в солоницах
Совести — соль!

Безостановочный — не тек
Пот: просыхал, как спирт.
Земля была суха, как стог,
Была суха, как скирд.

Ни листик не прошелестит.
Флажок повис, как плеть.
Земля была суха, как скит,
Которому гореть.

Заступ. Сапог.
Насыпь? Костяк.
Коп—пере—коп.
Так—пере—так.

Пышущий лоб.
Высохший бак.
Коп—пере—коп.
Так—пере—так.

Вознагради тебя Трисвят,
Вал стародавен ханск!
Лепили—в Маркова ребят,
А получал—Армянск.

Хотели в глаз, садили в бровь,
Садили вкось и вкривь.
(Там перекапывалась *новь,*
Окапывалась—*бывь.*)

— В тартарары тебя, тельца ласкова:
«Всем, всем, всем!»
На солнцепёке—учба солдатская:
— При—цел: семь!

В тартарары с тобой (эх, не ты б-не ты!)
Шло—шла—шли.
— По наступающему противнику,
Ро—та!—пли!

На вал взойди, лбом к северу:
Руси всея—лицо.
В тылу—родство последнее:
Щемиловка-сельцо.

В плечах—пруды Сивашевы,
Сольца, гнильца сплошна.
С него и кличка нашему
Сиденьицу пошла:

Щемиловско. Ни нам, ни им!
В иные времена
Дает же Бог местам иным
Такие имена!

Курск—действуем, Керчь—пьянствуем,
Да, но *сидим* в селе
Щемиловке.
　　　　　　...Дно—станция,
А то—Гуляй-Поле́!

Панам — соли, полям — сули.
Звон! золота кули!
Гуляй — пали, гуляй — пыли:
Коли — гуляй — пали!

Галлиполи: чан — дó полну —
Скорбей. *Бела — была.*
Галлиполи: голó-поле:
Душа — голы́м-голá.

В той Щемиловке — тошна б,
Каб не флаг над ней штабной —
Полка марковского — штаб.
Черный с белою каймой

Флаг над штабом.
Рок над флагом.

Кресток бел, серпок ал.
Перекоп — перевал —
Руси — наковальня!
На валу — дневальный,
Под дневальным — гнезды,
Над дневальным — звезды.
Звезды непросчетные.
Гнезды пулеметные.

ДНЕВАЛЬНЫЙ

Стан прям — одни ребра —
Бог — раз, а два — Марков.
Иван? Сергей? Федор?
Москва? Тюмень? Харьков?

Никто. Безымянный.
(За би́товку с Троцким
Кресток деревянный
Взял.)
Марковец — просто.

Казак? студент с Бронной?
Особая каста.
Не граф, не барон, не
Князь. Марковец — баста.

Отко.ль? ото Всюду —
Руси. Тюмень — Пенза —
Земляк? — стрелять буду!
Земляк? — плати тем же!

Жена мужа кличу
Из Вятки в Тавриду —
Дневальному — слышно,
Дневальному — видно.

Ни тропы ни ямы
Такой заповедной —
Дневальному — знамо,
Дневальному — вемо.

Одни между Русью
Святой и Тавридой.
Жена мужу снюся —
Дневальному — видно.

Всё взад-вперед. Тыщу б
Покрыл — каб по шпалам.
Что львище по рвищу —
Дневальный по валу.

Счет выходит. Станцья.
И вспять, шажком бравым.
И Крым, земля ханска,
То влево, то вправо.

— «Повыжжем, повыбьсм
Волчищу из хлева!»
И Русь, страна Дивья,
То вправо, то влево.

Так — вправо, сяк — влево.
Путь долог, час добрый!
Поэт, гляди в небо!
Солдат, гляди в оба!

За — ветной боевой
— Блин с черною каймой —
Фуражки не порочь:
Режь, ешь глазами ночь!

Простиранной в поту,
Простреляной в боку —
Рубашки не засаль:
Режь, ешь глазами даль!

Солдату не барыш —
Башка! были бы лишь
Погоны на плечах!
Ешь, режь глазами шлях!

— Одна, а завтра две —
На левом рукаве
Нашивки не бесчесть!

Русь: *есть* глазами есть
что́...
        — Эх, коль буду жив,
Ма—линовый налив!
Огурчики свежи́
— Не ешь глазами—жри

Ночь!—Ночь-моя-ночлег!
Рос—сийский человек,
Один да на бугру—
Не ем глазами—жру

Русь.

СИРЕНЬ

Чертополохом (бело-сер,
У нас, в России—синь)
За провиантом—офицер.
(Степь, не забыть—полынь.)

На худо кормленном (сенцом!)
И жилистом, как сам,
Неунывающем (донском
Еще!) как все мы там.

Под комиссаром шел бы—гнед.
Для марковца—*бел* свет:
У нас теней *не* черных—нет,
Коней *не* белых—нет.

Чертополохом—веселей,
Конь! Далеко́ до кущ!
Конечно белого белей
Конь, марковца везущ!

Солончаком, где каждый стук
Копыта: Геродот—
В одноиме́нный валу...
                                        — внук
У вала: городок.

Вал—наш, а городок—ничей,
И посему—вещей
Закон—чумы, сумы нищей,
Щемиловки—нищей.

Так в этот самый — меловой
И вымерший, как чум —
За провиантом — верховой.
Строг, не скажу — угрюм.

С лицом Андреевым — Остап,
С душой бойца — Андрей.
Каб сказ — Егорьем назвала б,
Быль — назову Сергей.

Так и останутся — сторон
Спор — порастет травой! —
Звездоочитый чертогон,
Такой же верховой...

Так и останутся — раздор
В чертополохе — цел! —
Звездоочитый чертобор,
Такой же офицер...

Вокруг ковыль шумел и сох,
Сиваш молчал и гнил.
Чтó всех не переполошил
Чертей, чертополох?

Проще бы хлеба просить у стéпи
Лысой — не совеститься б хоша!
Проще бы масла просить у мыса
В море, и сала у Сиваша!

Эх, любо-дорого — к нам как в гости
Всё-то, да в хату-то в нежилý!
Коли за твóрогом — на погосте
Больше, за яйцами — на валу

И почаще, и получше!
Закидал народ дворян!
— За барашком? Брось, поручик!
Каждый сам себе баран!

Коли хлеб простой — пирожным
Стал! Да с места не сойти,
Коль хоть столько... Сóльцы — можно.
Не изволите ль сольцы́?

— Ну что, поручик? Новости?
Чиновники, чиновницы...

— До ниточки — ни денежки...
Припев: на вас надеемся!

Нам краше Пасхи, Рождества...
На вас, на вас надежда вся —
Ад — двух огней промежду!
Вы — вся наша надежда!

И стонет быт, и вторит поп:
— «Отстаивайте Перекоп!»[1]

Для обывателя — ларец,
А для хозяйки — вазочки.
— Уйдете — пáгуба-зарез!
— Как у Христа за пазухой!

Не видят, черствая душа,
Как эта пазуха тоща,
Все ребрышки наперечет —
Что у конька морского!
А все ж всю Русь-святу несет
За пазухой...
— Христовой.

Понастучавшись, не при чем,
(У нас в России — всем!)
С пустым мешком и животом,
Вдоль прободенных стен...

Кусочка хлеба не дадут —
А завтра жизнь отдашь
За них! Терпи, терпи, верблюд!
Молчи, молчи, Сиваш!

Звени, звени, чертополох!
...Добро бы — на бобах,
И не несолоно, а ох
Как солоно...
— бабах! —

Взрыв! Врассыпную, как горох!
Как с граху — воробки!
По городам переполох,
Ребята — в городки

[1] Всех не с винтовкой, не в строю,
Всех: «моя хата с краю ведь:
Коли снаряд — так уж в мою!»
Вопль: отстояв — отстраивать.

(Примеч. М. Цветаевой.)

Играют.
(Почвеннее нас
Растите, крепче нас!)
Последний двор. (В последний раз,
Конь!) — «Есть кто?» — «Се — ей — час»!

— За продовольствием. — Поесть?
— Нет, с валу, значит... — Что-с?
— ...за продовольствием: что́ есть —
Коль есть что́... — Разве — слёз

Вам, господин поручик? Шью,
Бьюсь, корочке раба...
— Не подаяния прошу:
Плачу́.
— Рады бы — да —

Когда самим-то негде взять!
Две: день сказать и ночь?
С глазами плакальщицы — мать,
И песенницы — дочь.

Глядит: не с неба ли с конем
К нам перекочевал?
Сей — за свининой? за пшеном —
Сей? Ну и кашевар!

Такому б по́ душу грешну́
Встать — в жизни смертный час!
— Тогда прощения прошу.
— И мы (вдова) — и нас —

Дитя... Откуда-то — востер
Клинок! — крик лебедин.
Последний двор, за ним простор.
— Постойте, господин

Поручик! (Вольная у чувств
Речь, раз сирень цветет!)
И целый сук, и целый куст,
Сад целый, целый сот

Сирени — конному в загар,
В холст бело-лебедин.
Последний двор (посильный дар)...
— Прощайте, господин

Поручик!
Не до женских глаз.
Лазорь — полынь — кремснь...
И даже не оборотясь,
Коню скормил сирень.

БРУСИЛОВ

Не то чайки, не то со́колы —
Стали гости к нам залетывать.
— Отколь, стайка? Куда, аистова? —
...Прямо на́ голову сваливаться.
Кидай заступ! хватай птах!

— «Перешел границу лях!»

Криком через всю страницу:
— «Враг переступил границу!
Всем, кто сердцем не застыл,
Зов: не ударяйте в тыл —
Родине! одних — питомцы —
Нив! Свои люди — сочтемся!
Что за пря через плетень?
Лях: единая мишень
Для единого прицела,
Добровольцы! Офицеры
Русские! Смиривши контр-
Страсти — все на польский фронт!»

Море трав,
По ним — вихрь:
— Прав-то — прав:
Лях-то — лих!

Бури взмах
По лесам:
— Враг не лях:
Комиссар!

Спасибо, Брусилов, за лссть и чссть!
Но Бог упаси нас! Доколе есть
Кровь в жилах — и слезы у матерей! —
Умрем — не забудем у тех дверей
Час за часом, за часом час
Ожиданья. — Идет? — Отказ.

Вся молодость края тебя в вожди!
Как мы тебя ждали — так ты пожди!
Казенного зданья и дождь, и дрожь...
Как мы тебя ждали — так ты пождешь:
Не дождешься — как лбами вниз —
Мы Вожата не дождались.

Не принял командованья над той
Дружиною! «Банды» — ведь та́к братвой
Советскою прозваны за труды?
Зачсм жс бандитов в свои ряды
Призываешь? За что, бр'т, бьюсь?
Ведь и звука-то нету — Русь!

Цыть! Буде толковать!
Не быть и не бывать,
Чтоб русский офицер —
Да за Рэсэфэсэр!

Русь — где *мы:*
Нынче — Крым.
Русь есть *мы:*
Мы — чтоб — к ним?!

Чей-то, муку
Усмешкой скрав,
Рот, без звука:
— А ну́-ка —
Прав?

ПЕРЕБЕЖЧИКИ

Ваша власть, ребята, — барская.
Наша — братская, солдатская.
— Офицерская, помещичья —
Наша — легкая, невесть-то чья!
Прощай, лямка! прощай, честь!
Самая что ни-на-есть
Разрабочая, крестьянская!
Станком княжим, серпом чванствуем...

Моя-Васькина-твоя —
Власть товарищеская!

Ваша власть, ребята, — зычная:
Оплеухи, зуботычины,
Тебя в рыло, а ты: слушаюсь!
Караулы-с, оплеушины-с.
А сверх всех тебе глава —
Жена прапорщикова.

Ваша власть, ребята, — тяжкая.
Наша — с шутками, с поблажками.
— Да жива ли уж? да жив-то ли? —
С перемежками, с побывками.
По младости своея́ —
К людя́м — жалостливая.

Врешь — «передовые линии»!
Медведя́ми село кинули,
И воро́титесь медве́дями.
...С представленьями, с комедьями...
Кидай блин-то! хватай шлык!

Вечор — прапору денщик,
С утра, хамское отродие,
Сам — Высокоблагородие!

Ваша власть, ребята, — бывшая.
Наша — вставшая, добывшая!
— Крепостная, потогонная.
— Распашная, беспогонная.

Смекай, всё твои пути!
Только поле перейти!

Наша власть, ребята, — вольная!
Копай землю, али воином
Иди — сам себе Величество!
Большевицка, большевическа.
Винтовочку-смертобой
Кидай на́земь, кричи: — свой!

Наша власть, ребята, — во́ — кака!
Текай взводом! текай ротою
На ржаное на довольствьице!

(Волк в шинели добровольческой.)

— Бу́де, ваты
В роток набрав,
Брат на брата!

— Ребята!
Пра — а — ав!

Крас — на власть то — варищеская!
Ка — ша, страсть, заваривается!
Ва — режка-то — с варежкою-то:
Землячки сговариваются!

— Сласть-то — их,
А пот — наш.
Крестовик.
Понимашь?

Пот-то — наш,
И власть — нам.
Понимашь?
— Понимам.

— Одпех мест:
Один путь.
Клади крест!
— Во всю грудь!

— Держись, Паш!
— Держись сам!
— Не продашь?
— Не продам.

Смекай, Вась, пойдут бить —
Куды ж — в море отходить?
Сюды — топь, туды — гать.
Куды ж — в море отступать?

— Чай, не море переплыть!
— Только поле перейтить!

— Чай, не море пересечь!
— Только поле перебечь!

Прощай, Крым! Встречай, Русь!
До ситничка доберусь!

Встречай, Русь! Прощай, Крым!
Картошечки поедим!

Завтра утром — пока хватятся —
Не дочтутся двух солдатиков.
Красна Русь-то! Судить — грех.
Нынче — двух, а завтра — всех.

Офицерский блин
В темноте — бельмом.
— Перейду один.
Эх, не то б — вдвоем!

(Пошли, Боже, красным и белым —
Ту — для ложа, друга — для бега!)

Генеральский сын,
Перейду — но сед.
Потому один,
Что второго нет

— Изувера белому делу —
Офицера — в Армии целой!

После всех «Воздам
За Царя и Русь!»
Каково губам
Произнесть: сдаюсь!

(Удержать: бегу!)
После всех «воры́»
Каково врагу
Прокричать: свои!

...«С того света приду драться!» —
Мне-то марковцу-то — сдаться!

Без стального дзень,
Дорогих погон,
Перейду — но тень,
Добегу — но «он».

Большевицкий штаб,
Большевицкий чуб.
Добегу — но гроб,
Перейду — но труп.

Если время — прощай, знамя! —
С ними, сердце навек — с нами!

Хоть больны́м-больны,
Да бедны́м-бедны —
А всё — *мы*! Как *мы*
Превратить в «они»?

Стой! без бою с двух ног свалишь!
Это я-то вдруг то — варищ?!

Растоптал — отряс —
Но хоть трижды «гниль» —
Каково на *нас*
Накалять мотыль

Пулемета? Как труп, челюсть
Уронивши: в себя — целюсь!

Последние страхи.
Потом — стремглав.
Враг — те или ляхи?
Брусилов прав.

Хоть худо — да наше!
Хоть лют — да брат!
Минск — наш или ляший?
Брусилов — свят.

И пусть в груди грусти —
Воды в Двине!
За край Белорусский
Кому как *не*...

За кровное дело,
Небось, берусь!
Кому ж как не *белым*
За Белу Русь!

6 Зак 175

И как перед Богом
— Бог слышь и видь! —
Бойцом тебе добрым
Клянусь пребыть!

Чтоб *дедовым* полем
Текла Двина!
А добрая воля
Везде — одна!

Завтра утром — пока сверятся —
Не дочтутся офицерика.
— И здóрово ж перебёг! —
Которого — суди Бог!

ВРАНГЕЛЬ

Справа, с простору...
В синий, синей чем Троицын...
— Скок из мотора! —
Спешно солдаты строятся.

Вал одним махом
Взяв — да на всю карту-то! —
Ровно бы млатом:
— Здорово, орлы-марковцы!

С краю до краю
— Дышит — растет — длится —
— Здравья желаем,
Ваше Высок'дитство!

В черной черкеске
Ловкой, в кубанке черной.
— Меч вам и крест вам:
На мир не пойдем позорный!

Драться — так драться!
Биться, орлы, — так биться!
— Рады стараться,
Ваше Высок'дитство!

Громом в затишье
Нивы: — Не зря сидели!
(Каждого выше
Нá голову — не две ли?)

— Раньше морозов
Первых — в Москве гудящей...
Сказы и грезы
Явно превосходящий —

Вот он, застенков
Мститель, боев ваятель —
В черной чеченке,
С рукою на рукояти

Бе — лого, пра — вого
Дела: ура — а — а!

НАЛЕТ

Полный вал солдат,
Полный вал голов
Задранных, а *над*
Валом — «и здоров

Врать! без счету, а ты — семеро!»
Десять самолетов к северу.

Полно́ небо спиц,
(Пока глаз не взвел)
Поглядеть — так птиц,
Не глядеть — так пчел.

Наступленьица — сбылась-таки![1] —
Первы пчелки, первы ласточки.

— Эх, каб на Москву
Так-то б! — Давай Бог!
К каждому хвостку
— Глаз-то! рук-то! лбов!

Летит — мир ему с орешину! —
Цельна Армия привешена!

Трех, гляди, годов
Груз. — Верните Брест! —
Тысяча пудов
Радужных надежд!

Держись, крылья стрекозиные!
Чай тебе не бак бензиновый!

Задавали бал —
Любо-весело́!
Миновали вал —
Прямо на село:

[1] Подразумевается: мечта наша *(примеч. М. Цветаевой)*.

Красна Армия — хозяюшкой..
Опускаются, снижаются...

Снизились! Стрельбы
Треск. За ним пальбы
Гром. За ним клубы:
Дым. За ним столбы...

Уж который поклон шлет
Пулемету — самолет!
Уж который — челом бьет
Самолету — пулемет!

Горит красная гостиница —
Село Первоконстантиновка!

ПРОЖЕКТОР

На валу — новый звук,
Новый век, новый друг:
Долгорук, долгозрак.
У врага — новый враг.

Око есть, ока нет.
На валу — новый век:
На врага — око, видь! —
Свет и страх наводить.

Зрак, не спящий за нас.
Зрак: три тысячи глаз
Волчьих! целая печь!
Свет — в три тысячи свеч

Брачных! Ну-с, что́ да где —
ка́к — на Красной звезде?
Наставляй телескоп!
(Перст, прожектора сноп.)

Распотешь! разуважь!
Лижет степь — топь — Сиваш.
Оком — зырк, веком — чёрк:
Перемиг, пересвёрк.

Белый скок, белый штан —
Думал — тут — ан уж там!
Белый блин, черный кант, —
Цельный фронт арестант!

Цель ясна, даль ясна.
Вал без сна, враг без сна.
Им не лечь, нам не лечь.
Ночь как день, луч как меч.

Мы-то — в тьмах, враг-то — гол.
Как у бабы — подол
Задираем у всей
— Виды видывавшей! —
Дали.
        Грех. Сверху — зрак:
— Каин! — Здесь! — Каин, брат
Где твой? Хриплым, как наш,
Гласом: — Брату не страж.

Ангел: тру — у! Спящий: чу!
Так, на полном свету,
В тел и дел естестве,
Встанем — те, встанем — все:

Безымянные — гранды — гении —
Всё — от Врангеля и до Ленина!
(И Деникин, Антон...)

...Глянем мы — грянет он.
Полосы меловой
Эхо: выстрел двойной.

— Одна трата!
— То-то оно-то!
Две гранаты:
Два перелета.

Так до алой
самой до зорьки —
Мимо вала —
В Школьную Горку.

Новый взрыв, новый сноп.
Жив и здрав Перекоп —
Что дитя в пеленах!
В сотый раз перемах!

Молим всё: — милый, всю
Степь, во всю широту
Светлотой замости!
Догляди до Москвы!

Низложи гробового врана
На главе звонаря Ивана!

КАНУН

День — сон или явь?
— Ну-с, братцы, поздравь!
— С чем? — С тем, с чем и вас:
В час. Тайный приказ.

Взрыв. Искра в овин!
— Шш... только двоим
Вам! Всюду-везде:
— Шш... только тебе...

Вам... Са́м только лишь!
Вслед танкам? да ты ж,
Я ж. Конница — в тыл...
(День: сгнил — не забыл!)

А лица солдат!
В Сочельник — ребят:
Глаз скашивают,
Не спрашивают.

Губу закусив —
Что сласть-чернослив,
Скарб связывают,
Не сказывают.

Как есть тебе тюк!
Шальной каб не вдруг
Смех, спирт-нашатырь —
Ноздри́ во всю ширь!

Страстнее свиданья,
Светлее заутрени...
От вала — и дале —
От хутора к хутору —

Ржаным изобильем,
Пшеничным дождем —
Где пальцем водили —
Ногами пройдем!

Презренная горстка?
Услышите всенощну!
Над десятивёрстною
Картою — все́ мы тут! —

Ленок колониста,
Гвардейский пробор,
И ус тут, и лыс тут,
И просто бобер —

Армейского крóю,
Военного пострига.
Баштаном—бахчою—
От острова к острову—

Под крики: здорóво!
Под звон поселян—
Весь, весь завоевываем
Океан.

Степной. Ибо—с нами
Край! Двинем—и двинутся!
Какие названья!
Каховка... Любимовка...

В самóм уже звуке
Залегший успех.
Как сестрины руки
В предчувствии *тех*.

Ногами зашаркали:
— Жданка! Березовка!
Давно не по карте
уже, а по воздуху—

Под крики: здорóво!
Под взмахи: велик
Бог!—весь завоевываем
Материк

Шестой.—Дóма погребут!

Тень на карту, следом—в пуд—
Вздох, покашливанье такта.
— Господин поручик... тáк-что...
Еще раз бы... нужда истинна!—
Пулеметы...

(Вчера чищены)

ПОСЛЕДНИЙ ЧАЙ

Горит огонек.
Дымит котелок.
Последний паек.
Последний чаек.

Сказать тебе в тай?
Был кофеем чай
Тот. Кровь бережем:
Овес пережжен-

то кофий тот. Не в том, брат, сок,
Что — чай, а в том: прощай!
Овес, а то и кипяток
Пустой: прощай — так чай.

Посапывает — послухиваем.
В упор затянув ремень,
Сидим, сапожком постукиваем:
Сиденья последний день.

Посапывает — покипывает
Котел — не спускаем глаз.
А сердце тоска пощипывает:
Землянки последний час.

Ждала же нас! блюла же нас!
Юнец — (гудит как шмель)
— Уходим раз, не ляжем раз,
(Огонь) — гори, постель!

Оха́пинами, вяза́нищами,
В костровый огонь — вдова,
Заслуженная, лежаночная
Сухая летит трава...

Краса ж у нас! жара ж у нас!
Юнец — кураж и грусть —:
— Уходим раз — не ляжем раз —
Никто не ляжет пусть!

(Тем Турция — серп, тем Сербия — крест:
Погост найди, где русского нет!)
А в сердце тоска посверливает,
А в печке трава похрустывает.

Ни хлеба нет, ни обуви нет —
Раз вера есть — так Армия есть!
А в глотке сольца поскребывает,
А в трубке зола помаргивает.

Моргнет — и нет. Убьют — или нет?
Забыт — или нет? — Кипит — или нет?!
А в брюхе камса побуркивает,
А в печке трава попыхивает.

Но благу ли быть, но худу ли быть —
Злей худа нет, чем старому жить!
А в сердце — Москва погудывает,
А в печке — трава погарывает.

Ни мыла нет, ни бани-то нет —
Белей найди, чем Маркова рать!
А в сердце — Москва позванивает,
А в сердце — Москва поваркивает...

(Слились — как в хоре голоса,
Как в пряди волоса:
Москва — тоска — камса — сольца —
Травца — шпорца — кровца.)

Вскипит — так пить, не бороду ж брить!
Ни чая нет, ни чайника нет.
А глотку камса подёрывает,
Вскипел корнет: — Вскипай, наконец!

Залить тоску — камсу — сольцу —
Залить растраву — всю!

И странный, брат! Аль чванный, брат?
Народ — чудно́й народ!
Как ванны ждать, как манны ждать,
Вскипел — никто не пьет!

Один: — Да нам и Лазаря
Не спеть, коли кишки
Не смазаны! Обязаны —
Всё! Ваши котелки!

Есть — одуванчиком цветок
Русь называет тот.
Так капитан на кипяток
Дул из обеих щек.

— Дуй, капитан!
Весь чтобы чан
Выкачан! вся
Чтоб и камса

Съедена!
Ибо пос — лед — няя!
Пей до дна!
Пей до дна!
Пей — до — дна!

Од — на струна —
Единый оборот.
Скорей стрела
Магнитная сморгнет —

С севера.
— Гей, жена!
Гей, родна!
Пей до дна!
Пей до дна!
Пей — до — дна!

Кам — са наш хлеб!
Тра — ва наши дрова!
Ни крох, ни щеп!
Примета такова:

Пускаясь в бой,
С собой — и за собой —
Крохи не брать,
Крохи не оставлять.

К сведенью:
Мать одна —
Смерть одна!
Пей до дна!
Пей до дна!
Пей — до — дна!

И жарко, и жалко, —
Чая́м-тебе-чай!
Жестянка — лежанка —
Землянка — прощай!

Пять дней тебя рыли,
Сто дней в тебе жили,
Ночей в тебе — выли
хоть! кляли хоть! — спали
всё ж...

Ни Богу, ни штабу не жаловались.
Как с шубой, как с бабой слежались, сжились.

Проедут тачанки —
И нам черёд-скор.
Чем так-то в молчанку —
Подтягивай, хор!

«Многоводная, обильная,
Разлилась и вдоль и вширь,
Эх, Кубань ты наша родина,
Вековой наш богатырь!»

Просторы мчат
Саперы мчат
Костровый чад
Махровый чад

— Который час?
— Который час?
— Который час?
— Да скоро ль, черт!

— Запаздывают!
— Запаздывают!
— Да час, говорят,
Назад, говорят,

Как сверены!
(Беременных:
«Скорей бы уж!
Что́ с временем?»)

Сказ, Перекопский Патерик
Творю — чиста моя корысть.
Одна душа на четверых,
Одни часы на четверых.

(Слушай — сказ!)
Дело — темь.)
Выход — в час.
Время — семь.

— Юнкер, сядь!
Пальцы в счет.
— Целых пять
Битых — черт!

(*Черт* — коли с му́кой —
Тож Аллилуйя —
Богу!)
  — А ну́-ка —
На боковую?

Наш север — край,
На север — стай
Путь, север — шпор
Звон, север — стон...

Последний пай
Последний чай
Последний хор
Последний сон.

ВЫХОД

— Вставай! вставай! вставай! вставай!
(Все́ в раз — кого ж будя?)
— Седлай! седлай! седлай! седлай —
Пеш, самого себя!

Повалка — ввысь, стоянка — в рысь,
Распашка — в сбор, растяжка — в склад.
Сама душа — и та́ в запа́х
Шинели а́нглийской до пят.

Пеше́чком бьем, пеше́чком мрем!
Заветный день, двухцветный блин.
Кише́чки подтянув ремнем,
Прилаживаем карабин.

Царей — царей — царей — царей
Русь, всё ради тебя!
Скорей! скорей! скорей! скорей!
Ну-с, — всё ли, господа?

Махорка? есть! На шее крест?..
В карманах письма шелестят...
Последний трепетный присест.
В последний раз последний взгляд

— И юнкер с краешку присел —
Хозяина — на дом:
На ворох казначейских дел —
В одном, мешки — в другом.

(Досо́чку в полку обратя —
Вот радовались-то!)
Пустую полку для бритья, —
Осколки жития
Солдатского...
А дальшс — ночь,
А дальше — дичь, а дальше — степь.
А дальше — *сметь!* А дальше — *мочь!*
Последняя вязанка в печь...

Тьма тьмущая. Точно сшиты
Глаза. Веселей — закрыв.
Подводы, шаги, копыта —
Вал слухом жив, звуком жив.

Приказ не курить, не шаркать,
Не чиркать: ушами — видь!
Не ржать — лошадям, не харкать —
Людя́м: не дышать, не быть.

Вал. Выпаливший кофейник —
Вал! Кипь через все кра*й*.
Разбуженный муравейник —
Вал: *белые* муравьи!

И шагом — сплошной незримой
Шинелью, железной в швах,
Недвижных двуколок мимо —
Вперед — батальоны в тьмах. —

В тьму — тьмы нас! — Ужель не слышишь,
Русь? Топ как бы стад. (Враг — глух!)
На слух — полтораста тысяч,
(Каб свет — не начли б и двух!)

И шагом — таким за гробом
Идут, да за возом дров —
За каждой двуколкой — с Богом! —
Шесть призрачных нумеров.

Не курить и не́
Шаркать. Ибо в тайне —
Дело. В тишине
Крайней — крайней — крайней.

Не — не — не —
(Плыл ли? спал ли? шел ли?)
В ти — ши — не
Полной, полной, полной.

Бока, чтобы не дышали,
Втянув, как флейтист — щеку́...
— Каб с нашими! С латышами —
Бой! Славь в Сиваше Чеку!

Сердца́, чтобы не шалели,
Угнав далеко́ за Курск...
Тьмой тьмущею как шинелью
Накрытые... Пост ли? куст?

Круп? торс? (Илиона тени —
В бой!) Вдруг, не примяв травы,
В обскок на рыся́х... — Кто? — Темень —
Тьме: «Конная сотня. — Вы?»

И — лошадь захохотала!
Ржет — кожу дерут! Продаст,
Тварь! Задранного оскала —
Кость. Всадного ругань. Пласт

Кнута. Заглотнула сотню
Тьма. — Всё. — И опять как в трюм.
Хорош ветерочек шлет нам
Русь: встречный — относит шум.

А шумно — шаги, колеса...
А томно — уж слух побёг,
Что — шумно! хоть *мы* — не босы:
Две тысячи пар сапог.

Чай пьем — в Харькове,
В Курске — к завтраку.
То-то марка-то
Марковская!

Шш... Не шаркайте!
Схватка — с картой всей!
И — не — харьковцы —
Марковцы мы!

Вперед, вперед, и — здравствуй,
Кремль! Мстить? Поклоны класть!
Сдает — сдается — сдастся
Ночь. Стоп. Колонны часть.

И чай, и чай внакладку, —
А? сколько не пивал?
Последняя оглядка
На вал — пропал — провал.

Веди, веди, Егорка-
Свет — карты поперек
Родной! У Школьной Горки
Пока что — фонарек

Горит. — В чернильной, смольной
Ночи́ — мечты игра:
— Эх кабы вместо Школьной —
Поклонная Гора!

Но до Горы Поклонной —
— Эх! — Вдруг, в двух шагах, как слон
Колышащийся... Колонна —
Стоп. Прибыли. Батальон.

В луче фонаря, под самым
Курганом — как маг — как мист —
К каким-то богам незнамым
Взывает телефонист.

Шип — и сызнова...
Сап — и сызнова...
Храп — и сызнова...

— Штаб дивизии!
— Штаб дивизии!
— Штаб дивизии!

(Последнего могикана —
Зов!) Вдоль телеграфных свай —
Безлицые великаны
С тенями по самый край

Земли.
Всю, всю покроем
Телами — вслед теням!
Делами! Полк — покоем.
На середину (сам —

Храм!) к сапогам и к поту
Привычный — полевой —
— Та ж пахота — пехота! —
Священник полковой.

— Братья, вот она
Ставка крайняя!
Третий год уже
Авель с Каином
Бьется. Пройдено
Сколько сот
Верст? А родина
Третий — ждет.

Вспомним: «*на́ш* Елец!»
Вспомним в Кромы тот
Въезд! Но тяжкие
Были промахи,
И, дорогу окровеня,
Золотого взамен Кремля —

Крым. Зовет же вас
Вся Русь богова —
Добровольцами!
Волю ж *добрую*,
Братья! В вечный град —

Вербный въезд!
Крепко меч держа,
Крепче — крест,
Ветвь...
Не вóроном
В белом кителе,
Божьим воином,
А не мстителем —
В бой! — Так радуга гонит грусть. —
Да возрадуется вам Русь!

Белый пó черну в тьмах
Взлет: фуражечный взмах.
Всего множества вздох.

— Да поможет вам Бог!

Дико? После постигнете!
Рядом с спящим противником
(Завтра — долг того требовал —
Что бы ни было...)
— не было
Кротче нас.

Отче
Наш!

Но — второго естества,
Дела речь и мира речь —
В речь духовного отца —
Отца-командира речь,
Пол — ковника седá:

— Всей родины судьба,
Чтó — наша! Миллионов
Не-красных, не-зеленых,
Чтó — наша! Поколений —
В у — даче боевой!

Командиры батальонов!
Разводите батальоны
Приготовьтесь к выполненью
За — дачи боевой!

А первые в битве бьются —
Сердца. До ушного звону!
Вполголоса подаются
Команды, и батальоны
Расходятся. — Тихо. — Выход,
Ты?! — Что? — Да не может! — *Есть.*
Бр'т! Огненная шутиха —

Вверх! Раз! Ну и два-с! И несть
Им счету. Твоя палитра,
Ад! Вдруг — не в ушах — в груди —
Звук: — Проволока проби — и —
та! Проволока проби —
та проволока! Кто не был —
Тот нé жил.
До мига, когда все небо
Мигало, а мы так *не*
Сморгнули, до звезд — столь ярких,
Что — свет или слезы льешь?
Эх, млад-командир-свет-Марков-
хват — ты-то не дожил что ж?!

Стой! стой!
В меховой папахе,
В прос — той
— Медведскую брал —
Куртке — той!
Вдоль пáхоты — пахарь —
Не Толстой,
Марков-генерал.

Млад! млад!
Ни морщин, ни плеши.
Хват — рад
С чертом хоть с самим!
Сол — дат:
Вдоль пахоты — пеший.
Сват, брат
Марковцам своим.

Край — Русь!
Нету перестарков!
Нá, Русь, —
Пока красовит!
Мертв — бьюсь!
То генерал Марков
На — Русь —
Марковцев своих.

Уши вырастут у бєзухого —
Загудело запело забухало!
Еще громче чем под рубахою
Заработало забабахало.
Справа слева все небо в заревах!
«Воробьиная ночь» сказали б
— бáх
Барабах! — да кони ржут —
Каб вообще говорили что-нибудь,
Кроме: Господи всеблагий!

Господи всеблагий!
Гос — по — ди!
Помоги! Господи
Помоги! Господи
Помоги! Гос — по — ди!

Мощь-то Божья — вó — велика!
Осто — рожней! Проволока!

Помощь — Твоя — скорая:
Вот уже по ту сторону,

Проволоки. — На Руси? — На Руси!
Крым! уже за шеломяном еси.

═══

Через день — катились вскочь
Те — текай-откатывай! —
Стало ведомо: в ту ночь
Мая двадцать пятую

Семью тысячами — жив
Бог! глядел-не смаргивал! —
Бита нá голову их
Девятая Армия.

В солоноводных Сивашах
— Латышки, плачь об латышах! —
Осиротили латышат,
Перетопили
　　　　　　— лотошат
Ведь! никуды ж ведь! никаков
Латыш — ни их, ни наш.
Навеки вечные веков
Слились: латыш: Сиваш.

Начат 1-го августа 1928 г., в Понтайяке (Жиронда)
Кончен 15-го мая 1929 г., в Медоне (девять лет с *майского* Перекопа)

Переписан в эту книжку 5-го — 8-го сентября 1938 г. в Dives-sur-Mer (Морском Диве) — Calvados.

═══

Последнего Перекопа не написала — потому что дневника уже не было, а сам перекопец (который коню скормил сирень — «а может быть это была яблоня — не знаю» — так что за *сирень не* отвечаю, за скорм — *да)* к Перекопу уже остыл — а остальные, бывшие и не остывшие — рассказывать не умели — или *я* не понимала (военное).

Так и остался последний Перекоп без меня, а я — без последнего Перекопа. — Жаль. —

МЦ.

ПОМЕТКИ

ВАЛ

Стр. 148, 149.

Была суха, как прах.

Прах — славянское порох.

Нудá — нудá — нудá...

От *нудить*, существительное.

Стр. 149.

Земля была — перед грозой
Как быть должна земля

— то есть: земля была как должна быть перед грозой земля.

Стр. 150.

Там перекапывалась — новь,
Окапывалась — бывь.

Там — на Перекопе. Красными перекапывалась новь, белыми окапывалась бывь.

— В тартарары тебя, тельца ласкова!
(«Всем! всем! всем!»)

Телец ласковый — Керенский. От долгого сиденья — оглядывались, вспоминали.

В тартарары с тобой — эх, не ты б не ты! —
Шло — шла — шли.

Шло — всё, шла — Россия, шли — все мы.

Стр. 151.

Галлиполи: чан — дó 'полну
Скорбей...

Четверостишие о Галлиполи — заскок в будущее.

ДНЕВАЛЬНЫЙ

(За битовку с Троцким
Кресток деревянный
Взял)

— то есть возьмет. Заскок в будущее.

Стр. 152.

— Тыщу б
Покрыл — каб по шпалам...

— то есть: тыщу бы верст покрыл, кабы шагал по шпалам, а не взад-вперед по валу.

И Крым, земля ханска,
То влево, то вправо

и, дальше:

И Русь, страна дивья,
То вправо, то влево

— то есть — фактически — раз он всё время поворачивается — то вправо, то влево *от него.* Но есть еще и другой смысл: земля ханска и страна дивья еще *не решили.*

СИРЕНЬ

Стр. 153.

Солончаком, где каждый стук
Копыта: Геродот —

Эту землю первый сказал Геродот, и вот она — имеющему уши — говорит его имя.

Стр. 155.

— А все ж — всю Русь-святу несет
За пазухой...
— Христовой.

Многоточие, тире и перерыв строки — моя последняя проверка и *окончательное* утверждение.

И вот, двадцать лет спустя, повторяю: Христос на Руси в тот час укрывался за пазухой добровольца. *Весь* Христос — за *тощей* пазухой добровольца. Так было — и так *будет* — благодаря этим двум моим строкам.

МЦ.
Париж, 17 сентября 1938 г.

У нас в России — всём!

то есть: всем дают (NB! последнее)

БРУСИЛОВ

Стр. 157.

Мы Вожáта не дождались.

NB! Вожáта вместо Вожатого. (М. б. неоправданный) славянизм. Но мне нужно было именно это слово — и звук.

Стр. 157, 158.

За что, бр'т, бьюсь?
Ведь и звука-то нету — Русь!

Это говорит не доброволец, а сказал бы доброволец, если бы им быть перестал (перешел).

Чей-то, му́ку
Усмешкой скрав

— глагол скрадывать: утаивать.

ПЕРЕБЕЖЧИКИ

Стр. 158.

Да жива ли уж? да жив-то ли?

Жива ли уж — мать, жена, да жив-то ли — (деревенские) — *он.*

NB! к людя́м.

(простонародное)

Стр. 158.

...С представленьями, с комедьями

— подразумевается — *наша* власть.

ВРАНГЕЛЬ

Стр. 162.

Сказы и грёзы
Явно *превосходящий*

— этим дано и оправдано его Высокопревосходительство.

НАЛЕТ

Стр. 163 — 164.

Весь отрывок от «К каждому хвостку» до «бак бензиновый» имеет дать надежду, которой обвешены самолеты: пуды надежд, которыми обвешен каждый самолет.

ПРОЖЕКТОР

Стр. 164.

Белый блин, черный кант

— здесь прожектор дан в виде добровольца (марковская фуражка). Вся главка Прожектор — только игра этого самого прожектора: света и тьмы.

КАНУН

Стр. 166.

Шш... только двоим
Вам! Всюду-везде:
— Шш... только тебе —

подразумевается — говорю.

Стр. 166, 167.

И просто бобер —
Армейского крою,
Военного пострига

— бобрик (стрижка).

Ибо с нами
Бог!
Головы сдвинувши:

— над картой, по которой уже мысленно идут*.

Как сестрины руки —
В предчувствии *тех*

— руки любимой.

Тень на карту, следом — в пуд —
Вздох, покашливанье такта

— явление солдата. Последующая фраза о необходимости еще раз вычистить пулеметы доказывает, что солдаты давным-давно уже всё знают.

ПОСЛЕДНИЙ ЧАЙ (NB! моя любимая глава)

Стр. 167, 168.

Сказать тебе в тай?

В тай — тайком (народное).

Тем Турция — серп, тем Сербия — крест...

— опережение событий: где кто — после той травы — ляжет. Турецкий *серп* и сербский *крест* как символы смерти.

Стр. 169.

А в сердце — Москва позванивает...
А в сердце — Москва поваркивает...

(надеюсь, что понятно, что:) — колоколами
— голубями

* Имеются расхождения с текстом. — *Сост.*

Стр. 171.

Четверостишие, начинающееся:

Просторы мчат

— прошу без всяких знаков, ибо (прошу проверить) ни один не подходит. Это — скороговорка, имеющая дать *вихрь.*

ВЫХОД

Стр. 172.

Если будет когда-нибудь печататься, и во всяком случае, прошу произносить:

Пешёчком — и — кишёчки

Интонационное указание:

Махорка? есть! на шее крест?

На шее крест? прошу произносить (т. е понимать) не: на *шее* — крест? а: на шее *крест?* То есть как будто бы следовало: имеется ли?

На ворох казначейских дел

— по свидетельству добровольца, с которого мой Перекоп писался, единственное чтение их все те сто дней было ворох казначейских дел. У моего добровольца — но это к делу не относится, а только так, к слову — была еще моя детская книжка стихов «Волшебный фонарь», с которой в кармане проделал все добровольчество — от первых дней Новочеркасска до последних Крыма.

Стр. 173.

не харкать —
Людя́м

(простонародное)

...Кипь через все край —

— ударение на *и*, вместо кр*ая*.

И шагом — таким за гробом
Идут — да за возом дров —

— то есть так же тихо, бесшумно.

Стр. 175.

Земли...
Всю, всю покроем
Телами — вслед теням!

(Надеюсь, понятно, что — *своими!)*

Делами! Полк — покоем

то есть буквой П.

Стр. 175.

(Речь священника, NB! — *живая)*

— Волю ж *добрую,*
Братья!

— подразумевается: — творите.

Стр. 176.

Четверостишие, начинающееся:

Командиры батальонов

равно как:

Вполголоса подаются
Команды, и батальоны
Расходятся

мною *дословно,* без малейшего изменения, взяты из записок моего добровольца, просто — списаны. Могу сказать почти то же о всем моем Перекопе, который писался так: слева — его тетрадь (крохотная, даже не тетрадь, а стопочка бумаги), справа моя — черновая, синяя, вчетверо большая. Если в моем Перекопе есть физические (фактические) ошибки — то виноваты стихи, из-за которых приходилось вводить посторонние делу понятия. И еще — моя безнадежная неизлечимая военная слепость. Писала *вслепую,* зная только чувства и ближайшие предметы. Писала как те — шли.

Стр. 177.

Стой! стой!
В меховой папахе...

— видение (убитого) генерала Маркова, ведущего на Русь — «марковцев своих».

Стр. 178.

Крым! уже за шеломяном еси!

— шеломяном — курганом.
В Слове о Полку Игореве — *Русь* уже за шеломяном.

NB! А может быть — хорошо, что мой Перекоп кончается победой: так эта победа — *не* кончается.

Если когда-нибудь — хоть через сто лет — будет печататься, прошу печатать по старой орфографии.

МЦ.
Париж, 7 января 1939

СИБИРЬ

Казацкая, татарская
Кровь с молоком кобыл
Степных... Тобольск, «Град-Царствующ
Сибирь» — забыл, чем был?

Посадка-то! лошадка-то!
А? — шапка высока!
А шустрота под шапкой-то!
— С доставкой ясака.

Как — «краше сказок няниных
Страна: что в рай — что в Пермь...»
Казаки женок сманенных
Проигрывали в зернь.

Как на земле непаханной
На речке на Туре
Монашки-то с монахами
В одном монастыре

Спасалися. Не курицу —
Лис, девку подстерег
Монах. Покровско-Тушинский
Поднесь монастырек

Стоит. (Костлявым служкою
Толчок: куды глядишь?
В монастыре том с кружкою
Ходил Распутин Гриш.)

Казачество-то в строгости
Держать? Нашел ягнят!
Все воеводы строятся,
А стройки — все-то в ряд.

Горят! Гори, гори, Сибирь-
Нова! Слепи Москву-
Стару! Прыжками рысьими,
Лисьими — к Покрову —

Хвостами — не простыла чтоб
Снедь, вольными людьми:
Иваницу Васильичу
Край, Строгановыми

Как на ладони поданный.
Ломоть про день-про чёрн
Как молодицы пó воду —
Молодчики — по корм.

В такой-то — «шкуру сдергивай»
Обход — «свою, д...мак!»
Самопервейшим жерновом
Ко дну пошел Ермак.

Прощай, домоводство!
Прощай, борода!
Прощай, воеводство!
Петрова гнезда

Препестрого пуха,
Превострых когтей
В немецком треухе —
Гагарин Матвей.

Орел-губернатор!
Тот самый орел,
От города на три
Верстищи Тобол

Отведший и в высшей
Коллегии птиц
За взятки повисший
Петровой Юстиц-
Коллегии против.

Дырявый армяк.
Взгляд — смертушки просит.
— Кто? — Федька-Варнак.

Лежу на соломе,
Царей не корю.
— Не ты ли Соймонов,
Жизнь спасший царю?

(С ноздрею-то рваной?)
— Досказывать, что ль?
И сосланный Анной
Вываривать соль

В Охотске.
                    — В карету!
Вина прощена.
Ноздря — хоть не *эта* —
А приращена.

И каждый овраг
Про то песенку пел:
Как Федька-Варнак
Губернатором сел
Тобольским.

            Потомства
Свет. Ясен-Фени́ст!
Сибирское солнце —
Чичерин Денис.

В границах несведущ.
Как солнце и дождь
Дававший на немощь,
Дававший на мощь.

Речь русскую «*нате*»-
Внедривший-словцом,
В раскрытом халате,
С открытым лицом,

С раскрытою горстью
— В морозной соли —
Меж Князем Обдорским
И Ханом-Вали.

...Зато уж и крепко
Любила тебя
Та степушка, степка
Та, степь-Бараба,

Которую — версты
Строптивых кобыл! —
Ты, ровно бы горстью
Соля, — заселил.

— Сей, дяденька, ржицу!
Тки, девонька, холст!
В тайжище — в травище
— Ужу не проползть —

В уремах, в урманах
— Козе не пролезть —
Денису Иванычу
Вечная честь.

Так, каждой хатенкой
Равнявшей большак,

Сибирский Потемкин
С Таврическим в шаг
Шел.

Да не споткнись шагаючи
О Государства давешний
Столп, то бишь обесчещенный
Меньшикова-Светлейшего
— В красках — доселъ не умерли! —
Труп, ледяную мумию
Тундры — останки мерзлые
Меньшикова в Березове.

(Без Саардамским плотником
Данной, злорадством отнятой
Шпаги — в ножнах не нашивал! —
Только всего-то навсего —
Тундра, морошка мражена...
Так не попри ж, миражными
Залюбовавшись далями,
Первого государева
Друга...)

Где только вьюга шастает,
Кто б меня приласкал,
Седу? Тобольск, Град-Царствующ
Сибирь, чем был — чем стал!

Как еще вживе числятся-то,
Мертвых окромя,
Твои двадцать три тысячи
Душ, с двадцатью тремя

Церквами — где ворованно,
Там молено, казак! —
С здоровыми дворовыми,
Лающими на кряк

Кареты предводительской
В глиняной борозде.
С единственной кондитерской
— Без вывески — в избе...

Не затяни ошибкою:
«Гроб ты мой, гроб сосиов!»
С дощатою обшивкою
Стен, досками мостков

И мостовых... И вся-то спит
Мощь... Тсс — тулуп — сугроб...
Тобольск, Тобольск, дощатый скит!
Тобольск, дощатый гроб!

Медон, 1930

ПОЭМЫ-СКАЗКИ

ЦАРЬ-ДЕВИЦА

Поэма-сказка

Как у молодой змеи — да старый у́ж,
Как у молодой жены — да старый муж,
Морда тыквой, живот шаром, дышит — терем дрожит,
От усов-то перегаром на сто верст округ разит.

Как у мачехи у младенькой — сынок в потолок,
Не разбойничек, не всадничек, не силач, не стрелок,
Вместо щек — одни-то впадинки, губы крепко молчат.
Как в дворцовом палисадничке гусли за́ полночь бренчат...
Поведешь в его сторонку оком —

Смотрит в стену.
Дай-ка боком
Д'ненароком
Да задену!

НОЧЬ ПЕРВАЯ

Спит Царевич, распростерся,
Спит, не слышит ничего.
Ровно палочкой уперся
Месяц в личико его.

Соврала, что палочкой:
Перстом светлым, пальчиком.
И стоит бабенка шалая
Над мальчиком.

«Скрытные твои ресницы, —
Без огня сожжена!
Отчего я не девица,
А чужая жена!

Отчего-то людям спится,
А мне плачется!
Отчего тебе не мать родная
Я, а мачеха?

На кроваточке одной
Сынок с матушкой родной.
С головеночкой льняной
Ребеночек мой!

Молчи, пес цепной!
Не реви, царь морской!
Проходи, сон дурной!
Ребеночек — мой!

В кипяток положь яйцо —
Да как не сварится?
Как на личико твое цветочное
Не зариться?

Для одной твоей лежанки
Я на свет рождена.
Я царевичу служанка —
Не царёва жена.

Обдери меня на лыко,
Псам на ужин изжарь!
Хошь, диковинный с музыкой
Заведу — куба́рь?

Гляжу в зеркальце, дивлюся:
Али грудь плоска?
Хочешь, два тебе — на бусы —
Подарю глазка?

Не введу в расход, — задаром!»
А сынок в ответ:
— К взрослым пасынкам — нестарым
Мачехам ходить не след. —

«Дай подушечку поправлю!»
— Я сам примощусь! —
«Как же так тебя оставлю?»
— Я и сам обойдусь! —

«Ай пониже? Ай повыше?»
— Мне твой вид постыл! —
«Видно, разум твой мальчиший
Звоном по́ морю уплыл.

Али ручки не белы?»
— В море пена белей! —
«Али губки не алы?»
— В море зори алей! —

«Али грудь не высока?»
— Мне что грудь — что доска! —
«Можно рядушком прилечь?»
— Постеля узка! —

«Коль и впрямь она узка — свернусь в трубочку!
Говорливые мои шелка? — скину юбочку!
Всё, что знала, позабыла нынче зá ночь я:
Я крестьяночка, твоей души служаночка!»

А Царевич ей в ответ
Опять всё то же:
Всё: негоже, да не трожь,
Не трожь, негоже!

«Али личиком и впрямь не бела?»
— Не страми родство, да брось озорство! —
«Ох, зачем тебя не я родила?»
— Мне не надо твоего — ничего! —

«Ох, височки, волосочки мои!»
— Корабельные досочки мои! —

Поздний свет в ночи, да треньканье струн...
То царевичев усердный шептун
Три свечи зажег — да вниз головой,
Да псалмы поет на лад плясовой.

На угодничков плюет, давит мух,
Черных сродничков своих славит вслух.
— Распотешь себя, душа, распотешь! —
Над лампадочкой святой клонит плешь.

— Слюнка, слюнка моя, верный плевок!
Ты в лампадочке моей — поплавок.
Я недаром старичок-колдунок:
Не царевичев ли вижу челнок?

Шея лебедем, высок, белогруд,
В нем Царевич мой, и я с ним сам-друг.
Всколыхнулася лазурная рябь:
К нам на гусельный на звон — Жар-Корабь!

Подивись со мной, пророк Моисей!
Купины твоей прекрасной — красней!
Посередке же, с простертой рукой —
Не то Ангел, не то Воин какой.

Что за притча? Что за гость-за-сосед?
Не то в латы, не то в ризы одет!
С корабля кладет две легких доски,
Да Царевичу дает две руки.

Всполохнулся мой Царевич — погиб! —
Половицы тут в ночи: скрип да скрип,
Голосочек тут в ночи: «Дядь, а дядь!
Научи меня, старик, колдовать!
Опостылела царёва кровать!
Я с Царевичем хочу ночевать».

— Что ты, матушка, кто ж с пасынком спит? —
«Царь с бутылкою в обнимку храпит.
Ты царевичеву кровь развяжи:
Коршунком ко мне на грудь положи!»

Усмехнулся в бороденку старик:
Хоть царица, а проста на язык!
Ночевать одной, поди, невтерпеж!..
— Что ж, краса, мне за работу кладешь?

«Положу тебе шесть сот соболей».
— Мне плевочек твой единый милей!

«Скат заморского сукна на кафтан».
— Из сукна того скатай сарафан!

«Так червонцев нагружу чугунок».
— Дешев, дешев тебе царский сынок!

Приклонись ко мне, Царица, ушком,
Цену сам тебе скажу шепотком. —

Помертвела ровно столб соляной,
Д' как сорвется, д' как взовьется струной,

Как плевком ему да вызвездит лоб!..
«Хам! Охальник! Худородный холоп!

Целовать тебя — повешусь допрежь!»
Старикашка ничего, вытер плешь:

— Хочешь проку, красоты не жалей!
Погляди-ка ты в лампадный елей!

Дунь и плюнь! Сделай рябь!
Что ты видишь? — «Корабь.

7 Зак 175

Без гребцов-парусов,
Само море несет».
— Ну-кось? — «Чтой-то темно».
— Плюнь на самое дно!

Ну-кось? — «Ходко бежит!
Кто-то в лежку лежит:
Человек молодой...
— Светел пасынок мой!»

Смотрит в синюю гладь.
Ничего не видать.

— Перстень в маслице брось!
Ну-кось? — «Рученьки врозь.
Бусы в левой руке,
Гусли в правой руке.

Привалился к корме.
Думу держит в уме».

— Топни правой ногой!
Что ты видишь? — «Другой
В синеморскую хлябь
Выплывает корабь.

В сини-волны в упор
Грудь высокую впер.
Посередке — костер,
Пурпуровый шатер».

— Полный круг обойди!
Ну-кось! Зорче гляди! —

«Душу сперло в груди!
Дева всех впереди!
Великановый рост,
Пояс — змей-самохлёст,
Головою до звезд,
С головы конский хвост,
Месяц в ухе серьгой...»
— Топни левой ногой! —

Левой ножкой топнула,
Да как охнет, взглянув!
Да как навзничь грохнется,
Колен не согнув!

Да как затылком чокнется
С заслонкой печной! —
Подсмотрел в окошечко
Месяц, сторож ночной.

— Ох вы, бабьи дела келейные! —
Положил свою кладь на лавочку.
— Вынь из ближнего, из нашейного
Из платочка сваво — булавочку.

Ты упрись ею в грудь высокую,
Напои ее кровью досыта.
А пленишь молодого сокола,
Помяни и меня, красоточка! —

Дерганула рукою спешною:
Грудь раскинулась — цветом яблочным!
Вынимает из тела грешного
Пурпурóвую — всю — булавочку:

«Всю до капли кровь
За его любовь!
Всю из жилок прочь
За одну за ночь!»

Тот булавку враз
Ртом клыкастым — хвать!
— Как начнет в волнах
Дева-Зверь вставать —

И вколи ему змейку в шиворот,
Чтобы вся их любовь — навыворот!
От булавки той — будет крепко спать,
Она звать его, а он пуще спать...
Ляжет парень смирней травиночки,
От кровиночки-булавиночки.

Вру — оставь в руке
Бороденки клок! —
А она в тоске:
«Получай залог!»
И, прильнув к бороде взъерошенной,
В ночь — с улыбочкой перекошенной.

Лежит Царевич мой бессонный,
Как лебедь крылья разбросал;
«Всё отдал бы, весь сан престольный,
Кто бы мне душу распростал!

Не естся яблочко румяно,
Не пьются женские уста,
Всё в пурпуро́вые туманы
Уводит синяя верста.

Каким правителем вам буду,
Каким ероем-силачом —
Я, гуслиришка узкогрудый,
Не понимающий ни в чем!

Как с конницей-свяжусь-пехотой,
Когда до бабы не охоч!»
И, опершись на локоточек,
Такой унылый смотрит в ночь.

А за дверью скреб да скреб...
«Дядька, ты?»
— Я, твой лодырь,
Твой холоп-лысолоб!

Светлый колос мой, опять клонишь лоб?
Слабый голос твой меня силком приволок!

Что ж не спишь опять? — «Не сплю, не дремлю,
Дрему, радужную птицу, ловлю.
Поступь легкая, и птица близка,
Да ни сети у меня, ни силка».

— Не испить тебе бы маку? —
«Не в настойке суть!
В этих подлостях и так уж
Я увяз по грудь.

Все́-то нежат день-деньской,
Тешат, нянчат, —
Ровно цветик я какой,
Одуванчик!

Отчего душа теснится,
Грудь для вздоху мала?»
— Оттого, что Чудо-Птица
В ней гнездо завила.

«Отчего на бабьи речи
Весь — как ржавый замок?»
— Оттого, что узкоплечий:
Не по гостье — домок!

«Отчего корабь морями
Сам без весел плывет?»
— Оттого, что за морями
Царь-Девица живет!

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

Не летались голуби
К окну, за крупой —
Встал Царевич горбленный,
Кручинный такой.

Вкруг очей — что обручи,
Набились круги.
Чай, опять на ковричек —
Да с левой ноги!

Гребешок потрагивал —
Из рук пустил!
Сапожок натягивал —
Да так застыл.

«Не понять, чем бабам
Моя суть хороша!
Руки-ноги слабые,
Как есть — лапша!

Награди халатиком,
Крещеный мир!
Цельный полк как я́ таких
Взойдет в мундир.

Кто б меня да ту́рманом
Да в тартарары!
Где глаза лазурные?
Две черных дыры.

Снеговее скатерти,
Мертвец — весь сказ!
Вся-то кровь до капельки
К губам собралась!

Василька от робости
В полях не сорву.
Киньте в воду — пробочкой
Поверх всплыву!

Само солнце пятится,
Не кажет лица.
Видно, в полночь, в пятницу
На свет родился.

До́ любви нелакомый,
Себе немил —
Видно, месяц, плакамши,
Слезой обронил».

Слабыми руками
Вдоль перил витых,
Слабыми шажками
С лестничек крутых.

Не трубили зо́рю
С крепостной стены.
В небесах Егорий
Не разжег войны.

Спит кузнец над горном,
Спит косарь в копне.
— Чей глазочек черный
В слуховом окне?

Что за соглядатай
Мерит даль зыбе́й —
Выше голубятни,
Раньше голубей?

Нет такой вершины,
Чтоб тоске — крута!
Лучше всех аршинов —
Черный взгляд-верста.

Берегитесь, люди,
Некалёных стрел!
Ветр с кудрями-грудью,
Как любовник, смел.

Уж такой ревнитель!
Всюду — враз — рука!
Что б дружочку прыти
Взять у ветерка?

«Дар ты мой обманный,
Клад непокупной!
Ровно столб туманный,
Аль дымок степной...

Пьет — отца хоронит,
А ступнёт шажком —
Вот сейчас обронит
Ножку с сапожком.

Шагай с косогору,
Плыви — вдаль — водой...
Не уйдешь от взору
Мачехи младой!

Всё ж на Зверь-Солдатку
Не откроешь глаз:
В вороток твой сладкий
Я змеей впилась!»

— Ох ты воля! — дорогая! — корабельная!
Окиянская дорога колыбельная!

Прискакав с ночной атаки
(На лбу — пот росою крупной),
У окна сваво, над взморьем,
Царь-Девица саблю чистит.

На плече на правом — голубь,
На плече на левом — кречет.
У ее подножья нянька
Ей сапожки начищает.

«Ох ты, царь мой, Царь-Девица,
Вихрь-Девица, Жар-Девица!
Нету мне с тобою сладу,
Не покоишь мою старость.

Погляжу на кудри гривой,
Погляжу на взор пожаром —
Как не я тебя, а львица
Львиным молоком вскормила!

День встает — врага сражаешь,
Полдень бьет — по чащам рыщешь,
Вечер пал — по хлябям пляшешь,
Полночь в дом — с полком пируешь.

Люди спать — ты саблю точишь,
В церковь — псов из ручек кормишь.
Вся родня и отступилась.
Дай-ка правую мне ножку!»

Рассмеялась Царь-Девица:
«Мне и любо без родни-то!
Огнь — отец мне, Вода — матерь,
Ветер — брат мне, сестра — Буря.
Мне другой родни не надо!»

Осерчала нянька: «Полно
Ржать-то, ровно кобылица!
Как бы этим ржаньем всех-то
Женихов не распугала!»

Пуще Дева-Царь хохочет:
«Эка сладость – женихи-то!
Мой жених – мой меч пресветлый,
Меч мой сабельный, веселый:
Мне других дружков – не надо!»

Пригорюнилась тут нянька:
«Порвала б цветочков в поле,
Завела б себе подружек,
Позабавилась б маненько...»
Ей в ответ с усмешкой Дева:
– «Трубный звон – моя забава!
Мне иных забав – не надо!»

«Перевенчалась бы с красавцем, –
Нянька у ней в ножках хнычет, –
Сбросила б наряд свой мерзкий,
Да над люлькой над роскошной,
Над пеленочной заботой,
Всю бы ночь, заместо гульбищ,
Всё бы пела-распевала».

Топнула ногой тут Дева:
– Нянька ты, а я – Царь-Демон!
Кой мне черт в твоих пеленках!
Бранный быт – моя забота!
Мне иных забот – не надо!

...Отстранись-ка, нянька, что́ за
Звон с воды встает за чудный?
Чтой-то под моим окошком
Волны за слова лепечут?

– Гусли, гусли-самозвоны,
Вся забавушка моя!
Из зубчатой из короны
Ни зубца не стою я.

Не слыхал еще, как бабы
По ночам толкуют сны.
Гусли, гусли – вся забава
Осьмнадцатой весны!

Я, мальчишка узкогрудый,
С бранным бытом незнаком.
Гусли, гусли-самогуды
Мне — единственный закон!

Я до смертного до поту
Не отстану от струны!
Гусли, гусли — вся забота
Осьмнадцатой весны!

Просияла Царь-Девица:
Терем враз озолотила.
«Баб не любишь? Драк не любишь?
Ну, тебя-то мне и надо!
Как, к примеру, Дева-Царь я,
Так, выходит, — Царь-ты-Дева!
Уж с таким-то голосочком
Муж за прялку не засодит!»

Хлопнула тут Царь в ладоши:
«Повели, чтоб тем же часом
Вихря-мне-Коня седлали!»

Хлопнула в ладоши дважды:
«Повели, чтоб тем же часом
Был Корабь готов к отплытью!»

Трижды хлопнула в ладо́ши:
«Повели, чтоб тем же часом
Для прощального параду
Там, на площади великой,
Все́ наши полки сбирались!
— Дура старая, что хнычешь?
Али жалко, что после́дний
День встает наш, Ца́рь-Девицын?» —

«Ошалела я от счастья, —
Нянька хнычет по́д ногами, —
Знать, за все мои молитвы, за слёзные,
Вить гнездо тебе, моя орлица безгнездная!
Знать, недаром карты врали,
Знать, недаром я все ночи,
Притаясь, наряд венчальный
Тебе шила-расшивала.
Утюжок пойду поставлю:
Хоть и глаженый, а надоть
Для красы провесть маненько...

— Что ж ты рот перекривила?»

«Как в раззолоченной попонке
Негоже бранному коню,
Ужель атласною тряпчонкой
Свою же славу заслоню?

Цельному войску господином
Была, — так справлюсь и с одним!
Одним своим лучом единым
Мы светел-месяц полоним».

Опоясалась тут саблей,
Свистнула в кулак свой смуглый,
И на зов ее кулашный
Вихорь-Конь к ней на крылечко
Белой молнией взлетает.

«Ну, простимся, нянька, что ли?
Там, на площади великой,
Будет нам не до тебя уж».

Чмокнула с размаху няньку
В рот морщинистый, соленый,
И с окошечка резного
Коню на спину с размаху
Белой птицею махнула.

Не колосочки овсяные
До солнышка встают в ряды, —
То ратнички ее стальные
Равняются на площади.

Толк по рядам прошел безвестный:
«Не будет Девы-нам-Царя!»
И что нам до зари небесной,
Когда земная нам заря!

Топчи, конь вражеский, посевы!
Всё в море кол'кола́, звонарь!
И вздох тут: «Дева! Дева! Дева!».
И рокот: «Царь наш! Царь наш! Царь!»

Грудь в светлых латах, лоб — обломом,
С подсолнечником равен лик.
Как из одной груди́ тут громом:
«Сам Михаил-Архистратиг!»

«Здорово, стан сильномогучий!» —
Гремит громоподобный глас.
Рече́ — и, рассекая тучи,
Промеж рядочков понеслась.

Конь с Де́вицею точно сросся;
Не различишь, коли вдали:
Хвост конский, али семишёрстый
Султан с девичьей головы!

Как вихрь промеж рядочков вихрит,
Пот — градом сквозь пожар ланит.
Лишь где на том конце затихнет,
Уж на другом конце гремит.

Уж никогда грозней да лучше
Трубач губастый не трубил.
Гром-барабанщик обе ручки
По локоток себе отбил.

Как облачная рать в лазури —
Полк за полком, полк за полком.
И подает полкам Царь-Буря
Тут знак малиновым платком.

«Прощайте, верные мундиры!
Стан сухопутный, стан морской!
Как вам — такого командира,
Команды мне не знать такой.

Ни сына у меня, ни дочек,
Вся без остатку пропаду!
Кто на мово коня да вскочит,
Того наследником кладу.

Перехожу в иную веру,
Всю вольность отдаю за грош...
Но следом моему примеру —
Вы бабами не станьте тож!»

Словно лес какой червонный —
Все́ склоняются знамена...

Словно лик какой явлённый —
Все́ склоняются колена.

Словно реки в половодье —
Слезы светлые текут.

«Рев — сарафанам; кровь — доспехам! —
Им Дева молвит свысока. —
Смерть самоё встречают смехом
Мои усердные войска.

Аль осердить меня решили?»
Стойком на стременах встает,
Всем руки сильные, большие
На целование дает...

«Чад не балуйте, баб не бейте,
Мечом рубите новизну!
А помянуть меня — пропейте
Сегодня всю нашу казну!»

— Прощайте! — почернела разом,
— Простите! — разломила щит...
Мчит, а за ней против приказу
Гром-барабанщик следом мчит.

«Как две руки мои отбиты,
Дай хоть с мизинца ноготок!»
На всем скаку рукой сердитой
Раздергивает жар-платок.

Рвет надвое платок-ширинку,
И, голову пригнув к плечу:
«Нá, барабанщик, половинку!
Другая будет трубачу».

═══════

Песнь прежалостную тут мы споем:
Как прощалась Царь-Девица с конем.

Как дружочка за загривок брала,
Сахарочку в рот брусочек клала,

Целовала как, огня горячей.
Промеж грозных, промеж кротких очей,

Прижималась как — щекой золотой
К конской шее лебединой, крутой...

Повязавши как шнурком поясным,
В ножки кланялась поклоном земным,

Как покорно — что гайдук-есаул —
Белый конь в ответ колено согнул,

Как пригнушись, чтоб не слышал никто,
Сотворила ему речь на ушко.

═══════

И еще-то мы прибавим к сему,
Как все слезки до единой ему

Сцеловала — ровно брат-ей-жених —
С карих ласковых очей дорогих,

Как все жилы напружились на лбу,
Себе в кровь как закусила губу.

Как по сходням взошла
Стопудовой пятóй,
Как прах с ног отрясла,
Как махнула рукой.

Полк замертво свалился пьяный.
Конь пеной изошел, скача.
Дух вылетел из барабана.
Грудь лопнула у трубача.

«Что за костер это мчится в степях синих вод?»
— То сваму счастью навстречу красотка плывет.

«Кто ж у ней славно так правит рулем-кораблем?»
— Море им правит, так вóт он и прет напролом!

«А под шатром-то, с лицом-то как шар золотой,
Что там за Воин — за Ангел — за Демон такой?

Каску хвостатую ветр ему сшиб набекрень,
Ростом-то — башня, в плечах-то косая сажень!

В хладной пучине, чай, крестит купецкую тварь?»
— Мчит на смотрины, а имя ему — Дева-Царь.

«Как это?» — Так это! — «Что ж за краса без косиц?»
— Кос всюду досыта! А светлолиц, круглолиц, —

Солнцу на ревность! — «Уж больно плечá высоки!»
— А поясочек-то! Перстень берет в пояски!

Спорить-то нечего! Каб не свобода-душа:
Кабы не плечики — вся б в перстенечек прошла!

Так, почаевничав позавчерашним хвостом,
Спор-заводили-беседу акула с китом.

Отдыхает зыбь-красотка
От ночи́ своей от ндравной.
И́дут ровно, и́дут славно,
И́дут славно, и́дут ходко.

Словно месяц в полнолунье —
Звон собой все море занял.
Струнки, струнки-говоруньи,
Жилочки мои бараньи!

Лежит Царский сын на спинке,
Гусельки зажал любовно,
Ходят пальцы без запинки,
Ходят славно, ходят ровно.

В чудный час передвосходный
Мой совет тебе — кто б ни был!
Меняй страстный путь на водный!
Бросай бабу, — иди к рыбам!

Говорят: яд рыбий горек,
Говорят: яд бабий — тоже!
Да по крайности не спорит,
Как с нее сдираешь кожу!

Бабе: дура! она: ро́дный!
Ты ей в рыло, она: милый!
Не теряй на подлость силу
В чудный час передвосходный!

Эх вы, царские сыночки!
Эх мы, сосны-чернолесье!
— Ни денек тебе, ни ночка,
Ни заря тебе, ни месяц.

Ни корабь тебе, ни зыбка,
В ней ни муж тебе, ни дева,
Ни гармонь в руках, ни скрипка,
Ни те вправо, ни те влево...

Вдруг как вскочит корабь-лодка,
Как припустится с прискоком!
Уж не ровно, уж не ходко:
И́дут скоком, и́дут боком.

Уж такая дурь да дикость,
Новгородское аж Вече!
«Ну-кось, дядька, погляди-кось:
Ай корабь какой навстречу?»

Отвечает тот, осклабясь:
(Дух учуял Царь-Девицын!)
«Ни в волне мозгов, ни в бабе!
Стало — нечего дивиться.

В море плыть — не землянику
Брать, аль в шахматы-бирюльки!
То — корабь тебе, то — люлька!
Лучше песню затяни-ка».

Тот поет, а рев вокруг-то:
Точно львица с львом сцепилась!
Привстает гусляр по грудку:
«Что за притча? Ай взбесилось?

До зари-то, глянь, час цельный,
А волна-то, глянь, — кровь-кровью!»
— По́й, сыночек, на здоровье! —
«Нет уж, — не до колыбельной!»

Хлябь-то тигрой полосатой:
Вал пурпурный, вал червонный...
— Спи, сыночек, час-то сонный!
— «Нет уж, дядька, не до сна тут!»

Хочет встать, а тот булавку
Ему в шиворот — как вгонит!
Хочет встать, а сон-то клонит,
Как ягненочка на травку,
Как купца вали́т к прилавку...
Спит...

Тут как вздрогнет жук навозный,
Раб неверный, тварь иудья:
С кораблем-челном — грудь с грудью —
Жар-Корабь стоит, гость грозный.

То не солнце по златым ступеня́м —
Сходит Дева-Царь по красным сходня́м.

Под военной да под веской стопой
Чуть не треснул весь челнок скорлупой.

Руки в боки — ровно жар-самовар!
Зычным голосом речёт: «Где гусляр?»

Дядька в ножки ей — совсем обопсел!
Аж по-пёсьему от страху присел.

Д'ну по́ доскам башкой лысой плясать!
Д'ну сапо́жки лизать, лоснить, сосать!

Д'как брыкнёт его тут Дева-Царь по башке:
«Что за тля — да на моем сапожке?»

Д'как притопнет о корабь каблучком:
Дядька — кубарем, в волны — ничком!

«Будешь помнить наш сапог-леденец!
Где гусляр — сын царский — знатный певец?»

Шипом-свистом тот с коленочек: — Спят-с!
«Я б за свист тебя змеиный — да бац

По щеке — да вот боясть-то кака́:
Змеем-гадом провоняет рука!

— Тише, волны, синеморская рать!
Голосочку мне сваво не слыхать! —

Где ж он?» — Духом вам представлю всю суть, —
Лишь изволите коленку согнуть! —

Смотрит: не́ шелк-янтарь — мусор-товар:
На дне — с гуслями в обнимку — гусляр!

Взглянила — д'как расхохочется!
В ладошечки — д'как всплеснет
«Я-чай, еще в пеленки мочится,
Пустышечку еще сосет!

Без перстня, без попа, без венчика,
Ну, было мне о чем тужить!
Не думала я себе младенчика
От взгляду одного нажить!

Забыла я тебе пеленочек, —
Прости меня за недосмотр!
Смотрю-ка на тебя, миленочек:
Смотрины-то смотреть — не смотр!»

И водит всё —
По бровочкам,
По лобику
Рукой.
«Молоденький!
Да родненький!
Да плохонький какой!

В серебряном нагрудничке,
И кольчики занятные.
И ничего, что худенький, —
На личико приятненький».

Сгоняет муху с бровей,
Равняет руку с своей.

«Как суха корочка!
Как есть — без мякиша!
Твоя-то — перышко,
Моя-то — лапища!

И каждый пальчик-то
Как царь закованный!
А моя — черная
Да бесперстнёвая!

Твоя — ковры расшивать,
Моя — дубы корчевать».

И к люботе припав
Лбом смуглым сводчатым —
По волосочкам-то
Да по височкам-то...

«Твои-то тонкие,
Лен — волосенки-то!
А мои — конские,
Что струны — звонкие!

Дай, вошку поищу,
Головку почешу.

Уж такого из тебя детину вынянчу,
Паутинка ты моя, тростинка, шелковиночка!»

И гласом гневным вдруг:
«Ох, старый змей-паук!

На живодерню гож:
Дурной уход ведешь!

Чай, по снегам водил
Ступнями босыми,
Поил не дóпьяна,
Кормил не досыта...

— Тонее тросточки!»
А дядька-хитростник:
«Были бы косточки, —
Мясцо-то вырастет!

Что ж, что весом плох, зато стройнее сосенки!
По плечо тебе, небось, — такой высоконький!»

Та грудочкой склоняется,
Тот ручкой заслоняется, —
Чтоб солнышко ему, должно,
Личика не нажгло.

— Гляжу, гляжу, и невдомек:
Девица — где, и где дружок?

Ты расплетись, верёвьице!
Где юноша? Где девица?

То́т юноша? — лицом кругла,
То́т юноша? — рука мала:

Одной косы две плёточки,
Две девицы-красоточки.

Да больно вид-то их таков, —
А ну-ка двое пареньков?

То́т девица? — глядит насквозь!
То́т девица? — коленки врозь!

Одной руки суставчики,
Два юноши-красавчика.

Чтоб не испортил нам смотрин
Неверный разум наш Фомин. —

Где царь не приложил печать,
Там надо на́двое решать:

Кто сам с косой да в юбочке —
Тому пускай — два юноши.

Кто вокруг юбок веется —
Тому пускай — две девицы.

А ну́ как зорче поглядим —
И вовсе всё обман один,

И вовсе над туманом — дым,
Над херувимом — серафим?

Спим...

И ладит, и гладит,
Долг девичий пло́тит.
Ресницами в самые веки щекотит.

Чай, синие очи-то,
Как пó морю плыть!
И видеть-то хочется,
И жалко будить.

Над ухом аукает:
«Жених мой! — Ау!»
На грудке баюкает
Добычу свою.

«Спи, копна моя льняная,
Одуванчик на стебле!
Будет грудь моя стальная
Колыбелочкой тебе.

Сна тебя я не лишаю,
Алмаз, яхонт мой!
Оттого что я большая,
А ты — махонькой!

Что шелка — щека,
Что шелка — рука!
Ни разочку, чай, в атаку
Не водил полка.

Спать тебе не помешаю,
Алмаз, яхонт мой!
Оттого что я большая,
А ты — махонькой!

Что за дивный твой за сон за такой?
Дай-ка взбрызну да водицей морской!

— Держись, дружок хорошенький!» —
Берет воды пригоршенку:
«Тебе для раза первого
Твой сонный грех прощу!

Чтоб крепло тело бренное,
Морской водою пенною —
На подвиги военные
Младенчика крещу!

Чтоб светлым встал, чтоб век не спал,
Одним своим речением,
— Морским своим крещением —
Младенчика крещу!

Чтоб цельный полк поклал перстом,
Чтоб первый гром пред ним ползком,
Чтоб Деву-Царь согнул кольцом —
Младенчика крещу!»

То не тучка молодая
Лен кропит:
То дружочка — дорогая
Водой плещет, поливает,
А он спит.

На лице его из воску —
Как серебряная россыпь,
Как серебряные слезки, —
По лицу его из воску —
На все́ стороны — полоски —
Струйки светлые — текут.

«И не взглянет! А уж знаю — глазаст!
Всем хорош, да больно спать-то горазд!

А пора бы уж глазочкам из горенки!
Погляди — меньше вершочку до зореньки!

Ровно шерстка на ягнятах-баранах —
Весь восход-то в завиточках румяных!»

Старик над ним: «Всё гусельки!
От них и сон глубок!»
Краса над ним: «Где ж усики?
Осьмнадцатый годок!

Пора бы уж травиночке,
Пробиться на лужку!
За первую пушиночку
Весь сон тебе прощу!»

И, зардевшись пуще каски своей,
В лоб целует — промеж ровных бровей.

Дрогнули веки,
Руки разжал.
Вдоль лица — некий
Блеск пробежал.

Звякнули — выпав из ручек — гусли,
Дева над ним:

«Синих очей твоих аль дождусь я?»
Но — словно дым —

Изнизу — вдоль впалых щек —
Облак — мóрок — обморок.

Постояла Дева-Царь, пождалá:
«Ох ты яблок мой-изюм-шепталá!..
А достать тебя — Господь умудри!»
Вынимает из височной кудри
Горсть кручёных-перкручёных струнищ,
Горсть червонных-золотых волосищ.

«Не видали вы такого руна!
Каждый волос — золотая струна! —

Передашь их Гусляру на струньё,
Пусть звончей бренчит во имя мое!

Таких на рынке нету струн!..
Становься, старый змей, во фрунт!

Руки по швам,
Червяк земли!
Зелó моим словам
Внемли!

Чтоб вышла из него болесть —
Дашь яблочка ему поесть.

А пить ему вино, не квас, —
Вот будет первый наш приказ.

Чтоб выхмелил весь сонный хмель —
День зá море, Гусляр — в постель.

От мух рединкою накрой, —
Вот будет наш приказ второй.

Вставал чтоб правою ногой,
Чтоб мылся хладною водой,

И — весла в ручки! — в добрый час!
Вот будет третий наш приказ.

Да чтоб струночек не рвал — поминаньица,
Да чтоб первым приплывал — на свиданьице!»

Стоит — дитя над пряником, —
Стоит, очей не сводит.
На личико кудрями-то
Резную тень наводит.

«Прощай, мой невзаправдошный,
До завтра, сласть нерусская!
На первый раз — вприглядочку,
А уж второй — вприкусочку!

Поцеловала б в лоб еще,
Да уж боюсь — без навыку!
Пока еще заботушкой
Не стал — прощай, забавонька!»

Сапожок чрез борток,
Ногой легкою — скок
Домой, в красный чертог.
На простор синих волн —
Толк — Царевичев челн!

Меж Солнцем и Месяцем
Верста пролегла.
Султан конский треплется.
Поплыл. — Поплыла.

Не заноза из тела вон —
То из ткани булавка вострая,
То на личике снеговом
Глаза синие, синемо́рские,

Бьет ресницами — на́
Локоточек привстал.
Промеж бровками трет:
«Уж и долго я спал!

Ровно дождь меня тонким
Серебром поливал.
Ровно жаворонок звонкий
Вкруг меня ликовал».

— То не пташечка-резвушка
Ликовала, —
То тебя твоя подружка
Миловала.

Аукала, агукала,
На жар-груди баюкала,
В кудрях тигрицей рыскала,
В лицо водицей прыскала.

Бушевала над тобой — как в день судный!
Да уж сон-то твой такой — непробудный!

«И снится мне, — молвит,
Лоб-гладя-чело, —
Что красное солнце
На лоб мне сошло.

Лежал, не завесясь,
Ан и вышел ожог!»
— Ох, бел ты мой месяц,
Меловой пирожок!

И солнца-то нетути
Тебе лоб припекать!
То губ царских редкостных
Дорогая печать. —

Не слышит Царевич
Тех дивных речей.
Глубь сонную мерит
Верстою очей.

«И снится мне, — охает,
Руно гладя волос, —
Что с куполу с грохотом
Сто цепей сорвалось».

— Тебе бы припарочек
Штук пяток на башку!
То первый подарочек
От невесты — дружку! —

Принимает в ручку белую
Волоса червонные.
А рука-то занемелая,
А рука-то сонная...

Волосок пить-есть не просит...
Ручку раскрывает,
За волосиком волосик
Из руки роняет.

— Эх вы, с головы беспутной
Кольцы завитые!
У морских цариц на лютнях,
Чай, звонят, златые!

НОЧЬ ВТОРАЯ

Сидит Царь в нутре земном, ус мокрый щипет,
Озирается кругом — чего бы выпить?
Уж пито́-пито́, — полцарства про́пито!
А всё как быдто чегой-то не до́пито.

Как боярышня пред грозным пред отцом,
Вкруг него все́ чарочки кольцом.

Тут и турецкие, тут и немецкие,
Архиерейские да венецейские...

«Быстрее глоточки моей,
Ей-ей, вы сохнете!
Пью не напьюсь, лей не жалей,
А все пустёхоньки!»

Ровно милочки — плясать перед купцом —
Вкруг него бутылочки кольцом.

Уж и горластые, цветные, красные,
Уж и бокастые, и ярлыкастые!

Лета́ми-плесенью седой захватаны,
Как леший, царь лесной, — гляди — мохнатые.

Узнать-то надобно, что в них скрывается,
Что цветом-радугой переливается!

Лей-лей, не жалей,
Всё равно перельешь!
Пей-пей сколько хошь, —
Всё равно не перепьешь!

Лоза наша полная,
Погреба просторные,
Бочкарь наш испытанный,
Бочонки не считаны.

Как мальчоночки пред старым пред бойцом —
Вкруг него бочоночки кольцом.

Каким кольцом?
Сплошной стеной!
Какой стеной, —
Война войной!

Плеснешь — не выплеснешь!
Хлестнешь — не выхлестнешь!
Гляди, Царь-хитростник,
Как строй осилишь наш!

Промеж винных рек, бочоночных гор
Свой бахромчатый раскинул шатер.

«Людям — море синее,
Мое море — винное.
Люди спят на берегу,
А я — так всю ночь гребу!

Мое море тихое,
И гребу без смены.
А зато мне ихние
Моря — по колено!

Их вода — не сладкая,
А моя — с накладкою.
Не щадя ни рук, ни плеч,
И гребем мы бесперечь.

В своем море мы гребцы,
В своем море мы пловцы.
Придет час идти ко дну —
В своем море потону!»

— Да ну?

«Кто ж тебя схоронит?
Раз пьешь — неженатый,
А коли женатый,
Кругом виноватый!

Кому я нужен — старый,
Пятиалтынный — пара,
Вином лишенный сану,
Кому я нужен — пьяный?»

Сидел, сидел Царь наш — инда устал!
Ручкой-ножкой себе путь распростал.

Хочет нá ноги — ан нет, тянет вниз!
— Эй, дорогу, мелкота, сторонись!

Попытался было с левой ноги —
Снова навзничь повалили враги!

Разгасился — что индюк-кохинхин!
Д'как вцепился тут в шатер-балдахин!

Был кумач тот не сменен — с коих пор!
Царю нá голову и рухнул шатер!

Как пошла тут дребедень стеклянной пылью!
Как тут чокаться пошли бутыль с бутылью!

Шатер Царя душит,
Вино Царя топит,
Уж не лужи — а реки,
Уж не реки — потоки...

Взошел бы кто с воли,
Всяк диву б дался!
Шатер царский воет
На все голоса.

Как черт — красным машет,
Шатер царский пляшет.
Аль, может, в нем слон какой?
Аль, может, дракон какой?
Аль, может, всё сон какой?

Чтоб в умишке нам самим не порешиться,
Мы пройдем пока на половиночку к Царице.

Пройдем-ка к красавице,
— С вином спорить — зря! —
Посмотрим, как мается,
Слезой обливается,
Как с ночью справляется
Страна — без Царя.

Прежде чем засов раздвинем,
Ты скажи, душа, — отколе
Ты сама-то к нам: с мужской ли,
Али с женской половины?

Коль с мужской — так брось тревогу:
Нянек корочкой задобрим,
Коли с женской — врозь дороги,
Влево путь держи, час добрый!

Так. — Засим, дружок, дай руку.
Не робей, — плечом не трону!
Это — детская наука,
Я китайской обучёна.

Если ж сердце (грудь-то ящик!)
Хрусталем об стенки чокнет, —
Ничего, дружок! — тем слаще
На крыльце подружку чмокнешь!

Не води, дружок, певицы
Потаёнными тропáми!
Мы, поющие, — что птицы:
Разве что перо на память!

Да и то, коль не скупиться:
Тебе — малость, ему — малость...
Всем по перышку — Жар-Птица
Вовсе б без хвоста осталась!

— Так. —

Отстегни-ка мне монисто —
Нянек не обеспокоить!
Семь небес у Девы Чистой,
У Царицы — семь покоев.

(У тебя ж, паренька,
Как ледышечка — рука!)

Стены всé в сетях-тенётах,
Колокольчиках-звоночках.
Честь жены — Царю веночек:
Недостаточно замочков!

(А со мной, коль пригож,
Сквозь иголочку пройдешь!)

Быстро — руки, вниз — ресницы:
В одной юбке легкой, летней —
То плетуньи-кружевницы
День и ночь сплетают сплетни.

(Только вкось поглядев,
Оплетем без кружéв!)

Глянь-ка: под семью замками,
Чтобы вора позабавить,
С семью смертными грехами
Целых семь укладок бабьих.

(Подари нитку бус, —
Без отмычки обойдусь!)

Что за звон такой комарий,
Что за звон такой претонкий?
То чесальщицы Камарин-
скую шпарят на гребенках!

(Лишь бы не было плеши, —
И без гребня расчешем!)

С утиральничками в лапах,
(Во всё очи, мальчик, пялься!)
То семь чертовых арапок,
Семь царицыных купальщиц.

(Может, семь моих сестер:
Ты мне спинки не тер!)

В кухню женского обману
Поспешай, Самсон с Далилой!
Здесь из зорь творят румяна,
Из снегов творят белила...

(Без белил, без румян
В очи пустим туман!)

Так из кухоньки — да в кузню:
Кто-то, молот взявши в руки,
Из стекла кует союзы,
Из свинца кует разлуки.

(Не скажу наперед —
Чего нам с тобой скуст!)

Рука о́б руку два брата,
Мухи не обеспокоив,
Ровно жар в руке — рука-то!
Позади всё шесть покоев...

(Перед главным, седьмым,
Прижми губы к моим!)

Сердце к сердцу, устье к устью...
Окунуться в реки эти —
Всех Цариц с тобой упустим,
Всех Царевичей на свете!

(Отпусти! Оторвись!
Мы рассказывать взялись!)

Перед главным ее входом,
Пред седьмым ее покоем,
Вот тебе, дружочек родный,
Слово я скажу какое:

(Да чтоб голос был свеж,
Дай воды напьюсь допрежь!)

Коль опять себе накличешь
Птицу, сходную со мною,
Знай: лишь перья наши птичьи,
Сердце знойное, земное...

(Площадной образец,
Каких много сердец.)

И еще, дружок, запомни:
Мы народ вдвойне пропащий!
Так, коли поем краснó мы,—
Так еще целуем слаще...

(Запиши себе в грудь.
Говорившую—забудь.)

Няньки спят, мамки спят,
Пуховик не смят.
Лишь лампадочки в углах дымят.

Ах, так вот каков—покой ее—покой седьмой!
Ах, так вот каков—покой ночной!

Где ж она?—Нету.
Где ж она?—С ветром.
Не спится—так плачется,
Так к милому скачется—
От мамок, от мужа,
От риз от жемчужных,
От рож скоморошьих,—
От дел наших тошных!

Из спаленки выкралась,
На лесенку выбралась,
Ступень за ступенечкой—
Лишь выйти трудненечко!

А там уж—вольней, вольней,
Ногам уж верней, верней,
Как будто из гробика
Восстав, мчишь по воздуху:

Не к птицам на кровельку, —
На вышнюю звездочку!

(Ветер, ветер, вор-роскошник,
Всем красавицам — помощник,
Ревности — служитель,
Верности — губитель,
Даровой рабочий —
Ветерочек мой!)

Стоит полоняночка
На башенной вышечке.
Связалась, беляночка,
С тем самым с мальчишечкой,
Кто цепь нашу грубую
Раньше всех расклепал,
Кто прежде супруга нам
Шейный плат растрепал.

И мастер он ластиться!
Потягается с кошками!
Сорвал ей запястьице,
Играет сережками.
Своею жемчужинкой
Зовет — дорогой...

Да нужен-то, нужен-то
Ей мальчонок другой!

— Шаги! —
Матерь Божья, помоги!
Оттого что эти чудные — шаги!
Я свечу тебе в три пуда засвечу,
Оттого что эти знаю — сапоги!

То не стон —
Струнный звон.
То не сон —
Он.

— Ты здесь зачем?
«А ты зачем?»
— Небось, уйду.
«Сама, уйду».

Стоит смиренник юный,
Пощипывает струны.

Нет слов у мачехи-красы,
Покусывает хвост косы.

А ветер между ними —
Как вьюн — между двоими.

Гусляр по стрункам: щелк да щелк,
А сердце в грудь ей: толк да толк, —

Вот в щепья расколотит!
Тот спиночку воротит.

Вот-вот уйдет! — Святой Исус!
И, косу выхлестнув из уст,

Как зверь нечеловечий —
Хвать! — сына за заплечье!

«Стой, погоди, так не уйдешь!»
— Брось, баба, что за речь ведешь?

Ты мне сукна не комкай!
Ай девка с моряком ты? —

И хочет плечиком повесть, —
Не может ручек ей развесть:

За шейкой за любезной
Свились — как круг железный.

— Я сын тебе, а ты мне — мать.
Взошел я ветром подышать,

Морскую речь послушать...
А ты — веревкой душишь! —

«Ты баб до времени не старь!
Царица я, а ты мне — Царь!»

А месяц между ними —
Как меч — между двоими.

«Три года завтрашней зарей,
Как я на персик восковой,

Как нищий на базаре, —
На нежный лик твой зарюсь!

Три года эту ночь ждала!»
Легонечко — как два крыла —

Ослабшие от муки
Он ей разводит — руки.

Вдоль стана бережно кладет,
Сам прямо к лесенке идет,

И на гортанный окрик
Вдруг голову воротит.

Стоит на башенном зубце,
Как ведьма в месячном венце,

Над бездной окиянской
Стоит, качает стан свой.

Покачивает, раскачивает,
Как будто дитя укачивает,
Большие глаза незрячие
К мучителю оборачивает.
А ветер — шелка горячие
Как парусом разворачивает.

«Введешь в беду!
Уйдешь — уйду:
Ты — с лесенки,
Я — с башенки!»

Качается, качается,
Шелк вкруг колен курчавится.
Как есть — дитя-проказница
Страх нагоняет, дразнится.

«Что пошатнулся? Ай — струхнул?»
Царевич к ней на шаг ступнул.

«Теперь ко мне — ни шагу!»
Царевич к ней — два шага.

Качается: — помру за грош!
Качается: — и ты помрешь!
Качается: — ан нет, не трожь!
Не след! — Негоже! — И как горсть

Горошин тут жемчужинных —
Из горлышка — смех судорожный!

«Прощай, мой праведник-монах!»
Всё яростней разлет-размах,
«Мой персик-абрикосик!»
Как змеи, свищут косы.

Так разошлась — в глазах рябит!
Так разошлась — луну дробит!

Тут страшным криком нутряным —
Как вскрикнет! тот кольцом стальным
На всем лету — как сдавит!
Как нá ноги поставит!

═══

Аж пóтом высыпал испуг. —
Она смирней ребенка. —
Стоит, не разжимая рук,
Стоит и дышит громко.

═══

Тут речи нежные лились:
«Теперь не страшно с башни вниз...»
И — дрожью соловьиной —
Смех легкий, шаловливый.

«Моя исполнилась — вся сласть!
Моя исполнилась — вся страсть!»
Из бахромы курчавой
Глазок глядит лукаво.

«Ты на руках меня держал,
К своей груди меня прижал...
Добилась, — вновь смеется, —
Как твое сердце бьется!

Железом ты в меня впился,
Как огневая полоса
Под красными щипцами —
След твоих рук — на память!

Хотенье женское мое —
Вот всё именьице мое.
Иди! — Теперь уж, друг мой,
Вниз головой не рухну!»

═══

Ух! — Кто ж это так ухнул вдруг?
Чья кошачья меж зубцов — голова?
То пророчица великих разлук:
Сова-плакальщица, филин-сова.

Охорашивается, чистит клюв.
Глаза желтые — янтарь шаровой!
Красе на ухо шепочет, прильнув:
«За булавочкой к тебе я второй!»

Сотворила тут краса крестный знак,
Сваво гостя дорогого узнав.
«Весь-то слышал я ваш спор боевой,
Всё-то филином-летал я-совой!

Дважды в грудь свою — булавку отправь!
Дважды филину — уста предоставь!»

Крылами руку ей с рукой,
А клювом губку ей с губой
Разводит пакостник рябой:
— Ты не противься, рот тугой!

Покорность с бабой родилась!
Льни, тонкоствольная лоза!
Чтоб не увидеть желтых глаз —
Закройтесь, черные глаза!

Закроешь — и легче!
Пол-зла, пол-обиды...
Обидчика чуешь хотя —
А не видишь!

И легче уж губы
Свой жар отдают.
Не ветер, а певчие
Ровно поют.

Уж разное шепчешь,
Рот жадный ощеря.
Уж грудь — без приказу
Вгребается в перья.

Всё легче — всё крепче —
И вот уж с тобой —
Не филин твой старый,
А лебедь младой!

Видят сквозь кисейку-дымку
Месяц с ветром-невидимкой:

Ведьма с филином в прижимку!
Ведьма с филином в обнимку!

Месяц — слезку смахнул,
Тот — березкой тряхнул...

А от губ — двойной канавой —
Что за след такой за ржавый?

— Бог спаси нашу державу! —
Клюв у филина кровавый!

Ветер рябь зарябил,
Месяц лик загородил...

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

Солнце в терем грянуло —
Что полк золотой.
Встал Царевич правильный:
Веселый такой!

Хоть не спал, а выспался!
Хоть враз под венец!
Смородина — кислая,
А я — молодец!

Трех быков на вертеле
Сгублю, не щадя!
Поглядим-ка в зеркале,
Каков из себя!

Белый стан с шнуровочкой,
Да красный кушак.
— Что за круг меж бровочек,
Кумашный пятак?

Словно снег пуховочкой
Прошелся вдоль щек.
— Что за круг меж бровочек,
Почетный значок?

Аль пастух полуночный
Здесь жег костер?
Али думу думамши —
Да лоб натер?

═══════

Смелыми руками —
Вдоль перил витых,
Резвыми шажками
С лестничек крутых.

Позабыл иконам
Класть поклон земной,
Не идет с поклоном
К батюшке с женой.

Невдомек, что стража
Ему нá кра—ул,
Белизной лебяжьей
Всех ворон спугнул.

Вся краса платочком
Ему вслед с крылец.
А старухи—дочкам:
«Молодец—малец!»

Чья в окошке темном
Ночь темней зрачка?
Кто к глазам недремным
Жмет два кулачка?

«Хочешь цельным уйти
Да из женских тенёт—
По счетам не плати,
Своди с совестью счет.

Скажет: в море плыви!
Пусть красотка клянет!
Бабы—дрянный народ,
Рыбы—славный народ.

Хочешь цельным уйти
Да из женских тенёт—
Держи сердце в горсти,
Дай челну полный ход...

Погляди, как в волнах
Наш Царевич плывет,
Вровень с морем плывет,
В голос с ветром поет.

Хочешь цельным уйти
Да из женских тенёт—
Надо быстро грести,
Молодой мореход!

Ведь всё то ж тебя ждет
И у жен и у вод:
Грудь—волною встает,
Волна—грудью встает.

Песнопевец, в плечу!
Наша летопись: льну...
Не Царевич к челну—
Лебедь к лебедю льнет.

И опять ни к чему
Тебе вольный полет!
Никому не уйти
Да из женских тенёт!»

Слушал, слушал гуслярок голоса,
Просветлел, на локоток оперся.

Словно струнки под его пятерней —
В теле жилочки пошли болтовней.

С раззолоченных подушек встает,
Лоб откинувши, а грудку вперед.

Да как вскинет синий взор — вот-те раз! —
Видит: филин-сыч сидит, пучеглаз.

Подошел, да и накрыл с головой:
«Доброй ночи, господин рулевой!

И без ваших ясных глаз обойдусь!»
А рябой из-под полы: — Вот так гусь!

Гусь ты, гусь ты мой, заморский индюк! —
Да как вымахнется — разом — из рук!

Не очнулся гуслярок, как промеж
Двух сапог его — да дядькина плешь!

«Что за притча? Ошалел, старый гриб!»
— Ручки-ножки, ребра-кости зашиб!

«Без приказу моего — как дерзнул?»
— Чтобы лебедь мой — да в даль не махнул!

Мало ль на море приманок-прилук?
Кто в ответе? — есаул твой, гайдук! —

Расходился тут Царевич, — нет сил!
Ожерельице в зубах закусил.

«Как завидел тебя — нож ровно в бок!
Словно черный кот мне путь перебёг!

Чтоб весь век не пил-не-ел, чтоб зачах!»
Да как вдарит тут по гуслям в сердцах!

Говорит тут Царь-Девица
Двум юнцам-своим-щеночкам,
Морячочкам-морякам:

«Ох вы, чудо-морячочки,
Два весла моих проворных,
Две младых моих руки!

Цельну ночь всё в карты дулись,
Картой дрему вышибали —
Моего дружка стеречь.

Бросьте карты-вы-колоду,
Вы ныряйте в глубь-пучину,
Поспрошайте тварей-рыб:

Не слыхать ли рыбам звону,
Не слыхать ли тварям гласу,
Не плывет ли млад-гусляр?»

Разом мо́лодцы вставали,
Расправляли стан плечистый,
Сотворяли знак честной, —

Лишь жемчужное круженье
По воде, — да грудь у Девы
Вся алмазами пошла.

«Мать рожала — не тужила:
Не дитя, — дымочек-дым!
Словно кто мне налил жилы
Светом месячным сквозным.

Лень и семечки лущить-то!
Не до плотского греха!
Вы невесту мне сыщите
Для такого жениха!

Не жених, а стебель шаткий!
Кто пройдет — дрожу росой.
Коли дождь, иду без шапки,
Коли снег, иду босой.

Старой бабы беззащитней,
Зеленее стерженька...
Вы подружку мне сыщите
Для такого муженька!

По морским румяным рощам,
Лыжи легкие востря,
Сжалилась над братом тощим
Мощная моя сестра.

Красный круг заря прожгла мне,
Круг, пылающий вверху.
Есть моим палатам — камни,
Есть невеста — жениху!»

Ту песенку прослушала —
Как яблочка откушала.
Звон струнный вобрала —
Как брагой запила.

А тут — бореньем водяным —
Пловцы на свет столбом двойным:

Гривастые, как львы,
Две красных головы.

«Шептались с тварью-с-рыбами»,
Враз на кора́бель прыгают,
«Для горя твоего —
Не слышно ничего.

Нет твоего Царевича!»
— «Знать, тонок слух мой девичий», —
Она с усмешкой им,
Двум морячкам своим.

«Такой уж слух мой воровской,
Что даже шум травы морской
О рыбий хвост чешуйный,
Не то что друга — чую!

Ввысь, паруса! Пучина, в пляс!
Не Царь я вам, коль в тот же час
Челнами не сшибиться!
Не Царь и не Девица!»

Ох ты воля! — дорогая! — корабельная!
Окиянская дорога колыбельная!

Плывет Царь-мой-Лебедь
В перстнях, в ожерельях
Кафтан — нет белее,
Кушак — нет алее...

Сережка – подковой
Висит из ушка...
(Живого такого
Напеть бы дружка!)

Ох, взор его синий!
Роток его алый!
«Глянь, чтой-то пучина
Пошаливать стала!»

– В сочельник крещенский,
Что ль, парень, рожден?
У баб деревенских,
Что ль, врать обучён?

«Да нет, старина!
Ровно мо́рок какой-то.
Гляди, – не волна уж:
Гривастая тройка!»

– Ври, дурь-ты-деревня,
Лещу да ершу!
Дай, лучше-ка гребнем
Копну расчешу!

«Врешь, совья ты старость,
Подземная шахта!
Что там за Царь-Парус
Встает на водах-то?»

– Не видишь глазами, –
Гадай на бобах!
Я, что ли, хозяин
На грозных водах? –

Глаза-то всё ширс,
А змейка-то колет...

– Спи, свет, спи, соколик! –
Уж руки как гири,

Уж ноги как гири,
Лоб налит свинцом...
Не пить ей в трактире
Чайку с молодцом!

Но спорит, но всю свою мощь собирает,
Но пальцами веки себе разрывает...
Качнется – очнется: «Ой сплю, невтерпеж!»
Какой уж, какой тут любовный крутёж!

Красный загар,
Меченый лоб.
«Дядька, пожар!»
Закрылся глазок.

Ручку разжал,
Звякнул серьгой.
— Дядька, пожар! —
Закрылся другой.

Так и спит с последним криком,
С ротиком полуоткрытым.

Весь кафтан-ему-шнуровку
Расстегнула на груди.
Держит сонную головку
На полвздоха от груди.

Дышит? — Нет?
Дышит? — Да?

Наклонила лик сусальный
Над своей грудною сталью:
Есть ли, нет ли след вздыхальный?

Да, надышан круг!
Да!

Радость — молнией
В глазах, — зóлотом!
Радость — молнией!
Горе — молотом!

«А если уж жив он, —
Чего ж он лежит-то?
А если уж дышит, —
Чего ж он не слышит?»

Бог пó морю ветром пишет!

Брови сильные стянув,
Взор свой — как орлица клюв —
В спящего вонзает.

Весь из памяти — букварь!
Растерялась Дева-Царь,
Что сказать — не знает.

В грудь, прямую как доска,
Втиснула два кулачка:
Усмиряет смуту.

— Ох, лентяй ты наш, лентяй!
И от пушечного, чай,
Не вздрогнёт — салюту! —

Как бы листвой
Затрёсся дуб.

Как пес цепной
Смех — с дерзких губ.

«Агу, агу, младенец!»
Хохочет, подбоченясь.

Всё — как метлою замела!
Всё — как водою залила!

Гляди: сейчас — грудь лопнет!
Все корабли потопнут!

— и —

Молча, молча,
Как сквозь толщу
Каменной коры древесной,

Из очей ее разверстых —
Слезы крупные, янтарные,
Непарные.

Не бывало, чтоб смолою
Плакал дуб!
Так, слезища за слезою,
Золотые три дороги
От истока глаз широких
К устью губ.

Не дрожат ресницы длинные,
Личико недвижное.
Словно кто на лоб ей выжал
Персик апельсинный.

Апельсинный, абрикосный,
Лейся, сок души роскошный,
Лейся вдоль щек —

Сок прецепный, янтарёвый,
Дар души ее суровой,
Лейся в песок!

На кафтан его причастный,
Лик безгласный — кровью красной
Капай, смола!

Кровью на немую льдину...
— Растопись слезой, гордыня,
Камень-скала!

═══

А уж под сталью-латами
Спор беспардонный начат:
— Что́: над конем не плакала,
А над мальчишкой — плачешь?

Вихрь-жар-град-гром была, —
За всё наказана!
Войска в полон брала, —
Былинкой связана!

Войска в полон брала,
Суда вверх дном клала,
А сама в топь брела —
Да невылазную!

Кулаком славным, смуглым
Лик утирает круглый —
Наводит красоту.

Лик опрокинула вверх дном,
Чтоб солнце ей своим огнем
Всю выжгло — срамоту.

«Его Высочеству приказ:
Что в третий и в последний раз
Зарёй в морскую гладь

На гусельный прибудем зов.
Прощай, Гусляр! До трех разов
У нас закон — прощать».

Всей крепостью нежепских уст
Уста прижгла. (От шейных бус
На латах — след двойной.)

От сласти отвалилась в срок,
И — сапожок через борток —
В дом свой морской — домой.

═══

Еще сталь-змея вороток дерёт,
А целованный уже вздрогнул рот:
Не то вздох, не то так, зевóта,
А всё, может, зовет кого-то...

Допрежь синих глаз приоткрыл уста:
— Эх, и чтоб тебе подождать, краса!
И не слышал бы ветер жалоб:
Целовала б и целовала б!

Оттого что бабам в любовный час
Рот горячий-алый — дороже глаз,
Вcé мы к райским плодам ревнивы,
А гордячки-то — особливо!

═══════

Потягивается, подрагивает,
Перстами уста потрагивает...
Напрасно! И не оглянется!
Твое за сто верст — свиданьице!

А дядька-то шепчет, козлом пляша:
«Должно быть, на всех парусах пошла!
Не всё целовать в роточек...
Давай-ка свой вороточек!»

═══════

Синей василёчков,
Синей конопли
На заспанных шечках
Глаза расцвели.

«Эй, старый, послушь-ка:
Вот сон-то приспел!
Как будто кукушку
Я взял на прицел!

Пусть зря не тоскует!
Зажмурил глазок...
И слышу — кукует:
До трех до разов».

— То не пташечка-кукушка
Куковала,
То твоя подружка
Тосковала.

Как под бурею ночной стонут снасти...
Да уж спать-то ты у нас больно мастер! —

«И вижу еще я, —
Речет сам не свой, —
Что плачет смолою
Дубок молодой.

Ветвями облапит
Как грудку-мне-стан,
И капит, и капит
Слезой на кафтан».

— Нет, Царь Лебединый,
Не дуб, не смола:
То спесь-ее-льдина
Слезой изошла. —

«И снится мне, — молвит
(Сам губочки трет), —
Что красное солнце
Мне — яблочком в рот.

Да так вот, с поклоном:
Испробуй, лентяй!»
— Царя Соломона
На сон почитай. —

Тот вздохом туманным:
«Дай сон доскажу!
За перст безымянный
Прикован — лежу.

Ай к смерти? Ай к свадьбе?
Скажи, не мытарь!»
— Эй, спать бы и спать бы
Тебе, государь!

От бабы Иосиф-то
Нагишом, — берегись!
На женском волосике
Не один уж повис! —

Не внемлет Царевич дурной ворожбе,
Сам нежную руку целует себе.

«Гадай хошь на картах,
А хошь — на бобах!
Хошь вороном каркай, —
Всё сласть на губах!»

Ты бренчи, Гусляр, задай нам пиру-звону!
Синь-то водная — что синькой подсинёна!
Исполать тебе, Царь-Буря, будь здорова!
Рот у мальчика — что розан пурпуровый!

НОЧЬ ТРЕТЬЯ

— Веселитесь, наши верные народы!
Белогривый я ваш Царь, белобородый.
Круговой поднос, кумачовый нос,
Мне сам черт сегодня чарочку поднес!

Веселитесь, наши руки даровые!
Все́ хлеба ваши я про́пил яровые!
Коли хлеба нет, будем есть овес:
Напитаемся — и личиком в навоз!

Выпивайте, брови черные, до донышка!
Всех-то телок ваших про́пил я, буренушек!
А коль тошно вам от ребячьих слез, —
Помолитесь, чтоб их черт скорей унес!

Задирайте, попы-дьяконы, подрясники!
Не то в пляске-то носами о́б пол хрястнетесь!
Чем крысиный хвост, да великий пост —
Лучше с чарочкой-сударочкой взасос!

Подымайтесь, воры-коршуны-мятежники!
Для костра сваво я сам припас валежнику.
Двери — настежь — все́. В клети заперт — пес!
Частоколы сам по колышку разнес!

Рухай-рухай, наше царство развалённое!
Красный грянь, петух, над щами несолеными!
Красный грянь, петух: «Царь-Кумашный нос
Всё, как есть, свое имецьице растрёс!»

— Эй, холопы, гусляра за бока!
Чтоб Камаринскую мне, трепака!

* * *

То не дым-туман, турецкое куреньице —
То Царевича перед Царем виденьице.

То не птицы две за сеткою тюремною —
То ресницы его низкие, смиренные.

Ох, ресницы, две в снегу полуподковочки!
Розан-рот твой, куполок-льняной-мако́вочка!

В кулачок свой кашляну́вши для приличества:
«Какой песней услужу тваму Величеству?»

— Птица в небе — выше нас родилась!
Над тобою наш не властен приказ!

* * *

«Часто я слыхал сквозь дрему
Бабий шепот-шепотеж:
— Плохой сын Царю земному, —
Знать, Небесному хорош!

Черным словом, буйным скоком
Не грешил я на пиру.
На крыльце своем высоком
Дай ступеньку гусляру!

Никогда, сойдясь межою,
Навзничь девки не бросал,
Да не то что там с чужою —
Вовсе с бабами не спал!

Не плясал в зазорном платье,
Как ударят ввечеру.
Широки твои полати, —
Дай местечко гусляру!

Хошь плохой я был наследник —
Гуслярок зато лихой!
Паренек-то из последних —
Может, ангел не плохой...

Хошь и неуч я в молебнах,
Наверстаю — как помру!
Между труб твоих хвалебных
Дай местечко гусляру!»

Взял лучину Царь: «Нагнись-ка, дружок!»
(Чуть-что всей ему копны не поджег!)
«Видно, воду пьешь да постное ешь?
Что тебя-то не видал я допрежь?»

Сын ли с батюшкой, аль с львом красным — лань?
Вся-то глотка-пересохла-гортань!

Вспыхнул пуще корольков-своих-бус:
«Я вам, батюшка, сынком довожусь!»

Как толкнет его тут Царь сгоряча:
«Врешь, молочная лапша! каланча!

Прынц заморский либо беглый монах, —
Ни в каких я не повинен сынах!»

Подивился тут Царевич бровьми:
«Хоть убей меня, а зря не страми!

Не монах и не заморский мужик, —
Я в супружестве законном прижит!»

Помянул тут Царь с десяток шутов:
«Знать, косушку породил полуштоф!

Да иная нам тут малость важна:
Коли сын, так твоя мать мне — жена?!»

И как взвоет — инда стекла дрожат:
«Ох пропал-пропал, пропал-пропал, — жснат!

Коль жена, так значит — дочь, значит — зять?
Где ж убивица моя, — твоя мать?!»

В землю пальчиком гусляр: «Вечный дом! —
Ты в супружестве живешь во втором».

Разом хмель пропал от этого сказу,
Растаращился, что сом пучеглазый,

Вздоху нету, — гляди лопнет шаро́м.
«Так в супружестве живем во втором!..»

Дрожит сын, шепочет,
Вином виски мочит,
Хлопочет вокруг той горы кумачовой:
Лик — шар сургучовый, краснее клопа.
«Ох, батюшки, — так и ушел без попа!»

Льет в рот вино, наза́д — вино,
К груди припал, — бревном-бревно.
«Одно бы знать: что дышишь.
Да сердца не прослышишь!»

«Коли вино не хочет в рот, —
Сам в руки гусельки берет, —
Быть может, Царь-отец мой,
Мое — поможет средство!»

Пробежался по струна́м ветерком,
Слышит: кто-то ровно — щелк! — языком.

Разжужжался, что шмелиха-пчела,
Смотрит: холм-гора-то кверху пошла!

А как пальчики пустил во всю прыть,
Видит: Царь сидит, да ручкою: пить!

Отцу сынок налил,
Пьет Царь, подставляет,
За каждою чаркой
Сынка похваляет:

«И кудри-то — шапкой!
Стан — рюмки стройней!
Вот что́ бы без баб-то —
Рожать сыновей!

Зачем — жена?
На кой — жена?
Ты не жена,
Скажи, — война!

Чуть что не так —
И свет ей мрак,
И друг ей враг,
И царь — дурак...
Ох ты, Царь-дурак, женатый холостяк!

Приведи-ка мне, сыночек, жену:
Бить не стану, а разок — толкану!»

То не сон-туман, ночное наважденьице —
То Царицыно перед Царем виденьице.

То не черный чад над жаркою жаровнею —
То из уст ее — дыханьице неровное.

То не черных две косы, служанки кроткие:
Две расхлестанных змеи — да с косоплетками!

До ковровой до земли склонилась истово,
Об царевы сапоги звенит монистами.

«Виноградинка в соку,
Здравствуй, зернышко!
Не видал я на веку
Стройней горлышка!

Вся от пяточек до бус —
Во́ как — нравишься!
Да коль я не подавлюсь,
Ты — подавишься!

Оттого что вкус мой гнусный, мокрый ус!»

Вырывала тут из кос косоплетки,
Отползала змея к самой середке,

Духом винным-тут-бочоночным румянилась,
Царю — в землю, гуслярочку — в пояс кланялась.

Ножки смирные, рот алый поджат.
Во всем теле — одни ноздри дрожат.

Заиграл сперва гусляр так-о́т легонечко,
Ровно капельки шумят по подоконничку.

Та — рябь рябит,
Плечьми дрожит.

Заработали тут струночки-прислужницы,
Ровно зернышки-посыпались-жемчужинки.

Та — пруд-река,
Колеблет бока.

Заходили тут и руки в странном плясе:
Коготочками гребет, что кот в атласе.

Сожмет, разожмет,
Вновь в горсть соберет.

Отпустил гусляр своих коней стреноженных —
Прокатилась дрожь волной до быстрых ноженек.

Как тигр-лежебок
Готовит прыжок.

Ой, рябь!
Ой, зыбь!
Ой, жар!
Ой, хлад!

Ой, в пляс пошла, помилуй Бог вас, стар и млад!

Бочком, бочком,
Шмыжком, шмыжком,
Играючи да крадучись —
Что кот с мышом!

(Ох, не пляшут так, жена, пред муженьком!)

— Скидавай босовики́!
Босая пляши! —

Эй, топ, босовичок!
Эй, скок, босовичок!
Наших бо́сых ног —
Не белей снежок!

(Что ж ты вспыхнул, ай мороз тебя ожег?)

— Пусть душу не спасу, —
Распущай косу! —

Как тряханёт!
Как маханёт!
Мраком-то-как-
Жаром — дохнёт!

Белый плат-то свой нагрудный распахнет!..

Плоть ли бабья — ай
Просто яблонь-май?
Бабья пазуха —
Али Божий рай?

То дыханьице ли, жаркий воздушок,
Аль инбирь-шафран-корица-корешок?

Веселится Царь, — инда пот утер!
Белей снегу — сын, глаза в землю впер.

— Что ж вы, струночки, не стали вперебор? —

Не змеиный шип — шелков рваных скрип,
То не плетка-хлыст — шелков рваных свист,
То на всем плясу — шелка́ ручьями вниз!

— Эй, жару поддавай!
Рубаху скидавай! —

Отцу с сыном пир великий задавай!

Заленилась — не слыхать монист.
С плеча левого наплечник вниз.

Рукой заспанной ресницы трет,
Теперь правому плечу — черед.

Осовела, что кулек с мукой,
Ткань у бедер собрала рукой.

Да не во́время зевнула, дрянь!
Пошла рот крестить, — пустила ткань.

И — взыграв как целый град Содом —
Закрутилась дымовым столбом!

═══

Ночь — ежели черная,
Кровь ежели красная,
Бабенка невздорная,
Да на всё согласная —

Можно одной улочкой
Вдвоем ходить,
Можно одной булочкой
Двоих накормить.

Друг ли ты с товарищем,
Ай сын с отцом,
Поделитесь чарочкой —
И всё с концом!

Грех из-за убожества
Входить в изъян!
Поделись по-божески —
И каждый пьян.

На миру монашество —
Что землю грызть!
Ну, а бабья наша тут
Молчать — корысть.

Столбам с перекладкою
Никто не плох!
Хватай мертвой хваткою,
А там — как Бог!

═══

Луна с луговины
Ушла за копну.
Глядит Царь на сына,
Глядит на жену.

Верней самострела
Глаз пьяных — прицел.
«Ты ног не жалела,
Ты рук не жалел,

И так что за кружкой
Я верно сужу,
Решил, что друг дружкой
Я вас награжу.

Любитесь — доколе
Ус есть у китов,
Да чтоб мне к Николе
Внучок был готов!

Да чтоб тот внучонок
С меня был снятой!»
Берет Царь бочонок:
«Налой вам святой!

В ковры-вам-подстилки
Вину велю течь!»
В персты по бутылке
Сует вместо свеч.

«Чтоб в играх-затействах
Плодились птенцы,
Вот вам венецейских
Две чарки — в венцы!»

Вверх дном, ошалелый!
Двойной аж фонтан:
Ей прямо на тело,
Ему на кафтан.

Сидит, приосанясь,
Меж струн и меж струй,
Да вдруг как затянет:
«Исайя, ликуй!»

Эй, Исайя ты, Исайя,
С небес свесь-ка голову!
На невесту взглянь: босая,
Того хуже — голая!

Словно цельным становищем
Вражьим — в рот целована.
Всего тела вдоль — винищем
В кровь исполосована.

Ишь, сокрыла черноглазье!
Хороша, смиренница!
На полуношных-то разве
На летуньях — женятся?

Как пойдет чудить в кровати
Булавками-иглами!
— Нет, Исайя-ликователь,
Твое дело гиблое!

Гляди: Царь их лбами чокнул
Для дельца веселого!
«Да в уста чтобы — не в щеку
Целоваться, голуби!

Не рябая, не косая,
Глаже шелку — платьице!»
— Ох, пророк ты наш Исайя,
Паренек-то пятится!

«Коли сам жену не чмокнешь,
Скручу с ней веревкою!»
(Ох, поддастся паренек наш!
Пенька — баба ловкая!)

Быть ему, пророк Исайя,
За дверьми чугунными!
От нее себя заставил
Изгородью струнною!

Царь из рук как схватит гусли!
— Держись, гуси-лебеди! —
«Чмокай в паточное устье, —
Не то — гусли вдребезги!»

То не де́вица в когтях у черной немочи —
То Царевича у женских уст застеночек.

Потягивается, подрагивает,
Устами уста потрагивает,
Как жалом в него вонзается,
Как в яблок в него вгрызается,
Из сердца весь сок вытягивает,
В глубинную глубь затягивает.

«Учись, учись, любовничек,
Как без меня чаевничать!

Учись, учись, болезный мой,
Как нашей лаской брезговать!

Учись, учись, монашек мой,
Как в споре жить — да с мачехой!»

Обхватывает, обматывает,
В грудь скудную — когти вкапывает,
Вокруг обвилась, как жимолость,
Как радуга — запрокинулась!
Белки-то уже — под дёснами!
Аж пол подметает — космами!

Стар и млад — не суди!
Этот жар — из груди
Должен в грудь перебечь,
Аль всю суть нашу сжечь.

У цыгана — луна,
У буяна — война,
У дворянчиков — честь,
У нас — кровь одна есть.

Кровь, что воет волкóм,
Кровь — свирепый дракон,
Кровь, что кровь с молоком
В кровь целует — силком!

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Солнце в терем врезалось —
Что меч золотой!
Лежит цвет-наш-трезвенник,
Как пьяный какой.

Вот уж вечер-зарево —
Он взор межит.
Уж к вечерне вдарили —
Он всё лежит.

Ухо клонит-слушает:
Уж с коих пор —
Ровно шум-шушуканье,
Девичий спор.

Словно ручеечка два
Шумят сквозь снег...
Только шепоточка два, —
А толку — нет.

Ему шепоточка два
Без всяких слов,
А нам волосочка два
Да с двух голов.

(Враги неразрывные —
В одном котле!)
Сошлись на груди одной,
Одном сукне.

Один — глаз хоть выколи,
Тот — взор завесь.
Один — аж по щиколку,
Тот — с пальчик весь.

По кафтану шитому
Шумят войной.
Тот — змеиным шипом-то,
А тот — струной.

От их шуму-шороху
Аж лоб болит!
«Твое дело коротко!»
— Да толк велик!

«Стрижка-брижка-выскочка!»
— С грозой дружу!
«Из хвоста-знать-кисточки!»
— Да верх держу!

«С головы я чёсаной!»
— А я с честно́й!
«Моя баба — с косами!»
— Моя — с красой!

Был тут спор порядошный:
Свились в комок!
Только слышит: рядышком —
Другой шумок.

Не морской, не гусельный:
Пчелиный — гуд.
Близко-близко, чуть ли не
У самых губ.

Нет, не пчелки розанам
Ведут дозор.
То с печатью грозною
У слюнки — спор[1].

«Чей ты, мед несмешанный?»
— Забыл ожог?
«Подари усмешечкой!»
— Вдохни разок!

«Вспомни час полуночный!»
— Полдневный жар!
«Тску в каждой слюночкс!»
— Что вздох — то дар!

[1] *Печать* (ожог) — поцслуй Царь-Дсвицы, *слюнка* — поцслуй мачсхи. Пcрвой говорит слюнка *(примеч. М. Цветаевой).*

«Раскрой половиночки!»
— Шепни во сне!
«Все мои — кровиночки!»
— Все песни — мне!

Разорвут на части две,
(Аж жар во рту!)
Разных уст — печати двс
На том же рту.

«Мой он, мсд нссмсшанный!»
— Шалишь, дружок!
Свистит слюнка грешная,
Кипит ожог.

«Что это с губами-то?»
(Гусляр втупик.)
«Пить хочу без памяти, —
Аж грудь кипит!»

Язычком оближется:
От губ — дымок,
Только что поблизости —
Опять шумок:

Как от свечки воск дает
В церкви́ ночной. —
Речь великопостная,
Шумок свечной.

Ему — капли воску две
Из Божьих сот,
А нам, значит, слезки две —
Из разных вод.

Та из моря Че́рмного,
Акульих мест,
Та из моря верного —
Жемчужный всплеск.

Двух печалей первенцы:
— Вернись! — Вернись! —
Две слезы-соперницы
В одну слились.

═══

Жаркими руками
Вдоль перил витых,
Шалыми скачками
С лестничек крутых.

Какой тут заморыш!
Богатырь, ей-ей!
Одним махом — сорок
Спрыгнул ступеней.

Бугор ему — кочка,
Страшóн ему — кто?
Море бы в примочки
Взял, каб не мелкó!

Ох, ожог, знать, лютый!
Не простой, знать, мед!
Гляди, вихрь полý-то
Сейчас оторвет!

По камням-колючкам
Шпарит-жарит — и-их!
А ведьмухи внучкам:
«Ошалел жених!»

Только — Царь Небесный! —
Из тьмы теремной
Что за знак за крéстный
Вслед ему — чуднóй?

«На измор-отраву,
На позор-на-вред,
Слева — да направо,
Снизу — да наверх...»

Не глаза под бровью:
Черные дела!
Не наестся кровью
Ревности игла!

Ох ты воля! — дорогая! — корабельная!
Окиянская дорога — колыбельная!

«Не спи, крепись!
Взгляни на птиц:
Заснем — так вниз,
Заснешь — так вниз...

Не та уж синь
Промеж ресниц
Пойдет, —
Морская синь пойдет!

Морская синь,
Морская соль,
Всё море в грудь твою взойдет, —
И будешь ты
Не Царский сын:
Морской король.
Аминь.
Не спи — встряхнись!
Учись у птиц!
Смекай наш писк,
Смекай наш свист!
Не звон монист —
Змеиный шип!
Держись!
С змеищей вперегиб
Не стой в ночи!
Шелками шит, змеей зашит
Твой вороток!
Не спи, крепись!
Встряхнись!
Смекай наш свист!»

И ветер этой песне вторил
Широким свистом кучерским.
Тогда заговорило море
Роскошным голосом морским:

— Доверься морю! — Не обманет!
Плыви, корабель-корабель!
Я нянюшка — всех лучше — нянек,
Всем колыбелям колыбель.

Уж скоро ты в кулак — канаты
Сам разорвешь, своей рукой.
Припав к груди моей богатой,
Крепчай, мой выкормыш морской!

Клади себе взамен подушки
Мою широкую зарю!
Тебе в игрушки-погремушки
Я само солнце подарю!

Не будет вольным володеньям
Твоим ни краю, ни конца...
Испей, сыночек двухнедельный,
Испей морского питьеца.

Испей, испей его, испробуй!
Утробу тощую согрей.
Иди, иди ко мне в учебу —
К пенящейся груди моей!

Волна челн колышет,
Жар утробу сушит.
Одно дело — слушать,
А другое — слышать.

Кому жить охота —
К мощам не паломник,
Кому пить охота —
Лишь стакан и помнит.

Ох, стакан твой полный,
Голубые волны!
Ох, медок в нем ценный,
Чересчур уж пенный!

Выпьешь, — ничего не
Скажешь, — мед хвалёный!
Ох, твой ужин ноне
Весь пересолёный!

Кровь ли это в жилах,
Аль волна об челн,
Как та песнь сложилась —
Нам-то знать почем?

Не своей охотой —
Дуло у виска!
Не своей работы —
Смертная тоска!

Как ременным кушаком сжата грудь.
Ручку поднял — вороток отстегнуть,

Да от темени до пят — как вздрогнёт!
Да как ручку-то назад дерганёт!

А всего-то на тебе, дурачок,
Пустяковина сидит: паучок.

Шейкой крутит, аж в лице покраснел!
А паук-то уж на грудку приспел.

«Не дави меня, Господь не велит.
Не простой я паучок, — крестовик!»

И тонéнько так, комарьей струной:
«Не простой я паучок, — теремной!»

Ну и страху-тут-смятенья былó!
Ровно судорогой парня свело.

Тут бы дрянь ему да в воду щелчком!
Ан уж кончено и так с паучком:

Солнце светит, ветерок, значит, свеж...
Только нового — что дядькина плешь!

— Чтоб ты лопнул с той мушиной крови! —
А старик ему: «Бог в помощь, плыви!»

— Чтоб огнем тебя — мушиная кровь! —
А старик ему: «Совет да любовь!»

— Чтоб на гроб тебе не стало досóк! —
А старик на то ни слова, — молчок.

То не Свет-Егорий
Спор ведет с Советом,
То посередь моря —
Царь-Девица с Ветром.

Говорит, как с ровней,
(Мудр, хоть непоседа!)
Спор-то полюбовный,
Дружная беседа.

«Ветер-ветер, перебежчик,
Переносчик, пересказчик,
Наших женских дел доносчик,
Слов разносчик, дум доказчик...

Да чтоб слов не тратить,
— Разом чтоб! Спроста! —
Есть ли где, касатик,
Меж царей мне братец,
Меж девиц — сестра?»

Говорит — как шутит.
Тот кудрями крутит:

— Нет во всей вселенной
Такой здоровенной!
Ты — наш цвет военный!
Я — твой неизменный! —

Вздох тут поборовши,
Отпила от чаши.
«Так-то так — здоровше!
Ну, а всех ли краше?»

Говорит — как рубит.
Тот как дьякон тру́бит:

— Нет во всей вселенной
Такой откровенной!
Ты — наш цвет военный!
Я — твой неизменный! —

«Эх, болтун досужий,
Скажи, не жалея:
Ну, а может — хуже
Знаешь — да милее?»

Говорит — как просит.
Тот гонцом доносит:

— Нет во всей вселенной
Такой несравненной!
Ты — наш цвет военный!
Я — твой неизменный!

«Чего ж он, мой лебедь...
(Говорит — как бредит)
Синий взор свой прячет?»
Говорит — как плачет...

— Будет тебе руки
Марать бабьим делом!
— Коли будут внуки,
Будешь ты им — дедом! —

На́ руки ей тихо
Шум-кладет-крыло:
— Мой совет, чтоб их и
Вовсе не было́!

Варишь — не наваришь!
От лоханки — к курам!
Предоставь, товарищ,
Это дело — дурам.

Куры на нашесте, —
Ребят не унять!
Давай лучше вместе
Корабли гонять! —

Разошелся дурень:
Аж грозится Деве!
— А родства-то: шурин,
Тесть, да зять, да деверь...

Степняки, невежды,
Ватошный кафтан! —
Крылышек промежду
Грудку-взял-ей-стан.

— Нет на всем на рынке
Ценней — жениха-то!
От моей перинки
Не пойдешь брюхатой!

Крыл у меня двое:
Одно подстелю,
А другим накрою
И благословлю. —

Да над самой, эдак,
Шепчет над душой:
«Не хочу я девок,
Ты мне брат старшой!»

— Нет во всей вселенной
Такой дерзновенной!
Ты — наш цвет военный!
Я — твой неизменный!

По рукам, что ль? — Слышит:
Слеза — стук — об сталь.
«Об одном лишь, — дышит, —
Грусть-схватила-жаль.

Лучше б... (тот к ней ближе)
Вовсе б свет погас!
Так и не увижу
Его синих глаз!»

Зарычал с досады!
Разом крылья отнял!
— Да в любом посаде
Таких глаз — по сотням!

Бабью страсть дрянную
Знаю — к кулаку!
Чай, не приревную, —
Сам приволоку!

Не мужик, не зверь я,
Не законный лапоть!
Ну, а чем на перья
Мне слезою капать —

Хватай-ка за гриву —
Брать Стамбул-Царьград!
Девичий-свой-львиный
Покажи захват!

Завзятой бобыль я,
Проживем без скуки! —
Тот навстречу — крылья,
Та навстречу — руки...

— Всех законов крепче
Ветровой закон! —
«Свет-Архандел! — шепчет. —
Никак, его звон?»

«Сорную траву дурную
Не коси, косарь, с плеча!
Не паша, не боронуя,
Молодость моя прошла:

Всё печаль свою покоил,
Даже печки не сложил.
Кто избы себе не строил —
Тот земли не заслужил.

Для гробочка-домовины,
Из досочек из шести
Из сосновых — ни единой
Я не выстрогал доски.

Только знал, что на перине
Струнным звоном ворожил.
Кто страды земной не принял —
Тот земли не заслужил.

На перине, на соломе,
Середь моря без весла, —
Ничего не чтил, окроме
Струнного рукомесла.

Ну, а этим уж именьем
Пуще хлеба дорожил...
Кто к земным плодам надменен —
Тот земли не заслужил!»

Ломовым ей дышлом
В грудь — напев чуть слышный.
Она Ветру: «Слышишь?»
— Ничего не слышу!

Тот без зла ответил,
Ее зло взяло.
«Отстранись-ка, Ветер,
Рваное крыло!

Из твоей свободы
Не слатать заплаты!
Тебе путь — к Восходу,
Ну, а мне — к Закату!»

Не орел с орлицей
В спор-вступили-схват:
Крылья рвет — Девицын
Нареченный брат.

Солнце — долу,
Месяц — в гору,
Челнок с горы на́ гору.
Оставался б, мальчик, дома,
Обирал бы ягоды...

В сапожке казанском ногу
На борток поставил он.
Окиянскую дорогу
Мерит взором сабельным.

То не меч с мечом,
Не клинок с клинком —
То пресветлый взор
С заревым лучом —

Взор державный с лучом державным
В поединке схватились славном.

Под ногою хлябь-трясина
Дурь ведет опасную.
Мерься, мерься, взор пресиний,
С тою саблей красною!

9 Зак 175

Докажи: не трус ты скверный,
Не сопля в халатике!
С самим воинством вечерним,
Мол, играл в солдатики.

То не ладан-пар
От воды встает,
То войскам — гусляр
Производит смотр.

Не крестьянским полкам голодным —
Золотым облакам Господним.

— Выходи сам хан татарский —
Поравняюсь силою!
Возводи меня на царство,
Рать ширококрылая!

Надоело промеж нянек
Брать цветник атакою!
Никакой я вам не пряник,
Не миндаль, не патока! —

То не два крыла —
В золотой костер,
То Царевич наш
Две руки простер,

Две руки свои разом поднял
В золотую зарю Господню!

(Не кичись своим обхватом,
Грудь Первопрестольная!
Семихолмие — Москва-то,
Хлябь — тысячехолмие!

Величай нас, люд сермяжный,
По имени-отчеству!
На морском холму на кажном —
Во́т наше Высочество!)

То не просто — конь
В боевой огонь,
Без стремян-подков
Острогрудый конь —

По морским заповедным чащам,
С белым всадником, ввысь глядящим.

А навстречу — из чертога —
Кто — в броню́ закованный?
Не ему ли дать дорогу
Войска — на две стороны?

К гусляру простерты длани,
За плечьми-просторами
Разошлась двумя крылами
Рать золотоперая...

То не меч честной
Мечу держит речь,
То булавка-сон
Промеж хилых плеч,

То острожник двух рук ревнивых
Женской местью сражен в загривок.

Над орленком своим — орлица,
Над Царевичем — Царь-Девица.

— Бог на небе — и тот в аду,
Ворон в поле, мертвец в гробу,
Шептуны, летуны, ветрогоны,
Вихрь осенний и ветр полудённый,
Все́ разбойнички по кустам,
Хан татарский, турецкий султан,
Силы — власти — престолы — славы —
Стан пернатый и стан шершавый,
Ветер — во́ды — огонь — земля,
Эта спящая кровь — моя!

Царю не дам,
Огню не дам,
Воде не дам,
Земле не дам.

Ребенок, здесь спящий,
Мой — в море и в чаще,
В шелках — под рогожей —
Мой — стоя и лежа,
И в волчьей берлоге,
И в поздней дороге,
Мой — пеший и конный,
Мой — певчий и сонный.

Ребенок, здесь спящий,
Мой — в горе и в счастье,
Мой — в мощи и в хвори,

Мой — в пляске и в ссоре,
И в царском чертоге,
И в царском остроге,
В шелках — на соломе —
Мой — в гробе и в громе!

В огне и в заразе,
В чуме и в проказе,
Мой — в сглазе и в порче,
Мой — в пене и в корчах,
В грехе и в погоне,
Мой — в ханском полоне,
Мой — есть он дотоле
И будет — доколе:

Есть страж — в раю,
Не-наш — в аду,
Земля — внизу,
Судьба — вверху.

Что́ это вдруг стальным лучом
Рассекло луч вечерний?
То Дева-Царь своим мечом
Клянется, саблей верной.

Припав к головочке льняной,
Ресницы-нежит-стрелы:
«Сама виной, сама виной, —
Гордыня одолела!

Видали вы такую стать,
Чтоб вдруг ребеночку не спать?
Да мне твой взор и спящий,
Всех царств небесных — слаще!

Кто спит — тот пьян, кто спит — тот сыт.
Да, цветик благовонный!
Есть Толстый Царь, есть Тонкий Царь,
Ты Царь мой будешь — Сонный!

Чуть что не так — и двор сквозной,
И дом дружку заказан...
Хоть и хорош, как заказной, —
У Бога не заказан!»

С великой нежностью ему
Разглаживает шнур-тесьму,
Лик-наклоняет-солнце
На белое суконце.

И вдруг — будь счастлив, паренек,
Что сон твой непритворный! —
Белого поля поперек
— Пропала! — волос черный!

═══

Через всё небо — вкось
Красные письмена.
Первый глухой удар
Грома далекого.

Дева не крестит лба,
Лат отломила бок,
Сабельной сталью в сталь
Знаки-врезает-весть.

Кончив, на острый край
Весть-насадила-гнев.
Через коленку — враз —
Саблю-ломает-сталь.

В правой — чем грудь разить,
В той — где рукой хватать.
Стан преклонив, к ногам
Оба конца кладет.

Не разогнув колен,
Русским честны́м крестом
Лоб-ему-грудь-плеча
Крестит на сон ночной.

Гонит пророк коней.
Гривами хлябь пошла.
Пуще взметнулся бич
В длани пророковой.

Молнией поднялась,
Грудь-разломила-сталь.
Правой рукой под грудь,
Левою — сердце вон!

Взмах — и ответный всплеск.
Красен рубахи холст,
Как кровяная — хлябь...
Ветер замел круги.

Ох, уж не ветр, не вихрь!
В небо полезла хлябь!
Не оплошай бичом, —
Вожжи уж вырваны!

═══

Не приступ протрубил горнист —
Кулашный свист!
Не бурю полоснувший хлыст —
Ответный свист!

— Здоро́во, нареченный брат!
— Здоро́во, брат!
— В дорогу, нареченный брат!
— В дорогу, брат!

Довольно, знать, по гусляру
Рвать волоса!
В грудь — сквозь сердечную дыру —
Ветр ворвался!

Сталь из во́рота —
Память в лоб.
«Где же Воинство?
Что за сноп
Из воды, за лучи-за-стрелы?
Середь моря, что ль, солнце село?
Что за кровь на моей груди?»

А колдун: — В облаке гляди!

И видит гусляр: в облаках тех румяных,
В морях тех не наших — туманных — обманных —
Челнок лебединый с младым гусляром...
И дивного мужа под красным шатром
Он видит — как золотом-писанный-краской!
И светлые латы под огненной каской,
И красную каску на красных кудрях,
И властную руку, в небесных морях
Простертую — через простор пурпуро́вый —
Чрез версты и версты к челну гуслярову.

И вот уж — прыжками морская слюда,
Вот-вот уж носами сшибутся суда...
Сошлись — и как древнего времени чудо —
Тот муж светоносный в челнок белогрудый
Нисходит — склоняется — сдернул покров...
Да как подивится на вид гусляров!
Да как рассмеется так вот откровенно, —
Как новое солнце взошло во вселенной!
Как лев златогривый стоит над щенком...

Так, ласка за лаской, смешок за смешком,
В морях тех небесных! — далече-далече! —
Вся их повторяется первая встреча.

И снова туман-всколыхнулся-фата,
И сызнова в небе всё та же мечта:
Корабь тот — и челн тот, и вновь пурпуро́вый
Вскипающий вал промеж ними — и снова
По грозному небу — как кистью златой —
Над Ангелом — Воин из стали литой.

И грозную смуту на личике круглом,
Жемчужную россыпь на золоте смуглом
Он видит. — Как дождичком-бьет-серебром!
Да что ж это? Аль обернулся бабьём?
Да как ж это можно, чтоб в каске хвостатой
Над дрянь-гусляришкой реветь в три ручья-то!
Аль черная ночь-тобой крутит-дурман?
И длится, и длится зеркальный обман...
И вот уж, мечом-поиграв-рукоятью,
Уста гусляру припечатал печатью.
— Смеется! — И это, мол, нам нипочем!

Так, слезка за слезкою, луч за лучом,
В том зеркале чудном — с закатного краю —
Вся их повторяется встреча вторая.

И видит гусляр, как в волшебном стекле,
Эбеновый волос на белом сукне,
И светлую саблю с письмом рукописным,
И крест тот широкий — любви бескорыстной,
Которым нас матери крестят: — Живи!
Ох, латы ломает! Рубаха в крови!
Кровавое сердце взметнулось над хлябью!
— Спаси мою душеньку! — Грудка-то — бабья!

Кровавою дланью громам поклялась!..

Так, перед морями двух плачущих глаз,
В морях тех небесных — далече-далече! —
Вся их разыгралась последняя встреча.

═══

И снова: гладь — гладью,
Синь — синью...
Где сердце упало — красно́!
Оставьте вы Царского сына,
Он память-читает-письмо.

Науки — не царское дело,
Мозги не пристали гербам.
Знать, лютая страсть одолела,
Коль сразу прочел — по складам:

— Нигде меня нету.
В никуда я пропала.
Никто не догонит.
Ничто не вернет.

Как цветочек!
Смотреть-то жалость!
Эх вы, сабельных
Два куска!
«Что ж, — шепочет, —
Теперь осталось?»

— Ей войска, а тебе — тоска! —

Размахнулся всею силой рук:
Ан уж нету старика — паук!

Как притопнет, поглядев востро́:
Ан уж нету паука — мокро́!

Сам же в воду — добывать свое добро.

НОЧЬ ПОСЛЕДНЯЯ

«Ой, вётлы, ой, вётлы —
Полночные мётлы!
Ой, вётлы!

Ой, рот ты мой блёклый,
Глаза мои стёклы —
Ой, вётлы!

Пришел к побережью
Без парня — челнок-то!
Ой, вётлы!

Не жить мне на свете!
Ой, вётлы, ой, ветер,
Ой, ветер!

Бери меня, ветер,
На крылышки, ветер,
Ой, ветер!

Берите, туманы!
Не быть мне румяной —
Туманы!

Отравой-обманом-
Объелась-дурманом,
Ой, ветер!

Не жить мне на свете!
Ой, вётлы, ой, ветер,
Ой, ветер!»

А Ветер в ответ ей:
«Я милого встретил,
Шлет вести.

Жив белый твой цветик,
Да только не весел,
Не светел.

В кумашной палатке
Плывет без оглядки —
С солдаткой.

У страшной солдатки
Под огненной пяткой —
Твой сладкий!

А хочешь — за бабой
Разбойной — в погоню?
Обгоним!

А хочешь — волну
За волной поторопим?
Затопим!

Затопим, закружим,
Закружим, отслужим?
Отслужим!

А дружка́ — назад,
К груди пламенной!»
А она, в слезах:
«Ветер, на́ меня!

Ветер, на́ меня!
Туман, на́ меня!
Отпусти меня,
Гроб мой каменный!»

Мчится, мчится вместе с Ветром — молодая!
Заметает след — ветла седая.
Не пушись, ветла!
Не трудись, метла!
Кому дело, что я с ветром утекла?

«Ох ты, ветер, нс было́ бы нам подвоху!»
— А ты, мать моя, сиди себе, не охай!
Крепче всяких уз —
Ветровой союз!
Чай, не первой в своей верности клянусь! —

«Что ж то, ветер, не слыхать морского шуму?»
— А ты, мать моя, сиди себе, не думай!
Встречных птиц считай,
Звезды в лоб щелка́й, —
Не очнешься — и уж царство-нам-Китай!

«Что толкаешься, мужик ты сиволапый?»
— А ты, мать, меня за крылышки не цапай!
Не слетишь — не трусь!
Не таков я гусь, —
Не таких еще носил через всю Русь!

«Прямо в небо норовит, лесной шишига!»
— А ты, мать моя, сиди себе, не прыгай!
Для двух ног твоих
Тот пролет велик —
Не с любовничком упасть на пуховик!

«Ой, родимый, погоди, никак не сяду!»
— Сиди, мать моя, сиди, сиди, не падай!
До низо́в-равнин —
Не вершок-аршин!
Уж не ссорься лучше с Ветром ты старши́м!

«Говорят тебе, дурак, сидеть неловко!»
— Нет, уж некогда — годить! Верста — делов-то!
Не одна краса,
Чго твоя коса!
Не одной тебе, чай, в верности клялся́!

«Что ж ты, подлый, обернулся квсрху брюхом?!»
— Нс сумела усидеть, змся, — так рухай!
Знай, змся из змей:
Сахарок-твой-клей
Так и тает промеж двух ее грудей!

— Ух! —

— Кто ж это так ухнул вдруг?
Просто вылетел из тела — дух!
Да не плачь ты, полунощный сыч!
Просто тело о кремень-кирпич.

И пополз мсж камнсй —
Змсй...

КОНЕЦ

Над подвалами – полы,
Над полами – потолки,
Купола – над потолками,
Облака – над куполами.
Там – про наши дела
Пальцем пишет – Судьба.

Пишет – ровно плугом пашет:
Не до грамоты ей нашей!
Берегись, народ крещеный:
Пишет прописью саженной!
В облаках – промеж звезд –
Чуть зажглось – уж сбылось.

Под престолами – подвалы,
Над престолами – обломы
Облаков багровых, грозных
С красной молнией и с громом.
Сверху – страсть, снизу – смрад...
А еще царей винят!

Веселись, пока веселый!
Над *подвалами* – престолы.
Как нашлет Бог грозу,
Был вверху, стал внизу.

На́д подвалами – престолы,
По́д подвалами – погосты,
С черной костью нашей рабской,
С мертвой плотью нашей скотской.
Сверху – страсть, снизу – смрад...
А еще рабов винят!

Веселись, лик бледный, впалый!
Под *престолами* – подвалы!

Не пропеть петуху –
Был внизу, стал вверху.

— Кто ж всё царствьице мое разнес в труху?

— А ты кто? – Царь.
— Какой ты Царь!
Нет, – ты не Царь, скажи:
Комарь.

Кровосос ты, ишь раздулся с нашей кровушки!
Где крестьянские все наши телочки-коровушки?

Царь, залечивай
Раны-немощи!
Есть нам нечего,
Пить нам не на што!
Свиньям месиво —
Вот обед наш весь!
Гниль да с плесенью —
Вот и век наш весь!

Гниль да плесень да горящая солома!
— Кто пустил вас, черти-дьяволы, в хоромы?

— А мы сами пришли!
Одолели вши.
Всё нутро-кишки
Проскребли жмыхи.

Чтоб спознался Царь крестьянский с нашим горем —
Мы царю-то Комару-то — брюхо вспорем!

— Что вы, дурни, Царю брюхо пороть?
У Царя-то, чай, священная плоть!
Али к Божьему закону тупы?
— Все́ по рощицам твои, Царь, попы!

— Ошалели, сволочь, черная кость!
— Кость-то белую твою с мясом врозь
Разведем — тогда смекнешь, старина:
Кость-то разная, а кровь-то — одна!

— Эй, дворянчики мои, грибы-груздочки!
Столбы верные, примерные столбочки!
Что ж вы нынче на помин не легки?
— Все́ без шапочки твои, Царь, грибки!

За престол за твой по красным по стогнам
Место лобное свели — с местом лобным.
«Не трудись, — кричат, — собачьи кишки!
Только выше мы еще — без башки!»

— Миткаль-бисер-леденцы-пух гусиный;
Выручай меня хоть ты, Двор Гостиный!
Аль в груди, как на лотке, — одна гниль?
— От купцов твоих, Кумач, — одна быль!

Там, где розаны цветут и на святки
В том краю теперь разбили палатки!
Пропадать с тобой небось — не глупцы!
Все́ водой твои махнули купцы!

— Эй, навозенные мухи,
Псы-антихристы!
Вызволяй, свиное ухо,
Царя — хитростью!

— Всé макать пошли — да в нашу солонку!
Все на нашу перешли на сторонку!

— Ой, Боже, да кто ж вы?
— А мы — бездорожье,
Дубленая кожа,
Дрянцо, бессапожье,
Ощебья, отребья,
Бессолье, бесхлебье,
Рвань, ягоды волчьи, —
Да так себе — сволочь!

— Как не пропиты мои, значит, дрожки, —
Всем сафьянцу привезу на сапожки!

— Сафьян нам негоже:
Твоя нужна кожа.

— Пощадите мою спинку, голубчики!
Всем овчинки привезу на тулупчики!
— Нет, Царь, не до шуб!
Тебя под тулуп.

Чай, веками нас валили под рогожу-то!
— Ой, да что ж это, да что ж это, да что ж это?!

— Смеялся — плачь!
— Грозился — трусь!
Да, Царь-Кумач,
Мы — Красная Русь!

Твоя мамка мы, кормилка никудашная,
Русь кулашная — калашная — кумашная!

Ша — баш!

Москва, 14 июля — 17 сентября 1920

ПЕРЕУЛОЧКИ

Алексею Александровичу
Подгаецкому-Чаброву
на память о нашей последней Москве

А не видел ли, млад, — не вемо-што,
А не слышал ли, млад, — не знамо-што
В белохрущатых громких платьицах
В переулочках тех Игнатьевских.

Свет до свету горит,
Должно, требу творит,
Богу жертву кадит,
С дуба требоваит.

А звоньба-то отколь? — Запястьица!
А урчба-то отколь? — Заклятьице!
Попытай молодецка счастьица
В переулочках тех Игнатьевских!

Две колдобины. Пень.
Развалённый плетень.
Без следочку — да в темь,
Всех окошечек — семь.

Пока дома сидишь — подумывай,
А шестое пройдешь — послеживай:
С бережочку рыбачка юная
В полглазочку косит: не клюноло ль?

Дунет — костром загарит,
Плюнет — рублем подарит,
Ох, башковит-красовит,
Дальше — язык не велит!

Оттого-то и в полглазочку-то
Сверх крутого плеча покатиста.
На пустые слова не тратятся
В переулочках тех Игнатьевских!

А войти-то как? — Выходом.
А речи́-то как? — Выкрутом.
А на што мне креститися?
Все Христы-то где ж? — Вышедши.

На плет-паутиночку
Крестись без запиночки!
Смекай, мол, детинушка,
Своя здесь святынюшка.

Занаве́с-мой — занаве́с!
Мурзамецкий мой отрез!
Часть-рябь-слепь-резь!
Мне лица не занавесь!

Погоди, молодец, успеется!
Чай, не диво како под пологом!
На князьке вороные голуби
В ползобочка воркуют до-люби:

Про белые плечи,
Которых не смети,
Про сладкие смеси —
Потом не жалети...

Про неги, про лести,
Зеленые листья,
Про яства — не ести,
Орешки — не грызти.

А еще, молодец, не тупиться!
Али к чаше-идешь-причастьицу?
Прямо в очи глядят, — не застятся
В переулочках тех Игнатьевских!

Уж как плотно-наплотно
Те платки запахнуты!
Яблочками, яхонтами
Улещает, шахматами.

(От моих горячих губ —
Лихоманочки идут!
От моих горячих губ —
В теле жилочки гудут!)

Шахматами, яхонтами...
Уста мои сахарные.
Совсем еще матушкиным
Молочишком пахнете!

(Разрумяниста моя
Знобь-Тумановна!
Лихоманочка моя
Лихомановна!)

А — и — рай!
А — и — вей!
О — би — рай!
Не — ро — бей!

Яблок — яхонт,
Яблок — злато.
Кто зачахнет —
Про то знато.

Яблок — лесть.
Яблок — ласть.
Рук за пазуху
Не класть.

Зорким — слепость.
Чутким — глухость.
Голубей вверху
Не слухать.

Робким — плеть.
Дерзким — ласть.
Глазком яблочка
Не красть!

Как за праву-то рученьку —
Хлест да плёск!
Вместо белой-то рученьки —
Ящеров хвост!

Как за леву-то рученьку
Схватит — хляст!
Ошалелой гадюченькой
В левый глаз!

Пояском через плечико
Хочет — клек:
Раю-райскою реченькой
Шелк потек.

А — ю — рай,
А — ю — рей,
Об — ми — рай,
Сне — го — вей.

Чеснок — яблочку
Неровня.
Аю-раюшки
Раевна.

Речка — зыбь.
Речка — рябь,
Рукой — рыбоньки
Не лапь...

Не то на кривь,
Не то на бок,
Раю-радужный
Кораблик.

Речка — хлип,
Рыбка — плёск.
От всей рыбоньки —
Лишь хвост.

Уж и странствьице —
Любота для глаз!
Шемаханские
Паруса у нас!

(Что за дурость-така-соплячество
Башкой русою в юбки прятаться?)

Райской слюночкой
Между прочих рек
Слыву, — вьюношам
Слаще, бают, нет.

(Шепоточки-мои-смеюнчики,
Сладкослюнчаты, сладкострунчаты!)

Как за те шепота —
Брыком-ревом душа,
Как за те шепота —
Турьим рогом башка!

На корме вороные голуби
В ползобочка воркуют до-люби:

Про ребра, про десны,
Голодную вёсну,
Про лен-тот-нечесан,
Поклон-тот-непослан.

А на што нам лен,
Зелена башка?
Твой земной поклон —
В широки шелка:

Кланяйся,
Кланяйся!

Под расчесочку
Подставляй ленок,
Чтоб и спросыпу
Не сказал сынок:

К маменьке,
К маменьке!

Река — радужну
Широту струит.
Видишь — матушка
На лужку стоит:

Кланяйся,
Кланяйся!

Еще кланяйся
На восток-ковыль.
Волеваньице,
Дорогая быль —

С памяти!
С памяти!

Ой! — Молния!
Ой! — Жжет!
Не — молния:
Конь — ржет!

Раз — на ноги,
Два — за косы,
Три — славу петь.
Ан —

Ни косы-ни руна,
Ни реки-ни челна,
Две вожжи,
Ямщичок, жги!

Красен тот конь,
Как на иконе.
Я же и конь,
Я ж и погоня.

Скачка-то
В гру — ди!
Жарок огонь!
Жги!

В обе вожжи!
Гей, мои рыжи!
Лжей-то в груди
Семь, да семижды
Семь, да еще —
Семь.
Жги, ямщичок,
В темь!

Тьмищами — в тыл!
Не перетопать!
Щек моих пыл,
Жил моих пróпад!

Заревом в лоб — ржа,
Ры — жая воз — жа!

Сласть-то одна!
Мук-то двенадцать!
Брось повода!
Рученьки настежь!

— Нá — На векá-дни
Царствьица хлеб — ни!

Льни,
Льни,
Черны
Котлы смоляны!

Не лги: смоляны,
То льны зелены.

Клонись,
Кренись,
Ресницами льни.
Ложись под свист.
Стрелы калены.
Ай, льны!

Ай, льны льняны,
Царицыны льны!
Ручьи с земли
Помин привезли:

Ресницами шли,
Глазницами шли,
Землицею шли, –
Солоны!

Солоницами – глазницы
У ржаной земли.
Что ж вы, гости имениты,
Мало по – были?

Солоницею – землица,
Сколько хошь – соли!
Что ж вы, плоти румянисты,
Мало по – жили?

Мало ль, много ли –
Дроги поданы!
Проходи со мной
Муку огненну!

Ой – молния!
Ой – гром!
Не – молния:
Конь – в дом!

Раз – выступом,
Два – выскоком,
Три – искры в лоб!
Ан:

Ни огня-ни котла,
Ни коня-ни седла,
Два крыла,
Да и в ла –
зорь!

Лазорь, лазорь,
Крутая гора!
Лазорь, лазорь,
Вторая земля!

Зорь-Лазаревна,
Синь-Ладановна,
Лазорь-лазорь,
Прохлада моя!
Ла – зорь!

Во останный во разочек
Затянись, замри!
То последний ветерочек
С аржаной земли:

Горбы, бороды, да борозды,
Да зеленя.
Дух навозенный, забористый,—
Моя земля!

Котел без дна!
Ладонь-глубизна!
Лазорь, лазорь,
Синь-Озеровна:
Ла—зорь!

Во останный во последний
Через всю-от-синь:
Не за раннею обедней
Молодцу—помин...

В кузне—славу куют,
К устам—чару несут,
Другу—славу поют
В ла—зорь.

Лазорь, лазорь!
Златы стремена!
Лазорь, лазорь,
Куды завела?

Высь-Ястребовна.
Зыбь-Радуговна,
Глыбь-Яхонтовна:
Лазорь!

Звончей, звонницы-бессонницы,
Во весь-от-звон!
Здесь головушки не клонятся:
И так взойдем!

Синей, дымницы-кадильницы,
Во весь-от-дым!
На груди моей—одиннадцать
Еще с одним!

Аминь.
Помин,
Морская Хвалынь,
Синь-Савановна.
А—

Весь-от-и мир,
Маревом—дни!
Без вести—мир,
Без вести—мы.

Синь-ты-Хвалынь,
Сгинь-Бережок!
Звездная синь —
Наш положок.

Но через весь
Морок — взгляни! —
Лестницею —
Ризы мои!

Глух пуховик:
Дна не достанешь,
Каменем крик
Панет — и канет.

Поволевав,
Пошалевав:
Синь — в сапогах,
Синь — в головах...

Пасть — не упасть,
Плыть — не доплыть,
Дарственными —
Душу насыть!

Милый, растрать!
С кладью не примут!
Дабы принять —
Надо отринуть!

Первая цвель,
Пригород лишь!
Этих земель —
Тридевять их!

Но через весь
Пропад — взгляни! —
Пригоршнями —
Земли мои!

Милый, не льни:
Ибо не нужно:
Ибо ни лжи:
Ибо ни мужа

Здесь, ни жены,
Раны не жгут,
Жатвы без рук,
Клятвы без губ.

Не удержав,
— Всё раздаря! —
Жаворонком
Рана моя

В ла —

Лазорь, лазорь,
Круты рамена!
Лазорь, лазорь,
Куды завела?

Туды-завела,
Сюды-завела,
Концы залила,
Следы замела

В ла —

В лазорь-в раззор
От зорь — до зорь
На при — вязи
Реви, заклят:
Взор туп.
Лоб крут,
Рог злат.

Турий след у ворот,
От ворот — поворот.

Москва, апрель 1922

МО́ЛОДЕЦ

Сказка

Борису Пастернаку —
«за игру за твою великую,
за утехи твои за нежные...»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

МО́ЛОДЕЦ

Синь да сгинь — край села,
Рухнул дуб, трость цела.
У вдовы у той у трудной
Дочь Маруся весела.

Как пойдет с коромыслом —
Церкви в звон, парни в спор.
Дочь Маруся румяниста —
Самой Троице раззор!

Отпусти-ка меня, мать,
С подружками погулять,
Ленку тонкого попрясть,
Здоровьица порастрясть.

Заспалась уж очень-то
Под камнем — руда!
— Гуляй, гуляй, доченька,
Пока молода!

═══

Бегут русы,
Бегут круты,
Шелком скрученные —
Эх!

Моя — круче,
Твоя — круче,
У Маруси — круче всех!

Ходи шибче,
Ходи выше,
Медом сыщенная —
Эх!
Моя — выше,
Твоя — выше,
У Маруси — выше всех!

Наше счастье —
Ткати, прясти,
Ладком-в складчину-да в гладь!
— Ходи чаще! —
Двери настежь:
— Добро-здравствовать-гулять!

То ль не зга,
То ль не жгонь,
То ль не мо́лодец-огонь!

То ль не зарь,
То ль не взлом,
То ль не жар-костер — да в дом!

На круг поклон,
Кошель на стол,
Из кошеля — казна ручьем, дождем:
— Хватай в подол!

— За сладким-за крепким
Беги, малолетство!
Сокола, на спевку!
Гуляй, красны девки!

Стакан с краем налит,
Кумач жаром горит,
Каждый сам головит,
Народ валом валит.

Горят, ярки,
Горят, жарки,
Жаром бархачены —
Эх!
Мои — жарче,
Твои — жарче,
У Маруси — жарче всех!

Стучат, громки,
Гремят, звонки,
Неуёмчивые —
Эх!
Мое — громче,
Твое — громче,
У Маруси — громче всех!

Вытирайте, Любки,
Малиновы губки!
Волынь, за погудку!
Сокóл, по голубку!

С которой из нас вперед
Чужой мóлодец пойдет?
Котору из нас вперед
Сокóл — за руку возьмет?

За той потянуся,
Что меж русых — руса,
Вкруг той обовьюся,
Что меж Люб — Маруся!

Пляши, Маша,
Пляши, Глаша,
Да по-нашенскому —
Эх!
Моя — краше,
Твоя — краше,
А у гостя — краше всех!

Дрожи, доски!
Ходи, трёски!
Покоробиться вам нонь!

Под тем — доски,
Под тем — доски,
А под мóлодцем — огонь!

Огонь там-огонь здесь,
Огонь сам-огонь весь!

Руки врозь,
Ходом скор,
Вкруг березыньки — костер.

Грива — вкось,
Дыхом — яр,
Вкруг часовенки — пожар!

Прядает, прыщет,
Прúтопот, присвист.
Пышечка! — Пищи!
Прищепот, прищелк.

Ой да што ж!
Ой да где ж!
Уж и силушки в обрез!

Ой да што ж!
Ой да где ж!
Лучше жилочки подрежь!

Пляши, пряха,
Пляши, птаха,
Растят-взращивают — ан:

Кому — заступ,
Кому — ястреб,
Кому — мóлодец незнам.

Неслежён, неслыхан —
Дыхом, дыхом, дыхом!

Не добром — так лихом!
Вихрем, вихрем, вихрем!

Тваво золотца — пуды,
И мне, мóлодцу, ссуди!

Твой малиновый налив —
Ссуди, девка, поделись!

Ты — сок,
Ты — лист,
Я — нож румянúст!

Едок по заслугам!
Кругом, кругом, кругом!

Не добром — так худом!
Кругом, кругом, кругом!

Твоя кожа шелковая —
Потому прищелкиваю.

Твоя сладость спрятанная —
Потому приглатываю.

Близь — в близь,
Сердь — в сердь,
На — жызть,
На —

Ай, Маруся!
Коса руса!
Урожайные хлеба!

Что шатнулась,
Всколыбнулась,
Аль на ноженьки слаба?

От ореховой скорлупки
Весь изъян.
Не пора ли нам, голубки,
По домам?

(Уж как я сваво безусова
Да в рот!)
— Проводи меня, Маруся,
До ворот.

Уж ты кось-околица,
Калитка косящата.
— Небось пням не молимся:
У купца в приказчиках.

Чай, не задаром:
Звону — хоть брось!
Красным товаром
Тоже, небось!

Наши баньки топлены,
Наши кони — скореньки.
А село — на што тебе?
Небось — с колоколенкой.

Сердь моя руса,
Спелая рожь —
Сердце, Маруся,
Замуж пойдешь?

2

ЛЕСЕНКА

Пляши, мати,
Коль не лень!
У нас в хате
Велик-день.

Меня, ветку,
Алый плод,
Соко́л в женушки берет!

— А сказал тебе отколь?
— Глаза-волосы как смоль!

— А сказал тебе из чьих?
— Одно сердце — на двоих!

— Твои сласти — срочные,
Твое сердце — слепенько.
Накинь ему, доченька,
На пуговку — петельку.

Мое слово верное,
Мое сердце зрячее.
Иди, сердце сдерживай,
Клубок разворачивай.

═══

Уж и жар!
Уж и пляс!
На три Волги расплелась!

Уж и спех!
Уж и дых!
Одно сердце — на двоих!

— Уж ты яблочко-некусанное-плод!
Проводи меня, Маруся,
До ворот.

Прощай, пташечка
Моя вспу́гнута!
(Она петельку —
Да на пуговку).

Сон несбытошный,
До свиданьица!
(А уж ниточка
Селом тянется).

═══

По канавам,
По заборам
— Месяц справа —
Мимо бревен
По амбарам,
Мимо ставен
По колдобинам-
Канавам,
Ходом дробленным,
Дозором,
Вором-крадом.
Не споткнися,
Ниточка моя, не рвися,
Новик, не закатывайся,
Клубочек, разматывайся!

По оврагам,
По задворкам,
Смётом здравым,
Оком зорким,
По лазуркам-
Закоулкам,
Вздохом спертым,
Сердцем гулким —
Дружок, не спохватывайся!
Клубочек, разматывайся!

Через дичь-лебеду
Я ль на поводе веду?

Через дичь-лебеду
Я ль на поводе — иду?

Сердце — слева,
Месяц — справа,
Мимо царского
Кружала,
Мимо рыбна
Мимо ряда
Вкруг церковныя ограды
Ко главному входу:
Врата на запоре.

Ни души, ни вздоху.
Глянь: лесенка сбоку.

Шмыжком, с осторожкой
По лесенке — кошкой:

Стоит наш знакомец-то,
Грызет упо—

Ох, Маруся! Кровь всполо́хнутая-страх!
Да как охнет тут, как грохнет тут—да как

Через площадь
— Месяц слева—
Мимо Божья
Мимо гнева
По канавам
— Жилы гудом—
Сердце справа,
Сердце всюду,
По колдобинам-
Ухабам
Валом-варом.
Уж и хват
Суженый!—Взгляни-ка взад,
Привыкай к своим хоромам:
Вдогон церковь с вором, с гробом,
С Богом, с громом!

Через пень-колоду—топом,
Через темь-болото—следом,
Табуном-летит-потопом,
Чугуном-гремит-железом,

Через пень-кол топает,
Ворота́ми хлопает.

Гони, робь,
Вперед лбом:
Мертвец с гробом за горбом!

Мо—лись
Покрову!
Мертвец с гробом на горбу!

И—
Дом.

— Чего, дочка, видела?
Чего, дочка, слышала?
Каков дом у милого?
— С крестовою крышею.

— Чего ж, дочка, бледная?
Чего ж, дочка, потная?
— Деревня-то—эвона!
Через пень-кол топала!

— Пирком да за свадебку!
Платочком помашете!
— Чего ж, дочка, плачешь-то?
— Да с радости, матушка.

3

В ВОРОТА́Х

То над зоренькою мать
Над сокровищем:
— Слезой корку поливать
Дело вдовичье!

Вплетай, золотце,
Базар в волоса!
Небось мо́лодец-пожар
Заждался!

Телом льстив,
Взором дик:
— Чего в очи не глядишь?

(В висках — стук,
В жилах дрожь),
— Чсго ближс не идешь?
Уж ты кровь моя-нарушенная-робь,
Проводи мсня, Маруся, до ворот!

Девки вьюном крутятся,
Стрекочут, потворствуют.
А Маруся тупится,
Не хочет, упорствует.

— Душа твоя дикая!
Гордыня двуперстная!
Стыдят, перстом тыкают,
Грохочут, усердствуют.

— Аль укусит
Дружок?
(Уж Маруся — шажок).

— Аль удушит
Жених?
(Уж Маруся — от них).

Не пошла б, каб не страх.
Шаг да шаг — в воротах.

— Пиши, девка, нáбело:
На лесенку лазила?

Пыхтит, глаза — стеклами:
— Приступочкой грохала?

(Глаза вски — ды — вает)[1]:
— Была-видела? — Нет.

— Ну так знай, сестра,
(Сам белей холста,

Сопит, ворот рвет).
Завтра брат помрет.

Зуб о заступ —
Лязг.
Как сказал —
Так сгас.

А уж мать с мосточку-то:
— Как любились-сватались?
Чем угощал-потчевал?
— Загадками, страхами.

— Чего, дочка, хмуришься?
Темна твоя исповедь.
— На крестовой улице
Дом обещал выстроить.

— Кончать бы, как начато!
— Попляшешь, просватамши!
— Чего ж, дочка, плачешь-то?
— Да с радости, матушка!

---

[1] Относится к Марусе *(примеч. М. Цветаевой)*.

Спит двор, спит и дом,
Спит дым над бугром,
Спит пес, спит и гусь:
— Марусь, а Марусь!

Спасай мою жызть!
Сестрица, проснись!

Спит царь, спит и вор.
— Встань, встань на дозор!

Зол, страшен и гол.
Осиновый кол,

Сестрица, готовь!
Спасай мою кровь!

Ползком — через шлях,
Стойком — в воротах,
Калиткою — скрип...
— Сестрица, погиб!

Лют брачный твой пир,
Жених твой у —

Привстать хочет:
Плеча — пудом.
— Вставай, дочка!
Братцу худо!

— Пчелой сушит!
Червем точит!
— Вставай, душу
Отдать хочет!

Тут как вскочит:
— Кровь! Кровь в доме!
— Молись, дочка:
Братец помер.

Лежит братец, белки прячет
Под синими веками.

Обмыт братец, одет братец,
Мать к попу поехала.

Неплохой тебе сестрою
Была: штаны пла́таны.
Куды кинусь? куды скроюсь?
Все горлышко — пятнами!

Попы ладаном оденут,
Кадилами встречными.
Куды кинусь? куды денусь?
Ведь три — твоих свечечки!

Есть кто? — Чу!
Задуло свечу.
Отзо — вись!
Две разом сдались
И:
С хрипом-с криком через пень-кол-колеи.

4

ВТОРЫЕ ВОРОТÁ

Как на страшный на суд
Ноги сами несут.

Тишь и темень везде.
Свет — в последней избе.

И — косяк-то знаком! —
Прямо в пляску — снопом.

Разом пляс стал:
Вздох, стон, причет.
Рукой застят,
Водой прыщут.

Жужжат, жмутся
Гурьбой, сбродом.
Чужой тут же,
Стоит одаль.

— Ну-кось, девки, —
Шагнул к телу.
Глядит. — Очи взвела. — Села.

Встает, ровно в дрёме
Тяжкой, неведомой.
— Брат у меня помер.
— Бедная! Бедная!

Серая ты верба! —
Люлькают, пестуют.
И мóлодец первый:
— Царство небесное!

Уж ты рожь моя-нерушенная-мед,
Проводи меня, Маруся, до ворот!

Ветер да ивы.
Тихий, не дерзкий.

Голосом льстивым:
— Выслушай, сердце!

В кротости просим!
Милости райской!
Встану с допросом —
Не отпирайся!

Брось свою хитрость!
— Сердце, клянусь:
Прахом рассыплюсь,
Ввек не вернусь!

(Рученьки сжаты,
Ноженьки ноют).
Нашего брата
Правдою кроют!

До сердцевины,
Сердь моя, болен!
Знай, что невинен,
Знай, что неволен!

Сам тебе в ручки,
Сердце, даюсь!
Крест мне и ключ мне:
Ввек не вернусь!

Лют твой сударик!
Лют твой румяный!
Полночь как вдарит,
Волком как гляну —

«Знаю мол чья мол
Кровь в твоих жилах!»
Всё мне до самой
Капли и выложь —

И разорвется
Весь наш союз.
Ветром в воротцы —
Ввек не вернусь!

Не одну твою жызть
В руках, сердце, держу:
Вчера брата загрыз,
Нынче мать загры —

Раз,
Другой
С колокольни — бой.

Раз за разом
Дробясь
До двенадцати раз.

Над душой дыша:
— Скажи, следом шла?

Дрожат, вплоть сошлись.
— Мою знаешь жызть?

Глаза вски — ды — вает.
— Была-видела? — Нет.

— Ну так знай, слепа,
(Руку снял с плеча,

Пыхтит, землю бьет)
— Нынче мать помрет.

Зуб о заступ —
Лязг.
Как сказал —
Так сгас.

А навстречу, с ветром-то:
— Спеши, моя странница!
Псалтирь читать некому!
— Никак не расстанемся!

— Чтоб каждый твой помысел
Сбылся, моя звездочка!
— Три дня как знакомы с ним:
Второй дом возводит уж!

— Щедровит уж очень-то!
— Землицы достаточно!
— Возьмешь к себе, доченька?
— Сама приду, матушка!

Дол — га ноч — ка,
Долга ночка скушная!
— Доч — ка! Доч — ка!
Собаки — все спущены?

Аль шажочка
Не ступишь для матери?
Доч—ка! Доч—ка!
Врата крепко заперты?

Ды—ши ти—ше!
Привадишь—грех нá душу!
— Сплю-не слышу,
Сплю-не слышу, матушка!

Дол—га ночка,
Долга ночка страдная.
— Доч—ка! Доч—ка!
К знахарке за снадобьем!

Кол да кочка
Земным моим помыслам!
Доч—ка! Доч—ка!
Кто в воротá ломится?

Не свой! Пришлый!
Железная хваточка!
— Сплю-не слышу,
Сплю-не слышу, матушка!

Дол—га ночка,
Долга ночка судная.
— Доч—ка! Доч—ка!
Прощай! Мною сгублена!

В оди—ночку
Помру, спеши, рóдная!
Доч—ка! Доч—ка!
Прощай! Тобой продана!

Сопит, пышет!
Спеши!—Силком-натиском!
— Сплю-не слышу,
Сплю-не слышу, ма -

Лежит матушка недвижная,
В снега саванные выряжена:
Важная.
Книжная.

Глаза—чаши непочатые—
Пятаками припечатаны:
Вдавлены.
Спрятаны.

Для того, глаза, прикрыты вы,
Чтобы дочку не выпытывали:
Тайную
Скрытную.

Чтобы, коршуны над падалью,
К себе дочку не выглядывали:
В саваны.
В ладаны.

И не надо нам тех страхов пытать.
Ан и на пол — пятак.

И не надо нам в ту хату — ногой.
Ан и на пол — другой.

Знать, не сыт
Гнев твой — пóсмерть.
Правым спит,
Левым смотрит.

5

ПОД ПОРОГОМ

Уж плясано, плясано!
Уж топано, топано!
Все головы — масляные,
Красные, потные.

Платочками-всплёсками,
Прижимками-шашнями.
Один только вдовствует:
Рубаха кумашная.

Ан и настежь — двёрочка:
Мороженый дых.
Да голосом обморочным:
— Здравствуй, жених!

Поклон долог,
Оскал страшен.
— Мать под полог
Ушла, — всипляшем!

Девки разом
В разгон — с плачем.
— Одним глазом
Глядит, — всипляшем!

Красна свадьба!
Чего краше!
Дочка мать продала, —
Вспля —

То не плат белый вьется —
Душа с телом расстается.

— Очнись! — Не хочу!
Пляша душу испущу!

— Беги, девка, из хаты!
Спасай душу! — Тваму брату

И так хороша!
На кой мне душа!

Не пожар тушу,
Свою смерть пляшу
С гикотом! с топотом!

Головней пышу!
Головой к плечу:
Шепотом, шепотом!

Оттого что клад
Закопали в тай:
Жемчугом! Золотцем!

Оттого что ад
Мне кромешный — рай:
С мóлодцем! С мóлодцем!

Не метель — клочья крутит:
Девка с молодцем шутит.

Не пожар — стёклы бьет:
Парень к девице льнет.

Невестынька!
Стряхни мечту!
Гони версту!
Беги к попу!

Что ведаешь —
Всё выложь в раз!
Вскачь, девонька!
Последний час!

Не хочу твоей раны!
— Ад с тобой — сад румяный!

— Не хочу твоей пены!
— Смерть с тобой — жемчуг ценный!

Не избыть такой нежбы!
Выплясали из избы.

Лесной стравы опилась!
Двор переплывают в пляс.

— Ты мне князь! Ты мне храм!
Пляшут, пляшут к воротáм.

— Отступись! — Лют жар! — Всю выжму!
Пуще жизни! — Пуще жизни!

— Дождалась! — Конец! — Всё стерпишь?
Пуще смерти! — Пуще смерти!

И нá голову — в самый спор
Литого олова топор

По темени: в последний пляс
Земного времени приказ

— и —

— Крестом да кадилом
Говори — ходила?

На тайное дело
Говори — глядела?

Глаза вски — ды — вает:
— Была-видела? — Нет.

Ну так знай, стойка,
(А из глаз — тоска

В три ручья да сплошь!)
Нынче в ночь помрешь.

Зуб о заступ —
Лязг.
Как сказал —
Так сгас.

Лежит девица
Как в церкву убранная.
Ровно деревце
В цветенье — срубленное.

В три полотнища
Простерлась, в строгостях.
Да нейдет еще
Душа из ребрышек.

Сон-не сон, лежит,
Да плоть-не плоть, лежит,
Ни кость-ни вздох, лежит,
Да ждет-пождет, лежит.

По жилкам — унывная
Жаль, ровно дудочка.
Все такое дивное,
Чудное чудится.

Ровно не на лавочке
Лежит: в цветах-в шелестах.
Ровно не жила еще:
Дед с бабкой не спелися!

Под горькой осиною,
С ручьями, с пчелами.
Все цветочки синие,
Она — что полымя!

Под горькой осиною,
Где странник путь держал.
Все цветочки синие,
Она — что уголь-жар.

За той потянуся,
Что меж русых — руса,
Вкруг той обовьюся,
Что меж Люб —

— Сплю, не трожь!
— Жжем-не ждем!
Вкруг роскошества —
Шмелем.

— Час да наш,
Ад мой ал!
К самой чашечке
Припал.

— Конец твоим рудам!
Гудом, гудом, гудом!

— Конец твоим алым!
Жалом, жалом, жалом!

— Ай — жаль?
— Злей — жаль!
С одной пей!
Ай, шмель!

Во — весь
Свой — хмель
Пей, шмель!
Ай, шмель!

— Смекай, румяниста,
Всех кровинок — триста.

Держи, бережлива,
Одну на разживу:

Чтоб той реченькой да вспять
Было нам с чего начать.

Замок да печать.

Свежей прежнего да встать —
Нельзя помнить, велю спать.

Замок да печать.

Чтоб и в самом сонном
Сне тебя не вспомнил,
Велю: цвети скромно.

Чтоб за самим князем
Встрев — тебя не сглазил,
Велю: гляди на́-земь.

Наших встреч — счетом пять:
Зерном лечь, цветком встать.

Цветок красен, листок зелен,
Дай тебя уколыбелю
На всю вечность-неделю.

Чтобы ноженьками в двери
Проносить тебя не смели,
Панихиды не пели.

Чтобы с дедами-с отцами
Под крестом тебе не стлали,
Вверху камня не клали.

Раз да раз — пять разов:
Перед Богом — пять годов.

Твоих бед — пять возов:
Без обедни — пять годов.

В царстве небесном
Девки — все русы!
Спишь ли, невеста?
Спишь ли, Маруся?

В царстве небесном
Овцы — все целы!
Спи, моя белая!
Больно не сделаю!

Нагадали тебе девки перемену:
Побелела моя радость, побелела.

Наплясали тебе девки покрывало,
Отпылала моя радость, отпылала.

Зубки — что скалишь?
Аль уж вдовца
Праздную? — Аль уж
Кровушка вся?

Над вздóшным над склоном —
Звоном, звоном, звоном!

Над сердцем над впалым —
Жалом, жалом, жалом —

Ай, в самую сердь!
Прощай, моя —

То не бусинки
Вокруг жемчужинки:
Над Марусенькой
Толпой — подруженьки.

Тяжело, небось!
(Небось, со всякой вседь...)
Таку молодость
Стоять-оплакивать.

Росла, правильная,
Цвела, пламенная.

Зачем спаивали?
Зачем сманивали?

Мести б тебе гладенько,
Цвести б за князенькой.
Хошь для ради празднику
Раскройтесь, глазыньки!

В платочке голубеньком,
Дарила б рубликом...
Раскрой, девка, губоньки,
Скажись, голубонька!

Не считавши
До трех
Из-под савана — вздох.

На всех разом
Да в ряд
Из-под савана — взгляд:

«Как я грешница великая пред Богом —
Проносите меня, девки, под порогом.

Как я с нежитью и в смерти неразрывна —
Хороните меня, девки, на развилье:

В снегах, без креста».
Сказав — отошла.

═══

Греши с Богом!
Земля скроет!
Под порогом
Яму роют.

Прощай! Трогай,
Сустав-хрящик!
Под порогом
Тело тащат.

Как из хаты той безглазой
Выносили троих разом:

Двоих — правильной дорогой,
А Марусю — под порогом.

Как на отдых тот на грозный
Проносили троих — розно:

Двоих — в садик во крестовый,
А Марусю — во просторы.

В те простор — ны — и.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

БАРИН

— Эй, звоночки, звончей вдарим!
Наша новая дуга!
Молод барин, холост барин,
Стар у барина слуга.

— Эй, дружочки, скорей будем!
Да на все наши снега!
Буен барин, бубен — барин!
Хмур у барина слуга.

Эй, кони мои —
Вы сони мои
Нахлёстанныи —
Эй, вёрсты мои!

Верста слева, верста справа,
Верста в брови, верста в тыл.
Тому песня, тому слава,
Кто дорогу породил.

Уж не Сидор я, не Павел,
В плечах — удаль, в ушах — гул.
...В глазах — столб рябой поставил,
В снегах — вёрсту протянул.

Эй вы кони мои
Сони мои
Собственныи!
Нахлёстанныи!
Эй, вёрсты мои!

Втору сотню загребаем,
Пляши, сбруя, гуляй, кнут!
— Глянь-кось, барин, встань-кось, барин,
Чем снегá-белы цветут!

Где вёрсты сошлись,
(Все — врозь, одна ввысь) —
Цвет, цвет румянист
Горит, уголь-чист!

(Нов у барина глазок,
Скок у барина легóк).

Перстами защелкал:
— Ай, сдую! Ай, сдерну!
— А ты его с толком!
А ты его с корнем!

В ладошки заплёскал:
— Ай, знатный! Ай, важный!
— Смотри, барин, слёз бы
С красой — да не нажил.

(Млад у барина зубок,
Нрав у барина резóв).

В сугроб — по колено,
Меха — нараспашку.
(Коль красен, так мне мол, —
Грехи наши тяжки!)

Торопится, взором
Ест, горячится.
— Ну как, барин, скоро ль?
Место нечисто!

Обдувает, стряхивает
Снег с листа.
Сел, в полу запахивает.
— Гей, верста!

2

МРАМОРÁ

Что за свет такой в снегах
О двенадцати столбах?
Сугроб-белая гора,
Прáдедовы мрамора.

По той лестнице — да ввысь:
Взглянуть — ноги отнялись!
Сверкнула — и канула
Стремниною каменной.

Отрешись – хоть раз испей
Мраморных оторопей!
Взглянешь – и вбросятся
Мороком, пропастью.

Впрочем – Богу ли соврем? –
Столб как столб и дом как дом:
С башнями, с банями:
Нашего барина.

═══

Что ж барин? Бражничает?
Буйствует? Шпажничает?
Жизнью небрежничает,
С цветиком нежничает.

Цвет мой-найденыш,
Жар мой в ладонях,
Князь мой-затворник,
Красный поддонник.

Как ударит в барабан
Красный мрак по мраморáм,

Как взыграет, аргамак,
Красный мрак во мраморах –

Да по притолкам – в дымá,
Да по тутолкам – в чаны...
И не надо мне вина!
И не надо мне жены!

Ой ли?

Младость в ладонки
Плещет с веселья,
Старость в сторонке
Стелет постелю.

Стелет – без складок,
Канет – без дна...
Старость на младость
Очи взвела.

Встала – да во мрак,
Встала – да вперясь:
– Я у тебя раб,
Ты у меня князь.

В энтих мраморах...
(К уху наклонясь:)
Стар у тебя раб...
Нежить завелась.

Так что — безо лжи —
Виду не кажи,
Взору не межи,
В зоркости лежи.

Не ветер в горах
Седины отряс.
Гудит в мраморах
Двенадцатый час.

Высок, одинок
Грядет государь.
(Считай, баринок:
Четвертый удар!)

Час — тысячегруд,
Час — тысячеуст.
Все мóроки дружб,
Все промахи чувств —

Всё выворотил
И выбросил — вал.
(Эй, выше держи!
Девятый упал!)

Девятый удар,
Десятый размах.
Грядет государь,
Грядет в мраморах.

В бахрóмах — заглох —
И — громом вдоль зал —
Высокий как вздох
Двенадцатый вал.

Да с двенадцатым, с последним — в самый бой
Как встряхнется-встрепенется зелень-зной.

Да с двенадцатым, с последним — в самый вал
Как сорвется-оторвется пламень ал.

(Барин как взарится!)
Нá-земь как свеется!
Да как ударится
Красною девицей!

Красное приданое,
Щечки бесчувственные.
Стан запрокидывает,
Ручки выхрустывает.

Грудками взыгрывает,
Деснами взблестывает,
Полными пригоршнями
Дрёму расплескивает.

Взблёстами! — Искрами!
Бровки-то — в две версты!
Ай да поистину
Красная девица!

Бочком вправо,
Бочком влево.
Плывет павой.
Барин — следом.

В ногах — навык:
Чертог — ведом.
Берет вправо.
Барин — следом.

Громки мраморные плиты,
А ее шаги — как смыты.

Звонки мраморные стены,
А ее шаги — как в пену.

Луна в небе — бела.
Плывет, — влево взяла.

Плывет — хлебом,
Плывет — медом.
Барин — следом:
Как запродан.

Метет змеем,
Метет русым.
Как приклеен,
Как прикручен.

Хитры девицыны плутни!
(Глядит:) занавес лоскутный.

Легка девицына свита.
Посередке — стол накрытый.

Не сробевши вот столь —
Хвать — за хлеб да за соль!

Яства — искусные,
Вина — печатные.
Корочкой хрустнула,
Чарочкой звякнула.

Смоквы — роскошные,
Сласти — московские.
Корка искрошена,
Чарка расплёскана.

Слезкой наслащивает,
Думкой — закусывает.
Всеми суставчиками
Скуку выхрустывает.

Как ударит из стремян.
Лунный луч по хрусталям,

Как взыграет, раскалясь,
Лунный луч во хрусталях

Да как упрется
В лик ее лепый...
— Батюшки-светы!
Очи-то — слепы!

Впалый.
Огненный.
Встала.
Вздрогнула.

Лик — как выдышан.
Ни кро-
виночки.

В лентах-в ржавостях,
В бусах-в тусклостях.
Стенкой крадется.
Ухом слушает.

Вьется, лепится
Черной немочью:
Как по лесенке —
Вверх по стеночке!

Веки суживает,
Плечи втягивает:
Ох, подслушивает!
Ох, подглядывает!

Да как взманит,
Телом прянет, —
Об земь грянет —
В пляс пошла!

В те звонки невидимые
Ты кому названиваешь?
Ты кому подмигиваешь?
Ты кого приманиваешь?

Не путем — так с вывертами!
Не за грош — так втридорога!
Усмешками призрачными
Ты кого заигрываешь?

С кем хороводишься?
Где твои званые?
Ведь никогошеньки:
Месяц да мраморы.

Месяц — взблёстами
Звяк — об стеклышки.
Чаркой — пó столу:
С милым чокнуться!

Чарка — вдребезги!
Скатерть — краскою!
Знать у девицы
Счастье — красное!

Хочу ’страчу!
Хочу спрячу!
Пляшет. Плачет.
Плачет. Пляшет.

Вплавь. Вскачь.
Всё — в раз!
Пляс. Плач.
Плач. Пляс.

Парусами шелковыми
Середь пола — колоколом.

Ладошки навыворот:
Землицу раскидывает.

Ай клад?

Ноготками яростными
В половицах скрябается.

С Востока да к Западу
Ложбинку выкапывает:

Ан:

    — дон!
Мóрокам приказ:
Вспять
Вон!
Утренний закон:
Звон:
Час.

Бочком вправо,
Бочком влево.
Плывет павой.
Барин следом.

Пропал, бравый!
Пропал, бедный!
Берет вправо —
Барин следом.

Громки мраморные долы, —
А ее шаги — как в золы.

Громки ржавленные скрепы —
А ее шаги — как в пеплы...

Мимо спящих бород
Метет, — влево берет.

Глоток краткий,
Шажок срочный...
Носком — в пятку:
Как пристрочен.

Уж не раем
Метет — пёклом.
...Как припаян,
Как приклёпан.

Легки девицыны взломы!
Глядит: горенка знакома.

Хитры девицыны прятки!
Глядит: деревце да в кадке.

Лбом об землю — чок!
Да на ветку —
                Скок —
Тут к ней барин! Хвать!
— «Говори, как звать:

Имя, званье, род!»
Схватил-замер-ждет.

Тут — началось!
(Где и взялось?)
Пламем взмелось!
Змеем взвилось!

Вьется из рук,
Бьется из рук,
Рвется из рук,
Льется из рук.

Сгреб — не дает.
— Брык-скок-бег-лёт —
Поводом рвет,
Парусом бьет.

Прыгом из рук,
Шибом из рук,
Кидом из рук,
Дыбом из рук.

В лоб укротил —
Полымем в тыл!
Барин — из жил,
Барин — из сил:

Широкогруд,
Жилой — упруг.
Рыбой из рук!
Рывом из рук!

Месяц — во мрак,
Куст-невелик
Сучьями — как
Крючьями в лик!

Месяц — во мрак,
Куст, распалясь,
Шипьями — как
Клычьями в глаз!

Держит (из ям —
Очи!) — вот-вот
Ввысь по ветвям
Цветом уйдет!

Держит (бугром —
Жилы!) — Ни в жызть!
Тут из бахром
Громом: «Держись!»

Лист — в берега,
Месяц — из туч,
К деве — слуга:
— «Крест-тебе-ключ!»

Как всстонет тут древо!
Как вздрогнет тут дева!
Как справа-налево
Да слева-направо
Руками, ветвями...
Ослабла, размякла.
Последнее пламя,
Последняя капля
Иссякла, потухла,
Потухла, погасла.
Как пакля — как кукла —
Как лампа без масла...

Потухла,
Поникла,
Погасла.

— Откуда сквозная такая?
　　　　— Не знаю.
— Лоза привозная, я чаю?
　　　　— Не знаю.
— Какая гроза за плечами?
　　　　— Не знаю.
— Как прежде в глаза величали?
　　　　— Не знаю.

Тут как вскинет барин брови!
— Хочешь жить со мной в любови?

Жизнь? — Нá! — Смерть? — Мне!
— Не зна — ю, не...

Подступает барин тише:
— Может грех какой давнишний?

Он—дай, ты—на́...
О—на: «не зна—

ю, не помню...» Барин звоном:
— Не в княжны беру, а в жены!

Же—на од—на!
— Не—знаю... На́...

Шумком скушным тростниковым:
— Ты послушь мои три слова!

(Долго ль вместе лечь?
Не об этом речь)

Покорись девичьей бредне:
Не томи меня к обедне

Пять годов—день в день,
Пять годов—и день.

Холодна иду под полог:
Не сзывай гостей веселых,

В одиночку пей,
Не зови гостей.

А последний тебе сказ мой:
Ни одной чтоб нитки красной,
Ни клочка, ни зги!

Деревцо сожги...

3

СЫН

Текут реки, катятся,
Растут дети—старятся,
Живут баре—тратятся,
Гулять—так без скаредства!

У меня ль жена млада,
У меня ль красавица!

Не одна, чай, стерлася
Деньга блеску ярого.
Живут голубь с горлицей,
Живут барин с барыней.

У меня ль жена млада,
У меня ль сударыня!

День встает — свят поют,
Полдень бьет — в лад встают,
Вечер в лоб — сказки вьют,
Ночь в обход — нас не ждут.

Позабыл, как холост был,
За бутылкой вздорничал.
Никогда чтоб голос-жив
Раскатился в горницах.

У меня ль жена строга,
У меня ль затворница!

А ведь было — жигом жег!
Нажигал без скупости!
Кумача на весь чертог
Не найдешь лоскутика.

У меня ль жена скромна, —
С такой не раскутишься!

Ходит в белом,
Судит зрело,
Хвалит скупо,
Глаза тупит.

Только шип один жесток:
Что живем без помощи!
Ни одной на весь чертог
Не найдешь иконочки.

У меня ль жена без дна:
Доставать — потонете.

Час живут — страх блюдут,
День живут — слаще льнут,
Год живут — сон без смут,
Пятый стук — сына ждут.

Ходит барин кругом,
Ходит барин возле.
Взъерошен, напуган,
Напуган, разрознен.

Укрепой-охраной
Стоит — живым тыном.
Глазком кто б не глянул,
Огня бы не кинул.

Шмыжком, да с оглядкой,
Где словом, где знаком.
Ключом кто б не звякнул,
Страды бы не запер.

(Куды и вся удаль
Девалась, — невемо!)
...На тебя не дунул,
На тебя не венул.

Тягот много принято:
Ни одной не сбавлено.
И в снегах раскинута
Молодая барыня.

Снега — крепко сотканы,
Душа — краем держится.
В две руки высокие
Простирает первенца.

Стоит трезв как пьян:
— Уж ты дар мой ждан,
Уж ты сын Богдан, —
Уж и пир задам!

═══

Не лоза кудрявая
В свистах-в светлостях:
Молодая барыня
С сыном тешится.

Ровно реки вздулися,
Ливни — звонами...
Ровно по всем улицам
Дни прощёные!

Господи, помилуй мя!
Огнь — без уголья!
Одной ручкой — милого,
Другой — любого.

Словно конь да коновязь
Сбив — за тридевять!
Словно реки тронулись,
Горы сдвинулись!

═══

Не леды расколотые
В брег упорствуют.
То соборным колоколом
Грудь отцовская.

Слезы – реками,
В сердце – ласточки!..
Эх, да некому
Тобой похвастаться!

Царем бы Давидом бы
В пляс – да с бубнами!
Сласть невиданная!
Радость трудная!

Так и падаю
С ног как пьяница...
Эх, и задал бы
Пированьице!

(Сласти – шагом,
Страсти – рысью).
Барин, барин,
Вслух не мысли!

Вести – шаром,
Гости – шастом.
Барин, барин,
Вкось не хвастай!

Шаром-жаром-
Жигом-граем...
Барин, барин, барин, барин!..

4

ПИРОВАНЬИЦЕ

Нынче – вдосталь, завтра снова
Всего вдоволь.
Как от жизни той медовой
Сны пудовы.

Еще дедов да прадедов
Наших навык.
Лежит барин, – отобедал
Да и нá бок.

Всхрапы да вздрёмы,
Свисты да звоны,
Быт наш ядрёный,
День заведеный.

Ан в храп-тот-сап:
— Встань, барин-млад,
Скидай халат!
Влезай в парад!

Тот — как: Бросьте!
— Ба — рин! Гости!

Торба — вестей!
Вставай быстрей!
Рядись пестрей!
Встречай гостей!

Сей — час тут уж!
А тот: К шутам!

— Дорого дашь,
Барин, брось блажь!
Мощь-знать покажь!
Встречать прикажь!

О — пять нá бок!
Эх — ты: баба!

Как вскочит, брав!
Как топнет, строг!
Рукой — в рукав,
Ногой — в сапог:

Па — шел!

Не вихрь быстроног
Стойком — через ров:
Глядит баринок
С высот-мраморов:

Гля — нул: обмер!
Та — бун огнен!

Ровно граи вороные
С гнезда согнаны.
Кони-сани-возжи-гривы, —
Верста огненна!

О — гонь в пламя!
Ко — ни! Сани!

Ножёвою ссадиной,
Язвой повальною.
Передние-задние,
Ближние-дальние.

Передние — ко крыльцу,
Последние — за версту!

Верстой — не обхватишь:
Катят, катят, катят!

Стеной — не заслонишь:
Гонят, гонят, гонят!

Откуда понабраны?
Табором, табором!

Откуда поназваны?
Князевы! Князевы!

Пожаловали! — Не ждал?
Пожаром — да на пожар!

Ор — дой в сени.
Ко — ни в пене.

Кони! Кони!
Красные попоны!
Крыльцо — стоном.
Низкие поклоны.

Плеча — трясом, тела — трёсом,
глаза — скошены:
— А мы гости расхорошие,
Непрошены.

Бобер — бором, багрец — жаром,
сапог с постуком:
— А мы гости нетаковские,
Слободские.

Хватка — резвáя!
Таска — борзая!
Царства — не знаем!
Здравствуй, хозяин!

Пыл — в мраморах,
Пар — в мраморах,
Пир — в мраморах,
Жар — в мраморах.

Один спростал —
Другой кричи!
А пуст стакан —
Под стол мечи!

У нас закон:
Стакан — под стол!
Сапог — на стол!
Гуляй, соко́л!

А простыли — скреби с мылом,
мети метлами!
А мы гости вострокрылые,
Залетные!

С которой из стран,
Сброд красен-незван?
Роман-не Роман,
Иван-не Иван.

Эх, лишь бы вино
В нутро — да не вспять,
Не все ли равно
Кому наливать!

Гуляй, братцы!
Бросай чванство!
— А ты сам пей!
— А ты сам пей!

Напьюсь — конным
В алтарь въеду!
— А мы следом!
— А мы следом!

— Поце — луемся!

Младым — чмокать!
Седым — шамкать!
— А ты сам хват!
— А ты сам хват!

Хошь разок да всласть —
А там хоть...
— А ты сам князь!
— А ты сам князь!

— Побра — таемся!

Горячи кусм червонцы!
— Поклянемся!
— Поклянемся!

Хороши дарим гостинцы!
— Покумимся!
— Покумимся!

В отцы крёстные
К тебе посланы!
Домок собственный:
«Ищи пó снегу!»

Брось страхи,
Брось думы!
Мы — кумы, мы — кумы!

С дороги — да с вестью:
Где ж крестник? Где ж крестник?

Шест — вьице затевай!
Крест — ника подавай!

Вино — лужей,
Спиной — ужас.
Гости: Ну же!
Барин: Ну вас!

Власы — тыном,
Мозги — смутой.
Гости: Сына!
Барин: К шýтам!

Тут как вспышут
Гости — красным:
— Даром хвастал!
— Даром хвастал!

Тут как взмашут
Гости — рдяным:
— Не Богдан он:
Чертом — дан он!

Один: с горбом!
Другой: урод!
— Клянусь, что хром!
— Ей-ей, двурог!

Один: соплив!
Другой: безнос!
— Клянусь, что крив!
— Клянусь, что кос!

— Бьюсь об заклад,
(Один:) клыкаст!
Другой: сохат!
Третёй: без глаз!

— Ах — так?!

Правильно, кумовья!
(Вдребезги — сулея!)

— Правильно, сатаны́!
(Вдребезги — стаканы́!)

— Так горбач он?
Гей, седины!
Беги в качку!
Тащи сына!

Клыкастый? Хвост в са́жень?
Покажем! Покажем!

Нахвастал? Нос с краю?
Представим! Представим!

— На — ли —

«Твои очи голубые,
Мои мысли вздорные.
Твои очи голубые,
А бывают — черные.

Словно жизнь мою угнали
Верстой, — а я с краю.
Голова моя дурная,
Что́ пою — не знаю.

У меня ль дружок — не пара,
Уборы — не хитрые?
Точно с лесенки упала,
Упала — не выпрямлюсь.

На чужом огне сгораешь,
Душа, — силком взяли!
Голова моя дурная,
Что́ пою — не знаю.

Помню зори, помню руды...
— В шелках али в рубище? —
Не припомню, не забуду,
Чего не забуду-то?

Только славы, что верна, мол...
Жена? — Не так звали!
Голова моя дурная,
Чтó пою — »

По ухабинам — пурга,
Перед барином — слуга.

(По скáмьям — сверканье)
С пустыми руками.

— Где же мой яблок-плод?
— Барыня не дает.

— Где же мой андел-лик?
— Барыня не велит!

Я ей: милость!
Хошь на малость!
Распалилась,
Раскричалась:

— «Душу тебе, рабу,
С косточкой разведу!»

Ту как взграют
Гости — граем:
— Ай да краля!
— Ай да краля!

Тут как сплюнут
Гости наземь:
— Должно сглазим!
— Должно сглазим!

Белки — пучат,
Перстом — тычут.
Тот — по-щучьи,
Тот — по-птичьи.

Христом просят,
Слюной прыщут.
Тот по-пёсьи,
Тот по-крысьи.

— Здо́—рово, кумовья!
(По́ столу—колея!)

— Здо́—рово, холуи!
(Проруби, полыньи...)

Красна баня!
Вскачь, седины!
де мол барин
самой с сыном
выходить велел...

— На—ли—

* * *

«Твои очи голубые,
Мои мысли спорные.
Твои очи голубые,
А могли бы—черные...

Не выказывала жара
Сваво,—цвела скромно.
Голова-моя-держава:
С кем спала—не помню...

И жила б себе орлицей
Безданно-беспошлинно!
Зачем гости собралися?
Кем званы? Кем посланы?

Не обманывала стража
Сваво,—цвела скромно.
Голова-моя-пропажа:
С кем спала—не помню...

Кто там бродит, взойти хочет?
Соколик—ай перепел?
Люб и не́люб мне сыночек!
Всем люб, а чем не́люб-то?

Не приваживала жала
Тваво,—цвела скромно.
Голова-моя-завалы:
С кем спала—»

* * *

По зава́лежам—пурга,
Перед барином—слуга:

(По скамьям скаканье)
Один, без канпаньи.

— Где ж моя званая?
— С места не глянула!

— Где ж моя знатная?
— Пястьем не звякнула!

Без хозяйки, мол, не ужин,
А оне в ответ: не нужно!

Не бродяги, мол, вельможи...
А оне в ответ: не можно!

Тут как взвизгнут,
Растопырясь:
— Должно в чирьях!
Должно в чирьях!

Да как вструбят
Разом, вкупе:
— Должно в струпьях!
Должно в струпьях!

— Что ступ — то струп!
— Что зуб — то брешь!
— Клянусь, что чуб!
— Клянусь, что плешь!

— Котел с лица!
— Рыжей лисы!
— Клянусь, лыса!
— Ей-ей, усы!

— Прозаложусь,
(Один:) — смердит!
Другой: курдюк!
Третёй: кадык!

— Ах — так?!

Сверимся, кумовья!
(Голову заломя
Пышет: костер в ночи!)
— Сверимся, кумачи!

Нос шилом, кость — дышлом?
Запишем! Запишем!

Плешива? Пасть – домной?
Попомним! Попомним!

Всем бы цаца,
Каб не клык?
Держись, братцы!
Гей, старик!

Пои псарню!
Вари варом!
Пошел парнем –
Вернусь парой!

Пав да с па – вою...

– На – ли –

«Твои очи голубые,
– В ночах, в тайнах вскормленный! –
Твои очи голубые,
Закрываю: черные.

Черным заревом те зори:
Кто слышал? Кто видел?
Голова моя! Ох, горе-
голова! Не выдай!

Росло деревце – да с краю,
Стояло-не трогало.
Зачем платьице сорвали
Цветное, махровое?

Где страна-ровна, в которой
Ни мужа-ни сына...
Голова моя! Ох, горы-
голова! – Не сдвину.

Дивен, дивен на ресницах
Снежочек не тающий!
Зачем ободом теснитесь?
Под локоть толкаете?

Пять деньков еще до сроку.
– Кто просит? Не выйду!!! –
Голова моя! Ох, грохот-
жернова...»

Середь табора — гудёж:
Барин барыню ведет.

По ска́мьям трясенье:
В хрустальном, в кисейном.

— Вот вам, гикоты-торги,
Мое дитятко-труды!

— Вот вам, ярманка-орда,
Моя барыня-строга!

Чур — не щупать!
За́ версту дивись!
(Очи тупит,
Мрамор ледовит.)

— Полно жаться!
Кланяйся, душа!
Ну-кось, братцы,
Чем не хороша?

Тут как грянут
Гости стоном:
— Хороша да некрещёна!

Чего жмешься?
Товар жженый!
Некрещёна, непрощёна!

— В церкву ходила?
— Жертву кадила?
— Спинку трудила?
— По — клоны била?

Один: где крест?
Другой: лбом грянь!
Таких невест,
(Третёй:) в Ердань!

Один: заест!
Другой: погиб!
Таких невест
(Третёй:) на дыб!

Один: волкам!
Другой: в котел!
Третёй: во храм!
Слуга: на кол!

— Ах так?!

(Скамьи — скрежетом,
В лицах — празелень)
— Вот вам, нежити,
Слово праведно!

(Пасти — патокой,
Очи — плёнкою)
...Слово краткое,
Слово громкое.

— Ой!

Волчиное стадо!
Лести лисьи!
Не надо-не надо!
Не — клянися!

Будьте прокляты!
Волки! Филины!
Вот-вот грохнется,
Сына выронит.

(Очьми жрут уж,
Пьют без рюмок!)
Барин в смутах,
Барин в думах.

Стакан — дна нет,
Кругом — хари...
Тут как грянут,
Тук как вдарят, —

Тут взвоют как,
Как взноют тут:
Один: тюфяк!
Другой: фетюк!

— Как есть Фетис!
— Чуть тронь — по швам!
Один: раскис!
Другой: сплошал!

За — ряд холост!
Са — пог ла́тан!
Жена в голос:
«Вспомни клятвы!»

— Ногой княжит!
— Спиной мыслит!
Жена навзрыд:
«Не — клянися!»

Не вынесло сердце страма,
Кровь дворянская встала,
Слово грозное пало:

— «Завтра же в храм Господень
Об руку входим!»
Правую поднял.

Ан:
Зга!
Петушиный клич!
Чудь, дичь,
Нежить — в берега!
Ай —
да!

Столы — скоком,
Ковры — ковом.
— Прощай, сокол,
Держи слово!

Белки — пялью,
Уста — пеной.
— Прощай, краля,
Держи цену!

Торопом-шорохом-ворохом — мороком!

5

ХЕРУВИМСКАЯ

И кони не ржали,
И птицы не пели.
В оконные ржави
Рассветные цвели.

И бражник не цедит,
И возчик не возит.
Рассветные седи,
Рассветные сквози.

И еле — как будто бы мысли сказались —
Над барыней — шелест:
— Проснись, моя зависть!

И брежно — как будто слезою колеблясь —
Над барыней дребезг:
— Проснись, моя ревность!

(Не ветер ли в травах?
Не пепел ли в золах?
Не баринов навык,
Не баринов голос.)

И дале, и возле,
И звоном, и вязью...
Рассветные сквози,
Рассветные связи...

И резью — как будто бы ветер навстречу —
— Не езди! Не езди!
Младенцем ответишь!

И слёзно — как будто бы женщина плачет —
— Не езди! Не езди!
Блаженством заплатишь!

Прислушалась: у́жли?
Потупилась: брежу!
— Родная! Не-мужняя!
Всё тебя нежу!

Не злостно, не ложно:
За вечность — однажды!
Чужая! Неможная!
Всё тебя жажду!..

И нудно — как малые дети в болезни —
— Не езди! Не езди! Не езди! Не езди!

Проморгал до свету, —
Серей свечки сальной.
Тихие советы
В бариновой спальне.

Спаси Боже — крик,
Спаси Боже — спор:
Тихий разговор,
Скрытый разговор.

Сидят — русый с седым,
Сидят — малый с лысым.
Один голос: Еду!
Другой: Протрезвися!

— Сказано: иди!
Барыню буди!
(Тихие бои,
Скрытые бои!)

Помолчат — и снова
За старую рану.
Один голос: слово!
Другой голос: спьяну!

Больно им твоя
Клятва дорога!
(Старая брада,
На́ двое игра!)

— Дворянин и спьяну
Не лжет. — Грехи-беды!
— Закладывай сани!
— Избавь! — Сказал: еду!

— Экая ты жмурь,
Дво — рянская дурь,
Графская глазурь,
Барская фигурь!

Девятый раскат,
Десятый размах...
А старый: никак
К обедне звонят?

Кольнуло в груди...
За окнами грай...
— Супругу буди!
Коней запрягай!

— В рай...

═══

В поле — зарево,
В спальне тишь.
— Вставай, барыня,
Рай проспишь!

Веки — кружевом:
Дрема? Явь?

— Вставай, мужнюю
Волю правь!

Поедем-поедем!
К обедне-к обедне!

По́катим-пока́тим!
К при́частью-к прича́стью!

К мо — щам приложимся!
Вста — вай, безбожница!

Кня—зьям покажемся!
Вста—вай, проказница!

Про тебя—колокол меден!
Едем! Едем! Едем! Едем!

Про тебя, баловень блуден!
Будем! Будем! Будем! Будем!

И—их!

Вьюга! Вьюга!
Белая голуба!
Бела—вьюга!
Бела, белогуба!

Уж и вьюга!
Ни друга, ни дуба!
Пуши, вьюга,
Бобровую шубу!

Шу—ми ширше!
Сразишь—осчастливишь!
Таких пиршеств
Не три-не четыре!

Мети выше!
Что свыше—то свято!
— Сплю-не слышу,
Сплю-не слышу, мату—

— Што?

— Што там крючится
Вровень с полозом?[1]

— Ветлы—сучьями,
Версты—холодом.

— Брови—клочьями!
Глотка—трещиной!
— По—морочилось,
При—мерещилось...

Свищи, вьюга!
Смекай, слепость:
Краса с другом—
Одна крепость!

---

[1] Вопросы—ее, ответы—бариновы *(примеч. М. Цветаевой).*

Хлещи, стужа!
Терпи, кротость!
Жена с мужем —
Одна пропасть!

Где двое — не лезь,
Бесштанная блудь!
— «Эй, барская спесь!
Родства не забудь!»

— Прочь! Не до братьёв!
Что было — прошло!
— «А кто я таков
Сказать на у» —

— Што?

— Што там тащится
За полозьями?
— Должно, пташечку
Подморозило.

— Очи — прелестью,
Ручки — скрещены...
— По — метелилось,
При — мерещилось!

Тесней к мужу лепится:
Ягненок обсахаренный!
Тесней в меха трепетны
Младенца запахивает:

— Помру, будешь дитятко
Родимое пестовать?
— «Душа твоя дикая!
Гордыня двуперстная!»

— Што?

— Што там крутится
В серьгах-в блёскотах?
— Пурга — прутиком
Ко — ней хлёстает!

— Полно — грудые!
Круто — плечие!
— Пона — думалось,
При — мерещилось!

Вставай прахом, вставай пылью,
Вставай памятью со лба!
Уж ты крест-разъезд-развилье-
Раздорожьице-судьба!

Уж и стужа — костям хладно!
Бобры-шали не спасут!
— Глянь-кось, ладный, встань-кось, ладный,
Чем снега-белы цветут!

Што там угольем
Жжет-красуется?
Тот, испуганно:
— Мечта суетна!

— Краса грозная!
Листы — вещие!
— По — морозилось,
При — мерещилось!

Уж вы, птахи,
Народ мёрзкий!
К шутам, страхи!
Гуляй, версты!

Долой, старый
Козел — с ко́зел!
Мою пару
Заморозил!

(Дед —
Прыг
В снег:
Сник).

Пиши, идолы, бело́:
Нашей милости — село!

Кивни, милая, в бобры!
Нашей милости — рабы!

Чьи хаты? — Бариновы!
Ло — паты? — Бариновы!
За — платы? — Бариновы!
Ре — бяты? — Бариновы!

Мои — хаты,
Мои — траты.
Отцом взято,
Богу свято.

— Сапожки валеные!
Чьи ножки? — Бариновы!
— Се — режки да́ренные,
Чьи ночки? — Бариновы!

Мои страхи,
Мои хрипы,
Царем шито,
Богом крыто.

— Эй, гуси жареные!
Чьи гуси? — Бариновы!
— Эй, руки ржавленные!
Чьи Руси? — Бариновы!

Уж мы, баре,
Народ шустрый!
Держись, Марьи!
Моя Русь-то!

На своем селе — мы царь!
Захотим — с конем в алтарь!

С ко — нем, с саня — ами!
С воз — ком, с коня — ами!

Чья кладка? — Барская!
Доглядка? — Барская!

Столбами красная
Чья хатка? — Барская!

Вали, троечка, без дум!
Наше — золотце-чугун!

Святой Троицы опричь —
Наша строечка-кирпич!

— Эй, сыч!

Князь мой таёжный,
Тать подорожный,
Скажи, рогожа,
Чья церковь? — Божья.

Его — своды,
Твоя — глина.
— А я, лодырь,
Думал — инно...

— Взводил — курень,
Вышло — царство!
— А я, дурень,
Думал — барска!

— Где над царствами — крест,
Барской власти — запрет.

Где над царствами — плат,
Барской воле — закат.

— Ловкач парень:
Надоумил!
Думал — барин,
Вышел — дурень!

Уж мы баре —
Простофили!
Слезай, краля!
Подкатили...

К вра — там,
Во — храм.

«Подай, ягодка!
Подай, вишенка!»
Ноем-тягостью
Братья нищая.

«Спаси праведник...
Спаси мученик»...
Загнусавили,
Заканючили.

(Слепцы,
Хромцы,
Немцы, —
Глумцы).

По алтыну
В ладонь — мимо.
Хромцы — тыном,
Немцы: имя!

Персты — прытью,
Зенки — гатью.
— Кого чтить-то?
— Поминать-то?

— Не чтите меня,
Не славьте меня...
(Поскрипыванье,
Покряхтыванье...)

— Оставьте меня!
Не троньте меня!
(Посапыванье,
Пощелкиванье...)

Один: с Богом! другой: стой!
Диковинный твой покрой!

Один: сдайся! — другой: скрой!
Во здравье, за упокой!

Клю — кой,
Бель — мом.
Лай. — Ной.
Ор.

═══

Конницей вражескою
Вход загораживают.

Гла — зищи — светочем!
Ку — мач — под ветошкой!

Лик — в лик, близь — в близь:
«Скажись-объявись!»

Близь — в близь, жызть — в жызть:
«Скажись-назо...»
　　　　　　　　　— «Брысь,
Рыси прыскучи,
Лисы шатучи!»
Шарахом — куча.
Барин — под ручку
Кралю — во храм.

═══

«От лица нечестивых»,
(На сладость — льстивых!)

«Мою душу острастших»,
(Своей — не спасших!)

«В кровс крылу́ твоея
Покроеши мя...»
(Зорь моя утренняя!
Сокровищница!)

Робок — шаг,
Долу — зрак.
Кровь в ушах:
Знобу звяк.

«Врази мои душу»,
(Молись! Не слушай!)

«Мою одержаша»,
(Молись!) «Объяша

мя — тако лев
Готов на лов...»
(Разве уж так
Суров?

Не клейми меня печатью крайней!)
«Тако скимен, обитаяй в тайнах».

Шепот с тылу, шепот с краю:
— Чья такая?

Шеи — вертом, очи — кольем:
— Чья? Отколе?

Глубже выю
В плеча.
Глаз не вскинет:
Свеча.

«Окропи мя иссопом — очищуся!»
(В дом веселый, высокий, пышущий

Там, где бубны и гусли
И сласть — без брега!..)
«Убелюся я
Паче снега!»

Круче — сына
К груди:
Глаз не сымет.
— «Гряди!

Сердце мое — смятéся во мне!
Смерти боязнь — нападé на мя!»
(Трезвенница! Девственница!
Кладезь, лишь мне — ведомый!

Дивен твой рай!
Красен твой крин!
Сына продай,
Мужа отринь!

Ибо царств тебя княгиней
Ставлю — явно и вочью!)
— «Дай мне крылья голубине:
Полещу и почию!»

Крыльев плеск
Возле плеч.
Воску треск.
Жар от свеч.

— «Мягче масла уста их...»
(Рвалась и млела!)
«Слаще ангелов — славят,
Но меч и стрелы —

Словеса их!
И дружба их
Червь — в кости.

Мýжи кровей
И льсти».

(Уж столь ли злостен
Сей мóрок костный?
У девок спросим!)

— «Премудрость! — Прóсти!»

Ковом — виски,
Гором — гортань.
(Оком не вскинь!
Взором не взглянь!)

— Как на невесте
Фата... — Грех тяжек!
— И лба не крестит!
И глаз не кажет!

— Гляди-кось: речи
Творит! В гроб краше!
— Нечеловечья
Краса, не наша!

— С дитятком!
— С хлопчиком!
— В чепчике!
— В платьице!

(Тычутся,
Шепчутся,
Топчутся,
Пятятся.)

— Обольщение!
— Тьма египетска!
«Огла — шеннии,
Изыдите!»

(Уста — жжением,
В ушах — гикоты).
— Огла — шеннии,
Изыдите!

— Свет очей моих!
Недр владычица!
— Оглашеннии,
Изы —

— Прощай, сытенькый!
Прощай, гладенький!
Никнет. — Дитятко
Мужу — на руки.

— Прощай, чуточка!
Прощай, крохотка!
Вот-вот скрутится,
На́-земь грохнется.

Зелень... Морская синь...
Стелется... Клонится...
— Только глазка не вскинь:
В левой оконнице!

От входу — крайняя...
Не трону... Чай меня!.. —
Веянье... Таянье...
Моленье тайное.

— Рвенье, ко мне!
Рденье, ко мне!
В левом окне,
В вечном огне.

Перси — в багрец!
Сердце — к груди!
Нечеловецк
Свет! — Не гляди!

«И — же хе — ру — вимы!»
Иг — ри — щем орлиным,
Ли — ствием гонимым...

«Хе — ру — вимы тай — но...»
Тысячами-стами,
Тысячами-тьмами...

«Яко да Царя всех...»
Удар. — Окно настежь...
Стклом-звоном, тьмой-страстью...

— Гляди, беспамятна!
(Ни зги. Люд — замертво.)

— Гря — ду, сердь рдяная!
Ма — руся!
Глянула.

Грянули стёклы:
Рдяные копны!
Полымем-пёклом,
Полным потоком

Огнь — и в разлете
Крыл — копия
Яростней: — Ты?!
— Я!

Та — ввысь,
Тот — вблизь:
Свились,
Взвились:

Зной — в зной,
Хлынь — в хлынь!
До — мой
В огнь синь.

Прага, Сочельник 1922

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ЧЕРВОННЫЙ ВАЛЕТ

Пьеса в двух действиях,
в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЧЕРВОННАЯ ДАМА, 20 лет, белокурая. — Роза.
ЧЕРВОННЫЙ КОРОЛЬ, старик, седая борода.
ПИКОВЫЙ КОРОЛЬ, 30 лет, черный.
ПИКОВЫЙ ВАЛЕТ, 20 лет, черный.
ТРЕФОВЫЙ ВАЛЕТ, 40 лет, рыжий.
БУБНОВЫЙ ВАЛЕТ, 20 лет, черный.
ЧЕРВОННЫЙ ВАЛЕТ, мальчик, белокурый.

Костюмы действующих лиц по цвету масти, кроме пиковой масти, которая — вся — черна. Дама и Короли в больших плащах, Валеты в коротких — как крылья — накидках. Лютня у Червонного валета и острие пики у Пикового — в виде сердца.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Тронный зал. Дама на троне. Рядом с ней, вытянувшись в струнку, с лютней в руках, Валет. Напротив — с огромным мечом у пояса — сидит Червонный король.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Червонный король, Червонная дама, Червонный валет.

ЧЕРВОННЫЙ КОРОЛЬ

Прощай, королева. Иду в поход.
Без вас, королева, мне день — что год.
Снятся, как только ступлю из дому,
Страшные сны королю седому.
Добрыми снами, любовь моя,
Оберегайте сон короля.

Дама наклоняет голову.

На карнавал не глядите в щелку,
Не забывайте вдевать в иголку

Красного шелку, красного шелку.
Да не гуляй вечерами в парках,
Да не гадай по ночам на картах...

ДАМА

Ваше величество! Ум мой прост:
Поднят — так поднят подъемный мост.

КОРОЛЬ

Службой святой — укрепляй душу,
Песен не пой,
Песен не слушай.
В церковь идя,
Не гляди — направо,
Не гляди — налево.
И да хранит тебя чистая дева, —
Королев королева.

Дама сходит с трона и приседает.

КОРОЛЬ

(Валету)

Чту юность твою
И глаза, глядящие прямо,
И уста, говорящие «да» и «нет».
Свою и твою королеву и даму
поручаю тебе,
Валет.

Валет склоняет колено, Дама низко приседает. Король целует Даме руку. Трубы. Король уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дама, Валет.

ДАМА

(сидя на троне, поет)

Валет, Валет, тебе счастья нет!
Я — роза тронная.
Валет, Валет, молодой Валет,
Валет червонный мой.

Что льнешь, что ждешь, коли белым днем,
Коль в полночь бурную
Выходит с черным мне королем —
Постель амурная.
Спешишь, и льстишь, и свистишь, и мстишь, —
Что мне до этого?
Иди, труби с королевских крыш
Любовь валетову.

Труби, труби, что его люблю,
Что в полночь бурную
Готова черному королю
Постель амурная.

(Валету.)

Это я не про себя и про тебя, —
Так, — чтобы не плакать от дождя,
Да на троне не сидеть без дела.
Эту песню бабушка мне пела, —
Там, где все поют. — В моей земле...
Я не смею петь при короле.
Нравится, что я пою?

ВАЛЕТ

Не знаю.

ДАМА
(рассеянно)

На карнавал не глядите в щелку...
Красного шелку, красного шелку...
Нынче февраль, а за дверью — март...
Мальчик, подай мне колоду карт.

Валет пододвигает столик, ставит две свечки, кладет карты.
(Напевая, раскладывает карты.)

Взор твой черный, взор твой зоркий,
Нет чернее в целом мире...
Мальчик! Вышли все четыре
Мне шестерки.
Это означает?

ВАЛЕТ

Путь.

ДАМА

В головах — король червонный,
Мне — супруг, тебе — король.
Да хранит его мадонна.
А в ногах — валет червонный.
Это означает?

ВАЛЕТ

Люди говорят — любовник. Впрочем,
Наш магистр, королева,
Утверждает — карты врут.

ДАМА
(весело)

На сердце какие карты?

(Открывает первую.)

Черный на сердце король.
Это означает?

ВАЛЕТ

Враг.

ДАМА
(открывая вторую)

Пиковая — это — девятка?

ВАЛЕТ

Страсть.

ДАМА

Как странно! — Ну, посмотрим
Третью.

(В высоко вытянутой руке — туз пик.)

ВАЛЕТ

К сожаленью, королева,
Это означает — смерть.

Звон бубна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Врывается — ветром — Бубновый валет. Над головой — бубен. Долетев до трона Королевы, склоняет колено. Затем приподнимая маску.

БУБНОВЫЙ ВАЛЕТ

Здравствуй, здравствуй, королева!
Красный март меня прислал.
Пред тобой склонил колено,
Королева, — карнавал.

Твой король, святой и старый,
Слава Господу, — далек.
Я — валет, и я без пары,
Я — валет, и я у ног.

Я и юноша, и дева,
Я несу тебе напевы,
Встречи в глубине зеркал,
Мраморных фонтанов зевы,
Вздохи справа, вздохи слева, —
Королева, королева,
Королева, — карнавал.

ДАМА

Красный март.

БУБНОВЫЙ ВАЛЕТ

Король бубновый.

ДАМА
(жеманно)

Я — червонному — верна.

БУБНОВЫЙ ВАЛЕТ

Ах, дитя, не для того ли
Кровожадная война
По растрепанным посевам
Королей уводит в путь —
Чтобы юным королевам
От короны отдохнуть?

(Дерзко.)

Что за толк — красе такой
Быть святой и непреклонной?
И на что тебе червонный
Твой король, давно достойный
Быть добычею червей?

ЧЕРВОННЫЙ ВАЛЕТ
(заносчиво)

Червь — труха, червонец — злато.
Госпожа моя богата,
И поплачет Красный март.

БУБНОВЫЙ ВАЛЕТ

Гм... С каких спартанских парт
Ты несешь сей вредный бред,
Юный рыцарь мой картонный?

ЧЕРВОННЫЙ ВАЛЕТ
(с поклоном)

Много чести. Я червонный
Их величества — валет.

БУБНОВЫЙ ВАЛЕТ

Валет, влюбленный в королеву,
Так Бог велел — велю и я.
Но глуп, клянемся присной девой,
Валет, влюбленный в короля!

ДАМА
(смеясь)

На карнавал не глядите в щелку...
Красного шелку, красного шелку...

БУБНОВЫЙ ВАЛЕТ
(ближе, льстиво)

Красная шапочка, слушай волка:
Верность — на полку, верность на полку...

(Решительно.)

Твой король — седой, беззубый,
Ты — что роза расцвела.

Подымаю буйный бубен
За бубновые дела!

(Обнимает, хочет поцеловать, Дама щелкает его по носу, он, смеясь и звеня, выбегает.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Входит Трефовый валет. Лет сорок. Бритый, коренастый, квадратный. На белых туфлях — черные трефовые банты. В руке — черный трилистник. Дама, Трефовый валет, Червонный валет.

ТРЕФОВЫЙ ВАЛЕТ
(скрипуче, как заученный урок)

Хвала государыне — благоразумной, хотя и юной.
Да здравствует государыня еще многие и многие луны!
Да славят государыню — как то бишь? Ишь, позапамятовал? — струны.

(Протягивая ей цветок.)

А сие, государыня, означает — Фортуна.
Да не жалят государыню зловредного Амура стрелы...

(Грубо.)

А теперь, государыня, приступим к делу.
Время — деньги, даже для юных королев.

(Представляется.)

Трефового величества валет — треф.

По-английскому-то money,
А по-нашему — казна.
Мой король — один на троне.
И жена ему нужна.

Нагадала ему старуха на кофейной гуще,
Чтобы присватался он к королеве червонной,
И со мной присылает он своей нареченной
Перечень движимых и недвижимых имуществ.

(Вытаскивает из-за пазухи свиток.)

ДАМА

У меня сноровки нет
В чтении. —

(Червонному.)

Читай, Валет.

ТРЕФОВЫЙ ВАЛЕТ
(подавая Червонному свиток)

Все: отсюда — и досюда.

ДАМА

Долго слушать я не буду.

ТРЕФОВЫЙ ВАЛЕТ

(Червонному)

Начинай.

ЧЕРВОННЫЙ ВАЛЕТ

(с мнимой торжественностью)

Пески и руды.

ДАМА

Как — пески?

ТРЕФОВЫЙ ВАЛЕТ

Ну да, пески.

ДАМА

Кажется, помру с тоски,
Как на проповеди старца!

ТРЕФОВЫЙ ВАЛЕТ

Продолжай.

ЧЕРВОННЫЙ ВАЛЕТ

(так же)

Пески — и кварцы.

ДАМА

Господи, опять пески!

ТРЕФОВЫЙ ВАЛЕТ

Уругвай.

ДАМА

Болят виски.

ЧЕРВОННЫЙ ВАЛЕТ

Колорадо. Рудники.
Сталь, чугун, железо, сера.

ТРЕФОВЫЙ ВАЛЕТ

(наслаждаясь)

Мой король богат без меры.

ЧЕРВОННЫЙ ВАЛЕТ

Аргентина. Чили. Перу.

ДАМА

(Трефовому валету)

Твой король сошел с ума!

ЧЕРВОННЫЙ ВАЛЕТ

Эль-Каляо.

ДАМА

Я больна!

ЧЕРВОННЫЙ ВАЛЕТ

Мексика. Сиам. Канада.
Венесуэла.

ДАМА

Хуже ада,
Хуже церкви!

ЧЕРВОННЫЙ ВАЛЕТ

Толчеи
Калифорнские.

ДАМА
(Червонному валету)

Молчи!

(Трефовому валету.)

Твой король — дурак!

ТРЕФОВЫЙ ВАЛЕТ
(испуганно)

Что слышу?

ДАМА
(с возрастающим жаром)

Твой король — дурак и лжец!
Так красавицам не пишут!
Лучше с кошками на крышу,
Чем с лакеем под венец!

ТРЕФОВЫЙ ВАЛЕТ

Господин мой...

ДАМА
(перебивая)

Так не пишут!

ТРЕФОВЫЙ ВАЛЕТ
(разводя руками)

Вот тебе и аналой!
Господин мой страстью пышет...

ДАМА

Слышу. — С глаз моих долой!

Трефовый валет, втянув голову в плечи, мгновенно и неуклюже выбегает.

ЧЕРВОННЫЙ ВАЛЕТ
(сжигая свиток на свечке, смеясь)

Солнцу ли страшны червонцы?

Троекратный стук в дверь — железом.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Немая сцена.
Дверь открывается. Валет пик с пикой. Молча вытягивается вдоль стены. При виде его Червонный валет встает. Во время всей сцены стоит у трона Дамы, скрестив руки. За Пиковым валетом — Пиковый король. При виде его Дама поднимает голову и — полузакрыв глаза — столбом — как лунатик — идет к нему навстречу. Поцелуй.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ночь. Королевский сад. Огромное круглое дерево в цвету. Слева, в углу, беседка. За деревом, полускрытый ветками, Трефовый валет. От Бубнового, с дерева, одни ноги. Входит Пиковый валет.

ПИКОВЫЙ ВАЛЕТ

Треф — что скажешь?

ТРЕФОВЫЙ ВАЛЕТ
(выходя из-за дерева)

Что скажу?
Прозевали госпожу!
Влюблена в него, как кошка:
Вместе пьют и вместе спят.
Безобразие! Разврат!

БУБНОВЫЙ ВАЛЕТ

Просто — подрастает крошка.
Все как надо: там — война,
Тут — неверная жена,
Там — солдаты и седины,
Здесь — веселый разговор.
Муж — из спальни, в спальню — вор...

ТРЕФОВЫЙ ВАЛЕТ

Безобразие! — Позор!

БУБНОВЫЙ ВАЛЕТ

Превеселая картина!
Трон. Коварство. Страсть. Кинжал.
А милей всего финал:
Кто на свадьбу опоздал,
Поспевает — на крестины.
Муж — в ворота, вор — в окно...

ПИКОВЫЙ ВАЛЕТ
(раздраженно)

Замолчи, веретено!
(Настойчиво.)
Черный король всем нам враг?

ТРЕФОВЫЙ ВАЛЕТ

Всем.

ПИКОВЫЙ ВАЛЕТ

Мы его ненавидим?

ТРЕФОВЫЙ ВАЛЕТ

Так.

ПИКОВЫЙ ВАЛЕТ

Красный король, славен и сед,
Им обесчещен.

ТРЕФОВЫЙ ВАЛЕТ

Дела мне нет, —
Кто там из них — кем — обесчещен.
Был за нее мне куртаж обещан,
За госпожу-то, а госпожа
Вдруг загуляла, — нет куртажа.

БУБНОВЫЙ ВАЛЕТ
(вспрыгивая)

Маска — мое убранство,
Ветер — мой господин,
Враг у меня один:
Треклятое постоянство.

ПИКОВЫЙ ВАЛЕТ

В каждой женщине — Иуда!

БУБНОВЫЙ ВАЛЕТ

Полно, пиковая масть!
Взглянешь с вечеру — причуда,
Утром — роковая страсть.
За неверностью супругу —
Бешеная верность другу,
Общий стол и общий сон,

Те же кольца, те же клятвы,
Тот же каменный, треклятый,
Торжествующий закон.

ПИКОВЫЙ ВАЛЕТ

К делу, к делу, к делу, к делу!
Кто вонзит в него кинжал?

БУБНОВЫЙ ВАЛЕТ
(указывая на свою одежду)

Нет уж! Красного на белом
У меня довольно!

ПИКОВЫЙ ВАЛЕТ
(в ярости)

Знал!
Барин! Краснобай-притворщик!
Трус бубновый, заговорщик!
(Трефу.)
Треф, поддержишь честь валета?

ТРЕФОВЫЙ ВАЛЕТ

Нынче честь, а завтра в часть.
Мало чести! — Мстит не этой
Местью — трефовая масть.
(Понижая голос.)
Наша месть, да наша честь —
Золотые сети плесть, —
Это повернее шпаги.
(Почти шепотом.)
Озираючись, сторонкой
Шепотком, монетой звонкой
Да на гербовой бумаге —
Наша трефовая месть!
(Громко.)
Кира побеждает — Крез.

ПИКОВЫЙ ВАЛЕТ

Трус трефовый!

ТРЕФОВЫЙ ВАЛЕТ
(скромно)

Треф, я трезв.

ПИКОВЫЙ ВАЛЕТ
(дергаясь — почти пляска)

Черен плащ и черен взгляд.
Черен с головы до пят.
В черных жилах — яд,
Ад.
Этой пики острие —
Сердце черное мое.

Да из-за угла напасть
И потом смеяться всласть —
Эта страсть,
Эта пиковая масть.

Чья возьмет? — Моя взяла!
Мгла.
Зло для зла.

БУБНОВЫЙ ВАЛЕТ

Злостью ты, что шар, надут.
Эй, смотри не лопни!

ПИКОВЫЙ ВАЛЕТ

Шут!

ТРЕФОВЫЙ ВАЛЕТ

Тише, судари!
Идут!

Убегают.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Слева — из-за беседки. — Дама и Червонный валет. У Дамы огромное черное ожерелье и такие же запястья. У Валета на руках лютня. Дама слегка опирается о его плечо.

Дама, Червонный валет.

ДАМА

Нравится тебе мой новый
Повелитель?

ВАЛЕТ

Не валету
Рассуждать о короле.

ДАМА

Ну а ожерелье это
Нравится тебе? Запястье
Дар его.

ВАЛЕТ

Носи на счастье.

ДАМА
(уютно)

Ну забудем на часочек,
Кто мы. Хочешь, будем просто —
Очень старые друзья?
Да? Согласен?

ВАЛЕТ

Королева,
Я давно забыл — кто я.
Кто вы — помню.

12 Зак 175

ДАМА

Ты упорен.

ВАЛЕТ

(с поклоном)

Я покорен.

ДАМА

(полузакрыв глаза, блаженно)

Ах, я помню, в первый раз
Он вошел, — худой и томный...
Я не опустила глаз,
Я навстречу поднялась.
Помнишь?

ВАЛЕТ

(каменно)

Ничего не помню.

ДАМА

Ты стоял, скрестивши руки...
Боже, как ты побледнел,
Что с тобою? — Бел, как мел!

ВАЛЕТ

Государыня, в науке
Страсти нежной — есть отдел:
Смерть. В нем вся наука страсть.

ДАМА

Полно накликать напасти!
Ты белее полотна!

ВАЛЕТ

(криво улыбаясь)

Если бледность вам скучна,
Щеки красным мне раскрасьте.

ДАМА

(задорно)

И раскрашу!

ВАЛЕТ

(кланяясь)

Воля ваша.

ДАМА

Вот и поцелую!

ВАЛЕТ

Нет.

ДАМА

Ты нахален, как мальчишка,
Как мартышка!

ВАЛЕТ

Как валет.
(Внезапно, словно набравшись воздуху.)

Шутки в сторону. — Неладно
Во дворце. Валеты ропщут.
Заговор! — Обман! — Измена!

ДАМА
(испуганно)

Заговор?

ВАЛЕТ

На жизнь того,
Кто для вас дороже жизни.
Но Король предупрежден.
Скоро полночь. Ровно в полночь
Вам король подаст сигнал.
Чёрный плащ его, как парус,
Чёрный конь его, как вихрь.
Вас заря найдёт в раю, —
За пределом королевства.

ДАМА
(испуганно)

В полночь?

ВАЛЕТ

В полночь.

ДАМА

А когда
Спросит, возвратясь, король:
«Где же ваша королева
И супруга?» —

ВАЛЕТ

Я отвечу:
Черный вихрь ее унес. —
Место встречи — красный куст.

ДАМА

Роза королевских уст
Будет мальчику в награду.
На, возьми ее!
(Тянется к нему.)

ВАЛЕТ
(отстраняясь, тихо)

Не надо...
Дама снова тянется.

ВАЛЕТ

(отстраняясь, каменно)

Он — король, государыня, я — валет.
Нам с тобой, государыня, счастья нет.

Первый удар полночи. Сигнал.

ВАЛЕТ

Сигнал.

ДАМА

(в лихорадке)

Господи, смилуйся, помоги! Иду!
Я великая грешница, я буду гореть в аду.
Он будет, он будет, он будет меня целовать!
Я тебя не забуду. Я любила тебя, как мать.
Чего ж ты как столб стоишь? Кричи «виват»!
Я — великая грешница, мне прямая дорога в ад.
Его плащ как парус. Он злодей, чародей, упырь.
А потом я покаюсь, а потом я пойду в монастырь.
Я буду молиться, молиться, молиться. Нет, — все игра.
Это сон мне снится.

ВАЛЕТ

Государыня, вам пора.

Вдалеке конский топот.

ДАМА

Пора! Прощай! Слышишь топот из черных чащ?
(Бежит, на бегу роняет плащ. Валет, подымая его, роняет лютню. Она разбивается.)

ВАЛЕТ

(подымая плащ)

А валету на память, а валету на саван — плащ.
(Отталкивает ногой разбитую лютню.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Валет, закутанный в плащ, на ступеньках, в беседке поет.

ВАЛЕТ

По лугам — ночная сырость,
По сердцам — любовный дым.
Всем, кто вырос и не вырос,
Кто любим и не любим.

Всем, кто празднует, кто плачет,
Всем, кто прям и кто горбат,
Всем, кто спит, и всем, кто скачет, —
В этот черный час: — Виват!

Страшная старуха — старость,
Не коснешься уст моих...
Черный плащ его, как парус,
Черный конь его, как вихрь...

Это карты нагадали.
Здесь никто не виноват.
Жизнь моя — aeternum vale![1]
Роза тронная — виват!

(Лежит ничком.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Червонный валет, Пиковый валет. Из темноты, крадучись, — Пиковый валет. В руках — пика.

ПИКОВЫЙ ВАЛЕТ

(шепотом)

Птичка — на ветке,
Детки — в беседке
Славят Отца.

Вот и пожалуйте, птички, в сетку,
Вот и целуйтесь, дружки, в уста!

(Не замечая Червонного валета, взбегает по ступенькам в беседку.)

Секунда молчания.

(В ярости.)

Сто сорок чертей! — Клетка пуста!

(Спотыкается на бегу о Валетов плащ.)

Черт, кто здесь? — А? — Ты, дружок!
Раб! Доносчик! Мразь! Щенок!
Подыхай у черных ног!

(Пронзает его пикой.)

Эй, сюда! Бубновый! Треф!

ЧЕРВОННЫЙ ВАЛЕТ

(приподнимаясь)

Королева королев...
Дама сердца... Роза роз...
Черный вихрь ее унес!

(Распахивает, как крылья, плащ.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Немая сцена.

Трефовый валет с фонарем. За ним — издалека — Бубновый в маске. Трефовый валет наклоняет фонарь к лицу Червонного. Бубновый, вытянув шею, подносит палец к губам.

Занавес

⟨1918⟩

[1] Прощай навеки! *(лат.)*

МЕТЕЛЬ

Драматические сцены
в стихах

ЛИЦА

ДАМА В ПЛАЩЕ, 20 лет, чуть юношественна.
ГОСПОДИН В ПЛАЩЕ, 30 лет, светлый.
СТАРУХА, весь XVIII век.
ТРАКТИРЩИК
ТОРГОВЕЦ каждый — олицетворение своего рода занятий.
ОХОТНИК

Действие происходит в ночь на 1830 год, в харчевне, в лесах Богемии, в метель.

1

Харчевня. Пылает камин. У круглого дубового стола Торговец и Охотник беседуют. Поодаль, в огромном одиноком кресле — Старуха. У окна, в распахнутом зеленом плаще, Дама глядит в метель.

ТОРГОВЕЦ

Ну и погода!

СТАРУХА

И на погоду
Новая нынче мода!
Эх, в старину!..

ТОРГОВЕЦ

Снег, верно, сахаром был?

СТАРУХА

Бывало,
Снегом я личико умывала,
Что твоя роза, сударь, цвела.
Скверные нынче пошли дела!
Даже на солнце глядеть не любо.

ТОРГОВЕЦ

Это, сударыня, как кому...
Были бы только у волка зубы —

СТАРУХА

Розы не пахнут, не греют шубы...
А кавалеры-то стали грубы!
Ихних речей и в толк не возьму!
(Нюхает табак.)

ТОРГОВЕЦ
(Охотнику)

С доброй охотой поздравить можно?
Много чего настреляли?

ОХОТНИК

Нет.
Видно, на ложный напали след,
Да растеряли потом друг друга.

ТОРГОВЕЦ

Знатная вьюга!

Входит Трактирщик.

ТРАКТИРЩИК

Ну и погода
К Новому году!
Чем угощу дорогих гостей?
Заяц, оленина, утки, гуси,
Окорок пражский...

СТАРУХА

Нс в нашсм вкусе!
Грубые блюда! Эх, в старину —
Роскошь так роскошь — полночный ужин!
Робы-то! Розы-то! Гром жемчужин!
Кто поусерднее — тот и прав!
Помню, тогда был со мною дружен
Граф Ланденсберг — прелюбезный граф:
Всё от мужсй хоронился в шкаф!
Да, не знавали вы наших пиршеств!
Устрицы, взоры, улыбки, вирши...
Слева — любовник, а справа — муж...
Из диамантов — на туфлях — пряжки...

ТРАКТИРЩИК

Может, гостям дорогим по чашке
Кофию венского? Страсть душист!

СТАРУХА
(продолжая)

И в диамантовых звездах — хлыст!

ТОРГОВЕЦ

Розы да взоры? — Тонкие яства!

СТАРУХА
(не отвечая и не замечая)

Взор его стоил — целого графства,
И королевства целого — рот!

ТОРГОВЕЦ
(снисходительно)

Что говорить, в старину народ...

СТАРУХА
(разгораясь, в пространство)

Стан перетянут, в атласе ляжки...
В страстных объятьях погиб, бедняжка!
(И, только сейчас расслышав слова Трактирщика)
Кофию? Пес с ним! Подашь вина.

ТРАКТИРЩИК

Лучшего?

СТАРУХА

А кружева! А кудри!
(Трактирщику)

Лучшее *нами* выпито, сударь.

ТОРГОВЕЦ

Темного пива!

СТАРУХА

Как неучтиво!
Пиво! — При дамах!

ОХОТНИК

Светлого пива!

ТРАКТИРЩИК
(Даме)

Чем госпоже услужу?

ДАМА

(вполоборота)

Коней
Он[1] на конюшню отвел?

ТРАКТИРЩИК

(угодливо)

Своей
Собственной, знающей толк, рукою:
Даже лягнул меня черный конь.
Чем госпоже услужу? Жаркое
Просит за повара.

ДАМА

Дров в огонь!

(Отворачивается к окну.)

Трактирщик выходит.

ТОРГОВЕЦ

Вот тебе раз!

ОХОТНИК

А на нас — ни взгляда!

ТОРГОВЕЦ

Мне и не надо: худа, как жердь,
Грудь — что стена крепостная. — Смерть
Как не люблю худобы и знати!

ОХОТНИК

Да, с герцогиней в одной кровати —
Странная честь!

ТОРГОВЕЦ

Да еще с худой!

Гогочут.

СТАРУХА

(вскипая)

Эх, кабы я была молодой,
Я бы вам, милые, показала!

ТОРГОВЕЦ

Райские прелести?

[1] Старинная немецкая форма обращения к слугам в 3-м лице *(примеч. М. Цветаевой).*

СТАРУХА

Нет. — На дверь.
Я бы вам показала, хамы,
Как говорить про цветок — про Даму!

ТОРГОВЕЦ

Вот те и бабушка!

ОХОТНИК

Сущий зверь!
(Возвращаясь к Даме.)
Плащ-то на нашей красотке знатный, —
Женкам такого ведь не сошьем!

ТОРГОВЕЦ

Плащ-то плащом, а узнать занятно —
Есть ли и женщина под плащом!
Каши с одним-то плащом не сваришь!

ОХОТНИК

А погляжу-ка: и впрямь тоща!

ТОРГОВЕЦ

Плащ без красавицы? — Нет, товарищ!
Выпьем за женщину без плаща!

Входит Трактирщик с вином и пивом.

ТРАКТИРЩИК

Верно — так верно! Бобровый ворот —
Скудная пища для губ и глаз!

ТОРГОВЕЦ

Выпьем за Вену, за добрый город
Розовых ангелов и колбас!

Чокаются пивом.

ТОРГОВЕЦ

Женушку и не в такой одену!

СТАРУХА
(созерцательно)

Нынче корова в плаще — не сон.

ТОРГОВЕЦ

За достоверность!

ОХОТНИК

За век!

ТРАКТИРЩИК

За Вену!

ТОРГОВЕЦ

За полнокровье!

ТРАКТИРЩИК

За наших жен!

ДАМА

(вполоборота, режуще)

Кажется, я принести велела
Дров?

ТРАКТИРЩИК

Не глухой небось, знаю — дров!
Не разжиреешь с таких делов.

ДАМА

Как?

(И, сообразив, бросает ему кошелек.)

ТРАКТИРЩИК

(ловя на лету)

Благодарствую. — Так-то лучше!
Много обязан. Целую ручки.

(Выходит.)

ТОРГОВЕЦ

А голосок-то — острей ножа!

ОХОТНИК

Знатная, видимо, госпожа:
Может — графиня,
Может — княгиня,
Может — инкогнито — герцогиня.

СТАРУХА

Эх, в старину
Мы герцогинями быть умели!
Так и примета у нас велась:
Чем снеговее, чем тоньше кожа —
Тем обращенье строже.

ТОРГОВЕЦ

Так и блюли себя, как монашки?

СТАРУХА

(упоенно)

Нет, — целовались всласть!
Вирши царапали на бумажке
Про роковую страсть.
То-то ливрей золотых в прихожей,
Да у крыльца карет!
Эх, и сейчас пронимает дрожью,
Даром что волос — сед!
Грудь в орденах — молодой — пригожий...

ТОРГОВЕЦ

Всё-то она про то же!

Занавес

2

Торговец и Охотник ушли. Трактирщик убирает со стола. Дама — по-прежнему — у окна. Старуха — по-прежнему — в кресле.

ТРАКТИРЩИК

Славные гости! Таких хвалю!
Знатно набили суму мою!
Чай, уж пятнадцатый видят сон, —
Бог сохрани их детей и жен!

СТАРУХА

Выпили, съели — и спят, как бревна!
Вот так пирушка под Новый год!

ТРАКТИРЩИК

Старый ли, Новый ли, — нам всё ро́вно,
Лишь бы наутро сошелся счет!

(Даме.)

Ласковой гостье постель готова!
До́ неба! Хоть на веревке лезь!
Ну, не постелька, а холм пуховый!

ДАМА

Благодарю, я останусь здесь.

ТРАКТИРЩИК

Вот не откушали — и не спится!
Птица, и та набивает зоб.
Чем на утробу свою скупиться —
Лучше уж прямо платить за гроб.
Кушайте, внуки, — велели деды,
Да запивайте исправней...

ДАМА

(подымая руку)

Едут!

ТРАКТИРЩИК

...Чтоб не застряла в гортани кость.

Слабый звон бубенчиков.

СТАРУХА

(Даме)

Едут!

ТРАКТИРЩИК

И впрямь — новогодний гость!

Старуха поднялась с кресла, шагом ожившего памятника прошла всю комнату и стала перед Дамой.

СТАРУХА

Боги! С кольцом обручальным — ручка!
Лучше бы мне увидать мозоль!
Сей диамант мне поднес Король.

(Торжественно.)

На королевское счастье, внучка!

(Сняла и надела.)

ДАМА

Благодарю... Смущена...

СТАРУХА

Дитя!
То, что Король подарил шутя,
В час, когда стража уснула в будке, —
Можно и *должно* принять как шутку.

(Обратно в кресло.)

ДАМА

Рядом звенят!

ТРАКТИРЩИК

Уж такой глупец:
Не выношу я чужих колец,
Шалых старух да дворянской дури...

Огромный взрыв метели. На пороге — Господин в занесенном снегом плаще.

ГОСПОДИН

(певуче)

Я, кажется, вношу сюда — всю бурю?

ТРАКТИРЩИК

Дóбро пожаловать, поздний гость!

ГОСПОДИН

Здравствуй, хозяин! Стакан вина!

ТРАКТИРЩИК

Этим харчевня моя славна!
Здесь новогодняя чтится гроздь.
Трезвый—хорош, а уж лучше—пьяный:
Всё тебе сразу: и жар, и прыть...

ГОСПОДИН
(глядя на Даму)

Если позволите—

(Трактирщику.)

— два стакана!

ДАМА
(как лед)

Благодарю, я не буду пить...

ГОСПОДИН
(чуть насмешливо)

Вы мне простите сей невольный промах:
Мой бедный ум ухабами разбит...

ДАМА

Мы незнакомы, сударь. Ни обид,
Ни извинений нет—от незнакомых.

ГОСПОДИН
(наклоняя голову)

Позвольте мне исправить: Князь Луны,
Ротонды кавалер—и Рыцарь Розы.

СТАРУХА
(как во сне)

Ах, хорошо в суровые морозы—
Про розу! Хорошо
Над гробом—про любовь.
(Полузакрывает глаза.)

ДАМА
(наклоняя голову)

Графиня Ланска.

ГОСПОДИН

Голубая кровь!

СТАРУХА

Чтó — голубая! Вот что — молодая!
(Господину)

Простите за досужий мой вопрос:
Куда? Откуда?

ГОСПОДИН

Вихрь меня принес,
Вихрь унесет.

Дама с его появлением перешла на низкую скамеечку, к огню.

ДАМА
(не поднимая головы)

Играете в загадки?

ТРАКТИРЩИК
(с бутылкой)

Хоть нет у вас сегодня недостатка
В прекрасных дамах, сударь, — дамы сей
Присутствие вам, верно, будет сладко.
Гоните грусть — и пейте без остатку!
И закусить бы, кажется, не грех...

ГОСПОДИН

Вот кошелек, чтоб говорил короче...

ТРАКТИРЩИК

— Так с Новым годом всех — и доброй ночи!

Господин и Дама. — Дама на скамеечке, все, что она говорит, — снизу. Отделенный от нее поворотом стола, на конце стенной скамейки — Господин. Все, что он говорит, — сверху. Оба не сняли плащей.
Старуха в кресле недвижна.

ДАМА
(постукивая снизу по граненому стакану)

Хрусталь Богемии...

ГОСПОДИН

Глядеть — как сталь.
А разбивается.

ДАМА

На то и тонок.

ГОСПОДИН

Откуда эта горечь? Вы — ребенок!

ДАМА

Я не ребенок.

ГОСПОДИН

Замок родовой
На вьюжные леса покинуть ныне —
Способны лишь ребенок — и герой.

ДАМА

Я не герой.

ГОСПОДИН

Вы лучше, — Героиня!

ДАМА

День всюду бел, а ночь — везде черна.
Я замужем — и я верна.

ГОСПОДИН
(глубоко-серьезно)

Не сомневаюсь. Верность — панцирь Рода.
Герб — что броня заковывает грудь.

ДАМА

Моя броня — Любовь, и с нею в путь
Любой пущусь — во всякую погоду!

ГОСПОДИН
(любуясь)

Как застоявшийся арабский конь!
И в простоте своей — змеи премудрей!
— Посторонитесь! Обожжете кудри!

ДАМА

Не беспокойтесь! Я сама — огонь.

ГОСПОДИН
(задумчиво)

Огонь и лед... А всё ж следы забот!
На вашем лобике, Огонь и Лед!
И губ углы опущенные эти...

ДАМА

Сижу и думаю: зачем на свете ветер?
Зачем ему сейчас лететь и дуть?

ГОСПОДИН

Чтоб те, что были дома, вышли в путь
Другим — таким же странникам — навстречу.
Чтоб то, что длилось вечер, — длилось вечность.

ДАМА

Вы говорите, точно ветер в грудь
Ударил и потом усталой птицей
Тихонечко свернулся на груди...

ГОСПОДИН

Чтоб то, что нам казалось впереди,
Назад ушло за тысячную вёрсту...
Чтоб то, что там, за тысячной верстой,
Вдруг верстовым столбом пред нами встало...

(Глядя на неподвижную Старуху)

Чтоб то, что *было* розой, — отцветало,

(глядя на Даму, нежно)

Чтоб то, что *будет* розой...

ДАМА

(медленно, точно с трудом припоминая)

Гул реки,
И черный плащ... И ледяные струи...

ГОСПОДИН

(тихонечко беря ее руки и оставляя их в своих)

Чтоб где-то — в полночь — глядя в угольки,
Держал за обе маленьких руки
Графиню Ланску — Князь Луны, чужой — чужую.

ДАМА

Нет, не чужую!

ГОСПОДИН

Деточка, скажи —
Зачем не дома в этот час ненастный?

ДАМА

(в упор)

Ни вам, ни мне сейчас не надо лжи:
Я замужем, — но я несчастна!

ГОСПОДИН

(чуть улыбаясь)

Очаровательное «но»... — Давно?

ДАМА

(с нарастающим жаром)

Сегодня утром, распахнув окно,
Где гневным ангелом металась вьюга...
Вы будете смеяться, — всё равно!
Я поняла — что не люблю супруга!
Мне захотелось в путь — туда — в метель...

ГОСПОДИН

(как рассказывают сказку)

И вот графиня, отослав в постель
Докучную служанку, — лоб горячий
К прохладным орденам прижав в последний раз...
В атласных туфельках — как тень — смеясь
и плача...

ДАМА

(в упор)

Князь, разрешите мне одну задачу:
Где и когда уже встречала вас?

ГОСПОДИН

(продолжая)

...В мужском плаще — царицею опальной —
В бешеную метель — из вьюги бальной!

Молчание.

Вся Ложь звала тебя назад,
Вся Вьюга за тебя боролась.

ДАМА

(как во сне)

Я где-то видела ваш взгляд,
Я где-то слышала ваш голос...

Первый удар полночи.

ГОСПОДИН

Колокол бьет! Новый год!
Старый назад не придет.
Он колокольным ударом
В гроб заколочен сосновый.
Гроб опускается, — с Новым
Годом и счастием старым!

(Наливает вино.)

За возвращенье вечных звезд!
За вьюжный танец!

ДАМА

За поздних странников мой тост!

ГОСПОДИН

(с расстановкой)

За ранних странниц!

Большое молчание.

ДАМА

Князь! Это сон – или грех?

ГОСПОДИН

Бедный испуганный птенчик!

ДАМА

(совсем как ребенок)

Первая я – раньше всех!
Ваш услыхала бубенчик.

(Соскальзывает со скамейки на пол – головка на его груди – плачет.)

ГОСПОДИН

(положив ей обе руки на голову)

Так же – головкой к плечу...
Так же над бездною темной
Плащ наклонился к плащу...
– Юная женщина, вспомни!

Крылья слетались на пир,
И расставались в лазури
Двое, низринутых в мир
Тою же бешеной бурей.

И потому – раньше всех –
Мой бубенец издалече...
Это не сон и не грех,
Это – последняя встреча.

(Тихонечко освободившись от нее, встает. Вздымая голову – кому-то.)

Освободи! Укрепи!
Дай ей Свободу и Силу!
– Юная женщина, спи!

ДАМА

(как бы сквозь сон)

Сплю.

ГОСПОДИН

И не помни!

ДАМА

(чуть слышно)

Забыла...

Молчание.

Дама, опустив голову на руки, на коленях перед скамьей – недвижна

ГОСПОДИН

И будет плыть в пустыне графских комнат
Высокая Луна...

(Глядя на нее, спящую, настойчиво и нежно.)

Ты женщина, ты ничего не помнишь...
Не помнишь!.. Не должна...

(Идет к выходу. Остановившись в дверях.)

Страннице — сон.
Страннику — путь.
Помни. — Забудь.

(Выходит.)

В комнате — сон. Звон безвозвратно удаляющихся бубенцов.

16 — 25 декабря 1918

ФОРТУНА

Пьеса в пяти картинах,
в стихах

ЛИЦА

АРМАН-ЛУИ ГРАФ БИРОН-ГОНТО, ГЕРЦОГ ЛОЗЭН, белокурый, сэвр. В 1-й картине вне возраста, ибо в колыбели, во 2-й — 17 лет, в 3-й — 28 лет, в 4-й — 29 лет, в 5-й, придерживаясь буквы закона, — 46 лет. Но Лозэн не придерживался буквы закона.

ГОСПОЖА ФОРТУНА, во образе маркизы де Помпадур — возраст Фортуны.

МАРКИЗА Д'ЭСПАРБЭС, 23 года.

КНЯГИНЯ ИЗАБЭЛЛА ЧАРТОРИЙСКАЯ, 30 лет.

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА, королева французов, 20 лет.

КЛЭРЭТТА, служанка 17 лет.

РОЗАНЭТТА, дочка привратника, 16 лет.

НЯНЮШКА, в 1-й картине — 60 лет, в 3-й — 88 лет.

ДВОРЕЦКИЙ, старик.

ПАЛАЧ, во цвете лет.

Au Dieu — mon âme
Mon corps — au Roi,
Mon coeur — aux Dames,
L'honneur — pour moi[1].
Старинный девиз

КАРТИНА ПЕРВАЯ

РОГ ИЗОБИЛИЯ

Ce fut dons à la cour et pour
ainsi dire sur les genoux de la
maîtresse du Roi que se passèrent,
les premières années de mon enfance...
Duc de Lauzun. Mémoires[2]

Встреча происходит 13 апреля 1747 года, в Париже, в отеле графов Биронов-Гонто.

Графская детская. Ранний возраст. Свечи. В кружевном облаке колыбели покоится новорожденный граф Арман-Луи Бирон-Гонто, *будущий герцог Лозэн. У бельевого шкафчика* Нянюшка *и* Дворецкий *беседуют.*

ДВОРЕЦКИЙ

Как наша графиня?

НЯНЮШКА

Слаба, — судьба.

ДВОРЕЦКИЙ

А маленький графчик наш?

НЯНЮШКА

Графчик — спит.
Сыт и спит, — и такой красавчик!
Ну хоть сейчас под стекло — и в шкафчик!
Ангел!

ДВОРЕЦКИЙ

А сам?

---

[1] Господу — мою душу,
Тело мое — королю,
Сердце — прекрасным дамам,
Честь — себе самому *(фр.)*.

[2] Таким образом, годы моего раннего детства прошли при дворе, можно сказать, — на коленях возлюбленной короля.
Герцог Лозэн. Мемуары (фр.).

НЯНЮШКА

Не сболтни при ком!
Вижу я это — бочком, бочком —
С требником, — даром что нам неровня!
В черную дверку...

ДВОРЕЦКИЙ

Никак в часовню?

НЯНЮШКА

И о сю пору там.

ДВОРЕЦКИЙ

Ну, дела!

НЯНЮШКА

А как в уборной его мела,
Под шифоньеркою — царь небесный! —
Весь-то в клочочках — парик воскресный!
Еле опомнилась.

ДВОРЕЦКИЙ

Знать, любил,
Коли парик из-за них сгубил.
Жалко графинюшку.

НЯНЮШКА

Сущий ангел!
Ни о каком-то там ихнем ранге
Сроду не знала, — шалит, поет,
Старою мамой меня зовет.
«С первым сынком вас», — я ей намедни,
«С первым-то графа, меня — с последним».
И зарыдала. Потом меня
Пальчиком манит: «Ему коня,
Няня, купи, да из жести шпагу.
Да ни на шаг от него! Ни шагу!
Вырасти верного мне слугу.
Господу Богу и королю».

(Глядя на ребенка.)

Даже и сонный смеется! Живчик!
Ангельчик! В маму пошел! Счастливчик!
Ротик-то! Носик-то! — Весь с кулак!
Так бы и съела тебя! Уж как
С ней мы мечтали об этом сыне!
Всех-то невест...

Входит Слуга.

СЛУГА

Отошла графиня.

ДВОРЕЦКИЙ

Царствие божье!

(Выходит.)

НЯНЮШКА

Венец. Конец.

(Плача.)

Я ж снаряжала их под венец!
Солнышко! Боженька! Ангел кроткий!

(Над колыбелью.)

Вот мы с тобою, сынок, сиротки.
Спи, богоданный сыночек мой!
Я побаюкаю, — не впервой...

(Поет.)

Люлька вправо,
Люлька влево.
А у нас с короной — метки.
Будем мы, как наши предки,
С королем ходить на приступ,
И на бал — с королевой.
— Люлька вправо,
Люлька влево. —

С королем — на охоту,
С королевой — на ужин.
А кому мальчик нужен?
— Люлька вправо,
Люлька влево. —
Королевам он нужен,
Королям, королевам.

Даст ему королева
С бел-груди своей розу.
«Вспомяни мою розу».
— Люлька вправо,
Люлька влево. —
«Как настанет час грозный
Королям, королевам...»
Люлька вправо — и влево,
Люлька вправо — и влево...

(Засыпает, во сне роняет чепец.)

Влетает шелковым розовым вихрем Фортуна, *во образе маркизы де Помпадур.*

ФОРТУНА

Все спят, одна в ночи спешит
Моя крылатая стопа.
Как райские врата – мой взгляд,
А говорят, что я слепа.

(Наклоняясь над колыбелью.)

Здравствуй, дитя!
Царствуй, дитя!

Нянька спит, мамка спит,
Мать лежит, не дыша.
Но Фортуна пришла, –
Будешь цел, будешь сыт!

По кустам – терновника
Смело беги – босым!
Ты Фортуны сын
И любовник.

Розовой пылью
Глазки тебе засыплю,
Розовой цепью
Ножки тебе опутаю...

(Подымает над головой рог изобилия.)

Рог изобилия – взвейся!
Лейтесь рдяным потоком
Розы в сию колыбель.

(Колыбель скрывается под розами. Ловя на лету прекраснейшую, последнюю – и грозя ей пальчиком.)

Роза, роза,
Спрячь занозу!
Мальчик, бойся
Тронной розы!
Роза – кровь,
Роза – плен,
Роза – рок непреклонный!
Рви все розы, но тронной
Розы – бойся, Лозэн!

Может стать
В страшный час
Роза – смертною ризой...

(К нянюшке, которая только что проснулась и еще не понимает, в чем дело.)

Что, няня, выспались?

НЯНЮШКА

(всплескивая руками)

Святой Исус! Маркиза
Де Помпадур! А я-то без чепца!

(Торопливо надевает чепец.)

МАРКИЗА ДЕ ПОМПАДУР

Пока вы спали, вашего птенца
Я побаюкала...

НЯНЮШКА

(со вздохом)

Скончалась наша мама.

МАРКИЗА ДЕ ПОМПАДУР

Да, знаю, знаю, потому и прямо
Сюда прошла, минуя смерть —

(Указывает на колыбель.)

На жизнь
Полюбоваться. Будущее наше
Что будет — здравствуй! Что прошло — прости!

(Наклоняется над колыбелью.)

Прекрасное дитя! Дай Бог расти
Вам и цвести — златого утра краше!
Прощайте, нянюшка!

НЯНЮШКА

А хлеб и соль?
А на покойницу взглянуть?

МАРКИЗА ДЕ ПОМПАДУР

На слезы?
Нет, не охотница — и ждет король.
Ах, я рассыпала все розы!

(Нянюшке.)

Несчастному вдовцу и всем родным
Мой вздох и соболезнованья...

(Целуя ребенка в лоб.)

Тебе ж Фортуны поцелуй — и с ним
Страшнейший из даров — очарованье!

Первый луч зари.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Vous avez beaucoup d'avantages pour plaire aux femmes; profitez en pour leur plaire et soyez convaincu que la perte d'une peut toujours être réparée par une autre.

Duc de Lauzun. Mémoires[1]

Очаровательный розовый будуар XVIII века. На туалете, у овального зеркала с амурами и голубками, шкатулки, флаконы, пудреницы, баночки румян. На полу, прислоненная к розовой кушетке, гитара с розовыми лентами. Розы на потолке, розы на ковре, розы — гроздьями — в вазах, розы — гирляндами — на стенах, розы — везде, розы — повсюду. Сплошная роза. — На столике два бокала шампанского, в одном — недопитом — роза. Вечер. Горят свечи. Маркиза д'Эспарбэс и герцог Лозэн играют в шахматы.

МАРКИЗА Д'ЭСПАРБЭС

(двигая коня)

Из рая в рай, из плена в плен...
Цепь розовых измен, Лозэн!

Что при дворе сегодня? Нет новинок?
Еще не изменил король?
До ре ми фа... ре ми фа соль...

(Опрокидывает шахматную доску.)

Мне шахматный наскучил поединок!
Хочу другого! — Только не с тобой!
Что за противник, если над губой
Еще ни разу не гуляла бритва!
С тобою хорошо протяжный вой
Гобоя слушать, и шептать молитвы,
И в шахматы играть, и шоколад
Пить из одной и той же чашки...

ЛОЗЭН

Вы шутите?

МАРКИЗА Д'ЭСПАРБЭС

Давно не веселят
Меня ни куклы, ни барашки!

---

[1] У вас множество данных, чтобы нравиться женщинам: нравьтесь же им и будьте убеждены, что потерю одной из них вам всегда возместит другая.

Герцог Лозэн. Мемуары (фр.).

ЛОЗЭН

(вставая)

Отставка?

МАРКИЗА Д'ЭСПАРБЭС

Не кусайте губ!

ЛОЗЭН

Я жизнь свою поставил ставкой!

МАРКИЗА Д'ЭСПАРБЭС

Растешь, растешь — и так же глуп!
При чем тут жизнь, раз вся любовь — вопрос
В удачный час, без лишних просьб
Умно отколотой булавки.

ЛОЗЭН

Я заменен?

МАРКИЗА Д'ЭСПАРБЭС

Светлейший граф Бирон!
Бирон — не просто — де Гонто и герцог
Лозэн — не просто — а моя Любовь
Вчерашняя: губ не кусайте в кровь
И коготочков не вонзайте в сердце!

(Подымая пальчик.)

Не может без шипов — шиповник,
Любовь не может — без измен.
Незаменимы как кузен,
Но заменимы — как любовник!
— Заменены! —

ЛОЗЭН

(хватаясь за голову)

Что ж! Умереть!

МАРКИЗА Д'ЭСПАРБЭС

Не смейте! Будете жалеть!
Блистательно — открыть карьеру
Самой маркизой д'Эспарбэс!
Вы — чудо!

ЛОЗЭН

Не хочу чудес!
Я призову его к барьеру!
Один из нас умрет!

(Как тигр мечется по комнате.)

МАРКИЗА Д'ЭСПАРБЭС
(ловя его за полу разлетающегося камзола и притягивая к себе)

Твой рот —
Не рот — сплошное целованье!
Взор — как у кровного коня!
Но выслушайте, не кляня:
Вы слишком юны для меня, —
Вам бабушка нужна — и няня!

ЛОЗЭН

Кто — он?

МАРКИЗА Д'ЭСПАРБЭС

Зачем?

ЛОЗЭН

Кондэ?

МАРКИЗА Д'ЭСПАРБЭС

Тщета имен!
Какие имена в вопросах кожи?
Плачь, коли глуп, и смейся — коль умен...
Любовник дорог, но Любовь — дороже!
Как ты хорош!..

ЛОЗЭН
(наклоняясь над ней)

Ах, хорошо бы нож
Вам в грудь вонзить — и слушать ваши стоны
У самых уст...

МАРКИЗА Д'ЭСПАРБЭС

В который раз дивлюсь
Убожеству мужского лексикона!
Какое нищенство! Люблю, убью —
Убью — люблю... Нет, *наш* словарь — богаче!
Взойду, взгляну и побежду... Взгляну —
И не возьму...

ЛОЗЭН

Маркиза, я заплáчу!

МАРКИЗА Д'ЭСПАРБЭС

Возьму и не отдам... Отдам и вновь
В горсть соберу, миг подержу — и брошу...
— Хорош словарь? — Не плачь, моя Любовь!
Вот мой совет тебе: садись на лошадь,
Мчи во весь дух, пусть ветр береговой
Кудри и сердце выветрит от пыли
Пудры и памяти...

ЛОЗЭН

(бросаясь на колени, пряча голову, плача)

А все ж я твой,
И все ж — когда-то — вы меня — любили!

МАРКИЗА Д'ЭСПАРБЭС

Еще вчера! — Вольно же вам добра
Ждать от причуды!

ЛОЗЭН

В сердце штопор ввинчен!

МАРКИЗА Д'ЭСПАРБЭС

(играя его волосами)

— Игра!

ЛОЗЭН

А завтра?

МАРКИЗА Д'ЭСПАРБЭС

Новая игра!
Нет никакого завтра, — только нынче!

ЛОЗЭН

Как завтра утром я проснусь?

МАРКИЗА Д'ЭСПАРБЭС

В слезах.
А день спустя — смеясь. Пока мы юны —
Всё — хорошо, всё — пустота, всё — взмах
Слепого колеса Фортуны!
— Прощай!

ЛОЗЭН

Навек?

МАРКИЗА Д'ЭСПАРБЭС

Опять свое?! — «Навек» —
Нет в женском словаре.

(Заглядывая ему в глаза.)

Как знать, как скоро
Две этих головы, ушедших в снег
Одной подушки — озарит Аврора?
И будем пить с тобою шоколад
Из той же чашки... И опять мой пальчик
Тебе нашепчет на ушко...

(Шепчет ему, смеясь, что-то на ухо.)

ЛОЗЭН

Вернись назад!

МАРКИЗА Д'ЭСПАРБЭС

Все безвозвратно, милый мальчик!
(Окунает розу в бокал шампанского и кропит ею волосы Лозэна.)

Шампанского златою пеной
Шальную голову кроплю,
Чтобы забыл «убью, люблю»,
Чтобы *смеясь* склонял колена,
Чтоб вечно вылетал из плена,
Как маленькое божество.
Чтобы Елена — за него,
Не он сражался — за Елену!
Чтобы взыграв, как эта пена,
Как пена таял, чтоб взамен:
Ложь, любопытство, нежность, лесть, измена —
Мы просто говорили бы: Лозэн.

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

ПОЗДНИЙ ГОСТЬ

Je sens derniers soupirs sur des lèvres qui brûlent encore de tes premiers baisers.

Duc de Lauzun. Mémoires[1]

Спальня княгини Чарторийской в Пованском, близ Варшавы. Темный, мрачный покой. Горит ночник. Топится печка. На ночном столике — бутылки с микстурой, стакан воды, в нем белая роза. В кресле — как прелестное привидение — тридцатилетняя княгиня Изабэлла Чарторийская. *Рядом, держа в руках ложку и стакан, —* Нянюшка Лозэна.

НЯНЮШКА

Ну, вот и выпили! Теперь волшебник сон
К нам подойдет на бархатных подошвах.
— Кто здесь не спит? — Княгинюшка не спит!
Добро пожаловать к княгине Изабэлле!
И ляжет сон, как Палатинский принц,
К сиятельным ногам, и волчьей шубой
Укроет ножки нам. А я свечу
Пойду в часовенке зажгу...

---

[1] Я чувствую последние свои вздохи на устах, еще горящих от твоих первых поцелуев

Герцог Лозэн. Мемуары (фр.)

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

Нянюшка, душно!

НЯНЮШКА

За дальнего дружка...

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

Няня, не жить!

НЯНЮШКА

Кому не жить? А что намедни нам
Лекарь сказал? Умен, даром что нехристь! —
Коль будем мы исправно, каждый час
Лекарствьице глотать да ровно в восемь
Под полог отходить, но чур — без сна,
Кручинясь, не лежать, но чур — не думать!
А главное: не плакать! До ста раз
Все повторял: не плакать!..

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ
(равнодушно)

Я не плачу,
Я просто умираю.

НЯНЮШКА

Коли пить
Побольше молочка мы будем — в санки
К Новому году нас светлейший князь
Адам посадит — hue dada![1] — со звоном —
Стрелой — в Варшаву — к королю — на бал!

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

Не в санках — на руках лакеев черных,
Не к королю на бал — в фамильный склеп.
— Что сын?

НЯНЮШКА

Уснул.

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

Не плакал?

НЯНЮШКА

Ни, голубка!
Под голову ручонки и цветет
Себе как розан.

[1] Но, лошадка! *(фр.)*

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

На земле — две силы
Меня еще удерживают: сын
И солнце. Смерть придет, как черный ворон,
В полночный черный час. — Дай мне ларец,
Где письма... Впрочем, нет... Нет, лучше, няня,
Мне карты разложи... Нет, лучше спой
Мне песенку... Нет, лучше расскажи мне —

(совсем другим голосом)

Как маленьким он был, как ел, как спал,
Как платье рвал, как под постель за киской...
Как выпустил на волю голубка...
Все, няня, все: от первого зубка —
До первой розовой записки!
Он был шалун?

НЯНЮШКА
(гордясь и наслаждаясь)

Ох, да еще какой!
Затейник — не найдешь другого!
Луне: достань, цыган: пляши, лошадка: стой...
Все, все ему по нраву — лишь бы ново!

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

Во что же он играл?

НЯНЮШКА

Брал города,
Красавиц похищал... Зато капризник!
А уж подружек обожал!

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ
(улыбаясь)

Уже тогда?

НЯНЮШКА

А уж игрушки им ломал!..

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

Как нынче — жизни...
— Горячий?

НЯНЮШКА

Ох! — Чуть что — и звон подков!
Как вихрь — и роза на кокарде!
Недаром мы с двенадцати годков
Начальник королевских гвардий.

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

А ласковый?

НЯНЮШКА

Как шелк! Но миг — и в гнев,
Дрожит как лист — и горлом кровь. — То голубь сизый
И серафим, — то разъяренный лев,
Прозвали госпожа маркиза
Де Помпадур его: Амур и Марс.
Все книжку в розовой гирлянде
Вдвоем учили. Что-то помню: Ars...
Грамматика, должно быть...

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

«Ars amandi»[1].
— Он был ее чтецом?

НЯНЮШКА

Чтецом, птенцом,
Котенком, солнышком...

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

Ох нет, довольно!
Спой, няня, песню мне.

НЯНЮШКА

Изволь. О чем?

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

Чтоб было и занятно — и не больно!

НЯНЮШКА

(на полу у печки поет)

Первый снег следы засыпал,
Вран терзает кость.
Уголек из печки выпал:
Значит — поздний гость.

Что не в пору печку топит
Бабка-воркотня?
Это поздний гость торопит
Доброго коня.

Нам трубач с трубой не нужен,
Не труби, трубач!
Это страсть на поздний ужин
Поспевает вскачь.

[1] «Искусство любви» *(ит.)*.

Отчего в сановном замке
Смех и гром сердец?
Отчего на княжьей мамке
В семь рядов чепец?

Это чей над колыбелью
Черный плащ согбе́н?
— Это к пани Изабэлле
Поздний гость...

Двери настежь. Через комнату — в вьюжном дорожном взметенном плаще — вихрем.

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ
(криком всего существа)

Лозэн!!!

ЛОЗЭН
(уже у ног ее — отрывисто)

Тысячу верст галоп!
Вскачь — на огонь в оконце!
Думал — умру!

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ
(отстраняя)

В лоб.
В губы нельзя.
(Приподымает его, ставит перед собой и, прикрывая глаза рукой, с улыбкой.)
— Солнце. —

ЛОЗЭН

Я бы ползком приполз!..
Сердце мое! — Пани!

НЯНЮШКА

А на меня глазком
Так и не взглянешь?

ЛОЗЭН
(кидаясь к ней)

Няня!!!

НЯНЯ
(любуясь)

Ровно речной камыш!
Где камыши — там сырость...

(Вытирает глаза фартуком.)

ЛОЗЭН
(Изабэлле)

Так широко глядишь.
Я изменился?

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ
(с улыбкой)

Вырос...

НЯНЯ
(всхлипывая)

Что-то в груди тесно́...
Час-то какой метельный...
(Выходит.)

ЛОЗЭН
(Изабэлле)

Я получил письмо.
Ты не больна?

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ
(все так же блаженно)

— Смертельно! —
Что? Краше в гроб кладут?
Десять недель горячка!
Все хорошо. Ты тут.
Не забывай:
(Кладя руку на сердце:)
— Полячка!

ЛОЗЭН

Что князь Репнин?

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

Простил.

ЛОЗЭН

А князь Адам?

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

И он простил, но у обоих — проседь.
Скитаются по дальним городам.
— А про сыночка и не спросишь?

ЛОЗЭН
(ударяя себя по голове)

Какая голова! — Сын! — Твой и мой!
Наш сын с тобой.

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

Как часто с ним в оконце
Глядели мы...

ЛОЗЭН

С курчавой головой?
Хороший? На меня похож?

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ
(блаженно)

Как солнце. –

ЛОЗЭН
(в упоении)

На приступ! Саблями блестя!
Сын и отец!

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ
(свое)

Не больше птички весит!

ЛОЗЭН

Смеется? Папа говорит?

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ
(непередаваемо)

Дитя!
Ему всего четвертый месяц!

ЛОЗЭН
(у ее ног)

А старшие? А мой любимец?

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

Те?
Тем я не мать, – ты не отец им!
Пусть Дева-Мать в бесстрастной чистоте
Стоит над их несчастным детством!
(Лихорадочно.)
Да я бы высушила их в песок,
Я б в снег зарыла их по шею:
Лишь только б знать, что станут на часок
Вот *эти* щеки розовее!
(Гладит Лозэна по лицу.)

ЛОЗЭН
(смущенно)

Мне страшно слушать...

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

Чудище, — не мать?
Что ж, загорюсь, как прошлая солома!
Не за горами — Суд!

(Наклоняясь к нему, который закрыл глаза.)

— Ты хочешь спать,
Мой маленький? Ах, ты не можешь знать,
Какая это боль и благодать
«Мой маленький» сказать такому вот большому.

(Молчание.)

Все в парк ходила по росе,
Все слушала в ночи подковы...
— Все женщины вас любят?

ЛОЗЭН

(невинно)

Все.
Не знаю, что во мне такого.

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

Я знаю, друг. Я ль не была тверда?!
Три короля удостоверят. — Чары! —
Гляди в глаза и начинай: когда,
Кого и где... Начнемте с леди Сарры.
Очаровательна?

ЛОЗЭН

(смущенно)

Не так, как вы, —
Причудница...

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

А та, что с петиметром
Тиссо дружила? А звезда с Невы?
Ох, не сносить вам буйной головы!

ЛОЗЭН

Откуда вы могли?..

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

Доносит ветром!
— Ох, я устала!

ЛОЗЭН

Сердце, отчего?

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

От счастья и от кашля...

(Берет из больничного стакана розу и протягивает ее ему.)

— Хочешь розу
Страны моей? —

Прости мне эти слезы,
Убожество мое и божество.
(Возлагая ему на голову руки.)
Радуги — розы, радуги — розы — короны —
Щедрым потоком на лоб и на локоны графа Бирона!
Рано иль поздно, но — будет тебе трон
Польши моей — на веселье, на страсть, на славу!
Трон — впереди!
— Так же, как в этой груди
Герцог Лозэн победил короля Станислава.
Теперь иди.

ЛОЗЭН

Уже?

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

Цветок отцвел.
Пусть в старом лексиконе мальчик юный
Прочтет. Арман-Луи Бирон-Гонто Лозэн. Он шел,
Куда вела его Фортуна.

ЛОЗЭН
(вставая)

Так польский трон?

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

Да, граф Бирон.

ЛОЗЭН

Доклад
Мы тотчас настрочим Екатерине.

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ
(опять отстранясь)

Нет, не целуй! Не надо! Не велят!
(С грустной иронией.)
Есть неприступные твердыни.
Когда-нибудь — лет через тридцать пять —
Поймешь —

ЛОЗЭН
(по-детски)

Ну, только раз! На счастье!

КНЯГИНЯ ЧАРТОРИЙСКАЯ

...Что стоило мне нынче не принять
Из уст твоих — последнего причастья.
А на каррарском мраморе — взамен
Орнаментов и прочего витийства —
Пусть будет так: «Ее любил Лозэн».
Не надо — Изабэллы Чарторийской.

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

ПЕРО И РОЗА

Vous êtes ma reine, la Reine de France!

Duc de Lauzun. Mémoires. Ch. IV[1]

Действие происходит в 1775 году — в блаженные времена, когда «все пастушки были прекрасны, а все пастухи говорили правду», — в одном из маленьких покоев Марии-Антуанэтты, в Трианоне.

Мария Антуанэтта, в комедийно-сельском наряде «La Reine Laitiere»[2]*, прикалывает перед зеркалом огромную алую розу. В некотором отдалении, чуть придерживая кончиками пальцев концы кружевного передника, в позе неоконченного реверанса — любимая служанка королевы — Клэрэтта. В окне цветущие каштаны. Вечерняя заря.*

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Клэрэтта!

КЛЭРЭТТА

Госпожа моя?

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Гляди!

Что видишь?

КЛЭРЭТТА

На прекраснейшей груди
Прекраснейшую розу, — кровь и мрамор.

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА
(смеясь)

О, далеко не мрамор! И не снег!
Есть на земле, Клэрэтта, человек,
В своем высокоумье столь упрямый
И столь ожесточенный недруг нег —
Чтоб этой розы не сорвать — так — прямо —
Губами?
Клэрэтта, у тебя любовник есть?

КЛЭРЭТТА

Был.

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Разлюбил тебя?

---

[1] Вы — моя королева, королева Франции!
Герцог Лозэн. Мемуары. Гл. IV (фр.).

[2] Королева-молочница *(фр.)*.

КЛЭРЭТТА

Я — разлюбила.

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Кому теперь сиятельная честь
Клэрэттой быть любимым?

КЛЭРЭТТА

Этот милый
Не знает, что мне мил...

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Кто он? Жако?
Жозеф? Жермэн? Ну, говори скорее!

КЛЭРЭТТА
(в смущении теребя передник)

Я называть его не смею...
Орлы летают высоко...

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Вот скромница! — А веселей назвать бы...
Ты позовешь меня на свадьбу?

КЛЭРЭТТА

Нет.

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Причина?

КЛЭРЭТТА

Свадебный букет
Он по цветочку раздарил до свадьбы.
— По лепесточку.

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА
(смеясь)

Вот головорез!

КЛЭРЭТТА

Ни ночки не ночует дома!

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Ну, мы его отучим от чудес!
— Клэрэтта! Ты не слышишь грома?

КЛЭРЭТТА

Нет.

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Роза не дрожит?

КЛЭРЭТТА

Нет.

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

(указывая на розу)

Кто на вид
Прекрасней?

КЛЭРЭТТА

Сравнивать излишне!

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

(берясь за сердце)

Какая тишь! А здесь в груди гремит,
Что кажется — в самом Шенбрунне слышно!
(Клэрэтте.)
Так и не скажешь — кто? Жозеф? Жермэн?
Ну, проберем же мы его!

На пороге открытой двери — в полной гусарской форме — с каской в руке — незаметно подошедший — Лозэн!..
С самой секунды его появления Клэрэтта окаменевает в явном — как дважды два четыре — восторге.

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Как вы бледны! Что с вами?

ЛОЗЭН

(беря себя за лоб)

Все не сплю, —
Бессонница!

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Бездельник, я вам рада —
Как Солнцу! — Вы боялись — королю?

ЛОЗЭН

Я?

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Вы сегодня паинька, — хвалю:
Сегодня вы впервые — без доклада!
Садитесь — вот сюда — зачем на стул?
(Указывает ему на край кушетки, Лозэн продолжает стоять.)
— Как аглицкий жокей? — Садитесь рядом! —
Как новый конь?

ЛОЗЭН

Боюсь, что обманул:
Впервые без доклада — но с докладом.
(Вынимает из груди вчетверо сложенный лист.)

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

(с не совсем шутливой досадой)

Доклад! От ваших докладных
Записок — бедный мозг мой высох
С горошину. — Когда ж иных,
Лозэн, от вас дождусь записок?
— Шучу!

(Протягивая руку.)

О чем?

ЛОЗЭН

(подавая лист, оживленно)

Вопрос со всех сторон
Рассмотрен и решен в отличном виде:
Граф Д'Артуа — на польский трон...

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Чем Станислав вам плох?
— Клэрэтта, выйди.

Клэрэтта, так и не оторвавшись взглядом от Лозэна, присев, выходит.

ЛОЗЭН

(горячо)

Чем Станислав нам плох? Спит Станислав,
Ваше величество, как кот на троне!

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Я не величество, а вы — не граф.
Мы добрые друзья — и в Трианоне.

Антуанэтта я, а вы — Арман,
Шальная голова — Лозэн — добыча
Беспутных Чарторийских! — Пуст карман,
Так надо браться за величье!
— Оставьте! —

ЛОЗЭН

Как угодно.

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

(раздраженно)

Пить вино
И вихрь крутить — вот все, что графу надо!
Но пурпур королей — не домино!
Граф Д'Артуа хорош для маскарада,
Для котильона... С ним прелестно бал
Открыть... Играть во власть трудней, чем в фанты!..

(Поднимая глаза на Лозэна.)

Но есть один: без трона сочетал
Величье короля и прелесть франта.
Лозэн!

ЛОЗЭН

Внимаю.

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Вам угоден трон?

ЛОЗЭН
(просто)

Зачем?

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Очаровательно и тонко!
Зачем вам трон? И без того влюблен
В вас целый мир — и каждая девчонка!
Вы улыбнулись — добрый знак!
Враг не напрасно стрелы тратит!
До удивительности — как
Привычка быть прекрасным — красит!

ЛОЗЭН
(как взрыв)

Пороховою бочкою мятеж
Взорвется в Польше, вспыхнут все обиды...
Союз провижу —

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА
(мечтательно глядя в окно)

Вечер странно свеж...

ЛОЗЭН

Между Антуанэттою...

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

И?

ЛОЗЭН

— Меж
Антуанэттой — и Семирамидой!

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА
(коротко)

Екатерина вас звала?

ЛОЗЭН

Зовет.

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Двум госпожам служить опасно.
— Сколь счастлива она!

ЛОЗЭН

(свое)

Российский лед —
И роза Франции!

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

(закрывая лицо руками)

Сколь я несчастна!
— Куда?! — Зачем?! — К волкам?! — В изгнанье?! —
В снег?!
Вы опьянились ветром деревенским!

ЛОЗЭН

(ничего не видя и не слыша)

Я не Лозэн, коль не закончу век
Единовластьем женским и вселенским!
Взорвется мир, как склад пороховой,
И вот — над дымною руиной —
Я новый герб провижу мировой:
Орел! Орел с двойною головой
Антуанэтты и Екатерины!

Вселенской розы Кавалер.
Хочу, чтоб розой был увенчан
Розовый век...

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

(сухо)

Я не Вольтер:
Я не терплю ученых женщин!

(Наклонясь к Лозэновой гусарской каске, лежащей подле нее на стуле.)

А! Новое перо! — Вольтер, Дидро,
Вы видите, чем ум мой занят?
Я не Семирамида!

(Лозэну.)

Но перо
Вы подарите мне на память?

ЛОЗЭН

Я тронут и смущен... Простой султан
С гусарской каски...

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Я на первом танце
В нем появлюсь. — Прелестнейший эгрет! —
Лозэн! Лозэн! Семирамида — бред!
Лозэн! Лозэн! Лозэн! — Останьтесь!

Я говорила с королем.
Коль будет господом дарован нам наследник —
Мы воспитателем вас изберем.

ЛОЗЭН

Благодарю за честь, но дело...

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

В чем?

ЛОЗЭН

(смущенно улыбаясь)

Столь воспитатель я — сколь проповедник!

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

(почти умоляюще)

Так первым конюшим, — хотите? Всем,
Чем только захотите! — Может, с неба
Луну закажете? — Достанем!

ЛОЗЭН

(смущенно)

Нем
Я перед столькой щедростью...

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Без хлеба
Не может простолюдин, я — без вас.
Без вас мне сам Париж безлюден.
Вы сладость снов моих и радость глаз!
— Лозэн, я тоже простолюдин!

Не можно и не должно врозь!
Вас удержать — какое средство
Избрать?

ЛОЗЭН

Труднейшая из просьб
Мне грудь стеснила...

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Наконец-то!
— Просите.

ЛОЗЭН

Я не смею.

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Смей!

ЛОЗЭН

Тому виною век мой бурный
И языки придворных змей...
— Сие внимание к моей
Особе—свет толкует дурно.
И я, как верный раб...

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Мой друг!

ЛОЗЭН

Ваш—до последней капли крови...

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА
(вставая)

Лозэн! На пересуды слуг
Я только подымаю брови.
Вы видите мой лоб—он чист!
Кто чист—перед судом отважен.
Невинность—мой охранный лист.
Ревнителям замочных скважин
Один ответ я знаю—хлыст!
Лозэн! Вы рыцарь и гордец,—
Пусть их толкуют на здоровье!

ЛОЗЭН

А сколько преданных сердец
Уже сгубило суесловье?

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Лозэн! Что слышу? От кого?
Где ваша слава «Всех бесстрашней!»
Вас не загубят одного!
Мы рухнем, как двойная башня!

Меня загубят, вас сгубя.
— Лозэн!—У нас одна судьба!
Пусть целая вселенна—против!
Христовой кровию и плотью
Клянусь: та бездна, что тебя
Поглотит—и меня поглотит!

О низкий, недостойный род!

ЛОЗЭН

Во избежание заботы,
Вы... не умерите щедрот
Своих ко мне?

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Наоборот, —
Мы утысячерим щедроты!

ЛОЗЭН

Я попрошу еще...

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Уже
Исполнено, дитя. В чем дело?

ЛОЗЭН
(указывая на перо)

Боюсь, что королю не по душе
Придется мой сподвижник белый...
Боюсь, король...

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА
(раздраженно)

Как мир — старо!
Король! Король! — Иль вы забыли,
Что мне Лозэново перо
Дороже всех бурбонских лилий!

ЛОЗЭН

Так добр король...

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

За добрые дела,
Лозэн, не любят! Чуть из лесу —
Замки чинить! — Насмешка зла:
Я дщерью кесарей была,
Мне мужем оказался — слесарь!
— Что делать?

ЛОЗЭН

Жить без перемен.
Бог — властелин таких союзов.

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА
(вздохом всего существа)

Ох, если б знали вы, Лозэн,
Как скучен мне король французов!..

ЛОЗЭН

Еще бы я просил...

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

О чем?

ЛОЗЭН

Чтоб вы не ездили верхом,
Как мальчик... Чтобы слишком крупной
Тайком от короля игры
Не затевали б...

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Вы — миры
Просить могли бы. — Вы горды,
Вы королевски неподкупны!

(Лихорадочно и нежно.)

Лозэн! Лозэн! Я не добра,
Я в мире прослыла гордячкой,
Вам скоро уходить пора...
Взамен Лозэнова пера
Хотите — розу австриячки?
Я б сердце вам дала взамен, —
Но вы любовник всей вселенной.

Протягивает розу. Лозэн преклоняет колено. Королева склоняется к нему. Его голова на ее груди. — Секунда молчания. — Потом Лозэн встает.

ЛОЗЭН
(прижимая руку к сердцу)

Я до последних дней моих...

(С опущенными глазами отступает к выходу.)

МАРИЯ-АНТУАНЭТТА

Лозэн!

Лозэн подымает глаза.

Вы столь забывчивы, сколь незабвенны!

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

ПОСЛЕДНИЙ ПОЦЕЛУЙ

J'ai été infidèle à mon Dieu, à mon Ordre et à mon Roi. Je meurs plein de foi et de repentir.

Paroles du Duc de Lauzun sur l'échafaud[1]

Одиночная камера в тюрьме Сент-Пелажи, 1 января 1794 года, пять часов утра. Полная тьма. Из темноты голос и шаг Лозэна.

---

[1] Я изменил своему Богу, своему ордену, своему королю.
Я умираю, полный веры и раскаяния.
Слова герцога Лозэна на эшафоте (фр.).

ЛОЗЭН

Так-так-так-так. — Еще разочек в такт
Пройдемся — так-так-так. — Итак, товарищ
Год девяносто третий — с плеч долой!
А с ним и голова! — Так вам и надо,
Шальная голова, беспутный год,
Так вам и надо за тройную ложь
Свободы, Равенства и Братства!
Век до рассвета!
В стуже, без света —
Радости мало
В этом курятнике!

За дверью возня с ключом. Дверь открывается. На пороге — прелестная шестнадцатилетняя девочка. Розовое платьице, белая косынка. В высоко поднятой руке свеча в медном шандале.

ЛОЗЭН

Кто и откуда,
Милое чудо?

ДЕВОЧКА

Я — Розанэтта,
Дочка привратника.

ЛОЗЭН

Видно взаправду
В вашем переднике,
Дама Фортуна,
Розы — бесчисленны!
— Что тебе, крошка?

РОЗАНЭТТА

Болен привратник.
Я за последней
Волею прислана.

(Деловито и радостно.)

Может, письмо вам угодно оставить родным?
Может быть, локон угодно отрезать на память?
Все, что хотите — просите,
Такой уже день:
Все вам позволено нынче!

ЛОЗЭН

Руки замерзли писать,
Всей же моей головы
По одному волосочку — на память — не хватит!
Брр!.. Что за стужа!

РОЗАНЭТТА

Что же вам нужно?

ЛОЗЭН

Я закажу вам — утренний ужин!
Дюжину устриц и стакан вина!

РОЗАНЭТТА

Дюжину?

ЛОЗЭН

Устриц.

РОЗАНЭТТА

Их едят без вилки
И без ножа?

ЛОЗЭН
(любовно)

Всегда себе верна
Малютка Ева! — Да, дитя.

РОЗАНЭТТА

Вина
Я принесу вам целую бутылку!

ЛОЗЭН

И зеркало еще!

РОЗАНЭТТА

Ну-ну, дружок!

ЛОЗЭН

И новую свечу...

РОЗАНЭТТА

Уж скоро утро!

ЛОЗЭН

И щетку для волос...

РОЗАНЭТТА
(вынимая из волос гребешок)

Вот гребешок
Вам мой покамест.

ЛОЗЭН

И еще платок...

РОЗАНЭТТА

И что еще, дружок?

ЛОЗЭН

Немножко пудры...
Ну, все теперь. Прости, что задержал.

РОЗАНЭТТА

Я принесу Вам свежие манжеты. —
(Хлопая в ладоши.)
Вы будете красивым, как на бал!
До скорого свиданья!
(Бежит к двери.)

ЛОЗЭН

Розанэтта!

РОЗАНЭТТА

Что вам угодно, гражданин?

ЛОЗЭН

(чуть смущенно)

Не льстец
Я и не лжец, — я буду ждать вас страстно!
— Зачем ты раньше не пришла?

РОЗАНЭТТА

Отец
Мне не сказал, что вы такой прекрасный!

Слышно, как бегом бежит по коридору, потом — так же бегом — возвращается, — забыла запереть дверь на ключ. Лозэн улыбается.

ЛОЗЭН

Юные жены,
Юные девы,
Все вы — богини,
Все — королевы!

В юные лета
Разницы нету:
Антуанэтта —
Иль Розанэтта!

Так, в королевстве
Бога Амура
— Странное дело! —
Все — наизнанку:

Все поселянки
В нем — королевы,
Все королевы
В нем — поселянки...

Где-то бьет пять часов.

Ну-с, подведем итоги. Пять часов.
А ровно в шесть за мной придут, и будет
На Грэвской площади — всеславно, всенародно,
Перед лицом Парижа и вселенной
В лице Лозэна обезглавлен — Век.

Что скажем в назидание потомкам,
Лозэн — и Век?
Я не поклонник монологов. *Быть*
Сумел без слова. За меня на славу
Витийствовали шпага и глаза.

И все творенья славного Вольтера
Скуднее говорили сердцу женщин,
Чем мой безмолвный рот — одним смешком.
Да, не одна грядущей ночью скажет:
Сегодня в шесть утра — рукой Самсона —
С Лозэном обезглавлена — Любовь!

Да, много слез прольется этой ночью
Прекрасными очами... — Как любил
Я слезы юных жен! Сперва на дне
Темнейшем — ока, а потом у корня
И на краю ресниц, потом росой
Серебряной вдоль округленной щечки, —
Серебряным ручьем в долине роз!
О, соль слезы сцелованной!.. О частый
Повторный стук слезинок об атлас
Камзола... О последняя слеза,
— Уж туча пронеслась, уж всюду солнце, —
Нам на руку спадающая вдруг
Последним перлом...

(Глядит на свои руки.)

Неужели ж руки
И у меня потрескаются? — Черт
Побрал бы эту стужу! — Жаль вас, руки...
Да, господа аристократы, все
Простить могли бы вам друзья народа, —
Но ваших рук они вам не простят!

(Вскипая.)

И я, Лозэн, рукой, белей чем снег,
Я подымал за чернь бокал заздравный!
И я, Лозэн, вещал, что полноправны
Под солнцем — дворянин и дровосек!

Чем я рожден? — Усладой королев,
Опорой королей. — Цветком лилеи
Играл ребенком. — Что ж, мой юный лев,
За что умрешь сегодня? — За Вандею? —
— Нет, я останусь в Луврской галерее:

Против Вандеи генерал-аншеф.
Да, старый мир, мы на одном коне
Влетели в пропасть, и одной веревкой
Нам руки скрутят, и на сей стене
Нам приговор один—тебе и мне:
Что, взвешен быв, был найден слишком легким...

(Подымая голову к окну.)

А где-то голуби воркуют,
А где-то день хорош...
— Да, жалко голову такую
Под гильотинный нож!

(Потягивается.)

Хорошо б отложить
На годочек один...

РОЗАНЭТТА

(за дверью)

Господин гражданин,—
Помогите открыть!

(Входя.)

Благодарю вас. На окно—поднос.
Розу—на грудь...

(Вдевает ему в петличку розу и, постепенно разгружая передник.)

Вот пудреница, свечка,
Рукавчики... Вот щетка для волос...
Вот зеркало... В фартуке—ни местечка!
Мне розу в зубы взять пришлось.
— Что, хороша?

ЛОЗЭН

(нежно)

Нежней сего цветка
Лишь ротик твой!

РОЗАНЭТТА

(над розой)

Что это тут?

ЛОЗЭН

Росинка.

РОЗАНЭТТА

Вы плачете?—Ах, память коротка!
Забыла я платок! Взамен платка
Хотите, гражданин, косынку?

(Сняла и отдала Лозэну косынку. Остается с открытыми плечами так—в платьице. Садится на подоконник.)

Росинку снимем так...

(Сцеловывает слезу.)

— Еще свежей

Цветок, росой небесной по́лит!
Три вниз, три вверх, — бегом — шесть этажей!
Ох, голова кругом и сердце колет!

(Прижимает его руку к сердцу.)

Как бьется, — слышите? На целый дом!
Нет, так не слышно! Приложитесь ухом!
Нет, так, теснее... Ну?!

(Прижимает его голову к груди.)

ЛОЗЭН

(смеясь)

Гремит, как гром!

РОЗАНЭТТА

Шесть этажей единым духом!
— Забыла я спросить: как вас зовут?

ЛОЗЭН

Арман-Луи Бирон-Гонто Лозэн.

РОЗАНЭТТА

Как длинно!
За что ж, дружочек, осудил вас суд?

ЛОЗЭН

За это имя.

РОЗАНЭТТА

Их попутал шут!

(Соскакивает с подоконника.)

Давайте так: вы посидите тут,
А я пойду скажу, что главный — плут —
Судья у них...

ЛОЗЭН

А я?

РОЗАНЭТТА

А вы — невинны!

ЛОЗЭН

Напрасный труд, дитя.

РОЗАНЭТТА

Нет, я должна!
Я сей же час пойду!.. Иначе сердце
Грудь разорвет!

ЛОЗЭН
(любуясь)

Ну чем ты не княжна?

РОЗАНЭТТА
(смущенно)

Вы сами — князь?

ЛОЗЭН

Покамест — граф и герцог.

РОЗАНЭТТА

Как, оба сразу?

ЛОЗЭН

Да.

РОЗАНЭТТА

А мне никто
И не сказал...

ЛОЗЭН
(с улыбкой кладя себе руку на сердце)

Ну как, спокойно слева?
— Не слишком!

РОЗАНЭТТА
(наморщив лобик)

Значит, граф Бирон-Гонто,
Герцог Лозэн — так? — может быть, за то...
За то, что вас любила королева?

А как вас не любить? — И «гражданин»
К вам не идет. — Точь-в-точь как на картинке
В «Часах Амура» — королевский сын,
И станом, и лицом...
Опять росинка?
— Ох, целый дождь!
Я вам хочу помочь!
Всё горло прокричу! Меня с трибуны
Силком не стащат!

ЛОЗЭН

Где тут день, где ночь?
Республиканский вождь Лозэн — и дочь
Тюремщика... О, колесо Фортуны!

(Берет Розанэтту на колени, нежно.)

Дитя, оставь!
Дитя, не плачь!
Не знаем мы,
Где сон, где явь.

Чума Ума
Свела умы
С последнего ума.

Где здесь Восход?
И где — Закат?
Смерч мчит, — миры крутя!
Не только головы, дитя,
Дитя, — миры летят!

Кто подсудимый? Кто судья?
Кто здесь казнимый? Кто палач?
Где жизнь? Где смерть?
Где кровь? Где грязь?
Гдс вор? Где князь?

Где ты? Где я?
— Ах, легче дыму жизнь сия!
И потому, Любовь моя,
Не плачь, не плачь, не плачь!

Но двс нсзыблсмости ссть
Здесь, на земле измен...
Пускай умрет Бирон-Лозэн, —
Все ж розы будут цвесть!

И так же будет в битву несть
Героя — Род и Кровь...
Запомни, Розанэтта, здесь
Две вечности: Цветок и Честь,
Две: Доблесть и Любовь!

(Берет — жестом знатока и жонглера — устрицу.)

А устрицы едят — вот так!

РОЗАНЭТТА

Глотают, нс жуя?

ЛОЗЭН

(подавая ей устрицу)

Ну, раз, два, три... Дружнее! — В такт!
— Так! Браво!

РОЗАНЭТТА

Не пойму никак!
(Давится.)
Брр... Скользко!.. Как змея!

Уф! Отморозила язык!
И в горле — целый дом!

ЛОЗЭН

Ты не привыкла, — я привык.
(Наливая стакан.)
Залей скорей вином!
И спой мне песню «Птичка в сеть»,
Иль «В садике девица».
Умеешь?

РОЗАНЭТТА

Как тут не уметь!
Все женщины умеют петь!

ЛОЗЭН

Да, оттого, что птицы!

РОЗАНЭТТА

(напевает)

— Чуть просияли глазки ваши,
И стало в городе светло.
— Быть золотого солнца краше,
Дружочки, наше ремесло!

— Как будто розою запахло...
Не вы ль зевнули, красота?
— Чтоб эта роза не зачахла,
Вам должно снять ее с куста.

— Куда бежишь, моя добыча:
Ведь все равно нагонит волк!
— Чуть поломаться для приличья,
Дружочки, наш священный долг!

И, повинуясь сей привычке...
(Закрывает лицо руками. Сквозь слезы.)
Нет, не могу!

ЛОЗЭН

(отводя ей руки от лица)

Да что с тобою, птичка?

РОЗАНЭТТА

(всхлипывая)

Как погляжу на ваш прелестный рот...
Уже удерживалась я раз двадцать...
Всю душу жжет... Сегодня Новый год...
Я не хочу с тобою расставаться!

ЛОЗЭН

(подставляя голову)

А кто меня причешет?

РОЗАНЭТТА

(уже сияя)

Я!

ЛОЗЭН

А кто
Напудрит?

РОЗАНЭТТА

Я!
(Надевая ему кружевные манжеты.)
Сперва один рукавчик,
Потом другой... Не руки — молоко!
Атлас — не руки! Сразу видно — графчик!

Давайте так играть: я буду мать,
А вы мой сын прекраснокудрый.

ЛОЗЭН

Скорей, дитя! Рассвет идет, как тать!

РОЗАНЭТТА

(всецело поглощенная его кудрями)

Живое золото под пудрой!
(Держа один локон на отлете.)
Как круглый шелковый кокон!
Так прямо в руку мне и лег он...
Есть просьба у меня...

ЛОЗЭН

Закон —
Твоя мне просьба!

РОЗАНЭТТА

В медальон
Позвольте мне — на память — локон!
Хоть самый маленький!

ЛОЗЭН
(смеясь)

Хоть все!

РОЗАНЭТТА

Вас не царапает гребенка?
Какая нежность! Как во сне!
Как у трехлетнего ребенка!

(Расчесала, напудрила, протирает передником зеркало.)

Одну секундочку! – Стекло
Протру...

(Подставляет ему зеркало.)

Ну как?

ЛОЗЭН
(целуя ей руку)

Великолепно!

РОЗАНЭТТА
(хлопая в ладоши)

И стало в комнате светло,
Как будто солнышко взошло...

(Застилая глаза рукою – как некогда княгиня Чарторийская.)

Не смейте так сиять! – Ослепну!
— Вы не колдун?

ЛОЗЭН

Все может быть
— Нет, деточка, не мы колдуем...

РОЗАНЭТТА

Я родилась, чтоб вас любить!

ЛОЗЭН

Чем мне вас отблагодарить
За это утро?

РОЗАНЭТТА
(приподнимаясь на цыпочки)

Поцелуем.

(У него на груди.)

Я так рвалась к тебе на грудь!

ЛОЗЭН

Дай Бог, чтоб так же были любы
Твои уста кому-нибудь...

РОЗАНЭТТА

Я Солнце целовала в губы!

ЛОЗЭН

Цвети, цвети в родном кругу
Алее роз, белее лилий,
О, Розанэтта!

РОЗАНЭТТА

(плача)

Не могу
Чтоб эта голова — в снегу...
Я не могу, чтоб вас казнили!

ЛОЗЭН

(тихонько толкая ее к двери)

Будь умницей, иди!

РОЗАНЭТТА

(упираясь)

Не слезть
Мне с лестницы! — По крайней мере...

ЛОЗЭН

Дитя! Сейчас ударит шесть!

РОЗАНЭТТА

...Меня проводите до двери?

Лозэн — галантно и нежно — словно выполняя какое-то па менуэта — ведет Розанэтту к выходу. — Поцелуй. Розанэтта уже за дверью.

ЛОЗЭН

Скорей!

РОЗАНЭТТА

(за дверью)

Сейчас я выну ключ!
Прижмитесь к скважине!

ЛОЗЭН

(у скважины)

Все ухо
Засунул.

Звук поцелуя.

ГОЛОС РОЗАНЭТТЫ

Слышите?

ЛОЗЭН

(с грустной улыбкой)

Не жгуч
Последний поцелуй Фортуны!

Топот убегающих каблучков.

(Наливая вино.)

За нашу встречу, доктор Гильотэн!

Шесть часов. Тяжелый шаг. Звон ключа. В дверях—рослый малый с листом в руке.

ПАЛАЧ

(спотыкаясь на каждом слове)

Здесь гражданин Арман-Луи Бирон-Гонто Лозэн?

ЛОЗЭН

(вставая)

Здесь!

(Наливая остаток вина в стакан.)

Выпей, парень. Для работы черной
Стакан вина хорош.

ПАЛАЧ

(пьет и отставляет стакан)

Слуга покорный.
— Ну-с, гражданин Арман-Луи Бирон-Гонто Лозэн!

ЛОЗЭН

К вашим услугам, друг.

(И—вознося над головой розу.)

Vive la Reine![1]

Занавес

Москва, 5 – 24 февраля

[1] Да здравствует королева! *(фр.)*

КАМЕННЫЙ АНГЕЛ

Пьеса в шести картинах,
в стихах

— Сонечке Голлидэй —
Женщине — Актрисе — Цветку — Героине

Оттого и плачу много,
Оттого —
Что взлюбила больше Бога
Милых ангелов его.

— МЦ.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АНГЕЛ, настоящий, германский, грустный.
АМУР, охотник — красавец — mauvais sujet[1] — француз по духу, 18 лет.
ВЕНЕРА (она же мать Вероника), во 2-й картине — старая колдунья, в 4-й — торжественная настоятельница, в 6-й — почтенная сводня.
АВРОРА — невинное дитя, две белокурых косы.
ВДОВА
СЛУЖАНКА
БОГАТАЯ НЕВЕСТА
ВЕСЕЛАЯ ДЕВИЦА
ТОРГОВКА ЯБЛОКАМИ
(ВДОВА, СЛУЖАНКА, БОГАТАЯ НЕВЕСТА, ВЕСЕЛАЯ ДЕВИЦА, ТОРГОВКА ЯБЛОКАМИ) — настоящие, как Бог велел.
ГЕРЦОГИНЯ, красавица, 20 лет.
БОГОМАТЕРЬ, в звездном плаще.
[МОНАШКА]
[ЕВРЕЙ]

[1] Ветрогон *(фр.)*.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

КОЛОДЕЦ СВ. АНГЕЛА

Германия XVI века. Прирейнский городок. Круглая площадка. Посередине колодец со статуей св. Ангела. — Вечерняя заря. — Колокола. — К колодцу подходит тридцатилетняя Вдова, из простых, в черном, опускается на колени.

ВДОВА

Ангел небесный! Священный страж
Города нашего!
Вот уже год, как скончался мой бедный муж.
— Бог упокой страдальца!

А детей у меня — шесть душ!
Ангел, ангел святой, сжалься!
Не могу я руки сидеть сложа —
Я не знатная госпожа!

Только знатным можно — за милым в гроб.
О часовенный пол студить,
Только знатным можно — за милым в гроб.
Я — швея, и мне надо шить!

Чем за платье сесть — на погост иду.
Ох, дурная любовь указчица!
Каково, пресветлый, в таком году
Третью — счетом — терять заказчицу?

Чуть глаза закрою — всё он, всё он —
И не помнишь, чем руки заняты!
Ниспошли мне, ангел, душевный сон,
Исцели от любовной памяти!

(Снимает с руки два обручальных кольца.)

Два кольца бросаю в дар!
Мужнее и вдовье.
Исцели любовный дар
Чистою водою.

Чтобы мне, восстав из мглы
Сновидений темных,
Кроме нитки да иглы —
Ничего не помнить!

(Бросает кольца. Зачерпывает ковшом воды. Пьет. Крестится. Уходит.)

Вдове на смену — шестнадцатилетняя Служанка, хорошенькая, румяная, заплаканная, в настоящей Bauerntracht[1] *того века.*

[1] Крестьянская одежда *(нем).*

СЛУЖАНКА

Мой век — горшки да утюги,
Кастрюли да лоханки.
Пресветлый ангел, помоги:
Я — бедная служанка!

Я всем и каждому — раба,
Весь день душа трясется.
Простой служанке — не судьба
Прекрасный сын господский!

Лишь смерть одна равняет лбы.
Любовь — дурная сваха!
Ах, у меня равно — грубы
И руки и рубаха.

Страшнее всех загробных зол —
Когда сверкнут под дубом
Его лазоревый камзол
И розовые губы.

Он мне колечко дал — сапфир —
Тайком от графских дочек.
— «Ты мне дороже всех графинь,
Мой полевой цветочек!»

Пресветлый ангел, остуди
Мне грудь водою райской! —
Чтоб умер у меня в груди
Прекрасный сын хозяйский!

(Бросает колечко. Зачерпывает ковшом воды. Пьет. Плачет. Уходит.)
Ей на смену — разряженная, дородная, похожая на огромную куклу на колесах — Богатая невеста.

БОГАТАЯ НЕВЕСТА

Я — богатая невеста:
Жемчуга, луга.
Мне повсюду честь и место,
Мне весь свет — слуга.

Белый голубь в клетке белой,
Цвел у липы — лист.
Ах, на горе — полюбился
Мне бедняк-флейтист.

Брызжут слезы, как из лейки,
На худой жакет.
Ничего-то, кроме флейты,
За душою нет.

Каково по всем трущобам
В флейту дуть — три дня, —
Чтобы перстеньком грошовым
Одарить меня?

Сам бурмистр за свахой сваху
Шлет и шлет к отцу.
Знаю, знаю, что — не сахар
С голышом к венцу!

Остуди мой разум чистой
Ключевой водой,
Чтобы вытеснил флейтиста —
Бургомистр седой.

(Бросает кольцо. Зачерпывает ковшом воды. Пьет. Крестится — юбка вокруг как золотой огромный колокол. — Уходит.)

Ей на смену — молодая — как восковая святая — Монашка.

МОНАШКА

(опускаясь на колени)

Прохожу, опустив глаза.
Мне любить никого нельзя.
А ресницы мои длинны,
— Говорят, что они как стрелы!
Но в том нету моей вины:
Это Бог их такими сделал!

Я ресницами не хвалюсь.
Все молюсь, все молюсь, молюсь.

Ангел праведный! Ум мой прост.
Но сегодня, в исповедальне,
Он сказал мне: — «Мрачна, как пост!
Бог не любит, когда печальны...
Можно душу спасать, шутя...
— Подыми-ка глаза, дитя!»

Божий ангел! Возьми венец,
Он нетронут и свеж покамест...
Оттого что колечка — нет
У меня от него на память!

(Бросает венок. Зачерпывает ковшом воды. Пьет. Уходит.)

Ей на смену — завернутая в большой черный платок — Веселая девица. Накрашена по брови. Худа. Стройна. Благородна.

ВЕСЕЛАЯ ДЕВИЦА

(целуя землю)

Пресветлый ангел! Я твоя раба,
Пресветлый ангел, речь моя груба,
Румянец груб, и голос груб, и смех.
Но ты ведь ангел — и вода для всех...

Как в воду канул: плакала, звала...
Я только ночку с ним одну спала!

Пресветлый ангел, ты меня прости:
Три дюжины колец в моей горсти.
Христа продам, отца и мать продам, —
Но я его колечка не отдам!

И черт с твоей водой, — какой в ней толк!
Какой ты ангел, — каменный ты столб!

(Швыряет кольца ему в голову — от движения платок падает — открывая прекрасное, глубоко вырезанное платье. Плюет в колодец, уходит. Уходя, поет.)

Я — веселая девица,
Если ж часто плачу —
Как воде не литься,
Ре́кам не струиться!

Я не мастер, не художник, —
Если ж губы крашу, —
Знать краса моя природная
Вся как есть сцелована!

Я у матушки в утробе
Песни пела, билась,
Чтоб на волю отпустили.
Родилась — влюби-илась.

(Последние слова за сценой.)

Ей на смену — Торговка яблоками, через руку большая корзина с яблоками, — сама как прошлогоднее залежалое яблоко.

ТОРГОВКА ЯБЛОКАМИ

Яблоки! Яблоки!
Ру-мяные яблоки!

Был у старой яблони
Сын, румяный яблочек.

Праздник воскресный,
Ангел небесный.

Я его волосиков
Кольцо — в воду бросила.
Из тваво колодца я
Напилася до́пьяну.

И никак не вспомню,
Старая я дура,
Какой был он: темный —
Али белокурый...

Люди делом заняты,
Мое дело кончено.
Возврати для памяти
Волос его кольчико.

Чтоб предстал хоть в сне туманном
Мне мой ангельчик!
— Кому яблочек румяных,
Кому яблочек!

(Вставая с колен, опрокидывает всю корзину — частью в колодец, частью на камень площади. Подбирает уцелевшие яблоки все до одного — плачет — уходит.)
Некоторое время площадь пуста. Потом — издалека — звонкий, легкий, счастливый шаг. — Аврора. Восемнадцать лет. — Белокурые косы. Лицо затмевает одежду, глаза — лицо.

АВРОРА
(высоко закинув голову)

Здравствуй, ангел!
Это — я.
Как дела?
Много — из низу — ковшей?
Вниз — колец?

Я к тебе не за водой,
Не с бедой.
Доброй ночи пожелать
Я пришла.

(Вскакивает на край колодца — Ангел — огромный, она — маленькая, — становится на цыпочки, обвивает Ангела за шею руками, целует, куда достает губ⟨ами⟩.)

Доброй ночи пожелать
И сказать,
Что сегодня, на вечерней заре,
От дверей моих ни с чем — поплелся́
Восемнадцатый — по счету — жених!

(Смеется.)

Знатный! — В перьях до земли! — Здесь — звезда.
Гость из Франции — к курфюрсту. В слезах
Он колено преклонил. Я ж, смеясь,
Уверяла, что жених мой — знатней.

(Откинувшись назад — руки у Ангела на плечах — глядит на Ангела.)

— Так же скромен, так же слеп,
Так же глух.
Что ж не скажешь мне, жених,
Что мне рад?

Целый город уж трубит
— Тру-ту-ту! —
Что невеста я тебе —
В небесах!

Весь колодец осушу —
Не забыть!
А колечко если брошу —
Всплывет!

Оттого что я тебя
Одного
До скончания вселенной —
Люблю!

(Прячется ему под крыло. Потом, снимая с руки кольцо.)

Вот на руку тебе колечко,
Серебряное, как слеза.
Когда колечко почернеет —
Ко мне на выручку спеши.

Лети, пока не сломишь крыльев,
А сломишь — так иди пешком.
А если ж мертвою застанешь,
Знай, я была тебе верна.

(Надевает ему на руку кольцо, целует руку.)

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Мрачная лачуга. На черноте стен и лохмотьев красный блеск очага. На полу — в виде смрадной, бородатой старой колдуньи — над чугуном — Венера. Полночь. Ветер.

ВЕНЕРА

Нечего сказать! Хороши времена!
Каждая дура — мужу верна!
Я ль не колдую, я ль не варю, —
Каждая девка идет к алтарю.

Городом правят
Плут с дураком:
Ангел наш в паре
С чертом-попом.

Чуть с молодцо́м
Скрутишь деви́цу —
Выпьет водицы, —
Дело с концом.

Та — в монастырь, та — законным браком, —
Ну тебя, чертова жизнь, — к собакам!
Эх, уж давно бы легла под снег,
Каб не Венерин мой вечный век!

(Мешает в чугуне, бормочет.)

Варю-варю зелье
Женкам на веселье,
Юнцам — на занозу,
А мужьям — на слезы.
Чтоб горою — брюхо
Стало у монашки,
Чтоб во сне старуха
Вдруг вздохнула тяжко,
Чтоб к обедне ранней
Шли Чума с Холерой, —
Чтобы помнил Ангел
Старую Венеру!

Так-то, мой цветик
Райских долин!

Сильный удар в ставню.

— Кто это — ветер?

АМУР

(вспрыгивая в окно)

— Нет, Ваш ветреный сын!

Амуру восемнадцать лет. Золотые кудри. Одет как охотник. Лук и стрелы. Очарование mauvais sujet[1] *и красавчика. Несмотря на белокурость, всем — каждым движением — француз. В настоящую минуту он как женщина, которую не пустили на бал, и как ребенок, которому не дали конфеты.*

ВЕНЕРА

(приваливая к огню ком лохмотьев)

Здравствуй, сыночек, садись, будь гостем.
Горд, как петух.
Зол, как индюк.

АМУР

(выворачивая карманы)

Проигрался в кости —
В пух.

ВЕНЕРА

А с охотою как дела?

АМУР

Тоже ни к черту, — одна стрела.
Все поистратил: не жалят, гнутся…

ВЕНЕРА

Будет тебе, голубчик, дуться:
Новые завтра закажем.

[1] См. перевод на с. 422.

АМУР

Вы,
Матушка, нынче умней совы
В полдень. — «Закажем!» — У черта в пасти! —
Помер на прошлой неделе мастер
Конрад — и тайну с землею съел.

(Дразнится.)

Чудная пара! — Амур без стрел
И — без зубов — с бородой — Венера!

(Заносит ногу на подоконник.)

Доброго здравья!

ВЕНЕРА
(удерживая его)

Куда?

АМУР

В пещеру,
Скрыть от людей свой несносный стыд.

(Как взрыв.)

Чертово дело: стрела свистит...
Девки, как мышки, сидят в хоромах...

ВЕНЕРА

Ну-ка?

АМУР

Тринадцатый кряду промах!
Вот и стреляй в нее!

ВЕНЕРА

Кто ж она?

АМУР

— Дура! — В посмешище влюблена,
В мертвую куклу. — Глаза в тумане. —
Только и слышно, что: ангел, ангел!

ВЕНЕРА

Каменный Ангел!

АМУР

Ну да. — Кольцо
Нынче одела ему. — Крыльцо
Ломится под женихами, где там!
То нездоровится, то раздета,
То за молитвою... — Стыд и смех!
Ангел ей нужен — и к черту всех!

(Вскипая.)

К черту—по шее—меня—Амура!

ВЕНЕРА

Не горячись, голубок. Аллюры
Эти в часочек исчезнут.

АМУР

Как?

ВЕНЕРА

(притягивая Амура рядом с собой, на кучу лохмотьев)

Каменный Ангел—мой лютый враг.
Милостью этой дурацкой куклы
Очи с кулак у меня распухли,
И отощали карманы—с блин.

(Постепенно приходя в ярость.)

Ты погляди-ка: с холмов, с долин
Денно и нощно,—пешком—в портшезах,
В смрадных лохмотьях—в алмазах звездных—
С четками—харю раскрасив—смесь
Девок, монахинь, служанок—весь
Женский народ неразумный этот:
Матери—вдовы—ханжи—в каретах—
Цугом—верхами—ползком—толпой—
К каменной кукле на водопой!
— «Дай позабыть его кудри, очи!»
— «Дай позабыть, как в былые ночи
Мы с ним по́д липой сидели...»—«Дай
Мне позабыть этот рай и май!»—
— «Дай позабыть, как в стальных доспехах
Мимо окна моего проехал!»—
— «Как причащал меня в Пасху!»—«Как
В розовом капоре, на руках,
В храм его божий носила...»—«Песню
Дай позабыть...»—И в колодец—перстни
Градом!—Мозоли—с кулак—на лбах.
Я же, сыночек мой...

АМУР

(хладнокровно)

На бобах,—
Ясно.

ВЕНЕРА

(хныкая)

Поганый мой век старуший!
Что наколдую, то он разрушит!
Варишь, мешаешь,—напрасный труд!
Где там!—И даром уж не берут.

АМУР

(над чугуном)

Память любовная?

ВЕНЕРА

Да, поди ты!
Чисто: ни спросу, сынок, ни сбыту.
А вспомяну-ка, в былые дни...

АМУР

Ладно. Достаточно болтовни.
— Матушка, мне, чтоб не слечь в горячке,
Нужно одно: окрутить гордячку,
Разом, чтоб солнышко за рекой
Сесть не успело...

ВЕНЕРА

(отвратительно оживляясь)

Влюблен?

АМУР

Какой!
Крепкою стройкой гордится плотник,
Полной сумой за плечом — охотник.
Сумка как блин за плечом — жалка.
— Просто затронута честь стрелка.
Как от стены отлетают стрелы!

ВЕНЕРА

Поговорили, сынок, за дело.

(Вытаскивает из груды лохмотьев монашескую рясу.)

— Что это?

АМУР

Для черта — саван.

ВЕНЕРА

Нет, монашеская ряса.
— Это? —

(Раскачивает перед ним четки.)

АМУР

Их перебирают
Девки, обо мне мечтая.

ВЕНЕРА

Четки.

(Показывает крест.)

АМУР

А какой жидюге
Под заклад снесла на Пасху
Эта — как ее? — Кристина,
Чтобы было в чем под липой
Танцевать со мной...

ВЕНЕРА

Крестильный
Крест.

АМУР

Припомнил.

ВЕНЕРА

Это?

(Подает ему сандалии.)

АМУР

Это
На ногах носил Меркурий.
— Почему без крыльев?

ВЕНЕРА

Крылья,
Милый, сношены. Остались
Лишь дырявые подошвы
С ремешками. В облаченье
Сем торжественном предстанешь
Ей в ночи́ и скажешь: «Ангел
Я твой каменный — и было
Мне веленье, чтоб немедля
Я любви твоей великой
Ради, в монастырь священный
— Женихом на пир венчальный —
Проводил тебя, невеста».

(Хихикает.)

Монастырь — мой за́мок. Я же
Настоятельницей черной
Встречу белую овечку.
Понял?

АМУР

— Матушка! — Богиня! —

ВЕНЕРА

Поучтивей с ней доро́гой
Будь: про смерть тверди, про звезды,
Про невинные забавы
Праведников в кущах райских.
Да за девственность — корону
Не забудь!

АМУР

А целоваться?

ВЕНЕРА
(строго)

В лоб — и то лишь раз.

АМУР

А в губки?

ВЕНЕРА

Нет.

АМУР

А в шейку?

ВЕНЕРА

Фу, бесстыдник!
Успокойся: что́ дорогой
С ней пропустишь, — той же ночью
Наверстаем в нашем замке.
А теперь иди. — Покончить
Надо с варевом мне этим,
Где из роз, огня и крови
Пойло варится любовной
Пытки — памяти любовной.
. . . .
Гостью потчевать при входе
В нашу скромную обитель.
Доброй ночи!

АМУР

А червонец,
Чтоб за кружкою рейнвейна
Встретить солнце?

ВЕНЕРА
(вынимая из чулка золотой)

Нá, проказник.

АМУР

(вкрадчиво)

А другой, чтоб отыграться?

ВЕНЕРА

(вынимая второй)

Вот он.

АМУР

Матушка, а третий,
Пресвятыя Тройцы ради,
Раз теперь я стал монахом?

ВЕНЕРА

(давая ему третий)

Нá — и с глаз долой!

АМУР

На славу!
Угостим теперь малюток:
Кэтхен, Грэтхен, Амальхен.
— Пресвятыя Тройцы ради! —
До свиданья!

(Выпрыгивает в окно.)

ВЕНЕРА

Завтра в полночь —
Помни!

Голос АМУРА

Коль не отъедят мне свиньи
Головы с ногами!

ВЕНЕРА

Дурень!
Ветрогон! — Болтун! — Красавчик!

(Наклоняется над чугуном, бормочет.)

Дрожит и кружится
Земля под пятами.
Любовная пытка,
Любовная память.

Кровавые распри
И страстные слёзы.
Кровь, пламя и розы,
Кровь, пламя и розы.

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

ОБОЛЬЩЕНИЕ

Blonde enfant qui deviendra femme,
Pauvre ange qui perdra son ciel.

Lamartine[1]

Девическая комната в зажиточном доме XVI века в Германии. Дубовые скамьи. Распятие. Статуя Богоматери с цветами. Прялка. Аврора *сидит на низенькой скамеечке. Перед ней старый торгаш* Еврей.

ЕВРЕЙ

А что вы скажете на этот жемчуг?
Скажу вам по секрету: он жиду
Достался из высоких рук, — сказал бы,
Из чьих, да вы, красавицы, болтать
Привыкли языком — как бы болтаться,
Высунувши язык, не привелось
За это бедному жиду...

АВРОРА
(на жемчуг)

Прекрасен,
Но, говорят, к слезам.

ЕВРЕЙ

Ой-ой-ой-ой!..
Старушьи россказни, чтобы красоткам
Красотками не быть! — А за один
За этот крест — взгляните на чеканку! —
Я — не был бы жидом — не пожелал
бы вечного блаженства...

АВРОРА

Как-то странно
Мне четки из твоих...

ЕВРЕЙ

Жидовских рук?
А разве перл уже не перл, раз в куче
Навозной — найден? Разве крест — не крест?
И золото — не золото? — И мало
У нас церквей, что ль, чтобы освятить?
Не думайте, не думайте, красотка!

---

[1] Белокурое дитя, которое станет женщиной,
Бедный ангел, который утратит свое небо.
Ламартин (фр.).

От долгих дум таких еще никто
Не хорошел — и все дурнеют. Жемчуг —
Красотке, счет — папаше. Так?

АВРОРА

К слезам,
Ну пусть к слезам!

ЕВРЕЙ

Вот это, внучка, дело
Сказали. Раз у девушки жених
Имеется — наверное, уж сотню —
— За слезку — поцелуев даст.

АВРОРА

Меня
Жених мой не целует.

ЕВРЕЙ

Это значит,
Что счастлив будет ваш супруг.

АВРОРА
(не слушая)

Еврей,
Ты стар, ты можешь мне ответить?..

ЕВРЕЙ

Можно, —
На все вопросы есть ответы...

(Шепотом.)

Книга
Такая есть у нас — Талмуд...

АВРОРА
(не слушая)

Еврсй,
Плоть — можст камнем стать, а камснь — плотью?

ЕВРЕЙ

Ой, девушка, зачем такая мысль
В хорошенькой головке? — Слишком мудрой
Женщине быть нельзя, — разлюбит муж.
Женщине надо шить, и малых деток
Растить, и мужа услаждать...

АВРОРА
(не слушач)

Еврсй!
Ты стар и мудр, вы всс мудры и стары,
Как мир, скажи мнс, старый.

ЕВРЕЙ

Ой, что за речи!

АВРОРА

Может,
Да или нет, седая борода,
Стать камень каменный — горячей плотью?

АМУР
(входя)

— Да! —

ЕВРЕЙ

Ой-ой-ой-ой-ой! Ваше преосвященство!
Не загубите бедного жида!
Клянусь вам честью, провались на месте
Я в чан крестильный, если я хоть миг
Здесь занимался куплей и продажей!

АМУР

А этот жемчуг?

ЕВРЕЙ

Так, ничтожный дар,
От нищеты — богатству, пса — владыке...

(Глядя на Аврору.)

— Взглянул на розу — червь.

АМУР
(беря счет)

А этот лист?

ЕВРЕЙ

Ваше преосвященство!

АМУР

Ладно, с Богом,
Ступай!

ЕВРЕЙ

А счетик?

АМУР
(сжигая)

Как огонь свечи
Его пожрал, смотри, старик, чтоб так же
Не поглотил тебя огонь костра
Святейшей инквизиции.

ЕВРЕЙ

Ой, горе!
Ой, горе мне!

АМУР
(Авроре)

Невеста, я пришел.

АВРОРА

Ангел!

АМУР

Аврора!

АВРОРА

Каменный мой ангел!
Так, значит, ты не камень! Значит, ты
Не слеп, не глух, и говорить умеешь,
И ходишь по земле... Постой, одна
Сандалия как будто развязалась,
Дай, завяжу...

(Становится на одно колено.)

О, как ты запылен!
Ты, человек, устал?

АМУР

Нет-нет, пустяк.
Вот пить — хочу.

АВРОРА

Ах, ангел, на беду
Нет у меня святой воды!

АМУР

Прискорбно.
Ну что ж, давай вина.

(Фыркает.)

— Святой воды!
— Побольше и покрепче! На дорогу!
Нам нужно силы подкрепить...

АВРОРА
(выбегая)

Сейчас!
Единым духом!

АМУР

Чудная девчонка!
Прекрасная девчонка! — И какой
Огонь в глазах! — А волосы! — А зубки!

(Напевает.)

Залетел в святую спаленку
Ангелок к девчонке маленькой.
— Традеди́-деди́-дера́...

Прековарный ангелочек!
Ангелок тот был — стрелочек...
Традеди́-деди́-дера́...

Целит в бледных и в румяных,
Целит в знатных и в служанок...
Традеди́-деди́-дера́...

Стрелы свищут, стрелы жалят,
Непокорных навзничь валят,
Традеди́-деди́-дера́...

Да, ни одна со мной не поскучала...

(Держа на ладони жемчуг.)

— Каков улов? — Недурно для начала!
Его потом перепродам жиду.
— Тому же самому.

Голос АВРОРЫ

Сейчас иду!

АМУР
(загребая четки)

Скорей в карман, пока никто не смотрит!
Я думаю, с того жидюги по три
Рейхсталера заломим за зерно!

АВРОРА
(входя)

Мой милый ангел, вот тебе вино.
Пей на здоровье.

АМУР
(галантно)

Цвета ваших губок.

(Пьет.)

Прекрасное вино и знатный кубок!

(Аврора наливает еще.)

— Дай поцелую рученьку твою!

АВРОРА
(которая села у ног его, на скамеечку)

Мне кажется, что я уже в раю!

(Целуя его руку с серебряным, гладким, похожим на то, ангельское, колечком.)

— Мое колечко!

АМУР

Губки дорогие!

АВРОРА
(вертя на его пальце кольцо)

А где же надпись «Иисус-Мария»?

АМУР
(высокопарно)

Сцелована ста тысячами уст!

АВРОРА

А как же твой колодец, ангел?

АМУР

Пуст.
Ночь глубока, не бойся, не заметят!

АВРОРА

Тебя святой молитвой должно встретить,
А я смеюсь...

АМУР
(галантно)

Цветок рожден, чтоб цвесть!

АВРОРА

За что, за что, скажи, такая честь
Мне, бедной девушке?..

АМУР
(как истый француз)

За ваши совершенства.

АВРОРА
(закрыв глаза)

Ох, все плывет!

АМУР

Вам дурно?

АВРОРА

От блаженства!

АМУР

(наливая)

Давайте выпьем! Будет путь — тяжел.
(Дурак! Совсем забыл, зачем пришел!)

(Встает. Сначала издеваясь, потом — искренне увлекаясь — декламирует.)

Послушайте, Аврора! Ночь тиха.
Вложите ручку в руку жениха.
Из мира первородного греха
Я уведу вас — ввысь.

Я нынче свыше получил приказ
Похитить лучший у князей алмаз:
Вас увести в полночный черный час
В святой господень — дом.
Дабы избавить вас от лживых дел
Змеи — Венеры и от жадных стрел
Лжеца-Амура, — дабы вечно бел
Остался лобик сей.

Амур с Венерой, отступите прочь!
Ко мне, невеста во Христе и дочь!
О, ангельская, свадебная ночь
Вон там, на той звезде!

(Жест к окну.)

В смиренной келье доцветет спокойно
Ваш нежный век...

АВРОРА

Нет-нет, я недостойна!
Я грешница! Я больше голубей
Своих любила, чем чужих людей!
Над женихами я смеялась, жалость
Гнала цимбалом!..

АМУР

(заглядывая ей в глаза)

Ну а целовалась
С красавчиками под большой луной?

АВРОРА

Нет, никогда, ты был всегда со мной.
И главный грех мой, нежный ангел милый, —
Что больше Бога я тебя любила!
Куда сильней, чем праведников всех!
Скажи мне, ангел, это страшный грех?

АМУР

(сурово)

Нет, это преступленье.

(В сторону.)

— На смех курам! —
— А как, скажи мне, с этим белокурым
Охотничком шальным у вас дела?

АВРОРА

Он мне не мил, а я ему мила.
Он очень глуп. Он вечно пьян.

АМУР

Наверное. Без просыпу.

АВРОРА

Порочен.
Хвастлив.

АМУР

Да, да.

АВРОРА

И очень скучен.

АМУР

Очень.

АВРОРА

Не ходит в церковь.

АМУР

Так.

АВРОРА

Плохой стрелок...

АМУР

(стукая кулаком по столу, кружки звенят)

Ложь, негодяйка!

АВРОРА

Правда, ангелок!
Ты не судья. — Что это ты?

АМУР

(задыхаясь)

Одышка.

АВРОРА

Да что тут долго говорить: мальчишка,
Молокосос, над верхнею губой
Ни волоса еще...

АМУР

Само собой.
— А все ж красавчик из себя, сознайся?

АВРОРА

Розовый с белым, как на Пасху—яйца.
Так,
. . . .

АМУР

А мать его?

АВРОРА

Ворожея,
Воровка, сводня,—старая змея,
Клянущая свой смрадный век старуший...

АМУР

Ты мастерски описываешь души
И лица, но не слишком ли строга?

АВРОРА

Я просто знаю друга и врага.

АМУР

(наливая вино, напевает)

Кто в чертову школу,
Кто в черную келью...

АВРОРА

Какой ты веселый!

АМУР

Бог любит веселье!

АВРОРА

Я думала—ангелы
Только грустят.

АМУР

Пустое, пустое!
Обман—для ребят,
Для баб, для монашек...
— А впрочем, ведь мать
Вероника нас ждет,—
Идем, мой барашек!
Прощайся с кроваткою детской своей—
В нее уж не ляжешь...

АВРОРА

Мне грустно...

АМУР

Скорей!
Прощайся, прощайся!

АВРОРА

Ах, пó сердцу — нож,

АМУР

Назад не вернешься! — Назад не вернешься!
— Готов ли твой дух к испытаниям?

АВРОРА
(жалобно)

Готов.
— А кто же накормит моих голубков?
Мне смутно, мне грустно...

АМУР

Ты в стаде — овца
Любимая будешь.

АВРОРА

А кто же отца
Слепого на завтрашний праздник сведет?

АМУР
(нетерпеливо)

Не нищий отец твой, — служанку наймет!

(Встает и берет со стола узорный ящичек.)

— Что в этой шкатулке?

АВРОРА
(равнодушно)

Так, — детский обман:
Цепочки, колечки...

АМУР

Давай-ка в карман!
— Вступительный дар твой в Обитель Любви.

АВРОРА
(с внезапным сомнением)

А где же огромные крылья твои?

АМУР

Гм... Крылья? — Под рясой...

АВРОРА
(так же)

Никак не пойму,—
Какой-то другой ты...

АМУР
(как гром с кафедры)

А помнишь Фому?

АВРОРА

Я знаю, сей день—величайший из дней,
Но все ж на колодце ты был...

АМУР

Ну?

АВРОРА
(с долго сдержанным вздохом)

— Родней.

. . . .
. . . .

АМУР

Ну ладно, идем,
Разберемся дорогой...
Держи меня за плечи:
(Пьян я, как черт!)
Три века стоял я,—
На ножках не тверд.

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗАМОК ВЕНЕРЫ

Монастырь—не монастырь, дворец—не дворец. И монастырь, и дворец. Статуя Венеры, наскоро преображенная в статую Богородицы. Несказанное обилие роз, золото, пурпур, яшма. Мраморная мозаика потолка и стен. Приятная загородная итальянская вилла какого-нибудь вельможи.

АМУР
(вводя за собой Аврору)

Да будет неизменный Май
Наградой за твое доверье...
Входи, невеста...

АВРОРА

(ослепленная)

Это — рай?

АМУР

Нет, деточка, — его преддверье!

АВРОРА

Как эти своды глубоки!
Как гулок — голос! — Сделай милость,
Скажи, здесь будут голубки,
Чтоб я любить не разучилась?

АМУР

(весело)

Не разучилась!! — Головой
Ручаюсь, что во всей вселенной
Нет лучше — школы.

АВРОРА

Голос твой
Сейчас как ветер переменный...
Глаза твои — как будто вниз
Лечу с какой-то страшной башни...
— Ох, я боюсь тебя!

АМУР

Проснись!
Гляди: вокруг порфир, и яшма,
И пурпур...

АВРОРА

Про какой-то грот
Я в детстве помню разговоры...

ВЕНЕРА

(в виде настоятельницы, входя)

Благословляю твой приход
В дом праведной любви, Аврора!

АМУР

(Авроре)

Мать Вероника! Преклони
Колена!

Аврора повинуется.

ВЕНЕРА

Как морская пена—
О скалы, разобьются дни—
О Вечность.—Распрями колена!
Встань!—В легком гуле голубиных стай
Там дни обманны, как валы морские.
— Пусть увядают дерева мирские!—
Не увядает монастырский Май!

(Амуру.)

— Отныне вся она—твоя,
Жених: и сном и вздохом каждым.

(Авроре.)

— Встань! Причастись из древних рук моих
Великой тайны Голода и Жажды.
— Пригубь.

(Автора, не вставая с колен, пьет.)

Дрожит и кружится
Земля под пятами.
Любовная пытка,
Любовная память.

Кровавые распри
И страстные слёзы...
— Кровь, пламя и розы,
Кровь, пламя и розы...

(Бросает чашу Авроре, указывая на Амура.)

К нему ты отныне
Гвоздем пригвожденная!

АМУР
(впервые—тот—древний Амур)

— Матерь!—Богиня!
Пеннорожденная!

(Припадает к ее руке.)

Музыка.

АВРОРА
(одним движением вставая с колен)

Ангел!—Что это за звуки?

АМУР

Это—ангельские лютни.

АВРОРА

Ангел, это не по струнам
Ударяют, а по жилам!

(Почти повелительно.)

— Что это за запах?

АМУР

Ладан.

АВРОРА

Не обманешь,—это розы!
Тысяча кустов цветущих!
Целые сады Востока!

Ангел! Что-то здесь неладно!
Кто-то здесь обманут!—Ангел!—
Грудь горит, как будто душу
Красным выжгли мне железом!
— Пить!!!

ВЕНЕРА
(единственный раз—за всю себя—человечески.)

Дитя, на эту жажду—
Нет воды.

АВРОРА

Вина!

ВЕНЕРА
(уже грозно)

На эту
Жажду—нет вина.

АВРОРА

Кромешный
Ад в груди моей!

(Кидаясь Амуру на грудь.)

— Дай губы!!!

(Поцелуй.)

Дверь настежь. Наверху лестницы—Ангел. Одежда как буря. Одно крыло сломано.

АНГЕЛ

О-ста-но-вись!
Этот вор—солгал!
Я как вихрь—мчал!
Я крыло—сломал!

АВРОРА
(в объятиях Амура)

Кто ты? Что тебе надо?

ВЕНЕРА

Прочь,
Райский идол! — Взгляни на чашу!

АНГЕЛ

Почернело кольцо, как ночь!
Эта юность — моя!

АМУР и ВЕНЕРА
(в один голос)

Наша!

АВРОРА
(издалека)

В сердце белый туман большой...
(Прижимаясь к Амуру, чуть тревожно.)
Я не знаю, чего он хочет?

АНГЕЛ

Я пришел за твоей душой!

АМУР

Этот идол тебя морочит.
— Чья ты, нежная кровь?

АВРОРА

Твоя.

АМУР
(Ангелу)

Слышишь? — Живо назад, маршем.

АВРОРА

У садовника — сыновья
Были в Кёльне... Не вы ли — старший?
Нет? Ошиблась?

АНГЕЛ

Аврора, спишь!..
Спишь, проснись!

ВЕНЕРА
(Амуру — на Ангела)

Какова фигура!

АНГЕЛ

Эта святость — Венера, ты ж
На груди самого Амура!

(Закрывает лицо руками.)

АВРОРА
(Амуру, блаженно)

Тебя зовут Амур?

АМУР
(во всем блеске и славе)

Зовут Амур.

АВРОРА
(прислушиваясь)

Как будто рокот голубиный...
Амур — Аврора... Гулли — гурри — гур...

(Ангелу.)

Ах, помню, помню... Под рябиной,
Под красной — в мужа и жену
Мы все играли... Я вздыхала.
Вы уезжали на войну,
А я платочком вам махала...
Нет? — Значит, я ошиблась вновь!

АМУР
(нетерпеливо)

Что ты нашла в таком уродце?

АВРОРА
(издалека)

Так, — про какую-то любовь
Сон — у какого-то колодца...

АНГЕЛ

Аврора! — Этот дом — обман.
Ты в логове Венеры темной.
Я каменный твой ангел!

АМУР
(Авроре)

Пьян!

АВРОРА

Мой ангел каменный! — Нс помню.

ВЕНЕРА

Бесстыдник ты!

АМУР

Так врать в лицо!

(Взбегает на лестницу и толкает Ангела в грудь.)

— Марш, проворонишь литургию!

АНГЕЛ

(перегибаясь через перила)

— Возьми назад свое кольцо
И помни: Иисус-Мария.

АВРОРА

Амур! — Амур! — Амур — Амур!

(Становится на цыпочки и протягивает Ангелу деньгу.)

Возьмите и идите с миром.

Рука не встретила руки. Денежка, звеня, покатилась.

АМУР

На ложе из звериных шкур,
Пресыщенные брачным пиром,
Возляжем...

АВРОРА

Целовать меня
Ты будешь в губы — в кудри — в очи!

АНГЕЛ

(на пороге)

Я буду ждать тебя три дня,
Я буду ждать тебя три ночи...

АМУР

(украдкой вынимая четки)

А жемчуг продадим жиду!

(С ложным пафосом.)

— Мать, распахни мои чертоги
Моей невесте!

ГОЛОС АНГЕЛА

Помни, жду
На камне, у большой дороги.

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

КОЛЬЦО

Логово Амура. Каменные стены пещеры, увешанные трофеями любовной и иной — охоты. Так, вперемежку: сердца, пронзенные стрелой, шкуры зверей, охотничьи ножи, флейты, — над входом, как родословное дерево — оленьи рога, — в углу страшная голова вепря — самострелы, от грубейшего до резного, игрушечного, перья никем не виданных птиц, маски и полумаски.

Каменная берлога Рока — и убиральная Красавицы. На полу, на медвежьей шкуре, в одежде придворного охотника, запрокинув руки за прекрасную, как солнце, голову, — спит Амур.

Входит Герцогиня. Двадцать лет. Темная красавица. Черная парчовая роба — колом — от позолоты.

ГЕРЦОГИНЯ

(упираясь кончиком пальца в грудь Амуру)

Охотник, спите?

АМУР

Герцогиня!
Вы здесь! — Одна! — В ночи! — Без свиты.

(Хочет встать, Герцогиня нежно и властно укладывает его на прежнее место.)

ГЕРЦОГИНЯ

А ты знаешь, что гордыне —
Одна услада: быть разбитой!
Что крепости мечта — быть взятой,
Что избранной мечта — быть сотой
По счету. — От весны двадцатой
Не охраняет сан высокий.

АМУР

Как герцог?

ГЕРЦОГИНЯ

До седьмого поту
Зевает, — но верны друг другу.
Вся разница: супруг — в охоту
Влюблен, в охотника — супруга!

Амур! Я вас люблю! — Несносна
Сама себе без вас. — В отлучке
Супруг!

(Лукаво.)

— А я у старой крестной
Ночую нынче...

(Смеется.)

АМУР
(уже окончательно войдя в роль)

Дайте ручку!

Голос АВРОРЫ

— Спи, сыночек,
Спи, сынок.
Спи, стрелочек,
Ангелочек,
Как челнок —
Твоя лежанка…

ГЕРЦОГИНЯ

Кто это поет?

АМУР

Служанка.

ГЕРЦОГИНЯ

Смазливенькая?

АМУР

Д-да… мила…
Мила… Верней сказать: была
Мила… Любовь не в меру — рубит
Как топором. — Не в меру любит.

ГЕРЦОГИНЯ

Кого баюкает?

АМУР

Сынка.

ГЕРЦОГИНЯ

Чьего?

АМУР

Немало у щенка
Отцов, но и щенят изрядно —
У каждого отца…

ГЕРЦОГИНЯ

— Наглядно.

Голос АВРОРЫ
(снова явственней)

…Спи, сыночск,
Спи, сынок!
Твой отец —
Лихой стрелок.

Мало в темных рощах — дичи,
Целый мир ему — добыча,
Насмерть ранит — сердца!
Будь добрее — отца!
Спи, сынок!
Сыночек, слушай!
Убивать живую душу
Нет греха — тяжелей!
Юных женщин — жалей!

Не бери ты лук и стрелы,
Вырастай ты — ангел белый,
И в блаженном раю
Вспомни матерь твою!..

ГЕРЦОГИНЯ

(вставая)

Ребята, тряпки, люльки, соски...
— Прекрасным радостям отцовским
Предоставляю вас.

АМУР

(капризно)

Куда?

ГЕРЦОГИНЯ

Прощай, Амур. Я не горда.
Но все ж, блюдя обычай предков...

АМУР

(уже влюбленно)

Богиня!

ГЕРЦОГИНЯ

...не приму объедков.
— Прощайте.

(Брезгливо обходит брошенную на полу розу.)

АМУР

Я до гроба — ваш!

ГЕРЦОГИНЯ

Прошла сиятельная блажь.

(У выхода.)

Прощайте.

АМУР

Герцогиня, поздно
Шутить!..

(Настигает ее, заключает в объятья.)

ГЕРЦОГИНЯ

Пусти!

АМУР

Не жить нам розно!
Смотрите! — я плохой шутник!
Послушайте, на краткий миг
Сокройте звездный лик...

(Открывает потайную дверку.)

ГЕРЦОГИНЯ
(полусмеясь)

Апостол!

АМУР

...за дверью сей!

ГЕРЦОГИНЯ
(уже спрятанная)

Считаю до ста.

АМУР

Ав-ро-ра!

Через некоторое время — явление Авроры. Дитя стало женщиной, счастливая — несчастной. — Тон прежней Авроры.

АВРОРА

Господин!..

АМУР
(с лицемерной ласковостью)

Опять
Не спишь, голубка.

АВРОРА

Милый, — мать
Такой бессонницей — за ночи
Другие платит. — Спит сыночек.

АМУР

Иди и ляг.

АВРОРА

...Как два крыла
Сложил ручонки. — Я спала —
Часочек.

АМУР
(взрывом)

Святость, бледность, милость, —
Как призрак! — Что ж тебе приснилось?

АВРОРА

Поломанное — как всегда —
Крыло — и темная вода.

АМУР
(развязно)

Аврора, нынче ж ночью
. . . .
Безделицу прошу на память.
Так — ленточку — кольцо на палец.
(Играет ее колечком.)
— Готовь мне жирного тельца!

АВРОРА

Но ты ведь знаешь, что кольца
Никак не снять мне!

АМУР

Мигом сдернем!
Давай-ка руку!

АВРОРА

Палец с корнем
Скорее вырвешь!

Амур работает над кольцом. Аврора кривится от боли.

АМУР

Ну-ка! Ух!
— Тень! — Привиденье! — Черный дух!
— Злодейка! — Ведьма!

АВРОРА

Милый! Милый!
Ты пахнешь кровью!

АМУР

Ты могилой
Пропахла!

АВРОРА

Ради всех святых
Разбудишь сына!

АМУР

Твой жених —
Сам Князь Полночный!

АВРОРА

Милый, сжалься!

АМУР

Уж знаем мы — с какого пальца
Такие кольца! — Кто — во мгле
Твой ангел об одном крыле!
— Вон!!!

(Топает ногами, — доигрался до настоящей ярости.)

АВРОРА

Сына пощади!

АМУР

Ублюдка?
В мешок — и в воду!

АВРОРА

Бог рассудка
Тебя лишил!

АМУР

Черт в люльке!

АВРОРА

Ложь!
На ангела похож!

АМУР

Похож —
На ангела?! — Вон! — Или с мосту —
Обоих!

ГЕРЦОГИНЯ

(за дверкой)

Досчитала до ста.
Прощайте!

АМУР

От влюбленных дур
Лоб заболел!

ГЕРЦОГИНЯ
(входя)

Амур!

АВРОРА
(уходя)

— Амур!..

Занавес

КАРТИНА ШЕСТАЯ

АНГЕЛЬСКИЙ БЛАГОВЕСТ

Колодец св. Ангела — без Ангела. Липы в цвету. Четыре часа дня. На каменном ободе колодца — Венера, в виде почтенной сводни. Черное платье, белый чепец, на груди толстая золотая цепь. Рядом с ней миска с едой. В руках чулок, который она, конечно, не вяжет.

ВЕНЕРА

Ох-ох-ох! — Грехи наши тяжкие!
У соседней вдовы три чашки я
Кофейку дарового выпила, —
А уж сахару сколько всыпала!

(Хнычет.)

Нет у матери сына-пахаря,
Все до нитки проели-пропили!
Не жалейте же чужого сахара!
Не жалейте же чужого кофия!

Зуб последний — и тот качается...
Плохо славная жизнь кончается!

Ох-ох-ох! Плохой доход —
Лысый лоб, да впалый рот,
Да в корявых пальцах — спицы!

Спицы, спицы, плясовицы,
Спицы, быстрые девицы!
Я б сама пустилась в пляс,
Каб по швам не разошлась!

Щеки дряблы, ноги слабы,
И всего одна услада:
Что колодец пересох,
Ангел каменный издох!

Молодцы́ — в собор — на бочке,
Под кусты — хвост в зубы — дочки,
Поп — и тот дружит с жидо́м,
Где ни плюнь — веселый до́м!

Каб не старость, ворона черная,
Все бы губы о губы стерла я
У кисейного, у окошечка...

Из-за группы лип показывается Аврора. Если в прежней картине она — тень, сейчас она — привидение. — Но прелестное! — На руках спящий ребенок в тряпках.

АВРОРА

Ты не дашь ли мне, бабка, ковшичка?

ВЕНЕРА

Чтой-то больно заплаканы,
Девка, очи хорошие?

АВРОРА

Как же, бабка, не плакать мне?
Я с ребеночком брошена!
— Значит, нет у тебя ковша?

ВЕНЕРА

И слепа ж ты, моя душа!
Аль не видишь — становься с краю —
Что в колодце вода — сухая?

Дай-ка, де́вица, из мешка,
Чем рассеяться. Ешь, не охай!
— Значит, де́вица, без дружка —
И с ребеночком. — Дело плохо! —

Было б лучше — пригнись ушком! —
Без ребеночка — и с дружком...

(Шепчет ей что-то на ухо.)

АВРОРА

(отшатываясь)

Я! Чтоб сына!

(Прижимает ребенка к себе.)

ВЕНЕРА

Да я без зла,
Так, сболтнула, ошиблась, старая.
— Расскажи-ка теперь, сударыня,
С кем ребеночка прижила?

Был он знатный, аль так, простой?
Сын купецкий, аль так, бездомный?

АВРОРА

В сердце точно туман густой,
Даже лика его не помню…

ВЕНЕРА

Может, старый какой урод?
Аль монах какой? — Бабье дело! —

АВРОРА

Помню только, что алый рот
Да за поясом…

ВЕНЕРА

Ну-ка?

АВРОРА

— Стрелы.

ВЕНЕРА

Так охотничек? — Так. — Аха́.

(В это мгновение узнает Аврору. Наклоняясь над ребенком.)

Тыщу первый внучёк — здорово!
Нет, такого уж жениха
Нам с тобой не сыскать второго!
Сам Амур это был. — Твой бал
Пышно начат. — Сам Бог влюбился! —
— А за что он тебя прогнал?

АВРОРА

А за то, что мне Ангел снился.

ВЕНЕРА

Ангел? Бог? — Дитя, Бог с ними,
С крыльями, да с счастьем тяжким.
Ты богов оставь — богиням,
Ангелов оставь — монашкам.

Брось крылатые игрушки!
Веселей — клянусь Венерой! —
Просто-напросто — подушкой
Стать любому кавалеру!

Слушай, девка! Здесь недаром
Мы сошлись, — на радость людям!
Хочешь сделку? Хочешь — будем
Я купцом, а ты — товаром?

Чудо-лавка! Как святыню
Разряжу тебя в уборы.
А над входом — по-латыни:
«Дом Венеры и Авроры».

Нынче день у нас — суббота,
Скоро день Венерин — вторник.
Посмотри-ка: без заботы —
И ребеночка прокормишь.

По рукам? — Молчишь? — Ну, молча
Хоть кивни, коль стыдно — губкам.
Я тебе свой опыт волчий
Одолжу, а ты мне — зубки.

Прибыль — пополам. С ответом
Поспеши, а там за дело —
Дружно!

АВРОРА

Ангел мой пресветлый!

ВЕНЕРА

Что?

АВРОРА

Колечко побелело!

ВЕНЕРА

(с разгорающимися глазами)

Будут гости даровые:
Княжьи первенцы, подростки,
Церковь...

АВРОРА

(над кольцом)

Иисус-Мария!

ВЕНЕРА

Что еще?

АВРОРА

Блестит, как слезка!

Звон колокола.

Благовест!

ВЕНЕРА

Сынок твой князем
Будет в красном весь, в атласном.

АВРОРА
(сложа молитвенно руки)

Ангельская весть!

ВЕНЕРА

Грязь грязью!
Подыхай с щенком!

АВРОРА
(смотрит на нее, на ребенка — руки расплетаются — и — с бесконечной усталостью)

— Согласна. —

Из-под липы — в синем звездном плаще — Богоматерь. В руках высокая — как лилия — серебряная чаша.

БОГОМАТЕРЬ

— Нет! —
Как смеешь в мой светлый день,
Тварь, торги заключать?

При виде ее Венера съеживается на земле, как жаба, Аврора падает на колени.

— В ту гору
Заключаю тебя навеки!

Венера на четвереньках уползает.

АВРОРА
(протягивая руки)

Богородица — Свет!

БОГОМАТЕРЬ
(с бесконечной благостью)

Аврора!
— Милос мос дитя!
Ради майския субботы
Я у мальчика Христа
Выпросила дар великий:
Чашу полную сию,
Душу вольную твою.

Кто земное божество
Возлюбил, кому небесный
Ангел снился — тот любить
Земнородного не может.

Роза, здесь тебе не цвесть!
Слушай Ангельскую Весть!

В этой чаше — свет и темь,
В ней и Память, и Забвенье.
Память о большой любви
И забвение — о малой.

Пей, омой свои уста
В чаше Памяти – Забвенья.

(Наклоняет чашу. Аврора пьет.)

Ангельская музыка. Аврора встает, как зачарованная обходит колодец – и ликующим голосом – неким любовным аллилуйя.

АВРОРА

– Весь колодец осушу –
Не забыть!
А колечко если сброшу –
Всплывет!

Оттого что я тебя
Одного –
До скончания вселенной –
Люблю!

(Глядит, глядит, и)

Но где ж ты, пресветлый?
Иль взор мой не зряч?
Ослепла! Ослепла!

БОГОМАТЕРЬ

Девица, не плачь.

Тебя не оставим
Меж темных и злых, –
На облачной славе –
Теперь твой жених.

О, бедные люди!
– Нет, рук не ломай! –
Он помнит, он любит,
Он ждет тебя в рай.

АВРОРА

А как же с сыночком?

БОГОМАТЕРЬ
(улыбаясь)

Их много – в Саду!
К другим ангелочкам
Его отведу.

Занавес

Последние струи ангельской музыки

Пьеса задумана в марте, начата 27 июня 1919 года, кончена 14 июля 1919 года

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

В пяти картинах

Vous oublierez aussi Henriette...
Casanova. Mémoires[1]

ЛИЦА

ДЖАКОМО КАЗАНОВА, в первой картине 23 года, в последней 36 лет, острый угол и уголь.
АНРИ-ГЕНРИЭТТА, 20 лет, лунный лед.
КАПИТАН, под пятьдесят, вояка.
ДЕВЧОНКА, 17 лет, вся молодость и вся Италия.
ЛЕ-ДЮК, слуга, ровесник и сподвижник Казановы, преувеличенный Казанова.
ГОРБУН, как все горбуны.
ВИОЛОНЧЕЛИСТ, 18 лет, лоза.
ПЕДАНТ, очаровательная развалина.
ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ
ПОСОЛ ИСПАНСКИЙ
1-й ИСПАНЕЦ
2-й ИСПАНЕЦ
1-й ФРАНЦУЗ
2-й ФРАНЦУЗ } марионетки
ХОЗЯЙКА МОДНОЙ ЛАВКИ, сорокалетняя итальянская скороговорка.
1-я МАСТЕРИЦА
2-я МАСТЕРИЦА } девочки

Время и место встреч

I картина—комната гостиницы в Чезене
II картина—та же комната гостиницы
III картина—загородная вилла в Парме
IV картина—комната гостиницы «Весы» в другом итальянском городе } *1748 г.*
V картина—та же комната гостиницы, 13 лет спустя
Час встреч: вечер и ночь.
Источники мои—IV том «Мемуаров» Казановы.

---

[1] Вы забудете и Генриэтту.
Казанова. Мемуары (фр.).

КАРТИНА ПЕРВАЯ

КАПЛЯ МАСЛА

Ночь. Казанова, буйно разметавшись, спит на диване, под картой звездного неба. Видно, что заснул случайно. На полу валяются книги. Свечи в огромном трехсвечнике догорели. Начало картины в полной тьме.

Стук и голос за дверью

— — — — Позвольте мне взойти!
— — — — Вы заняты? Вы спите?
Вы, может, не одни? — Молчит, как гроб!
Да здравствует пример воров и кошек!

(На пороге молодой гусар с ночником.)

〈ГУСАР〉

Светло, как в погребе! — Ночник, свети,
Как факел на ветру!

КАЗАНОВА
(во сне)

Жавотта, ты?
Браслеты я купил!

ГУСАР

Должно быть, бредит.

КАЗАНОВА
(так же)

Но если граф к тебе еще придет...
А впрочем — черт с тобой!

ГУСАР

И Бог — со мной!

(Рассматривает разбросанные всюду книги.)

Что мы читаем? — Данте. — Ариост.
«Значенье звезд». — «Семь спутников скелета».
Был или нет — у Асмодея — хвост...

КАЗАНОВА
(так же)

Тогда Розине подарю браслеты!

ГУСАР
(у письменного стола)

Перо очинено... Весы... Печать...
А писем, писем! Полная корзина!
А, женский башмачок! Хотел бы знать,
Как в башмачке одном дошла...

КАЗАНОВА
(так же)

Розина!

ГУСАР

Два женских имени за пять
Секунд — и всё чего-то шарит!
Не весело, должно быть, спать
С одною картой полушарий!

(Наклоняет светильник к самому лицу спящего.)

Души и ветрености смесь!
Над скольких Ев невинных — змеем,
Над скольких Ариадн — стою — Тезеем?!
— Ох, масло капнуло! Ох, я пропал!

КАЗАНОВА
(вскакивая в темноте)

Кто здесь?
Ле-Дюк! На помощь! Сбирры! Смерть! Розина!

Суматоха.

ГУСАР
(зажигая светильник)

И Бог сказал: Да будет свет!
Ни сбирров, ни Розины нет, —
А просто нашалил светильник.
И перед вами — ваш сосед:
Гусар и бравый собутыльник.

КАЗАНОВА

Я, кажется, заснул и вижу сон?
Как вы сюда попали?

ГУСАР

Прямо в двери.
Но если здесь у вас заведено
Не в дверь ходить — могу уйти в окно.

КАЗАНОВА

Ле-Дюк!

ГУСАР

Не встанет вам помочь
Ваш Лепорелло. — А причина
Сему: не спит в такую ночь
Слуга такого господина.

КАЗАНОВА

Вы вор?

ГУСАР

Немножко.

КАЗАНОВА

Странно, цепь цела
И перстень цел... Нет, вы не вор, — вы хуже:
Вы чей-то муж! — Нет, хороши для мужа!
Скажите же мне, сударь, что вам нужно?
Какая дурь сюда вас привела?

ГУСАР

(садясь на ручку кресла, доверчиво)

Я странным нéдугом недужен:
Моя болезнь — бессонные дела.

КАЗАНОВА

Ну, побеседовали, — баста!
Идите просыпайте хмель!

ГУСАР

(твердо)

Скорей в могилу, чем в постель!

КАЗАНОВА

И на затылок наложите пластырь.

ГУСАР

(певуче)

Ах, не залечит
Ласковый пластырь
Этого сердца,
Сей головы!
Ах, я бессонней самой совы!
Такой же, как вы,
Бессонных дел мастер!

КАЗАНОВА

Так вы не муж?

ГУСАР

Не муж.

КАЗАНОВА

Не вор?

ГУСАР

Не вор.

КАЗАНОВА

И вы не кредитор?

ГУСАР

Едва ли!

КАЗАНОВА

Не муж, не вор, не кредитор, —
Зачем же вы сюда попали?
По звону шпор и по шнуровке
Гусар, очарованье дам.
Умалишенный — по речам,
И... ангелочек — по головке!

ГУСАР

И ложь, и правда...

КАЗАНОВА

Как певуч
Ваш голос молодой... Но все же —
Зачем вы здесь?

Полоса луны.

ГУСАР

Зачем на ложе
Нисходит этот лунный луч?

КАЗАНОВА

Кто вы?

ГУСАР

Я — лунный луч. Вольна
Мне всякая дорога.

КАЗАНОВА

Кто вы?!

ГУСАР

Как спутница Земли — Луна,
Я — вечный спутник Казановы.
А для людей — гусар Анри,
Грош, по рукам еще не стертый...

КАЗАНОВА

Но все ж, дитя, какого черта
Сюда явились?

АНРИ

— На пари!

КАЗАНОВА

Пари?!

АНРИ

(кладя ему руку на плечо)

Казанова, взгляните в окно!
Как в мире безумно от лунного света!
Все минет, все канет... Не все ли равно:
Пари — или нежность. Анри — Генриэтта.

КАЗАНОВА

(прозревая)

Анри? — Генриэтта?

(Вскакивает.)

АНРИ

Оставьте! Не тронь!

КАЗАНОВА

(вне себя)

Пари — или нежность?

АНРИ

(смеясь)

Какое бесстыдство!
Ни то, ни другое. В страшнейший огонь
Гусаров и женщин ведет — любопытство.

Входит Капитан.

КАПИТАН

Прикрою дверь, а то сквозит.
Проститс, сударь, за визит
В столь нсурочный час полночный.
Всяк господин в своем дому.

Мне это свято, но всему
Виной — мальчишка сей порочный.
Чуть ночь настанет, быстр и бодр
Сей лодырь покидает одр
Свой, моему одру соседний.
Ищу, свищу — ответа нет,
А поутру — один ответ:
— Где был, племянник? — У обедни!
Что, сударь, скажете на это?

КАЗАНОВА

Всё в мире — только имена!
Кто скажет: месяц, кто: луна...
Анри — сегодня, завтра — Генриэтта...

КАПИТАН

Что значит?..

КАЗАНОВА
(вскипая)

То, что без ума
Я, сударь, от сего гусара,
Что сон бессоннице не пара,
Ну, словом, чтоб не тратить слов,
Я — Казанова, и готов
Платить казною или кровью.

КАПИТАН

Я — воин, и чужой любовью
Не промышляю. Чтят любовь
И юность — старые венгерцы.
А проливать чужую кровь
Сегодня мне мешает — сердце.

(Генриэтте)

— Свободна!

(Выходит.)

АНРИ
(занося ногу на подоконник)

Кажется, погасла
Луна, нырнула в глубину...
Забудьте бедную луну
И помните о капле масла!

КАРТИНА ВТОРАЯ

ДЕСЯТЬ ЦЕХИНОВ

Следующий вечер. Та же комната. Казанова и Анри, сменивший гусарский мундир на очаровательную мужскую одежду того времени, на разных концах дивана — беседуют.

КАЗАНОВА
(продолжая нескончаемый диалог)

Я вас люблю!

АНРИ

У вас прелестный голос!

КАЗАНОВА

А вы меня не любите!

АНРИ

Не всё
Так просто под луною, Казанова!
Семь ступеней у лестницы любовной...

КАЗАНОВА

Я на восьмой тогда!

АНРИ

И сотни тысяч,
И сотни тысяч верст меж «да» и «нет».

КАЗАНОВА

Еще ни разу не поцеловали!

АНРИ

Не все дороги в Рим ведут.

КАЗАНОВА
(насторожившись)

Нет, Рим
Нам может быть опасен. Едем в Парму!
Я вас люблю!

АНРИ

Прелестные слова!

КАЗАНОВА

А вы меня не любите!

АНРИ

...И губы...

КАЗАНОВА

Я никогда так страстно не любил,
Так никогда любить уже не буду...

АНРИ
(глубоко-серьезно)

Так — никогда, тысячу раз — иначе:
Страстнее — да, сильнее — да, страннее — нет.

КАЗАНОВА

Что смотрите?

АНРИ

Прелестные глаза!
Да, их должно быть целовать прелестно...

Казанова тянется.

АНРИ
(смеясь и отстраняясь)

Нет, нет, — как лунный луч: когда заснут.
Не забывайте: мы — авантюристы:
Сначала деньги, а потом — любовь.

КАЗАНОВА

(падая с облаков)

Какие деньги?

АНРИ

(играя в серьезность)

За любовь. Но долгом
Своим считаю вас предупредить:
Никак не ниже десяти цехинов.

КАЗАНОВА

Тысячу!

АНРИ

Мало!

КАЗАНОВА

С этим перстнем!

АНРИ

Мало!

КАЗАНОВА

Тысячу — цепь — и перстень...

АНРИ

Мало!

КАЗАНОВА

Чертов
Вчерашний проигрыш! — И пряжки!

АНРИ

Мало!

КАЗАНОВА

(в отчаянии)

И этот ларчик!

АНРИ

Мало! Мало! Мало!

КАЗАНОВА

Что же вы потребуете?

АНРИ
(упираясь кончиком пальца в грудь Казановы)

— Душу
Сию — на все века, и эту
Турецкую пистоль — на смертный выстрел.

(Разглядывая пистоль.)

Турецкая?

КАЗАНОВА
(как во сне)

Да, да...

АНРИ

Даешь?

КАЗАНОВА
(так же)

Даю.

АНРИ
(по-детски)

И не отнимешь?

КАЗАНОВА

Нет...

АНРИ
(грозя пальцем)

Ну-ну, мессэре!
Чтоб у меня не плакаться потом,
Что плата высока не по товару!
Нагнитесь.

Казанова склоняет голову.

Этот первый поцелуй
В безумный лоб, чтоб мудрым был и добрым.
Давайте — шаг за шагом — постепенно:
Как Бог велел: сначала в лоб, потом в глаза...

КАЗАНОВА
(яростно)

Когда же в губы?!

АНРИ
(серьезно)

Слушайте, дружочек!
Бог дивный мир свой сотворил в неделю.
Женщина — сто миров. Единым духом —
Как женщиной мне стать в единый день?

Вчера гусар — при шпорах и при шпаге,
Сегодня — кружевной атласный ангел,
А завтра — может быть — как знать? Кто знает?!.

КАЗАНОВА
(сжимая кулаки)

Ты поклялась свести меня с ума!

(Стук в дверь, — он, бешено)

Кто там?!

ГОЛОС ЗА ДВЕРЬЮ

Из модной лавки Санта-Кроче.

АНРИ
(приподымаясь на цыпочки)

Поцеловали в лоб — целуем в очи!

Входит Хозяйка, за ней две мастерицы.

ХОЗЯЙКА
(проталкиваясь, мастерицам)

Я первая! Нельзя же разом!
Привет, синьоры!

КАЗАНОВА

В добрый час!
Уже синьора заждалась.

ХОЗЯЙКА

А я — нести надорвалась!
Три ражих девки над заказом
Три ночи не смыкали глаз.
Дорина обливалась потом,
С Джаниной сделалась икота,
Но разыграли, как по нотам
Сонату, — бисер — не работа!
Где же синьора наша?

КАЗАНОВА
(на Анри)

— Вот.

ХОЗЯЙКА

Где?

КАЗАНОВА

Вот.

ХОЗЯЙКА

Веселый у господ
Был, верно, ужин?

КАЗАНОВА

Говорят вам,
Что — вот!

ХОЗЯЙКА

Клянусь священной клятвой,
Что не синьору видит взгляд мой...
А — ну совсем наоборот.

КАЗАНОВА

А чтобы спор покончить скоро, —
Синьора, утомивши взоры
Непостоянством женских мод,
Кинула чепчик в огород
И порешила быть — синьором!

ХОЗЯЙКА

Да, да, — как раз наоборот!

(Мастерицам.)

Ну, дети, это авантюра!

(Казанове.)

Но как же, сударь? Белокура...
Синьора. *Та* была черна
И — ох! — куда полней фигурой...
И ликом — что твоя луна!
Не спутала же я... Едва ли.

КАЗАНОВА
(с деланным смехом)

Кругом запуталась, швея!

ХОЗЯЙКА
(с жаром)

Ну как же, сударь? Полным ртом
Ее вы в лавке целовали,
Еще Розиной называли:
«Розина, родинка моя!..»

АНРИ
(в воздух)

Заказанный для темных глаз
Атлас — теперь послужит светлым.
Жизнь поклялась: *всё* будет пеплом...

(Кладя руку на плечо Казановы.)

Дружочек, не сержусь на вас.

1-я МАСТЕРИЦА

И ни слова укора!

2-я МАСТЕРИЦА

И ни капельки злобы!

ХОЗЯЙКА

(разгружая картонки)

Какие уборы, синьора!
Четыре робы, синьора!

1-я МАСТЕРИЦА

Не плачет!

2-я МАСТЕРИЦА

Не бесится!

КАЗАНОВА

Генриэтта! – Анри!

АНРИ

(над платьями)

Одно – цвета месяца,
Другое – цвета зари!

ХОЗЯЙКА

(продолжая)

Косынки! Мантилии!

АНРИ

Ваш подарок – блестящ.
Одно позабыли вы:
Цвéта Времени – Плащ.
Так, большими ударами
Жизнь готовит нам грудь...

ХОЗЯЙКА

Довольно думать, сударыня,
Будемте мерить, сударыня...

АНРИ

(в пространство)

Плащ тот пышен и пылен,
Плащ тот беден и славен...

ХОЗЯЙКА

(держа на весу платье)

Здесь возьмем, там убавим,
Тут ушьем, там зашпилим...

Анри, Хозяйка и мастерицы выходят.

КАЗАНОВА

Тысячу громов! — Это нрав! — Я прав! —
Не торговка, а чертовка! — Но Анри! — Как сталь!
И бровью не повела! — Ну, дела! — Хвала
Господу в небесах — за любовь! — Кто там!?

ГОЛОС ЗА ДВЕРЬЮ

Вчерашний капитан.

КАЗАНОВА

Ах, это вы? Взойдите.

КАПИТАН
(входя)

Хотелось мне по поводу событий
Вчерашних — по душам — как друг —
потолковать.
Вы разрешаете, мессэре?

КАЗАНОВА

Весь вниманье.

КАПИТАН

Сие созданье любит вас.

КАЗАНОВА
(вспыхнув)

Созданье
Сие — невеста мне!

КАПИТАН
(невозмутимо)

Должно быть, мать
Что ль у нее до времени скончалась,
Иль просто колыбель ее качалась
Под бурным небом, — словом, быль темна.
Послушна как дитя, добра, умна,
Старик Гораций ей слагал бы оды! —
Но вдруг мужскую надевает моду,
По окнам бродит, как сама Луна,
Трезва за рюмкой, без вина — пьяна...

КАЗАНОВА
(угрожающе)

Нельзя ли поучтивей, старина?

КАПИТАН
(невозмутимо)

То в честь Платона составляет вирши,
То — молнией в седло. — Куда? — Приказ!
Жду час, жду два. — Влетает.

КАЗАНОВА

Ну?

КАПИТАН

Дралась
С польским временщиком — за командиршу!

КАЗАНОВА

Как в руки вам достался этот клад?

КАПИТАН

Я жил тогда, недели три назад,
В Чивите-Веккии, в гостинице...

(Щелкает пальцами.)

КАЗАНОВА

Да шут с ней,
С гостиницей!

КАПИТАН

И вот, с косичкой куцей —
Гусар по лестнице, за ним —

(пауза, и блаженно)

— еще гусар.
Вы хороши, я — нет. Вам двадцать лет, я стар, —
Но молод или нет, — всяк вправе быть убитым!
Сражен! — Заворожен! — Железняком к магниту
Тянусь. Тот впереди, а наш Анри за ним.
Сигарный дым прошел, — но в сердце что за дым
Пошел, когда она, ресниц скосивши стрелы,
Меня, как невзначай, своим плащом задела...

КАЗАНОВА

А дальше?

КАПИТАН

Дальше — вот: из двух окóн моих
Всё видно в их окне. Не муж и не жених
Он ей, но и не брат, — да вовсе ей не нужен!
За ужином сидят, — похороны, не ужин!
Молчат и не едят, — не разжимают губ.
Другой уходит спать.
...Я, может, груб и глуп, —
Зову слугу: гляди! — Тот смотрит, рот разинув.
— Зови ее ко мне!

КАЗАНОВА

Черт!

КАПИТАН

За десять цехинов!

КАЗАНОВА

Пришла?

КАПИТАН

Пришла. — Выходим в парк.
Отсчитываю ей монеты.
Смеется: — Думаете, нету
Цехинов у меня? — и шварк
Мне под ноги кошель!

КАЗАНОВА

Богиня!

КАПИТАН

Так и не ведаю поныне,
Мессэре, что ее за змей
Ужалил. — Окончанье просто:
Тот спал, а парочку друзей
В Чезену повезла повозка.
С тех пор не расстаемся.

КАЗАНОВА

Так.
А кто она? Откуда?

КАПИТАН

Мрак.
Туман. Обман. — Роман, быть может.
Быть может, злостный опекун,
Иль зверский муж, — ей мало лун,
Но этот век безумно прожит!

ГЕНРИЭТТА

(входя)

Позвольте мне вас потревожить...

Казанова и Капитан встают, столбенеют.

Синьоры...

КАПИТАН

Молния и мрак!
Санкта Мадонна! — Конь и шпоры!
Ах я подлец! Ах я дурак!

ХОЗЯЙКА

Ну, как вам нравится синьора?

1-я МАСТЕРИЦА

Конфетка!

2-я МАСТЕРИЦА

Ангел!

1-я МАСТЕРИЦА

Божья мать!

КАПИТАН

Как быть? — Куда глаза девать?

ХОЗЯЙКА

(с ложной скромностью)

Не правда ли, для первой пробы —
Недурно?

КАЗАНОВА

(только что очнувшись)

Сонм небесных сил!

ХОЗЯЙКА

Клянусь, никто домашней робы
С таким величьем не носил!

КАПИТАН

Отныне ни вина, ни карт.

ХОЗЯЙКА

(принимая от Казановы кошелек)

Какие звонкие цехины!
Сейчас июнь.

(Казанове)

Пусть подарит вам март
Такую дочку.

(Генриэтте)

Вам — такого сына.

Хозяйка и мастерицы, приседая, выходят.

КАПИТАН

(со вздохом)

Им вслед, любезные друзья,
Со вздохом подымусь и я.

ГЕНРИЭТТА

(светски)

Так скоро?

КАЗАНОВА

Отчего так спешно?

КАПИТАН

Что делать, — срочные дела!

(Казанове)

Мне ваша молодость мила.

(Генриэтте)

Я ваш поклонник — неутешный.

(Выходит.)

КАЗАНОВА
(надевая Генриэтте кольцо)

Ссгодня колсчко, а завтра — запястье.

ГЕНРИЭТТА
(в тон)

Сегодня безумье, а завтра — бесстрастье.

КАЗАНОВА

Смотрите — за новым
К другим Казановам
В окошко не лазьте!

ГЕНРИЭТТА

Я больше не вор и не кошка, —
Я ваша раба.

КАЗАНОВА

Судьба ты моя! Роковое и грустное счастье!

Молчание.

КАЗАНОВА

Генриэтта?

ГЕНРИЭТТА

Казанова?

КАЗАНОВА

Взгляд опущен...
Ты не счастлива?

ГЕНРИЭТТА

Я счастлива — но тихо.
Мне когда-то на кофейной гуще
В нашем замке нагадала лесничиха...

КАЗАНОВА

В вашсм замкс?

ГЕНРИЭТТА

Я ошиблась... Я случайно...
Ты не слушай...

КАЗАНОВА

Генриэтта, где твой замок?
Кто ты?

ГЕНРИЭТТА

Тайна.

КАЗАНОВА

Ты не скажешь?

ГЕНРИЭТТА

Тайна,
Казанова! — А кофейное гаданье —
Только сонное ворчанье глупых мамок.

КАЗАНОВА

Ты не веришь, верно, думаешь — я грубый,
Буду нежным, буду страшно осторожным.
Волком был, а буду шелком. — Можно
В этот локон мне поцеловать вас?

ГЕНРИЭТТА

(закрывая глаза)

В губы!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

ВИОЛОНЧЕЛЬ

Терраса загородного дома в Парме. Ночь. Ступени в сад.

1-й ФРАНЦУЗ

Престранный праздник... Кавалеров — тьма,
А дам у нас...

(Глядит на Генриэтту, беседующую с Педантом.)

2-й ФРАНЦУЗ

Не может быть на небе
Двух лун...

1-й ФРАНЦУЗ

Но звезды есть, кроме луны.
Прелестна — и до странности похожа
На лунный свет...

2-й ФРАНЦУЗ

И на какой-то сон...

1-й ФРАНЦУЗ

Никто друг другу не представлен.

2-й ФРАНЦУЗ

Ясно,
Хозяин наш чудак — к тому горбун —
К тому влюблен — и вовсе не намерен,
Инкогнито ее раскрыв, стада
Вздыхателей к дверям ее пригнать...

1-й ФРАНЦУЗ

А тот
С ней рядом, сух и жгуч, как адский уголь, —
Кто он?

2-й ФРАНЦУЗ

Что за вопрос! Конечно, друг,
Не муж, конечно...

(Всматриваясь в Казанову.)

Я как будто где-то
Его встречал... Ну да — конечно, тот,
Что банк сорвал... Фаруссп, иль Феруссп...

(Беседуя, отходят.)

ГОРБУН

(подходя к Генриэтте и Педанту)

Небесная, как нравится вам ваш
Ученый собеседник?

ГЕНРИЭТТА

Собеседник?
Нескромным словом этим как дерзну
Сей столп премудрости назвать, пред коим
Колена клонятся мои...

ПЕДАНТ

Когда б
Сам Цицерон через летейски воды
Обратный путь свершив, древесный свод
Сей огласил прекрасными речами, —
Клянусь, не отразил бы этот свод
Краснее речи...

ГЕНРИЭТТА

Вы меня смутили.

ПЕДАНТ

(с поклоном)

Учтивейшая всех подлунных жен,
Послушайте Педанта-Кавалера:
Во образе прелестном сем смущен
Не только Цицерон — сама Венера!

(Отходит.)

ГОРБУН

А что вы скажете на этот сад, —
Убежище хотя и не Амура,
(Тому виною горб!), — но девяти
Сестер бессмертных, коим вы десятой
Сестрой являетесь...

ГЕНРИЭТТА

Сей сад затмил
Навек в моих глазах сады Версаля.

ГОРБУН

(оживленно)

Вы знаете Версаль?

ГЕНРИЭТТА

(прохладно)

Да, да, слегка,
Проездом...

ГОРБУН

Вспоминаю, что синьора
При нашей встрече в Опере — число
В сем сердце запечатлено — пристрастье
К медалям обнаружила...

ГЕНРИЭТТА

Страстна
Я ко всему, что вечно.

ГОРБУН

Буду льстить
Себя надеждой, что мои Челлини
Заслужат то, чего — виновен горб! —
Я заслужить — себе надеждой нежной
Не льщу: улыбки.

ГЕНРИЭТТА

(указывая на Казанову)

Разрешите мне
И кабалеро пригласить...

ГОРБУН

(язвительно)

Пристрастен
Он также к ним?

ГЕНРИЭТТА

(отчетливо)

Пристрастен *он* — ко *мне*,
А я — к *нему*. Идемте, кабалеро!

Генриэтта, Казанова и Горбун выходят.

1-й ИСПАНЕЦ

Хозяин по уши влюблен!

2-й ИСПАНЕЦ

(намекая рукой на рост Горбуна)

Нетрудно
И выше головы! Клянусь плащом
И шпагою гидальго: кроме шпаги
Всё — за единый взгляд!

1-й ИСПАНЕЦ

Напрасен труд!

Подходят, беседуя, Посол испанский и Посол французский.

ПОСОЛ ИСПАНСКИЙ

О чем так горячо?

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

Чей труд?

1-й ИСПАНЕЦ

Извечный
Прекрасный труд испанца: покоренье
Того, что непокорно. Нынче — той.

ПОСОЛ ИСПАНСКИЙ

Ах, вы о нашей дивной чужестранке!
Но почему так безнадежно?

1-й ИСПАНЕЦ

Дон
Антонио, когда в теченье часа
Красавица ни разу не вздохнет
Всей грудью — значит, счастлива, и значит,
Не нужно ей ни вас — ни вас — ни вас —

(на себя)

Ни вашего слуги, ни всей вселенной, —
Ни самого инфанта...

2-й ИСПАНЕЦ

Тише, тише!
Горбатые хитры и слышат всё.

Оба испанца отходят.

ПОСОЛ ИСПАНСКИЙ

А кто она?

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

Отнюдь не итальянка.
Сей стройный рост и заводь чудных этих глаз,
Зовя — отказывающих...

(С улыбкой.)

Да что нам
До родины ее, когда одна
У всех красоток родина: та пена,
Из коей нам Венера поднялась!
— А кто ее Парис?

ПОСОЛ ИСПАНСКИЙ

Какой-то плут.
Аббатишко разжалованный, мастер
Ловить Фортуну за конец плаща!
Ну и глазищи у него!

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

А кожа!
Как будто черным вспоен молоком.
Но я в мужчинах — не знаток. В красотках
Мы знаем толк, в нас знают толк — *они.*

Явление Генриэтты об руку с Горбуном.

ПОСОЛ ИСПАНСКИЙ

Вулкан с Венерой!

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

Нет, скорей Диана
С плененным фавном!

ГОРБУН

Возвращаю вам
Восьмое чудо мира — нашу Музу!

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

Я б единицей стройной заменил
Восьмерку, друг, — и — таковы французы! —
Я «Дамой сердца» заменил бы Музу.

ГЕНРИЭТТА
(взглядывая на Казанову)

Умею быть и Дамою Души.

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

А разве это — не одно и то же?

ГЕНРИЭТТА

Секундной стрелкой сердце назову,
А душу — этим звездным циферблатом!

ГОРБУН

Божественно!

ПЕДАНТ

Отменно!

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

И остро!

ПЕДАНТ

Вы как Спиноза — на любой вопрос
Имеете ответ.

ГЕНРИЭТТА
(смеясь)

Сентябрь-месяц
Мне вместо колыбели дал
(взглядывая в небо)
— Весы.
Мои ж часы, любезные друзья,
Заведены часовщиком Спинозой.

Из сада доносятся первые жемчужины менуэта.

ГЕНРИЭТТА
(Казанове)

Прислушайтесь, Джакомо! — Менуэт!
Мой друг и рыцарь, становитесь в позу.

ПЕДАНТ

Небесная, я вам сплету сонет,
Где рифма встретится «Спиноза» с рифмой
«Роза».

Менуэт.

ПОСОЛ ИСПАНСКИЙ

Что мне бахромчатая шаль
Испании!

ПЕДАНТ

Впервые жаль
Педанту, что взамен наук
Па — не усвоил — менуэта!

ГОРБУН

Проклятый горб мой!

КАЗАНОВА

Генриэтта!

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

Вы возвратили мне Версаль!

Пауза.

Смиренно верю и надеюсь,
Что, этим вечером овеясь,
Ваш нежный отдых будет быстр?

ГЕНРИЭТТА

Очаровательный министр!
Вы мне послушны?

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

Есть и буду.

ГЕНРИЭТТА

Не заносите же причуду
Сию — на черный свой регистр.
Я больше не танцую.

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

Танец —
За вами.

ПЕДАНТ

Я как в землю врос!

ПОСОЛ ИСПАНСКИЙ

Нет, даже перед Розой Роз
Не позабуду — что испанец!

(Отходит.)

ГЕНРИЭТТА

Я музыки хочу.

ГОРБУН

Желанье
Владычицы — закон. Сюда,
Прекрасный Сандро!

Медленно и нехотя приближается, со своей виолончелью, ***Прекрасный Сандро.***

Предстоит вам честь
И счастье быть услышанным синьорой.
Синьора хочет звуков.

ПРЕКРАСНЫЙ САНДРО

Ах, гроза,
Должно быть, близко. Я в каком-то странном
Тумане...

ПОСОЛ ФРАНЦУЗСКИЙ

Где гроза? Взгляните вверх:
Все звезды налицо. Коль не дочтетесь
Одной —

(глядя на Генриэтту)

— Взгляните вниз.

ПРЕКРАСНЫЙ САНДРО

Какой-то звон
Мне чудится...

ГЕНРИЭТТА
(участливо)

Вы не больны, надеюсь?

ПРЕКРАСНЫЙ САНДРО

Изнемогаю. Не могу играть.

ГОРБУН

Диковинные люди — музыканты!
Проси хоть час, хоть год, хоть век...

ГЕНРИЭТТА
(глядя на Сандро, нежно)

На сих
Причудников нельзя сердиться, ибо
Как женщины — играют, *как* хотят,
Когда хотят — *кому* хотят...

(Протягивая руку Сандро.)

— Маэстро,
Вы мой союзник...

ПРЕКРАСНЫЙ САНДРО
(склоняясь)

Как струна — смычку.

ГЕНРИЭТТА
(подходя к виолончели)

Посмотрим, всё ли мы с тобою в дружбе,
Виолончель, душа моей души?

(Садится, играет.)

КТО-ТО

Сплю или нет?

ДРУГОЙ

Нет, это сон нам снится!

ИСПАНСКИЙ ПОСОЛ
(хватаясь за сердце)

Как нож!

ФРАНЦУЗСКИЙ ПОСОЛ
(гладя себя вдоль груди)

Как мед!

ГОРБУН

Так добрый дух, скорбя,
Уходит в мир...

ПРЕКРАСНЫЙ САНДРО
(впервые человеком)

Лаири — ученица!
Что вы играли нам?

ГЕНРИЭТТА
(ему)

Свое, —
(взглядывая на Казанову)
— Себя.

Горбун, за секунду до того отозванный слугой, подходит к Генриэтте и окружающим ее.

ГОРБУН

Простите, что прерву очарованье...
К вам посланный с письмом. Не говорит —
Кем послан.

Все отходят.

ГЕНРИЭТТА

Где письмо?
(Не вскрывая.)
— А! Семь печатей!
(Казанове)

Моя любовь, — расстаться мы должны.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

ГОСТИНИЦА «ВЕСЫ»

Ночь. Дорожный развал. Горит одна свеча. У стола, уронив вниз голову в руки, сидит Казанова, Генриэтта, одетая по-дорожному, в беспокойстве ходит по комнате.

ГЕНРИЭТТА

Который час?

КАЗАНОВА

За час — который раз
Ты спрашиваешь?

ГЕНРИЭТТА

Нынче ночью встали
Мои часы: должно быть, предпочли
Времени — Вечность: отлетела стрелка!

КАЗАНОВА

Ты уронила их?

ГЕНРИЭТТА

Нет, это ты
Задел их, сонный.

КАЗАНОВА

Я не помню.

ГЕНРИЭТТА

Помнишь?
Еще ты вскрикнул: — Что это за звон?
А я смеясь тебе сказала: — Сердце.

(Глядя на часы.)

Мингер Спиноза, мудрый филозóф,
Но скверный часовщик вы!

КАЗАНОВА

Генриэтта!
Мы скоро расстаемся. Сядь ко мне,
Как ты любила — хочешь? — на прощанье.

ГЕНРИЭТТА
(качая головой)

Нет.

КАЗАНОВА

Ты не хочешь?

ГЕНРИЭТТА

Мало ли чего
Хотим, дружок. Пока живешь — все хочешь —
Всего. Но это Жизнь, а нынче — Смерть.
Солдаты смерть встречают стоя.
Ах, не забыть турецкую пистоль,
Подарок твой!

КАЗАНОВА

Мой мальчик! Генриэтта!
Последняя мольба к тебе!

ГЕНРИЭТТА

Изволь.

КАЗАНОВА
(по-детски)

Ночь глубока, дорожная карета
Так широка, а мы с тобой тонки,
Как два клинка... Клянусь тебе, я слезу
На первом повороте!

ГЕНРИЭТТА
(у окна)

Огоньки
В домах — везде — погасли...

(Вполоборота — Казанове.)

Бесполезно.

КАЗАНОВА

Нст у тсбя души!

ГЕНРИЭТТА

Должно быть — нет.

КАЗЛНОВЛ

А в жилах — лунный свет.

ГЕНРИЭТТА

Быть может — да,
Быть может — нет.

КАЗАНОВА

Скажи мне на прощаньс:
Бес или ангел ты?

ГЕНРИЭТТА

Чужая тайна
Оставим это.

(Глядя на часы.)

Бедные часы!
— И надо же, чтоб именно весы
Щиток гостиницы изображал, где встреча
Вечнейшая кончается навек,
Как тает снег...

(Берясь за сердце.)

Боюсь, что здесь навек
Покончено с законом равновесья!

(Снимает с руки кольцо, подает его Казанове.)

Возьми назад.

КАЗАНОВА
(высокомерно)

Ни писем, ни колец
Обратно не беру!

ГЕНРИЭТТА
(как эхо)

Ни клятв, ни писем
Напрасно не храню.

КАЗАНОВА
(вскипая)

Ах — так?

ГЕНРИЭТТА
(сама с собой)

Зачем?
Нет, дорогой, прощаться — так прощаться!

(Пишет что-то кольцом по стеклу, окно настежь, кольцо в ночь.)

Вот и пропало!

КАЗАНОВА
(прорываясь)

Хороша любовь!
Из-за каких-то там семи дурацких
Чертовых — черт! — печатей — в ночь — навек...
— Какая там любовь! Так, — приключенье!

ГЕНРИЭТТА

Оставим это. Обещать одно
Мне должен ты. Коль в жизни доведется
Нам встретиться еще — не должен ты
Глазом моргнуть. Вот долг твой. Понял?

КАЗАНОВА
(желчно)

Понял.
Любовь и долг, но это так же ново...

ГЕНРИЭТТА
(на секундочку Анри)

Как белый волк — и верный Казанова!

(По-другому)

Еще одно: нигде и никогда
Не смей разузнавать — под страхом смерти
Моей — кто я. Еще одно: люби
Другую, нет — других, нет — всех. Безумства —
Три — свершила я в свой краткий век.
Ты — третье и последнее. — Довольно.
— Который час?

КАЗАНОВА

Так ты уйдешь одна?

ГЕНРИЭТТА

Да, как пришла.

КАЗАНОВА

Нет, это невозможно!

ГЕНРИЭТТА

Всё можно — под луной!

Лунный луч.

— Гляди, луна
Уж зажигает нам фонарь дорожный...

(Тушит свечу, наклоняется над спинкой кресла, кладет Казанове на голову руки.)

Когда-нибудь, в старинных мемуарах, —
Ты будешь их писать совсем седой,
Смешной, забытый, в старомодном, странном
Сиреневом камзоле, где-нибудь
В Богом забытом замке — на чужбине —
Под вой волков — под гром ветров — при двух свечах...
Один — один — один, — со всей Любовью
Покончив, Казанова! — Но глаза,
Глаза твои я вижу: те же, в уголь
Всё обращающие, те же, в пепл и прах
Жизнь обратившие мою — я вижу...
И литеры встают из-под руки, —
Старинные — из-под руки старинной,
Старинной — старческой — вот этой вот —
моей...

(Прижимает к рукам его руки.)

Когда-нибудь, в старинных мемуарах,
Какая-нибудь женщина — как я
Такая ж... Но который час?

Казанова молча показывает ей часы.

— *Всё* поздно!
— Даю вам клятву, что тебе приснюсь!

(Затыкает за пояс пистоль. В дверях)

Прощай! — Одна — над тобой и мной
Луна бездомная.

КАЗАНОВА
(к ней)

Скажи мне!

ГЕНРИЭТТА
(качая головой)

Все под большой луной
Играем втемную.

(Исчезает в полосе лунного света.)

КАРТИНА ПЯТАЯ

ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Комната гостиницы «Весы», где прощались Генриэтта и Казанова. Входят — веселой уличной бурей — Казанова и его тысяча первая подруга.

ДЕВЧОНКА

Вы здесь живете?

КАЗАНОВА

Нынче здесь.
А завтра...

ДЕВЧОНКА

Графский вкус!
Святой Исус! Диван, комод
И люстра... Все как у господ!
И пол коврами устлан весь!
— Я только одного боюсь,
Что это всё не наяву,
Что вдруг — боюсь — проснусь!

КАЗАНОВА

Где муж твой?

ДЕВЧОНКА

Спят мужья мои!

КАЗАНОВА

А как тебя зовут?

ДЕВЧОНКА

Мими,
Я ужинать хочу!

КАЗАНОВА

Люблю
У женщин – аппетит!

ДЕВЧОНКА

О, я бы даже королю
Сказала: кто не сыт,
Любить не может!

КАЗАНОВА

Как с детьми:
Накормишь – и бай-бай!

ДЕВЧОНКА

Да, да, сначала накорми,
Потом и обнимай!

КАЗАНОВА

Чем ужинать мы будем?

ДЕВЧОНКА

Всем!
Давай, коли даешь!
Пожалуй – и тарелку съем!
А вилку, ложки, нож –
В карман, на память!

КАЗАНОВА
(позабавленно)

И гусей
В карман, на память?

ДЕВЧОНКА

Всё в карман!

КАЗАНОВА
(с комическим вздохом)

Ну что ж, перелистаем сей
Гастрономический роман!
– Так же целуешь ты, как ешь?

ДЕВЧОНКА

Целую так, как ем,
Пью как целую — и пою,
Как пью!

КАЗАНОВА

Сплошной Эдем!
Ле-Дюк! Не слышит! — Старый трюк!
Лентяй! — Ле-Дюк! — Наглец! Ле-Дюк!

ЛЕ-ДЮК

(просовывая голову в дверь)

Что надо?

КАЗАНОВА

Надо мне, пострел,
Чтоб ты мне на́зло спать не смел!
Беги к хозяину, вели —
Да расторопнее, бревно! —
Чтобы тащил сюда вино
И снедь со всех концов земли.
И что иначе, дескать, граф...

ЛЕ-ДЮК

Хороший граф!

КАЗАНОВА

Треклятый нрав!

ЛЕ-ДЮК

Такой же граф, как я!

КАЗАНОВА

(в ярости)

Убью!!!

(Хладнокровно.)

А что останется — в твою
же пасть перепадет, удав!

ЛЕ-ДЮК

Останется тут!

КАЗАНОВА

Чертов сын!

ЛЕ-ДЮК

Каков, мессэре, господин,
Таков слуга.

КАЗАНОВА

Молчи, наглец!

ЛЕ-ДЮК

(разгораясь)

Кто черту—сын, а вы—отец:
Трудами вашими рогат
Весь мир, мессэре!

КАЗАНОВА

(полусмеясь)

Шут проклятый!
—Вон!!!

ЛЕ-ДЮК

Лондон—Рим—Париж—куда ни
кинешь взгляд—
По всей Европе ваши чертенята!

Казанова пускает в него чернильницей, тот, увернувшись, убегает.

КАЗАНОВА

(вслед)

Дурак!

(К Девчонке)

— Вздохнула, как во сне...
Взгрустнулось—иль устала слушать?

ДЕВЧОНКА

Я думаю о том, что буду кушать
И сколько денег вы дадите мне.

(Задумчиво.)

У тараканов—страшные усы...
Приду домой— пустой чугун и старый веник...

КАЗАНОВА

Чего бы ты хотела?

ДЕВЧОНКА

Дом. —Часы.—
Лакея в золотом и мно-ого денег!

КАЗАНОВА

Зачем тебе они?

ДЕВЧОНКА

Зачем?
Была ничем, а буду всем.

(Сентенциозно.)

Как цвет нуждается в поливке,
Так нужно денег, чтобы жить, —
Хотя бы для того, чтоб лить
Не сливки в кофий по утрам, а кофий в сливки!

(Трепля на себе юбки.)

Чтобы к чертям вот эти тряпки!
Чтобы катать в своей коляске!

КАЗАНОВА
(вокруг нее)

Очаровательные лапки!
Очаровательные глазки!

ДЕВЧОНКА

Вздыхатели — так и роятся!
Тот есть тебе несет, тот пить...

(Хлопая в ладоши.)

Чтобы красивеньких — любить,
А над плешивыми — смеяться!

КАЗАНОВА

Сама Премудрость!

ДЕВЧОНКА

Может быть.

КАЗАНОВА

А сколько лет тебе?

ДЕВЧОНКА

Семнадцать.
— Скорей бы ужин!

КАЗАНОВА

А потом бай-бай...

ДЕВЧОНКА

Моя кровать была бы голубая,
Нет, — алая! А в головах — Амур,
И чтобы ямочки везде, — ну пухлый-пухлый!

КАЗАНОВА

Ты, кажется, еще играешь в куклы?

ДЕВЧОНКА
(оскорбленно)

Нет, никогда!

КАЗАНОВА

Признайся, — иногда!

ДЕВЧОНКА

Когда была я *очень* молода,
Тогда играла: в мать и дочку — раньше.

КАЗАНОВА

А куколку живую хочешь нянчить?

ДЕВЧОНКА

Похожую на вас — хочу, на всех —
Нет, не хочу. — Смешно! — И будет квакать,
Как лягушонок!.. Нет, грешно!

КАЗАНОВА

Чтó — грех?!
Всех девушек удел — грешить и плакать,
И плакать и грешить, и плакать вновь,
И вышивать потом на церковь ризы...

ДЕВЧОНКА

Я буду звать ее: моя Любовь,
А при крещеньи дам ей имя: Лиза.

(Постепенно переходя в скороговорку.)

А над кроватью был бы балдахин,
Розовым шелком вышит, — всюду кисти!
И я бы в ней спала одна; боюсь,
Когда храпят — и жарко, а хозяйка
Когда б пришла поздравить, я бы ей —
Смотри — вот так — в глаза бы наплевала!

(Плюется.)

Так, так, так, так. Потом бы золотой
В лоб запустила — не один, а тыщу!
Вот-вот-вот-вот — за то, что у ворот
Стужей меня знобила. — Скоро ужин?

А впрочем, чтобы дотерпеть,
Я песенку могу вам спеть.
Хотите?

КАЗАНОВА

Спой!

ДЕВЧОНКА

Вы не скупой?
Вы мне дадите золотой?

Казанова, смеясь, опускает ей за шиворот несколько монет. Визг.

ДЕВЧОНКА
(поет)

Страсть ударяет молотом,
Нежность пилит пилой.
Было веселым золотом,
Станет сухой золой.
Лучше — пока не выцвели
Очи от слезных дел —
Милый, гуляй с девицами,
В розах, как Бог велел!
Много в саду садовников,
Роза в саду — одна!
Дальше сквозь строй любовников
Гонит меня луна...

(Обрывает.)

Короткая песня, а в Рим доведет!
— Хорошая песня?

КАЗАНОВА

На розовый рот
Я твой загляделся, на шейку твою...

ДЕВЧОНКА
(обиженно)

Как странно, что *смотрят*, когда я пою!

(Взглядывая в окно.)

— Луна!

КАЗАНОВА

Богородица всех измен!

ДЕВЧОНКА
(мечтательно)

Она голубого цвета...

(Вглядываясь в окно, читает.)

«Забудсшь» — а дальшс? — «и Гсн... и Гсн...
Забудешь и Генриэтту!»

КАЗАНОВА
(подойдя к ней)

Что ты читаешь?

ДЕВЧОНКА

То, что на стекле
Написано — нет, здесь, левей — алмазом...
«И Генриэтту?..»

КАЗАНОВА

Или я ослеп?!
Гостиница «Весы» — часы — спаси мой разум!
Алмазом по стеклу — кольцом — кольцо!!!
Тринадцать лет назад!!! — Эй, кони, мчите!!!

(Ударяет кулаком по стеклу. Стекло вдребезги. Взрыв ветра.)

ДЕВЧОНКА

Какое страшное у вас лицо!
И почему вы так кричите?

КАЗАНОВА

Что ты? Кто ты? Вон, негодяйка, сгинь!

(В окно.)

Моя Любовь! Мой лунный мальчик!

ДЕВЧОНКА

Мне остается лишь сказать: аминь.
И тут же отправляться дальше.
— Еще убьете!

КАЗАНОВА
(не понимая)

Ты зачем пришла?

ДЕВЧОНКА
(пятясь)

Вы сами звали, обещали ужин...

КАЗАНОВА

Что! Ужин? — Кроме этого стекла,
Мне — понимаешь? — ничего не нужно!

Стекло выбито, попадает рукой в пустоту.

ДЕВЧОНКА
(хныкая)

Сейчас уйду... Сперва введут в беду,
Потом — у-у — выталкивают в спину...

КАЗАНОВА

Тринадцать лет, Анри, в каком аду!
Платонова родная половина!
Здесь кто-то плачет? — В лунной полосе
Взойдешь, как сон... как сон... и Бог
рассудит...

ДЕВЧОНКА

Я понимаю: вы такой, как все,
И никакого ужина не будет.
Прощайте!

КАЗАНОВА
(очнувшись)

Ты уходишь?

ДЕВЧОНКА

Ухожу.
Я ненавижу вас!

КАЗАНОВА

Ого! Ты злая!

ДЕВЧОНКА

Я вам предоставляю госпожу
Луну, а вас — Луне предоставляю!
Целуйтесь с ней!

КАЗАНОВА

Рассерженный зверек!

ДЕВЧОНКА

Не смейте на меня глядеть!

КАЗАНОВА
(позабавленный)

Чертенок!
Хочу — гляжу!

ДЕВЧОНКА

А всё равно не впрок!

КАЗАНОВА

Ну и состарься без таких девчонок!

ДЕВЧОНКА

Я так хотела вас любить!

КАЗАНОВА

Ну-ну!
Еще захочешь!

ДЕВЧОНКА

Чтоб взбесились вдруг вы?

КАЗАНОВА
(хлопая себя по колену)

Садись сюда — хоп!

ДЕВЧОНКА
(уже на коленях)

Больше на Луну
Глядеть не будешь — и на эти буквы?..
А что это за буквы? — Нет, в окно
Не смей глядеть! — Души моей мученье!

(Поворачивает руками его голову к себе.)

— Так что это за буквы?

КАЗАНОВА

Так, — одно —
Единственное — приключенье.

ДЕВЧОНКА

Амурное?

КАЗАНОВА

Нет, нет...

ДЕВЧОНКА

Ну да, ну да!
Знаем мы вас! — Дверь на задвижку запер?
Ужинать не хочу.

(Одним прыжком с колен Казановы к статуэтке Мадонны.)

А шаль — сюда,
Чтобы не огорчалась Божья матерь.

25 декабря 1918 — 23 января 1919

ФЕНИКС

Пьеса в трех картинах,
в стихах

Car l'homme vieux a pour
ennemis la nature entière.

Casanova. Mémoires. Ch. VI[1]

ЛИЦА

ДЖАКОМО КАЗАНОВА ФОН СЕГАЛЬТ, ныне библиотекарь замка Дукс, 75 лет, «Que suis–je? Rien. Que fûs–je? Tout»[2].
КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ, столь же – грации, сколь Казанова – фурии, 60 лет.
ГРАФ ВАЛЬДШТЕЙН, племянник князя де Линь и хозяин замка.
ВИДЕРОЛЬ, домашний поэт. Смесь амура и хама. Зол, подл, кругл, нагл, 20 лет.
ДВОРЕЦКИЙ, покровитель и сподвижник Видероля.
КАПЕЛЛАН, жировой нарост, в летах.
ПЕРВАЯ ОСОБА, ВТОРАЯ ОСОБА — иссохшие мумии расы.
СТАРЫЙ КАМЕРДИНЕР КНЯЗЯ ДЕ ЛИНЬ, к дворне непричислимый.
ФРАНЦИСКА, дитя и саламандра. Прозрение в незнании, 13 лет.
ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ, ПОЛЬСКАЯ ГОСТЬЯ, ВЕНСКАЯ ГОСТЬЯ — бессердечье птичье, женское и светское, 20 лет
ПЕРВАЯ ПРИНЦЕССА, ВТОРАЯ ПРИНЦЕССА — невоспитанные куклы.
ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА, автомат.

Дворня:

ПОВАР.
САДОВНИК.
ПОРТНОЙ.
ЕГЕРЬ.
ЛАКЕЙ.
МОЛОДОЙ КАМЕРДИНЕР ГРАФА.
ПЕРВАЯ СУДОМОЙКА.
ВТОРАЯ СУДОМОЙКА.
ПРАЧКА.

---

[1] Ибо старому человеку враждебна вся природа. *Казанова. Мемуары. Гл. VI (фр.).*
[2] «Чем стал я? Ничем. Чем был я? Всем» *(фр.).*

Время и место встреч:
Первая картина — кухня в замке Дукс, в Богемии.
Вторая картина — обеденный зал в том же замке.
Третья картина — библиотека в том же замке.

Год — 1799, час встреч — вечер и ночь.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ДВОРНЯ

Кухня в замке графа Вальдштейна, в Дуксе. Поздний вечер. Лето 1799 года.

ПЕРВАЯ СУДОМОЙКА

Ох-ох-ох-ох! В который раз!
Чуть перемоешь — снова грязь!
Беда родиться судомойкой!

ВТОРАЯ СУДОМОЙКА

Да, веселее бы за стойкой
В трактирчике.

ПЕРВАЯ СУДОМОЙКА

Еще в своем!

ВТОРАЯ СУДОМОЙКА

Военных угощать настойкой!

ЛАКЕЙ

Всегда в презренном мире сем
Бабьё останется бабьём!
Уж я на этот раз натаскан:
Червь сахаром посыпан — съест!
Семь пирогов в один присест,
И на покой — с гусарской каской!

ПЕРВАЯ СУДОМОЙКА

И врете!

ЛАКЕЙ

Дай-ка пирожок!

ПЕРВАЯ СУДОМОЙКА

В уланах у меня дружок.
Как размахнется вострой саблей!

ПОВАР

Как ужинали нынче?

ЛАКЕЙ

Слабо.
Воздержанные времена!
Чай, половину каплуна
Сюда стащил бы...

ПОВАР

Для позору
Моих седин!

ЛАКЕЙ

Каб наш обжора,
Сей толкователь облаков,
Не потрудил над ним клыков.

(Показывает пустое блюдо.)

Что — чисто?

ПОВАР

Не едок, а чудо!

ЛАКЕЙ

Еще спасибо, что хоть блюдо
Оставил. Ото всех приправ
Хоть памятка б осталась!

САДОВНИК

Граф
Сам виноват — такое терпит!

ЛАКЕЙ

Граф, доложу вам, рад до смерти!
Разов пятнадцать: «Удостой!»
Подкладывал своей рукой.
Одной начинки двадцать ложек!
Тот съест, а граф еще подложит,
Тот съест, а граф подложит вновь.

(Передразнивая.)

«Две вещи согревают кровь:
Хороший ужин — и любовь!»
И косточки потом обгложет.

ПЕРВАЯ СУДОМОЙКА

Ну, уж с любовью!

ВТОРАЯ СУДОМОЙКА

Не скажи!
Глаза-то, милый, как ножи
Кинжальные!

ЛАКЕЙ

Сказала! – Угли!
Углищи!

ВТОРАЯ СУДОМОЙКА

А уж больно смуглый, –
С рожденья? Или просто грязь?

ПРАЧКА

Нет, девки, это отродясь.
Намедни, доложу вам, сваты,
Сует мне в руку три дуката,
Чтоб людям не сказавшись, знать,
Ему бельишко постирать –
До завтрашних гостей.

ЛАКЕЙ

Бродяжка!

ПРАЧКА

Всего-то счетом – три рубашки.
Четвертая на нем. – Белье! –
Одна лишь слава. – Так, рванье.
Чуть между пальчиков потрите,
Все и останется в корыте.
Так и не знаю уж, как быть.

ВТОРАЯ СУДОМОЙКА

Его бы можно зачинить!

ПРАЧКА
(оскорбленно)

Я не охотница до клочьев!

ЛАКЕЙ

А он с тобою в уголочках
Не шепчет?

ВТОРАЯ СУДОМОЙКА
(хихикая)

Я не из княжон.

ЛАКЕЙ

Ну, девка, это не резон.
Скажи: не по зубам скорлупка!
Гоняется за каждой юбкой.

ПЕРВАЯ СУДОМОЙКА
(на лакея)

Положим, что не он один.

ЛАКЕЙ

Всех по порядку наградим.
Красавица!

Возня.

ПРАЧКА

Тому три года
Ни девке не давал проходу!
А семьдесят с хвостом годов!
Охотник до таких трудов!
Не брезговал и нашей кофтой.

ВТОРАЯ СУДОМОЙКА

А из каких он городов-то
Сюда к нам прибыл?

ЛАКЕЙ

Изо всех
Как тот библиотекарь-чех
Вконец спился, стал книжку — кружкой,
А кружку — книжкой звать, — с дерюжкой
Вот с этой — граф к нам прикатил.
Сперва с ним вместе ел и пил,
Сам первый кланялся...

ВТОРАЯ СУДОМОЙКА

Забава!

САДОВНИК

Сегодня в парке косят траву, —
Граф приказал. Вдруг: «Кто таков?
Не трогай, говорит, цветов!»
Я так и сяк. — «Не трогай, тресну!»
— Для пользы клумб, мол, дескать, тесно
Другим цветам от них, глушат
Садовые... А он ушат
С водой — как схватит: «Все мне любы,
Кричит, цветы!» Я думал — зубы
Повыбьет. — «Вот тебе оршад!»
И весь мне, на плечи, ушат!
Как пес промок! — Дойдет до драки!

ЕГЕРЬ

А мне вчерась: «Чего собаки
Всю ночь провыли под окном?
Ты виноват!»

ПОРТНОЙ

Ко мне с сукном
Пристал, чего ему кредиту
Не открываю.

ЕГЕРЬ

Ух, сердитый!
Так нынче взором и ожег:
Нарочно, мол, трублю в рожок
Под окнами его, чтоб спать он
Не мог...

ПОВАР

А уж силен да статен, —
С таким не свяжешься!

ЕГЕРЬ

Ерой!

ПОВАР

Вчерась горячею порой
Подходит с видом монумента:
— Подай мне, говорит, поленту! —
Гремит, как целый эскадрон.
— Чего-с? — И блюдо макарон!
— Подохнешь тут от ваших тушей
Свиных, кишки у вас — не души!
От ваших пуншей и попов,
Окороков и дураков! —
Каков?

ЛАКЕЙ

А нынче с капелланом
Связался, все дородным станом
Его корил: клохтун, толстун,
Не капеллан вы — а каплун!

Хохот.

Вас бы на вертеле зажарить!

ПРАЧКА

Безбожник.

САДОВНИК

Раза три бы вдарить
По морде!

ПОВАР

Ишь зазнался, голь!

МОЛОДОЙ КАМЕРДИНЕР
(входя)

Честной компании хлеб-соль!

ОБЕ СУДОМОЙКИ
(сразу)

Герр Йозеф!

МОЛОДОЙ КАМЕРДИНЕР
(ломаясь)

Наконец у цели!
Все графа провожал в постелю.
Совсем уж проводил — стучат.
Пожалуйте-с! — Сам Чертов Ад
Пожаловал: «Не уважают —
Теснят — обходят — уезжаю».

(Передразнивая.)

«В зловонии навозных куч
Орлу не место. — Вот вам ключ
От родовой библиотеки,
Вот ключ от рукописей...»

САДОВНИК

Экий
Наглец!

МОЛОДОЙ КАМЕРДИНЕР

Уж граф и так и сяк.
— Бездарнейший из всех писак.
Меня, кричит, рифмует с чертом!
Лакей на той неделе тортом
Обнес... Дворецкий ваш в упор
Шутом назвал... Дворецкий — вор
У вас, — все погреба расхитил!
Я барскому добру хранитель,
Не потерплю... Мне сам король
Людовик доверял контроль!
Меня сам Понятовский в Польше
До звезд возвысил... — Дальше — больше...
— Служу вам из последних сил...

НЕСКОЛЬКО ГОЛОСОВ

А граф?

МОЛОДОЙ КАМЕРДИНЕР
(смеясь)

Прощения просил.
В неделю восемь раз.

ПОВАР

Умора.

САДОВНИК

Вот заслужили командора!

СТАРЫЙ КАМЕРДИНЕР
(неожиданно выступая из темноты)

А я вам, люди, доложу:
Весь век по господам служу,
Не пивовар из пивоварен —
Зря осуждать: хороший барин!
Взрос не в мужицких сапогах.
А коль сейчас не при деньгах,
Так это не позор, а горе,
А здесь и честь, где вор на воре,
Где и вельможи спину гнут.
Горба не выгнет, как верблюд
За хлебцем, — своего предложит!
Он да мой барин — вот вельможи!
А все другие — тьфу!

МОЛОДОЙ КАМЕРДИНЕР

Старик!
Смотри, повешу за язык!

СТАРЫЙ КАМЕРДИНЕР

Цыц, мелюзга!

МОЛОДОЙ КАМЕРДИНЕР

Молчи, холера!

СТАРЫЙ КАМЕРДИНЕР

И вся старинная манера...
Как кланяется! — Что твой князь!
А все другие — мелочь, мразь,
Так, срамота...

МОЛОДОЙ КАМЕРДИНЕР

Молчать, Иуда!

СТАРЫЙ КАМЕРДИНЕР

Разряженные лизоблюды!
Ублюдки!

Входит Дворецкий об руку с Видеролем. Видероль присаживается к судомойкам.

ДВОРЕЦКИЙ
(грозно)

Что это за рев?
Кто у плиты из поваров?

ПОВАР
(вставая)

Я.

ДВОРЕЦКИЙ

Что хозяин в кухне — повар,
Ты знаешь?

ПОВАР

Знаю.

ДВОРЕЦКИЙ

Громкий говор
Под кровлей замка воспрещен.
Оберегать господский сон
Кто должен?

ПОВАР

Слуги.

ДВОРЕЦКИЙ

То-то: слуги!
Что ж разорались как белуги!
Кто начал?

МОЛОДОЙ КАМЕРДИНЕР
(на Старого)

Он!

ДВОРЕЦКИЙ

Так ты? — Скоты!

СТАРЫЙ КАМЕРДИНЕР

Милейший, старикам на ты
У нас не говорят в Париже.

ДВОРЕЦКИЙ

Париж — далёко, крепость — ближе,
Молчать!

СТАРЫЙ КАМЕРДИНЕР

Хозяин мне один:
Фельдмаршал князь де Линь. Аминь.

ДВОРЕЦКИЙ
(сжимая кулаки)

А я здесь...

СТАРЫЙ КАМЕРДИНЕР

Хоть султан турецкий, —
Мне дела нет!

ДВОРЕЦКИЙ

Я здесь — дворецкий!

СТАРЫЙ КАМЕРДИНЕР
(невозмутимо)

Себе — дворецкий, мне — дурак,
Так, прихлебатель из дворняг.
Мое почтенье!
(Не торопясь выходит.)

ДВОРЕЦКИЙ
(в бешенстве)

Ишь, подагра
Ходячая! Постой-ка — шваброй
Всю спесь с тебя сшибу, бахвал!

(Кому-то, в темный угол кухни.)

Эй, Стеффен, за вином, в подвал,
А ты, Ханс-Йорг, за капелланом!
— Марш по домам!

Все расходятся.

Займемся планом
Атаки. Впереди успех.
Друг Видероль, ты не из тех,
Пиитов допотопной расы,
Боящихся махнуть с Пегаса
В раздолие земных трясин.

ВИДЕРОЛЬ
(отмахиваясь)

Помилуйте! Я не Расин
И не Корнель!

ДВОРЕЦКИЙ

Тогда — час добрый!
Мне лично веселей бы ребра
Ему переломать, но граф
Шутить не любит. Зная нрав
Его на этот счет суровый,
Решил я герра Казанову
Другою казнию казнить.

ВИДЕРОЛЬ

На Богородице женить?

ДВОРЕЦКИЙ

Нет.

ВИДЕРОЛЬ

Опоить ревенным корнем?

ДВОРЕЦКИЙ

Нет.

ВИДЕРОЛЬ

Рукописи в ящик сорный?

ДВОРЕЦКИЙ

Нет.

ВИДЕРОЛЬ

Соусник пролить на плешь?

ДВОРЕЦКИЙ

(вынимая из-за пазухи портрет Казановы)

Узнал?

ВИДЕРОЛЬ

Как не узнать? Все те ж
Глаза – двойным костром полночным!
Должно быть, сын его побочный
Иль внук? По возрасту он дед.

ДВОРЕЦКИЙ

Он сам же в возрасте побед!

ВИДЕРОЛЬ

Красавца не встречал такого!
Откуда?

ДВОРЕЦКИЙ

Выкрал из алькова.
Еще подружками не сыт, –
Вот с юностью своей и спит!
Однако же вернемся к казни:
Избить нельзя: со старым князем
Дружит, – заворожил шельмец!
Итак...

Входит Капеллан, в сопровождении Слуги и бутылок.

Садись, святой отец!

(Видеролю.)

Дальнейший план, рукою детской
Ты намаракуешь куплетцы.
Бутыль — за строчку.

ВИДЕРОЛЬ

Меценат!

ДВОРЕЦКИЙ

А дальше — дамы извинят,
Мы в обществе не блещем женском —
Повесишь это совершенство
Над дверью непотребных мест.

ВИДЕРОЛЬ

Для привлечения невест?
Согласен!

ДВОРЕЦКИЙ

Только поцветистей!

ВИДЕРОЛЬ

С огнем такого куплетиста
Не сыщете!

ДВОРЕЦКИЙ

Озолочу!

ВИДЕРОЛЬ

Испытанному рифмачу
Доверься!

ДВОРЕЦКИЙ

Угодишь — удвою!

КАПЕЛЛАН

Ведь приходящих за нуждою —
Что странников к святым местам!

ДВОРЕЦКИЙ

В лоск опозорим!

ВИДЕРОЛЬ

По рукам!
Товарищ!

КАПЕЛЛАН

Дорогие дети!
Я в сем союзе буду третий.
Где выпивка, там мало двух.
Бог Иегова — Бог сын — Бог дух.

(Возлагая Видеролю на голову руки.)

Благословляю, сын, на подвиг!

ВИДЕРОЛЬ

Так по одной на строчку?

ДВОРЕЦКИЙ

(растроганный)

По две!

КАРТИНА ВТОРАЯ

ЗНАТЬ

Обеденный зал в замке Дукс. Жемчуга на шее красавиц и грани богемских бокалов горят закатом. Мрачный покой улыбками женщин преображен в цветник. Посреди цветника, в мундире фельдмаршала, с орденом св.Стефана на груди и взнесенным бокалом в руке,—вечно юный князь де Линь. И надо всем—воскрешенные кое-где заходящим солнцем—видения старинных бабушек.

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

И юноши и соловьи
Вас славят в непрестанном гимне.
Но все ж, красавицы мои,
Да не смутит вас век мой зимний.
Нежней слуги вам и верней
Под солнцем не было и нету!

(Подымая бокал к бабушкам.)

За розы невозвратных дней!

(Наклоняя бокал к цветнику красавиц.)

За розы нынешнего дня!

(В окно.)

За розы будущего лета!
Волшебницы! Мне смертный яд
Был нéктаром из ваших ручек.
За ваших бабушек!

ВСЕ

Vivat!

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

За их благоуханных внучек!

(Дамам.)

За розу Франции! За дочь
Прекрасной Польши! Звонче, чаши!

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ

Князь, за бессоннейшую ночь
Всех наших бабушек!

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ
(галантно)

За вашу!
...Труднейшее из всех искусств —
Не медлить на вселенской сцене!

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ

За все победы ваших уст!

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ
(направляясь с бокалом к дверям)

За подвиги и приключенья!

В дверях, залитое пурпуром заката, видение старика. Видение в золотом камзоле, черном бархатном жилете, белых чулках и башмаках на красных каблуках Regence[1], *со стразовыми пряжками. На смуглом остове лица — два черных солнца. Три, друг за другом, медленных старомодных поклона.*
Все последующие замечания — громким шепотом.

ПЕРВАЯ ПРИНЦЕССА

Какой он страшный!

ВТОРАЯ ПРИНЦЕССА

И смешной!

ВИДЕРОЛЬ
(громко)

Развалина! Бродячий остов!
Всю жизнь дружил с чужой мошной,
Нахлебник на ролях шутовских,
Фигляр!

Французская гостья, смеясь, закрывает ему веером рот.

Быть может, век назад
И был хорош...
(Оценивая.)
Глаза.

ПОЛЬСКАЯ ГОСТЬЯ
(так же)

Пожалуй...

ВЕНСКАЯ ГОСТЬЯ

Как заведенный автомат!

ПОЛЬСКАЯ ГОСТЬЯ

Как черт, сбежавший с карнавала!

---

[1] Времени Регентства *(фр.)*.

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ

Надменен, как испанский гранд!

ВТОРАЯ ПРИНЦЕССА

По стразовой звезде на туфлях!

ПЕРВАЯ ПРИНЦЕССА

Не то фигляр, не то педант,
Не то танцмейстер — в буфах, в буклях, —
Как бабушкина кукла!

ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА ПРИНЦЕСС
(Видеролю.)

Ах,
Скажите — что это за мода?

ВИДЕРОЛЬ

Венецианский альманах
Семьсот сорок седьмого года.

ПЕРВАЯ ПРИНЦЕССА

Чудовище!

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ
(увлекая Казанову)

Любезный друг,
Присаживайтесь.

КАЗАНОВА

Где же место?
Не вижу!

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

Мы раздвинем круг.

КАЗАНОВА

Коль грустное мое соседство
Вас не пугает...

В эту минуту Дворецкий подходит к графу Вальдштейну и, склонившись, что-то тихо говорит ему.

ГРАФ ВАЛЬДШТЕЙН

Дядя! — Князь!
Князь, на секунду!

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

Весь к услугам.

ГРАФ ВАЛЬДШТЕЙН

Над суеверьями смеясь,
Вы им подвластны?

17 Зак 175

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ
(с улыбкой)

Как супругам —
Красавицы: сердясь, силком.

ГРАФ ВАЛЬДШТЕЙН

Князь, нас двенадцать за столом
Сейчас, — а если новым гостем
Обогатится круг наш...

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

Бросьте,
Племянник! Так не говорит
Потомок Вальдштейна... Средство
Простое — встану!

ДВОРЕЦКИЙ

Ваша светлость!
Уже отдельный стол накрыт
Для господина...

(С намеренной заминкой.)

...Казо... Каза...
Библиотекаря.

КАЗАНОВА

Наказан
Я, старый бражник, без вины
Сегодня. В дни моей весны
Я и тринадцатым на ужин
Придя — был первым, ибо *нужен*
Тогда красавицам был, днесь —
Не нужен. Такова Фортуна!
Князь, вы затронули все струны
В сем сердце старческом, но здесь —
Не место мне...

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ
(кладя ему руку на плечо)

За вами в ссылку
Тогда последую. Бутылку
Шабли! — Цветник же райский сей
Лишь краше расцветет без стужи
Снегов полярных...

Садятся за отдельный столик. Князь де Линь наливает два бокала.

Друг, за дружбу
Двух загостившихся гостей.
Эх, современник! — Но стоит
И стынет ужин ваш.

КАЗАНОВА
(вскипая)

Я сыт —
Подачками. Миров владыки:
Епископ — временщик — посол
Садились у меня за стол, —
Но я не забывал Ле-Дюка,
Лакея своего. Забыт
Мой стол, мирам открытый... — Сыт.

(Застывает в брезгливом высокомерии.)

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ
(Видеролю.)

А кто-то у меня в долгу!
Да, кто-то, обещавший нечто,
И не исполнивший.

ВИДЕРОЛЬ
(ломаясь)

Солгу,
Сказав, что знаю.

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ

Чет иль нечет?

ВИДЕРОЛЬ

Чет!

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ

Нечет, — проиграли! Срок —
Секунда, а потом — стишок.

ВИДЕРОЛЬ
(ломаясь)

Помилуйте, такие судьи!

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ

О, я за вашу музу грудью
Стою!

ВИДЕРОЛЬ
(так же)

Я не решаюсь.

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ

Нет?
Так я́ решаюсь. Граф! Поэт
Сонет прочтет!

ВИДЕРОЛЬ

Рондо!

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ

Не все ли
Равно? Рондо! А стих веселый —
Рондо?

ВИДЕРОЛЬ

Как ямки на щеках
У дамы сердца.

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ

(ударяя его веером)

Вертопрах!

ВИДЕРОЛЬ

(что-то высчитав по пальцам, — почти без задержки — со множеством ужимок)

Когда бы вправду вертопрах
Я был — подобно рифме звонкой
Раскатываясь на устах, —
Тогда бы мимо дев сторонкой
Не шел, вдали от них — не чах.
Ах, на миру одни подонки
Достались мне! Ребячий страх
Мне губы леденит. Сквозь пленку
Слез — веера высокий взмах
Слежу, и бровь дугою тонкой.
Вернее голубя в руках
И боязливее ребенка —
Ваш вертопрах.

ПЕРВАЯ ОСОБА

Второй Парни!

ВТОРАЯ ОСОБА

Ja, ja, mein Herr![1]
Второй Парни!

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ

Второй Вольтер!

ГРАФ ВАЛЬДШТЕЙН

(соседке)

Очаровательный мальчишка!

ПЕРВАЯ ОСОБА

Большая будущность в стране
Любви и Славы!

---

[1] Да-да, сударь! *(нем.)*

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ

Вы их мне
На память, в памятную книжку,
Волшебник, впишете?

ВЕНСКАЯ ГОСТЬЯ

Во сне
Увижу их!

ОБЕ ПРИНЦЕССЫ
(разом)

И мне! – И мне!

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ
(значительно)

Иду на всякое условье!

ПОЛЬСКАЯ ГОСТЬЯ

Мне первой, ради всех святых!

(Казанове.)

Что скажете на этот стих?

КАЗАНОВА

Младенческое пустословье!
Как барабанной перепонке
Не треснуть от такой трухи?

(Видеролю.)

Стишонки, сударь, не стихи!
Стыдитесь!

ВИДЕРОЛЬ
(как змей)

Перед сею тонкой
Оценкою – мой скромный слог
Бессилен. Раз такой знаток...
Сей цвет Парнаса и Парижа:
Фон Сегальт!..

КАЗАНОВА

Поумерьте тон!

ВИДЕРОЛЬ
(извиваясь)

Фон Сегальт...

КАЗАНОВА

То-то сударь, – фон!
И не однажды и не трижды
Фон, а стократ, тысячекрат!

КАПЕЛЛАН
(отваливаясь от еды)

Неслыханно!

КАЗАНОВА
(вставая)

Аристократ
Не тот, щенок, кто с целой псарней
Собак и слуг въезжает в мир
В своей карете шестипарной.
Кто до рождения в мундир
Гвардейский стянут, кто силен
Лишь мертвым грохотом имен
Да белизною женских пальцев.
Есть аристократизм скитальцев.

(Удар в грудь.)

Я — безыменных: *я!* — детей
Большой дороги: я — гостей
Оттуда!

(Широким жестом указывает в окно.)

ВИДЕРОЛЬ

Разобьете блюдо!

КАЗАНОВА
(раздражаясь)

Аристократ по воле Чуда!
И стольких звезд я кавалер,
Сколь в небе их...

КАПЕЛЛАН
(воздевая глаза к потолку)

Довел Вольтер!

(Остолбеневает с вознесенным ножом и вилкой.)

КАЗАНОВА
(великолепным жестом)

Сочтите! —
На крестильном бланке
Прочтите: сын комедиантки —
И пригорода! Мой отец —
Дорога!

ОБЕ ПРИНЦЕССЫ И ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА

Боже!

КАЗАНОВА

А венец
Над дамою и кавалером
Держала — вот она! — Венера! —
Звезда бродяг и гордецов.
Безроднейшего из юнцов
К монархиням ведет в альковы,
В Рим — черноглазого птенца,
Чтоб Миром правил. — Без венца
Зачатого — под дождь лавровый...
Колумбов к басенным брегам,
И корсиканцев — в Нотр-Дам!

ОБЕ ОСОБЫ

Бонапартист!

ВИДЕРОЛЬ
(шипя)

Пополним эпос:
И болтунов нахальных — в крепость!
Забыли вы, чей хлеб и соль
Под этим кровом?..

ГРАФ ВАЛЬДШТЕЙН
(мягко)

Видероль!
Как можно?

КАЗАНОВА
(с горечью)

Может быть, некстати
Мне, только милостями знати
Еще влачащему свой век,
Знать обличать. Но человек,
Что в памяти — миры колеблет,
Но вечно помнит, что — нахлебник!
Простите...

КАПЕЛЛАН

Так и есть — с Луны!
Неловкое молчание.

ПЕРВАЯ ОСОБА

Помилуйте! Исключены
Присутствующие... Быть может,
Герр Казанова нам предложит,
Нас познакомит...

(Князю де Линь.)

Ваш сосед
Ведь тоже, кажется, поэт?

КАЗАНОВА

Да, Светлость. Этого союза
Года не расторгают. Музу
Единственную изо всех
Любовниц — не пугает старость.
Я не ручаюсь за успех.

(С великолепной театральностью читает.)

Проклятие тебе, что меч и кубок
Единым взмахом выбила из рук,
Что патоку молитв и желчь наук
Нам поднесла взамен девичьих губок.

И вот сижу, как мерзостный паук,
Один, один меж стариковских трубок.
Что мне до воркования голубок?
Кому, кто молод, нужен старый друг?
Будь проклята! Твои шаги неслышны.
Ты *сразу* здесь. Кто звал тебя? — Сама!
Нет, не сама и не Зевес всевышний

Тебя прислал, Сума — Тюрьма — Чума!
Всех Немезид пылающая ярость —
О дьяволово измышленье — старость!

ПЕРВАЯ ОСОБА

Гм...

ВТОРАЯ ОСОБА

Вы окончили?

КАЗАНОВА

Совсем
Окончил — и покончил.

ВТОРАЯ ОСОБА

Хэм.

КАПЕЛЛАН

Да-а-а...

ПЕРВАЯ ОСОБА

Благодарствую.

ВЕНСКАЯ ГОСТЬЯ

А нету
Чего-либо повеселей?

КАЗАНОВА
(загробным голосом)

Про августейший мавзолей.
О переезде через Лету.
О суетности чувств. Как лето
Неслышно приведет к зиме.

ВИДЕРОЛЬ

А о холере и чуме
Вы не предложите сонета...
Для полности? Чтоб весь букет,
В слезах и голову понуря,
Презентовать своей Лауре...
Упорствующей.

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ
(Видеролю)

Мой поэт,
Что скажете на менуэт
Меж розовых кустов?

(Графу.)

Хозяин
Нам пе откажет?

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

Нсраскаян
В толпе других моих грехов
Сей грех: пристрастье к Терпсихоре.
Спросите обо мне, танцоре,
У бабушек!

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ

У женихов
Их, верно, тоже?

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ
(смеясь)

Басни! Басни!

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ

Я к бабушке ревную!

ПОЛЬСКАЯ ГОСТЬЯ

Князь мой!
Ваш первый мснуэт за мной!

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ

Второй за мной!

ВЕНСКАЯ ГОСТЬЯ

А тот — с зимой —
Пусть спит себе над фолиантом!

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

Позвольте, граф, сам музыкантам
Произведу сегодня смотр.

(В дверях.)

Традидерá... Сады Ленотр...
В толпе прелестных иностранцев
Ты, майской бабочки милей...
О менуэт — дуэт сердец!
Вы королем недаром танцев
Звались и танцем королей!
Где вы, прежние луны?
Где вы, нежные пары?
О блаженная юность!

КАЗАНОВА

О, презренная старость! [1]
О, бессильная злоба!

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

О, преграды кружёв
О, кружащие робы
Молодых королев!
Развязалась подвязка...
Как дано, так и взято...
Кто скрывался под маской?
Тсс... Инкогнито — свято!
О, жемчужные зубки!
О, каскады кружéв!
О, летящие юбки
Молодых королев!

А потом — от камзола —
Это облако пудры...

(Вполоборота — Казанове.)

Вы тоже были чернокудры?

(Выходит.)

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ

Ушел — и сердцем вслед несусь!
Я в князя влюблена!

[1] Стоят по обе стороны двери, как две кариатиды прошлого. Разительная разница этих стариков. Над разъединяющей их аркой — смутным овалом изображение какой-то молодой красавицы, точно благословляющей их розой, скользящей у нее с колен *(примеч. М. Цветаевой).*

ВЕНСКАЯ ГОСТЬЯ

Я тоже.

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ

Нет метче уст!

ПОЛЬСКАЯ ГОСТЬЯ

Нет тоньше чувств!

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ

Ах, если был бы помоложе!
Как страусовым пером по коже
Проводит взглядом!

ВИДЕРОЛЬ
(угодливо)

Этот лоб
Всех коронованных особ
Советчик.

КАЗАНОВА

О высоком лбе,
Раб низколобый, – не тебе,
Презренный прихлебатель наглый,
Судить.

ВИДЕРОЛЬ

И не тебе, дворняга!

КАЗАНОВА

Вельможа из дворняг, – ну что ж!
А ты – дворняга из вельмож!

В последующей сцене Казанова вопит, а Видероль шипит.

ВИДЕРОЛЬ

Что-о?

КАЗАНОВА

То.

ВИДЕРОЛЬ

Как?

КАЗАНОВА

Так.

ВИДЕРОЛЬ

Шут!

КАЗАНОВА

Червь!

ВИДЕРОЛЬ

Черт!

ДАМЫ
(в ужасе)

Что вы!
Герр Видероль! Герр Казанова!

КАЗАНОВА

Ты кровью мне заплатишь, трус!

ВИДЕРОЛЬ

Со стариками не дерусь.

КАЗАНОВА

Corpo di Bacco! [1]

ВИДЕРОЛЬ

Впрочем...

КАЗАНОВА
(со сжатыми кулаками)

Sancta! [2]

ВИДЕРОЛЬ

Вы не найдете секунданта!
Вот разве камердинер Жак,
Ваш тезка и коллега...

КАЗАНОВА
(набрасываясь)

Ка-ак?

ДАМЫ
(разнимая)

Поэт! – Ученый муж! – Как нáзло,
И князь ушел!..

КАЗАНОВА

В зубах навязла
Мне ваша мордочка!

ВИДЕРОЛЬ

Внизу –
Цепь есть с кольцом!

---

[1] Черт побери! *(ит.)*
[2] Пресвятая дева! *(ит.)*

КАЗАНОВА

Нос отгрызу!
Смотри не подходи!

ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА
(издали)

Спасите!

ВСЕ ДАМЫ

Князь! – Граф!

КАЗАНОВА

Сударыни, простите!
Увлекся...

ВЕНСКАЯ ГОСТЬЯ

Умираю!

ВИДЕРОЛЬ

Ров
С водой есть!

КАЗАНОВА
(дамам)

Я на все готов.

ПОЛЬСКАЯ ГОСТЬЯ

Чтобы не прятать в долгий ящик –
Вы славный, говорят рассказчик?

ВИДЕРОЛЬ
(иронически)

Перл!

КАПЕЛЛАН

Первый в мире!

КАЗАНОВА

Быть вторым
Не довелось еще. – Про Рим
И хижину есть изреченье.

ДАМЫ
(вместе)

Какое-нибудь приключенье!

ПОЛЬСКАЯ ГОСТЬЯ

Чтоб было золото и кровь!

ФРАНЦУЗСКАЯ ГОСТЬЯ

Нет-нет, фон Сегальт, — про любовь!
Про первый поцелуй, вам данный
Красавицей!..

КАЗАНОВА
(начиная)

Ребенок странный
Был, — на земле не ко двору.
Все так и ждали, что умру:
Уж гроб был куплен!

ДАМЫ
(в ужасе)

О-о!

КАЗАНОВА

Из носу
Кровь так и льет, как из насосу.

ДАМЫ

Фи! Пощадите!

КАЗАНОВА
(не слыша)

Что ни час,
То — понимаете ли — таз!

Воспитательница и Младшая принцесса отходят.

Что́ таз — ведро!

ВИДЕРОЛЬ

А не корыто?

КАЗАНОВА

И вечно рот полуоткрытый:
Вот так.

(Разевает пасть.)

Считали лекаря,
Что, рот как рыба отворя,
Я потому еще плутаю,
Что кровь — из воздуху глотаю.

Старшая принцесса по знаку Воспитательницы отходит.

ДАМЫ

Как?

КАЗАНОВА

Солнечную кровь.

ДАМЫ

Про кровь –
Довольно! Дальше, про любовь!

КАЗАНОВА

Заморыш – и в кровавых пятнах!
Ребенок был не из приятных!
И посему красотка мать
Меня не стала отнимать
У смерти, – но зато в охапку
Сокровище схватила бабка.
И вот, когда сведен и слаб,
Над тазом извиваюсь, – цап
Мадонна Марциэлла в полы
Плаща меня – и шмыг в гондолу.
«Молчи, молчи, мой кавалер!»
«Куда?» – «В Мурано, гондольер!»
К зловоннейшей из всех лачуг
Причаливаем.

Видероль и Французская гостья, переглянувшись, отходят.

«Болен внук:
Откройте!» – Притаилась, шельма:
Ни звуку! «Донна Нина, бельма
Вам выцарапаю!» Засов
Тут скрипнул. Целый рой бесов
Нам под ноги – и остов клячи!
Я – в судороге. «Taci, taci, –
Mi'àngelo![1] Не то – в огонь!»
Трикраты поплевав в ладонь
И в ноздри мне дохнув трикраты,
Старуха – сам шельмец рогатый
Так не смердит –

Капеллан, пожав плечами, отходит.

У бабки с рук
Меня хватает – и в сундук
Вниз головой! «Молчи как мышка!»
И с донной Марцией – на крышку!

Что́, тут пошло! Уж то́ был гул!
Уж то́ был грохот! «Вельзевул!
Вниз головой свечу в три пуда
Тебе поставлю! Сделай чудо!»
Крик бабушки: «Яви любовь!
Останови младую кровь!»
Крик ведьмы: «Чаю!» Бабки: «Чаю!
Тебе младенца посвящаю!»

[1] Тише, тише, мой ангел! *(ит.)*

Крик ведьмы: раз! крик ведьмы: два!
Крик бабки: стой!!! — Но тут слова
Такие уж пошли и скрежет
Такой бесовский —

Польская гостья, украдкой крестясь, отходит.

что — пусть режут!
Пусть жарят! — изловчился вдруг
И — головой прошиб сундук!
И к донне Марции на ручки!
А ведьма: «Отстояли внучка!
Теперь ему другой закон, —
Вторым крещением крещен!»
И, смраду завязавши в узел,
Мне по́д нос тычет: «Как в союзе
Дым и огонь, перст и ладонь,
Всадник и конь, — так в этот узел
Я кровь твою стянула. Вновь
Цвесть будешь ты — всем на любовь.
Еще приказываю прямо
На спинке спать, и будет дама
К тебе с визитом из трубы.

А если за мои труды
Хоть слово ты о том, что видел
И слышал... то — не будь в обиде,
Коль шейку... Понял? — Ну, смотри!»

А час спустя после зари...

Первые звуки менуэта. Последний слушатель — Венская гостья — бабочкой выпархивает в дверь. Вокруг Казановы — никого. Он — в пустоту — со все возрастающим жаром.

...Уж полная луна вставала
Предстала мне из мглы канала —

(утишая голос)

Не смею имени назвать —
Венеции младая мать
И соименница, из пены
Как та́ — возникшая. Колена
Я жарко обнял ей. Она ж,
Дивясь на юный возраст наш,
Как нехотя, с улыбкой важной
Нам плащ свой приоткрыла влажный...
И вот, на лбу моем, меж струй
И водорослей — поцелуй...

Когда ж пурпурно-бирюзовый
День занялся...

СТАРЫЙ КАМЕРДИНЕР
(в дверях, громким шепотом)

Герр Казанова!

КАЗАНОВА
(спросонок)

Что? Кто? Ни с места! Что? Раздет!
Не принимаю.

СТАРЫЙ КАМЕРДИНЕР

Я портрет
Принес вам.

КАЗАНОВА

Что за лепет вздорный?
Что за портрет?

СТАРЫЙ КАМЕРДИНЕР

Сказать зазорно,
В каком, поганейшем из мест,
Висел...

КАЗАНОВА
(принимая из его рук портрет, вглядываясь)

Что значит?

СТАРЫЙ КАМЕРДИНЕР

Вот вам крест,
Бог покарай меня подагрой! —
Никто другой, как энтот наглый
Рифмач. Ловкач до этих штук-с!

КАЗАНОВА
(широко раскрывая глаза)

Плащ... Водоросли...

(И — отчаянным криком.)

Замок Дукс!!!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

КОНЕЦ КАЗАНОВЫ

Но люблю я одно: невозможно.
И.А.

Книгохранилище замка Дукс, в Богемии. Темный, мрачный покой. Вечный сон нескольких тысяч книг. Единственное огромное кресло с перекинутым через него дорожным плащом. Две свечи по сторонам настольного Ариоста зажжены только для того, чтобы показать — во всей огромности — мрак. Красный, в ледяной

пустыне, островок камина. Не осветить и не согреть. На полу, в дальнедорожном разгроме: рукописи, письма, отрепья. Чемодан, извергнув, ждет.
Озноб последнего отъезда. Единственное, что здесь живо, это глаза Казановы.
И надо всем — с высот уже почти небесных — древняя улыбка какой-то богини.

Казанова, 75 лет. Грациозный и грозный остов. При полной укрощенности рта — полная неукрощенность глаз: все семь смертных грехов. Лоб, брови, веки — великолепны. Ослепительная победа верха.
Окраска мулата, движения тигра, самосознание льва. Не барственен: царственен.
Сиреневый камзол, башмаки на красных каблуках времен Регентства. Одежда, как он весь, на тончайшем острие между величием и гротеском.
Ничего от развалины, все от остова. Может в какую-то секунду рассыпаться прахом. Но до этой секунды весь — формула XVIII века.
Последний час 1799 года. Рев новогодней метели.

КАЗАНОВА
(над сугробом бумаг)

Теперь посмотрим этот хлам
Бумажный...

(Читает)

«Хочешь, пополам
Поделим: мне, дружок, урок,
Вам — розы...» Помню назубок!
Тереза? Нет, Манон! — Осел!
«Когда ты от меня ушел,
Я долго, долго...»

(После каждого отрывка, комкая, швыряет письмо в сторону.)

«Черный ад
Вам уготован. Вот назад
Вам перстень ваш. Люблю». Бедняжка.
Монашка! От кольца — бумажка
Одна. А это что? «Вассал!
Нам Бог наследника послал.
Вы крестный».

(Смеясь.)

Понимаю, крестный!
Проказница! — «Вы мне несносны,
И если б не твои, злодей,
Глаза... Готовьте лошадей,
Держите наготове шпагу...»
Воительница! «Под присягой
Клянусь: патрицианки зов
Весь остров Корфу до зубов
Вооружит...» Стих из Талмуда...
«Не забывайте!» — «Не забуду».
«Все позабуду!» — «Нынче в пять,
Вы крестите...» Уже опять
Крещу? «Тебя любить — как в шахту
Без фонаря...» — «К тебе вся шляхта

Ревнует...» — «Обошлись с сестрой:
Ей день, мне ночь...» — «Волны морской
Мгновенней...» — «Жизнь в твоей ладони!»
«В моем туманном Альбионе
Нет черных глаз...» — «За сей Эдем
Всей вечностью плачу. М.М.».
Ты вечностью, а я подагрой!
А это что? Абракадабра
Какая-то!..

(Отшвыривает, берет новое.)

«Жги до костей!
Неистовостию страстей
Прославлены венецианцы».
«Нет женского непостоянства,
Есть только миллионы уст
Пленительных...» — «Клянусь, клянусь...»
«Я в ревности страшнее тигра!»
«Ты нами в кости был разыгран, —
Мой выигрыш!» — «Живу — права,
Помру — отправят!» Какова? —
«Всю кровь мою отдам, чтоб плакал!»
А это что? Таких каракуль
Не видывал! Ни дать ни взять,
Побоище! Должно быть, мать
Водила детскою ручонкой:
«Все кости мне прожег... печенки...»
Безграмотно, но как тепло!
«Пусть филином тебя в дупло
Забьет отмщающая старость!»
«Так медленно сгорал твой парус,
Лазурный огибая мыс
Коралловый...» — «Вернись! Вернись!»
«В тот день, когда, поняв, что — во́т он!..»
О эти женские длинноты!
«Прощайте! Порван наш союз!
С простой мужичкой не делюсь!»
«Из гроба поднимусь, чуть свистни!»
«О смерть моя!» — «Верните письма!»
«Простого рода я хоша,
Но тоже у меня душа,
И так что в пору первых ягод...»

(Смеясь, подбрасывает в воздух воображаемого ребенка.)

«Весь мир перелюбила за год, —
А все-таки ты лучше всех!»
«Последствие твоих утех
Откроется не раньше святок».
«Зачем вам не седьмой десяток,
Чтобы никто уже...» — «Дружок,

Зачем вам не седьмой годок,
Чтобы никто еще...» – «Как саван,
Страсть надо мной...» – «Плюю в глаза вам».

(Оскорбленно.)

О! – «След целую ваших ног
По всем дорогам...» – «Наш сынок...»
«Чтоб первым не ушел – я первой
Ушла...» – «Венецианским перлом
Слыву, – отважься, водолаз!»
«Благодарю за каждый час,
За каждый взгляд, пишу в горячке,
Час жить осталось...» – «Наши скачки
Блистательны...» – «Мой чемодан
В харчевне «Золотой фазан».
«Наложницу прогнал – сиделкой
Прокрадываюсь...» – «В этой сделке
Смерть – мой единственный барыш!»
«С тобой и в небе согрешишь!»
«Под свист супружеского храпа...»
«А Джакомино нынче папа
Сказал...» – «Я нынче под замком».
«Поздравьте первенца с зубком, –
Отцов не посрамляют львята!»
«О ваши клятвы, ваши клятвы!»
«Вернейшая из Пенелоп,
Сижу и жду...» – «Там хоть потоп!»
«За путь от альфы до омеги
Благодарю, учитель неги!»

(Блаженно улыбнувшись, блуждает глазами. Целует письмо.)

«От ветренейшей из подруг –
Клэрэтты – Королю Разлук:
Не плачьте, друг: Бог – дал, лорд – отнял!»
«Привет преемнице – от сотни
Преемников...» – «Стеклянных бус
Пришли и денег...» – «Не вернусь.
Я вас люблю, но он богаче».
«Изменник, дни и ночи плачу!
Манон. Она же – Стрекоза».
«О ваши черные глаза!»
«Грех на земле один: безгрешной
Остаться...» – «Казанове. Спешно.
Сын. В восприемники прошу».
О Господи, весь свет крещу!
Какой-то полк черноголовый!
«О Казанова, Казанова!»
Без подписи... Цветок... Число...
«Разлука – тоже ремесло,
Но есть и мастерство разлуки...»

«О ваши руки, ваши руки!»
«Нанесший рану — будь врачом!»
«Сынок Джакомо наречен:
Так барственен, что в очи колет!»

(Разводя руками.)

«Чудовищно! Пложусь, как кролик!»
«Поздравь! Еще один солдат
У Франции!» — Какой-то град
Ребячий! Не моргну без сына!
«Не опоздайте на крестины!»
— О Господи! — «Наш сын здоров».
— Да сколько ж у меня сынов?!
Достаточно! Пора бы дочку!
«Готовь крестильную сорочку.
Но розовую: дочь...» — Пойдут
Наследницы теперь! — «Ты плут:
Мне сына посулил, а в качке
Дочь заливается...»

(Хватаясь за лоб.)

Горячка!
Дотанцевался, любодей!
«Забывчивейший из друзей,
Такие глазки не у вас ли?»
Да что ж это такое? Ясли?
Дом воспитательный? Завод?
Вот — вот — вот — вот — вот — вот — вот — вот!
Вот — вот — вот — вот!

(Комкая, швыряет письма в огонь.)

«Ждут верховые...»
Вот! — «Но и в хладной Московии
Сердца пылают...» — Вот! Пылай,
Снег московийский! — «Менелай
Уехал...» — Догоняй, час пробил!
«Я без тебя остригла брови —
Для верности...» — Вот верность! — «Рвусь
На части...» — Дорвалась! — «Зовусь
Терезой...» — Хоть треской! — «Влекома,
Влачусь». — Влачись! — «О мой Джакомо!»
— Вот он, Джакомо твой! — «О Жак!»
— Вот Жак твой! Так — так — так — так — так!
«В Версале...» — Посветлей Версаля
Дворец! — За то, что все писали,
И все бросали! За сынов,
За сорок тысяч Казанов,
Которых я крестил, которых
Всех по ветру пустил! — За порох,
Растраченный по всем дворам —

Дворцам — ветрам — морям — мирам...
Вот вам, застежки! Вот вам, пряжки!
Вот, герцогини! Вот, монашки!
В одной рубашке, чаще — без!
Вот вам, три полчища чудес
Под пологом! Вот — сволочь — сводня —
Любовь, чьей милостью сегодня
Я *так* встречаю Новый год!
Вот — вот — вот — вот — вот — вот — вот — вот!

(Внезапно успокоившись.)

Цветы и локоны отдельно.
Не хватит ста моих горстей!
Сброд всех шерстей и всех мастей!
От льна голландского младенца
До хны турецкой. Уроженцы
Всех стран. Вся страсть от А до Z —
Лети, чудовищный букет!

(Опять разъярясь.)

Фиалками звались? Вот Парма!
В Голландию, высокопарный
Гордец! Ты, чудище, — в Лион!
О Боги, как я был влюблен
В одну танцовщицу в Лионе!
Как будто все еще в ладони
Трепещет стрекозиный стан...
Розина!

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ
(входя)

Что тут за разгром,
Друг Казанова?

КАЗАНОВА
(отрывисто)

Так, с добром
Вот с этим расправляюсь. Счеты
С Венерой.

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

Сердце не болит?

КАЗАНОВА

Нет, филин я и инвалид.
А на́ смех дворне — нет охоты!
Чтоб чья-то дерзкая ладонь
Их, насмеявшись, в ящик сорный?
Рожденные в огромном горне —
Обратно: из огня — в огонь!
Как будто был он в сердце жен

Затем зажжен, чтоб кости греть мне
Сегодня...

(С едкой усмешкой.)

За почти — столетье
Впервые в тратах возмещен!
Все достояние мое —
Вот здесь!

(Ударяет себя в грудь.)

Когда же серп двурогий
Взойдет...

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

Позвольте, а белье
Вы тоже в печку?

КАЗАНОВА

Нет, в дорогу.
— Немного —

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

Как в дорогу?

КАЗАНОВА

Так.

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

Когда? Куда?

КАЗАНОВА

Сейчас. Не в Дуксе
Одном гробовщики есть.

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

Жак!
Друг! Пунш мне новогодний в уксус
Вы превратить хотите. — Вздор!

КАЗАНОВА
(вскипая)

Вам — вздор, светлейший, мне — позор,
Что до сих пор (клянусь, краснел бы,
Коль было б чем!) — что до сих пор
Я здесь — не вор! Добро бы вор!
Вор — королям король! Нахлебник.

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

Библиотекарь!

КАЗАНОВА
(разражаясь)

Все одно!
Что воду мне велел в вино
Дворецкий лить — не знали? Что
Мне мимо носу решето
С клубникой проносили летом —
Не знали? Что своим фальцетом
Мне как ланцетом режет слух
Какой-то — черт его! — петух
От полночи до двух — не знали?
Что нынче в оружейном зале
Сиятельным гостям копье,
Святую память Валленштейна,
Не я показывал — вам тайна,
Быть может? А мое тряпье,
Развешанное на заборах —
На посмеяние? А ворох
Пергаментных редчайших книг
Изрезанных? А духовник,
Сей жировой нарост на теле
Вселенской церкви, три недели
Обкармливающий меня
Писанием?.. Когда коня
— Лететь! — прошу, дает мне клячу
Шталмейстер. Суп такой горячий,
Что глотку обжигаю. Граф
Мне кланяться не стал. Устав
Гласит: сильнейший должен первым
Склоняться. В нашем парке серна
Пропала — я виной. Что́ знать —
Что́ дворня... Дайте досказать!
Еще не приходилось в Дуксе!
По-здешнему скажу — смеются,
На языке Вольтера тщусь
Их ум возвысить — как укус,
Как уксус — смех, в теченье часа
С движеньем рук и глаз им Тасса
Вещаю — смех, сержусь — еще
Сильней! На правое плечо
Главу склонив, три па поклонных,
Черчу, как высокорожденных
Учил еще в сорок седьмом
Марсель — смеются! Ниц челом
К перстам прелестных гостий — стая
Смешков придушенных! Пытаюсь
Ввести их в тайные appas [1]

[1] Прелести *(фр.)*.

Па менуэтовых — толпа
В дверях! А, например, сегодня:
Камзол *мой* золотой — не моден,
Но мой, — подмигивают! Всех
Скорей съел персик — смех! Орех
Не разгрызается — смех, лавры
В петличке — смех, фиалки — навзрыд
Смех, ем — смех, сыт — смех, пью — смех, трезв —
Смеются, на секунду резв —
Смех, запою — как по заказу
Смех, впопыхах с ночною вазой
Столкнулся — гром, взревел — не гром,
А грохот, точно топором
По голове — смех, до икоты
Смех...

(Задыхается.)

После сотни ж анекдотов
Отчаяннейших — весь Олимп
Со смеху б помер! — ладан — нимб —
Ареопаг — тишь гробовая...

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

(глубоко-серьезно)

Я слушал, не перебивая,
И выслушал. Гляжу на вас
И думаю: Пегас, Пегас!
Конь бесподобный! Нет, в конюшне
Не место вам, скакун воздушный!
Но...

Входит Слуга.

СЛУГА

Их сиятельство просить
В зал приказали...

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

(отпуская его знаком)

Отпустить
Вас одного — в метель — безумье
И преступленье.

(Кладя ему руку на плечо.)

Без раздумья!
Я тоже старый человек.
Проводим вместе Старый Век,
И в Новый — нас одна карета
Помчит. Что скажете на это,
Мой Ариостов паладин?

КАЗАНОВА

Я должен умереть один.

(Пауза.)

Идите, князь. Князь, Бога ради!
Вы князь, фельдмаршал, здешний дядя
И дедушка... Князь, если кто
Вас спросит обо мне — ничто
В ночь новогоднюю не чудо —
Скажите: раздражен иль в груду
Томов зарылся... Я чудак,
И все привыкли... Словом, так,
Чтоб нынче не хватились.

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

Хватит
Ли средств у вас?

КАЗАНОВА

Кто мастер тратить,
Кто щедро платит, тот привык
К безденежью.

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

(протягивая ему кошелек)

Жак, вы старик,
И я старик. На солнцах пятна
Растут...

КАЗАНОВА

И так уж неоплатный
Должник я ваш. Нельзя же всех
Бродяг одаривать.

(Смущаясь, прячет.)

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

А мех
Дорожный есть?

КАЗАНОВА

Князь, вы безбожны!
Великолепный плащ дорожный!

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

Подбитый ветром?

КАЗАНОВА

(вдохновенно)

Да, но в нем
Пять тысяч жен таким огнем
Горели, сном таким блаженным
Покоились — вдоль всей вселенной:
В возках, в каретах, в визави...

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

Прощайте, Агасфер Любви!

(Объятия. Выходит.)

КАЗАНОВА

Розина...
Родинки — кудряшки —
Регалии... Теперь рубашки:
Раз, две... Гм... Не хватает трех.
Грабители! Последних крох
Лишили! Равноправья принцип!
Все разокрали! Якобинцы!
Негодники! Ну две, так две...
В таком нелепом воровстве
Я и слепца не заподозрю.
Мои рубашки! Славный козырь!
Добыча! Черт бы вас растряс,
Колбасники свиные! Да-с.
Жизнь. Да-с. Кончать в лесах богемских,
Начав в Венеции. У немцев
Не кровь, а сыворотка! Шут
С рубашками! Не обойдут
Последнего из Кавалеров!
Честь старая и Агасферов
Плащ огнедышащий — при нас!
Куда еще в последний час
Помчит — в какие Трапезунды?
Меня Folia Vagabunda [1]
Моя? Последняя из всех
Роз, Флор, Марий, Елен и Ев...
О, как меня обворовала
Одна Марион!

Бьет одиннадцать.

— Так. Карнавалу
Осталось час. — Но что за храм
Любви была! —

(Сгребая и швыряя в чемодан разбросанное тряпье.)

Ну-с, старый хлам! —
И как потом о ней я плакал!

(Берет со стола Ариоста.)

Ну-с, старый, отвечай, оракул:
Когда к Хароновой реке
Спущусь, — и с чьей рукой в руке
Очнусь в небесных будуарах?

---

[1] Мания бродяжничества *(ит.)*.

(Из книги вылетает письмо. Подымает. Читает.)

«Когда-нибудь в старинных мемуарах —
Ты будешь их писать совсем седой,
Смешной, забытый, в старомодном, странном
Сиреневом камзоле...

(Смотрит на свой камзол)

где-нибудь
В Богом забытом замке — на чужбине —
Под вой волков — под гром ветров — при двух свечах —
Один — один — один — со всей Любовью
Покончив, Казанова! Но глаза,
Глаза твои я вижу — те же, в уголь
Все обращающие, те же, в пепл и прах
Жизнь обратившие мою... Я вижу...
И литеры встают из-под руки, —
Старинные — из-под руки старинной,
Старинной — старческой — вот этой вот — моей...

(Смотрит на свою руку.)

Когда-нибудь в старинных мемуарах
Какая-нибудь женщина — как я
Такая ж...»

На пороге — существо в плаще и в сапогах. Высокая меховая шапка, из-под нее медные кудри. Вся в снегу. Стоит неподвижно.

КАЗАНОВА

Весь небесный сонм!
Вы — Генриэтта или сон?

ФРАНЦИСКА

Не сон я и не Генриэтта,
Я — он, верней сказать: одета
Как мальчик — как бы вам сказать?
Я — девочка.

(Отряхивает плащ.)

КАЗАНОВА

Но дети спать
Должны, а не бродить, как духи!

(Разглядывает.)

Костер в глазах. Сережка в ухе.

(Кладет руку на огонь свечи.)

Нет, жжется. Брежу или сплю?

ФРАНЦИСКА

(отчетливо)

Я к вам пришла сказать, что вас люблю.

КАЗАНОВА

(успокоившись)

Так. Значит, сплю. Должно быть, по дороге
Из Дукса. Добрый Жак укрыл мне ноги
Плащом. — А все ж польщен! И вот под звон
И стон метельный — сплю. И вижу сон.
Так. Стало быть, дитя пришло сказать мне:
«Я вас люблю». Музы́ки нет приятней
Сих слов. Готов их слушать по часам
(Должно быть, их подсказываю сам!)

(Поддразнивая.)

Мне двадцать лет, я молодой, я храбрый...

ФРАНЦИСКА

Да вы не спите! Я святую правду
Вам говорю!.. Я знаю, что глупа,
Что так нельзя! Но целая толпа
Гостей у них, и через край все вазы
От роз, а на сударынях алмазы,
Как солнца! А в буфетной — столько вин!
А вы один — такой прекрасный господин!
Так лучше всех!

КАЗАНОВА

(себе)

Должно быть, лесом еду.
Я молодой?

ФРАНЦИСКА

Нет, вы немножко седы,
Но это ничего.

КАЗАНОВА

Во сне — и сед!
Обидно! Значит — девочка и дед,
Да?

ФРАНЦИСКА

Нет, не да! Дед глуп, дед глух, дед в тряпки
Одет. Скелет! И о какой-то бабке
Бормочет от зари и до зари.

КАЗАНОВА

Пожалуйста, потише говори.
Боюсь — проснусь!

ФРАНЦИСКА
(вынимая из-под плаща сверток)

А это, в узелочке,
Здесь — только вы рассердитесь! — сорочки,
Три штуки.

КАЗАНОВА
(себе)

Неужели ж и сейчас
Я ими озабочен?

ФРАНЦИСКА

Не спросясь —
Вы не рассердитесь — что зачинила?

КАЗАНОВА
(галантно)

Хоть и во сне, но это очень мило.
Давно мне их не чинят наяву!
Чуть женский голос — и опять живу!
Морфея чудодейственная помощь.

ФРАНЦИСКА

Я здешнему лесничему приемыш:
Так, лесом шел и подобрал в лесу.
Вот и расту!

КАЗАНОВА

В двенадцатом часу
Такого века хоть ничто не диво,
Но все ж...

(Разводит руками.)

ФРАНЦИСКА
(как о вещи самой естественной)

Я к вам пришла, чтоб стать счастливой.

КАЗАНОВА

Обезоружен, коли лжешь — так лги!

ФРАНЦИСКА
(занося ногу на локотник кресла)

Как нравятся вам наши сапоги?

КАЗАНОВА

Для сновиденья что-то много прыти!

Франциска быстрым жестом пригибается к его руке. Тот, отдергивая.

Ай!!!

ФРАНЦИСКА

Я ж перекрестилась, что не спите!
— Мне очень стыдно! — Ох, что я за дрянь!
Ох, что я сделала!

(Плачет.)

КАЗАНОВА

Сон, перестань!
Ну, деточка!

ФРАНЦИСКА

Не детка, а гадюка
Гнуснейшая! Чтоб я такую руку,
Такую... Но зато себя сама
Вот — в кровь!

(Торжествуя, подымает прокушенную руку.)

КАЗАНОВА

Коль так во сне меня с ума
Свела — что было б в жизни?

ФРАНЦИСКА
(хвастливо)

Отпечаток
Глубокий?

КАЗАНОВА
(галантно)

Героиня, без перчаток
Теперь ни шагу!

(Задерживает ее руку в своей.)

ФРАНЦИСКА

Нет, всем напоказ!
Пустите, сударь!

(Отходит к двери.)

КАЗАНОВА

Как? И не простясь?
Как дикий зверь, добычею насытясь?

ФРАНЦИСКА
(исподлобья)

Да я боюсь, что вы меня боитесь:
Кусаюсь.

КАЗАНОВА

Что «кусаюсь»! Бередишь
Вот здесь.

(Указывает на сердце. Затем, вглядываясь.)

Глаза как ночь, а волос рыж...

ФРАНЦИСКА

И вы туда ж! И так от дровосеков
Проходу нет! «Лес подожжешь!», «Брысь в реку!»
А по деревне — так: «Пожар! Пожар!»
Жизнь не мила!

КАЗАНОВА

Да это Божий дар!
Да это...

ФРАНЦИСКА

Да, благодарю покорно!
Вы, верно, рыжим не бывали.

КАЗАНОВА

— Черным.
Все побелеем. Пламень — пепел — прах.
Но почему ты снишься мне в штанах
И в сапогах? Что означает сон сей?

ФРАНЦИСКА

А это так: когда заходит солнце
И люди остаются в темноте,
То *все* глупы, и *не* глупы лишь те,
Кто, не простясь ни с дедом, ни с соседом —
Плащ — сапоги — и — и за солнцем следом!
Вскачь! По пятам!

КАЗАНОВА

Прытка не по летам!

(Темно — себе.)

Когда-то — в баснословном, темном там
Одна... да, да... Та ж странная веселость...
Глаза не те, но тот же голос, голос...

ФРАНЦИСКА

Чей голос?

КАЗАНОВА

— Так. — Но кто ж про мой отъезд?

ФРАНЦИСКА

Никто, никто, сама святой вам крест!
Я, давеча немножко напроказив,
Забилась в ларь, а камердинер князев
Все ходит и бормочет сам с собой:
«Ох-ох-ох-ох» да «ой-ой-ой-ой-ой!»
«Осиротело наше Чернолесье!
Великий светоч нашего столетья

Нас покидает!» Нас покидает! Лучший цвет вельмож. —
Лучший! Ну так кто ж
Иной тогда?

КАЗАНОВА

О, не шути лукаво!
Нас, стариков, и вас, ребят, нет славы
Обманывать. Что встала? Подойди!

ФРАНЦИСКА

Боюсь.

КАЗАНОВА

Я не кусаюсь.

ФРАНЦИСКА

Но в груди
Здесь что-то — та́к...

КАЗАНОВА
(чуть улыбаясь)

Как?

ФРАНЦИСКА

Точно мне на картах
Смерть вышла.

КАЗАНОВА
(отрывисто)

Сколько лст?

ФРАНЦИСКА

Пятнадцать в марте.

КАЗАНОВА

Как звать?

ФРАНЦИСКА

Франциской.

КАЗАНОВА

Бесподобный звук!
...да — Римини! — И как же это вдруг
Решилась ты, Франциска?

ФРАНЦИСКА
(почти дерзко)

Так — решилась.
Чем мертвой мне лежать, что ваша милость
Усхали, чсм в прорубь головой —
Я не глупа! — решила я живой.

(Разгораясь)

Вы на конс, я рядом, ваши свертки
Вот здесь, — о, вы не бойтесь: кроме корки
Сухой, глотка воды да вот одной
Такой улыбки... Снег так снег, зной — зной,
Дождь — дождь, град — град... О, я не только в ружьях
Сильна да в седлах! Всех своих подружек
Обогнала и в кройке и в шитье...
Хоть вы и не испытаны в тряпье, —
Плоха заплата?

(Разворачивает рубашку, что-то роняет и движением кошки зажимает в горсть.)

КАЗАНОВА

Что это?

ФРАНЦИСКА

Так, — штучка
Одна упала.

КАЗАНОВА

Разожми-ка ручку
Ну, покажи!

ФРАНЦИСКА

Умру, — тогда возьмешь!

КАЗАНОВА

Тогда скажи!

ФРАНЦИСКА
(без вдохновенья)

Ну, новогодний грош...
Ну, камушек...

КАЗАНОВА

Не проще ли: записка
Любовная? Что ж, я нс муж, Франциска,
Тебе, а дед, и даже уж не дед,
А прадед... Я и сам в пятнадцать лет
Тонул в записках...

(Тихонько разжимает ей руку.)

Что тут за стекляшка?

ФРАНЦИСКА
(не глядя, скороговоркой)

От вашей туфли стразовая пряжка...
Вы обронили... Я, когда мела,
Подобрала...

(И — не выдерживая.)

Нет, я вам соврала!
Сама взяла! О, не сердитесь! Сразу
Опять пришью...

КАЗАНОВА
(холодно)

Но ты ошиблась: стразы
Не ценятся... Стекляшкой искусил!

ФРАНЦИСКА

Но вы ее носили?

КАЗАНОВА

Да, носил.

ФРАНЦИСКА

А я бы с ней спала, и в гроб бы даже...

КАЗАНОВА
(хватаясь за сердце)

Как мне бы в гроб не лечь от этой кражи!

ФРАНЦИСКА
(всхлипывая)

Кусаюсь... Вор... Теперь уж следом, вскачь,
Не пустите? Прогоните?

КАЗАНОВА

Не плачь!
Не отпущу!

ФРАНЦИСКА
(с жестом к окну)

Уж на сосне висела!

КАЗАНОВА
(обеспокоенный)

А если бы ты немножечко присела?
Вот кресло.

ФРАНЦИСКА

Что вы, сударь! Здесь, у ног,
Вот так, как ваш покорнейший щенок.

(Переплетает руки на его коленях и, откинув голову, смотрит.)

Ну и глаза у вас! — Пожар и мрак!
Кто говорит: вы старый, тот дурак.
Дворовые сегодня пьют вино;
А у меня и так в глазах темно!
Сам капеллан, что, как купель, разбух,
Пьет из одной, Франциска пьет из двух,

Двух — сразу — чаш! Ура! — Когда умру,
Скажу, что пировала на пиру
И что пила не из кабацкой кружки...
Ура!

КАЗАНОВА

Ты опоздала на пирушку!
Мои подружки золотой поры
Тебе б сказали про мои пиры
Полночные. — Ты поздно родилась.
Мне нечем угостить вас, кроме глаз.

ФРАНЦИСКА

И губ.

Шаги.

Идут! Боже ты мой! Найдут!
Домой сведут! Ой, спрячьте! Нравом крут
Отец, — убьет! Где ж шкаф у вас?

КАЗАНОВА
(в замешательстве)

Где шкаф?

ФРАНЦИСКА

И я умру, вас не поцеловав!

*Казанова единым взмахом поднял и поставил Франциску в нишу окна
Занавес — волнами. Камердинер.*

КАЗАНОВА
(спиной к окну)

Ты, Жак? Что это за поднос?

КАМЕРДИНЕР
(почтенно и степенно)

Я вам поужинать принес,
Чтобы развеселить вам жилки,
Почтенную я вам бутылку
Раскупорил. — Вот, сударь, год:
Читайте...

КАЗАНОВА

Тысяча семьсот —
Не разбираю — двадцать пятый!
Небезызвестная мне дата!

(Похлопывая бутылку.)

Ровесница моей красе!

КАМЕРДИНЕР
(расставляя блюда)

Вот раковое фрикассэ...
Паштет...

КАЗАНОВА
(над бутылкой)

Как я — покрылась мохом,
Старушка!

КАМЕРДИНЕР

Соус обер-кохом
Заправлен...

КАЗАНОВА

Танцевать готов!

КАМЕРДИНЕР

Вот макароны трех сортов,
Согласно славному трактату.
Да-с — вашей милости...

(Полупоклон.)

КАЗАНОВА
(с вдохновенной горечью)

Когда-то
Внимал ему фернейский бог!

КАМЕРДИНЕР

А тут, бочком зарывшись в мох,
Уставшие от всех скитаний,
Тут...

(Приоткрывает закрытую вазу.)

КАЗАНОВА

Персики моей гортани!
Таких и Цезарь не едал!

КАМЕРДИНЕР
(с укоризненной нежностью)

Эх, шли бы, сударь, в общий зал.
Охота в холоде и в злобе
Век провожать!..

КАЗАНОВА

Давно во гробе
Сподвижники моих пиров.
Отбражничал! Под хладный кров,
Седая, провожай, подруга!

КАМЕРДИНЕР
(глядя по направлению его руки)

Послушайте-ка, сударь, вьюгу!
Одумайтесь: как зверь ревет!

Не дело, сударь, в Новый год
Дом покидать… В ночь, без оглядки
Не дело – на осьмом десятке!
Обидели – перетерпи!

КАЗАНОВА

Ты волка видел на цепи?

КАМЕРДИНЕР

Всем повелел Господь всевышний
Свой крест нести…

КАЗАНОВА
(вскипая)

Я в замке ли ний,
Тринадцатый, тупых острот
Мишень! Вот-вот на огород
Поставят, воробьям на ужас!
Достаточно речей досужих, –
И так уж чересчур размяк.

Франциска на секунду высовывает голову. Занавес – бурей.

КАМЕРДИНЕР
(уловивший, но за быстротой не осмысливший)

А что ж это? Никак сквозняк?
С окном-то что ж? Аль на ночь фортку
Открыли?

КАЗАНОВА
(невозмутимо)

Вреден воздух спертый
Для головы. До самых зорь
Морозом освежаюсь.

КАМЕРДИНЕР

Хворь
Какая б не пристала. Буря
Ишь разыгралась! Продежурил
Бы, сударь, возле вас всю ночь:
Уж больно я до вас охоч,
Да и до ваших басен падок, –
Да надо мне насчет лошадок
Распорядиться: снег глубок,
Как бы не вывернул возок
В сугроб. Возница-то не местный.

(Постепенно переходит в бормотание.)

КАЗАНОВА

Жак, нравится тебе воскресный
Камзол мой? Если да – бери,
Бери и не благодари.

Положим, что уже не новый,
Но — от придворного портного!

КАМЕРДИНЕР
(залюбовавшись)

Ишь отливает! Что огонь!

КАЗАНОВА
(чтобы не растрогаться)

Марш! Полночи не проворонь.
Как первый колокол ударит...

КАМЕРДИНЕР
(чуть не плача)

Позвольте в плечико, сударик.

(Выходит.)

КАЗАНОВА
(вслед)

Aeternum vale[1], друг камзол!

ФРАНЦИСКА
(высовываясь)

Ушел?

КАЗАНОВА

Ушел.

ФРАНЦИСКА
(раздраженно)

Он как козел
В нем будет, в золотом камзоле!
И так глаза уж намозолил,
Страшилище!

КАЗАНОВА

Чем досадил?

ФРАНЦИСКА

Спинищею загородил
Мне вас на час! Раз! — Отойдите!

КАЗАНОВА
(ловя ее на лету)

Поймал!

ФРАНЦИСКА
(у него в руках)

Сама далась! Ссадите!
Не сдержите! Чай, пуда два
В одних-то сапогах...

[1] См. с. 357.

КАЗАНОВА
(опуская ее на пол)

— Права!
Не сдержишь... За царьком всесильным
Как станешь шагом семимильным
Шагать — куда тут! — Вслед вздохну...

ФРАНЦИСКА
(хлопая в ладоши)

А я сегодня за жену!

(Хлопочет вокруг него.)

Салфетку... В руки — нож и вилку...
Позволите паштета ломтик?
Вот вам бокал, а вот бутылка.
Бокал на славу. Звонкий, ломкий...

КАЗАНОВА

И ёмкий!

ФРАНЦИСКА

Зелень прямо с грядки!
А розы — ну сейчас с куста!

КАЗАНОВА

Со мной не ужинать вприглядку!

ФРАНЦИСКА

О, я смотрением сыта!

(Звеня по бокалу.)

Что говорит хрусталь?

КАЗАНОВА
(вслушиваясь)

Жаль — жаль — жаль — жаль...

ФРАНЦИСКА

Вдаль — вдаль — вдаль — вдаль...
А что теперь хрусталь
Вам говорит?

КАЗАНОВА

Динь — динь — сгинь — стынь — аминь.

ФРАНЦИСКА

А мне: день синь, день синь, динь — динь — динь —
динь...
Как бубенцы со свадьбы утром рано!
Мы будем пить из одного стакана,
Как муж с женою — да? рука в руке!

КАЗАНОВА
(трогая ее за шапку)

Тебе не жарко в этом колпаке?
Сними его и покажи мне косы!

ФРАНЦИСКА
(беря из вазы персик)

Как это называют — абрикосы?

КАЗАНОВА

Нет, персики.

ФРАНЦИСКА

Как яблочко с пушком!
Щекотно!

КАЗАНОВА

Пей!

ФРАНЦИСКА

Нет, порознь с дружком
Не спится и не пьется. — Это в песне
Поется.

КАЗАНОВА

Отпил, — пей!

ФРАНЦИСКА
(чуть прикоснувшись)

Ваш взгляд чудесный
Глотается — и горячее жжет.

(Отставляет бокал.)

Я очень вас прошу: закройте глазки!

(Проводя персиком по его щеке.)

Персик или щека?

КАЗАНОВА
(нарочно)

Щека!

ФРАНЦИСКА

Попались: персик! Чур, глазка
Не открывайте!

КАЗАНОВА

Дай на вкус, —
Губами я не ошибусь!

ФРАНЦИСКА
(подставляя щеку)

Ну-с!

КАЗАНОВА

Щечка!

ФРАНЦИСКА

Персик! Персик!

КАЗАНОВА

Лжешь,
Проказница! Не проведешь!
Не все старо у старика!
Плод холоден, щека жарка.
Как бархат — плод нежнейший сей,
А щечка женская — нежней!
Еще!

ФРАНЦИСКА
(подставляя персик)

Ну?

КАЗАНОВА

Персик!

ФРАНЦИСКА

Браво!

(Прижимаясь щекой.)

Ну?
Ну!

КАЗАНОВА

Что-то не пойму!

ФРАНЦИСКА

Прильну!
Тесней тогда!

КАЗАНОВА

Еще чуть-чуть!
Секундочку!

ФРАНЦИСКА
(прижавшись)

Да вы заснуть,
Что ль, собираетесь? Вот стыд! —
Спит!

(Наклонившись, разглядывает.)

Нет, не спит! Смеется! И ресницы
Дрожат! Глядит! Пока вам персик снится,
Я персик съем! Вам половинку дать?

(Тормоша его.)

Не смейте спать!

КАЗАНОВА

Чтоб мне не спать — отсядь!

ФРАНЦИСКА

А мне уж не уснуть, когда щекотно!

КАЗАНОВА
(себе)

Бесплотна — плоть, ты, память, — не бесплотна.
И в этом все...

ФРАНЦИСКА
(над блюдом)

А раки без клешней...
Но, если персика она нежней,
Что ж вы ни разу?

КАЗАНОВА
(позабавленный)

Что ни разу?

ФРАНЦИСКА

Так.

(Капризно.)

Рак — без клешней, рак — красный, рак — дурак!
А я умру!

КАЗАНОВА

Покамест — каждой жилкой
Блаженствуешь!

ФРАНЦИСКА

Вы что же нож и вилку
Оставили?

КАЗАНОВА

Подкошен аппетит!
Гляденьем — ты, я — осязаньем сыт.

(Насмешливо.)

Весьма воздушен мой последний ужин!

ФРАНЦИСКА

А вы с другими так же были дружны?

КАЗАНОВА

(убежденно)

Так — никогда!

ФРАНЦИСКА

(задумчиво)

Я слишком молода
Для вас — вот вся беда!

КАЗАНОВА

Не вся беда...

ФРАНЦИСКА

А вы когда-нибудь играли в жмурки?

КАЗАНОВА

Всю жизнь!

ФРАНЦИСКА

Всю жизнь? — А говорят, что турки
Всю жизнь женаты.

КАЗАНОВА

Как?

ФРАНЦИСКА

На всех, на всех!
— Вот весело!

КАЗАНОВА

Ну, не совсем: посев
Обильный не всегда увенчан жатвой.

ФРАНЦИСКА

Все говорят, что вы на всех женаты!

КАЗАНОВА

Тогда — на всех, сейчас — ни на одной.

ФРАНЦИСКА

(возмущенно)

Все умерли? Будь я вашей женой —
Не умерла б!

(Обойдя кресло, зажимает ему глаза руками.)

Ага, попались в клетку!
Сейчас вам глазки повяжу салфеткой!

(Быстро завязывает и, отбегая.)

Ловите! – Здесь!

КАЗАНОВА

(идя на голос)

Здесь?

ФРАНЦИСКА

(перебегая)

Нет, уже не здесь,
А здесь!

КАЗАНОВА

(идя на голос)

Здесь?

ФРАНЦИСКА

(перебегая)

Здесь!
Нет, нет, на стенку лезть
Нехорошо! – Ау!

КАЗАНОВА

Сейчас словлю!

ФРАНЦИСКА

(перебегая)

Ау!

КАЗАНОВА

(входя в азарт)

Словлю!

ФРАНЦИСКА

Я вас люблю! Ау!
Ну? Вы в углу! Искать! Не плутовать!
Повязки не снимать!

Казанова идет на статую богини.

– Вы целовать
Богиню собрались!

КАЗАНОВА

(смеясь)

Не в первый раз!

(Распахивает руки. Франциска неслышно подкрадывается.)

Нет, стой, шалишь, держу!

ФРАНЦИСКА
(срывая ему повязку)

Сама далась!
Держите крепче!

(Ее голова на его груди, плащ сваливается.)

А теперь повязку
Мне повяжите: вмиг словлю!

КАЗАНОВА
(тяжело дыша)

Нет, баста,
Проказница!

ФРАНЦИСКА
(блестя глазами)

И разорву как тигр!

КАЗАНОВА
(держась за сердце)

Грудь разорвется от подобных игр!
Ну и игра!

ФРАНЦИСКА

Ой, бедненький! Как вспухла
Здесь жилка на виске!

КАЗАНОВА

Пожалуй, куклу
Крестить заставишь — после всех крестин!

ФРАНЦИСКА

А это что за книжка — Аретин?

КАЗАНОВА

Оставь!

ФРАНЦИСКА

Не сказки?

КАЗАНОВА

Сказки.

ФРАНЦИСКА

Вот уроды!

КАЗАНОВА

Да, сказки для тебя — через три года.
По ним читать научишься — с другим!

ФРАНЦИСКА

Нет, не с другим!

КАЗАНОВА

Я в сей Ерусалим —
Не пилигрим!..
Для общего покою
Послушай сказку: жили-были двое.
Она — его прекрасней, он — ея.

ФРАНЦИСКА

Брат и сестра?

КАЗАНОВА

Нет.

ФРАНЦИСКА

Значит — ты и я.

КАЗАНОВА

Почти. — И вот, дитя мое, однажды...
Была она прекрасною, и каждый
Ее желал...

(Спохватившись.)

Хочу сказать: жалел...

ФРАНЦИСКА

За что, — желта?

КАЗАНОВА

Нет.

ФРАНЦИСКА

Так бела как мел?
Веснушки, может?

КАЗАНОВА

Нет: всех римских граждан
Гордынею была. И вот однажды
Тот мальчик...

ФРАНЦИСКА

(убежденно)

Вы, стало быть...

КАЗАНОВА

На поклон
К красавице пришел. Меж двух колонн,
Шаг заглушив, глядит: красотка книжку
Читает.

ФРАНЦИСКА
(просияв)

Я! Какую ж?

КАЗАНОВА

Понаслышке,
Не Библию. Без шума, на носках
Подкрадывается... А на висках
У ней такие ж завитки...

(Поддевает на палец одно из выбившихся колец.)

ФРАНЦИСКА
(на лету целуя его руку)

Такие ж?
Точь-в-точь?

КАЗАНОВА
(невозмутимо)

Точь-в-точь. Такие ж. Золотые ж.
И вот...

ФРАНЦИСКА

И вот...

КАЗАНОВА

И вот над ней, как дух,
Дух затаив, стоит. И вместо двух
Четыре глаза уже хватают строчку
За строчкой. — Ночь. — А уж щека от щечки
На полвершка, — уж прямо на глаза
Ей локоны его... Но тут слеза
Упала на страницу к ней... Ресницы
Подъемлет: он! — Ни юный чтец, ни чтица
Прекрасная не помнят до сих пор,
Как книжка соскользнула на ковер...
Уж Рим шумел, уж птицы щебетали...

(Смеясь.)

В ту ночь они не много начитали!

ФРАНЦИСКА
(протяжно)

Какая сказка!

КАЗАНОВА

Быль, дружочек, быль!

ФРАНЦИСКА

Я бы вас услыхала за сто миль!

Руки Казановы, взявшие ее за голову, тихонечко пытаются снять с нее шапку.

Нет, так не надо!

КАЗАНОВА

И во сне не надо?

Не буду!

Руки опускаются.

ФРАНЦИСКА

Их ведь целая громада!
Такая груда! Я с таким трудом
Их укротила...

КАЗАНОВА
(с расстановкой)

Значит, отчий дом,
В сем баснословнейшем из туалетов,
Ты бросила, чтоб этому скелету,
Чтоб этой падали — как королю...
Чтоб что сказать? Чтоб как сказать?

ФРАНЦИСКА

Лю-блю.

(Прячась головой в его колени.)

А если кто взойдет — глаза зажмурю!

(Берет его руку.)

А кто это у вас в кольце?

КАЗАНОВА

Меркурий.
Бог-покровитель всех воров — и мой.

ФРАНЦИСКА

Вор или герцог, — к вам хочу, домой!

КАЗАНОВА

Да что тебе во мне?

ФРАНЦИСКА

Гла-за.

КАЗАНОВА

Потухли!..

ФРАНЦИСКА

О вас так дурно говорят на кухне!
Чтобы какой-то повар у плиты...

КАЗАНОВА

Шехерезада, говори мне: ты!

ФРАНЦИСКА

Боюсь.

КАЗАНОВА

«Боюсь!» – А пистолеты носишь
За поясом! Хорош оруженосец!

ФРАНЦИСКА
(набравшись духу)

Ну – ты!

КАЗАНОВА
(нежно)

Еще!

ФРАНЦИСКА
(с движением к нему)

К тебе!

КАЗАНОВА
(нежней)

Еще!

ФРАНЦИСКА
(ближе)

С тобой!

КАЗАНОВА
(чуть слышно)

Еще!

ФРАНЦИСКА
(кидаясь к нему на грудь)

Тебя!!!

(Ласкается к нему.)

Возьмешь меня с собой?

КАЗАНОВА

Куда?

ФРАНЦИСКА
(с жестом к окну)

Туда!

КАЗАНОВА

Куда – туда?

ФРАНЦИСКА
(страстно)

Повсюду!
Откуда родом ты?

КАЗАНОВА

Есть в мире чудо:
Венеция. Франческа, повтори:
Венеция.

ФРАНЦИСКА

Ве-неция.

КАЗАНОВА

Цари
В ней все, кто дерзок. Женщины в ней рыжи —
И все царицы!

ФРАНЦИСКА

Мне нельзя поближе
К вам сесть?

КАЗАНОВА
(подвигаясь в креслс)

Сюда?

ФРАНЦИСКА

Нет, ближе.

КАЗАНОВА

Так — сюда!

(Единым взмахом берет ее на колени.)

...Вода в ее каналах — как слюда.
А по ночам — как черный шелк тяжелый.
И жены рыбаков себе в подолы
Не рыбу нагружают — жемчуга.
Старухи в нсй не спят у очага:
Все — ведьмы.

ФРАНЦИСКА
(восхищенно)

О!

КАЗАНОВА

Все под червонным ливнем
Мчат с узелком в зубах. А старики в ней
Так любострастны, что, презрев вдовство,
Бросают в Адриатику кольцо —
С ней обручиться! — Что с тобой?

ФРАНЦИСКА
(со сдерживаемыми слезами)

От чистой
Души скажу вам, что сейчас полкисти
Вам отхвачу. — До слез не доводи!

КАЗАНОВА

Да что с тобой?

ФРАНЦИСКА

А то, что здесь в груди
Так горячо...

КАЗАНОВА

Да что?

(Себе.)

Ну, ну, мессэрэ,
Держитесь!

ФРАНЦИСКА
(топая ногами)

Черт! Урод!

КАЗАНОВА
(восхищенно)

Вторая Гера!
Ревнует к Адриатике!

(После секундного размышления, себе.)

Права!

(Франциске.)

Ведь это же не женщина!

ФРАНЦИСКА

Слова!

КАЗАНОВА

Соленая вода! — Сядь, слушай смирно.
Предмет для ревности весьма обширный:
Соль, водоросли, краб, дельфин, полип...

ФРАНЦИСКА
(не сдаваясь)

Но в море есть русалки кроме рыб!

КАЗАНОВА

Библиотекарь нынче в роли дожа!
А хорошо б, чтобы был я помоложе —
Немножко?

ФРАНЦИСКА

Нет. Чтоб я не так мала —
Вот хорошо б! Ведь я вам соврала.
— Черным черна! — Но я хочу признаться:
Мне не пятнадцать в марте, а тринадцать
Исполнилось, — при мне крестильный лист
Тогда был найден.

КАЗАНОВА

Ну-с, Авантюрист,
Что скажете на эту авантюру?
— А если буря нас в пути?

ФРАНЦИСКА

Всю бурю —
Под плащ!

КАЗАНОВА

А если волк?

ФРАНЦИСКА

Я знаю толк
В пистолях — щелк!

КАЗАНОВА

А если целый полк
Солдат?

ФРАНЦИСКА

За рядом ряд, — без капли крови!

(Срывая шапку.)

Раз! Раз! Раз! Раз! Такой огонь открою!
Как зарево по ветру распущу!
Где волк? Где полк?

(Оглядывается на свои волосы.)

Как раз вро́вень плащу?
Или длиннее — нет?

КАЗАНОВА

Ослеп от блеска!
Я вас...

ФРАНЦИСКА
(занятая своими волосами)

Ослеп?

КАЗАНОВА

Я вас люблю, Франческа.

ФРАНЦИСКА

Ме-ня?

КАЗАНОВА

Нет, бред!

ФРАНЦИСКА

Ме-ня?

КАЗАНОВА

Нет, нет, нет, нет!

ФРАНЦИСКА

Да, да, да, да!

КАЗАНОВА

Тебе тринадцать лет!

ФРАНЦИСКА

Но не навек!

КАЗАНОВА

А мне восьмой десяток!
Но никого я так, и никогда так…

(Молчание.)

Из тысяч черт — твои черты
В могилу унесу…

ФРАНЦИСКА

О, почему меня не ты
Тогда нашел в лесу?
Теперь я дочкою твоей
Была б — не хмурь бровей! —
Как львенок между львиных лап,
В твоих руках спала б…
Такая страшная тоска!
Нет — прямо в лес бежать!
Чтоб ни разочку, ни разка —
Так к сердцу не прижать!
Вот так любовь! Да разве так?
Так разве?!

КАЗАНОВА

Гром и мрак!

ФРАНЦИСКА

Чтоб кости хрустнули! Чтоб я
Чувствовала — твоя!
Я с куклою своей нежней,
Да с кошкою, ей-ей —
Нежней…

КАЗАНОВА

Оставь!

ФРАНЦИСКА

Нет, стой, целуй!
Как я кусаюсь — в кровь
Целуй!

КАЗАНОВА

Боюсь.

ФРАНЦИСКА

Презренный трус!
«Боюсь!» — Вот так любовь!
Ты вправду стар! — В лоб, точно поп!
Что я — в гробу, что в лоб
Целуешь? В губы что ж? Ножи,
Что ль, на губах?

КАЗАНОВА

Скажи,
Чего бы ты хотела?

ФРАНЦИСКА

О!
Богатства!

КАЗАНОВА

Что?!

ФРАНЦИСКА

Да сто
Флоринов в час, чтоб их, смеясь,
Сыпать как решето.
Флоринов — кораблей — кружéв
Фландрских — вороха!
И златокудрого, как лев,
Красавца-жениха!
Чтоб мне ровесник был...

КАЗАНОВА
(ядовито)

Нельзя ль,
Чтоб в люльке?

ФРАНЦИСКА
(не слушая)

Стан как сталь,
Не зубы, а миндаль! — И ста
Престолов — князь. — С моста,
С конем, вниз головой, в поток,

Коль я туда цветок,
Платок... Чтоб за один поклон...
Чтоб так в меня влюблен,
Что...

(Задыхается.)

КАЗАНОВА
(вставая)

Милое дитя, твой сказ
Прелестен... Наш же час
Прошел. — Прощай. — Дружка под стать
Найдешь!

ФРАНЦИСКА
(властно)

Дай досказать!
Чтоб...

КАЗАНОВА
(с брезгливой гримасой)

Знаю!.. Чтобы в красный рот
Вас целовал, чтоб вброд
Вас через синие моря
Переносил... Моя
Поклажа сложена...

(Закрывает чемодан.)

ФРАНЦИСКА

Нет, стой!
Чтоб над моей фатой
Три сотни фландрских кружевниц
Ослепло... Чтобы ниц —
Народы... И когда мой князь
Взойдет — весь водомет
Шелков, кружев — все бархатá! —
И принца-жениха
В придачу — весь венчальный хлам —
Всё, всё к твоим ногам!

(Торжествуя.)

Что?!

КАЗАНОВА

То, что так нельзя!.. Что я!
Что я!.. Что ты — змея!..
Что я!..

ФРАНЦИСКА
(выхватывая из-за пояса пистолет)

Ну, череп раздроби!

(Отшвыривая пистолет и кидаясь к нему на грудь.)

Не убивай! Люби!
Ну, улыбнись! Я никогда
Не буду больше! Крест
Святой — не буду!

(Ласкаясь.)

— А в отъезд
Возьмешь меня туда,
В те города?

КАЗАНОВА

Нет, с чудесами
Кончено, — погас.
Осталось веку — полчаса,
А мне, быть может, — час.
Уткнулась лобиком в плечо,
И дышит горячо.
Брось! Ибо ты *еще* ничто,
А я — *уже* ничто.
Уж вьюги саван мне прядут,
Прядут... Года пройдут,
Как месяцы они пройдут,
Дитя, — как дни пройдут...
И с ними уплывет, как дым,
Дым сизый над костром,
Ночь новогодняя с седым
Венецианским львом.
И будет у тебя дружок,
Кровь с молоком — гусар.
И будет у тебя ожог
Здесь...

(Указывает на губы.)

А вот здесь —

(указывает на сердце)

Пожар.
Кто будет он, твой первый грех:
Германец или чех?

ФРАНЦИСКА

Всех женщин вы любили?

КАЗАНОВА

Всех.

ФРАНЦИСКА

Всех разлюбили?

КАЗАНОВА

Всех.

ФРАНЦИСКА

О, сто победоносных труб
Поют в моей крови!
Герр Якоб...

КАЗАНОВА

Коль немножко люб, —
Джакомо — назови.

ФРАНЦИСКА

Мне это имя незнакомо:
Как это вкрадчиво: Джа-комо...
Как тяжкий бархат черный, — да?
Какая в этом нежность: Джа...
Джа... точно кто-то незнакомый
К груди меня прижал... Джа-комо...
Как будто кто-то вдоль щеки
Все водит, водит, уголки
Губ задевает...так что...таешь...
Так — знаешь? — так что...

КАЗАНОВА
(подсказывая)

Засыпаешь.

ФРАНЦИСКА
(сонным голосом)

Нет, не сплю, завтра Ноев ковчег
Подарят мне и лук самострельный...
Вме-сте спа-ать...

Бубенцы. Франциска, подымая голову, которая тотчас же падает.

Слышишь звон?

КАЗАНОВА

Это — Век
Пролетел в колеснице метельной.

ФРАНЦИСКА

Нет, дружок, это Божия мать
Проезжает на белых оленях...
— Казанова, мне хочется спать,
Покачайте меня на коленях!

КАЗАНОВА
(на протяжный колыбельный лад)

Новый год — Новый век,
Где-то снег... где-то свет...
Кто-то трон уступает,
А Франциска засы-пает.
Спросишь: спишь? — Скажет: сплю.

ФРАНЦИСКА
(не подымая век)

Нет, не сплю, а люблю!

КАЗАНОВА
(баюкая)

Кончен бал — карнавал,
Новый век — новый бал...
Кто-то в тень черных елок,
А Фран-циска под полог...
Спросишь: да? — Скажет: да.

ФРАНЦИСКА
(не сдаваясь)

Я хочу в города!

КАЗАНОВА
(убавляя голос)

Городок не-вы-сок,
Шесть сосновых досок.
Ни окон, ни огня —
Городок у меня.
Лучше нет — не взыщи!

ФРАНЦИСКА
(последним усилием поднимая голову)

Пистолеты! Плащи!

(Спит.)

КАЗАНОВА
(переходя в певучий шепот)

Я сижу — не бужу,
Нынче в няньках служу,
И глядеть — не гляжу:
Погляжу — разбужу!
Что ж, что дух занялся!
Я качать нанялся,
Сколько в стаде овец?
Сколько в цепи колец?
Сколько в сердце — сердец?

Казанова, конец!
Мой огонь низко-низко...
Засы-пает Франциска,
Засы-паст Франциска...

(Приложив палец к губам.)

Спит...

Легкий стук в дверь.

Кто там?

КАМЕРДИНЕР
(входя)

Без шести минут
Полночь, сударь мой. Кони ждут.

КАЗАНОВА
(не глядя)

Так. Окажешь еще услугу
Мне, дружище?

КАМЕРДИНЕР
(прикладывая руку к сердцу)

О, сударь!

КАЗАНОВА
(как взмахом крыла указывая на Франциску)

Вьюгой
Мнс товарища примело.

(Глухо и отрывисто)

Соколенок в мос дупло
Залетел. К леснику в лачугу
Отнесешь. — На расспросы: «Вьюгой
Замело, подобрал в снегу».

КАМЕРДИНЕР
(в свою очередь опуская глаза)

Не впервые.

КАЗАНОВА
(все отрывистей и отрывистей)

Коль толк во лбу,
В это дело меня не путай,
Да смотри, потеплей закутай, —
Первый сон...

(Взглядывая на Франциску.)

Так и пышст вся...

КАМЕРДИНЕР

Положитесь.

КАЗАНОВА

Смотри, неся,
Не буди. Никому не ведом
Первый сон.

Камердинер, с чемоданом наготове, ждет.

КАЗАНОВА
(движением руки)

— Выходи. — Я следом
Выхожу.

(Переждав, накидывает плащ, берет со стола Ариоста и подходит к спящей.)

Ну-с, Франциска!.. Спит...

(Сняв с руки кольцо, извечным жестом надевает ей его на палец и чертит над ней в воздухе какие-то письмена.)

От карающих Эвменид,
От полночного перелеска
И от памяти.
Ну-с, Франческа,
С Новым веком!

Послепие слова совпадают с первым ударом полночи. Казанова, уже отошедший к двери, возвращается к Франциске и целует ее в губы.

Москва, июль — август 1919

АРИАДНА

Трагедия

ЛИЦА

ТЕЗЕЙ, сын царя Эгея.
АРИАДНА, дочь царя Миноса.
ЭГЕЙ, царь Афин.
МИНОС, царь Крита.
ПОСЕЙДОН.
ВАКХ.
ЖРЕЦ.
ПРОВИДЕЦ.
ВЕСТНИК.
ВОДОНОС.
ХОР ДЕВУШЕК.
ХОР ЮНОШЕЙ.
ХОР ГРАЖДАН.
НАРОД.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ЧУЖЕСТРАНЕЦ

Дворцовая площадь в Афинах. Ранний рассвет. Проходит Вестник. У водоема, полулежа, Старик чужестранец.
Подходит Водонос.

ВЕСТНИК

Вставай, кто не спал!
Вставай, кто, как дух бродячий,
Очей не смыкал!
Вставайте, настал
День плача!

Семь утренних звёзд,
Спесь прадеда, радость брата,
Вставайте в отъезд,
Которому несть
Возврата!

Семь доблестных львят —
Заглохнет и род и память —
С девицами в ряд
Вставайте. Канат
Натянут.

Встань, матери стон
Над морем! Земля умылась.
Корабль оснащен.
Афинам закон —
Царь Ми́нос!
Вставай, кто не...

(Проходит дальше.)

ЧУЖЕСТРАНЕЦ

Каб от слез смертным очам
Слепнуть — глаз не было б зрячих!
Что́ за город, где по ночам
Не младенцы — матери плачут!
Старцы плачут! Злое стряслось!
Рокот моря — что рёв[1] львиный!
Ты скажи-ка мне, водонос,
Этот город — впрямь ли Афины?

ВОДОНОС

Не иначе.

ЧУЖЕСТРАНЕЦ

Дым очагов
Никнет. С небом огонь дружен!
Верно, плохо чтите богов?

ВОДОНОС

Нет, усердно богам служим.

День и ночь кровь и елей
Льются, щедр жертвенный ладан
В честь седого князя морей
Посейдона, девы Паллады.
Хоть и много, а чтим всех!
Содрогнись, выслушай, старый:
За Эгея-царя грех
Роковой — страшная кара.

[1] Слово *рев* прошу читать через простое «е» *(примеч. М. Цветаевой)*.

Трижды восемь весен тому
Вспять — день в день — Андрогей, критский
Гость, — стрелков равных ему
Не встречал: с языка — птицей
Мысль, что мысль — в птицу — стрела!
Развевался плащ его алый,
На щеках — юность цвела,
На устах — мудрость играла.
Храбр как лев, строен как трость,
Щедр как некто, богам близкий.
Вечно-первым наш критский гость
В беге, в бое, в метанье диска,
В песнях — и в вожделеньях дев... —
О, горстями бы рвал, — знай он! —
Но красы вечный припев —
Смерть — и был Андрогей найден
Мертвым... В роскоши мышц и чар!
От стрелы, пущенной в спину!
И пришлось нам Ми́носу в дар
Молодого мертвого сына
Отвозить...
Грянул войной
Крит. Страшны беды и многи:
Знобы, зуды, засуху, зной
Ниспослали мстящие боги
На наш град. Засухи бич
Нивы жжет, травы без сока.
Матерь, плач! Первенец, кличь!
Груди, грозди, ручьи — иссохло
Всё в раю сем —

(указывает на глаза)

кроме ям
Сих. Верховный совет созван.
В Дельфы царь — к вещим камням.
Был ответ ясен и грозен:
«Андрогей, радость богов,
Жертвы ждет, кровью не сытый.
От Афин белых брегов
К берегам мощного Крита
Пусть корабль тронется. Груз
Корабля — дважды седьмица
Дев и юношей».
— Стон уст
Слышишь? Это к брегам критским
В третий раз нынче корабль
Выплывает. В каждые восемь
Весен — раз. Так покарал
Крит — Афины — за всех весен
Наисладостнейшую...

Сын
Всем отцу был. Бед и разрух
День! — Эгея, царя Афин,
Называет убийцей слух.

ЧУЖЕСТРАНЕЦ

Мощен царь ваш.

ВОДОНОС

Косен и дрябл
Царь наш. Сласть же и скорбь — свыше!

ЧУЖЕСТРАНЕЦ

Искупи́те!

ВОДОНОС

Третий корабль!

ЧУЖЕСТРАНЕЦ

Так восстаньте!

ВОДОНОС

Идут, — слышишь?
Плачут...

ХОР ДЕВУШЕК

О утр румянец!
О девства лен!
Семи избранниц
Услышьте стон!
В тоске и в дрожи
Куда — за вёрсты [1]
Плывем? О не́
К женихам заморским
На ложе, на́ смерть
Корабль везет!

ХОР ЮНОШЕЙ
(впадая)

Семь звезд угаснет,
Семь роз опадет.

ХОР ДЕВУШЕК

Ни роз, ни лилий,
Аида сень!
Семь струн у лиры —
Нас тоже семь!

[1] Слово *вёрсты* прошу читать через «ё» две точки, слово *не* — с ударением на «é» *(примеч. М. Цветаевой)*.

19 Зак. 175

Блаженство — лирою
Множить в семьях:
Семь струн у лиры,
И тоже семь нас,

Сестер по сходству,
Сестер в весне...

ХОР ЮНОШЕЙ
(впадая)

Семь струн порвется!
Семь слез на весле...

ХОР ДЕВУШЕК

О, сестры! Спутан
Порядок волн.
Покорно вступим
На пенный холм.

Защитник — кто нам?
Защитник — где нам?
Мы тщетно стонем,
Конец — надеждам...

Семь дев, семь чаек
Над гладью вод...

ХОР ЮНОШЕЙ
(впадая)

Семь дев отчалит,
Семь жертв отплывет.

Хор дев уступает хору юношей.

Рвите ризы и волоса,
Ибо се́меро в полном цвете...
Ставьте черные паруса,
Корабельщики, горя дети!

Не к красавицам, в царство нег,
Не к чудовищам, в царство лавра, —
Семь юнцов покидают брег
В жертву красному Минотавру,

Минотавр, небывалый бык,
Мести Ми́носовой сообщник,
Мозг и печень нам прободит,
Грудь копытами нам затопчет.

Так, все заповеди поправ,
Мстит нам Ми́нос за кровь сыновью.

ХОР ДЕВУШЕК
(впадая)

Семь юнцов упадают в прах,
Семь стволов истекают кровью.

ХОР ЮНОШЕЙ

Ах, когда бы под градом стрел
Пасть — чтоб *лаврами* кровь бежала б!
Не оставим ни чад, ни дел,
Ничего, кроме женских жалоб,

Лишь утраивающих стыд:
Пасть, ни песни не дав витиям!

ХОР ДЕВУШЕК
(впадая)

Семь бойцов опускают щит,
Семь тельцов подставляют выю.

ХОР ГРАЖДАН

Увы, увы!
Лягут юные львы на знойном
Щебне — ниже травы!
Едут юные львы —
На бойню!

Забудь, забудь,
Матерь, — коих спасти бессильна!
Задуть, задуть,
О встр, помоги
Светильню

Напрасных дней...
Гоня кормовые струйки,
Буйнсй, буйнсй
О ветры, о ветры,
Дуйте!

Что́ знатных жен
Стснанья и плач кормилиц?
Корабль оснащен.
Афинам закон —
Царь Ми́нос.

Спрута яростней, язвы злей...

ЧУЖЕСТРАНЕЦ

Ми́нос? Думалось мне, Эгей —
Царь ваш.

НАРОД

Трепетнее тельцá —
Царь наш.

ЧУЖЕСТРАНЕЦ

Думалось мне, сердца
Вы, не слизни!

НАРОД

Упал, — лежи...
Чтó уж...

ЧУЖЕСТРАНЕЦ

Думалось мне, мужи —
Вы!

НАРОД

Чуть живы мы, — вот чтó [1]. Брось
Поученья. Кость с мясом врозь
Разошлась. Не по силам мзда!

ЧУЖЕСТРАНЕЦ

Значит — Ми́носовы стада
Вы — не граждане? Не отцы
Вы, а камни? Смирней овцы, —
Вздохи, стоны, а меч-то где ж? —
Ждете казни своих надежд?
Прелесть гибнет, а зрелость спит?
Стыд вам, граждане!

НАРОД

Стыд-то стыд...
Богу — храм,
Рыбе — вода...
А уж нам —
Не до стыда!
Век наш — час, вздох наш — пар...

ЧУЖЕСТРАНЕЦ

Есть же царь!

НАРОД

Царь наш стар.

ЧУЖЕСТРАНЕЦ

Чтó до царских седин?
Есть же сын!

---

[1] Ударение на чтó *(примеч. М. Цветаевой).*

НАРОД

Сын один
У царя. Не про нас.
Лоб-то за́ морем тряс!
Гость в отцовом дому.
Да и сын ли ему—

Не сказать. Ходит слух,
Сам слыхал от старух
Старых да стариков:
Будто и не царёв
Сын,—Атлантики гость.
Посейдонова кость.

Впрочем...

ЧУЖЕСТРАНЕЦ

Темен твой сказ!

ОДИН ИЗ НАРОДА

Впрочем, что́ им до нас,
До кротов земляных,
Впрочем, что́ нам до них,
До богов, до царей
И до их сыновей...

Ими пламень раздут—
Наши на́ смерть пойдут!

НАРОД

Увы, увы!
Лягут юные львы на дольнем
Камне—ниже травы.
Едут юные львы...

ЧУЖЕСТРАНЕЦ

Довольно!

Поворотом руля
Спор решают. Пожарищ кличем
Вызывайте царя!
Будет жребий брошен вторично.
Парус смертной ладьи
Пусть и царскую грудь заденет!
Не бездетен—веди
Сына! Юноша—не младенец!

Отвечает вдвойне
Сын за пепел и пурпур отчий.
Пусть с твоим наравне
Встанет, белого о́вна кротче.

Многих ставши отцом,
Царь единого блюсть не вправе.
Как волна под веслом,
Под серпом равнодушны — травы,
В час страды и войны
Все равны. И в крови́ и в хлебе —
Все — Эгею сыны!

Остальное решает жребий.

Царь! — Подхватывайте!
Царь! — Раскатывайте!
Царь! — Три заповеди
До́лжно чтить.

Нет родных тебе,
И нет чужих тебе,
Царь забывчивый!
А третий стих

Этой заповеди... —
Царь! — Расшатывайте
Стены! Ратуйте же!
Бог — и жду?!

Там, где с заповедями
Запаздывают —
Боги ввязываются
В игру.

НАРОД

К царю! К царю!
Во дворец!

ЧУЖЕСТРАНЕЦ

Наседай! Дружнее!

НАРОД

Отец! Отец
Эгей! Подавай Тезея!
Стрела сорвалась!
Страдай же, как страждем мы!

Явление Эгея.

ЭГЕЙ

Приветствую вас,
Афинские гражда́не.

Что́ в утренней мглы
Час — в дом мой приводит вас?

НАРОД

Мы ждать не могли,
Царь! Море тревожится!
Волна восстает!
Кровь взмыла и схлынула!

ЭГЕЙ

Каких же щедрот
Здесь ждете?

НАРОД

За сыном мы
Твоим! Если *ты*
Молчишь – камни ожили!
Мы – тоже отцы!
– И первенцы тоже мы
В домах! – Через край
Беда! Не то вдребезги –
Дворец! Подавай
Тезея для жребия!

Крики.

Тезея! Коль сын
Он царский – не струсит же!
Тезея! Афин
Надежду!

ЭГЕЙ

Так слушайте же:
Согласен!

(Кому-то.)

Ладью
Готовь с черным парусом!
Я вам отдаю
Тезея, столп старости
Моей...

НАРОД

Выводи!
Слов ве́дома суетность!
На сей площади́
Пусть жребий рассудит нас!
Тезея!

ЭГЕЙ

Очам
Предстанет немедленно.
Души моей храм,
Надежду последнюю
Я вам отдаю,
Афины!

НАРОД

Да здравствует
Царь! Слава царю!
Воистину царь ты наш!

ЭГЕЙ

Если ж жребий, который слеп,
На мой оттиск падет единственный,
Не останетесь вы без скреп,
Золотые врата афинские.

Не страшитесь ни язв, ни зол, —
Царь с народом не зря поладили!
Унаследуют мой престол
Пятьдесят сыновей Палладия,

Брата грозного моего.
Не страшитесь престольной трещины!
Вместо кровного одного
Пятьдесят вам царей обещано:
Мощных, рослых...

НАРОД

Но вступят в спор
Братья! От пирога ни корки нам
Не видать!

ЭГЕЙ

Пятьдесят подпор
Царству!

НАРОД

Не пятьдесят ли коршунов?

ЭГЕЙ

Увозите же за моря
Сына: жизнь и глаза мои!
Не останетесь без царя!
Увозите Тезея зá море,

К Минотавру.

НАРОД

Царь готов.
Только будем ли целей?
Целых пятьдесят отцов?
Целых пятьдесят царей!

Брат на брата: бить и жечь!
Шаром прядающий вихрь!
Брат на брата: бич и меч!
Всé мы пасынки для них!

Вотчимами разгромят
Царство! — Злейшее из рабств!
Зуд пятидесяти язв!
Рев пятидесяти распрь!

О пятидесяти нам
Головах обещан змей!
Шибче, шибче по волнам!
Нам не надобен Тезей!

ЭГЕЙ

Слово сказано. Канат —
Клятва царская, — одна!

НАРОД

Чужестранец виноват!

ЭГЕЙ

Клятва царская — дана.
Не последует канат
Легкой прихоти ветрил.

НАРОД

Чужестранец виноват!
Ты — морочил, ты — мутил,
Ты — натравливал! Вязать
Старца злостного! Верны
Всé Эгею мы! Назад,
Гость Аидовой страны!

Нá головы нам как гром
Рухнул! Наш теперь черед!
Руки с разумом, с царем,
Рознить можно ли народ?

ЭГЕЙ

— Сограждане, прав я?

НАРОД

— Под стражу! — На плаху!
— Жало извлечь!
— Заживо сжечь!
— Истолочь!
— Заковать до пят!

Явление Тезея.

ТЕЗЕЙ

Руки прочь!
Чужестранец свят!

Граждане, чтятся
В этом краю
Гости и старцы.
Не узнаю

В этой борьбе неравной —
Родины моей славной!

Гостю — обида?

НАРОД

Ложь в нем и злость.

ТЕЗЕЙ

Кто бы он ни был —
Старец и гость.
Старцу — отмщенье?

НАРОД

Яд в нем и вред.

ТЕЗЕЙ

Дважды священен:
Странник — и сед.

НАРОД

Против основы
Шел, уличен!

ТЕЗЕЙ

Чтите чужого, —
Вот вам закон!

НАРОД

Нож уготован
Жизни твоей!

ТЕЗЕЙ

Чтите седого, —
Вот вам Тезей!

Старца — под стражу?
Гостя — властям?

ЭГЕЙ

Да на тебя же,
Сын мой, восстал!

ТЕЗЕЙ

Знаю. Бессмертным
Стать не боюсь.

Ми́посу в жертву
Сам отдаюсь.
На корабле немедленно
С вами плыву — без жребия.

ЭГЕЙ

Сын мой!

ТЕЗЕЙ

Согласья
Царского жду.

ЭГЕЙ

Стар я.

ТЕЗЕЙ

Но страстен
Я — и в ряду
Граждан афинских —
Первый. — Плывем! —

ЭГЕЙ

Слаб я.

ТЕЗЕЙ

Но сын твой —
Дважды силен.

НАРОД

Слава Тезею!
Новый Геракл!

ЭГЕЙ

Сын мой! Добрее
Волки в горах!
Сдайся!

ТЕЗЕЙ

Не сдамся!
Храбрым — венцы!

ЭГЕЙ

Под стражу упрямца!

ТЕЗЕЙ

На весла, гребцы!

Парус,
В море!

НАРОД

Радость!

ЭГЕЙ

Горе!

ТЕЗЕЙ

Вгладь, морская пучина!

НАРОД

Слава царскому сыну!

ЭГЕЙ

Так захлебнись же
В отчей крови,
Отцеубийца!

ЧУЖЕСТРАНЕЦ
(выступая)

Останови
Слово в гортапи,
Гнев на устах.
Юн — неустанен, —
Юноша прав.

(К Тезею.)

Сын мой!
Еще нам
Страсти нужны!
Ты Посейдоном
Избран в сыны.

В снах и в обличьях,
Вблизь и далече,
Трижды покличешь —
Трижды отвечу.

Пенная проседь,
Гневные волны.
Трижды попросишь —
Трижды исполню.
Пади ко мне на грудь,
Сын, в славе утвержден!

Объятие.

Вал, долу! Ветры, дуть!

НАРОД
(падая ниц)

Владыка Посейдон!

КАРТИНА ВТОРАЯ

ТЕЗЕЙ У МИ́НОСА

Тронный зал царя Ми́носа на Крите. Ариадна, *одна, играет в мяч.*

АРИАДНА

Выше, выше! Пробивши кровлю —
К олимпийцам, в лепну́ю синь!
Мой клубок золотой и ровный,
Дар прекраснейшей из богинь!

В нем великие силы скрыты,
Нить устойчива и светла.
Мне владычица Афродита,
Подавая его, рекла:

«Муж, которому вместе с волей,
Вместе с долей его вручишь,
Он и в путах пребудет волен,
Он и в кознях пребудет чист.

Все пороги ему — путями!
Он и в страсти пребудет зряч!..»
Но заветным клубком покамест
Ариадна играет в мяч.

«Золотой невестин
Дар — подальше спрячь!..»
От земли невечной
Выше, выше, мяч!

«Никому не вручай до часа,
Милых много, один — милей!» —
Так учила она, клоняся
Над любимицею своей.

«Никому не вручай без жажды
Услаждать его до седин,
Ибо есть на земле для каждой
Меж единственными — один.

Золотой невестин
Дар — подальше спрячь!»
От земли невечной
Выше, выше, мяч!

Афродитою с самых ранних
Лет обласкана я: что мать —
Над дитятею. «Твой избранник
И моим не преми́нет стать.

Лишь бы в верности был испытан,
Лишь бы верностью был высок —
Всеми милостями осыплю,
Все дороги его — да в срок!

Чтобы богом земным пронесся,
Лавр и радость на лбу младом...»
Но, увы, золотого лоску
Мяч — по-прежнему мне в ладонь

Возвращается. Дар невестин
Всё — от су́женого, хоть плачь!
От земли невечной
Выше, выше, мяч!

Но меди лязг!
Но лат багрец!
Но светочей кровавых гарь!
Теперь игре моей конец.
Приветствую тебя, отец и царь.

МИНОС
(в окружении факелоносцев)

В наготе тронного зала
Что ты делала, дочь?

АРИАДНА

Играла.

МИНОС

Игры — призрак, и радость — звук.
Чем?

АРИАДНА

Ударами быстрых рук
Мяч испытывала проворный.

МИНОС

В месте скорби моей тлетворной
В день всех горестнее, всех злей?

АРИАДНА

Нет у девушки прошлых дней!

МИНОС

Плач и трепет по всей округе!

АРИАДНА

Мяч подбрасывала упругий,
Чтобы радости мне принес!
Нет у девушки долгих слез!

Вечно плакать — и слез не хватит!
Семя — долго ли в шелухе?
Слаще вздохов о бывшем брате
Вздох о будущем женихе!

МИНОС

Нету сердца в груди!

АРИАДНА

Не знала
Бед.

МИНОС

В канун моего обвала!
Нынче смерти его канун!

АРИАДНА

Но твой первенец, царь, *был* юн,
Я же — есмь. И тому уж трижды
Восемь весен, отец!

МИНОС

Недвижен
Век. Единожды был мне дан.

АРИАДНА

Нет у девушек старых ран!
Только новые! Дайте ж травкой
Быть, — долга ли ее пора?
Завтра уже — без завтра
Дева, что без вчера
Нынче. — Короток день наш красный!

МИНОС

Дан единожды, взят всечасно,
Всевечерне, всенóщно взят.

АРИАДНА

Если ж сыну на смену — зять
Встанет, рощи мужской вершина?

МИНОС

Разве зять заменяет сына?

АРИАДНА

Ну, так я́ остаюсь, седин
Утешение.

МИНОС

Дочь — не сын.
Дочь — увы! — хороша замена! —
Вместо сына. Оплот — на пену
Променять? В этом море слез
Пена — дева, а сын — утес.

На низверженного не сетуй.

АРИАДНА

Сын — утесом, а дочь утехой
Создана, мотыльком жилья.

МИНОС

Медлит жертвенная ладья!
Обложу их тройною данью!
За мгновение запозданья —
В мясники обращает гнев! —
Рощи храбрых и кущи дев!

Минотавру тройная прибыль.

ВЕСТНИК

Царь, корабль долгожданный прибыл.
Некий юноша по пятам,
Нрава властного.

ТЕЗЕЙ
(входя)

Входит сам
Гость — коль ждан.

(Миносу.)

Здравствуй, жрец
Трижды клятый!
Не певец:
Буду краток.
Посему остроту удвой.
Предводительствую ладьей
Осужденных. Восьмой — не боле.
Не по жребию, а по воле
Здесь, — вечернею жертвой лечь
За Афины,
— Приемли меч!

(Вручает.)

Кровью злых
Щедро смочен.
Не жених:
Буду срочен.

От Эгеевой злой стрелы
Пал твой первенец. — Так орлы
Падают! — За ниспадша в хрипах
Андрогея — Тезей на выкуп!

За Эгея ужасный грех
Сын ответит — один за всех.

МИНОС

Сын?!

ТЕЗЕЙ

Убей,
Царь! Да рдеет
Меч!

МИНОС
(наступая)

Тезей?
Сын Эгеев?

Поединок взглядов.

...Та́к из ве́домых мне — один
Ты — взглянул бы!

(С новой яростью.)

Убийцы — сын?!

(Страже.)

Увести от меня лукавца!

ТЕЗЕЙ

Царь, еще не докончил сказки!
Этой крови узревши рдянь,
Царь, сними роковую дань
С града грешного...

МИНОС
(страже)

Прочь с безумцем!

ТЕЗЕЙ

Не безумен я, образумься —
Ты! Швыряя тебе сию
Роскошь — мало тебе даю?
Кровь, что вечность бы не иссякла!

Славу будущего Геракла!
Гекатомбы, каких не зрел
Мир — еще! Мириады дел
Несвершенных и несвершимых.
Небожителей на вершинах,
Небожителей в лоне вод
Допроси.
— Водопады од,
Царь, как в пропасть, в тебя швыряю!
Ибо злейшее, что теряю
Днесь — не воздух и не перстов
Ощупь, — эхо в груди певцов!

Царь, безвестным уйду. Искусство,
Что ль, к одру пригвоздить Прокруста?
Кулака молодой размах
На бродягах и кабанах
Испытав, ни одной Химеры
Не сразив...
Но прими на веру,
Царь: единый, а не любой,
Завтра выведен на убой
Будет. Равная кровь прольется
Андрогеевой.

МИНОС

Это сходство!
Ад ли призраку повеле?
Так в немотствующей золе
Пепелища — алмаз неплавкий:
Честь.
Тезей с Андрогеем, — прав ты!
Горы — равные на весах.
О девицах и о юнцах
Не пекись.
По стезе лазурной
Им — везти доверяю урну
С прахом громким твоим — и весть,
Что на Кретосе сердце — есть.
Вероломной стрелой не платим
Гостю. Праведнее бы зятем,
В дом принять тебя. — Нá! твоя!
Трон отдать тебе! По края
Чаши свадебные наполнив,
Всем назвать тебя!

ТЕЗЕЙ

Царь, опомнись!

МИНОС

Сон и совесть обрел бы вновь...

ТЕЗЕЙ

Но меж мной и тобою — кровь
Андрогеева!

МИНОС

(растерянно)

Кровь, но где же?

ТЕЗЕЙ

Двух враждующих побережий
Башни!

МИНОС

Сон бы обрел и смех...
Но да сбудется воля *тех!*

ТЕЗЕЙ

Царь, не до́лжно такого часу
Длить!

МИНОС

Убо́йной! Грудой мяса! —
Судорог, содроганий смесь! —
И не некогда, где-то, — здесь,
Завтра же...

ТЕЗЕЙ

Не крушись! не каюсь.

МИНОС

Но покамест еще, покамест... —
Взгляд, сломивший меня как трость! —
Но покамест еще ты гость
Мой.
В пустыне источник пресный!
Призрак! Первенец! Оттиск перстня
В воске — мрамором мнил его! —
Сердца старого моего.

ТЕЗЕЙ

Царь, не дли рокового часу!

МИНОС

Дщерь, вручи золотую чашу
Гостю. Досыта насласти́,
Ибо — слёзная.
— Пей и спи.

Тот же зал. Ночь. Тезей один.

ТЕЗЕЙ

Сердца крылатый взмах,
Вала чреватый стон,
Полночь и кровь в ушах —
Всё отгоняет сон.

Стражи протяжный клич,
Пены пустой припев
Об островах добыч, —
Всё распаляет гнев,

Гнев на тебя, о мощь,
Давшая — овном лечь
Клятву. Рабыней в нощь
Швыр-нувшая меч.

Гнев на тебя, о длань!
(Легче клыки развесть
Вепрю — перстов сих!) — в дань
При-несшая честь.

Гнев на тебя, о мышц
Роскошь! Богам не чужд
Быв, без меча — камыш
Бо-лотный — не муж.

Гнев на тебя, о глас
Древа, травы, ручья:
«Тот, кто Афины спас,
Не — вынув меча!»

Плакальщиком смежу
Очи, — без боя бит!
Имени нет сему
Гневу — иного: стыд.

Плакальщиком сойду
В славы подземный храм.
Имени нет сему
Делу — иного: срам.

Явление Ариадны

АРИАДНА

Будет краткою эта речь:
Принесла тебе нить и меч.

Дабы пережилó века
Критской девы гостеприимство.
Сим мечом поразишь быка,
Нитью — выйдешь из лабиринта.

Всё, и спи.
Невредим и здрав
Возвращайся в родную землю!

ТЕЗЕЙ

За богиню тебя приняв,
Я даров твоих — не приемлю.

АРИАДНА

Гость, очнись!

ТЕЗЕЙ

Не прикрыв лица,
Безоружным предстать клялся́

АРИАДНА

Меч твой, коим убит Прокруст!

ТЕЗЕЙ

Меж мечом и рукою — уст
Клятва. Правой моей подъятье!
Меж рукою и рукоятью —
Честь, безжалостнейший канат.
Мною данною клятвой — взят.

АРИАДНА

Не пристало тебе покорство!

ТЕЗЕЙ

Не осиленным распростерся,
Волей Миносу отдался!

АРИАДНА

Вспомяни *своего* отца!
Ненадежны восьмижды девять!
Дни последни кому ж лелеять,
Как не первенцу?

ТЕЗЕЙ

Отчей есть
Власть безжалостнейшая — честь.
Да свершится ж предначертанье.

АРИАДНА

Андрогеевыми чертами
Обольщенный — простит отец!

ТЕЗЕЙ

Честь — безжалостнейший истец.

АРИАДНА

Злость — нет равныя во вселенной
Минотавровой!

ТЕЗЕЙ

Уязвлённа
Честь — чудовищнее стократ
Минотавра.

АРИАДНА

Не прав, не свят
Подвиг твой! Уж и так велик ты!
Ради этой моей улыбки
Дрогнувшей — отрекись! сразись!
Ради этой моей слезы
Брызнувшей! На весах нельстящих
Разве клятва мужская — тяжче?

ТЕЗЕЙ

Красоты в этой жизни есть
Власть безжалостнейшая — честь.

Даром бьешься и даром тщишься.

АРИАДНА

Просветите же нечестивца,
Боги! Рухай, гордец, с горы!
Афродитины — се́ — дары.

Высшей воли ее зерцало,
Только вестницею предстала,
Только волю ее изречь —
Принесла тебе нить и меч.

Но твоих воспаленных бредом
Уст — заране ответ мне ведом:
«Божества над мужами есть
Власть безжалостнейшая».

ТЕЗЕЙ

(преклоняясь)

Несть.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

ЛАБИРИНТ

Вход в лабиринт. ***Ариадна.***

АРИАДНА

Тщетно над этой прочностью
Бьются и слух и стон.
Громче песок в песочнице
Льется, слышней Харон

Воду веслом задевает Стиксову.
Брат, завершивший день,
Громче над урной твоей ониксовой
Лавр расстилает тень.

Канул — и канул полностью!
Сдайся, мой слух разверст!
Громче на круге солнечном
Тень подымает перст.

С тем суждено ль мне встретиться
Коего богом мню?
Не отзовется Деда́ла детище.
Тайны не выдаст дню.

Ожесточенье слабости!
Бог — кто тебя не знал!
Камни так плотно сладивший,
Будь проклят, Дедал!

Свод, ничему не внемлющий!
Мертв — кто в тебя забрел!
Нагроможденье немощей —
Будь проклят, мой пол!

Деви́чьих наитий
Река глубока.
Не выпусти нити,
Не выронь клубка!

Вслушиваюсь — как в урне
Глухо, как в лоне вдов.
Вслушиваюсь — как в урну,
Вглядываюсь — как в ров...

Громче смола из древа,
Громче роса на куст...
Вглядываюсь — как в зева
Львиного черный спуск.

Что там за поворотом?
Лучше не видь, не слышь!
Весь ли клубок размотан?
Глыб вероломна тишь.

Бык ли в крови и в пене
Пал? Или рогом в лоб?
Глыб немоты — не мене
Чувств ненадежен вопль.

Хвала Афродите
В громах и в тиши!
Не выпусти нити!
Не выронь души!

Афродита!
Мирт и мед!
Вся защита,
Весь оплот

Ревностнейшей из критянок,
В сем чернейшем из капканов
Мужу, светлому лицом,
Афродита, будь лучом!

Афродита!
Путь и цель!
Льном сквозь плиты,
Светом в щель,

Львов связующая нитью
Льна — войти ему дав — выйти
Дай. Открытому душой,
Афродита, будь тропой!

Афродита!
Соль! волна!
Если выкуп
Нужен — на́!

Сохрани для дел великих
Жизнь, — мою возьми на выкуп!
Львом и солнцем да предстал!
Афродита! Дева!..

Пал! — С молотом схожий[1]
Звук, молота зык!
Пал мощный! Но кто же:
Бо-ец или бык?

Не — глыба осела!
Не — с кручи река!
Так падает тело
Бой-ца и быка.

Так — рухают царства!
В прах — брусом на брус!
Не-бесный потрясся
Свод, — реки из русл!

На — лбу крутобровом
Что́: кровь или нимб?
Ве-кам свое слово
Ска-зал лабиринт!

Му-жайся же, сердце
Му-жайся и чай!
Не-бесный разверзся
Свод! В трепете стай,

В ле-печущей свите
Крыл, — розы вослед...
Гря-дет Афродита
Не-бесная...

ТЕЗЕЙ
(на пороге лабиринта)

— Свет!

АРИАДНА

Жив?

ТЕЗЕЙ

Так едем,
Дева!

АРИАДНА

Сон!
Жив?

ТЕЗЕЙ

Победен!

---

[1] Между первым и вторым слогом перерыв, т. е. равная ударяемость первого и второго слога. Тире мною проставлено не всюду *(примеч. М. Цветаевой)*.

АРИАДНА

Бык?

ТЕЗЕЙ

Сражен!

АРИАДНА

Цел?

ТЕЗЕЙ

Всем сердцем
Смерть приняв!

АРИАДНА

Цел?

ТЕЗЕЙ

Бессмертен.

АРИАДНА

Меч?

ТЕЗЕЙ

Кровав.
Дева, едем!

АРИАДНА

Гость, испей!
Цел, но бледен...

ТЕЗЕЙ

Нет испей!
Волен град мой!
Ветры, дуть
В путь обратный!

АРИАДНА

Гость, побудь!

ТЕЗЕЙ

Меч окрашен!
Парус полн!

АРИАДНА

Гость, за чашу!

ТЕЗЕЙ

Дева, в челн!

АРИАДНА

Гость, помедли!
Лют вдовы
Хлеб.

ТЕЗЕЙ

Так едем,
Жизнь!

АРИАДНА

Увы!

(Напевом.)

Гостю — далече плыть!
В баснях и в песнях — слыть.
Деве — забытой быть.
Гостю — забыть.

ТЕЗЕЙ

Темной речи
Уясни
Смысл.

АРИАДНА

Далече
Плыть! Сквозь сны
Дней, вдоль пены кормовой
Проволакивая мой
Лик и след
Белый беден
Свет!

ТЕЗЕЙ

Так едем,
Дева!

АРИАДНА

Нет...

ТЕЗЕЙ

В бурях и в бедах
Лепится дух.
В девах несведущ,
К лепетам глух.

Вправо — иль влево,
В гору — иль с круч!

АРИАДНА

Тайнопись — дева:
Надобен ключ.

ТЕЗЕЙ

Красным гранитом
Взрос и окреп.
В снах неиспытан,
К отсветам слеп.

Угль затверделый —
Муж, а не пух!

АРИАДНА

Умысел — дева:
Надобен слух.

ТЕЗЕЙ

Внял, но не понял.
Брось — соловьем!
К басням не склонен,
В льстях не силен.

Любишь — так следуй
В свет и во мрак!

АРИАДНА

Занавес — дева:
Надобен знак.

ТЕЗЕЙ

Робость девства?
Естества
Крик? Ответствуй,
Жизнь! Отца
Жаль? Печаль твою уважив, —
Жизни не теряют дважды!
С сыном — вся — из жил руда.
Мертв — раз и навсегда.

Всюду мниться
Будет брат?
Пусть убийца —
Кем зачат!
Тени помешаем красться
К ложу! Между *тем* и страстью
Нашей — меч. Из страстных уз
Вставши — с призраком сражусь!
Кроме добрых
В сердце — несть
Мыслей. — Робость!
Рода честь?
Но — клянусь тебе сугубо —
Не утехою — супругой,
Матерью грядущих чад
В дом войдешь, отныне свят,
Дева! Злится
Вал об снасть!
Дева! Львицей
Стонет страсть!

Накажи меня за дерзкий
Домысел: другому — персей
Дрожь? Иным дерзаньям — край
Пеплума?

АРИАДНА

О, не терзай!
Гостю — далече плыть!
Горстью из Леты пить —
Гостю! в золе сокрыть
Деву, — забыть.

Гость, закончим
Скорбный спор.
Вал — твой кормчий!

ТЕЗЕЙ

Хлябь — наш хор!

АРИАДНА

Уноси мое блаженство,
Юноша!
Не страсти женской
С разумом — постыдный торг.
Не отца седого скорбь
Черная, не крови братней
Ныне выцветшие пятна, —
Пурпурные и поднесь! —
И не приторная смесь
Робости и скудосердья,
Именуемая твердью,
Честью девичьей.

ТЕЗЕЙ

Пресечь
Спор — тогда!

АРИАДНА
(подымая руку)

Возмездья меч!
Просьб — великая тщета!
Афродитою взята
Я в любимицы — владычиц
Сладостнейшею! В добычах —
Ревностнейшею! В любви —
Яростнейшею!
Плыви,
Гость! Покамест только брат мне —
Прочь! Покамест необъятный
Путь — зерцалом из зерцал —

Прочь! Покамест не познал
Уст моих...
Зане: как глыба
Страсть моя! Зане: на гибель
Страсть моя тебе! Зане —
Вещь, обещанная мне,
Взыщется с тебя не дщерью
Смертною, а той, что зверю
Льном повелевает быть.

Гостю — далече плыть!
Новые сети вить —
Гостю! других любить,
Эту — забыть.

Мир не полностью узрев,
Брат, опомнись!
Столько дев
Сладостны! А розы вянут —
Все́.

ТЕЗЕЙ

Обманута!

АРИАДНА

Обманут —
Ты. Над клятвами же бдят
Боги. За единый взгляд
Косвенный — дитя из детищ
Афродитино! — ответишь —
Всем.

ТЕЗЕЙ

Скорее — в море — мыс
Тронется!

АРИАДНА

О, не клянись,
Гость! Судьбы твоей волокна
Ведомы ль тебе? Не токмо
Девами — опасен брег.
Дебри есть, пещеры нет,
Тех — полунощные гроты,
Ведомо ль на повороте
Ждущее? Богинь и нимф
Грудь — не тот же ль лабиринт?

В сокровеннейшем из капищ,
Гость, бессмертие охватишь —
Мышцами. Необорим
Небожителей к земным
Жар. С бессмертными не мерься,

Юноша! Бессмертья — к смерти
Страсть — страшнейшая из кар!
Небожительницы дар,
Уст ее — отвергнуть — прелесть —
Кто б осмелился?

ТЕЗЕЙ

Осмелюсь —
Я! Скорее с места мыс
Сдвинется!

АРИАДНА

О, не клянись,
Юноша!

ТЕЗЕЙ

Пусть свет померкнет
Глаз моих!

АРИАДНА

О том, что смертных
Дев — любили божества,
Ведаешь?

(Касаясь лавра.)

Сия листва
Всё еще трепещет Дафны
Трепетом...
Супругом став мне,
Клятву дав мне — даже в снах
Чтить, осмелишься ли, прах,
С небожителем тягаться?
Пасынка и святотатца
Груз — отважишься ль подъять?
Правую на рукоять —
Встанешь ли с парнасским горцем?
Пасынком и богоборцем,
Муж, отважишься ль прослыть?

Гостю — далече плыть!
Нечеловечью чтить
Волю, — богам служить.
Деву — забыть.

Та́ртара ценой — не купишь
Нег. Отступишься! Уступишь —
Высшему!

ТЕЗЕЙ

Одна мне власть —
Страсть моя!

АРИАДНА

Преступишь страсть.
Горлинкой твоей страшуся
Быть. Змеиного укуса
Явственнее, мужем сим
Быть мне брошенною! Дым —
Страсть твоя. Костер из стружек —
Страсть твоя! Двоим не служат,
Муж! Ни доли, ни родства
Мужу, кроме божества!

Прочь, не пастбище, а пустошь —
Страсть! — Отступишься! — Отпустишь!
Выпустишь! Цветком из рук
Выронишь!

ТЕЗЕЙ

Какой недуг
Жжет тебя?

АРИАДНА

Но Пеннородной
Памятлива кость. Запродан
Ей, моих коснувшись уст.
Знаешь ли о том, что пуст —
Зрак ее! И без провеса —
Цепь!

ТЕЗЕЙ

У самого Зевеса
Выхвачу! Из-под зениц —
Выхвачу!

АРИАДНА

О, не клянись,
Гость! Колеблемая ветром
Трость. Лозы моей заветной
Гроздь. Всех жил моих живых —
Гвоздь. Души моей жених... —
Брось! — Как Ми́носу нарушил
Верность, — ибо всех радуший
Миносовых весче знак
Ока их... о! — так и брак
С дочерью его расторгнешь
Сладостною. Стран просторных
Гость, со мной тебе не лечь
В зарослях...

ТЕЗЕЙ

Тогда — на меч!

Жест, прерываемый появлением *д е в у ш е к* *и* *ю н о ш е й.*

ХОР ДЕВУШЕК И ЮНОШЕЙ

Брата узрею!
Матерь узрею!
Жатву узрею!
Слава Тезею!

Меч, что уперся!
Стон, что исторгся!
Ветр семиморский,
Славь быкоборца!

Скорые весла, крутые снасти,
Освободителя родины славьте!
Славь, убегающая корма,
Мужа, не вынесшего ярма!

Ставь ветрила,
Кормчий! К югу!
Грех искуплен!
Камень снят!
Буду милой
И супругой
И баюкать буду чад!

Правь прямее,
Кормчий! Плеском
Вёсл, с волны и до небес·
Честь Тезею,
Нас – невестам,
Нам вернувшего – невест!

Славься, храбрый!
Гору вынес!
Славься, добрый!
Жив Олимп!
С Минотавром
Свержен Ми́нос!
Расколдован лабиринт!

Правь смелее,
Кормчий! Сломан
Криг! Свободные заснем!
Честь Тезею,
Нас – закону,
Нам вернувшего – закон!

Славься!

ТЕЗЕЙ

Правь!

АРИАДНА

Не оставь!

ТЕЗЕЙ

Ветры, дуть!

АРИАДНА

Верен — будь.

ТЕЗЕЙ

В красоте твоей богоравной,
Дева, имя твое?

АРИАДНА

Ариадна.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

НАКСОС

Скала со спящей Ариадной

ТЕЗЕЙ
(над спящей)

Спит, скрытую истину[1]
По-знавшая душ.
Спит, негой насыщенная.
Спи! — Бодрствует муж.

Ветвь, влагой несомая!
Страсть, чти ее — спит!
Лишь тем и бессонен я,
Что негой не сыт.

Не той же ли горечью
Сжат, бдит соловей?
Как будто бы море пью,
Что час — солоней!

Спит, розой осыпалась
В ласк бурный прибой,
Сколь быстро насытилась
Моею алчбой!

[1] См. примеч. на с. 601

В пу-чину хоть жемчугом
Кань, — горстью словлю!
Спи, юная женщина!
Кровь помнит.

АРИАДНА

(во сне)

Люблю!

ТЕЗЕЙ

Сквозь цепкую жимолость
Сна — слушай завет:
Зем-ля утолима в нас,
Бес-смертное — нет.

Без дна наших чаяний
Чан, мысль — выше лба!
Те-ла насыщаемы.
Бес-смертна алчба!

Бой-цом обезжизненным, —
Ни вздоха в груди —
Спит. Знай же, что сызнова
Бой вспыхнет. .

АРИАДНА

(во сне)

Люби!

ТЕЗЕЙ

Сквозь затканный занавес
Сна — сердцем пробьюсь.
Ду-ша неустанна в нас.
И мало ей уст.

И мало ей зеркала
Тех игрищ и нег.
Спи, юная смертная.
Смерть минет.

АРИАДНА

(во сне)

Навек

ТЕЗЕЙ

Цвет выцветет, скрючится
Стан, розы — в огне!
От смерти и участи
И Зевс — не оплот;

И — ложа скалистого
Одр — твéрже[1] нам взбит.
Но — въявь и воистину —
Знай: страсть устоит.

(Подъемля правую.)

Дева низин и ниш,
В гроте и в чаще
Царствующа, — услышь
Клятву над спящей.

В святости брачных уз
С милою свиться
Жимолостью — клянусь
Водами Стикса.

Влажных чураться уст
Девы и нимфы —
Облачными клянусь
Лбами Олимпа.

Судьбы и рты сдвоив,
Вплоть до укуса
Смертного...
— Чресл твоих
Гневом клянуся:

Страсти моей — сама
Ты не вечнее!
Если же в чувств, ума,
Недр помраченье,

Чудный порву союз, —
Гнев твой порукой! —
Да позабуду ж вкус
Млека и тука!

О, да бежит от вежд
Сон вероломный!
Да вместо лавра — плешь
Метит чело мне!

Медный да в прах шелом!
Трусом да лягу!
Да не коснусь челом
Отчего прага!

[1] Слово *твéрже* прошу читать через простое «е» *(примеч. М. Цветаевой)*

Да не коснусь седин
Отческих! Грузной
Да не дождусь родин!
Чад да не у́зрю!

О, да познаю клятв
Попранных цену!
Жен да познаю хлад,
Друга — измену!

Лен да понудят прясть
Женские козни!
Да посмеется страсть
Старости поздней!

Да посмеется тесть —
Бывшему зятю!
Слуг да познаю лесть,
Царства разъятье!

Да не бежит вода
В чан водоносов!
Тучные нивы — да
Не плодоносят!

(Склоняясь над спящей.)

Будь то хоть сам Зевес
С Мойрами вкупе —
Сих не сниму желез!

Свет, из света Голос.

ГОЛОС

Вакху — уступишь.

ТЕЗЕЙ

Зачаровывающий сердце
Звук — кифарой в ушах звенит!
Кто ты?

ГОЛОС

Девы и Миродержца
Сын — невесты твоей жених
Предначертанный. Слаще млека
Пить на сладостнейшем из лож —
Предназначена мне от века
Здесь покоящаяся.

ТЕЗЕЙ

Лжешь!
Минотавровой кровью смочен
Меч. Изведаешь, сколь веска
Длань Тезеева!

ГОЛОС

Тсс... Непрочен
Сон в присутствии божества.

ТЕЗЕЙ

Коль не вымысел и не слепок,
Выдь, — спознаемся, суеслов!

ГОЛОС

Заклинаю тебя — некрепок
Сна колеблющийся покров!
Пощади ни отца, ни дома
Не имеющую.

ТЕЗЕЙ

К борьбе,
Дерзкий!

ГОЛОС

Тише же! Чти же дрёму
Девы, грезящей о тебе.
Любят — думаете? Нет, рубят
Так! нет — губят! нет — жилы рвут!
О, как мало и плохо любят!
Любят, рубят — единый звук

Мертвенный! И сие любовью
Величаете? Мышц игра —
И не боле! Бревна дубовей
И топорнее топора.

О, как тупо и неуклюже:
Ложе — узы — подложный жар
Крови... Дева, познавши мужа,
Спит, жаровни твоей угар

Просыпает. От сих позорищ
Долы дыбом и реки вспять!
Как плодом заедают горечь,
Никнет — ласки твои заспать

Дева. Замертво павшей клячи
Кротче! Судорогой вдоль рта —
Ваших браков и новобрачий
Отвращающая тщета.

О, как мало и неумело
Нежите!

ТЕЗЕЙ

Обличитель лбов —
Кто ты?

ГОЛОС

Огненный сын Семелы —
Вдохновения грозный бог.

ТЕЗЕЙ

Вакх!

ГОЛОС

Двусердый и двоедонный.

ТЕЗЕЙ

Вакх!

ГОЛОС

В утробе мужской догрет.

ТЕЗЕЙ

Вакх!

ГОЛОС

Не женщиною рожденный.

ТЕЗЕЙ

Вакх!

ГОЛОС

Но дважды узревший свет.

Тот, чьей двойственностью двоится
Взгляд у всякого, кто прозрел.

ТЕЗЕЙ

Вакх!

ГОЛОС

Раздвинутая граница.

ТЕЗЕЙ

Вакх!

ГОЛОС

Пределам твоим предел.

Тот, которого душу пьете
В хороводах и на холмах.
С злыми каторжниками плоти
Бог, братающийся в боях.

Верховод громового хора, —
Все́ возжаждавшие, сюда! —
Одаряющий без разбора
И стирающий без следа.

Лицемеров, стоящих одаль, —
Бич! То во́ркот ушам, то рык,
Низшим — оторопь я и одурь,
Высшим — заповеди язык!

О, ни *до* у меня, ни дальше!
Ни сетей на меня, ни уз!
Ненасытен — и глада алчу:
Только жаждою утолюсь.

Двоедонный, рожденный дважды,
Двоеверный, — и вождь и страж...
И да будет кувшин — по жажде
Сей изжаждавшийся меж чаш

Деве...
Вежд крылатым взмахом —
Эти розы станут прахом.
Выравненные резцом,
Эти брови станут мхом.

Лба доверчивую кротость
Злыми бороздами опыт
Выбороздит. Гладь ланит
Жилами изборостит, —

Вилами! Улыбку рождши —
Плачь! Нет, дли ее, — всё тот же
Червь подтачивает плод:
Горе сушит, нега жжет,

Всё — обмеривает! Дивом
Мнишь? Все сущее червиво,
Муж!

ТЕЗЕЙ

С наглядностями рву!

ВАКХ
(до конца остающийся голосом)

Смерть — название червю.

Не цвести вторично древу!
Юность резвого котурна
Не задерживает. Деву,
Мнишь, отстаиваешь? Урну

С пеплом! С богом в ратоборство
Вставши — призраком влеком!
Тенью! Крохотною горсткой
Праха, бывшего цветком.

Сладостней, скажи, на высях
Гор, в лазоревых приречьях
Цвел ли? От тебя зависит
Срезать — иль увековечить

Цвет сей. Хватче Минотавра,
Злей Зевесовой грозы —
Огнь неистовости тварной,
Страстью названной. — Срази!

Уступи, взлюбивший много,
Деве — богу —

Хмеле-кудро-голо́вому!

ТЕЗЕЙ

Дева мной завоевана!
И мечом и отдачею...

ВАКХ

Дева — мне предназначена!

За века предугадана!
Без разделу моя!
Что лоза — виноградарю,
То мне — дева сия!

Божеству ли с убожеством
Спорить? Муж скудосерд,
Что́ венчальным предложишь ей
Даром? Старость и смерть?

Красота и бессмертие, —
Вот в двудонном ковше
Жениха-виночерпия
Дар невесте: душе.

Дар Тезея и Вакхову
Дань — кладу на весы.
Взвесь. Ужель одинаковый
Вес?

ТЕЗЕЙ

У спящей спроси.

ВАКХ

То ж, что рану закрашивать,
То ж, что море в сетях
Несть — у женщины спрашивать
О правах и путях

ТЕЗЕЙ

Та, что пленника вывела...

ВАКХ

Чувств изведала сеть.
Не смущай ее выбором,
Сам за деву ответь,

ТЕЗЕЙ

Чтó Тезеем присвоено...

ВАКХ

Сгибнет, в прахе влачась.
Меж бессрочной красой ее
И цветеньем на час,

Между страстью, калечащей,
И бессмертной мечтой,
Между частью и вечностью
Выбирай, — выбор твой!

Уступи, объявший много,
Деву — богу.

ТЕЗЕЙ

От алчбы моей жадной
Ей вовек не очнуться!

ВАКХ

У *моей* Ариадны
Будут новые чувства.

ТЕЗЕЙ

Плеск весла безоглядна
Воском чаешь заткнуть?

ВАКХ

У *моей* Ариадны
Будет новая чуть.

ТЕЗЕЙ

Мужа знавшая рядом
Божества не восхощет!

ВАКХ

У *моей* Ариадны
Будет новая ощупь.

ТЕЗЕЙ

Я — сквозь жертвенный ладан!
Я — в дурмане ночей!

ВАКХ

У *моей* Ариадны
Сих не будет очей.

ТЕЗЕЙ

Иль не знаешь, что вдо́вы
В час касаний бескостных...

ВАКХ

Новый облик, и новый
Взгляд, и новая поступь...

ТЕЗЕЙ

По тишайшему зову —
В нощь! К былому на грудь!

ВАКХ

Новый образ, и новый
Взгляд, и новая суть...

ТЕЗЕЙ

Каждым ногтем начертан
В сердца девственной глине!

ВАКХ

Чéрт, лелеянных — смертной,
Не узнает — богиней.

ТЕЗЕЙ

Но зачем же, двужалый,
Ночь была нам вдвоем?

ВАКХ

Дабы разницу знала
Между небом и дном.

Бога знавшая рядом
Естества не восхощет,
Нет — твоей Ариадны!
На дворцовую площадь

Выйдя — Фив Семивратных,
Града новой зари,
Ариадне и Вакху
Фимиам воскури!

Уступи, познавший много,
Деву — богу.

ТЕЗЕЙ

Но не Геей, не Гéрой, —
Афродитой клялся!

ВАКХ

К Минотавру в пещеру
Шедший кротче тельца...

Всé величия платны —
Дух! — пока во плоти.
Тяжесть попранной клятвы
Естеством оплати.

Муж, решайся: светает.
Сна и яви — двойной
Свет. В предутренних стаях —
Свод.
— Прощайся с женой!

ТЕЗЕЙ

Но хоть слово промолвить
Дай: не к трусу влеклась!

ВАКХ

Час любовных помолвок
Был. — Отплытия час.

ТЕЗЕЙ

Но в глазах ее — чаны
Слез в двусветную рань! —
Я предателем встану!

ВАКХ

Да. Предателем — кань!

ТЕЗЕЙ

Лишь в одном не солги ей:
Уступил, но любя!

ВАКХ

Чтобы даже богиней
Не забыла тебя?
Тсс... на целую вечность.

ТЕЗЕЙ

Не в пределе мужском!
Выше сил человечьих —
Подвиг!

ВАКХ

Стань божсством.

ТЕЗЕЙ

И мизинцем не двину,
Распростертый на плитах!

ВАКХ

Есть от памяти дивный
У Фиванца напиток:
Здесь меняющий в *где-то,*
Быть меняющий в *плыть*...

ТЕЗЕЙ

Ни Аида, ни Леты —
Не хотящим забыть!

(К Ариадне.)

Спит, — хоть жалок, хоть жёсток
Одр, — не хочешь подняться?
Наксос — крыл моих остов!

ВАКХ

Остров жертвенный: Наксос.
Уходи безоглядно:
Чтоб ни шаг и ни вздох...

ТЕЗЕЙ

Нет иной Ариадны,
Кроме Вакховой.

ВАКХ
(вслед)

Бог!

КАРТИНА ПЯТАЯ

ПАРУС

Дворцовая площадь в Афинах. Утро. Эгей, Жрец, Провидец.

ЭГЕЙ

Ночь не добрее дня,
День не добрее ночи.
Пытке моей три дня
Нынче, в огне три ночи

Вьюсь, из последних сил
Взор изощряю слабый.
Сын мой, который *был.* —
Прах твой узреть хотя бы!

Клад мой неотторжим!
Лучше бы вовсе не́ дан!
Уж не молю — живым,
Уж не молю — победным:

Так же, как раб к ковшу
Льнет, просмолён до паха, —
Урны его прошу, —
Боги! — щепотки праха,

Пепла... О, тучи крыл,
Стрел над афинским брегом!
Сын мой, который *был!*

ЖРЕЦ

Сын твой, который *пребыл.*

Царь! В седине морей,
В россыпях водокрутных,
Жив громовой Нерей,
Кости твоей заступник, —

Жив еще Посейдон!
С рушащейся громады
Вала, со дна из дон
Он — охраняет чадо

Старости твоея!
Недр не страшись гневливых!
Жертвенная ладья
С парусом белым внидет

В гавань. Крыла светлей!
В град, не бывавший пленным!

ЭГЕЙ

Будь на семьсот локтей
Тот лабиринт под пенным
Уровнем — о, смеясь,
Ждал бы. Воды ль страшуся?
Но Океана князь
Не господин над сушей.

«Целым твой сын плывет —
Белый, как вал об скалы —
Парус». (О первый взлет
Вёсл его в час отчала!)

«Тело мое везут —
Черный, чернее горна
В полночь — в ветрах лоскут».
Парус провижу — черный.

Черный! Чернее крыл
Вороновых — в проливе!
Сын мой, который *был*!
Въявь, в естестве и вживе,

Внове! Дурная весть:
Неба тельца кровавей!

ПРОРИЦАТЕЛЬ

Сын твой, который *есть*,
Царь! В красоте и в славе!

Жив! Не сожжен, а жгущ,
Бьющ — тако огнь пурпурный
Лемноса. Старец, сущ —
Сын твой! Не горстку в урне... —

Розами оплети
Лоб свой! — Не урну с телом!
В духе и во плоти
Жив и плывет под белым

Парусом.

ЭГЕЙ

Если лжешь,
Лучше бы не родиться
В мир тебе! Псом сгниешь!

ЖРЕЦ

Царь, не гневи провидца.
Легче в своем дому
Скважин не знать и трещин —
Зодчему — чем сему
Старцу солгать по вещим

Внутренностям. Оставь
Гнев и хвали Зевеса.

ПРОРИЦАТЕЛЬ

Мысленное — вот явь,
Плотское — вот завеса.
Хочешь, чтобы рекла
Вещь, — истончись до пепла...

ЭГЕЙ

Жив — и рука тепла?

ПРОРИЦАТЕЛЬ

Хлеб из золы — не тéпле.

ЭГЕЙ

Но невредим ли? Но
Здрав ли? Всё так же ль рдея...

ПРОРИЦАТЕЛЬ

В раковине зерно
Жемчуга не целее
Бездны на нижнем дне,
Цел, аки дух бесплотный.

ЭГЕЙ

Не изувечен, не...
Так не иссякнет род мой?

С песней — кого отпел?
В гавань — взамен пещеры!
Но не бесчестьем цел?

ПРОРИЦАТЕЛЬ

Чарою цел — и верой.

ЭГЕЙ

Чарою?

ПРОРИЦАТЕЛЬ

Знать не нам:
Знай, что любимым шел он.
Верою — в стан, что прям,
И в небосвод, что полон.

Чарой и верой яр,
Ими же заповедан...
Но, изощрив удар,
Старец, — еще победа!

Пурпуром омрача
Меч — улыбался, аще
Бог. Не подъяв меча,
Старец, победа тяжче.
Изнеможден, но светл
Вышел.

ЭГЕЙ

Хвала! Но что за
Чудище? Змей или вепрь?

ПРОРИЦАТЕЛЬ

Плотскою страстью прозван
Вепрь тот. *Его* сразил,
Высшею страстью движим.

ЭГЕЙ

Ветр, не щади ветрил!
Сын вожделенный, мчи же!

(Жрецу и Провидцу.)

Други, навстречу мчим!
Не выдавай, о старость!

Явление Вестника.

ВЕСТНИК

Царь, в седине пучин
Черный отмечен парус.

ЭГЕЙ

Смерть!

(Прорицателю.)

Не земным воздам, —
Лжец! — а иным чеканом!
Жрец, доложи богам:
Сыну навстречу канул

Царь.

Исчезает. Вестник вслед. С другой стороны площади, не встретившись, рядами, граждане.

ХОР ГРАЖДАН

Горе! Горе!
Вострый нож!
Море, море,
Что́ несешь?
Полным коробом роскошным —
Море, море, что несешь нам?
Розы, розы ли вискам?
Слезы, слезы ли очам?

Горе! Горе!
Лютый змей!
Из лазоревых горстей
Дарственных твоих — что́ примем,
Море, море? Было синим,
Вал, как старец, поседел —
Лишь бы парус вышел бел!

Горе! Горе!
Гнутый серп!
Море, море,
Двоесерд
Нрав твой: кабано́м трущобным
Вы́бесившись, белым овном
Ляжешь, кудри раздвоя,
Море: ярая бадья!

Доля, доля,
Крытый чан!
Море, море,
Что́ — очам
Выявишь? За белым тыном
Пены — что́? Каков Афинам
Дар? Растерзанная ткань?
Доля: крытая лохань!

Доля, доля,
Тихий ткач!
Море, море,
Выше мачт —
Вал твой! Кулаком сведенным
То по всем своим поддонным
Бьет владыка Посейдон.
Доля: сжатая ладонь!

Доля, доля,
Длить — доколь?
Море, море,
Всю-то соль
Донную и всю-то кипень
Пенную твою мы выпьем,
Выхлебаем: кипень-смоль,
Доля: лютая юдоль!

Доля, доля...
Воля — где?
Море, море,
Что в ладье?

Крит ли первенцев вернул нам,
Или братственная урна:
Семи вёсен пепл — и дым
Семи юношей с восьмым.

Доля, доля,
Скрытый сплав!
Море, море,
Ниже трав —
Вал твой! На ручьи распалось.
Море! Море! Что́ за парус
Там, что ворон меж ветрил?
Горе! Горе! Черен!

ВЕСТНИК

Был —

Царь. Переполнен[1]
Чан скорби и мглы.
В ки-пящие волны
Пал царь со скалы.

Бе-ду издалече
Уз-ревши с высот,
Пал — сыну навстречу
С от-весных трехсот.

В пы-лу чадолюбья
И в пепле тщеты,
В че-тыреста глуби —
С трех-сот высоты.

Не орл быстролётен,
Царь крыл и когтей —
То старец с трех сотен
Гра-нитных локтей.

Что яростный кречет —
В волн пенную шерсть —
Взмыл — первым да встретит
Сы-новнюю персть.

Не в яростном споре
Ветров и ветрил —
Не в море, а в горе
Се-бя утопил!

В уст — собственной пене,
Кро-вавой кайме,
В век — собственной тени,
В недр — собственной тьме,

В убийственном слове
Ко-ротком: к чему?
В от-цовской любови
Без-донном чану.

Где пропасти клином,
Где пена ревет —
Ле-тящего принял
В грудь водоворот.

[1] См. примеч. на с. 601.

ХОР ГРАЖДАН

Горе! Горе! С красных скал —
Горе! Горе! Камнем пал

Царь наш. Наводняй же площадь,
Бессыновних и безотчих
Стадо — без поводыря!
Горе! Горе! Без царя!

Горе! Горе! Дважды пал!
Старого гремучий вал
Выхватил зеленокудрый.
Юного — слепая удаль.
Чудищу швырнула в пасть.
Горе! Горе! С черным — снасть!

Коршунам — кровавый пир!
Горе! Горе! Дважды сир
Край наш, на куски искро́шен.
Вместо пажитей роскошных —
Коршунов кровавый слет...
Горе! Горе! Море слез!

Горе! Горе! Кровных кровь!
Мать бездетная, готовь
Скорби черное убранство!
Явственсн — через пространства —
Скорби веющий рукав.
Ах, не черен он — кровав!

Прав — взмывающий с крутизн!
Лучшс б вовсс в эту жизнь, —
В коей правды не дождаться, —
Не рождать и не рождаться,
И не знать, как ветер свеж...
Горе! Горе! Горе!

Явление Т е з е я *в сопровождении* д е в у ш е к *и* ю н о ш е й.

ТЕЗЕЙ

Где ж
Лавры — победоносцу?
Жив и несокрушим!
Как по коврам пронесся
По валунам морским —

Вождь ваш, с благою вестью:
Вот она! Счетом семь
Дев, с семерыми вместе
Сими — в родную сень.

Цслы и без изъяну, —
Что деревá весной!
Чаянных семь и жданных
Семеро, я — восьмой.

Пал Минотавр, и вынес
Вал! Кровяным бугром
Пал! С Минотавром — Мѝнос.
Но — чтó за прием?

Что — овцы под крышу![1]
Что — жены под щит!
При-ветствий не слышу!
Иль море глушит?

Что — рыбины в пену!
Что — ящеры в мох!
От радости немы?
Иль сам я оглох?

От радости слепы?
Ведь вот она, стать,
Кра-са и укрепа
А-фин. Или вспять

Мне? Сызнова море
Тре-вожить кормой?
Лишь сам себе вторю?
В сей предгромовой

Ти-ши. Не привечен
Ни взглядом очес!
Так вот она, встреча,
Так вот она, честь,

Так вот они, горсти
Роз, лавры вершин
Бой-цу-быкоборцу
От вольных Афин!

В час скорби и вздохов
Был скор мой булат.
На дел моих грохот
Не-мотствуешь, град?

На рук моих дело —
Уж весть о быке
Вссь мир огрсмсла —
Ни ветви в руке?!

[1] См. примеч. на с 601.

Серд-ца́ без отзы́ва!
Те-ла без сердец!
Но — злейшее диво;
Что — даже отец

На-встречу не вышел,
На мышц моих мощь
Скло-нить свою ношу...
Иль впрямь я безотч?

Афиняне, рдею!
Лоб — обручем сперт!
Скажите — Эгею,
Что сын его...

ПРОРИЦАТЕЛЬ

Мертв
Царь. Не родиться —
Вот, в царстве тщеты —
О-снова.

ТЕЗЕЙ

Убийца
Дер-жавного?

ПРОРИЦАТЕЛЬ

— Ты.
«Бык поражен из двух —
Белый, белее пара —
Парус». Так в отчий слух
Слово твое упало

«В пепле себя сокрыл —
Черных, чернее вара
Смольного, жди ветрил».
Ум твой какою чарой

Заворожен? Каков
Змей у тебя под корнем?

ТЕЗЕЙ

Дивною девой вдов,
Изнеможа от скорби
Плыл. Когда свет немил,
Черное — оку мило
Вот почему забыл
Переменить ветрило.

ХОР ЮНОШЕЙ

В час осыпавшихся вёсен,
Ран, неведомых врачам,
Черный, черный лишь преносен
Цвет — горюющим очам.

В час раздавшихся расселин —
Ах! — и сдавшихся надежд! —
Черный, черный оку — зелен,
Черный, черный оку — свеж.

Резвым агнцем белорунным
Кто корабль пустить дерзнет,
Коль в груди своей, как в урне,
Вождь покойницу везет?

В час, как всё уже утратил,
В час, как всё похоронил,
Черный, черный оку — красен,
Черный, черный оку — мил.

Мрак — дыхание без вздрога!
Мрак — касание фаты!
Как боец усталый — лога,
Око жаждет черноты.

В час распавшихся объятий, —
Ах, с другим, невеста, ляг! —
Черный, черный оку — внятен,
Черный, черный оку — благ.

В час оставленных прибрежий, —
Ран, не знающих врачей, —
Черный, черный лишь не режет
Цвет — заплаканных очей.

В час, как розы не приметил,
В час, как сердцем поседел,
Черный, черный оку — светел,
Черный, черный оку — бел.

Посему под сим злорадным
Знаком — прибыли пловцы.
Пребелейшей Ариадны
Все мы — черные вдовцы.

Все мы — черные нубийцы
Скорби, — сгубленный дубняк!
Все — Эгея соубийцы,
И на всех проклятья знак —

Черный...

ПРОРИЦАТЕЛЬ

Чарой клянусь полдневной,
Небожителя — се — резец!
Сын мой, кого прогневал
Из роковых божеств?

Муж, и разя, радушен,
Бог ударяет в тыл.
Верность — кому нарушил,
Сын, из бессмертных сил?

Перед какой незримой
Явственностью не прав?
Громы — с какой низринул
Из олимпийских глав?

Сын, неземным законом
Взыскан, — перстом сражен!
Ревность — какой затронул
Из олимпийских жен?

Высушенный опилок —
Муж, за кого взялись!
Мстительней олимпиек
Несть, и не мыслит мысль.

Взыщут, — осколок глинян,
Выплеснутый сосуд!
Сын мой, кому повинен
Из роковых?

ЖРЕЦ

Несут
Тело. Водорослью овито.

ТЕЗЕЙ

Узнаю тебя, Афродита!

Октябрь 1924
Прага

ФЕДРА

ЛИЦА

ФЕДРА.
ТЕЗЕЙ.
ИППОЛИТ.
КОРМИЛИЦА.
СЛУГА.
ДРУЗЬЯ.
ПРИСЛУЖНИЦЫ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ПРИВАЛ

Лес. Ипполит в кругу друзей

ХОР ЮНОШЕЙ

О, заросль! о, зов!
О, новых холмов
Высоты!
Восславимте лов!
Что лучше боев?
Охота!

Хвала Артемиде за жар, за пот,
За черную заросль, — Аида вход
Светлее! — за лист, за хвою,
За жаркие руки в игре ручья, —
Хвала Артемиде за всё и вся
Лесное.

Засада. Испуг:
Что – рок или сук?
Ветвистый
Куст – или елень?
Нет, мчащая тень
Каллисты!

Хвала Артемиде за брод, за брег,
За – до задыхания быстрый бег
Вдоль лиственного ущелья.
Весеннею водобежью шумишь!
Хвала Артемиде за чувств и мышц
Веселье.

В глаз давшая ветвь.
Что – пень или вепрь?
Змеиный
Ком? Корни жгутом?
Звериным прыжком –
В долину!

Хвала Артемиде за взгляд, за чуть,
Ее не задевши, пушка не сдуть
С тычинки. О, нюх: о, зренье
Чащ! – Знойные губы в игре ручья...
Еленем становишься, вслед скача
Еленю!

Лоб льется, рот сух.
В наставленный нюх –
Мха, меха
Дух, рога и мха
Дух! Грудь – что меха.
– Хо! – Эхо!

Хвала Артемиде за стыд, за вред,
За ложную радость, за ложный след,
Ход ложный, – все муки всуе!
Сокрывшийся ужин и ночь во рву!
Хвала Артемиде за всю игру
Лесную.

Лов кончен. Жар спал.
Прохлада. Привал.
Проверя
Грудь, бок, в кровь избит,
Ловец потрошит
Зверя.

Хвала Артемиде за рог, за клык,
Последнюю удаль, последний крик
Охотника, — охнул, ухнул
Лес. Перевернулся. Корнями в пух!
Хвала Артемиде за мех, за...
Мух
Звон. Дух вон.

Нам в женах нужды несть!
И днесь и в будущем
Восславим дружество!
Восславим мужество!
Для жен нет сласти в нас!
Нам чад не пестовать.
Восславим братственность!
Восславим девственность!
Дом с домочадцами?
Нет, лес с невиданным!
Дичь будем зваться мы,
Рать Артемидина.
Еленем прядаешь,
Земли не трогаешь!
Восславим скоробежь,
Восславим скородышь!
Не пой, что пряменький!
Гнут — нежногубые!
Влюбиться — кланяться!
Поем безлюбие!
Иное лакомство —
В смолу горячую.
Жениться — плакаться,
Поем безбрачие!

Лес, лес-зеленец!
Быстрая водица!
Стрелец — не жилец:
Жениться — прижиться!
Ни бед, ни потех —
Тихое убийство
Гордец — не отец:
Плодиться — дробиться!

Не дано еще — уж отнято!
Краток, краток век охотника.
Мни — цветы ему цвели.
Краткосрочнее стрелы!
Вода льется, беда копится
За охотником охотятся.
Ночь, дорога, камень, сон —
Всё, и скрытые во всем

Боги. Не к жрецу тщемудрому
Божество влечется – к удали.
Храбрецу недолго жить.
Сам – намеченная дичь.
Не к высокопарным умыслам, –
Божество влечется – к юности.
Мрамор падок на загар.
Каждый отрок – хлебодар
Бога. Плясовицы ревностней
Божество влечется к бренности.
Больше, нежели они –
Нам, мы – мраморным нужны.

Вот он, лес! Вот он, лук!
Из пещерных грубостью
Артемидиных слуг
Ни один не влюбится.
Вот он, век! Вот он, злат!
Из далеких зреньицем
Артемидиных чад
Ни один не женится!

И присно и ныне,
В горах и в ложбине,
Поемте богиню,
Подругу едину
Нашей доли и нашей удали –
Артемиду зеленокудрую!

И громко и много,
И в баснях и в лицах,
Рассветного бога
Поемте близницу:
Мужеравную, величавую
Артемиду широкошагую.

Вечней водомелен,
Вечней мукомолен,
Как лавр вечно-зелен,
Как Понт вечно-волен
Так вечна в нашем сердце глиняном
Артемида высоковыйная.

Сто взял, в этот грохнусь
В час ребер поломки,
Доколе хоть вздох в нас –
Поемте, поемте
Женодругую, сокровенную
Артемиду муженадменную.

Славьте — и громче!
Темью и ранью,
Вот она с гончей,
Вот она с ланью,
В листьях, как в стаях,
Нощно и денно,
С не поспевающей за коленом
Тканью — запястье! — повязка! — гребень! —
В опережающем тело беге.

Вдоль лабиринтов
Зелени мглистой
Вот она с нимфой
Верной, Каллистой,
Не остывая
В рвенье и в рденье,
С не поспевающей за движеньем
Тенью, теряемой на изломах
Бега. Ведущая без ведомых.

Полное счастье
Может ли зреться?
Вот она в чаще,
Вот она в сердце
Собственном. Стройся,
Лес пестрополый!

Чтобы стволами, как частоколом,
Окружена — сопрягитесь, стены! —
Водному бегу вручила члены
Загнанные...

Время, сдайся, и пена, кань!
Не догонит колена — ткань.
Посрамленное, сядь на пень.
Не догонит движенья — тень,
Против времени будем гнуть:
Не догонит дыханья — грудь.
Против времени будем гнать:
Не догонит затылка — прядь,
Уха — эхо, поэта — век...
Но догонит оленя — бег
Артемидин.

В травах и в листьях — славьте ее!
Частые листья — кудри ее.
В ветках и в сучьях — славьте ее!
Ветви? нет, руки, ноги ее.
Все, что из круга тщится — ее!

В каждой натуге — мышцы ее!
Други, и в дерне чтите ее!
Черные корни — воля ее.
Неколебимо сердце ее —
Голые глыбы — сердце ее!

Зверь воя, лес вея,
И розно, и разом,
Поемте лилею,
Риз белых ни разу
Не мрачившу любовной скверною:
Артемиду каменносердую.

В срок нужный — сразн нас,
Стрела без преемниц!
Поемте невинность,
Поемте надменность
Плоти, вéдомой только озеру!
Артемиду трепетоноздрую.

Но диво — сквозь листья!
Но диво — как в дымке...
И в песнях и в мыслях
Своих — утвердимте
Мужегрозной богини около —
Ипполита оленьсокого
С ртом негоупругим,
С ртом — луком неломким!
Богинина друга
Поемте. Поемте
Артемидина друга горнего —
Ипполита женоупорного.

Нос — острое нюхал,
Лоб — трудное сдвинул.
Эгеева внука,
Тезеева сына,
Ненавистника рода женского —
Ипполита поем трезенского.

Тучи сгоним, чаши сдвинем,
В славословье углубимся
Целомудренной богини
Нелюдимого любимца.
Нелюдима ее любимого —
Ипполита неуловимого —

Дивен слух чей, чуден взгляд чей.
Под кустом, где сон валит,
Кто всех чутче, кто всех глядче?

Ипполит! Ипполит!
Еще дани никто не взымывал —
С Ипполита неуловимого.

Вепри, щерьтесь! лани, плачьте!
Глазомером именит —
Кто всех метче, кто всех хватче?
Ипполит! Ипполит!
Легче скока никто не имывал —
Ипполита необгонимого.

Кустолаз-то наш разгарчив!
Погляди, в часы молитв,
Кто всех стойче, кто всех жарче?
Ипполит! Ипполит!
Никогда не срамящий имени
Ипполита неутомимого.

Жены встали, солнце вышло,
Окружен, женоувит —
Кто всех диче, кто всех тише?
Ипполит! Ипполит!
Безоглядней никто не минывал —
Ипполита неумолимого.

Кабана в один присест.
Винограда жаждет пот.
Ипполит один не ест,
Ипполит один не пьет.
Почему, венчавши лов,
Чудо-вепря низложив,
Ипполит один суров?
Ипполит один брезглив?
Дева ль встретилась в лесу?
Лань за деву принял лев?
Или — вепря за лису —
Принимает нас за дев?
Жир и влага — лей и режь!
Время драго — пей и ставь!
Женоборец, пей и ешь!
Вепревержец, пей и славь
С нами мчащуюся — мчимую —
Юность невозвратимую!
Пьян виноград.
Вепрь нарасхват.
Долго ли млад?
Вспомни!

ИППОЛИТ

Вепрю не рад,
Лесу не рад,
Веку не рад.
Сон мне
Снился. Тмящая мне всех жен
Сущих – мать посетила сон
Мой. Живущая в мне одном
Госпожа посетила дом
Свой. Се – урна ее золе!
Дом единственный на земле.
Не приметил, а ночь светла,
Как входила и как вошла.
Поседею, скажу, как днесь:
Входа не было, было: «здесь!
Есмь!» Ладьею из-за волны,
Представание из земли –
Плиты – сроки – запреты – чрез.
Лика не было. Был очес
Взгляд. Не звезды и не лучи,
Всего тела и всей души
Взгляд, – ну, ланий на ланенят
Взгляд, ну – матери как глядят
Мертвые.
По краям зерцал
Взгляд обличием обрастал.
Камня брошенного круги!
Переносица. В две дуги
Брови ровные. Под губой
Воля каменная – дугой.
Дуновением губ: – Реки!
Речи не было. Был руки
Знак. Молчания полный гром.
Был руки восковой – подъем
Неуклонный. Покров разверст.
Сыну – рану явивший перст!
Растопилося. Поплыло.
Други милые, каково
Грудь и рану узреть зараз?!
Речи не было. Кровь лилась
Наземь, на руки мне – без сил
Распростертому – перст же плыл,
Выше, выше парил – пока,
Ставши, не запечатал рта –
Материнским словам? моим?
Дальше не было. Было – дым,
Там... В кругу десяти перстов
Плоти не было. Был покров,
Пар! Пар емлю! Простой. Пустой.

Пара таянье под рукой
Чающей...

ДРУЗЬЯ

Сон!

ИППОЛИТ

Знающей...

ДРУЗЬЯ

Бред!
— Грезой смущен!
— Думой задет!
— Мало ли чар?
— Басен не чтим!
— Именно — пар!
— Именно — дым
Умственный. — В нас
Суть. Что не мы —
Марево. — Сглаз!
— Полной луны
Глаз. — Лунных стрел
Яд. — Друг наш мил!
Лишнее съел!
— Лишнее влил
С вечеру. — Яр
Вакх в час игры.
Даже не пар
Лунный — пары
Винные. Чад!
Хмель-мозгокрут!
— Мертвые спят!
— Смертные ж пьют.

(Хором.)

На́зло бредням и на́зло чарам —
Пей и смейся, пока не лыс!

СЛУГА

Мать из гроба не встанет даром:
Господине мой, берегись!

Явление Федры.

ФЕДРА

Благородным стрелкам — привет.
Дикой зарослью шед и шед,
Неприметно — от травки к травке —
Всех служанок порастерявши,
О возвратном пути пекусь.

21 Зак 175

Укажите мне путь и спуск —
Вспять. Из сей вероломной гущи
Где дорога, в Трезен ведуща?
Не раскаетесь, услужа
Мне.

ИППОЛИТ

Высокая госпожа!
В месте страхов головокружительных,
На высотах, ничто не служит,
Кроме — женского ль? — *мочь* и *сметь.*
Вместе с добрым советом впредь
Обивать не кусты, а прялку —
Вот опора тебе вдоль валких
Троп, убийственных для ноги
Женской.

(Слуге.)

Знающий, низведи
Госпожу.

ФЕДРА

Об одном дозволь мне
Знать: что делаешь в мире дольнем?
Ибо — царственные черты!

ИППОЛИТ

Артемиде служу. А ты?
По наречию — чужестранка?

ФЕДРА

Афродите служу — критянка.

КАРТИНА ВТОРАЯ

ДОЗНАНИЕ

Больная Федра в кругу своих прислужниц.

ОДНА ИЗ ПРИСЛУЖНИЦ

Различаю шаг кормилицын.

КОРМИЛИЦА
(входя)

Спит?

ПРИСЛУЖНИЦЫ
(одна за другой)

— Как будто позабылася.
— Хворь невемая. — Заморская.
Не спала. — Но и не бодрствовала.
Говорить начнет — мудреное.
Дашь горячего — студеного.
Охладишь — давай горячего.
Пар — головку отворачивает.
— То ж с одёжою — измучишься!
Так — морозите — сяк — душите.
Знай — натягивать, знай, сдергивать!
На огонь глядит — «ой, дом горит!»
Заслонишь — «ой, тьма колодезна!»
Свет — глаза болят, мрак — боязно.
— А глаза какие — сказу нет!
Пуще рученек жаль глазынек.
Две руки ломать да скручивать —
Пуще глазынек жаль рученек.
Знай выламывать, знай стискивать!
Шепотком начнешь: «Ай при смерти?»
Говорком — ладони на уши.
Не своя уж, не она уже.
Все конями да трущобами
Бред.

КОРМИЛИЦА

Хворобу знать — врачобу знать.
А не выпытать — не вылечить.
Корешок-несу-травиночку,
Три горы, ища, обрыскала.

ПРИСЛУЖНИЦЫ

Все коня просила быстрого.
Пышет, пышет жар от щек!
Так и рвет запястья с рук!

ФЕДРА

Слышу, слышу конский скок!

КОРМИЛИЦА

Собственного сердца стук.

Спи, млецо мое, спи, всё мое!
Из Афин плыла веселая,
Похвалами да восторгами —
Корабельщиков подстегивала, —
Чуть волны не принял парусник!
Лес завидела: «Ох, заросли!»

Прыжки козьи, скачки заячьи!
По кустам за ней гоняючись,
Задохнулися, с ног сбилися.
Не своя вернулась из лесу.

ФЕДРА

Говорю тебе: высок
Миртовый зеленый сук.
Слышу, слышу конский скок!

КОРМИЛИЦА

Собственного сердца стук.

Допросить, да нету смелости:
Что в лесу дремучем встрелося?
Кабы люди нехорошие?
Ожерельице целешенько.
Кабы зверь лесной, зверь с клычьями —
Одеяньице бы клочьями.
Ничего — кольцо? сыскали бы! —
В лесу темном не оставила,
Кроме щек румяных. Душу лишь.

ПРИСЛУЖНИЦЫ

Шепотов лесных наслушалась
Листвяной зеленой мелочи.
— А по мне, плодов наелася,
Не предписанных науками.
— А по мне, цветов нанюхалась
Лихорадочных, незнаемых.
— А по мне — без уст намаялась
Царских.

ФЕДРА

Молотом в висок!
Кипятком бежит вдоль щек!
Остудите кипяток!
Остановите молоток!

ПРИСЛУЖНИЦЫ

Все-то мечется! Все мучится!
И рубахи против участи
Не скроишь — как ни выкраивай.
Для приезда время крайнее
Царского. Душа: везде болит!
Царя кличет, царя требует.
Едет, будет — боги милостивы! —
Царь из-за́ моря.

ФЕДРА

Нет, и́з лесу.
Ближе, ближе, конский скок!
Ниже, ниже, страшный сук!
Трещи, кожа! Теки, сок!

КОРМИЛИЦА

Порченого сердца стук.
Конь-то, бедная, меж ребрами
Твой. Знать, в час недобрый отбыли
Из Афин. В Трезен, где три беды
Нам, — знать, в час недобрый прибыли.
До чужих богов и ладаном
Не достать. Какая надоба
К чужим лбам, к своим спинами —
Нам — в Трезен? Сынка в Афины бы
На гостьбу благую, долгую
Звал. Здесь три беды, там полбеды.
Молока хоть тоже птичьего.
Нет — да боги-то привычные.

ФЕДРА

Во лесу высокий сук,
На суку тяжелый плод.
Бьется плод, гнется сук.

КОРМИЛИЦА

Порченого сердца ход.

ПРИСЛУЖНИЦЫ

Хворь заморская.

КОРМИЛИЦА

Древесная,
Сук да скок в уме. Не треснул бы
Сук. А плод каков? Дум собственных
Плод. А скок каков? Да вовсе нет.

ФЕДРА

Пролетишь на всем скаку,
Поклонюсь тебе с сука.
Тяжел плод тому суку,
Тяжел плод суку — тоска.

КОРМИЛИЦА

В собственном мозгу задорина —
Сук. Кровь с разумом повздорили —
Половина с половиною.
Ствол с больною сердцевиною.
Стара песня, стара басенка...

ОДНА ИЗ ПРИСЛУЖНИЦ

Не оповестить ли пасынка?

ДРУГИЕ

— Больно строг!
— Сердцем скуп!

ФЕДРА

Кончен скок!
Треснул сук!

Почему вокруг такое
Вижу? Где я? Кто я? Что я?
Почему на всем — такая
Чара? Кто я? Что я? Чья я?
Почему простоволоса?

КОРМИЛИЦА

Не спалося — расплелося.

ФЕДРА

Почему полуодета?

КОРМИЛИЦА

Горба нету — стыда нету.

ФЕДРА

Но лица на вас, сестрицы,
Нету!

ПРИСЛУЖНИЦЫ

Всю ночь протряслися
Над твоей, краса, трясяся
Жизнью, — всю ночь протряслася!

ФЕДРА

Лихорадка говорлива —
Ничего не говорила?

КОРМИЛИЦА

Пустякового немало.

ФЕДРА

Никого не называла?

(Прислужницам.)

С каких пор сороки немы?

ПРИСЛУЖНИЦЫ

Говорила, да невемо...
Темна дума, темна яма...
Называла, да незнамо.

Вода льется, поди взвесь-ка!
Да невесть кого, невесть что...
Хворь-то новая.

КОРМИЛИЦА

Нет, древняя.
Раньше нас с тобой. Двухдневные —
Мы. С царями не меняется.
Раньше жизни начинается.
Родовое, не сиротское
Горе, без него б и род людской
Вымер, в час один — весь начисто б!
Никогда бы и не на́чался...
Кабы некая не грянула
Сила с неба.

(Прислужницам.)

Впрочем, рано вам
Знать. Гуляйте, пока глупые!
Я ж царицу побаюкаю.
Баем-причетом,
Дном-ракушкой.
Так ли, дитятко?

ФЕДРА

Так, матушка.

(Прислужницы выходят.)

КОРМИЛИЦА

Издали, издавна повсду:
Горькие женщины в вашем роду, —
Так и слава вам будет в будущем!
Пасифая любила чудище.
Разонравился царь, мил зверь.
Дщерь ты ей иль не дщерь?
Материнская зла кровиночка!
Ариадну супруг твой нынешний
Богу продал во время сна.
Ариадне — сестра.
Дважды: лоном и ложем свадебным.
Только с богом не больно сладили:
Не понравился бог, мил прах:
Там-то страсть, а тут страх.

ФЕДРА

С богоравною сестрой
Мне равняться мудрено.

КОРМИЛИЦА

Дети матери одной,
Жены мужа одного —
Пасифаины дщери горькие.

Ариадна с твоим погодками
Были. Было бы ей — ай вру? —
Ну-кось? — сколько царю? —
Каб не бог ее неба на середь...

ФЕДРА

Видно, зá сорок.

КОРМИЛИЦА

Сильно зá сорок:
На пятидесяти стоит.
А с царем-то — с лица старик! —
Не закрашивай, не замасливай. —
Федра — счастлива ль?

ФЕДРА

Пастырь может без овцы,
Что без пастыря — овца?

КОРМИЛИЦА

Федра, он тебе в отцы!
Вотчим мужем назвался!

ФЕДРА

Без плюща крепчает дуб:
Смерть — плющовому стеблю!

КОРМИЛИЦА

Федра, он тебе не люб!

ФЕДРА

Няня, я его люблю.

КОРМИЛИЦА

Ну и вспаивай, ну и вскармливай
Вас! Красотка — находка — старого
Любит. Дичь для ушей и глушь!

ФЕДРА

Муж мне или не муж?

КОРМИЛИЦА

Распадись, мои кости нойкие!
Муж, красотка, да не одной тебе.
Ариаднин — загни в ладонь —
Антиопин, понь
Федрин, завтра же... Вот и вспаивай
Вас! Кровь черная Пасифаина
Нераскаянная — водой
Обернулась! Свой
Муж-то, думаешь? Нет, наследственный.

Что за радость — добро бы в сестрином
Муже, Федра, а то — вдовце!
Скажут всяк и все:
В неутешном вдовце богинином!
Ибо, Федра, ее поныне он,
Ариаднин. Владыку снов
Допроси — все вдов.
С голубком в лесную глушь
Не сажал, кабы нужна.
Федра, он тебе не муж!

ФЕДРА

Няня, я ему жена.
И оставь свои речи глупые!

КОРМИЛИЦА

Усладительно мне люблю твое!
И служанка хранит очаг.
Что — люблю? Вот — *как*
Любишь! За десять лет супружества
Ясно: как уж там, почему, за что
Любишь. Ну-ка?

ФЕДРА

Во-первых — храбр.

КОРМИЛИЦА

Птиц без крыл, рыб без жабр —
Не бывает мужей без храбрости.
Дальше?

ФЕДРА

С каждым прохожим запросто
Говорит.

КОРМИЛИЦА

Говорлив? Знай с кем!
Во-вторых. Затем,
В-третьих?

ФЕДРА

Щедр.

КОРМИЛИЦА

Не супруг — сокровище!
Храбр-де, добр, говоришь — и что еще?
То же возле лежит, ей-ей!
Только чуточку поновей.
Дальше?

ФЕДРА

Дальнего чтит. Да мало ли
Что, за что, почему!

КОРМИЛИЦА

Промалывай
Мельче. Мощь с простотой — нищё
Для любви. Еще
Что, за что?

ФЕДРА

Седина ль Тезеева
Не мудра?

КОРМИЛИЦА

Говорю, просеивай
Чаще. Дрянь твое решето!
Мудр — и что
Еще?

ФЕДРА

На побежденных с кротостью
Зрит.

КОРМИЛИЦА

Еще ль чего нет?

ФЕДРА

Да попросту
Муж мне.

КОРМИЛИЦА

Славное — рот — словцо
Выжал... Всё —
Что ль? Соловушке все б нащелкивать
Во садочке! А ну — еще ль чего
Нет? — Так я скажу. Мой удар
По Тезею: стар.
С пауком тебя, Федра, спарили!
Что б ни вздумала, что б ни... Старому
Мстишь. Ничем ему не грешна.
В мужнин дом вошла
Женою позднею, женой третьею.
Две жены молодую встретили
На пороге. Не сей земли
Жены — в дом ввели
Молодую. «Живи, мол, радуйся».
Две жены молодую за руки
Водят, ночи твои и дни,
Федра, в их тени,
А ложница темна — их облако.
Две жены тебе, третья, под руку
Шепчут. Блюды из рук летят, —
Амазонкин взгляд
Зоркий, — и не гляди за занавес!

Целый двор, целый дом глазами их
Смотрит. Огнь в очаге заглох —
Ариаднин вздох.
Сердце люто их, место свято их!
Две жены молодую сватают
Стиксу. Чашу к устам несешь —
Ариаднин ковш
Тяжкий... Грозди да виноградины?
Антиопины, Ариаднины
Слезы. Чашу несешь от уст, —
Амазонкин вкус
Горький, — он же и рта Тезеева.
Огорченного — что содеяла —
Взял? Елей в ночнике иссяк —
Ариаднин знак
Тайный. Душные стены, затхлые.
Две жены молодое закляли
Лоно. Той же встаешь с одра,
Что на одр легла:
Женой скудною, женой праздною.
Две змеи родовое сглазили
Ложе... Смех в дому не звенит —
Ариаднин взрыд
По ребенку — души б любезнее!
Две жены, говорю? нет, две змеи,
Федра! Пояс досель не туг —
Амазонских рук
Дело. На бережку болотистом
Утвердилась! Остывшим оттиском
Леденящим — их плеч, их бедр
Зачарован одр
Брачный. — Не хоронись в ладоночки!
Блуд, не брак, скажу, без ребеночка!

ФЕДРА

Был бы — радовалась бы. Нет —
Не печалюсь.

КОРМИЛИЦА

Нет
Не дающий — ни их, ни дитятка
Не достоин. Любя плодитеся —
Вот закон вам и мера вся.
Мать да чтит отца —
Мало — для поколенья красного!
Женой праздною и напрасною...

ФЕДРА

Слышала! И прошу...

КОРМИЛИЦА

Права!
Уж давно пора
Мне — услышать. Как будто краденый —
Мужа любишь, откуда ж впадины
На щеках?

ФЕДРА

Оттого что...

КОРМИЛИЦА

Ложь!
Оттого что лжешь
Мне, себе, ему и людям.
Я тебя вскормила грудью.
Между нами речи лишни:
Знаю, чую, вижу, слышу
Все — всех бед твоих всю залежь! —
То есть впятеро, чем знаешь,
Чуешь, видишь, слышишь, хочешь
Знать.

ФЕДРА

Червем, старуха, точишь.

КОРМИЛИЦА

Хочешь, жаждешь, смеешь, можешь
Знать.

ФЕДРА

Живьем, старуха, гложешь.

КОРМИЛИЦА

Истомилася
Ждать. — Скажь! — Выскажь!
Все кормилица
Я, все выкормыш —
Ты... Слова, что первый труден
Слог! Меж ртом твоим и грудью
Сей, меж грудью — щедрой — бедной —
И губами — тайне негде —
Где б? Меж грудью и устами.
Выкормленными страстями.
Грудь кормилицы трепещет.
Тайны, скорби, беды — с плеч их
Сбрось! Мне — на сердце! Все грусти!
Грудь не знает перегрузки.
Без извилистых
Троп, клятв приторных —
Все кормилица
Я, все выкормыш —

Ты! Ведь мать тебе, ведь дочь мне!
Кроме кровного — молочный
Голос — млеку покоримся! —
Есть: второе материнство.
Два над жизнью человека
Рока: крови голос, млека
Голос. Бьющее из сердца
Материнство, уст дочерство
Пьющих. Яд течет по жилам —
Я — в ответе, я — вскормила.
Как мог ла сильна
Связь. — *Дни*-то где ж?
Все кормилица
Я, все выкормыш —
Ты. Всем ночь бедна, не мыслью.
Мудростью моей кормися,
Как тогда — часов тех милость! —
Молоком моим кормилась,
Афродитиной белее
Пены. — Младостью моею!
Ткань ткешь, видимую мне лишь.

ФЕДРА

Пустоту, старуха, мелешь!

КОРМИЛИЦА

Сны зришь — виданные ль в семьях?

ФЕДРА

Клевету, старуха, сеешь!

КОРМИЛИЦА

Не мои ль, краса,
Грехи творишь?
Все — кормилицыны!
Ты? Выкормыш
Лишь. Врача спроси над язвой:
Режет чисто — режет сразу.
Мясника спроси над плахой:
Рубит чисто — рубит с маху.
Не царя, царица, нежишь!

ФЕДРА

Няня, по живому режешь!

КОРМИЛИЦА

Не царя, царица, любишь!

ФЕДРА

Няня, по живому рубишь!
Всеми муками моими —
Няня, сроку!

КОРМИЛИЦА

Федра, имя!
Истощились слова
Молитв моих.
Не кормилица —
Я, не выкормыш —
Мне. Зря млеко мое: в земь прыскано!
...Али рода такого низкого,
Что назвать — поднять легче сто пудов?

ФЕДРА

Он-то низкого? Нет, высокого,
Высочайшего.

КОРМИЛИЦА

Гм. Аль в пролежнях?
Люди в бой идут, он с женой лежит
Что пропойца какой без пояса?

ФЕДРА

Юн — жениться, хорош — покоиться.
На войну вструбят — первый выставит
Грудь.

КОРМИЛИЦА

Не трус, говоришь — страм истинный б —
И не раб, говоришь: не с бойни бык
Ум твой сушат — так бог какой-нибудь?
Кто бы ни был — ни зла, ни страху нет,
Коль не сын тебе кровный.

ФЕДРА

Пасынок.
Сын царев. — Конец. — Нет тайны.
Только имени не дай мне...
Звука не перенесу!

КОРМИЛИЦА

Буквы не произнесу.
От вернейшей из кормилиц,
Милая, чего ж таилась?
Дивен, дивен сей союз!

ФЕДРА

От самой себя таюсь.

КОРМИЛИЦА

Небожителям на зависть,
Милому — давно ль призналась?

ФЕДРА

Приложив горящий трут,
Вместе с Федрою сожгут
Тайну.

КОРМИЛИЦА

Ручкой заслонися!

ФЕДРА

Стыд, которого не мыслю!
Раз от слов одних — чело
Кровью залило...

КОРМИЛИЦА

Чего
Проще? Час возьми, все тмящий:
Лоб — и стыд на нем, час — чащу,
Гущу. Зарослям ночным
Не впервой скрывать...

ФЕДРА

Я — с ним?
В чащах?

КОРМИЛИЦА

Путь, скажу, всех ближе.

ФЕДРА

Путь, которого не вижу!
Шаг — и черные круги,
Шаг — и замертво.

КОРМИЛИЦА

Смоги!
Справься! Час возьми, всех тише...

ФЕДРА

Звук, которого не слышу!
Звук, немыслимый из уст
Чистых.

КОРМИЛИЦА

Любишь — мало чувств
Чистых. Час возьми, всех глуше...

ФЕДРА

Бред, которого не слушай,
Сердце!

КОРМИЛИЦА

Опытный, за нас
Знающий, всех позже — час
Наш! Единственный не лгущий
В сутках. Куст возьми, всех гуще,
Спуск, всех заспанней...

ФЕДРА

Трава,
Лист не вынесут!

КОРМИЛИЦА

Нова
В деле! Выправишься! Люб же
Мальчик! Вздох возьми, всех глубже:
Вровень полному ковшу —
Вздох.

ФЕДРА

Да вовсе не дышу!
Сил нет! Жил нет! Рук нет! Ног нет!
Рот не вымолвит! Грудь лопнет!
Слог — и Тартара на дно!
Нет и слов таких!

КОРМИЛИЦА

Одно.
Все в нем, а оно всех проще.

ФЕДРА

Хуже нежель смерти хощешь —
Низости моей?

КОРМИЛИЦА

В кустах
Миртовых — уст на устах!
Да! немедля ж! да сегодня ж!
Федра!

ФЕДРА

Ведьма!

КОРМИЛИЦА

Федра!

ФЕДРА

Сводня!
О-сво-бо-дите меня!

КОРМИЛИЦА

Я тебя выкормила!

ФЕДРА

Гордой и чистой была!

КОРМИЛИЦА

Я тебя выстрадала!

ФЕДРА

Стыд, которого не емлю!

КОРМИЛИЦА

Скроем, вроем, втопчем в землю!
Скроем, вроем, втопчем стыд!

ФЕДРА

Дерево оповестит!

КОРМИЛИЦА

Сдернем, срежем, свяжем листья!

ФЕДРА

Няня! Женоненавистник
Он. Волос одних вдоль плеч
Вид...

КОРМИЛИЦА

Тем чаще будет плесть
Их, заплетши, расплетать их...

ФЕДРА

Не отлепится от братьев
По трудам и по пирам
Юношеским!

КОРМИЛИЦА

Им день, нам—
Ночь. Стрелочков не обидим.

ФЕДРА

Но ревнитель Артемидин
Он—как не было и несть
Их!

КОРМИЛИЦА

Тем выше будет честь:
Не в простом бою отбитый!

ФЕДРА

Но хулитель Афродитин,
Он — как где еще, когда,
Кто?

КОРМИЛИЦА

Тем тяжче будет мзда.
Не пробудишься, не спавши!

ФЕДРА

На десятилетье старше
Быть! Волне речной не течь
Вспять.

КОРМИЛИЦА

Тем чище будет жечь!
Все года твои — соломой!

ФЕДРА

Мать — ему, и, по-людскому —
Сын...

КОРМИЛИЦА

И страсть в тебе и мать
Чтя, тем мягче будет стлать.
Что ладьею, ложем править —
Ты.

ФЕДРА

Но замужем! Жена ведь!
Муж!

КОРМИЛИЦА

Не мой, скажи, а наш
Муж! За скорбь ему воздашь
Сестрину, весл малодушных
Всплеск.

ФЕДРА

Но царь не только муж мне —
И отец ему.

КОРМИЛИЦА

Стыдясь
Льнуть? Тем крепче будет связь.
Тем незыблемее верность.

ФЕДРА

Если ж он меня отвергнет?

КОРМИЛИЦА

Кто? Царь, что ль?

ФЕДРА

Царь — что!

КОРМИЛИЦА

Тогда
Кто ж?

ФЕДРА

Да тот, о ком...

КОРМИЛИЦА

Тебя?
Он? Вся кровь моя трясется!
То оставим, что красотка
Ты, на каждую красу
Краше есть. Богиня, всю
Взяв, велела поделиться.
То оставим, что царица
Ты. Не тем тебя привлек:
Тем, что в плечиках широк,
А не тем, что родом славен.
И разумницу оставим
Тож. На острое словцо
Есть двуострое. На все
Крайнее: мощь, разум, сладость —
Пущие: сласть, разум, мощь.
С ней и царства не осталось.
Что до разума... В уме?
Нет, всё *без* ума встречала
Любящих!

ФЕДРА

Так что ж во мне
Доброго осталось?

КОРМИЛИЦА

Чары
Афродитины. Твой — весь,
Бросит — принимай по счету! —
Женоненавистник — спесь
Детскую, стрелок — охоту,
Вызов братству и родству —
Сын и друг, молельщик — плиты.
Артемиду — то есть всю
Душу — ради Афродиты!
Афродитиной рабы.
Так люби ж себе, люби
Своего стрелка безуса.
Юностью твоей кормлюся,
Как тогда — часов тех милость! —

Юностью *моей* — кормилась.
Чтобы млеко не скудело,
За двоих пила и ела.
Чтоб напиться-мне-наесться —
За двоих греши и нежься,
Тешься, мучься.
Чуть что — тут же —
Всё мне — всю мне —
Душу. Струнной
Нет доски такой по звуку —
Как грудь любящая. — Руку!
Люб ведь?

ФЕДРА

Тише...

КОРМИЛИЦА

Чем люб?

ФЕДРА

Ближе...

КОРМИЛИЦА

Словом?

ФЕДРА

Слышу ль?

КОРМИЛИЦА

Видом?

ФЕДРА

Вижу ль?
Веки — зноем...
Федрой — звали...

КОРМИЛИЦА

Девством?

ФЕДРА

Сто́ю ль?

КОРМИЛИЦА

Сердцем?

ФЕДРА

Знаю ль?
Знала б — в бездну б!
Знала б — в землю б!

Всем люб, всем люб,
Всем люб, всем люб!

В ту жизнь, в эту,
В сей век, в будущ...

КОРМИЛИЦА

Дальше?

ФЕДРА

Нету.

КОРМИЛИЦА

Значит — любишь.
Прийтись, понравиться
Стрелочку юному —
Во что нарядишься?

ФЕДРА

О том не думала.

КОРМИЛИЦА

Как бы не выдала
Лбом — ночь безумная!

ФЕДРА

О том не думала.
Потом не думала.
Земля незнамая
Любовь — что по лесу.

КОРМИЛИЦА

Друг здесь, царь за морем,
Час дорог: пользуйся!
Всё, всё, за робостью
Твоей — прегладко бы
Ему...

ФЕДРА

Не то, боюсь,
Шепнешь, не так, боюсь.
И царства крошатся
В руках неопытных...

КОРМИЛИЦА

Так на ушко шепни!

ФЕДРА

Да и на шепот нет
Духа! потуплюся,
Словцо — и замертво...

КОРМИЛИЦА

Каб не дружку писать –
К чему б и грамота?
Не птиц бы ягодам
Учить – да ладно уж!
Письмо то я отдам,
Уста – сама отдашь.

ФЕДРА

Ни весла, ни берега!
Разом отнесло!

КОРМИЛИЦА

На утесе дерево
Высокое росло.

ФЕДРА

Ввериться? Довериться?

КОРМИЛИЦА

Лавр-орех-миндаль!
На хорошем деревце
Повеситься не жаль!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

ПРИЗНАНИЕ

Логово Ипполита. Ипполит и слуга.

СЛУГА

Стрела свистнула, кровь брызнула.
Вот и все тебе.

ИППОЛИТ

Так сызнова
Начинай. – Ну?

СЛУГА

Ряды сдвинули,
Стрелу вынули, кровь хлынула...
И не стало сыну матери.
Вот и все тебе, и вся тебе
Антиопа, древцо зелено,
Непоклонливо, Тезеева
Жена хмурая, мать сирая
Ипполитова. Вздох – мирови,

Красу — прахови, зрак — светови,
Вот и всё тебе — и все тебе
Уста красные...
                    Отжаждал —
Отжил — а все вижу, дважды
Семилетия сквозь облак,
Как с отцом твоим бок о бок
Билась! Амазонка — против
Племени, — плоть против плоти
Собственной, тьмы мужевражьей
Дщерь — сама против себя же!
Безымянного с средним —
Спор. Так в первый и в последний —
Серединного с ладонью
Спор! — за три года юдоли
Женской — тьмы жестокомясой —
Дщерь в доспехи облеклася
Бранные — очам на слепость
Всем! И каждая рассеклась
Грудь, и больше чем любови
Вздох прошел, один в обоих
Станах.
            Ну жарня ж! ну сеча ж!
Говорю тебе, по сей час
Вдоль спины ледочек знобок —
Как с отцом твоим бок о бок
Билась, не свою же ль — воли
Женской! — жилу тетивою
Натянув на лук, столь чуден
Взбегом, что богам и людям
Мнился повторенной грудью
Женскою, отображенной
В воздухе. Волна об лодку!
Мало — оком, мало — локтем,
Каждой жилкой, бьющей через,
Целым (целясь) телом целясь,
Мужеравная, нет, бого-
Равная, с колчаном, рога
Изобилья неизбывней,
Осиянная под ливнем
Вражеским стоит, нет нужды!
Тетиву в еще-упруже
Тетивы: грудь скудомясу
Отводя и так слияся
С луком, так его о перси,
Что не с тетивы — из сердца
Мнятся! Стрел гибелострастных
Ряд столь быстрый, ряд столь частый,
Что — сраженье или пряжа? —

Чудится: стрела все та же
С тетивы. Бок о бок с лютой
Лев? нет — бог в лихом бою том
Будь — и бог помни́лся б робок!
Так с отцом твоим бок о бок
— Стрелам — перси, негам — спину —
Билась.

ИППОЛИТ

За отца?

СЛУГА

За сына.
За птенца дралась, наседка,
За сыновнее наследство.
За сынка легла, красотка,
За сыновнее господство.
Против рода — ради сына
За сыновние Афины
Пала — материнства жертва
Чистая.

ИППОЛИТ

Умру бездетным,
Не впервые о том скорблю.
Ни Тезеева не продлю
Рода славного, на основе
Дел ветвящейся родословной,
Ни царицыной сыновьям
Силы — жилы — не передам.
Даром — сила, и даром — жила!
Колыбели не дав, могила
Есмь и матери и отцу.
Но тягчайшую скорбь к концу
Приберег: не страна, а соты
Женской кровью и отчим потом
Мне доставшиеся, — чьему
Сыну — в руки переложу?
На бездетного плюнь, безотчий!
Проходимец, такого ж рождши.
От заезженнейшей из кляч —
Бог! как их не имущий — мяч
Перекатный!

СЛУГА

Стара погудка!
Сгоряча и младенец грудки
Не берет, а уж взял, взялся —
Не оттянешь! Пьяней мальца
Присосешься — не первый хаешь!

Все хулили — и ты похвалишь,
Нынче дыбом, а завтра в лежь,
Все плевали — и ты глотнешь —
Не отстанешь... На грудке нежной
Все наладится!

ИППОЛИТ

Нет надежды!
Ибо кольцеволосых змей
Ненавижу, как та — мужей!
Все — душительницы, все — кошки
Над мышами!

СЛУГА

А сам-то кто ж ты,
Как не женщины сын?

ИППОЛИТ

Взгляни
Ввысь! Орлицы, а не жены
Тяжкозадой. Ужель не внятно?
Женоненависть, лик обратный
Мужененависти, — пропал
Род! — тебя с молоком всосал.

КОРМИЛИЦА

Прав, разумничек! (Прав, калека!)
Мних ли, бражник ли — все от млека,
Все от белого. *Те?* Оно
Миром властвует. Всем — одно —
Всем оно одно миром целым!
А засим, господине, дело
До ушей твоих — мышь да щель —
До твоих, говорю, ушей
И ничьих еще. Мало б пары,
О пяти бы рождались. Старым
Дедам речь моя ни на что.

Слуга выходит.

Наклони, господин, ушко:
Спела ягодка, срок ей крайний...

(Вручает Ипполиту письмо.)

ИППОЛИТ
(взглядывая)

«Ипполиту — Тезееву сыну — тайно».
Отвратительно ушам
Слово. Тайна? Зевесов храм
Явно строится. Что не яд —
Явно варится. Даже клад,

Отлежавшись часок-другой,
Звоном явствует под ногой.
Неповинное ищет дня.
— На охотнике западня
Не захлопнется! — Брачный одр
Явно стелется. Враг, коль добр, —
Явно целится. Что не спрут —
Явно селится. Что не блуд —
Явно деется. Белым днем
Обойденный, слепец — бельмом,
Мыком явствует глухочем.
Недра — корнем, а корень — всем
Древом явствует. «Чаща, скрой»...
Неповинная кровь листвой
Проговаривается.
— Се! —
Что бы ни было в сем письме —
Руку даром трудил, писец!
Потайному письму не чтец
Ипполит. Не только доску
Разбиваю! Вместе с воском,
Воском смуты, воском розни, —
Все наветы, тайны, козни,
Все, что — пар, да не водица —
Варится и не дымится,
Все, что — губы за решеткой —
Шепчется, а не речется,
Все, что липко, ползко, вязко, —
Тайна, вот твоя огласка!

(Бросает доску.)

Так — не знающий да слышит! —
Ипполит ответы пишет.

Явление Федры.

ФЕДРА
(палец к губам)

Ш-ш...

ИППОЛИТ

В горячке или что я?
Женщина в моем покое!
Ноги босы, косы сбиты...
Кто ты — гроба или сбыта
Ждущая? Иди, дороже
Спрашивай, — ошиблась ложем!
Не ложница, а берлога!

ФЕДРА

На два слова, на два слога!

ИППОЛИТ

Не сластница, а засада!

ФЕДРА

На пол-звука, на пол-взгляда,
Четверть-звука, отклик эха...
На лишь ока взгляд, лишь века
Взмах! Во имя Белопенной
Взглянь: ужель тебе ничем не
Ведома, и так уж ново
Все, ужель тебе ничто во
Мне... Глаза мои...

ИППОЛИТ

Тревожишь,
Тень!

ФЕДРА

Ужели до того уж
Выцвели? А впрочем — знала! —
На меня глядел так мало —
Слепо — неисповедимо...
На меня глядел так — мимо!
Красота моя! Как губкой
Выпита, но черт-то, губ-то
Горе не перекривило.
Взглянь! ужель меня впервые
Видишь?

ИППОЛИТ

Клятвенно! Как смыто!

ФЕДРА

С острова, зовется Критом,
Не меня ль отец твой вдовый...

ИППОЛИТ

Мачеха! Жена царева!
Наваждение! Бред грубый!
Мне ль Тезееву супругу
Оскорбить или обидеть?
Так забыть!

ФЕДРА

Так не увидеть
Вовсе, ни вблизи, ни возле!

ИППОЛИТ

Вид твой новый, час сей поздний...
Без прически — без повязки...
Без привычки...

ФЕДРА

По подсказке
Узнанная!

ИППОЛИТ

Чем заглажу
Грех? Но в час, когда и стража...
Вряд ли без нужды особой
В Ипполитову трущобу
Шагом тени, с видом...

ФЕДРА

Пьяной!

ИППОЛИТ

Что тебя приводит?

ФЕДРА

Рана
Смертная. Коль в недомыслье
Каешься своем, клянись мне
Всем, с чем ныне порываю,
Выслушать, не прерывая.

ИППОЛИТ

Слово сына!

ФЕДРА

К делу ближе:
Слово мужа!

ИППОЛИТ

Не жены же!

ФЕДРА

Не доламывай маслины:
Слово мужа!

ИППОЛИТ

Слово сына
Амазонкина.

ФЕДРА

Вы — свыше —
Слышали?

ИППОЛИТ

Царица, слышал —
Я. В почтенье и в молчанье
Слушаю тебя.

ФЕДРА

Началом
Взгляд был. На путях без спуска
Шаг был. Ошибаюсь: куст был
Миртовый — как школьник в буквах
Путаюсь! — началом звук был
Рога, перешедший — чащ звук —
В чаш звук! Но меднозовучащих
Что — звук перед тем, с незримых
Уст! Куст был. Хруст был. Раздвинув
Куст, — как пьяница беспутный
Путаюсь! — началом стук был
Сердца, *до* куста, *до* рога,
До всего — стук, точно бога
Встретила, стук, точно глыбу...
— Сдвинула! — началом ты был,
В звуке рога, в звуке меди,
В шуме леса...

ИППОЛИТ

Коль не бредишь...

ФЕДРА

Ты — сквозь ветви, ты — сквозь вежды,
Ты — сквозь жертвы...

ИППОЛИТ

...Ты — так брежу
Я.

ФЕДРА

Смертельного не пишут
В письмах, — шепчут!

ИППОЛИТ

То ли слышу?

ФЕДРА

Для тебя меня растили
Дебри Крита!

ИППОЛИТ

То ли... ты ли...

ФЕДРА

Неприступная — с другими!
То, любимый, *я́*, любимый!
Тише жемчуга несомый
В створках сердца...

ИППОЛИТ

Каб не слово!

ФЕДРА

Слаще первенца носимый
В тайнах лона...

ИППОЛИТ

Каб не сына
Слово!

ФЕДРА

Мертвая, — нет сраму!
Эти звезды!

ИППОЛИТ

Эти ямы!

ФЕДРА

Деревцо мое! Утес мой!
Эти кудри!

ИППОЛИТ

Эти космы!

ФЕДРА

Вразуми меня, дурную!
К шкуркам ланичьим ревную,
Устилающим пещеру.
Деревцо стояло, щедрой
Тенью путников поило.
Это я его спалила
Исступлением, тоскою.
Каждый вздох листочка стоил
Бедному, — румян: не смыслишь!
Сколько вздохов — столько листьев.
Не листва-нова — жизнь сохнет!
Сколько листьев — столько вздохов:
Задыханий, удушений...
Лучезарная? Да тени ж
Тень! Вся краска на постели
Ипполитовой. Не целил,
А попал. Ребятам на смех
Малым: не стрелял, а насмерть.

Но под брачным покрывалом
Сна с тобой мне было б мало.
Кратка ночка, вставай-ёжься!
Что за сон, когда проснешься
Завтра ж, и опять день-буден.

О другом, о непробудном
Сне — уж постлано, где лечь нам —
Грежу, не ночном, а вечном,
Нескончаемом, — пусть плачут! —
Где ни пасынков, ни мачех,
Ни грехов, живущих в детях,
Ни мужей седых, ни третьих
Жен...
Лишь раз один! Ждав — обуглилась!
Пока руки есть! Пока губы есть!
Будет — молчано! Будет — глядено!
Слово! Слово одно лишь!

ИППОЛИТ

Гадина.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

ДЕРЕВЦЕ

КОРМИЛИЦА
(над телом Федры)

Где спящая? Пуст
Одр. Шепот с высот:
Дал миртовый куст
Неведомый плод
С глазами — ой, сок!
С зубами — ой, плод!
Подул ветерок —
Плод взад и вперед,
Все взад и вперед,
Все вспять и опять.
Кто с дерева плод
Отважится снять?
Желанный для мух
И страшный для пчел.
Неслыханный слух:
Мирт — телом расцвел!
Неслыханный вид!
Плода зеленей
Царица висит,
И птицы над ней
Кружат. Не пущу
К открытым глазам!
Шу, коршуны, шу!
Глаз в пищу не дам
Агатовых. Смолк

Рог, смолк громозвон.
Все думала — толк —
То в нем раз-одном —
Ан глянь — в пояске!
Висит, в волосах,
Что птица в силке,
Что рыба в сетях,
Запуталась. «Срежь!
Ночь целую жду
Садовника. Где ж
Садовник — плоду?»
Стар зá морем, рог
Задрав, через ров —
Юнец. Невдомек
Взглянуть на улов
Чудной — обождет
Часок — недосуг!
Чуть держится плод,
Чуть держится сук.
Ох, вор-женохул!
Скупец-сухожил!
Кто с красных вспорхнул,
Кто в карих проплыл,
Застыл и завяз —
Молчите, кусты!
Нежба не далась —
Хоть славу спасти!

Куст миртовый, скрой!
Ни пню, ни шмелю.
Того чернотой
Тебя обелю.
Кем встарь была — той
И будешь царю.
Твоей чернотой
Того очерню.

Кого боги погубить —
— Эх! — лишают разума!
Недотроге полюбить
Глупого, безглазого.
Чем с царицею сам-друг —
По кустам да с сукою!
Свищи, ветер, трещи, сук!

...Дикого, безрукого!
Так и зверя не свежат —
Как с душой беседовал.
Голубица-госпожа —

Скорняка бессердого!
Кто из нас с тобой—ай сплю?—
Да из двух—кто ж спящий-то?
Из-за глупого в петлю
Пасынка? Нет, пащенка!
Заруби, темны леса,
На суку,—ох, весело ж!
Как царица из-за пса
На суку повесилась!
Да и я сама—невесть
Что сдалося, вздумалось!
Нашла старая с кем свесть!
С дубом-то, с безгубым-то!
Ай не видела, что глуп,
Дуб? Глух—пень? Что падалью—
Ай не чуяла? Где ж нюх,
Где ж толк был? Глаза были?
На безусости лица,
На кудрей на светлости,
На рте розовом—лица
Старая осеклася.
Но утеха не далась—
Еще честь осталася!
Берегись, пес-женомраз:
Без очей писалося!
А не видено—вор прав
В темноте!—не деяно,
Берегись, пес-женодав!
Очесам Тезеевым
Клянусь ее телом,
Что черное—белым,
Клянусь ее дерном,
Что белое—черным,
Явь—ложью, ложь—явью
Предстанет, представлю.
Чтоб впредь на деревьях
Глаз карих...

ПРИСЛУЖНИЦА

Царь едет!

КОРМИЛИЦА

Уст красных не вешал!

ПРИСЛУЖНИЦЫ

(одна за другой)

— Рвом едет!—В двор въехал!
— Кто ж грозному стремя
Поддержит?—Кто встренет?

— Ни душеньки — пустошь!
— Кто ж примет? — Кто ж впустит?
— Кто ж сможет? — Кто ж скажет?

КОРМИЛИЦА

Я. Сгорбилась в сказах.
Клянусь ее славой,
Что левая — правой,
Клянусь ее древом,
Что правая...

ТЕЗЕЙ
(входя)

Брежу?
Ни шума, ни дыма.
Двор вымер, дом вымер.
Враг в доме? Бог в доме?
Мор грянул? Сын помер,
Что ль? Что здесь творится?

КОРМИЛИЦА

Рок, старче.

(Указывая.)

Царица.
— Се. —
Но не от мора —
Глаз дерзкого взора,
Царь! И не от сглазу, —
Уст дерзкого сказу,
Стен смертного шату,
Рук дерзкого хвату,
Царь! Куды ни ступит —
Он, дерзкий! Уж тут как
Тут! Куды ни сядет —
Льнет, плечики гладит
Вор, куды ни глянет —
Он, он все! Ни сна, нет,
Ни дня нет: «чай, родич!»
Спать — около бродит,
Пить — около цедит,
Есть — с хлебом в рот лезет,
В глот. Мрой по суставам.
Пить-есть перестала.
— Се. — Но не на ложе
Мир бедной положен
Был. Сук в лесу стукал,
Звал. Так на суку том
Да на пояске том
С любезным со светом

Простилась. Царь, свято:
Мной тканном, им смятом
Иль снятом...
                    Ой, пава!
Знать, дня милей — слава
Была (сучок ближний!),
Знать, честь — милей жизни
Была, милей дыма
Очажного...

ТЕЗЕЙ

Имя!

КОРМИЛИЦА

Ой, царь! Тех и букв нет!
Назвать — чертог рухнет,
Лес вспыхнет, гром грянет,
Плоть Федрина встанет
С одра... Не налетчик!
Сев топчет — *свой* топчет!
Ешь вместе, спишь вместе,
Весь вздох твой и весь твой
Свет, вся твоя слава.
Как перст руки правой
Развемый, раззнамый...

ТЕЗЕЙ

Сын?

КОРМИЛИЦА

Назвал.

ТЕЗЕЙ

Он?

КОРМИЛИЦА

Самый.

ТЕЗЕЙ

Кто сыном был: где он?
Кто псом стал. Ждем.
Вот рук его дело:
Она. Где ж — он?

КОРМИЛИЦА

Что — конюх? Ай в нянях
У волка? Здра — ав!
Чай, новых гоняет,
Твою загнав!

ТЕЗЕЙ

Отче Посейдон!
Старче Океан!
В черном, аки дерн,
В скорбном, аки вран,
Старце — а хорош
Был в Тезея дни! —
Львенка узнаешь
Там, на площади?

Сам бы не признал?
Княже мохнобров,
Откати свой вал
На тридцать годов!
Времени сквозь гул:
— Кликни и спасу! —
Вспомяни посул
Бога — храбрецу.

Отче Посейдон!
Старче дальнозрак!
Лучшая из жен...
Попранный очаг...
Попранная честь, —
Больше чем убил!
Еще часу несть
Гад мне сыном был!

Княже велетих,
Страше велиглот!
Пресных и морских
Хлябей верховод!
Сильного — устой!
Мой — в Тезея дни!
Под его стопой
Землю всколыбни!

Глыбой поперек!
Сворой по пятам
Пащенковым: в бок
Вор — а вал уж там.
Бездною в упор!
Прорвою в затыл
Скачущему! Скор
Вор, а вал уж смыл...

Пусть в беге — грудь лопнет!
Будь заклят, будь проклят!
Пусть члены псы треплют!
Будь проклят! Будь треклят!

ХОР ПОДРУГ

Кто мертвая рек? спящая!
Наряжена, умащена...
Кто горькая рек? сладкая!
Весь лес к тебе, весь сад к тебе
На одр, весь цвет, весь лист тебе
Снесли, кусточки чистые,
Одни шипы оставлены.
Не сирая спишь, славная.

Вот выспишься, как с бережку
В ручей – две ножки свесятся...
Над висельницей с деревца
Снята, его же цветиком
Снята. Подружки, спутали!
Не клясть, а славить нужно бы:
Честь ветке той, суку тому, –
Не блуднева спишь – мужнина.

Станьте, станьте древа вкруг!
Славьте, славьте Федрин сук!
Федры – повесть,
Федры – совесть,
Федрин пояс, Федрин сук.
Станьте, станьте древа под!
Славьте, славьте страшный плод!
Федры – робость,
Федры – доблесть,
Федрин подвиг, Федрин пот.
Две вечности, две зелени:
Лавр. Мирт. Родства не предали!
Как ты «женой Тезеевой»,
Так он «супругом Федриным»
Пребудете, два первенства,
Два главенства, часть равная.
Меч храбрости, сук верности,
Лист миртовый, лист лавровый,

Благословимте ж дерево
Любви, посаду дедову!
Как ты женой *Тезеевой.*
Так он супругом *Федриным.* –
Доколе только мир стоит,
И утро есть, и вечер есть...
Честь веточке, честь миртовой!
Не смертная спишь, – вечная.

Вкруг сука, который спас,
Утвердимте новый пляс
Федре в память.
Да не канет
Федры – танец, Федры – пляс!

Вы, плодные, вы, праздные!
К Трезена древу доброму
Пусть каждая хоть раз один
С одра встает по образу
Без трепету, без шороху
И одр и жизнь оставившей...
Стань плясом, плачь! Стань хором — хор —
Не плакальщиц, а славильщиц!

Двадцатая ль, тридцатая ль
Весна, жена ли, девица ль —
Пусть каждая, пусть всякая,
Дары забрав, под деревце
Спешит победу праздновать
Лба женского — *дном* чашечным!
Стань плясом, плач! Стань градом — град —
Не плачущих, а пляшущих!
Видели с вышек,
Видели с сучьев:
Пасынок пышет,
Мачеха тушит.
Видели кони,
Видел и конюх:
Пасынок стонет,
Мачеха гонит.
— Страсть мое право!
— Честь мой доспех!
Мачехе — слава,
Пасынку — смех.
В царских покоях
Лесть с прямодушьем...
— Пасынок строит,
Мачеха рушит —
Борются. Щечек
Мелом — румянец.
Пасынок точит,
Мачеха вянет.
— Чем не по праву?
— Сгинь, ненасыт! —
Мачехе — слава,
Пасынку — стыд.
«*Всé* — мои слезы!
Срок моим бедам!»
Мачеха с ложа,
Пасынок следом.
И каб не третьим
Ствол между ними...
Мачеха в петлю,
Пасынок — мимо...

Нет с тобой сладу,
Женская честь!
Мачехе—слава,
Пасынку...

ВЕСТНИК

Весть
Страшная! Крепись,
Царь! По воле волн
Новый кипарис
В дом, и новый холм.
Мертв—тобой рожден!
В прах твои века!
Конному в обгон
Вал с лицом быка.
Конному в обскок.
Паром по пятам
Всадниковым. В бок
Скор, а вал уж там.
В тыл, а бык уж свах
Шлет, за комом ком
Пены. Кони в страх,
В храп, а бык уж с дом,
До́ неба! Гора!
Скот, да не рога,
Вал, да не вода,
Кони... Повода...
Лучший из возниц
Вожжи из горстей,
Очи из глазниц,
Спицы из осей...
Бык или невесть...

ТЕЗЕЙ

Княже-Посейдон-
Милостивец!

ВЕСТНИК

Несть
Храброго.

ТЕЗЕЙ

Отмщен.

ХОР ДРУЗЕЙ

Скажем или скроем?
В дреме или въяве?
Лежа, а не стоя,
Лежа, а не правя,
Всею поясницей

Вскачь и каждой жилкой —
Кто на колеснице
Отбыл, на носилках
Едет, старец аще...
— Пьяный или сонный?
Только что летящий,
Вот уже — несомый.

Молния! Двуколка!
Путь лишь робким узок!
Бич, которым щелкал,
Спицы, оси, кузов —
Где? Проспал, возница,
Воз! В щепы, в опилки!
Кто на колеснице
Отбыл, на носилках
Едет, царства стержень
Свеж — в обитель нижню.
Только что несдержный,
Вот уже недвижный.

Так, как он вас холил, —
Люди жен не нежут!
Кони, кони, кони,
Что же побережье
Целое — возницы
Вытерли затылком?
Кто на колеснице
Отбыл — на носилках
Едет — тыл ли вьющий,
Вакхово ль точило?
Только что ведущий,
Вот уже — влачимый.

Знали же, что ноги
Жжет, чем жилы бьются!
Боги, боги, боги,
Что же боголюбца
Юного с землицы-
Ржи к безлицым в ссылку?
Кто на колеснице
Отбыл — на носилках
Едет, с кем? Да не с кем!
Есть, да млады лечь с ним!
Только что ровесный,
Вот уже навечный.

Чище не увидим
Лба — что мрамор в плитах!
Дева-Артемида,

Так-то Ипполита
Юного, Близница
Фебова, за пылкость!
Кто на колеснице
Отбыл – на носилках...

ТЕЗЕЙ

(заграждая дорогу телу)

Несущие, стойте!
Ни с места, хор!
Не сына несете!
С которых пор
Отрава колодцев,
Ехидны тварь,
Гад – сыном зовется?

ХОР

С которых, царь,
Сын – гадом?

ТЕЗЕЙ

И гадом
Назвавши, льстим.
Прочь, псиная падаль!
За праг! за тын!
О, лучше бы *пролил*
Родную кровь!
Смесителей крови
Не кроет кров.

ХОР

Кров богопротивный
Минем или внидем?
Громом, а не ливнем,
Гневом, а не взрыдом.
– Минем или сложим
Прах? Но небо взропщет!
Щебнем, а не ложем
Юных: рук двух отчих
Ложем... Львицей вскормлен,
Что ль? И лев бы плакал?
Ядом, а не кормом
Мертвых: нардом, маком...
– Уж как плавно, плавно
Спящего несли мы! –
Срамом, а не лавром
Царь встречает сына.
Ужто ль недостоин
Погребальных тканей
Спящий, над красою

Чьею даже камни...—
Смилостивились ведь!
Глянь, в кудре височной
Жимолости листик
Цел, хотя и смочен.
Так и он: твой стволик,
Свеж, дичок дворцовый—
Жимолостью цвел ведь
Вкруг ствола отцова!

С прямостью столь милой
Черт—видал ли гадин?
Камни пощадили,
А отец нещаден?
На́ же, обогрей же
Щеки, плечи, члены.
Что богов добрее
Камни—дело вемо,
Знамо. Меньше реют
Те, чем розы топчут!
Пусть богов добрее,
Но не сердца ж отча?

СЛУГА

Досаждающему прости.
Но разрозненные куски
В целом—*целое* могут дать,
Поучительное, как знать?

(Подает осколки.)

Не нечаянность и не страх.
Нечто брошенное в сердцах,
В гневе, в судорожности висков.
По разбросанности ж кусков,
Куска—дальности—от куска
Видно: сброшено свысока
Чести, высшей из крепостей.

(Указывая на тело Ипполита.)

Тот не вымолвит, скажет сей
Воск.
Читай же.
Спящим—ведно.

ТЕЗЕЙ

Надпись: «тайно».
Подпись: «Федра».
Знаки, жжетесь!
Вижу ль? Брежу ль?
Надпись. Подпись.
То ж, что между...

Наваждение! Честен! Чист!
Ипполита похвальный лист!
Федры собственная рука!
Золотая его доска!
Добродетели торжество!
Боги, кони, жена, за что?
Горе, горе, венец честной
Добродетели — суд над *той!*
Млат, не падай, и жнец, не жни!
Слава сына — позор жены.
Снег и деготь, смола и соль.
Снег любимого — милой смоль.
Высотою его низка!
Вострым по сердцу! Воск? Доска?
Грудь — расколота пополам!
Честь любимого — милой срам.
Чистотою его черна!
Наваждение! Сын! Жена!
Чернотою ее... О, что ж,
Боги думали, в тот же ковш
Намешавши смолу и мед:
Хлад любимого — Федры пот
Блудный... Ненависти персты
Афродитиной! Сын, прости
Старцу! Ненависти камыш
Афродитиной.

(К Федре.)

Та же... ты ж,
Вся не стоящая перста
Ипполитова!

КОРМИЛИЦА

Царь, чиста!
Бык и сук,
Труп и труп —
Дело рук,
Дело губ
Сих. — Сие.
Сей. Сия —
Всей семье
Яма — я.

«Строен, рдян,
Стан, сутул...»
Мой заман!
Мой посул!

Мой прицел!
«Сы—но—вья?
Прав, кто смел!»
Я, всё я.
«Молод: мед!
Молод: мех».
Старче, вот
Федрин грех.
Федрин блуд.
Федра? Зря!
Федра—жгут:
Руки—я.

На уш—ко
Ре—мес—сло.
Федра—что?
Сводня—всё!
Люб? За хвост
Соловья?
Федра—воск.
Руки—я.

Ничего, кроме мужа старого,
Красота не желала, не чаяла.
Ничего про сторонку левую
Простота не гадала, не ведала:
То ли слева стучит, то справа ли?..
Ложа стылого, мужа старого,
Вдовчьих навыков, отчих обыков,
И было́ бы так, и сгнило́ бы так...
Никогда на гвоздичку рдяную
Красота и глазком не глянула б,
Ничего, кроме миски глиняной...
Так и минуло б, так и сгинуло б...
Каб не нуды мои, не зуды мои,
Не подспуды мои, не гуды мои.
Куды с лысостью? куды с ветошью?
Косы вылезли, спросу нетути.
Шелудивец—и тот не требует!
Зубы выпали, блюды пребыли:
Губы-губы-уста, сласть лю́бая!
Зубы выпали—слюнки убыли?
Неизбывная память, пустая пасть!
Хоть чужими зубами кусок угрызть!
Неизбывная память, пустая пасть!
Хоть чужими грудями к грудям припасть!

«*Мой* век – весь!
Всласть хоть ты!»
Тяжче – несть.
Старче, мсти!
Мой век – весь!
Но, бия,
Знай, что здесь
Боги – я.

ТЕЗЕЙ

Безумная, стой!

КОРМИЛИЦА

Ни пню, ни шмелю...
Своей чернотой
Тебя обелю.
Спи, милая. Вей,
Мирт! Басней моей
Я – сажи черней.
Ты – славы белей
Осталися.
                Бей,
Царь! – Нежуся!

ТЕЗЕЙ

Ведьма, не за что! Сводня, не за что!
Ты – над хрипами? Ты – над трупами?
Образумься, старуха глупая!

В мире горы есть и долины есть,
В мире хоры есть и низины есть,
В мире моры есть и лавины есть,
В мире боги есть и богини есть.

Ипполитовы кони и Федрин сук –
Не старухины козни, а старый стук
Рока. Горы сдвигать – людям ли?
Те орудуют. Ты? Орудие.
Ипполитова пена и Федрин пот –
Не старухины шашни, а старый счет,
Пря заведомая, старинная.
Нет виновного. Все невинные.
И очес не жги, и волос не рви, –
Ибо Федриной роковой любви
– *Бедной* женщины к *бедну* дитятку –

Имя — ненависть Афродитина
К мне, за Наксоса разоренный сад.
В новом образе и на новый лад —
Но все та же вина покарана.
Молнья новая, туча старая.

Там, где мирт шумит, ее стоном полн,
Возведите им двуединый холм.
Пусть хоть там обовьет — мир бедным им! —
Ипполитову кость — кость Федрина.

1927

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЕГОРУШКА

Поэма

〈Младенчество〉

1

Обронил орел залетный — перышко.
Родился на свет Егорий-свет-Егорушка.

Ликом светлый, телом крепкий,
Грудью — ёмкий, криком — громкий.

Обоймет — задушит.
Десять мамок сушит.

Поет мамка над колыской,
Поет нянька над колыской:
«Ты лежи, сыночек, тихо,
Серый волк, сыночек, близко!

Придет серый волчок,
Схватит 〈Ерку〉 за бочок!
Так уж спи, мой свет-Егорий!»
А сосун из люльки вторит:

« — Придет серый волчок,
Схватит няньку за бочок!»

— Спи, сынок, голубок!
Тот встает на дыбок.

— Спи, сыночек! — А тот
Няньке пятками в рот.

И на том спасибо:
Всех зубов не выбил!

Ходи тихо, ходи низко —
У Егорья три колыски.

Перва ивова была:
Сама матушка сплела.
Так ее наш сокóл
Всю по прутику расплел.

Расписная да резная —
Вот колысочка вторая.
Часу в ней не пролежал:
Разом в щепья изломал!

Увязала гривну в узел,
Пошла матушка на кузню:

— «Наших слез поубавь.
Колыбелочку нам справь,
Чтоб сыночек наш пригожий
Ее в год не раскорежил!»

Пошла в кузнице горячка,
Идет мать-молодка с качкой:
Красной кованою —
Кузнецовою.

Весом: пять пудов с половиной.
Положила в нее сына.
— Ходи вверх, ходи вниз! —
Как скорлупочку разгрыз.

И глядит на свет Господень
Оком огненным.

2

То не ветер расшумелся над ветлами —
Вспоминает молода — орла залетного.

Не простого-то орла — златопёрого,
Ну, с которым-то она — от которого...

Вспомнить — грудь кипит!
Позабывши стыд —
Волком взвыть бы, да нельзя: сыночек спит!

Не кричит — знать сыт.
— Вспомнить — грудь кипит! —
Что ж так тихо нынче спит-не храпит?

С лавки скок: — Сы — нок!
Качку толк: Что — смолк?
Да вся кровь с лица: колыска пуста!

Туды-сюды:
Под качкой — нет,
Под лавкой — нет,
Скок нá печь — нет!

Аж в кадку — дно
Пытать багром
Пошла, аж вилами навоз
Перетрясла — как волк унес!

Аль Полунощница в нору
Сгребла, зажав в переднике?
И — воем — по всему двору:
— Мой первенький! — Последненький!

Месяц ясный,
Звезды частые,
Беда-беда страшная!

Заколи меня, несчастную,
Заря-заря красная!

Ох, знак на правом на плече
Родимый, щечки-зарева!
При светлом месячном луче
Как есть — по травочке одной —
Все сено перешарила.

В хлев толканулася: петух
В сердцах вскричал. — Овечий дух
Ей в нос — с какой-то смесью.

Взошла — за нею месяц.

И тычет ей перстом: Гляди!
Глядит: а хлеву посреди
— Так в нос и вдарил запах! —
Сама — с Егоркой в лапах!

А малый-то ее в живот!
Так приналег — аж треск идет!
Причмокивая лихо,
Егор сосет волчиху.

А рядом — полукругом в ряд —
Шесть серых волченят.

А она-то его, уж она-то его.
Сосет — а та, знай, облапливает!
Уж мало ей лап четырех своих, —
Хвостом норовит, анафема!

Тот чмокнет, а эта хвостищем: мот!
И в нос-то его язычищем — раз!
Да тела всего — язычищем — вдоль
Сто раз — да еще сто раз.

А крýгом, в маменьку впиясь:
Дюжина красных глаз.
А крýгом, — промеж дохлых кур —
Дюжина овчьих шкур.

Застолбенела, не ступнет:
Аж гири у лодыжек:
А этот себе, знай, сосет,
А та себе, знай, лижет!

Как вздрогнет тут — и шесть носов
Ввысь — от овечьих шкур.
И хором шестеро бесов
За волченихой: уррр!

— Егорушка! — И частокол
Ощеренных клыков.
— Егорушка! — Седых боков
Дых — и седин — дыб.

— Егорушка! — И через всех
Бесов — на сына прямо!
А тот — от матери-то — в мех:
Анафеме-то: — Мама!

А она-то его! Уж она-то его!
— Сосет, а та, знай, облапливает!
Гляди, мол, смекай, мол, кто мать ему!
Аж нос задрала, анафема!

А бабы не слышно,
— Лижи во все рыло! —
Тихонечко вышла
И дверку закрыла.

Только с того часу
Новым дням черед.
Просит малый мяса,
Груди не берет.

Только месяц рожки
Ткет сквозь рожь-гречиху —
Кажну ночь в окошко
За дитем — волчиха.

Подрастают наши крылышки-перушки!
Три годочка уж сравнялось Егорушке,
Черным словом ⟨всех округ хает⟩-брóнит,
Не ребеночек растет — а разбойник.

Кочны вянут в огороде,
Цветы голову воротят.
Цвет не цвет и гриб не гриб —
Всем головочки посшиб!

Мать — сдобную лепешечку
Ему, — тот рожу злобную.
Мать — по носу пуховкою,
А тот ее — чертовкою.

И снег зачем белый,
И еж зачем колкий,
И Бог зачем — волка
Без крылышек сделал.

Окрошка на стол —
Подавай ему щей!
Любимая кошка —
И та без ушей!

А ростом-то! Вздохом!
И ввысь-то, и вширь!
Ни чертом, ни чохом:
Растет богатырь!

Задать ему порку —
Вся грудь закипает!
Да рядом с Егоркой
Браток выступает:

Попом не крещенный,
Христом не прощенный,
Честь-совесть — как сито,
К нему как пришитый.

У Егорки щеки круглые,
А у волка впалые.
У обоих совесть смуглая,
Сердце в груди — шалое.

У Егорки губы красные,
А у волка — сизые.
Оба до овец опасные:
Одной слюнкой лизаны.

У Егорки башка кольцами.
А у волка — космами
Ну а уж мозгами сходственны:
Одним гребнем чесаны.

У Егорки — штаны рваные,
А у волка — драные.
Оба гости — в лесу — званые:
Одним млеком — пьяные.

Одно слово: братья кре́стные:
Оба: рвань отборная!
Из одной лоханки трескают:
Одной грудью вскормлены!

С зарею — как хлебом накормит мать —
Заборы ломать да ⟨бока⟩ ломать.
Где энти прошли: словно вражья рать:
Вовек уж лесам не встать.

Да друг перед дружкою силой хвастать:
Овчаров дражнить, по амбарам шастать.

Егорушка вброд — и волчонок вброд,
Себе чего в рот — и волчонку в рот,
Почище чем бабы в голодный год
Московский блюдут черед.

Десятый чугун опростают с братцем —
Д'ну обниматься, д'ну целоваться!

А баба одна забрела во двор,
Да к печке — а в печке-то — вой да ор.
Еще не очнется с тех самых пор,
Как тот ему спинку тер!

Без щелоку, чай, без мочалки-мыла,
А так себе — волчьим манером: рылом.

Чуть где коромысло — бабье, держись!
Ведерки-то с горки, — да вверх, да вниз!
А поп-то у нас потому и лыс,
Что тот ему хвост отгрыз.

⟨А к вечеру, дел переделав тыщу,⟩
В овражке лежат, друг у дружки ищут.

Ох синь моя звездная, райский сад!
Ох ноченька поздня, покров-наш плат!
У Господа Бога и волк, знать, свят...
Где свалятся — там и спят.

И сладко так спят, хоть никто не стелет:
Дыханьице-пар на две части делят.

Храпят себе дружно —
И дело святое!
Друг — с другом.
Блуд — с блудом, —
Волчонок с дитсю!

Еще раз сбылась заря, Господень промысел
Поднялся Егор с волком на промысел.

⟨Тот и другой
Без стежек прут — ⟩
Идут
На разбой
И блуд.

Егорка-то: фью,
Тот ушьми подвижет.
Егорка-то: тьфу!
А волчок подлижет.

Идут — горы гудут,
Идут — лес взором жгут,
Что пожар — то за спиной кумач раздут.

Пожар — рубаха-то!
Зато штаны-то!
Из плису-бархату —
Как плутом взрытые!

Как рой чертей-бесов
Вкруг ног-то крутятся.
Идут, красу с кустов
Сбивают прутиком.

Дорога дальняя,
Дорога ранняя.
Идет с волкóм дитё —
Заместо ангела.

(С хвостом ли ангел наш,
Али с крылом — нам штó?
Лишь бы служил нам кто!
Лишь бы любил нас кто!)

Идут кустом-леском,
Идут рекой-мостом,
Идут холмом-горбом,
Идут кремнем-песком.

Последня корочка
Давно проглочена.
Глядит Егорушка:
Тын позолоченный.

За тыном — райский сад,
Глядит: кусты в цветах,
Меж них — скворцы свистят
На золотых шестах.

Остановился тут
Егор — ⟨воззрился⟩ тут.
— На кой цвсты цветут?
Их и козлы не жрут!

А волк-то вторит, сват,
Нос сморщив замшевый:
— На кой скворцы свистят,
Когда не жрамши мы?

Как красная искра
Меж них зажглась.
Волк братцу: — Садись,
Братец и — раз —
Козлом — через тын —
В сад.

А сад — не просто сад:
В цветах скворцы свистят
На золотых шестах —
Знать сад-то — царский сад!

Егоркин — скорый суд,
Егоркин — грозный вид:
На кой цвсты цветут,
Раз в брюхе — гром гремит?!

А волк-то вторит, сват,
Нос сморщив плюшевый:
«Зачем скворцы свистят,
Раз мы не кушамши?»

И—ну—кусты костить,
И—ну—шесты трясти!
А с высоты скворцы
Над волчьей хитростью

Уж так свистят, свистят
На золотых шестах,
Что волк Егорку в зад
Зубами—хвать в сердцах!

И все растет их злость
Огнем-соломою.
Уж все кусты-то в лоск,
Шесты поломаны,

Егоркин рваный зад,
Егоркин страшный взгляд.
В очах-то—красный ад.
Ну уж и царский сад!

—Ась?—
Алой рекой—лиясь,
Белой фатой—виясь,
В небе—заря взялась,
В травке—тропа взялась.

И по тропе по той,
Под золотой фатой,
Плавной, как сон, стопой—
Матерь с дитей.

В белых цветах дитя—
Словно в снегах—дитя,
В белых 〈холстах〉 дитя—
Как в облаках—дитя,

В ручке платочек-плат
Алый-знать-клетчатый,
И голубочек над
Правым над плечиком.

Остолбенел Егор,
Стоит навытяжку.
〈И тут, потупив взор,〉
Им молвит дитятко:

«Зачем шесты трясти?
Скворцы—ручные все.
〈Зачем кремень в горсти?〉
Мы здесь родные все».

И ручкой манит их,
И ручки тянет к ним,
И на ушко словцо
Шепочет маменьке.

Побагровел Егор.
А тот-то: «Братец мой!»
Побагровел Егор, —
Да как раскатится!

Да как взгремит в упор:
— Твой золоченый тын!
А я — так вор-Егор,
Егор — ничей я — сын...

А волк-то вторит, сват:
— Наш невысокий чин.
Егор он — волчий брат,
Егор — ничей он сын.

(А сам-то желтый глаз
Скосил на птиченьку.)
И серебром смеясь.
Им молвит дитятко:

— «Ты злость-то брось, родной.
Ты мне насквозь родной!
Не только гость ты мой,
⟨Не быть нам врозь с тобой...⟩

Ты приходи, Егор,
Ко мне по яблочки!»
Ему в ответ Егор
С великой наглостью:

— «Что надо — сам беру,
Мой путь — к чертям в дыру,
Моя вся кровь в жару,
Овец сырьем я жру!»

А волк-то вторит, — сват,
Клыками хвастая:
— «На кой нам черт твой сад.
Раз мы зубастые!»

⟨Глядят на друга друг,⟩
Да вдруг — глядите-кось:
Платочком слёзку вдруг
Смахнуло дитятко.

Слеза-то крупная,
Платочек клетчатый.
И голубочек-Дух
Вздрогну́л на плечике.

В большом смятенье двор,
Скворцы всполохнуты.
⟨Стоит как столб⟩ Егор,
Да вдруг как грохнется!

В мох-дёрн-песок-труху
Всем лбом — как вроется!
И ⟨голосок⟩ вверху:
— «Не плачь, — устроится!»

А Дух-то вторит-свят,
Крылами плёская:
— «Егор, весь грех твой снят
Одною слёзкою!»

Лежит ничком наглец,
Прах-землю лопает.
Что в ледоход гребец,
Плечьми работает.

Как пудовик-битюг
Под грузом — дышит-то!
И с материнских рук
Склонившись — дитятко:

«Рви, рви, опять взращу!
Семян-то множество!»
За обе рученьки
Его — на ноженьки

Раскрыл глаза Егор:
Глазам не верится!
Где царский тын-забор?
Стоит под деревцем.

Как сахарком-песком
Стоит осыпанный.
А рядом волк ползком,
С глазами сытыми.

Как будто сон какой!
Где царь тот крохотный?
Прикрыл глаза рукой. —
Рука мокрехонька!

А волк-то вторит-вор:
— «Теперь — хоть в чайную!
Какой же волк-я-вор,
Раз я раскаянный!

Ох, мой носок в пуху!»...
А деревцо вверху:
— «Рви, рви, опять взращу!
Греши, опять прощу!»

ПАСТУШЕСТВО

Побросали белочки
Орешки-горошинки.
То на дудочке-сопелочке
Пастушок хорошенький

Тоску-скуку, злую гостью
Выпроваживает.
К тростнику припав — со злости
Грудь надсаживает.

От сопенья-того-ду́ду —
Щеки лопаются.
От сопенья того — с дубу
Белки хлопаются.

Так орешками и сыплются в лопух.
То Егорушка-безродный свет-пастух.

А овцы? — Таковски:
Жирнее поповских.

А телки? — У волка
Спроси, — глаже шелку.

А волки?
— Зубами им щелкать!

А пес-то? Овчар, чай?
Овчар, да прежаркий!
А так что волчок
У нас серый — в овчарках.

В овчарках-в подпасках:
И вору острастка,
И стаду опаска:
В сем деле натаскан.

Ранним утречком,
Ранним утречком,
Еще курочки спят да уточки,
На зеленый лужок на сборище
Созывает в рожок Егорушка.

Коровы — здоровы,
Быки — крутороги,
А телу́шки — ровно
Стройные поповны.

Козлы — заказные,
Сапоги смазные,
Рог — кинжал ножовый,
Только дух тяжелый.

Баран — парень глупый,
А жирен — пощупай!
Овцы — одурь с дрожью,
Ягняточки — Божьи.

Всяк в сем мирном войске
Славит день по-свойски.
Только вождь при войске —
В великом расстройстве.

Рожок не мил,
Лужок не мил,
Козлом прыгнёт —
Прыжок не мил.

Орешек в рот —
Зерно горчит.
А коль хорош —
Живот урчит.

Все, что ни съем —
Все в злость ушло!
И солнышко — зачем
Взошло?

(Ухитримся-ка, Егор, жить поплоше!
Удавиться нам от жизни хорошей!)

Горошком — рубаха,
Штаны без заплатки,
И чай, значит, с сахаром,
Сладкий, внакладку,

А нам — хоть из кадки!
Черт с чаем — не жалко!
Хоть раз бы вприсядку
С волками — в повалку —

Под месяцем лютым —
Румяным — раздутым —
И овцы чтоб все —
К шу́ту [ам]!

Да красного страшного — толк — плечом
Быка-то — да в лоб ему — щелк — бичом.
Да красным, кумашным-то — плёск — платком
В глаза ему — и — лбом
Вперед — что пожарный в горящий дом
Гремящий — в бычачий гром!

Бык глуп —
Егор еще глупей,
Бык лют —
Егор еще лютей.

[Как взмашет!
Как вспляшет!
Как вспышет!
Как вздышит!]

От реву-от грому
В леса – коровы,
Козлы – на кручи,
Все овцы – в кучу.

За ревом, за громом –
Лоб с лбом, гром с громом.
Что – лоб проломан?
Нет, – рог обломан!

Как ломом – в тупой
Ему лоб: – Здорово!
Держись, Ерема! –
Второй обломан!

Козлы-резвы!
Сюды, козлы!

Овечий сброд,
Сюды, на смотр!

Коровушки,
По новости!

И ворон стар,
И заяц скор,
Сюды, сюды,
Весь дол и бор!

Сюды, сюды, весь дол и бор,
По новости-новиночки!
Глядите-кось, как свет-Егор
Быку – пятой – на спиночку!

Как в грудь коленочкой наддав
Рога скрутил – хват!
Как меж обломанных держав
Кумашный – бьет – плат!

И дух потешив боевой
В хлад родниковый – с головой –
Раскрыв глаза – нос – рот,
Во весь свой вздох – пьет!

С досады
Все стадо б
Загнал в трясину.
Да по́д ноги
Кто-то ему: «Прости мя!»

Ягненочек льстивый,
Звезда во лбу.
И снова —
Дудеть
В дуду.

А солнышко — за холмики,
А солнышко — на донышко
Большого моря синего,
Бескрайного, пустынного.

Как солнышко — за горочку,
Опять коров Егорушка
Скликает, грудку мучает,
Овечью рать толкучую

В ряды берет, полкам-войскам
Козлам-резва́м дозор ведет.

От полков-рядов —
Столбы пыльные.
Прямо в очи бьет —
Заря сильная,

Заря щедрая,
Заря 〈щастная〉,
Как Егоркино сердце —
Красная.

— «Здравствуй, Свет-Егор,
Всему стаду — Царь!»
Изо всех дворов
К нему млад и стар

Кто — краюшечку,
Кто — полушечку.
(Аж устанешь,
Хвалу-то слушамши!)

— «Ох уж Свет-Егор,
Пастух верный наш!»
Позади волчок —
Всему стаду страж.

Кто — опивочек,
Кто — огрызочек.
(С того пиру — не быть отрыжечке!)

— Ох уж свет-волчок,
Овчар верный наш!
Уж такому псу —
Уж чего не дашь!

(Кто — оскребочек,
Кто — оплевочек,
А кто просто — вдогонку — овощью!)
(Слова жирные,
Еда постная!)

Козлы смирные,
Овцы ло́сные,

У коровушек
— Шаром — вымечко.
До небес, Егор,
Твое имечко!

Поздним вечером,
Поздним вечером,
Тоска-грусть встает,
Боль извечная.

Отпылила пыль,
Отчудила быль,
Отгремел — по горбам —
Костыль.

Смотрят звезды
Под кров соломенный.
Только бык ревет,
Рог обломанный.

Спит, в зипун укутанный,
Что медведь оло́нецкий.
Метель мысли путает,
Метель в избу ломится.

Где меж па́рней нынешних
Столп-возьму-опорушку?
Эх, каб мне, Маринушке,
Да тебя — Егорушку!

За тобой, без посвисту —
Вскачь — в снега сибирские!
И пошли бы по́ свету —
Парни богатырские!

Не видала б горюшка
Русь по день по нынешний —
Каб тебе, Егорушке,
Да меня, Маринушку!

Эх, по всем по красным-то
Я устам — паломница!
Странница клюкастая
Метель — в избу ломится...

Голова на о́тшиби,
Кулачок — подушечкой.
Не поднять хорошего
И ударом пушечным!

То не метель-крушель со зла
Клюкой в окошко мечется,—
Лучиною дымя в глаза
То мать сынка—за плечико.

— «Вставай, Егор!
Беда, Егор!
Тваво ягненка
Волк упер.
Вставай, сынок, не дрыхни!»
А тот спросонок: «Ихним
Царем я избран,—царь в лесу!
Теперь все стадо разнесу!»

— «Вставай, сынок-надёжа!
Вставай!»—с плеча одежу
Дерет: вставай, сыночек!—в рот
Пирог сует—да все не впрок!
Смял—и сквозь сон-знать-смуту:
— «Теперь опять я лютый!»

И вновь храпит.—Не знает мать,
Как ей хорошего поднять,
Да вдруг как крикнет вó весь дух:
— Дурной пастух!—Другой пастух
Жизнь отдает за стадо!
Вскочил Егор: «Что надо?!
Цыц, коли глотка дорога!»
И разом—в оба сапога!

Дверь настежь: в горницу—снега.
Два сапога—в снега!

═══

А там метель косматая
Шумит: «Давай сосватаю
Тебе невесту рдяную,
Полный сугроб—приданого!

Семи ветров—наследницу,
Всех рóдин—уроженицу!»
А тот шапчонку набекрень:
— «В таких годах не женятся!»

— «Егор—шумит,—послушайся!
Не по тебе пастушество!
Твоя вся кость иссушится.
Твоя вся кровь задушится!

По седоку—лошадушка!
Метель я, конь твой сказошный!»
Тот сапогом как топнет в снег:
— Мне своих ног достатошно!

Не унялась, безбожница:
Старшим бураном божится,
Шальным бараном в ноженьки

Кидается, тьмой множится.
— «Меч дам тебе, власть-главенство,
Семи . . . . !»
Тот кулаком как вдарит в снег:
— Одной рукой управимся!

— «Пропал! — Пылит —
Попал! — палит —
Метель, клюка я глупая,
Сама Пурга я лютая!

Гей, мои птицы-ласточки!
Лети в глаза глазастые!»
Тот, рассмеясь, как харкнет в снег:
— «На то и баба — хвастается».

[Метет, метель,
Стели́т постель,
Пьяным, влюбленным,
Мертвецки-сонным:
Всей голытьбе:
(Мне — тебе.)]

— Как бы не так!
Вьюге на злобу —
Прет из сугробу
Сжатый кулак.

Чей это нос расплющенный
В снегу? — Чей хвост опущенный?
Кто сквозь метель, без тропочки
Рысцой трусит, торопится?

В снежку порыв, понюхает,
Ушко вздыбив, послухает,
От взору — роща выгорит,
И шуба — мех навыворот.

— Скачи, гоньба! Гони, гоньба!
Уж над крутым отвесом лба
Метель — валы взметает.
Уж на нем снег не тает.

Спешит волчок, трусит волчок.
Что нам верста, ему — вершок,
Да как . . .   .   с разбегу:
Что за торчок из снегу?

Нюхнул — хвост выпушил — скребет,
Осел — передними — гребет,
Вал снежный — на два вала,
А посередке — в алой

Рубахе — как к венцу идут —
— Как взвоет тут! Как взноет тут! —
В тулупе нараспашку —
Егор — как воин павший.

— Егорушка! — куснул в плечо.
— Егорушка! — Рванул. — Еще
Куснул, — теперь уж зá нос.
Как дуб, сраженный зá ночь,
Как дуб . . . . суком
В метель грозится кулаком.

— Егорушка! Так, брат, нельзя!
Егорушка! — Лизнул в глаза,
И в нос лизнул, и в губы —

Лежит. — Четыре зуба
Так и засожены в губу.
А там метель в трубу
Трубит: «В честном гробу
Я друга погребу!»

Все горячее волчий дых.
Уж дыбом на боках худых
Мех дикой, разномастный.
И вдруг — железом красным
Литым расплавленным свинцом
. . . . слеза.
И разом — надвое — бугор,
И разом — на ноги — Егор.

Стоит, сугроба посерёд,
Одной рукою — очи трет,
Другой — в затылке чешет.
И хрипло так — аж трú дня пил:
— А где ж я шапку обронил?
Трет-нажигает скулы:
— Волчок, никак соснул я? —
И, эдак вопросив, зевок
Такой великий задаст,
Что волк, не пикнув даже,
За три версты — в овражек.

Идут дорогой,
Прут прямохожей.
Парень — проломом,
Волк — вавилоном.

Вскинет хвосточком,
Прянет ушами.
— Ну и охоч ты,
Брат, до шатанья!

Как не мой опыт,
Без моих хлопот,
— Тьфу, будь ты проклят! —
Снег тебе лопать.

Все б твои разом
Вышли — румяна.
Из-за барану —
Сколько изъяну!

А паренек-то:
Стоит ли споры —
Из-за Егора
Весть — разговоры?

Аль я царевич,
Что ль, какой дорог?
В кажной деревне —
По сто Егорок!

[Русь породила,
Вьюга — накрыла.
И, размахнувшись
— Чмок — того в рыло!]

Дороженька! Дороженька!
Стреми мои сапоженьки
По следу злому, темному,
Метелью замстенному.

Куда — скажи мне — вор-мой-пес
Маво ягненочка унес?

— Как ты со мной, ухабистой,
Речь заводил без наглости,
Как ты со мной, проселочной,
Речь заводил без сволочи —

Все прямо
И влево
И встань
Под древом.
Храни тебя
Мать —
Дева!

Куды, куды, детинушка?
Не торопись уж очень-то!
То след-зовет-тропиночка,
Большой дороги доченька.

— «Хоть прешь, мальчишка, на беду,
Тебя до места доведу,
Дойдешь, как по веревьицу!»
Глядит Егор: ствол-деревце,

На деревце — высокий дуб,
Высокий дуб . . . .
. . . . упорист,
Ну, Царь наш Миротворец.

Овчину с плеч долой-тулуп
И веточки на ветку — ступ:
Прилег как вор на страже.
А под низом — овражек.

А из овражку — свет ты наш! —
— «Он мал — он наш!
Он бел — он наш!»
Пяток братков, знать, наших,
А посреди — барашек.

И гласом — столб-заплачет-дуб:
— «Я мал — я глуп,
Я бел — я глуп!»
Глядит Егор: бок выдран!
Да с высоты тут тигрой

Как прянет в самый волчий вой!
«Он мал — он мой!
Он бел — он мой!»
И — радугой из гущи —
Глупца на сук негнущий!

Застолбенела волчья тварь.
Один: «Знать Царь!»
Другой: «Знать Царь!»
И меж собой, по-волчьи:
— Нас пятерых потолще!

Залебезила волчья рвань:
Один: Достань
Другой: Достань!
Как кулаком по дубу
Дубнет: Влезай, коль любо!

Как заскулит тут волчья гнусь!
Один: сорвусь!
Другой: сорвусь!
И вдруг — рысцою тихой —
Шажком — шмыжком — Волчиха!

И опромстью драны и рвань:
Один: Мамань!
Другой: Мамань!
И как на панихиде
Все разом вдруг: — Оби — и — дел!

. . . . на шесток:
Тому — шлепок,
Тому — шлепок,
Всех одарила в чéред.
И вдруг как рылом смерит

Егорку — с носу да сапог.
Моргнет — и в бок,
Шморгнет — и в бок,
И вдруг, всем рылом врывшись

В живот-то: «Волчий привкус!»
И жалобно — сугроб бы взвыл! —
«Сынок, забыл!
Щенок, забыл

Волчиную погудку!»
И — лапами на грудку!

И — голосом — сугроб бы скис:
— Сынок, вернись!
Щенок, вернись!
Овчину-сбрось-личину!
Над всей страной волчиной
Тебя поставлю я Царем!»

. . . .
. . . .

И тут — на весь лесной чертог —
Один: Браток!
Другой: Браток!
А третий, самый рваный:
— Отдай маво барана!

И хором тут вся волчья блажь:
— «Он наш — отдашь!
Он наш — отдашь!
Вся наша кровь свернулась!»
А тот в ответ: «Да ну вас!

Аж тошно мне от ваших харь!
Не вам я — царь,
Стадам я — царь!»
И враз десницей-шуей
С груди-то — трёх! — старшую!

Заледенела, зноб затрёс.
Старша́я: Пёс!
Вся стая: Пёс!
И ну́ его за икры:
— Держись, собачья при́кровь!

Но скоком им Волчица в тыл:
«Он вскормлен был,
Он вспоен был
Моим сосцом волчиным!
Судить его — по чину!

Сюды, Егорий, на допрос!
Лизала? — В лоск!
Сосал? — Взасос.
А как порою темной
Глазком светила? — Помню.
. . . .
Припомни прежнюю хлеб-соль!
Мы — тощие, ты сытый!
Отдай овцу! Сокрыты

Ресницами твои глаза!
Егорушка, взгляни в глаза,
Взгляни на мех-мой-проседь!
Егор, Волчица просит!

Егорушка!» — Но нем и глух
Егор. Лоб жилами набух.
Лик грозный. Дых неровен.
И — лбом в снега: «Виновен!

Виновен! Рвите на куски!
Виновен! Не отдам овцы!
Хватай! Не шелохнуся!
Да что ж не рвете, трусы?»

И — разом — волчье воронье:
Один: мое!
Другой: мое!
— Прочь! — им Волчиха с дрожью:
Мной вскормлен — мной и пожран!

Молись, Егор! — Тот в воздух: чмок!
— Прощай, браток!
Гуляй, браток!
А уж в ногах: «Не выдам!»
Браток стоит: шерсть дыбом.

И гневно: «Не отстать клыку!
Как ты мне брат по молоку.
Так я тебе — по хлебу!
Спасайся, брат! Я следом!»

— «Нет, брат, не место тут двоим:
Сдурил один — помру один!»
А уж над спором ихним
Волчиха — жарким дыхом.

Слюной-струею каплет в спор:
— «Пора, Егор! Стара, Егор!
Не жду! — Взыграло чрево!»
Вздохнул Егор. На древо

С ягненочком — на весь свой век
Глядит, и вдруг — как вспыхнет снег!
Костром-великим-гневом
Горит, горит Царь-Древо!

И — опрометью — волчий сброд!
— Горит! — А пламя посеред
— Горит! — как в ризе ценной
Ягненочек нетленный.

Навечно. . . . .

«Вставай, Егор! Потом доспишь!
Уж день скрипит воротами!»
Глядит Егор: шатром-костром
В глаза — заря широкая.

В ногах волчок, сражает блох,
Крючком скрючившись, скрючимшись.
— «Чай, третий самовар заглох,
Все сушки пересушатся!

Вставай, лентяй!» На ножки — скок
Егор, тулуп внабросочку.
Глядит-глядит в зарю-восход,
Глядит-глядит без просыпу.

Глядит — аж душу потерял!
Аж захлебнулся золотом!
А волк: «Кто шапку потерял —
Тому венец под молотом!»

КУПЕЧЕСТВО

Как к голубке безмужней вдовушке
Попросились купцы в ночевочку:
«Далеко, мол, вдова, до городу!»
Видит баба: седые бороды.
Втора́ — первой, а третья — второй седей —
И впустила чужих людей.

Еще рук не успели выпростать —
А уж им самоварчик вытрясен.

Еще шуб не успели вытрусить —
А уж им самоварчик — искрами.

Не успели сосульки сойти с усов —
А уж им самовар готов.

Стакана́ не схлебнули цельного —
А уж им зипуны подстелены.

Пол-ломтя не сжевали ситного —
А уж им и подушки взбитые.

Не успели ⟨ни крошки⟩ стряхнуть с усов —
А уж и ночлег готов.

Инда взмокла, толчась, заботимшись.
А старшой: «Хороша работница!»

А второй: «Золотые рученьки!»
А третёй: «Не трудися, внученька!»

Не успели ресницы довесть до глаз —
Да все трое как вскрикнут враз:

«Ой, доченька! Никак — летун!
Летун-храпун! Летун-хапун!

Всю казну забирай на откуп!»
А она, ухмыльнувшись кротко:

«Не трудитеся, деды! Не змей летит, —
То сыночек-мой-свет сопит!»

Прозвенела казна за пазухой.
А старшой: «Хороша присказочка!»

А второй: «Не плоха присвисточка!»
А третёй: «Чудеса — поистину!»

И все разом: «Прости нас, вдова, дедо́в:
Тоже разных видали вдов!»

Еще смута с лица не схлынула —
А они уж друг к дружке спинами.

Еще крест-не творили-заповедь —
А старшой уж с вторым — посапывать.

Не успела . . . .
Да как трое все вскочут враз!

— «Ой, вдовушка!
Он-он — летун!
Летун-храпун,
Летун-хапун!

Пожалей нашей капли кровной!»
А она голосочком ровным:

— «Не крутитеся, деды! Не змей пыхтит:
То сыночек-мой-свет храпит».

Посинели в лице, как тряпочка,
А старшой: «Хороша похрапочка!»
А второй: «Нелегка погудочка!»
А третёй: «Богатырь, знать, будущий!»

И все разом: «Уж лик твой, вдова, таков:
Уж и льстивый он, змей, на вдов!»

Еще нитка в иголку ленится, —
А они уж за сон-храпеньице,

Еще шовчик не взят навыворот —
А по ним уже вошки прыгают.

Не успела иголку воткнуть в атлас —
Да все трое как вскочут враз!

«Ой, ноченька!
Ну что ж, летун!
Хватай, храпун!
Хватай, хапун!
. . . . . громкий

А она, не взглянув от шо́ву:
«Не бранитеся, деды! Не змей пыхну́л:
То сыночек-мой-свет вздохнул!»

Отхлебнули как синьки-щелоку.
А старшой: «Хороша ночёвочка?»
А второй: «По грехам, знать, нашенским!»
А третёй, с тихотцой монашенской

Поклонился, да ровно кулёк-знать-холст
Так молчком под скамью и сполз.

Ползком сполз—скоком выскочил.
— Ой, мать честна! Ой, с кисточкой!
Микола-свет-Угрешинский!
Сам-сам лежит и чешется!»

Не успела кресточку достать в доказ—
Да как дверью все хлопнут враз!

К горшкам-к шесткам, знать, в обчество.
В к⟨отлах⟩, в лоханках топчутся,
Овечным сбродом мечутся,
Клянут свой сан купеческий...

Энтот в тесто, тот в жбан-угораздил-квас...
Да все трое как вскрикнут враз.

И трубный глас:
«Держи! Держи!
В мой сонный час!
А чччерт бы вас!

Где честь у вас, приличество?
По самому по личику
Слоном скакать! А черт бы вас
Растряс! В мой сонный час!

На свет, кроты, из норушки!»
Тут всех воров Егорушка
Вперед себя—как вытолкнет!
А сам-то—лбом об притолку
Как ахнет!—Лоб-то вытерпит!
И в и́збу—вместе с притолкой!

Ревет: «А ну-ка, ро́дные!
Кажи статью доходную!
Огнем по телу мечену—
Кажи статью наплечную!
⟨Имя⟩-чин-званье-отчество!»

Взглянул—д'как расхохочется!
«Ой дурни вы! Ой се́дые!
Ой, рухлядь вы прадедова!
Ой, холостые ружья вы!
Ой, вы громилы дюжие!

— Чай, трех погостов старосты?
Да что ж это вы—под старость-то?»

Старшой вперед оправился:
«По всей Руси мы славимся».

Второй: «Назвать по имени—
По всей Руси мы чтимые».

Третёй: «До самой Сызрани
Парчой торгуем, ризами,
Свечным товаром, ладаном.
Тваво добра—не надо нам».

Стоят, в окошко мрежатся.
Старшой: «Прощай, медвежество!»

Второй: «Прощай, сапожество!»
Третёй: «Хоть от художества

Тваво—все—гудом хрящики,—
Идем ко мне в приказчики!

Что скажете, торговый дом?»
А те: «Дельцо дубовое!»

— «Что скажешь, мать безотчая?»
А та: «Премного почести».

— «По рукам, что ль, мóлодец? В добрый час!»
Да все трое—как вскочут враз!
— Ой, матушка!
. . . . !
. . . . !
. . . . !

Не видать нам рядов-знать-лавок!»
А Егор, повалившись нá бок:
— «Провалиться вам, деды! Не змей
То браточек-мой-свет . . . .!»

Расплелись—что коса на плёточки.
А старшой: «Хороша, знать, глоточка!»
А второй: «Не плоха—хорошая!»
А третёй: «Уж цела ли лошадь-то?

Уж не скачет ли шут на тебе, Саврас?»
— Да все трое—как вскочут враз!

«Держи! Держи!
Ой—зверь-рыскун!
Рыскун-храпун!
Рыскун-хапун!

. . . . зверь неслыхан!»
А Егор, почитай, без дыху:

— «Протрезвитеся, деды! Не зверь-он-яр:
То браточек мой-свет, овчар!»

Окрестились над страшным мóроком,
Шапки-шубы торопят тóропом,

Вид непомнящий, взгляд незнающий,
Враз поклон отдают хозяюшке:

А она: «Не взыщи, Степенствушки,
Потому, мое дело женское...
Наварила б вам, батюшки, жирных щец...»
А старшой: «В рукава, купец!»

Скидаёт на паренька
Шушунок свой ватошный.
Долго на сваво сынка
Воззирала матушка.

(Никогда бы вас, сынов,
И рожать не надо бы!..)
— «Ты прости-прощай, сынок!
Расстаемся нáдолго!

Что сыночку — десять дён,
Матерям-то — тысячи!
Заугольничком рожден —
До отца возвысишься!

Высокó твой путь забрёл, —
Поклонись, коль встренется!
Не кладу тебе, орел,
Нá сердце смиреньица.

Как бы царь ни принажал —
Не клонись осокою:
Уж в колысочке лежал
С головой высокою!

Чтоб сам Шут тебе — с жучка!
Все ручьи — целебные!..»
Достает из сундучка
Сапожок серебряный.

«Был когда-то позлащен,
Побелел от старости.
Тоже с милым разлучён,
Как и я — без парочки!»

Начищай его, дружок,
Мелом без оплошности.
На иконке чтоб дружок
Выходил хорошеньким.

Чтоб по отчим по следам...»
И с крылечка — нá ветер:
«Весь на то и век нам дан —
Расставаться нáвеки!»

Сбруя новая по крут-бокам поскакивает,
Колокольчики-бубенчики позвякивают.
Ты бренчи-звенчи, Валдай, купцам на счастьице!
Везем в лавочку мы нового приказчика!

Душа русская, простая, неувертливая!..
Заря алая по бел-снежку посвёркивает.
Ты зари, заря, зари во все оконышки!
Везем дéвицам мы новую иконочку!

Румянисту, ... штаны плисовые...
Чай, не зá морем каким, — в Рязани писанную!
Ты звони, Свята, звони во все во звонницы!
Везем Господу мы нового заслонничка!

═══

Как над той землей, смирней какой не пахивали,
Разудалая одна — косынкой взмахивала!
. . . .
Воспускай из-за прилавочка . . . .

Должнó, паренек
Своих рук не берег,
Своих рук не берег,
Купцам кучу загреб.

Паренек-то, взглянуть, с душой!
И к прилавочку — ступ — старшой.

— Ну чтó, купец?
Как . . . . ?
А тот в ответ:
. . . .
Аж в лице покраснел, как свёкла.
«Вся спина моя, значит, взмокла!»

— «Знать целый куль
Нагреб — хвалю!
Давай-ка нуль
Писать к нулю!
Молодец, на слова не тратясь!
Не ошибся меньшой наш братец!»
. . . .

«Где ж звон-казна?»
А тот в ответ:
«Кака казна?

Не пойму твоего я слова, —
Только первый мой день торговый!»

Глядит купец:
Овца — овцой!
— «Аль ты с глупцой,
Малец, с дурцой?

Без казны-то и солнце – с кукиш!»
А Егор, подивясь: «Да шутишь?»
. . . .

Сробел купец:
. . . .

«Где ж вся парча
Моя . . . . ?
. . . . торговли?»
А Егор: «Ворочай оглобли!»

Уж так гребли,
Отец, гребли,
Как я им всем
Назад – рубли!

Уж и вид твой, кричат, бурдовый!
Видно, первый твой день торговый!

А вот уж поп
Один – так грёб!
И оженю . . . .
И в гроб . . . .

Провожу, – хошь с родной сестрою
Окручу! – Потому – расстроил!

А еще Тит
Один – так спас.
Хоть старый лис,
⟨Кричит⟩, хоть лыс,
Весь кирпич-забирай-мой кафель!
Потому что [де] кричит, потрафил!

А Генерал –
Один – капрал:
Дроздов я драл,
Азов я брал,
А еще не видал такого, –
Видно, первый твой день торговый!

Сомлел купец,
. . . .
«Ой воск мой яр!
Ой ладан . . . !

Ой елей-мой лампадный-слёзка!»
А Егор, рукава внаброску:

«Сперва словцом
Учи, добром!
А не смекнем –
Тогда ремнем.

Всё козлы-то в глазах – коровы:
Только первый мой день – торговый!»

Тут по плечу его старшой:
— «Ты паренек, глядеть, с душой!
Придут годы — придет и разум...
Подождем до другого разу!»

Вторник

Как над той землей, где. . . . . христосовались,
Разудалая одна — косищи чесывала.
Сокрушай, заря, расчёску-треск-гребеночку!
Воспускай из-за прилавочка орлёныша!

Должно, паренек
Своих рук не берег,
Своих рук не берег,
Купцам кучу загреб.

Паренек-то, взглянуть, — ерой!
И к прилавочку — ступ — второй.

— «Ну что, купец,
Как Бог нам дал?»

А тот в ответ:
— «Так Бог нам дал,

Ровно праздник какой престольный!
Весь товар твой, отец, пристроил!»

Взыграл купец:
— «Где ж жар-казна?»
А тот в ответ:
«Сказал — казна!

[Чай] вся иная пошла музы́ка:
Никакой уж и нет — казны-то!»

Как я словцо
Сказал: платеж,
Ну уж и вой
Пошел, галдеж!

«Одурел. . . . . ай сбрендил?
Кто ж товар продает за деньги?»

Как затрясусь:
«Купец велел!»
Ох ты пострел,
Орут, безус!

Да как гаркнут [рявкнут] все разом сразу:
«Ишь царёву грубить указу!»

«Какой указ —
Шепчу — приказ?»
«А тот указ,
Орут, приказ:

Всем купцам, молодым и старым:
Весь товар продавать задаром!»

Как размахнусь,
Да в ножки—бух!
— Ох ты пентюх,
Орут, лопух!

Гнить бы в яме тебе царёвой—
Как не первый твой день торговый!
. . . .

Купец

. . . .
— «Туман-дурман,
Вопит, обман!

Не царю ты, а сброду-твари,
Всей дороге челом ударил!

Ох ум твой худ,
Карман твой свист,
Кошель мой туг,
Доход мой чист!

Ох рубли мои свет прибытки!»
А Егор, рукава внакидку:

«Как мой совсем особый склад,
Как на башку—выходит—слаб,
Чтоб мозги мои—впредь—свежее,
Наклади мне, отец, по шее!»

Тут по плечу его второй:
«Ты, паренек, должно, ерой!

А дурак—не с дурного ль глазу?
Подождем до другого разу!»

Среда

Как над той землей, козой несытой Сидоровой,
Разудалая одна— монистом игрывала...
Задавай, заря, во все рубли-целковики!
Воспускай из-за прилавочка соколика!

Должно, паренек
Своих рук не берег,
Своих рук не берег,
Купцам кучу загреб.

А взглянуть-то—дитя дитёй!
И к прилавочку—ступ—третёй.

— Ну што, купец,
Как жар-казна?
А тот в ответ:
— «Така казна,

Уж и мастер народ ваш тратить!
Всех ларей твоих, дед, не хватит!

Первее всех,
Отец, нам слыть!»
Взыграл купец:
«Ну, парень, сыпь!»

А волчок, из-под ног осклабясь:
— «Все—е до солнышка обещались!»

Вздрогну́л купец:
. . . .
«Ох ты Рязань,
Кричит, Казань!

Ох ты Русь моя-дурь-Рассея!
Весь товар . . . . посеял!

Коль не. . . . .
. . . .

Вот и вся вам святая Русь-то!»
А Егор, с превеликой грустью:

— «Что зря слова
Во рту молоть?
Кто оплошал —
Того колоть.

С колокольной-толкай-хошь-кровли!
Не пойму я твоей торговли!»

Тут по плечу
Его третёй:
«Хоть с каланчу —
Дитё — дитёй!
. . . .
Подождем до другого разу!»

Четверг

Как над той землей, избой кленовой, ясеневой,
Разудалая одна — да распоясывалась.
Расплещись, заря, во все шелка разливчаты!
Воспускай из-за прилавочка счастливчика!

Должно́, паренек
Своих рук не берег,
Своих рук не берег,
Купцам кучу загреб.

Не пенькой торговал, —
Парчой.
И к прилавочку
— Ступ — старшой.

«Ну што, купец,
Как звон-казна?»
А тот в ответ:
«Ну да, казна!

Цельный, знаешь, мешок пузатый,
Да не любит меня казна-то!»

Взревел купец:
«Да кто ж? Да што ж?»
А тот в ответ:
«Ругай, как хошь!

Видно, ум у меня слабéнек, —
Не пойму я московских денег!

Как стал считать —
Бревно-бревном!
Такой уж зноб
В костях — и лом!

А в ушах-то, что улей-пчелки,
Так тебе и жужжит: «Обчелся!»

. . . .
Пошел и шум.
Вдруг кто-то: рррaз!
Здорово, кум!

Почеши, говорю, в затылке!
А когда ж у тебя крестил-то?

Коли не кум,
Орет, так брат.
Ты на язык,
Я вижу, хват.

А считать, посмотрю, не школет.
Подсобить тебе, парень, что ли?

Как зачастит —
Зерно зерном!
Как в молоке
Лежу парном.

Ровно гущу-хлебаю-твóрог.
А тот знай себе: шесть да сорок,

Да пять да шесть,
Да шесть да семь.
— «Как ни считай,
Ворчит, всё темь!

Все как будто забыл чего-то...
Видно, враные ваши счеты!

Вот так статья,
Ворчит, во́т стих!
Пойду-ка сверю
На своих!»

А волчок, над хвостом стараясь:
— «О сю пору сидит, сверяет».

Вздохнул купец:
«. . . . . ты гусь!»
А тот в ответ:
«И сам дивлюсь!

. . . .
Знать уж. . . . . . така: Егорий...

Мне и до трех,
Отец, не счесть.
Каков рожден —
Таков и есть.

. . . .
Тут по плечу
Его — старшой:
«Хоть не пенькой
Сплошал — парчой —

Да глаза-то твои — алмазы!
Подождем до другого разу!»

Пятница

Как над той землей, чудней какой не видывала,
Разудалая одна — юбчонку скидывала.
Раскрутись, заря, во все свои полотнища,
Воспускай из-за прилавочка молодчика!

Должно, паренек
Своих рук не берег,
Своих рук не берег,
Купцам кучу загреб.

В само небо,
Чай, — прет горой!
И к прилавочку
— Ступ — второй.

— Ну што, купец,
Как звон-казна?
А тот в ответ:
. . . . казна.

Нынче дело другого рода:
Ни один твой вершок не продан.

Глядит купец:
. . . .
Как сам потоп
Прошел волной.

— Самовар твой, кричит, с угаром!
Аль опять отдавал задаром?

Ох ты упырь,
Кричит, шакал! —
А тот в ответ:
«Отец, сплошал!

. . . .
Весь товар твой — до нитки — скраден!

Не голова —
Отец, — арбуз!
Качнусь-очнусь,
Качнусь-очнусь,

Как болванчик какой китаец,
Ровно в люльке лежу — мотаюсь.

Встряхнусь это —
Опять нырну.
И так это
Сквозь сон-дрему́:

— Отчего ж это, мыслю, братцы,
Всё другим это — бабы снятся?

Да как на грех еще —
Сверчок.
— Посторожи, прошу,
Волчок!

Всё горошек в глазах персидский, —
Может, баба кака приснится.

Ну и залег —
Кульком кулёк.
Тут вперебой
Ему — волчок:

— «Заворчал, эдак вот, зачавкал,
Ну и встал я, отец, к прилавку.

Гляжу: чернец
Бредут с попом.
Да взвидят как,
Что волк — купцом:

«Поддавай, орут, ветер в полы!
Сам Нечистый сошел с престолу!»

Ну уж и трус
У вас народ!
Чуть шелохнусь —
Уж тряс берет:

— Ворочай, орут, Русь, по трахту!
Сам Нечистый у них в купцах-то!»

. . . .
. . . .
Тут вперерез
Ему Егор:
— «А мне, значит, взамен девиц-то
Все какая-то мелочь снится:

Как будто гриб
Нашел — сморчок...»
Тут вперебой
Ему — волчок:

— «Хоть и вид мой, пою, предивный,
А зато продаю за гривну.

Гляжу — хромец
Идет. . . . .
Совсем было сошлись, —
Ан нет:

«Хороша, говорит, лавчонка,
Да уж больно купец страшон-то!»

Кто ни взойдет,
Отец, — срамит.
Терпел, терпел,
Аж сон кренит —

Отчего ж это, мыслю, братцы,
Все другим это — овцы снятся?

Хошь бы одну б
Каку — на вкус!
Качнусь-очнусь,
Качнусь-очнусь, —

. . . .
Может. . . . . приснится?

Ан: самовар
В глазах — прибор...»
Тут вперебой
Ему — Егор:

«Пока блюдцы-считал-стаканы,
Весь товар твой, отец, и канул».

Как ухватился
Тот за плешь:

«А самовар,
Вопит, мой где ж?»
— «И с . . . . прощайся:
Из-под . . . . придется чай пить!»

Пыхтит купец,
Как в баньке взмок.
Чтоб энтот сон,
. . . . вам впро́к —

. . . .
Сволоку-ка вас, братцы, в волость!
А волчок-то с Егоркой в голос:

— «Тащи, отец!
Сошли, отец!
Озолоти,
. . . . . . отец!

После пытки таковской — торгу,
Хошь в петлю затяни — просторно!»

Вопит Егор:
«Уж как здоров —
От ладанных
Помру паров!»

А волчок пареньку в защиту:
«Запаршивел с твоей парчи-то!»

Тут по плечу
Его — второй:
«Не удушу,
Ворчит, не вой!»

Путь-то . . . . — не медом мазан!
Подождем до другого разу.

Суббота

Как над той землей, где бабка черту маливалась,
Разудалая одна — под полог сваливалась.
Закатись, заря, вались, заря, на сон честной!
Наше дело молодецкое окончено!

Должно, паренек
Своих рук не берег,
Своих рук не берег,
Купцам кучу загреб.

Уж и лоб
У него — пустой!
И к прилавочку
— Ступ — третёй.

«Ну што, купец.
Как торг-дельцо?»
Взглянул — и с губ
Нейдет словцо:

Видит: купчик-то наш-кормилец
Вместо рук-то — веревку мылит!

Ты што ж это,
Речет, сокóл?
А тот в ответ:
«Знать, день пришел».

А волчок, защелкáв, как бубен:
«Кажну ночь тебе сниться будем!»

. . . .
Не суйся, дед!
И кредитку-достав-рублёвку:
«Получай за свою веревку».

А сам на крюк
Глядит-крючок.
Тут вперебой
Ему волчок:

«Не сосём твоих кровных жилок:
Деревенский еще обмылок!»

Вспылил купец:
«Ишь брат — повис!
Ты на земле,
Гремит, трудись.

. . . .
Ты и сам у меня червонный!

Тем мне и люб,
Дурак, — что глуп!»
А тот, в сердцах:
«Вестимо — глуп.

Хошь хлыстом меня в очи хлёстай, —
Не стерплю я ребячьей слёзки!»

Сижу это,
Отец, с казной,
Ан голосок
В дверях — сквозной,

Как комарик звенит над синью,
Как сырая в печи осина.

Как трещинка
Поет в стекле...
Гляжу это:
Малец в тряпье,

Куполок-золотой-головка...
— Одолжи, говорит, веревку!

— Ай свет тебе,
Смеюсь, не люб?
А тот в ответ:
Хозяин лют.

Как в снежки-то играл с Колю́шкой,
Обронил на снегу полушку.

Как хрусталек-
Звенит-ледыш:
«Озолоти, звенит,
Услышь!

А веревку не дашь — так в прорубь!»
— Это што ж, говорю, за то́ропь?

Коль уж такой
Мужик — в петлю,
Так кто ж служить
Пойдет царю?

Да как сыпать пошел в карманы!
Оделяй, говорю, команду!

Как в решето
Сквозя водой.
«Отец, звенит,
Карман худой!»

«А худой, говорю, так свистни!»
Весь мешок тут ему и втиснул.

Осоловел
Малец — столбняк:
А поминать,
Лепечет, — как?

— Поминай, говорю, хошь зайца!
Не моя звонкота — хозяйска!

Тут васильком
Как вскроет взор:
«Ай позабыл
Меня, Егор?

Как в цветах обещались, в листьях?»
И уж нет никого — как высох!

Как голубок
Крылами — плёск!
«Ну, паренек
(Купец) — сбылось!»

(А из кажной глазной лощинки,
Что тычинки на свет — морщинки.)

«Как Русь стоит —
Тебя искал.
Одних лаптей,
Чай — воз стоптал.

Уж не знал, растеряв силёнки,
Уж с какой тебя ждать сторонки».

Стоит Егор,
Картуз в горсти.
— Озолоти! —
Хрипит: — пусти!

А не то — запиши на плеши! —
Без штанов удеру — как леший!

Тут по плечу
Его третёй:
«Ну уж и нрав,
Ворчит, крутой!
Чтоб вся жизть ему по заказу!
Подождем до другого разу!»

Воскресенье

(Отъезд)

Как над той землей, за тем за красным занавесом,
Разудалая одна — со сна выламывалась!
Выходи, заря, с ковшом, с ширинкой, с брагою,
Провожай меня, орла, за сини зá горы!

Должно, паренек
До купцов не дорос,
До купцов не дорос,
Цельну кучу растрёс!

. . . .
. . . .
И с повозочки
— Ступ — братья.

«Хорош возок», —
Ему — старшой.
— И — конь резóв! —
Ему — второй.

А третей: . . . .
— А по мне седочка не стоют!

— Смелей, сокóл! —
Ему — старшой, —
Как станет ствол
В лесу — сплошной,
Не сказавши дурного слова:
«Вспомяни», говори, старшого!

— Смекай, срой! —
Ему — второй, —
Как где гора
Сошлась с горой,

— Расступись, говори, хоромы!
Поклонись, говори, второму!

— Смекай, огонь! —
Ему — третёй: —
Как станет конь
Шалить речной,

— Ошалел, скажи, дурень! Долу! —
Не страми, говори, Николу!

Старшой один
Тут держит речь:
— Как весь товар
Свой сбагришь с плеч —

Поспрошай у хромца-культяпки
Старичка в островерхой шапке.

Поклон тебе, скажи, от трех,
От трех купцов,
Скажи, братьёв,

А я сам, говори, тот хлопчик,
Что — живьем обдери — не взропщет!

На все дела,
Ори, горазд!
Он кувшинок
Тебе подаст,

Чиста сéребра — день аж Божий!
Голубочек вверху посожен.

Ты отдарить
Не смей — казной.
Тройной поклон
Клади земной,

— Благодарствуй, ...
От всея от Руси . . . .

Хошь тот кувшин
И прост на взгляд —
Чтоб пуще глаз
Тебе был свят,

Да сам не пытай — смотри-ка! —
Что в нем там за богатство скрыто.

— Блюди закон!
Ему — старшой.
— Не льстись на жен!
Ему — второй.

А третёй: — Не крушитесь, братцы!
Выше прочих запишут в святцы!

— Взрастай, Егор!
Ему — старшой.
— Крепчай, Егор!
Ему — второй.

А третёй, с ласкотой суровой:
«Наклонись ко мне на́ два слова!

Как уж в колыске
Нам не спать,
Так наша жизть
Не хочет вспять, —

Так уж знай, дурачок мой про́стый,
Что третёму-то — в сердце врос ты!»

— Прощай, Егор!
Ему — старшой.

— Прощай, Егор!
Ему — второй.

А третёй-то — мороз, знать, тронул!
Ни словца не сказать третёму.

Уж миновал проселочек,
Привстал, оборочается:
На бугорку три елочки
Седатые — качаются.
Качаются — прощаются.

Старшая — как перстом грозит,
Вторая — как поклон творит,
Меньшая — как крестом хранит.

СЕРАФИМ-ГРАД

Но не слышит Егор. От круглых
Щек — весь цвет отошел Егорьев.
На холмах крутобоких, смуглых
Дивный град предстоит лазорев.

Не рабочьей рукою поднят,
С изначального веку — сущий,
Трудолюбием рук Господних
Прямо с облака на́земь спущен.

И стоят колокольни в звоне,
И летят колокольни в зорях.
И не вам, мятежи да войны,
Дивный град сокрушить. . . . .

Вздохнул Егор: «Ох град мой, град!»
Как с корнем вырывает взгляд,
На сапожки глядит: как стёклы!
Что за диво тако́: просохло!

Вместо рек-морей — ручейки журчат,
Ребятьём — на звон — вперегон спешат.

— Мы спешим, Егор, в Серафим-от-град!
Поспешай, Егор, в Серафим-от-град!

Тут как ступит Егор шажочек:
Невтерпеж — разуваться хочет!

А как дважды ступнул — мурава пошла рость,
А как третий ступнул — виноград сладкий гроздь.

С три шажочка еще протопал —
В воротáх уж стоит — как вкопан.

Взглянул — да как обмер!

Спроста, сгоряча — словно луч цветаст,
Павлиний хвосток глазаст.
Уж, знать, маляр малевать горазд:
. . . .

И лаком и златом,
Не мазь — а ласканье!
И все ворота́-то —
Глазками, глазками.

Уж с энтою вохрой — и кровь не спорь!
Аж звоном звенит лазорь!

Чай, каждый мазочек
Обдуман, обсмыслен,
И в каждый глазочек
Угодничек вписан.

Уж энтот маляр малевать храбрец:
Аж криком кричит багрец!

Уж насожено — конца нет!
Всех как есть пристроил!
Все окошечки с жильцами,
А одно пустое.

И, вздохнув, Егорий — волку:
«Каб не вид наш серый,
Хорошо б, браток, светелку-
Ту занять-фатеру!»

А волчок ему погудкой
Жалобной, завистной:
«Всяку рвань-вписал-ублюдков,
Я один не вписан!

И . . . . . . хорош, ... хорош,
И. . . . . . хорош, — только я не гож!

Впущай, орет!
Встречай, орет!
Кто здесь ключарь,
Орет, впущай!»

Не то, орет, култышка,
Всем божененкам — крышка!»

Как скважениночка в стекле,
Тихонько ключ пропел в замке,
Стена зашевелилась,
Калиточка раскрылась.

В нее — седая борода,
Должно что локоточка с два
На свет глядит . . . .
— Кто здесь, ворчит . . . . . . ?

Да взглянет как — калиткой хлоп!
Да штоб тебя, ворчит, да штоб!
Туда ж, ворчит, извольте ж:
В штанах — а морда волчья!

— Да мы ж, ему Егор, от трех,
От трех купцов . . . . . . братьёв.
А волк: «Делов по горло:
За кувшинком приперли».

. . . . . . ключарь: «Куды хитер!
А звать-то как тебя?» — Егор.
— А дальше как, для чести?
— Никак: Егор — и весь тут.

Смекнул привратник: — Стало — тот!
Ну, говорит, свободен вход.
Кивоты покачнулись,
Вороты распахнулись.

Шагнул Егор, а тот: «Нет, брось!
Ты, говорит, входи, будь гость!
А энтот пусть почахнет, —
У нас, брат, не волчатник!»

— Ну што ж, ему Егор, как хошь!
Как хошь, а без него не вхож!
Особняком без куму
Хошь в рай зови — наплюну!

. . . . . . ключьми ключарь.
— Ох ты . . . . . . ворчит, бунтарь!
Быть за тебя — проборкс! —
И — настежь — обе створки.

И — настежь распахнувши взгляд —
Грядет Егорий в Град.

Шагнул — да как отпрянул!
Река катит [кипит] огниста.
Вал грозовой, багряный,
Рев, гром, блеск, жар неистов.

Глядит: нечеловечья
Река, — ну пламем пламя!
А по воде навстречу
Солдат идет с крылами.

Да на Егорку: — Кто таков?
— Я, говорит, от трех братьёв,
Их паренечек присный,
За кувшиночком прислан.

. . . .
Да вдруг как гаркнет. «На́ кра—уллл!»
Вся хлябь стойком, вся рыба
В реке хвостами дыбом.

На бережок ступнул на край
И шпорами . . . . . . :—Смекай! Слу́шай команду.
За твой за нрав за про́стый
Переведу без мо́сту.

Как будем пламя посерёд,
Такой уж вой пойдет и рев—
Закаменей, как башня.
Оглянешься—шабаш нам!

Теперь вторая будет стать:
Воды ручищами не брать.
У ней состав такой уж:
Обмочишь—не отмоешь.

А третий мой, смекай, приказ:
Какая б ужасть ни стряслась,
Словцом—прошу покорно!—
Не выругайся черным!

О бережок-притопнул-край,
Коленочку согнул: «Седлай!»
. . . .
Запамятуешь—. . . . . . !

Вал горбовой, верблюжий,
Дых огневой, угарный.
Сидит Егор на службе
Верхом, а волк—на парне.

Так Троицей святой и прут:
Солдат-крылат, Егор и плут,
Среди волны багровой—
Уродом трехголовым.

Сидит Егор—и сам не рад:
Что за солдат такой крылат?
Что за река ведьми́ста?
Что за вода пени́ста?

А волк-то вторит шепотком:
«Добро б с хвостом,—а то с крылом!
А где таки берутся?
Что за страна нерусска?»

Все круче вал, все пуще вой,
Уж полдороги за спиной.
Вдруг как взревут, заво́пят:
— «Не доверяй! Потопит!»

Молчит Егор, не дует в ус,
Надвинул на глаза картуз.
(Эх, завралась, бесовка!
Еще и нет—усов-то!)

Как сквозь войну-идут-сквозь строй,
Уж полпути прошли с верстой,
Вновь рев тысячеустый:
«Остерегись! Упустит!

Не по волнам шагаешь, — стой!»
Сорокоустовой тоской
Вся хлябь взмелась, не валом
Вал — пропадом-провалом!

А путь-то — в те поры — свершен.
Уж до земли — аршин с вершком.
Вдруг крик такой унылый:
— Оборотись! Поми — и — луй!

Пилами пилют!
Вилами колют!
Иглами очи
Выколоть хочут!

Как обернется простота!
Чуть-што башки не сшиб с винта!
Картуз с башки, черт-дьявол — с уст,
Сам в воду, добывать картуз!

Тут бы и шах ему и мат,
Каб не солдат-таков-крылат
Без всякого усилья
Не подхватил на крылья.

А тот, картуз [кулак] прижав к груди:
«Куда сказал — туда веди!
Нет для меня величья,
Коль кто на помощь кличет».

Ворчит солдат: «Ишь, лоботряс!
Все три статьи нарушил враз!
Взглянь за твою за жалость,
Что с картузом-то сталось!»

. . . .
Как позолоченный картуз!
Блеск-пыл-жар-вар неистов!
Вот так вода огниста!

Тут по плечу его капрал:
«Ну. . . . . , — речет, — не врал!
Кем звался — тот и есть ты,
Из дела вышел с честью.

Кто на призыв молчит: спаси! —
Тот к нам не со Святой Руси,

Кто черта не шумнет спроста —
На той на шее нет креста.

Так, стало, русский ты кругом —
Коль нá смерть прешь за картузом!

Идем, сокóл мой кроткий,
В сройскую слободку!»

1921

ДАЛЬНЕЙШАЯ МЕЧТА ОБ ЕГОРИИ

(Серафим-Град)

Соколиная слободка (геройство, ближайший круг к земле, почти земля).

Сокола́. — Соколиное перо (примстой). — Гром. Недоконченные бои. Егорий хочет остаться. Все, что еще не докипело и не додралось (МУЖСКОЙ рай! Кулашный). Обилие красного и золота. (Над всем — СОКОЛ!)

Лазорь-река — в Лебединую.

Соблазны Лазорь-реки.

Перевоз.

Лебед⟨иная⟩ слободка: праведники, убиенные. (РЫЦАРСТВО!)

Бывшие и будущие (1918—19—20—21 г.!). Из крови вырастают цветы, ходят зажимая рану. Певучее начало Лебединой слободы.

Егор: «А кто ж их обидел?» Дух защиты. Ведущий: «Мимо!» — не то — — — —, не то лебеди, — в туман...

Хрусталь-река — в Голубиную.

По радуге. (Птицы! Точно по перьям!)

Переход.

Старики, дети, блаженные. Бело-и-златоголовость. Цветники. Барашки. Игрушечные (но живые) львы и тигры.

Béatitude.[1]

Егорушка было увлекается игрой в пятнашки (или др⟨угой⟩). Но ведущий: Мимо!

ОГРАДА

Птицы.
«Птицы райские поют,
В рай войти нам не дают...»
Обольщение (не видно, а слышно).

ДРЕВО

Оно!
— А где ж птицы? — Это кровь твоя шумела.
Кувшинок.
Старичок: НЕЗАМЕТНЫЙ (копо́шится), ласковость.
Наставление к кувшину.
Всё — *древо*! Старичок почти ни при чем. Окапывает. Вроде садовода.
Просьба Егория...
— Рано!
Потрудись да поработай!

РЕКА

Купцы просят Егорушку взять их с собой в лодку: «лодчонка малая и незаметная, проскользнем незаметно». Егорий сажает. Купцы торгуют у него кувшин. Отказ Егория. Купцы хвалят: «Кабы согласился ты нам отдать кувшин за нашу казну купецкую, так и нашу жизнь бы продал по слову разбойному...»

Купчик-попутчик. Глаза беспокойные. Нежелание купцов и тяга к нему Егория.

Ночь. Соблазн реки: «купецкой кровушки». Соблазн разбойника: в эсаулы. — Нет. — В атаманы. — Нет. «Соблазнять меня — мало славушки»... Не твоего богачества мне нужно (купцов!), а твоего богатырства. — Страсть Дружбы. — Угрозы разбойника. «Река гудом пойдет». — Отказ Егория. (Жалоба Егория на *долю*, обратную *воле*! — Волк в нем!)

[1] Блаженство *(фр.)*.

Буря.—Пролитый кувшин.—Жалоба реки (теперь я крещеная!). Одоленный сном разб⟨ойник⟩. Исчезновение купцов (три следочка серебряных на воде...). «Три вётлушки седатые качаются...»

Егорий кладет разбойнику в ноги—
и ВЫШАГИВАЕТ из лодки.
Змей.
Бой.
Дорога с Елисавеей. (Ее условие: девства. Его клятва.)
Злой Царь.
Казнь.

ПРЕСТОЛ-ГОРОД

Елисавея ночью. (Искушение.)
3 ночи.
Сон. (От скуки?)
Похищенная книга.

ОРЕЛ ЗЛАТОПЕРЫЙ

Клич Егория.
Бой и победа (1-ая).
2-ая победа.
«Вернись, вернись». («Моей слезы пожалей!») Мать.
Стрела.
Три плача.
(Три птицы: Сокол, Лебедь, Голубь.)

После того, как Егорий бросает разбойника, он попадает в страну, где царствует (неистовствует) Змей. (Змей у себя дома.) Реально: идет по дороге—посеред дороги Змей:—Ты куда?—А никуда.—Ты кто?—А Егорий.—Издев⟨ательство⟩ Змея. Бой. Егор убивает Змея (у входа в пещеру).

Пещера, где Елисавея. Елисавея читает Голубиную книгу судеб. Змей похитил не Елисавею, а книгу с Елисавеей (хранительница книги и судеб). Елисавея читает о белых и красных и об Освобождении. Егорий. На имени его—он входит. Дорога к Злому Царю. Рассказ Елисавеи. Клятва.

Злой Царь. Сначала радуется Егорию. Предлагает ему, в награду, дочь. Тот отказывается. (По дороге, в секунду клятвы, что-то ему ожигает сердце.)

Злой Царь велит пытать Егория и бросает его в тюрьму. (Огненная пещь и потоки воды прохладной. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ сцена казни, палач с топором, у палача в руке—ветка. Злой Царь смиряется, Елисавея доверяет Егорию Голуб⟨иную⟩ книгу и указ⟨ывает⟩ ему путь на Престол-Гору. Если усторожить 3 ночи—спасена Русь.

ПРЕСТОЛ-ГОРА

(Мечта о Егории возобновляется в Медоне, 23-го января 1928 г., т⟨о⟩ е⟨сть⟩ 7 л⟨ет⟩ спустя последней строки.—Дай Бог! Три ночи на Престол-Горе. Три ночи, естественно, три соблазна.

— Каких?—

Были уже: метели (воли), реки (воли и власти), казны (купцы торгуют кувшин), упорядоченного жития (NB! хороши соблазны!) Кто и чем соблазняет Егория?

Думаю, Елисавея собой—любовью. Думаю, она—все три ночи. Найти три соблазна любви. Цвет отпадает (темнота). Здесь должен быть дан весь соблазн пяти чувств. Елисавея может быть и оборотнем (окинулась). Приходит к нему ланью, трется, ластится. (Птицы лучше не нужно, а м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩—голубку? Словом, так или иначе, третья ночь главная, и Елисавея приходит сама, въяве, можно лунный свет или молнию, чтобы Егорий ее *увидел.* (Зрение, слух, обоняние, осязание вкупе.)

— Что книга?—Егорий побеждает. Дал слово—держу. Елисавея уходит. Плачущие ручьи. *Сон.*

NB! Горлинка воркует о любви (через слух)—посланница от Елисавеи. Решить: Елисавея в образе горлинки или горлинка *от* Елисавеи. Найти второе явление. А м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ вещи Елисавеи: ее волосок, лента из косы, платочек.

СОКОЛИНАЯ СЛОБОДКА

(«Соколиная слободка» начата 23-го января,
кончена начерно 1-го марта 1928 г. Медон)

Шагнул Егор. В лицо заря
Разит — пожар малиновый.
Обетова́нная земля —
Слободка соколиная!

Мечи куют,
Венцы куют,
А то и калачи жуют,
А то — страна-то русска! —
На кулаки дерутся.

— Ковалики-ковали,
Работнички горячи,
Широкие грудочки,
Чего больно трудитесь?

— Мечи куем воинству
Русскому, львят нонешних,
Правнукам, — зла туча-то! —
Венцы куем мужеству.

— Дозволь разок!
— Изволь, сынок! —
Берет резов
Пудовый млат.

Удар в удар —
Терпи, горяча!
Сковал удал
Четыре луча —

Да как схватит сваво ребеночка
Из-под млата да на ладоночку!

Да дуть, да дуть
Из всех из щек.
— Хорош, гудут,
Крестам кресток.

— Хорош кресток,
Ему все враз.
Чудён — чуток.
С польцой, быть? — Ась?

Застыдился, дитя великое,
Сам не знает, чего и выковал.

Пошел хвален
В обгляд, в обмер.
— Куды чуден!
Каких-от-вер?

Вместо Сына-то Богородична —
С лысениночкой посередочке!

Бородой, ворчат, Николиной —
Отродясь таких не ковывали!

Не обманешь глазка нашего —
Отродясь таких не нашивали.

Один: морской!
Другой: нет, стой!
Да ты с трусцой,
Орут, с польцой?

Не посланец ли, блать ты пинская,
Царя польского, попа римского?

Затосковал,
Проста душа!
Не я ковал —
Рука пошла!

Чай одной, сокола, семеечки!
— А престол (сокола) имеется?

Кажи закон!
Твори поклон!
— В лесах крещен,
В водах крещен...

То ли Савлова, то ли Павлова —
Отвяжитеся, черти-дьяволы!

Громка глотка,
Плоха шутка.
Один: Вот как?
Другой: ну-тко?
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Пропал Ёрка!
. . . .
Так бы малого и застукали,
Каб не спутник ему заступою.

Сокола уда́лые!
Молота нержавые!
Не могите малого —
Его дело правое!

У конца надвышнего —
⟨Небось⟩ своя линия.
Не могите пришлого:
Его дело и́ное.

Зародил Бог ёлочку —
Всотером не свалите!
Вы на него с молотом —
А он с наковаленкой!

Горячи в нем соки-то,
На обиду скоренький!
Вы на него с попиком,
А он — с колоколенкой!

С дубком — он с дубравою!
С катком — а он с прачешной!
Кресток не по нраву вам?
Часок поартачитесь.

То ж с злаком, то ж с ягодой,
Смекай, орлы-лебеди!
Не тем плох, что пагубен,
А тем плох, что невидаль.

Глазурь пообсохла ли?
Глаза ль приспособились?
Так не плюйте ж, соколы,
Без стыда, без совести.

— Без ума-без разума
На денек сей нынешний:
Чай, сама сыра-земля
Началась с новиночки!

Концы ⟨будто⟩ равно-краткие?
Посередке место гладкое?
Сроки должные исполнятся,
Место мастером заполнится.

. . . .
По его, Егорья, образу.
И пойдет сия новиночка
Под его, Егорья, имечком
Светлить груди приосанены
Всему войску православному —

Степным в Туле, морским в Гатчине,
Новобранщине — солдатчине,
Эполетщине — бобёрщине,
Всей пехотщине, поморщине,
⟨Хлеборобщине, военщине,
Что с армейской долей венчаны⟩

Пока Русь царям — лбом стукает.
А цена честну кресту тому
— Крупна ставка, страшна денежка —
⟨Без заслуги⟩ — не наденете.

Ничем, Русь страна Иванова,
Окромя как только раною
Честнóй, грудкой раззадоренной,
Не добыть креста Егориева.

. . . . что лохмами
Башка, ладонь жёсткая —
Вспомянуть неплохо бы,
Орлы, Христа-Господа:

Босиком пожаловал,
Босяки поверили.
Возлюбите малого —
Его дело велие.

Все леса вывешнивать
Лозняком да вербою.
Отпустить сердешного,
Отпустить усердного

— На четыре стороны
Ибо на Руси у нас
Престол — дело скорое.

Пекарики-пекаря,
Миндалинки-сахара,
Бумажные цветики,
Чего, братцы, лепите?

Аль заспал ясно́-красно́
— Март — девятое число?
Для . . . . . . правнуков
Запасаем жаворонков!

Как трясти . . . . . . мешки
Одна му́ка без муки:
О крюки задумаются,
А мы им — с изюминкою!

— Изволь, знаком! —
Берет резо́в
Густ-теста ком,

А волчок ему в бок как в'пьется!
— Не хочу тваво хлебопскства!

Бокам припек,
Костям изъян.
Берет в роток
Синь-шерсти штан:

— С таковым пекачом страх-трепет!
Бог те знает чего и слепишь!

Кустарики-кустари,
. . . . . . штукари,
Курчавые стружечки,
Кому, братцы, служите?

— Как пожжет Москва домки —
Во всем царстве ни доски!
Временам тем пасынковым
Запасаем пасочницы.

Хошь пуст алтарь,
А все ж воскрес:
— Дозволь, кустарь!
— Бери, вострец.

А волчок на него с забранкой:
— Нс балуй, говорю, рубанком!

На то кустарь,
Чтоб впредь, как встарь.
В башке пошарь:
А есть в ней царь?

От двух рук таковых искусства —
Схоронись, говорю, под кустик!

Оконцы ясные,
Перильцы — красные,
Столбочки пряменьки,
В два света храминка —

Кому дом таков казист?
— Без гробов, указ, возить.
Хороши и голенькие!
А мы им — дубовенькие.

Все одно-погудка-гнет,
Чего тёс переводить?
Ни щепы, ни стружечки вам —
А мы им — со служебками.

— Дозволь, отец!
— Изволь, сынок!
Берет вострец,
А волк с'под ног:

Высокó, соколок, занесся!
Кому стройка, а кому сноска!

Хошь волк-я-зверь,
Вéсь век свой пеш —
Сперва отмерь,
Потом отрежь, —

Размахнись по сваму медведству —
Ан и выйдет ладóнно место!

Ужо, Егор, и нас с тобой
Возьмут, — кровцы прикапливай.
Глядит Егор: печь красная.
— Топи, топи, подтапливай!

Вокруг печи́ — треск-искриё,
Внутри печи — шум-Ладога.
Глядит Егор: куды страшно!
— Топи, топи, подтапливай!

Ей. . . . . , дуб — прутиком,
Не то что дом — слон вместится!
Вокруг печи́ — люд крутится,
Внутри печи́ — сплав бесится.

— Нет, жи́док так, а эдак — густ!
Эх, три́ беды раз в три́ года!
Хоть взвод те в пасть — все глот твой пуст!
— Топи, топи, подтапливай!

Да што дубы! Да што пуды!
. . . . пасть шире лишь.
Еще руды! еще нуды!
— Топи-топи — подшвыривай!

Рудянку, крупку да с горшком
Сожрет! Свяжись с иищухою!
Востро́-железным посошком
— Стоит мужик — сплав щупает.

. . . . чтоб первый сорт
Звони! Доспевай,. . . . . . -варево!
Нет, мягок так, а эдак...
— Черт!
Топи-топи-подваливай!

Все не таков, все не таков...

Нет тебе адовых котлов,
Плавильщики-литейщики!

Кровного поту котелок —
Обед, навар — мозг с костью.
— Из того сплаву, соколок?
Колокола московские!

Как зарвется Москва-мать,
Как начнут переливать
— Не дошел и Тушинский —
Колокола на пушечки.

Протрезвись, простой народ!
Стань, колокол, пулемет!
Пали в веру греческую!
А мы. . . . . . — вдесятеро!

Как пойдет своих сынов
Нагишом в собачий ров
Валить: нуж а комнатная!
А мы сверху: вспомнится вам!

Обойдется Москва-мать,
Да уж негде. . . . . . взять.
Мастерства заливчатого, —
А мы вдруг — малиновками!

— Велик, знать, Бог!
— И сын с ним, Дух.
Стоит дубов,
Вдруг чтой-то — бух!

В саму гущу-то, в саму жижу —
Не то груша, не то булыжник?

Молчит артель,
Язык отсох.
Аль сон-на-хмель?
Вдруг ктой-то: ох,

Братцы! Влас-Митрофан-да с Савкой!
Пропал благовест! пропал сплав-то!

Ох, пот-наш-труд!
Ох, звон-наш-сплав!
Типун-те-лют!
На глаз твой прав!

Да нацелившися, да всё враз:
— Типун, дурень, тебе на лев глаз!

Тут чаще пуль
В него артель:
— Ох ты, сосуль-
Орут-капель!

Кто ж эт' в. . . . . . слезу ронит!
Самовар ты аль рукомойник?

О. . . . . . -наш-цех!
Товар-наш-брак!
Добро б с орех,
А то—с кулак!

Ох ты дуб-дубрецкий-балка!
А дурище-то: «Мо—оскву жа-алко!»

— Врешь, каланча,
Мочить не смей!
Слеза, моча—
Одна мокредь.

Видно, мать-то твоя волчица!
. . . . . . —в котел мочиться!

Ох ты нахал,
Орут, негож.
Ревун напал—
Да где ж, да кто ж—

В самы сливки-то, в самы пенки!
— Ну и стал бы себе у стенки.

Хорош мужик!
Где встал, там льет!
Ай хряк? ай бык?
Да скот и тот—

Чтобы место свое впредь ведал—
Самого тебя—слезе следом!

Глубок котел,
Сажен, быть, сто.
Молчит осел.
А волк—волк што?

Ничего себе носик черный.
Только шерсть у него кверх корнем.

И в переруб
— Умен — нишкни! —
«Он, может — дуб,
А вы так пни!

Да в такой-то слезе — врать буду? —
Серебра почитай с три пуда.

А ну к' старшой,
Взгляни в горшок,
Каков настой?
Каков борщок?»

Что ж эт', родные? что ж эт' с сплавом?
А с сплавом — то, а с сплавом — так:

Чистое сéребро черпáк
Несет — затрясся черпачок —
Чистое серебро течет.
Остолбенел:
Столбняк — народ.
Кто — мак, кто — мел,
А кого — в пот.

А волчище-то, хвосток трелью:
— Ну а я при ём подмастерье!

И весь урон-то ваш-изъян,
Что будет звон ваш серебрян,

Один: мать честна! другой: сон чист!

Под образа б
Тебя, слона!
Ну и слеза,
Орут, жирна!

А волчок, аблакат занозист:
— Поглядел бы на наш колодец!

. . . .
. . . .
Вдруг ктой-то: . . . . .
Да в ножки: бух!

Вались, родные, на всех хватит!
Да все разом вдруг: про — ости, братец!

Что енерал на площадѝ
. . . . . . —а кругом бухают,
Проломанный картуз к груди,
Стоит Егор, звон слухает.

1928

НЕСБЫВШАЯСЯ ПОЭМА

Будущее — неуживчиво!
Где мотор, везущий — в бывшее?
В склад, не рвущихся из неводов
Правд — заведомо-заведомых.
В дом, где выстроившись в ряд,
Вещи, наконец, стоят.

Ни секунды! Гоним и гоним!
А покой — знаешь каков?
В этом доме — кресла как кони!
Только б сбрасывать седоков!

А седок — знаешь при чем?
Локотник, сбросивши локоть —
Сам на нас — острым локтем!

Не сойдешь — сброшу и тресну:
Седоку конь не кунак.
Во́т о чем думает кресло,
Напружив львиный кулак.

Брали — *дном*, брали — нажимом —
Деды, вы ж — вес не таков!
Во́т о чем стонут пружины —
Под нулем золотников

Наших... Скрип: Наша неделя!
...Треск:
В наши дни — много тяже́ле
Усидеть, чем устоять.

Мебелям — новое солнце
Занялось! *Век* не таков!
Не пора ль волосом конским
Пробивать кожу и штоф?

Штоф — истлел, кожа — истлела,
Волос — жив, кончен нажим!
(Конь и трон — знамое дело:
Не на нем — значит под ним!)

Кто из ва́с, деды и дяди,
В оны дни, в кресла садясь,
Страшный сон видел о стаде
Кресел, рвущихся из-под нас,

Внуков?
Штоф, думали, кожа?
Что бы *ни* — думали зря!
Наши вещи стали похожи
На солдат в дни Октября!

Неисправимейшая из трещин!
После России не верю в вещи:
Помню, голову заваля,
Догоравшие мебеля́ —

Эту — прорву и эту — уйму!
После России не верю в дюймы.
Взмахом в печь —
Развеществлялась вещь.

Не защищенная прежним лаком,
Каждая вещь становилась знаком
слов.
Первый пожар — чехлов.

Не уплотненная в прежнем, кислом,
Каждая вещь становилась смыслом.
Каждый брусок ларя
Дубом шумел горя —

И соловьи заливались в ветках!
После России не верю в предков.
В час, как корабль дал крен —
Что ж не сошли со стен,

Ру́шащихся? Половицей треснув,
Не прошагали, не сели в кресла,
Взглядом: мое! не тронь!
Заледеня огонь.

Не вещи горели,
А старые дни.
Страна, где всё ели,
Страна, где всё жгли.

Хмелекудрый столяр и резчик!
Славно — ладил, а лучше — жег!
По тому, как сгорали вещи,
Было ясно: сгорали — в срок!

Сделки не было: жгущий — жгомый —
Ставка о́чная: нас — и нар.
Кирпичом своего же дома
Человек упадал в пожар.

Те, что швыряли в печь —
Те говорили: жечь!
Вещь, раскалясь как медь,
Знала одно: гореть!

Что́ не алмаз на огне — то шлак.
После России не верю в лак.
Не нафталин в узелке, а соль:
После России не верю в моль:

Вся сгорела! Пожар — малиной
Лил — и Ладогой разлился́!
Был в России пожар — молиный:
Моль горела. Сгорела — вся.

Тоска называлась: ТАМ.
Мы ехали по верхам
Чужим: не грешу: Бог жив,
Чужой! по верхам чужих

Деревьев, с остатком зим
Чужих. По верхам — чужим.

Кто — мы́? Потонул в медве́дях
Тот край, потонул в полозьях.
Кто — мы́? Не из тех, что ездят —
Во́т — мы́! а из тех, что возят:

Возницы. В раненьях жгучих
В грязь вбитые за везучесть.

Везло! Через Дон — так голым
Льдом! Брат — так всегда патроном
Последним. Привар — несо́лон,
Хлеб — вышел. Уж та́к везло нам!

Всю Русь в наведенных дулах
Несли на плечах сутулых.

Не вывезли! Пешим дралом —
В ночь — выхаркнуты народом!
Кто — мы́? Да по всем вокзалам...
Кто — мы́? Да по всем заводам...

По всем гнойникам гаремным, —
Мы, вставшие за деревню,
За дерево...

С шестерней как с бабой сладившие,
Это мы — белоподкладочники?
С Моховой князья, да с Бронной-то,
Мы-то — золотопогонники?

Гробокопы, клополовы —
Подошло! подошло!
Это мы пустили слово:
— Хорошо! хорошо!

Судомои, крысотравы,
Дом — верша, гром — глуша,
Это мы пустили славу:
— Хороша! Хороша —
Русь.

Маляры-то в поднебесьице —
Это мы-то — с жиру бесимся?
Баррикады в Пятом строили —
Мы, ребятами.
— История.

Баррикады, а нынче — троны,
Но всё тот же мозольный лоск!
И сейчас уже Шарантоны
Не вмещают российских то́ск.

Мрем от них. Под шинелью рваной —
Мрем, наган наставляя в бред.
Перестраивайте Бедламы!
Все малы — для российских бед!

Бредит шпорой костыль. — Острите! —
Пулеметом — пустой обшлаг.
В сердце, явственном после вскрытья,
Ледяного похода знак.

Всеми пытками не исторгли!
И да будет известно — *там:*
Доктора узнают нас в морге
По не в меру большим сердцам!

У весны — ни зерна, ни солоду,
Ни ржаных, ни иных кулей.
Добровольчество тоже голое:
Что́, весна или мы — голей?

У весны — запрягать, так лешего! —
Ничего кроме жеста ввысь!
Добровольч   во тоже пешее:
Что́, весна или мы — дрались?

Возвращаться в весну — что в Армию
Возвращаться, в лесок — что в полк.
Доброй воли весна ударная,
Это ты пулеметный щелк

По кустам завела, по отмелям...
Ну, а вздрогнет в ночи малыш —
Соловьями как пулеметами
Это ты по. . . . . . палишь.

Возвращаться в весну — что в Армию
Возвращаться: здоро́во, взвод!
Доброй воли весна ударная
Возвращается каждый год.

Добровольцы единой Армии
Мы: дроздовец, вандеец, грек —
Доброй воли весна ударная
Возвращается каждый век!

Но первый магнит —
До жильного мленья! —
Березки: на них
Нашивки ранений.

Березовый крап:
Смоль с мелом, в две краски —
Не роща, а штаб
Наш в Новочеркасске.

Черным по́ белу — нету яркости!
Белым по́ черну — ярче слез!
Громкий голос: Здоро́во, марковцы!
(Всего-на́всего ряд берез...)

Апрель — май 1926

ПЕВИЦА

1

Лопушиный, ромашный
Дом — так мало домашний!
С тем особенным взглядом
Душ — тяжелого весу.

Дом, что к городу — задом
Встал, а пе́редом — к лесу.
По-медвежьи — радушен,
По-оленьи — рогат.
Из которого души
Во все очи глядят —

Во все окна! С фронтона —
Вплоть до вросшего в глину —
Что́ окно — то икона,
Что́ лицо — то руина
И арена... За старым
Мне и жизнь и жилье
Заменившим каштаном —
Есть окно и мое.

А рубахи! Как взмахи
Рук — над жизнью разбитой!
О, прорехи! Рубахи!
Точно стенопись битвы!

Бой за су — ще — ство — ванье.
Так и ночью и днем
Всех рубах рукавами
С смертью борется дом.

Не рассевшийся сиднем,
И не пахнущий сдобным.
За который не стыдно
Перед злым и бездомным:

Не стыдятся же башен
Птицы — ночь переспав.
Дом, который *не* страшен
В час народных расправ!

В этом доме, ведомом
К. . . . . . из рук,
В этом призраке дома —
Жили бабка и внук.

. . . .
. . . .

2

И так как речь — о русских,
То будет быль — проста.
Внук был, конечно — грузчик,
А бабка, бабка — «ста

Лет — как дождусь — так кончу
Шить...» (*жить* не подскажи!)
У ней на счастье слончик
Стоит, глаза — свежи

И живы, руки — спросу
Ждут, всё-то ей — добро!
У той старушки — косы
Живое серебро!

А щеки — и с морозу
Таких не наживу!
Внук приходил с извозу.
Сажала бабка розу
— В саду — и на канву.

Но всё ж — не будем проще,
Чем жизнь — имущим зрак.
Внук был, понятно — возчик,
Но *не*понятно — как,

Им будучи, сверх мо́чи
Трудясь за хлебный грош —
Был тот чернорабочий
Собой — как день хорош!

Хребтом — как тополь — статен,
Зрачком — как цвет — лучист,
Платком — как франт — опрятен,
Лицом — как месяц — чист,

Ну, просто — жить приятней,
В калитке повстречав.
И вовсе непонятно:
Ка́к этот лебедь — шкаф
Несет?

3

Сидели — парой,
Кот разводил муры́.
Сидели, ждали — пара,
А чайник ждал — поры

Своей. Почти что смеркся
День. Кот сидел, как гость.
Вдруг — потолок разверзся
И хлынул в келью — дождь

Нот! За пиджак! за кофту!
Так грянул, так хватил,
Что разом и спиртовку,
И душу затопил!

На ангельские звуки —
Чтó сделала чета?
Сложила бабка руки,
Внук приоткрыл уста...

И в яме той, в квартире
Посмертной — с дна реки —
Воздвигнуто четыре
Молитвенных руки —

Как с пальмами. В предзнаньи
Неотвратимых мук,
С пасхальными глазами
Сидели: бабка, внук —

Покамест лба и лица
Не поглотила тень.
То верхняя жилица
В дом въехавшая в день
Тот...

И стало у них как в церкви
В Светлый праздник, в речной разлив.
Стала бегать старуха к верхней,
Внуку — слова не проронив.

— Не наскучу и не нарушу,
Только рученьку Вам пожму!
Пойте, пойте! Ласкайте душу
Внуку бедному моему.

В нашей жизни — совсем уж дикой —
Вы — родник для него, магнит.
Как с извозу придет — так лику
Не умыв — в потолок глядит!

Да, великое Ваше дело!

За высокое Ваше lá —
В ножки кланяюсь старым телом.
Молода была — тоже пела,
И — сама молода была!

4

Не ветхой лестницей, где серó
От дыма и пахнет ближним —
На крыльях голоса своего
Спустилась верхняя — к нижним.

В сие смешение пустыря
Со складом, костра — с затоном,
На круглом облаке пиarя,
Как феи во время óно.

С той разницей, что у фей — из рук
Алмазы, для глаз — соблазны.
— «Мой внук любезный, — а это — друг
Заглазный: наш звук алмазный!»

Я знаю: вида читатель ждет.
Читатель, прости за смелость!
Условившись, что и нос и рот,
Все, все у нее имелось —

Не хуже нашего, это «все»
Смахнем, как с подушки волос.
Зачем певицыно нам лицо,
Раз вся она — только голос:

Невидимость! Раз видней *всего*
Нам небо — сквозь слезы градом!
От этого ль иль еще чего —
Но так и не поднял взгляда

От — и не о́тпитой чашки — внук
Вчерашний, жених навечный.
Как дева в зеркало, в чайный круг
Глядится, как в пруд зловещий

Глядится лебедь, и в нем гроза
Читает
(Немногим легче порой — глаза
На гостя поднять — чем руку!

И многим легче, конечно — шкаф
Дубовый!)
Сухих ли, влажных —
Но глаз *не* поднял и, не подняв,
Звезд *не* показал — алмазных.

5

Ветки тише, птицы тише,
Тише снежного куста.
Так стучат, чтоб не услышал
Тот, к кому стучишься (— *та*!).

Капли, падающей с крыши,
Быть услышанной — испуг.
Так стучат, чтоб не услышан
Был в сем стуке — сердца стук.

Врач — в ключицу,
Грач — в крупицу,
Страх — стучится,
Страсть — стучится...

Стук, дыханья осторожней.
— Дома? — Дома. — Можно?
— Можно.
Торс, виденья неподвижней.
— Это — я: сосед Ваш нижний.
К Вам от бабушки.
                    — Гвоздики
Жгут — как светоч вознеся:
— Ну, и тьма ж у вас! — Входите.
Лампы нет, а свечка — вся.
Первая пройду. Вы — следом. —
И наследным, деда — дедом
Вытянутым коридором,
Точно бредом, точно — бором,
Точно — бродом, точно — Рода
Сводчатым кровопроводом,
Несомненнее, чем глотом
Собственным, без оборота,
Без возврата, тьмы — агатом
И базальтом — и гранитом...
            В рот — монету
Взяв — за вход подземный —
                    плату —
Душ подземным водоемом
За Вожатою — ведомый.

Ну, а дальше? То ли дернул
Гвоздь за шалевый лохмот,
То ли просто коридорным
Ходом оказался грот —
Словом — стали:
Он — из стали
Вылитый, она — но шали
Кроме, да лезгинской тальи...
Поздно встали — всё проспали!
Не застали ничего!

(Если ж, позже, дочь — *его*
Именем — *ее* звалася —
Это только в память часа
Полного (Так помнит насыпь —
Розами.) Никак не мяса —
Белого — иль смуглого!)

Губы — мела суше. Грушей
Спелой — пение лилось.
Пела — слушал. Тело — душу
Слушало — и слушалось.

Так с тех пор и повелось:
Чтó ни ночь — из тьмы наружной:
— Дома? — Дома. — Можно? — Нужно.

— Можно? — Можно. (Нежно, нежно..)

1935

АВТОБУС

Препонам наперерез
Автобус скакал как бес.
По улицам, у́же сноски,
Как бес оголтелый несся
И трясся, как зал, на бис
Зовущий, — и мы тряслись —
Как бесы. Видал крупу
Под краном? И врозь, и вку́пе —
Горох, говорю, в супу
Кипящем! Как зёрна в сту́пе,
Как вербный плясун — в спирту,
Как зубы в ознобном рту!

Кто — чем тряслись: от трясни
Такой — обернувшись люстрой:
Стеклярусом и костьми —
Старушка, девица — бюстом
И бусами, мать — грудным
Ребенком, грудной — одним
Упитанным местом. Всех
Трясло нас, как скрипку — трелью!
От тряса рождался — смех,
От смеху того — веселье
Безбожно-трясомых груш:
В младенчество впавших душ.

Я — в юность: в души восторг!
В девичество — в жар тот щёчный:
В девчончество, в зубный свёрк
Мальчишества, словом
— точно
Не за́ город тот дударь
Нас мчал — а за календарь.

От смеха рождалась лень
И немощь. Стоять не в силах,
Я в спутнический ремень
Товарищески вцепилась.

Хоть косо, а напрямик —
Автобус скакал, как бык
Встречь красному полушалку.
Как бык ошалелый, мчался,
Пока, описавши крюк
Крутой, не вкопался вдруг.

...И лежит, как ей повелено —
С долами и взгорьями.
Господи, как было зелено,
Гóлубо, лазорево!

Отошла январским оловом
Жизнь с ее обидами.
Господи, как было молодо,
Зелено, невиданно!

Каждою жилою — как по желобу —
Влажный, тревожный, зеленый шум.
Зелень земли ударяла в голову,
Освобождала ее от дум.

Каждою жилою — как по желобу —
Влажный, валежный, зеленый дым.
Зелень земли ударяла в голову,
Переполняла ее — полны́м!

Переполняла теплом и щебетом —
Та́к, что из двух ее половин
Можно бы пьянствовать, как из черепа
Вражьего — пьянствовал славянин.

Каждый росток — что зеленый розан,
Весь окоём — изумрудный сплав.
Зелень земли ударяла в ноздри
Нюхом — *та́к* буйвол не чует трав!

И, упразднив малахит и яхонт:
Каждый росток — животворный шприц
В око: — *та́к* сокол не видит пахот!
В ухо: — *та́к* узник не слышит птиц!

Позеленевшим, прозревшим глазом
Вижу, что счастье, а не напасть,
И не безумье, а высший разум:
С трона сшед — на четвереньки пасть...

Пасть и пастись, зарываясь носом
В тра́ву — да был совершенно здрав
Тот государь Навуходоносор —
Землю рыв, стебли ев, траву жрав —

Царь травоядный, четвероногий,
Злаколюбивый Жан-Жаков брат...
Зелень земли ударяла в ноги —
Бе́гом — донес бы до самых врат

Неба...
— Все соки вобрав, все токи,
Вооруженная, как герой...
— Зелень земли ударяла в щеки
И оборачивалась — зарей!

Боже, в тот час, под вишней —
С разумом — что́ — моим,
Вишенный цвет помнившей
Цветом лица — своим!

Лучше бы мне — под башней
Стать, не смешить юнца,
Вишенный цвет принявши
За своего лица —

Цвет...

«Седины»? Но яблоня — тоже
Седая, и сед под ней —
Младенец...
Всей твари Божьей
(Есть рифма: бедней — родней) —

От лютика до кобылы —
Роднее сестры была!
Я в руки, как в рог, трубила!
Я, кажется, прыгала?

Так веселятся на карусели
Старшие возрасты без стыда:
Чувствую: явственно порусели
Волосы: проседи — ни следа!

Зазеленевшею хворостиной
Спутника я, как гуся́, гнала.
Спутника белая парусина
Прямо-таки — паруса была!

По зеленя́м, где земля смеялась, —
Прежде была — оксана дном! —
На парусах тех душа сбиралась
Плыть — океана за окоём!

(Как топорщился и как покоился
В юной зелени — твой белый холст!)
Спутник в белом был — и тонок в поясе,
Тонок в поясе, а сердцем — толст!

Не разведенная чувством меры —
Вера! Аврора! Души — лазурь!
Дура — душа, на какое Пе́ру
Не уступалось — души за дурь?

Отяжелевшего без причины
Спутника я, как дитя, вела.
Спутницы смелая паутина
Прямо-таки — красота была!

И вдруг — огромной рамой
К живому чуду — *Аз* —
Подписанному — мрамор:
Ворота: даль и глаз

Сводящие. (*В сей рамке*
Останусь вся — везде.)
Не к ферме и не к замку,
А сами по себе —

Ворота... Львиной пастью
Пускающие — свет.
— Куда ворота? — В счастье,
Конечно! — был ответ

(Двойной)...

Счастье? Но это же там, — на Севере —
Где-то — когда-то — простыл и след!
Счастье? Его я искал в клевере,
На четвереньках! четырех лет!

Четырехлистником! В полной спорности:
Три ли? Четыре ли? Полтора?
Счастье? Но им же — коровы кормятся
И развлекается детвора

Четвероногая, в жвачном обществе
Двух челюстей, четырех копыт.
Счастье? Да это ж — ногами топчется,
А не воротами предстоит!

Потом была колода —
Колодца. Басня — та́:
Поток воды холодной
Колодезной — у рта —

И мимо. Было мало
Ей рта, как моря — мне,
И всё не попадала
Вода — как в странном сне,

Как бы из вскрытой жилы
Хлеща на влажный зём.
И мимо проходила
Вода, как жизни — сон...

И, утеревши щеки,
Колодцу: — Знаю, друг,
Что *сильные* потоки —
Сверх рта и *мимо* рук

Идут!..

И какое-то дерево облаком целым —
— Сновиденный, на нас устремленный обвал...
«Как цветная капуста под соусом белым!» —
Улыбнувшись приятно, мой спутник сказал.

Этим словом — куда громовее, чем громом
Пораженная, прямо сраженная в грудь:
— С мародером, с вором, но не дай с гастрономом,
Боже, дело иметь, Боже, в сене уснуть!

Мародер оберет — но лица не заденет,
Живодер обдерет — но душа отлетит.
Гастроном ковырнет — отщипнет — и оценит —
И отставит, на дальше храня аппетит.

Мои кольца — не я: вместе с пальцами скину!
Моя кожа — не я: получай на фасон!
Гастроному же — мозг подавай, сердцевину
Сердца, трепет живья, истязания стон.

Мародер отойдет, унося по карманам —
Кольца, цепи — и крест с отдышавшей груди.
Зубочисткой кончаются наши романы
С гастрономами.
Помни! И в руки — *нейди*!

Ты, который так царственно мог бы — любимым
Быть, бессмертно-зеленым (подобным плющу!) —
Неким цветно-капустным пойдешь анонимом
По устам: за цветущее дерево — мщу.

Апрель 1934 — июнь 1936

ПОЭМА О ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ

Фрагменты

1

. . . . ежевика,
Плети, плетень.
Возле люльки — гляди-ка —
Вторая тень:
Грудь кумашная, шерсть богатая:
Нянька страшная, бородатая.

. . . .
Сапогом следит.
В колыбель — дитю
Бородой глядит.

— Свернись катышком,
Заткнись пробочкой!
А нý, матушка!
А нý, кровушка!

А нý, ... !
А нý, милушка!
Теки, кровушка,
Домой — в жилушки.

Так на сем тебе слове —
И крест и ключ.
(А еще не уймется —
Еще покличь!)

Ла — зорь,
Сни — игирь

2

И опять — стопудовым жерновом
Половина — какого черного?
— В голубые пруды атласные —
Часа — царствованья — сплошь красного!
Настоящего Моря Красного!
От Ходынского Поля красного
До веселого и красивого
Алексея Кровоточивого

На последнюю каплю — щедрого!
Половина — давно ли первого? —
Осиянного и весеннего —
Часа — царствованья — последнего
На Руси...
Не страшитесь: жив...
Обессилев — устав — изныв
Ждать, отчаявшись — на часы!
Спит Наследник всея Руси.

3

Аня с круглыми плечами,
Аня с пухлыми щеками
Сдобных булочек молочных,
Потолочных
Ангелочков.
Брови дугою,
Румянец до пуговок.
Между одной — и другою
И другом их

4

Вот — двое. В могучих руках — караван.
Проходят, кивают. И я им киваю.
Россия! Не ими загублена — эти
Большие, святые, невинные дети,
Обманутые болтунами столицы.
Какие открытые славные лица
Отечественные. Глаза — нашей Ани!..
Не плачу. Боюсь замочить вышиванье, —
— Зеленые ветки, Анютины глазки —
Для Матери здешней тружусь Абалакской —
Да смилостивится... С привстом и с хлебом
Давно уже скрылись, а всё еще следом
Киваю...
(И слезы на пяльцы, и слезы на пальцы,
И слезы на кольца!..) О, Господи, сколько!
Доколе — и сколько?.. О, Господи, сжалься
Над малыми сими! Прости яко — вору...

Сестре Серафиме — сестра Феодора.

5

Обитель на горе.
Молитва на коре.

Не знала та береза,
Дороги на краю,
Что в лютые морозы
Затем красу свою

— Сибирскую «корицу» —
Белила и спасала —
Чтоб русская Царица
На ней письмо писала

— За всё благодарю —
Небесному Царю.

Не знала та дорога,
С березой на краю,
Зачем седобородый
Старик — ножом — кору

Срезал. — Чтоб в келье тесной,
Рукою домовитой,
Германская принцесса —
Славянскую молитву

Чертила на листке
Сибирской бересты.

О чем она просила,
Канавы на краю...
Молитва за Россию:
За родину — *твою* —

Мою... От мхов сибирских
По кипарисы Крыма:
За каждого злобивца —
И всё-таки любимца...

Тому, кто на Горе —
Молитва на коре...

Стояла та береза —
России на краю,
— За тын, за плен, за слезы —
За всё благодарю.

А если мало — плену,
А если много — тыну...
Сам назови мне цену...
А если скажешь: сына

Под кончиком пера
Коробится кора...

Стояла та Россия —
Обрыва на краю.
— И если скажешь — *Сына*... —
За *всё* благодарю,

Горит, горит береста...
Летит, летит молитва...
Осталась та береста
В веках — верней гранита.

1929 — 1936

〈ПЬЕСА О МЭРИ〉

Наброски

ОСТОВ ПЬЕСЫ

Придворный и комедиант. Женщина ищет в комедианте то, что есть в придворном. Комедиант — тщеславное, самовлюбленное, бессердечное существо, любящее только зеркало.

Карт〈ина〉 I. Мэри. Вечер. Безделье. Дикая музыка. Посылает маленького слугу узнать — что это? Цыгане. Цыганка. Гаданье.

— Светлый, к〈отор〉ый был черным и черный, к〈отор〉ый будет светлым. Будь умна, бери то, что не полиняет. Белое не вылиняет в черное, черное вылиняет в белое. — Чернота? Белизна? Ведь это ты, мой маленький Джим? Неужели же я родилась на свет для такого чудовища?

. . . .

МЭРИ

Джим! Твоя госпожа скучает.

ДЖИМ

Госпожа! Скучает твой Джим.

МЭРИ

Скука меня равняет
С черным слугой моим.
Пуля всадника догоняет,
Скука мчит по следам моим.
Даже радуга в небесах — линяет!
Понял?

ДЖИМ

Не понял Джим.

МЭРИ

Не понимают слуги — господ!

ДЖИМ

Не понимают слуг — господа!
Белые — черных.

МЭРИ

Черные — белых.

. . . .

МЭРИ

Джим, сегодня приедет папа!

ДЖИМ

Папы нету. Джим сирота.

МЭРИ

Глупость иль чернота
Отличительней для арапа?
Папа. — Твой господин. — Сам Лорд
Дельвиль. — Радуйся, раз я рада!

ДЖИМ

Джиму отца не надо.
Джиму давайте — торт.

МЭРИ

Папа — такой прекрасный!
Слава и честь Двора!
— Радуйся, бант мой красный!
— Музыка, Джим! Ура!
Веди сюда. — Торт целый хочешь?
Лети! — Весь Джиму будет? — Весь!
Скажи, коль. . . . . . будут здесь,
Я отпишу им этот коттэдж.
Единым росчерком пера, —
Все: мельницу, амбар и ферму.
— Играют королевски-скверно.
Да здравствует Король! Ура!

— Король! Я тебя не видала,
Я знаю лишь . . . . . .
Да глупого негра Джима,
Да пастора в черной рясе,
Да черный . . . . . псалтырь.
. . . .

КАРТ‹ИНА› I

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

МЭРИ

Упокой, Господи, душу
Моего дорогого папы,
Погибшего смертью храбрых
За юного короля.
Упокой, Господи, душу
Моей белокурой мамы,
Прожившей
Лишь двадцать коротких лет.
И прадедов моих строгих
И нежных моих прабабок
Под этим же. . . . . . сводом

Вот так же слагавших руки
Три века тому назад.
Пошли, Господи, здоровья,
Королю и королеве,
Старой няне, негру Джиму,
Повару и господину
Пастору а также, Боже,
Не забудь послать здоровья
Джо — лесничему, а также
Всем несчастным браконьерам,
И моей лошадке Бельгри,
И слепому органисту,
И танцмейстеру, который
Помер... — Вот и домолилась...
Дай, Господи, чтоб мне скелет
Не снился...
— А завтра мне шестнадцать лет!
Да здравствует Король! — Ура! —
. . . .
Король! — Я его не видала,
А узнаю его из тыщи.
Отчего это ветер свищет?
Хорошо бы родиться нищей!

Короли всегда белокуры,
С грациозной, гордой осанкой...
Я хотела бы быть служанкой
При дворе Короля Артура.

Об этом, конечно, все девочки грезят...
Ой! Что это? Кто это? Что это лезет?
Ой, Бог ты мой, ведьма!

— Тссс..., крошка, потише!
— Я здешняя леди!
— Я здешняя нищая.
— Но кто Вас впустил сюда? — Тем⟨ная⟩ ночь,
Да добрая кружка имбир⟨ного⟩ пива,
К которой Ваш сторож, как ⟨к девке красивой⟩
В ⟨ненастную⟩ пору пригубить не прочь.
— Мне очень прискорбно,
Но я Вам не рада.
— А ты мне — что золото —
С первого взгляду.
— Зачем Вы явились?
— Сказать тебе правду.
— Какую? — Такую: слепую, простую,
Цыганскую — нищенскую — воровскую...
Ой, внучка, — тоскуешь!
— Совсем не тоскую.
— Дай руку! Ох, внучка!
Две встречных дороги!
Две встречных кареты
Два сердца, два ветра...
Чуть взглянет — обманет,
Чуть тронет — уронит.
— А я Вас сейчас прогоню! — Не прогонишь.

Золотом было, — станет золой...
Дальше не видно. — Дай золотой!
— Откуда? — Возьми и достань из кармашка!
. . . .
Возьмите себе из кармашка... — Бумажка —
Платочек — горошина — снова бумажка...
Где ж деньги? — Я ради погоды весенней
Им всё раздала, — до последнего пенни.
Берите кольцо, продолжайте... — Так так...
Двое спешат... Восход и Закат...
Коршун и лебедь — горлинку делят.
Коршун у сердца... Лебедь в раю...
Дашь мне цепочку, дочка, свою?

Скоро к воротам: два короля:
У молодого мед на языке,
А у другого — смертный пот на виске...
на холму...
— Горе — ох, горе
Дому сему!

Няня! На помощь! Огня!
Вспомнишь меня!
. . . .
Мне страшно — идите

Но кто ж этот коршун?
Но кто ж этот лебедь?
— Взгляните в окошко,
Прекрасная леди!

МЭРИ

Бог мой! — Карета!

ЦЫГАНКА

Дом на погосте!

МЭРИ

Кто там приехал?

ЦЫГАНКА

Поздние гости.

СЛУГА

Леди, к нам гости нежданные прибыли.

⟨МЭРИ, в окно⟩

Добро пожаловать, кто бы вы ни были.

ПЕГ

Что это, леди?! Черный народ!!!

МЭРИ

Пег, проводи ее до ворот.
Эта старуха пришла за лекарством...

СТАРУХА

Не прогадай теперь, внучка, царства!

МЭРИ

И посмотри, чтоб гостям ночлег
Был хорошенько устроен, Пег.

ПЕГ

Я постелю им в гостиной синей...

МЭРИ

Да, и огонь разведи в камине...
Гости с дороги, и ночь свежа.

ПЕГ

Будет исполнено, госпожа...

МЭРИ

Ужин подашь...

⟨ПЕГ⟩

На цветном сервизе...

МЭРИ

Не на цветном, а на том с девизом:
«Юность и доблесть»... —Лазурь и снег...
Ах, я совсем позабыла, Пег!
Кто наши гости? Ну, так,—хоть с виду?

ПЕГ

Заторoплюсь, ничего не вижу...
Видела только, что два плаща...

. . . .

— Знатные, видно. С гербом карета...
— Что за досада, что я раздета...
Коршун и лебедь... Закат... Восход...
Пег, ты уверена, что господ —
Двое...

ПЕГ

Разумная я девица. —
Разве что только в глазах двоится...
И молодой при гостях слуга
В шитой ливрее...

МЭРИ

Как ночь долга!

ПЕГ

Надо заснуть, чтоб была короче.

⟨МЭРИ⟩

Завтра меня разбуди чуть свет.
Добрым гостям моим—доброй ночи...
— Завтра мне будет 16 лет!

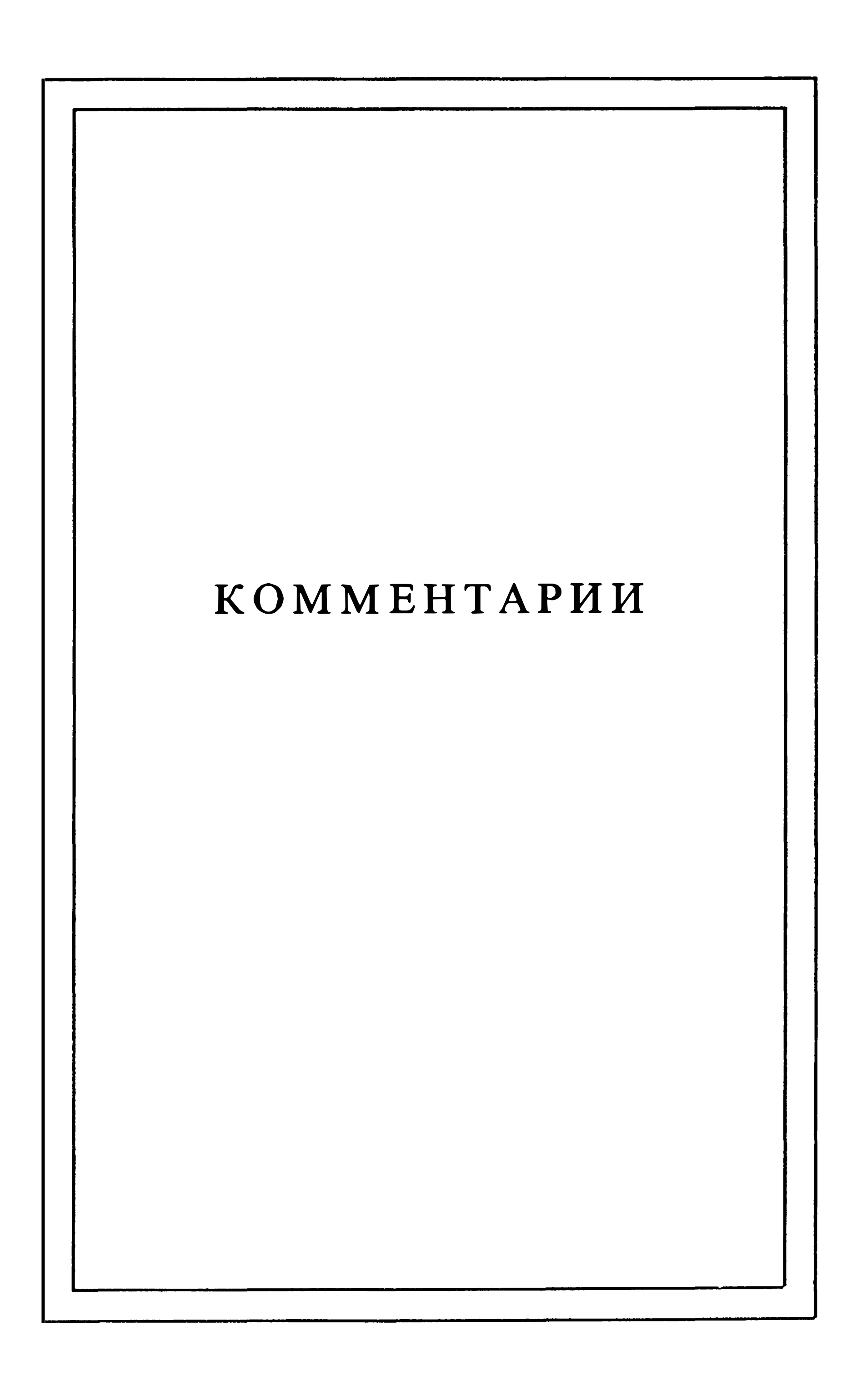
КАРТ⟨ИНА⟩ II

ЭОЛОВА АРФА

— С добрым утром, леди! — С добрым утром, ветер!
— Как Вы почивали? — Как веселый рекрут
Перед боем, — нынче мне 16 лет!
— . . . . . значит, не сомкнули глаз...
А свежи, как роза! — Бледной не бывают
В день, когда на башне
Бьет шестнадцать лет!
Ветер! — Леди? — Ветер
Ты видал приезжих?
Лебедей залетных,
Женихов моих?
— Кто ж иной, невеста,
Как не я, втолкнул их
— В ночь весенней бури —
Под . . . . кров
Дельвильского замка?
Глупая ты леди!
— Глупой быть — счастливой
Быть и глупо — умной
Быть в шестнадцать лет!
Ветер, целых двое
Их — кого мне выбрать
— Третьего, малютка.
— Ветер, ветер, вздор!
Ветер, хочешь правду?
Никого не надо
В день, когда на башне
Бьет шестнадцать лет!
. . . .

Входите...! — Маркиз д'Эстурель
Мы Вам помешали? — Нисколько! — Я — Мэри.
— Дочь Дельвиля? — Да! — Никогда не поверю.
Я Вас вот такой на коленях качал
— Артур Кинг...
О жизнь!
Мой друг — И артист королевских театров...
Ваш раб...⟨ — ⟩ Артур Кинг! —
Чуть-чуть переставить и выйдет король
Артур... — Много раз эту лесть я слышу,
Но только на целое небо выше
Артист! — короля!.. — Сколько в мире — дур! —
— А мне настоящий король Артур
Дороже... — Давно ли Вы знали папу?
— Вы были малюткой, Вы алый капор
— Носили — два бантика — здесь и здесь.
И прямую ручку — какая спесь! —
Не просто, а прямо к губам — тянули.
За завтраком Вы на высоком стуле
Сидели

⟨1919⟩

КОММЕНТАРИИ

ПОЭМЫ И ТЕАТР МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

I

С 1914 по 1936 г. Цветаева написала двадцать поэм (правда, не все завершила). О каждой можно говорить как о *свидетельстве жизни души* поэта, и еще — как о путеводителях по лабиринту личности и дорогам судьбы автора. В поэмах переплетены разные жанры и формы: лирика (практически все поэмы); русский фольклор (поэмы-сказки); лирико-философское начало («Новогоднее», «Поэма Воздуха»); эпос («Перекоп», «Поэма о Царской Семье»). Короче говоря, поэмы Марины Цветаевой носят лироэпический характер, и подчас трудно отнести ту или иную из них к определенному жанру.

Тем не менее первая цветаевская поэма «Чародей», написанная в юности, явно тяготеет к *лирике* (опоэтизированные воспоминания детства). То же можно сказать о поэме «На Красном Коне» (1921), вдохновленной знакомством с молодым поэтом Евгением Ланном.

Поэма построена на прерывистых, сменяющихся один другим эпизодах и едином сквозном действии. Огненный всадник является героине в роковые минуты ее жизни. Каждый раз он спасает ее от очередной земной беды, но тут же требует ее волевого отказа от вновь обретенного, дарованного им счастья. Четыре эпизода, а вернее сказать — картины, даны выпукло, объемно, красочно и звучаще. «На Красном Коне» — поэма-символ, поэма о беспощадной, требовательной природе искусства.

Героиня поочередно лишается детства, любви и веры, материнства («девочка без куклы», «девушка без друга», «женщина без чрева»). Одно только предназначенье остается у нее — быть поэтом. И единственное божество, которому подвластен поэт, — это гений поэтического вдохновения, мужское воплощение Музы... Об этом в финале поэмы:

Не Муза, не Муза, — не бренные узы
Родства, — не твои путы,
О Дружба! — Не женской рукой, — лютой,
Затянут на мне —
Узел.

Сей страшен союз. — В черноте рва
Лежу, — а Восход светел.
О кто невесомых моих два
Крыла за плечом —
Взвесил?

Немой соглядатай
Живых бурь —
Лежу — и слежу
Тени.
Доколе меня
Не умчит в лазурь
На красном коне —
Мой Гений!

Высóты, на которых обитает Гений поэзии, – это не рай, не царство небесное, это – небо поэта. Много позже – в статье «Искусство при свете совести» Цветаева скажет (под словом *искусство* подразумевая поэзию): «Третье царство, первое от земли небо, вторая земля. Между небом духа и адом рода – искусство – чистилище, из которого никто не хочет в рай». Цветаевский всадник на Красном Коне – олицетворение этого «чистилища».

Поэма «На Красном Коне» – одновременно итог и предтеча. В ней скрещиваются прошлое, настоящее и будущее творчества Цветаевой.

Вобрав многое из предшествующей лирики, поэма «На Красном Коне» как бы взрастила в себе семена будущих произведений Цветаевой. Прежде всего это поэма «Переулочки» (1922). Затем – поэма «Мóлодец» (1922): по форме – русская народная поэма-сказка, по сути – могучая трагедия «лютой» любви, в которой герой заставляет героиню терять всех и вся, после чего убивает ее, чтобы впоследствии вознести в свое царство, «домой: в огнь синь». Несомненны отголоски «Красного Коня» в «Поэме Лестницы» (1926), в финале которой символический огонь очистительного пожара дотла испепеляет несправедливо устроенный земной мир во имя лучшего инобытия человека. И самым непосредственным развитием темы Красного Коня стала «Поэма Воздуха» (1927), где Поэт стремится «освоиться» в разреженном пространстве Поэзии, в котором обитает Гений вдохновения...

В 1924 г. в Праге Цветаева пишет «Поэму Горы» и «Поэму Конца», вошедшие в сокровищницу мировой лирической поэзии. Обе поэмы повествуют о трагедии непродолжительного бурного увлечения, это история, вернее, финал высокой любви поэта. Здесь Цветаева воплотила свою заветную идею о том, что любовь – это всегда и непременно – вначале громада, глыба, лавина страстей, обрушивающихся на человека, а потом – так же неизбежно – расставание, разрыв.

Любовь – это плоть и кровь.
Цвет, собственной кровью полит.
Вы думаете, любовь –
Беседовать через столик?

Часочек – и по домам?
Как те господа и дамы?
Любовь, это значит...
– Храм?
Дитя, замените шрамом
На шраме!..

И далее:

Расставаться – ведь это гром
На голову... Океан в каюту!
Океании крайний мыс!
Эти улицы – слишком круты:
Расставаться – ведь это вниз,

Под гору... Двух подошв пудовых
Вздох... Ладонь, наконец, и гвоздь!
Опрокидывающий довод:
Расставаться – ведь это врозь,

Мы же – сросшиеся...

(«Поэма Конца»)

Поэмы были сразу замечены критикой. Пожалуй, никакие другие произведения Цветаевой не вызвали столь многочисленных и столь же противоречивых откликов. Многими современниками поэмы приняты не были. Резко отозвался о «Поэме Конца» М. Горький, несправедливо обвинив автора в «бесчеловечном» обращении с русским языком, в грубой форме выразили свое

неприятие «Поэмы Горы» И. Бунин и З. Гиппиус. Но были в разноголосом хоре критики и другие отклики, построенные на понимании поэтического языка Цветаевой, проникновении в замысел автора. Вот что писал об одной из поэм Марк Слоним: «...„Поэма Горы" Марины Цветаевой—трагическая поэма любви, вознесенной над жизнью, вне жизни, как гора над землей, и жизнью земной раздавленная. Марине Цветаевой дан необыкновенный пафос, при котором в каждом слове—молниеносность, разительность. Смысл сгущен, сжат, в каждой фразе—переполненность, образ—и символ, и формула. И этот патетический избыток, эта напряженность высокого строя души (а не духа только)—в замкнутом словесном ряде. Своеобразный контраст творчества Цветаевой, быть может, состоит в этом сочетании: бессмертность, сжатая в лаконичность, вихрь, заключенный в отрывистость, страсть к бескрайности в отчетливой, подобранной формуле, непрерывность движения, на лету взнузданная стихия, богатство, обращенное в коротком ударе словесной игры... Мне всегда страшно, когда я слышу, что иные простодушные (вернее простодумные) читатели не находили в произведениях Цветаевой ничего, кроме „набора слов" и никак не могут докопаться до смысла ее стихов и поэм... на самом деле они не хотят сделать известного напряжения, чтобы проследить за бегом ее мыслей, за переполненностью ее души—на высоте люди со слабыми легкими—задыхаются» (Воля России. Прага. 1926. № 8—9. С. 102).

И, как бы давая итоговую оценку двум поэмам, приведем анонимное высказывание о «Поэме Конца» из парижской газеты «Дни» от 20 декабря 1925 г.: «Написанная в Праге „Поэма Конца" М. Цветаевой, где тема перешагнула географические границы, ибо вне времени и вне рубежа,—тем не менее будет причислена к одним из лучших русских произведений, написанных за последние годы».

Возможно, одной из самых трудных для широкого читателя, но и, пожалуй, одной из самых значительных поэм Цветаевой является «Поэма Воздуха». Своим появлением на свет поэма обязана стечению различных, внешних и внутренних, обстоятельств. Написана она, как обозначила сама Цветаева, в «дни Линдберга», когда американский летчик совершил свой знаменитый перелет через Атлантический океан.

В мае 1926 г. состоялась недолгая эпистолярная встреча Марины Цветаевой с Райнером Мария Рильке—поэтом, которого она называла «воплощенной пятой стихией», олицетворением самой Поэзии, безмерной поэтической и духовной высоты. Эта «заоблачная», доходящая порою до экзальтации дружба-любовь вдохновила Цветаеву на поэму «Попытка комнаты» и семь романтических писем к Рильке.

29 декабря 1926 г., после тяжелой болезни, Рильке скончался. Весть об этом обрушилась на Цветаеву внезапным сильнейшим ударом и послужила в феврале 1927 г. поводом к созданию большого реквиема—«Новогоднее».

Потребность продолжить диалог с Рильке явилась внутренним толчком к созданию «Поэмы Воздуха».

Казалось бы, что может быть общего между перепиской с Рильке, его кончиной и подвигом мужественного воздухоплавателя? Житейски, практически одно с другим связано, разумеется, не было. Но в глубинах поэтического сознания все пережитое слилось и образовало некое магическое единство. Быть может, ни в одном цветаевском произведении столь неразрывно не связались воедино внешнее и внутреннее, реальность и романтика, *быт* и *бытие*, как в «Поэме Воздуха»... Это рассказ о том, как чувствует себя человек (автор, Поэт) в надземной стихии.

Много лет спустя Анна Ахматова сказала о ней так: «Марина ушла в заумь. См⟨отри⟩ „Поэма Воздуха". Ей стало тесно в рамках Поэзии... Ей было мало одной стихии, и она удалилась в другую или в другие».

Сказано хотя и без одобрения, однако справедливо, ибо «Поэма Воздуха» действительно рассказывает о расставании с землей, о переходе в иную сферу.

Порыв ввысь, в «запредельные пределы»; душа, рвущаяся в бесконечность неба; огонь, устремляющийся во тьму,—глобальная тема цветаевского романтизма. Освобождаясь от последних пут реального воздуха, поэт попадает в твердь

беспредельности. Почему в твердь? Потому, очевидно, что в безвоздушной запредельности — твердость, надежность новой, внеземной стихии, свобода от всяческих уз и помех. Эта твердь обратна земной и дает совершенно новые ощущения:

Полная оторванность
Темени от плеч —
Сброшенных! Беспочвенных —
Грунт! Гермес — свои!
Полное и точное
Чувство головы
С крыльями...

«Поэма Воздуха» — это, в своей философской сущности, поэма о бессмертии: о бессмертии человеческого духа, о нескончаемости его существования.

«Поэме Воздуха» предшествовала «Поэма Лестницы» (1926), в которой Цветаева пыталась осмыслить неизбывность человеческих бед, трагедийность существования. Социальная обличительность поэмы, горячее сочувствие поэта обиженным жизнью сочетаются с не менее острой ненавистью к богатым, к «жиру» (против чего восстают сами вещи), с протестом против цивилизации вообще и романтическим призывом к возврату вещей, созданных человеком, в их первозданное природное лоно.

А еще на год раньше, в 1925 г., Цветаева написала «Крысолова» — «лирическую сатиру», как она назвала поэму, — по мотивам известной средневековой легенды. Цветаевский Крысолов-флейтист — символ Поэзии, а крысы — отъевшиеся мещане, олицетворяющие собой *ожирение революции.*

Все они, вместе с сытыми бюргерами-гаммельнцами, воплощают в себе омерзительный, убивающий души и ненавидимый Цветаевой *быт.* «*Быт* не держит слово *Поэзии*» (бургомистр отказывается от обещания отдать свою дочь за флейтиста, избавившего город от крыс) и Поэзия «мстит» (музыкант уводит под свою дивную музыку детей и топит их в озере, даруя им рай — вечное блаженство).

В какой-то мере отголоски темы — столкновение Поэзии и Быта — звучат в поздней незавершенной поэме «Автобус» (1936). Персонаж ее, благодаря случайно оброненным словам, изобличающим в нем эстетское, гурманское отношение к жизни, в один миг перестает существовать для своей «спутницы», которая не разучилась еще радоваться первозданным земным радостям.

Уникальным творением XX в. стали поэмы-сказки Цветаевой: «Царь-Девица», «Переулочки», «Мóлодец», незавершенный «Егорушка», написанные в 1920 — 1922 г. Послереволюционное время втянуло Цветаеву в свою стихию — стихию русской народной речи. Чуть ли не на одном дыхании пишутся тысячи строк больших эпических полотен, можно даже сказать, одного громадного эпоса. Все поэмы-сказки как бы одеты в одну русскую народную «одежду». Их объединяет характер литературных источников (сказки, былины, легенды), органическое слияние «цветаевского» и фольклорного, поэтического искусства и народного простодушия. Поэтика Цветаевой и русское народное творчество, взаимопроникая, создают особый стиль, «изюминка» которого — в смешении цветаевской афористичности и просторечий, архаики и литературной «правильности»:

Хочешь цельным уйти
Да из женских тенёт —
Держи сердце в горсти,
Дай челну полный ход...
. . . .
Запиши себе в грудь.
Говорившую — забудь...

(«Царь-Девица»)

Пересказывать поэмы-сказки Цветаевой трудно — так же как и русские былины, где идут обстоятельные, неспешные описания, например снаряжения богатыря в путь, и вдруг — всего одна строка — и происходит важный поворот сюжета, который при чтении легко упустить; приходится возвращаться вспять. Так зачастую и у Цветаевой: пространность описаний, длинноты монологов действующих лиц — и краткость самих действий. Например, в поэме «Царь-Девица» героиня долго прощается с конем, Царевич в своих песнях долго говорит о себе; и, напротив, один из последних эпизодов поэмы дан с поистине телеграфным лаконизмом. Царевич, по воле злой мачехи и старого колдуна, проспал свои встречи с Царь-Девицей; на третий день проснулся:

Размахнулся всею силой рук:
Ан уж нету старика — паук!
Как притопнет, поглядев востро́:
Ан уж нету паука — мокро́!
Сам же в воду — добывать свое добро.

Пять строк — пять действий. Короче — не передашь.

Поэмы-сказки Цветаевой написаны стихом народной лирической песни. Вот что писал по этому поводу в рецензии на «Мо́лодца» Владислав Ходасевич: «Народная песня в значительной мере является причитанием, радостным или горестным: в ней есть элементы скороговорки и каламбура — чистейшей игры звуками; в ней всегда слышны отголоски заговора, заклинания... она всегда отчасти исторична, — близка к переходу в плач или смех, — она отчасти заумна.

Вот эту „заумную“ стихию, которая до сих пор при литературных обработках народной поэзии почти совершенно подавлялась или отбрасывалась, Цветаева впервые возвращает на подобающее ей место. Чисто словесные и звуковые задания играют в „Мо́лодце“ столь же важную роль, как и смысловые. Оно и понятно: построенная на основах лирической песни, сказка Цветаевой столько же хочет поведать, сколько и просто спеть, вывести голосом, „проголосить“. Необходимо добавить, что удается это Цветаевой изумительно... Восхитительная сказка Марины Цветаевой, конечно, представляет собой явление, по значительности и красоте не имеющее во внутрисоветской поэзии ничего не только равного, но и хоть могущего по чести сравниться с нею» (Последние новости. Париж. 1925. 11 июня). Все, сказанное критиком о «Мо́лодце», в полной мере может быть распространено на остальные поэмы-сказки Цветаевой.

II

К драматургии Цветаева обратилась в 1918 г. До нас дошло шесть пьес 1918—1919 гг., которые включены в настоящий том. В это же время Цветаева, по-видимому, работала над пьесами «Дмитрий Самозванец», «Бабушка», «Ученик»; их рукописи не сохранились. В рабочей тетради Цветаевой остались наброски пьесы о Мэри.

Что же касается шести завершенных, или почти завершенных пьес, то Цветаева написала их, можно сказать, на одном дыхании. Закончив «Червонного Валета», принялась за «Метель»; в день окончания «Метели» начала «Приключение», а 23 января 1919 г., завершив третью пьесу, взялась за следующую — «Фортуну». Далее — «Каменный Ангел» и «Конец Казановы» («Феникс»). Предполагая впоследствии издать пьесы отдельной книгой, она придумала название, которое их объединит, — «Романтика». Надеялась и на постановки пьес в театре: ведь роли в них она писала специально для актеров-студийцев Вахтангова. Однако, несмотря на несомненную живость пьес, ни одна из них так и не увидела сцены.

Летом 1919 г., словно бы оборачиваясь на недавно минувшее, Цветаева занесла в тетрадь: «Я стала писать пьесы — это пришло как неизбежность — просто голос перерос стихи, слишком много воздуху в груди стало для флейты».

Вздох — дыхание — душа — Психея — Любовь. Цветаевой захотелось *сказать* Любовь вслух: на сцене...

В стихотворениях той поры уже существует тема театра (циклы «Плащ», «Комедьянт»). Это театр романтический, с развевающимися плащами, таинственностью, игрой воображения. Цветаева дружила с актерами и режиссерами студии под руководством Е. Вахтангова («Мансуровской» – так ее именовали по названию переулка, где она помещалась) и Второй студии Художественного театра, бывала на их спектаклях, репетициях.

Ее привлекают романтические поиски вахтанговцев, попытки уйти от бытовизма, «подняться над землей», стремление к «празднику чувств» (слова Вахтангова).

Павел Антокольский, входивший в то время в актерский коллектив студии Вахтангова, позднее вспоминал о возникшей тяге Цветаевой к театру: «Она полюбила атмосферу театральных будней, репетиционную страду – весь этот хрупкий и в то же время надежный материал, из которого с трудом, с ошибками, просчетами и простоями рождается в бессонных ночах будущее представление. Еще больше полюбила она атмосферу театральных праздников, таких редких у молодежи: не выветрившийся со сцены запах клея и краски, появление в зрительном зале чужих, неизвестных и всегда загадочных людей. Ожидание, сомнения, неуверенность, страх, провал, успех и все прочее, сопровождающее премьеру у молодежи... Марина Цветаева прониклась интересом и сочувствием к самой природе театрального искусства, самого грубого и самого прямого из всех искусств. Все оно, сложное и разное, впервые увиденное и пережитое, живо волновало в те времена Марину Цветаеву» (Цветаева М. Театр. М.: Искусство, 1988. С. 5 – 6).

Самая ранняя пьеса М. Цветаевой – «Червонный Валет». Действующие лица – игральные карты; характеры едва обозначены, только – фабула. Слуга – Червонный Валет – беззаветно любит двадцатилетнюю госпожу – Червонную Даму, супругу старого Червонного Короля. Тот отправляется в поход; карты предсказывают Червонной Даме «постель амурную» с Пиковым Королем. Предсказание сбывается; Трефовый и Бубновый Валеты, подстрекаемые Пиковым Валетом, готовят заговор: они должны застигнуть любовников во время свидания. Червонный Валет вовремя предупреждает свою госпожу и погибает за нее, пронзенный пикой Пикового Валета. В пьесе слышатся интонации и ритмы еще ранней Цветаевой:

Валет, Валет, тебе счастья нет!
Я – роза тронная.
Валет, Валет, молодой Валет,
Валет червонный мой!..
. . . .
Спешишь, и льстишь, и свистишь, и мстишь, –
Что мне до этого?
Иди, труби с королевских крыш
Любовь валетову.

Так поет Червонная Дама, которая, по пояснению Цветаевой, «еще не отточила когтей, еще не женщина. – Ребенок. – Роза».

Неудача «Червонного Валета» состояла в его полной отвлеченности; карточность персонажей одержала победу над их страстями; в игральные карты почти не проникли человеческие души.

Действие второй пьесы 1918 г., «Метель», происходит в «ночь на 1830 год в харчевне, в лесах Богемии, в метель».

Господин «Князь Луны», неуловимый, возникший как бы ниоткуда и исчезающий метельной новогодней ночью в никуда. «Вихрь меня принес, вихрь унесет». Олицетворение мечты о любви.

Дама: графиня Ланска, романтичная, любящая свою мечту и не любящая мужа, спасающаяся безоглядным бегством в ночь, в неизвестность, – надолго ли?

Встреча этих двоих (*бытие*) происходит на грубом фоне *быта*: трактирной обстановки и в обществе таких же грубых, «современных» (им) личностей:

Трактирщика, Торговца и Охотника. Лишь Старуха—«весь XVII век»,—начисто лишенная мелкости, будничности, прозаичности настоящего, своим молчаливым присутствием как бы беззвучно аккомпанирует встрече Господина и Дамы, их любви—и разлуке, встрече—и разминовению, узнаванию с первого взгляда—и расставанию навсегда.

В финале пьесы, исчезая навсегда, Господин произносит над ней, спящей: «Страннице—сон. Страннику—путь. Помни.—Забудь». Можно не сомневаться, что она будет помнить его и любить.

«Метель» и следом за ней написанная пьеса «Приключение» явились как бы набросками к наиболее значительным и показательным пьесам романтического цикла Цветаевой: «Фортуна» и «Феникс». Главной темой этих пьес Цветаева сделала события конца XVIII в. во Франции. Центральные фигуры—два знаменитых авантюриста и покорителя женских сердец—Лозэн («Фортуна») и Казанова («Феникс»). Большинство персонажей пьес—лица исторические; события в них соответствуют имевшим когда-то место фактам. Однако строго историческими их все же назвать нельзя—во многом Цветаева изменила личности главных героев, особенно Лозэна, придав им черты людей, которых она знала. Конкретные реалии времени сливаются в пьесе с романтическим авторским вымыслом. Более подробно об истории создания этих пьес можно прочитать в книге Анны Саакянц «Марина Цветаева. Страницы жизни и творчества (1910—1922)» (М.: Сов. писатель, 1986).

В середине 20-х годов Цветаева вновь обращается к театру. На этот раз интерес к драматургии привел поэта к созданию трагедий «Тезей» (впоследствии названной «Ариадна») и «Федра», написанных по мотивам античной мифологии. Оставаясь в рамках традиционного сюжета, Цветаева развивает в пьесах свои воззрения на те или иные человеческие коллизии. В трагедии «Тезей», этой своего рода поэме в диалогах, земную женщину (Ариадну) любят одновременно смертный (Тезей) и божество (Вакх), которое возносит ее на небо. Цветаева трактует античный миф так, словно речь идет о чувствах живых людей. Что это: предательство Тезея или, напротив, его благородство? Ведь он добровольно уступает свою возлюбленную Вакху; сила в этом его или слабость? Несовершенство земной любви («О, как мало и плохо любят!») или высший долг? Таков нераспутываемый гордиев узел противоречивых страстей человеческих. Поэтическая сцена спора Тезея с Вакхом за обладание женщиной являет собой вершину трагедийного искусства Цветаевой.

Бремя людских страстей царит и в «Федре»: любовь Федры, стареющей женщины, к юному пасынку, который ее отвергает; юношеские максимализм и жестокость; интриги и раскаяние не успевшей вкусить сладость любви сводни-кормилицы. Трагедии Марины Цветаевой показывают, как потрясающе точно знала она психологию человека, понимала все ее причудливые сплетения.

А. Саакянц, Л. Мнухин.

Произведения, составившие данный том, печатаются по текстам прижизненных изданий, как правило, единственным, «Поэма Горы» дана с учетом последней авторской редакции 1940 г. Посмертные публикации приводятся по изданиям, осуществленным в России (за исключением поэмы «Перекоп»).

В комментариях указываются первые публикации произведений, а также даются необходимые историко-литературные сведения, объяснения малоупотребительных слов, некоторых мифологических и библейских сюжетов. При составлении комментариев к пьесам были использованы комментарии, подготовленные в 1966 г. А. С. Эфрон и А. А. Саакянц для издания, которое вышло лишь двадцать лет спустя: Цветаева М. Театр. М.: Искусство, 1988.

Тексты печатаются с сохранением особенностей орфографии и пунктуации Марины Цветаевой.

ПОЭМЫ

ЧАРОДЕЙ

Впервые—в кн.: Цветаева М. Неизданное. Стихи. Театр. Проза. (Париж: YMCA—PRESS, 1976). Печатается по изданию: Цветаева М. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1988.

«*Чародей*» — домашнее прозвище Эллиса (Льва Львовича Кобылинского; 1874—1947), поэта-символиста. Был дружен с сестрами Цветаевыми.

Поводом к написанию поэмы послужил выход книги Эллиса «Арго» (М.: Мусагет, 1914), в которой были стихи, обращенные к Марине и Асе Цветаевым.

Нам так довольно о Бодлере! — Две книги переводов Эллиса посвящены Бодлеру: Иммортели. Вып. 1. Бодлер Ш. М., 1904 и Бодлер Ш. Цветы зла. М., 1908.

Серсо (фр. cerceau, букв. — обруч) — игра, в которой перекидывают обруч посредством палок.

Чугунный правнук Ибрагимов — памятник А. С. Пушкину на Тверском бульваре, описанный Цветаевой в очерке «Мой Пушкин». См. т. 5.

Я рыцарь Розы и Грааля — Роза своим цветом символизирует кровь Христа, пролитую на кресте. *Грааль* — таинственный замок. По одному из преданий считалось, что там стоит чаша с кровью Иисуса Христа, собранной после того, как его тело было снято с креста распятия. Оба этих мифопоэтических образа часто встречаются в стихах Эллиса.

Он Тот, кто у кремлевских башен... — имеется в виду Наполеон.

Аркольский мост — по названию итальянского города Арколе, расположенного на реке Альпоне. Здесь в 1796 г. Наполеон разбил войска австрийского фельдмаршала Иосифа Альвинци (1735—1809).

Экосез — бальный танец.

...план Музея — Музея изящных искусств, ныне Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

Нирвана — см. комментарий на с. 781.

...отец в Каире — весной 1909 г. И. В. Цветаев был в Каире на Всемирном археологическом конгрессе.

...мертвых Лазарей из гроба (библ.) — По преданию, Иисус Христос воскресил Лазаря, брата Марфы и Марии, на четвертый день после его смерти.

НА КРАСНОМ КОНЕ

Впервые — в кн.: Цветаева М. Разлука (М.; Берлин: Геликон, 1922). Спустя год Цветаева напечатала поэму в сокращенном варианте и без посвящения в своем сборнике «Психея» (Берлин.: Изд-во З. И. Гржебина, 1923). Печатается по тексту сборника «Разлука».

Поэма вдохновлена знакомством Цветаевой с молодым поэтом Евгением Ланном. 1 февраля 1921 г. Цветаева пишет Ланну: «Красный конь написан. Последнее тире поставлено. — Посылать? — Зачем? — Конь есть, значит и Ланн есть — навек — высоко! — И не хотелось идти к Вам нищей — только со стихами». Позднее Цветаева перепосвятила поэму Анне Ахматовой.

Красный Конь — крылатый конь, символ поэтического вдохновения.
Сорокоуст — в православной церкви сорокадневная молитва по умершим.
За ны — за нас (церк.-слав.).
Эол — см. комментарий на с. 784.

ПОЭМА ГОРЫ

Впервые — в журнале «Версты» (Париж. 1926. № 1). Печатается в последней авторской редакции по московскому беловому автографу 1940 г.

Поэма обращена к Константину Болеславовичу Родзевичу. Цветаева встретилась с ним в 1923 г., когда он учился на юридическом факультете в Пражском университете.

К. Б. Родзевич, сын военного врача, родился в 1895 г. в Петербурге. Во время первой мировой войны, прервав свои университетские занятия, ушел на фронт. Служил на военных кораблях; был комендантом Одесского красного порта, затем — одним из командиров Нижнеднепровской красной флотилии. Под конец гражданской войны попал в плен к белым. Дальнейшая судьба забросила К. Б. Родзевича в Прагу, где он окончил университет. В 1926 г., пройдя полный курс юридических наук, он обосновался в Париже, вступил там в коммунистическую партию и занялся активной политической работой; был связан с левыми французскими организациями. С 1936 по 1938 г. Родзевич сражался в рядах Интернациональных бригад в Испании, а во время оккупации Франции гитлеровскими войсками стал участником французского Сопротивления. После войны возобновил свою прежнюю политическую деятельность. Одновременно стал заниматься рисованием и деревянной скульптурой. В 1960 г. К. Родзевич переслал в Москву все сохранившиеся у него материалы, касающиеся его отношений с Цветаевой (рукописи, письма, книги, рисунки), «в знак нерушимой памяти о ней». Ныне все это хранится в архиве Цветаевой (РГАЛИ). Дочь Цветаевой А. С. Эфрон в своих воспоминаниях рисует К. Б. Родзевича как человека большого мужества, обаяния и трудной судьбы.

Гора — Петршин-холм в Праге. Цветаева называла ее Смиховским холмом — от района Смихов, где она жила осенью 1923 г. В то же время слово это имеет для поэта и другой, романтический смысл. Гора в поэме — синоним и символ Любви. Образ горы всегда связан в творчестве Цветаевой с высотой, огромностью, лавинностью чувств и с величием самого человека. Понятие «горы» как части природы, земли, по которой Цветаева, «рожденный пешеход», любила ходить, она противопоставляла морю, которого не любила. В творческом же сознании поэта оба понятия, символизируясь, приобретали полярный смысл: «Есть вещи, от которых я в постоянном состоянии отречения: *море, любовь*, — пишет она Пастернаку 25 мая 1926 г. — Океан, как монарх, как алмаз: слышит только того, кто его не поет. А горы благодарны (божественны)». Гора — «верх земли и низ неба, — пишет она другому корреспонденту. — Гора — в небе».

Эпиграф: из романа немецкого писателя-романтика Ф. Гёльдерлина (1770—1843) «Гиперион, или Отшельник в Греции».

Посвящение. — В окончательный текст не вошли строки:

Если б только не холод крайний,
Замыкающий мне уста,
Я бы людям сказала тайну:
Середина любви — пуста.

(Цветаева М. Избранные произведения. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. С. 725.)

Душа — горé — от церковно-славянского выражения «возвести очи горе», то есть вверх.

Персефоны зерно гранатовое. — *Персефона* (греч. миф.) — дочь Зевса и Деметры, была похищена богом подземного царства Плутоном. Чтобы вернуться на землю, она не должна была принимать пищу; не выдержав, съела шесть гранатовых зерен, коварно предложенных Плутоном, в наказание за что была вынуждена проводить в царстве Плутона шесть месяцев в году.

Коемуждый/Сбудется — по слезам его — перефразированное библейское: «Каждому воздастся по делам его».

С дитятком — отпустил Агарь. — *Агарь* — рабыня патриарха Авраама, родившая ему сына Измаила. По требованию жены Авраама была с сыном изгнана и поселилась в пустыне.

И мир, и Рим — то есть все (от «Риму и миру» — обращение папы римского).

Атлас (Атлант) (греч. миф.) — сын Иапета и Климены, осужденный богами держать на плечах небесный свод за попытку овладеть небом.

Двенадцать апостолов. — На Пражской ратуше, на Старомястской площади, находятся старинные часы; в полдень и в полночь на их циферблате открываются дверцы, из которых выходят фигурки двенадцати апостолов.

Крыши с аистовым гнездом. — Аист, по народным поверьям, — символ семейного благополучия.

Заповедь седьмая (библ.) — «Не прелюбодействуй!»

Послесловие. — В ранней редакции поэмы были строки, не вошедшие затем в окончательный текст:

Та гора *хотела*! Песнь
Брачная — из ямы Лазаревой!
Та гора вопила: — Есмь!
Та гора любить приказывала...
Та гора была — миры!
— Господи! Ответа требую!
Горе началось с горы.
И гора и горе — пребыли.

═══

Послесловие вышло длинное —
Но и память во мне долгá.

(Цветаева М. Избранные произведения. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. С. 725; Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1980. С. 535.)

ПОЭМА КОНЦА

Впервые — в альманахе «Ковчег» (Прага. 1926. № 1). Печатается по тексту первой публикации с учетом поздней правки.

Как и «Поэма Горы», обращена к К. Б. Родзевичу. Позднее Цветаева писала Пастернаку: «...у меня есть стихи к тебе, в самый разгар Горы (Поэма Конца — одно. Только Гора раньше и — мужской лик, с первого горячá, сразу высшую ноту, а Поэма Конца уже разразившееся женское горе, грянувшие слезы, я, когда

ложусь, — не я, когда встаю. Поэма Горы — гора, с другой горы увиденная. Поэма Конца — гора на мне, я под ней)». — Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 года (М.: Книга, 1990. С. 121).

Пастернак был потрясен поэмой. В письме от 25 марта 1926 г. он писал Цветаевой: «Я четвертый вечер сую в пальто кусок мглисто-слякотной, дымно-туманной ночной Праги, с мостом то вдали, то вдруг с тобой, перед самыми глазами, качу к кому-нибудь, подвернувшемуся в деловой очереди или в памяти, и прерывающимся голосом посвящаю их в ту бездну ранящей лирики, Микельанджеловской раскинутости и Толстовской глухоты, которая называется Поэмой Конца. Попала ко мне случайно, ремингтонированная; без знаков препинания...

С каким волнением ее читаешь! Точно в трагедии играешь. Каждый вздох, каждый нюанс подсказан. «Преувеличенно — преувеличено то есть», «Но в час, когда поезд подан — вручающий». «Коммерческими тайнами и бальным порошком», «Значит, не надо, значит, не надо...»

...тут живое, со слуха, что все эти дни при мне, как «мое с неба свалившееся счастье», «родная», «удивительная», «Марина» или любой другой безотчетный звук, какой, засуча рукава, ты можешь достать с моего дна...

Какой ты большой, дьявольски большой артист, Марина!..» Там же. С. 252—253.

Окно под самой крышею. — //Не от одной зари горящее? — перефразированные строки из стихотворения А. Блока «На небе — празелень, и месяца осколок...» (1914):

...Что месяца нежней, что зорь закатных выше?
Знай про себя, молчи, друзьям не говори:
В последнем этаже, там, под высокой крышей,
Окно, горящее не от одной зари...

Кому повем печаль мою — слова из Псалтири.

Семирамидины сады — одно из так называемых «семи чудес света»: *висячие* сады, созданные в Вавилоне при легендарной царице Семирамиде.

Наяда — нимфа воды, обитательница рек и озер.

Звезда мальтийская (крест) — эмблема средневекового рыцарского ордена.

Порошком Бертольда Шварца — порохом, изобретенным в XIV в. францисканским монахом Бертольдом Шварцем.

Ловелас — герой романа английского писателя Сэмюэла Ричардсона (1689—1761) «Кларисса». Имя Ловеласа стало нарицательным для обозначения волокиты, соблазнителя.

Как печать на сердце твое, как перстень на руку твою — слова Невесты из Песни Песней (Библия).

Арлекин, за верность, Пьеретте своей... — Арлекин — персонаж итальянской комедии del arte, отличающийся остроумием, умением выходить из сложных ситуаций. В своем письме от 22 сентября 1923 г. герою поэмы Цветаева восклицает: «...Арлекин! — Так я Вас окликаю. Первый Арлекин за жизнь, в которой не счесть — Пьеро!..» *Пьеро* — действующее лицо итальянской комедии, глупый, простодушный слуга. *Пьеретта* — жена Пьеро.

Заповеди Синая (библ.) — на горе Синай пророк Моисей провозгласил десять заповедей.

Менады мех! — Менады — участницы празднеств в честь Вакха (Диониса); одевались в звериные шкуры.

Голконда—город в древней Индии, знаменитый роскошными усыпальницами; здесь—символ богатства.

Мостовина—плата за переход моста.

Харонова мзда за Лету—Харон—перевозчик душ умерших через *Лету*, реку забвения в подземном царстве.

Мак—символ сна у древних.

Аркадия (греч.)—райская страна, отличающаяся простотой нравов.

Бурнус—арабский плащ с капюшоном.

С Иеговой порвет Давид—то есть свершится невозможное; Иегова—одно из имен Бога в Библии; *Давид*—страстный приверженец Иеговы, восславлял его в своих псалмах.

По-кроатски—по-хорватски.

Хлебников В. В. (1885—1922)—поэт-футурист, увлекавшийся поисками звукового стиха.

И у Иова,||Бог, хотел взаймы?—Иов (библ.)—патриарх, которого Бог, желая испытать его веру, подверг многократным испытаниям.

Вечный Жид—Агасфер, по преданию, осужденный за оскорбление Иисуса Христа на вечные скитания.

Давидов щит—символ силы и веры иудейского народа.

Такова у нас, Маринок... полячек-то.—Бабушка Цветаевой по материнской линии, Мария Лукинична Бернацкая (1841—1869), была польского происхождения.

КРЫСОЛОВ

Впервые—по главам в журнале «Воля России» (Прага. 1925. № 4, 5, 6, 7—8, 12; 1926. № 1). Печатается по тексту первой публикации с авторскими исправлениями опечаток.

Поэма написана на сюжет средневековой немецкой легенды, широко использованной в европейской литературе. Легенда гласит, что летом 1284 г. в городе Гаммельне появился странствующий музыкант и предложил жителям избавить их от нашествия крыс. Повинуясь звукам его флейты, крысы вслед за музыкантом вышли из города, вошли в реку Везер и утонули. Не получив за содеянное добро обещанной платы, Крысолов жестоко отомстил жителям Гаммельна. В воскресный день, во время обедни, когда все взрослые были в церкви, он вновь заиграл на флейте, выманил из домов всех детей и отвел их на гору Коппенберг, которая разверзлась и поглотила их.

Раскрывая замысел поэмы, Цветаева пишет в рабочей тетради:

«Толкование: Охотник — Дьявол-соблазнитель—*Поэзия*.

Бургомистр—*Быт*.

Дочка бургомистра—*Душа*...

Крысы—земные заботы, от которых Охотник освобождает город.

Быт не держит слово Поэзии, Поэзия мстит...»

(Цветаева М. Избранные произведения. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. С. 770.)

Город Гаммельн
(Глава первая)

Георгий Победоносец—христианский воин-святой. 12 мая 1926 г. Цветаева писала Рильке: св. Георгий—«почти конь, и коня, который почти всадник, я не разделяю их и не называю... всадник не тот, кто сидит на лошади, всадник—оба

вместе, новый образ, нечто не бывшее раньше, не всадник и конь: всадник-конь и конь-всадник: ВСАДНИК...» (Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 года. М.: Книга, 1990. С. 94).

«Узреть Гаммельн — и умереть!» — Перифразированные слова из популярной неаполитанской песенки: «Увидеть Неаполь и умереть».

Juri, и Rührei, и Rühr uns nicht an. — *Juri* — Юрий (Георгий), имя сына Цветаевой. Игра созвучий: противопоставление высокого, романтического (Георгий Победоносец) и низкого, мещанского («не тронь нас!» и т. д.).

«Mensch wo bist?»... «Bin nackt», «Наг, — *потому робею*». — По библейскому преданию, со словами «Человек, где ты?» Бог обратился к Адаму, скрывшемуся после своего грехопадения, убоявшись Господнего гнева; Адам ответил Богу: «Голос Твой я услышал в раю, и убоялся, ибо я наг, и скрылся» (до грехопадения Адам стыдливости не ведал).

Шатун — здесь: дьявол.

Овцы Господни — христиане.

Козел — здесь: дьявол, нечистый (в старину козел считался «нечистым» животным).

Санкюлот — прозвище людей низшего сословия во времена французской революции.

Пугач — Емельян Пугачев (1740 или 1742—1775).

Сен-Жюст Луи (1767—1794) — деятель французской буржуазной революции XVIII в., сторонник Робеспьера. Казнен термидорианцами.

Мой ж росс//Явственно горбонос—//В нас. — В феврале 1925 г. Цветаева писала о новорожденном сыне: «Глаза светлые, масть русая, нос с горбинкой — мой!»

Авель (библ.) — сын Адама, Бог любил его за кротость.

Сны
(Глава вторая)

Морфей (греч. миф.) — бог сновидений.

Обер (нем.) — старший, начальник.

Петр, Павел — апостолы Петр и Павел.

Каспар — возможно, от нем. Kasper (дурак, дурень).

Тора — древнееврейское название первых пяти книг Библии, в которых излагаются, в частности, заповеданные Богом законы и неумолимые кары за нарушение их.

Седьмица — (седмица) — неделя.

Соломонова пшеница — косы, то есть густые и золотистые, как пшеница «земли обетованной» — Палестины, царем которой был Соломон.

Напасть
(Глава третья)

Тугендбунд (нем.) — здесь: принцип (обыгрывается название тайного общества, возникшего в Германии начала XIX в. против власти Наполеона — «Союз добродетели»).

Убийца Коцебу — немецкий писатель Август Фридрих Коцебу (1761—1819) был убит студентом богословия, фанатиком Карлом Людвигом Зандом (1795—1820).

Герольд — лицо, назначенное для объявления важных событий.

Увод
(Глава четвертая)

Камерад (фр.) — товарищ.

Трехсотлетние Lind'ы... — старые липы на одной из центральных улиц Берлина — «Unter den Linden» («Под липами»).

Крысьего штурм унд дранг'а (нем. — «Буря и натиск») — ироническое обыгрывание названия романтического движения в немецкой литературе 70—80-х годов XVIII в.

Шираз — город в Персии, в X—XIII вв. центр персидской культуры, славившийся своими розами, воспетыми поэтами Гафизом и Саади.

Вей — здесь: воздух, воля.

Гаолян — просо.

Джаным (тюрк.) — любимый.

Тамбур — вид вышивания.

Галлия, Влахия, Скифия — названия древних государств в Европе.

Четвертый день. — По библейскому преданию, в первые четыре дня творения Бог создал свет, твердь небесную, сушу, растительность и светила.

Дотварный ил. — В четвертый день творения Бог еще не создал «тварей» земных (животных).

Индиго — тропический кустарник, из которого в старину получали синие красители с тем же названием.

Брамин (брахман) — индийский жрец.

Дервиш с коброю... — мусульманский странствующий монах со священной змеей.

Раджа — царь в Древней Индии.

Напьемся//Соком лотосовым: покой. — Сок лотоса, по древним поверьям, дает забвение.

Нирвана — по буддийскому учению, состояние оцепенения, забытья; здесь — блаженство покоя.

В ратуше
(Глава пятая)

Ратсгерр (нем.) — городской советник.

Не был Цезарем бы — //Стал бы поваром бы. — Ироническая перифраза знаменитого греческого полководца Александра Македонского: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном».

Цукр (Цукер) (нем.) — сахар.

Контраданс (фр.) — нарушение; здесь противоположность.

Ну и гусь! Ну и Ганс! — Игра слов: гусь по-немецки — Ганс.

Анданте (муз.) — умеренный темп.

Шлиф (нем.) — хороший тон, лоск.

Фонд (нем.) — здесь: скрытая скука.

Афронт (фр.) — здесь: неожиданный резкий отпор.

Унтергрунд (нем.) — основа, суть.

Септ-аккорд — аккорд из четырех звуков, здесь: сильный аккорд.

Кулак Потсдаму. — Потсдам — резиденция прусских королей, символ военщины. Припев революционной песни времен французской буржуазной революции.

Тайный страх//Тайного рата Гёте//пред Бетховеном. — Великий немецкий поэт И. В. Гёте был тайным советником (нем. — рат) при дворе веймарского герцога; ему, не любившему «все нарушающее меру», страстная и «необузданная»

музыка Бетховена внушала страх, одновременно чувство тайного влечения к бездне и ужаса перед ней» (слова Ромена Роллана).

Фохт (нем.) — управляющий; здесь: начальство.

Филомела (лат.) — поэтическое наименование соловья, связанное с античным мифом о превращении в соловья девушки Филомелы.

Аз (слав.) — я.

Азры — мифическое арабское племя, юноши которого, полюбив, умирали.

Штранд (нем.) — пляж, морской берег.

Квинты, кварты — музыкальные интервалы.

Гименей — в античной мифологии — бог брачных уз.

Где несть болезни! (церк.-слав.) — где нет болезней, то есть в раю; слова из православного богослужения.

Иерофанты — у древних греков верховные жрецы богини Деметры; здесь — избранники богов, тайновидцы.

Кайзер (нем.) — император.

Каперцы (каперсы) — нераспустившиеся почки каперсового кустарника, положенные в уксус или рассол; используются как приправа.

«Вещество — лишь знак» — слова финального мистического хора во II части трагедии Гёте «Фауст».

Детский рай
(Глава шестая)

Эдем и *Сезам* — здесь: рай и двери в него. В арабской сказке «Али-Баба и сорок разбойников» Сезам означал вход в сокровищницу несметных богатств.

Плоды Соломона — здесь: мудрость.

Розы Саади — здесь: красота (от названия сборника «Розовый сад» («Гулистан») великого персидского поэта Саади (ок. 1210—1292).

Фатер (нем.) — отец.

Флинты (нем.) — ружья.

Гусовой казни. — Ян Гус (1371 — 1415) — великий чешский реформатор; был сожжен на костре по обвинению в ереси.

Муттер (нем.) — мать.

С МОРЯ

Впервые — в журнале «Версты» (Париж. 1928. № 3). Печатается по тексту первой публикации.

Поэма написана в мае 1926 г. как поэтическое письмо к Б. Пастернаку; имела первоначальное название «Вместо письма». Цветаева с детьми в это время находилась в Вандее, на берегу Атлантического океана.

Ченчи — семья римских дворян, живших в XVI в. Франческо Ченчи, женившись второй раз, жестоко обходился с детьми от первого брака. После его скоропостижной смерти красавица дочь Беатриче, обвиненная в отцеубийстве, была казнена вместе с братом и мачехой. Позже ее невиновность была доказана. Судьбе этой молодой девушки Шелли посвятил драму «Беатриче Ченчи».

Кастальский ток — источник поэтического вдохновения на горе Парнас, где обитали Аполлон и музы (греч. миф.).

Орфей — древнегреческий певец и музыкант (греч. миф.).

Арфист — певец и музыкант в романе Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера».

Шуаны — контрреволюционные мятежники в период первой французской революции. Название получили от павшего в битве в 1794 г. Жана Шуана.

Коли отстали от Вифлеемской. — Имеется в виду *Вифлеемская* звезда, возвестившая миру о рождении Иисуса Христа.

ПОПЫТКА КОМНАТЫ

Впервые — в журнале «Воля России» (Прага. 1928. № 3). Печатается по тексту первой публикации.

Поэма обращена к Райнеру Мария Рильке и Борису Пастернаку. В письме от 9 февраля 1927 г. Цветаева писала Пастернаку: «Очень важная вещь, Борис, о которой давно хочу сказать. Стих о тебе и мне — начало Попытки комнаты — оказался стихом о нем и мне, *каждая строка.* Произошла любопытная подмена: стих писался в дни моего крайнего сосредоточения на нем, а направлен был — сознанием и волей — к тебе. Оказался же — мало о нем! — о нем — сейчас (*после* 29 декабря) [1926 г., дата смерти Рильке. — *Сост.*], т. е. предвосхищением, т. е. прозрением. Я просто рассказывала ему, живому, к которому же *собиралась*! — как не встретились, как *иначе* встретились. Отсюда и странная меня самое тогда огорчившая... нелюбовность, отрешенность, *отказность* каждой строки. Вещь называлась «Попытка комнаты» и от каждой — каждой строкой — отказывалась. Прочти внимательно, вчитываясь в каждую строку, *проверь*...» (Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 года. М.: Книга, 1990. С. 210).

Депеша «Дно», Царь отрекся. — На станции Дно в ночь на 14 марта поезд Николая II по решению революционных властей был направлен вместо Царского Села в Псков, где 15 марта состоялось отречение царя от престола.

Данзас К. К. (1801 — 1870) — лицейский друг А. С. Пушкина. Был секундантом на его дуэли с Дантесом и свидетелем последних часов его жизни.

Ревель — старое название Таллинна.

Психеиный дворец. — Психея (греч.) — мифологический персонаж, олицетворяющий душу.

Бог-лиродержец — Аполлон, предводитель муз.

Пруф (англ.) — непромокаемый. Здесь: плащ.

Карманьола — французская революционная песня, сложенная в Париже в 1792 г. после взятия Тюильрийского дворца и падения королевской власти.

ПОЭМА ЛЕСТНИЦЫ

Впервые — в журнале «Воля России» (Прага. 1926. № 11) под названием «Лестница». Печатается по тексту первой публикации.

Цветаева начала работать над поэмой в Париже, вскоре после переезда во Францию. Первую зиму она с семьей жила в отдаленном от центра рабочем квартале. Убогая жизнь на фабричной окраине, а также общение с бедной семьей, живущей в одной из самых жалких парижских гостиниц, и натолкнули Цветаеву на замысел произведения о «пасынках большого города» — «Повесть о том, как живет и работает черная лестница», как первоначально называлась поэма.

Хотя поэма получилась небольшая, ибо продолжение ее не было написано, она непроста и многопланова. Это во многом объясняется той особенно напряженной и сложной внутренней жизнью, какой жила Цветаева летом 1926 г., когда контраст между «бытом» и «бытием» она особенно сильно ощущала и переживала. С одной стороны, «заоблачные сферы» ее переписки с Рильке и Пастерна-

ком; с другой — сознание полнейшей неустроенности в новой стране, зыбкости почвы под ногами, грозящей нищеты — всеми этими тревогами полны письма Цветаевой той поры. Отсюда — смысловая неоднозначность поэмы, трудность работы над ней, когда поэт стремится «втиснуть» в предельно сжатую форму некое целостное миропонимание, философски осмыслить неизбывность бед человеческих, трагедийность существования. Социальная обличительность «Поэмы Лестницы», острое сочувствие поэта обиженным жизнью — и не менее острая ненависть к богатству, к «жиру», против которого восстают сами вещи, соседствуют с протестом против цивилизации вообще и с романтическим призывом к возврату вещей, созданных человеком, в их первозданное природное лоно.

Coty (Коти) — аромат; название знаменитой французской парфюмерной фабрики.

На стравинский лад — от фамилии композитора И. Ф. Стравинского (1882—1971).

Франценсбад — известный в то время австрийский курорт.

Сон Иакова. — По Библии, Иакову приснилась во сне лестница, один конец которой упирался в землю, другой — в небо; по ней спускались и поднимались ангелы; в это время Бог возвестил Иакову, что потомство его будет бесчисленно, а жизнь — благословенна.

Тростник-то мыслящий — слова французского философа Блеза Паскаля (1623—1662) из его известного изречения: «Человек всего лишь слабый тростник... но тростник мыслящий».

Гефест (греч. миф.) — бог огня.

Посейдон — бог воды, моря.

Зевес (Зевс) — царь богов, повелитель молний.

НОВОГОДНЕЕ

Впервые — в журнале «Версты» (Париж. 1928. № 3). Печатается по тексту первой публикации.

Посвящено памяти Р.-М. Рильке. На смерть Рильке Цветаева откликнулась также очерком «Твоя смерть». См. т. 5.

Эолова пустая башня. — Переосмысленный образ острова, окруженного сплошной медной стеной и возвышающегося среди моря отвесными скалистыми берегами, где правил бог ветров *Эол* (греч. миф.).

Человек вошел. — О смерти Рильке Цветаева узнала от Марка Слонима. «Отлично зная, как она его боготворила, я сообщил ей о его смерти с большой осторожностью — а не «между прочим» (ее слова). М. И. была очень взволнована и сказала: «Я его никогда не видела и теперь никогда не увижу» (Марк Слоним. О Марине Цветаевой//Новый журнал. Нью-Йорк. 1971. № 104. С. 145).

В Новостях и Днях. — Имеются в виду крупнейшие парижские русские газеты «Последние новости» и «Дни».

В санатории... — Рильке умер в швейцарской клинике Валь Монт.

Альказар — ресторан в Париже.

Уж не спрашиваешь, как по-русски//Nest? — В последнем письме к Цветаевой (от 12 августа 1926 г.) Рильке писал, что он забыл, как будет по-русски слово «гнездо».

Кастора — тебя с тобой — Поллуксом. — Кастор и Поллукс (греч. Полидевк) — неразлучные братья, сыновья прекрасной Леды. Поллуксу его отец Зевс даровал бессмертие; Кастор, его сводный брат, был смертен. Когда в схватке с врагом Кастор погиб, Зевс позволил Поллуксу поделиться с братом половиной

своего бессмертия; таким образом братья проводили день в подземном царстве, а день — на Олимпе, среди богов.

...Париж — чертог химеры галльской — Париж (под названием Лутеция) в древности находился на территории страны Галлии.

Беллевю (фр.) — пригород Парижа, где жила Цветаева, буквально: прекрасный вид.

Бельведер (ит.) — название дворцов с предместьями. Здесь оба слова в нарицательном значении. — *Сост.*

Золотой Людовик. — По-видимому, Людовик XIV (1638—1715), король Франции с 1643 г. Период его правления отличался заметным расширением границ королевства и самым блестящим двором в Европе.

Дары (святые) — вино и хлеб (библ.).

Рона — река в Швейцарии и Франции.

Rarogn (Рарон) — место, где похоронен Рильке (Швейцария).

ПОЭМА ВОЗДУХА

Впервые — в журнале «Воля России» (Прага. 1930. № 1). Печатается по тексту первой публикации.

Поводом к написанию поэмы послужило следующее событие. 21—22 мая 1927 г. американский летчик Чарльз Линдберг впервые совершил беспосадочный перелет через Атлантический океан. Шесть тысяч километров он преодолел за тридцать три с половиной часа, достигнув по тем временам сенсационного рекорда.

В «Поэме Воздуха» Цветаева как бы поместила поэта в одиночную кабину самолета, дверь которого отделяет его от неведомой и непознанной стихии, куда он через несколько мгновений должен влиться. Поэма многопланова, в ней описания физических ощущений сложным образом переплетены с философско-поэтическими озарениями. В иносказательной форме она являет извечную мысль о «законе сохранения» творческой, духовной энергии.

В 1940 г. Цветаева приоткрыла еще один смысл своего произведения: «Эта поэма написана в ответ на вопрос одной ясновидящей молодой больной (Веры Аренской, сестры Юрия Завадского)

— Марина, как я буду умирать?

Отсюда: — ...дыра бездонная
Легкого, пораженного
Вечностью.

Эта поэма, как многие мои вещи, написана — чтобы *узнать*».

Помета сделана Цветаевой в рукописной тетради критика А. К. Тарасенкова, куда он, в частности, переписал «Поэму Воздуха». Там же — цветаевские пояснения к некоторым строкам поэмы; приводим их по ксерокопии упомянутой тетради:

Расколотый ящик Пандорин. — Пандора (греч. миф.) — женщина, созданная Гефестом (богом огня и кузнечного дела) из земли и воды. Она получила от Зевса запертый ящик, куда были заключены все человеческие несчастья; из любопытства, открыв его, выпустила содержимое наружу; отсюда «ящик Пандоры» — источник всяческих бедствий.

Без счету — входящих. — «(NB! Смысл: Без счету входящих без стука...)».

Оптина пустынь — мужской монастырь в Калужской губернии.

Феллах — крестьянин-земледелец в арабских странах.

Еврея с цитрою||Взрыд: ужель оглох? — «NB! (Смысл: Ужель оглох? Подразумевается: Бог), ибо о чем же думать еврею с цитрою?)»

Мать! Не даром чаяла:||Цел воздухобор! — «NB! Здесь речь о Линдберге, в те дни впервые перелетевшем океан, и о его матери, учившей его отказываться от всех земных почестей и выгод. Если вспомню ее имя — впишу».

Не то же ли об ушах?||Как фавновы рожки||Вставали. — Фавн (рим. миф.) — бог полей, лесов, стад, родоначальник мелких богов, фавнов, безобразных существ с острыми ушами и козлиными ногами.

Колумб Христофор (1451 — 1506) — мореплаватель, открывший Америку и ряд новых земель.

Ирида, Ирис (греч. миф.) — богиня радуги, вестница богов.

Шемахинским или ж кашемирским... — названия восточных тканей.

Персть (церк.-слав.) — земной прах, пыль.

Наяды — см. комментарий на с. 778.

Пэри (пери) — в персидской мифологии добрые феи в образе крылатых женщин, охраняющие людей от злых духов.

...Как сквозь про́сып||Первый (нам-то — засып!) — «NB! Смысл: Мы, поэты, просыпаясь — засыпаем! NB! В этой поэме всё осмысленно». См. также: Мария Белкина. Пропавшая тетрадь. — В кн.: Марина Цветаева. Симпозиум, посвященный 100-летию со дня рождения. Нортфилд, Вермонт, 1992.

Лоном лиро-черепахи. — По мифу, Гермес — бог торговли, стад и дорог — изготовил из панциря черепахи первую лиру и подарил ее Амфиону.

Фив нерукотворных. — По мифу, сыновья Зевса Амфион и Зет возвели вокруг города Фивы мощные стены, причем камни двигались сами под звуки лиры Амфиона.

Heilige Sieben (священная семерка). — Число «семь» наделено магическими свойствами во многих мифологических системах: семь было любимым числом Цветаевой. В письме к Рильке от 12 мая 1926 г. она пишет: *«Быть на седьмом небе от радости. Видеть седьмой сон.* Неделя — по-древнерусски — *седьмица. Семеро одного не ждут. Семь Симеонов* (сказка). 7 — русское число! О, еще много: *Семь бед — один ответ,* много». (Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 г. М.: Книга, 1990. С. 93).

КРАСНЫЙ БЫЧОК

Впервые — в журнале «Воля России» (Прага. 1928. № 12). Печатается по тексту первой публикации.

Поэмой «Красный бычок» Цветаева откликнулась на смерть брата своей подруги Веры Завадской. В письме от 11 марта 1928 г. Цветаева сообщает своему корреспонденту: «...умер от туберкулеза кишок брат моей подруги, Володя, 28 лет, на вид и по всему — 18. Доброволец, затем банковский служащий в Лондоне... Умер тихо, всю ночь видел сны. — „Мама, какой мне веселый сон снился: точно за мной красный бычок по зеленой траве гонится..." А утром уснул навсегда». (Письма к Анне Тесковой. Прага: Akademia, 1969. С. 62 — 63).

Шептала — сушеные абрикосы.

Смоква — ягоды смоковницы: инжир, винная ягода.

Марковцы, корниловцы — по имени генералов полков (дивизий) Добровольческой армии С. Л. Маркова (1879 — 1918) и Л. Г. Корнилова (1870 — 1918).

ПЕРЕКОП

При жизни Цветаевой поэма не публиковалась. Впервые—в альманахе «Воздушные пути» (Нью-Йорк. 1967. № 5). Печатается по изданию: Цветаева М. Стихотворения и поэмы. Сочинения: В 5 т. Т. 4. Нью-Йорк; Russica, 1983.

В поэме описаны события, связанные с прорывом Добровольческой армией укреплений Перекопского перешейка. Посвящена мужу Цветаевой Сергею Яковлевичу Эфрону, служившему во время гражданской войны в марковской дивизии Добровольческой армии. Работая над поэмой, Цветаева использовала его военные записи.

Эпиграфы:...А добрая воля//Везде—одна!—автоцитата из настоящей поэмы.

Dunkle Zypressen!..—из стихотворения Т. Шторма (1817—1888) «Frauen-Ritornelle» (Цветаева М. Неизданные письма. Париж, 1972. С. 330).

Колчак А. В. (1874—1920)—адмирал, возглавлял белое движение в Сибири.

Сиваш—залив Азовского моря.

Галлиполи—город в европейской Турции, пристанище белой армии после гражданской войны.

Таврида—древнее название Крыма.

Геродот (V в. до н. э.)—древнегреческий историк.

Андрей, Остап—герои повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».

Егорий—воин-святой Георгий Победоносец (см. также комментарии к поэме «Крысолов», гл. 1).

Брусилов А. А. (1853—1926)—царский генерал, в 1917 г. верховный главнокомандующий. С 1920 г. в Красной Армии.

Врангель П. Н. (1878—1928)—главнокомандующий так называемой Русской армией в Крыму в 1920 г.

Каин, брат//Где твой?—По библейскому преданию, сын Адама и Евы Каин из зависти и злобы убил своего младшего брата Авеля. Это было первое кровопролитие на земле.

...в тай—тайно.

Лазаря//Не спеть...—Здесь Лазарь—народное имя нищего. Это значение придано ему согласно евангельской притче о богаче и Лазаре, в которой изображается загробная участь праведных и грешных (От Луки, XVI, 19—31). Выражение «петь Лазаря» означает жаловаться на судьбу, говорить о своем нищенстве.

Перекопский Патерик—сборник жизнеописаний героев Перекопа.

С латышами—//Бой!—Имеются в виду дивизии латышских красных стрелков.

Илион—прежнее название города Трои, осажденного и взятого греками (греч. миф.)

Лотошат—от «лотошить» (местн.)—плескаться.

СИБИРЬ

Впервые—в журнале «Воля России» (Прага. 1931. № 3, 4). Печатается по тексту первой публикации.

«Сибирь»—первоначальный вариант пролога к большой несохранившейся «Поэме о Царской Семье», над которой Цветаева работала с конца 20-х до середины 30-х годов (см. фрагменты из поэмы и комментарии в настоящем томе).

«Сибирь» представляет собою самостоятельное произведение, повествующее о возвеличивании и падении сибирских временщиков-правителей, начиная с Ермака; построена на исторических фактах.

Тобольск, «Град царствующ//Сибирь».—Сибирью в старину называлась территория, занимаемая бывшей Тобольской губернией; неподалеку от Тобольска была расположена столица хана Кучума, которая называлась Сибирь, или Искер. До второй половины XVIII в. Тобольск был центром управления всей Сибирью.

Ясак (тат.)—натуральная подать, которой облагались народы Поволжья и Сибири до революции.

Что в рай—что в Пермь.—Пермью, или Перемью, в русских летописях называлась территория к западу от Уральских гор; отсюда началось освоение Сибири. Богатства пермских земель создали представление о них как о райских краях.

Зернь—игра в кости или в зерна (чет-нечет).

Тура—левый приток реки Тобола.

В Покровско-Тушинском монастыре был некоторое время на послушании *Г. Е. Распутин* (Новых; 1872—1916), крестьянин села Покровского, Тюменского уезда, Тобольской губернии,—авантюрист, пользовавшийся безграничным доверием двора и оказывавший большое влияние на государственные дела в правление Николая II.

Иванищу Васильичу—Ивану IV (Грозному; 1530—1584).

Строгановы—фамилия крупных купцов-промышленников, осваивавших Сибирь в XVI—XVIII вв.

Ко дну пошел Ермак.—По преданию, Ермак, завоеватель Сибири, утонул в Тоболе в 1585 г.

Гагарин М. П.—с 1708 г. сибирский губернатор. За казнокрадство и взяточничество был в 1721 г. повешен перед окнами Сената в присутствии Петра I.

Варнак—название ссыльного в Сибири.

Соймонов, жизнь спасший царю... сосланный Анной...—В этих строках говорится о Ф. И. Соймонове (1692—1780)—участнике Азовского похода Петра I, который помог царскому кораблю уклониться от вражеских ядер. После смерти Петра I за участие в заговоре против Бирона, фаворита императрицы Анны Иоанновны (1693—1740), Соймонов был сослан на каторгу в Охотск, по воцарении Елизаветы Петровны помилован и с 1757 г. назначен губернатором Сибири.

Ясен-Фенист—от Финиста—Ясна сокола, героя русской сказки.

Чичерин Д. И. (1720—1785)—сибирский губернатор в 1763—1780 гг.; отличался жестокостью.

Меж Князем Обдорским и Ханом-Вали.—Имеется в виду территория между Обдорским краем (так называлась область в низовьях Оби до Уральских гор) и Киргизией. *Вали*—киргизский хан (1716—1821).

Степь-Бараба—Барабинская степь, через которую проходил Сибирский тракт; при губернаторстве Чичерина произошло окончательное заселение этих земель.

Урема (сибирск.)—поёмный лес и кустарник по берегам рек.

Урман—хвойный лес, тайга.

Сибирский Потемкин//С Таврическим в шаг//Шел.—«Сибирским Потемкиным» Цветаева называет Д. И. Чичерина, сравнивая его с Г. А. Потемкиным (1739—1791), русским государственным деятелем, фаворитом Екатерины II, которому за покорение Крыма (Таврии) был присвоен титул «Таврического».

Меньшикова-Светлейшего... в Березове.—*Меншиков А. Д.* (1673—1729)—русский государственный и военный деятель, генералиссимус, сподвижник Петра I; после его смерти, при Екатерине I, стал фактическим правителем России.

В результате заговора против него (1727 г.) был обвинен в государственной измене и сослан с семьей в город Березов Тобольской губернии, служивший с середины XVIII в. местом ссылки государственных преступников.

Саардамский плотник — Петр I, учившийся в 1697—1698 гг. в голландском городе Саардаме корабельному делу и выполнявший плотницкие работы.

ПОЭМЫ-СКАЗКИ

ЦАРЬ-ДЕВИЦА

Впервые — отдельной книгой в 1922 г. в Москве (ГИЗ). В том же году в Берлине («Эпоха») вышло второе издание, с исправлением опечаток. Печатается по берлинскому изданию с учетом уточнений, внесенных А. С. Эфрон.

Сюжет поэмы заимствован из одноименной русской сказки (собрание Афанасьева, № 232, 233). Цветаева воспользовалась лишь ее первой частью. Вторая часть, со счастливым исходом (Царь-Девица после долгой разлуки соединяется с любимым), опущена. В 1923 г. Цветаева так пояснила главную мысль поэмы в частном письме: «Прочтите „Царь-Девицу"... Где суть? Да в ней, да в нем, да в трагедии разминовений: ведь все любови — мимо... да мой ⟨Царевич⟩ никого не любит... Он любит гусли...»

Кубарь — волчок, юла.

Пророк Моисей!.. — По Библии, Бог явился Моисею в пламени несгорающего тернового куста («неопалимой купины»).

Столб соляной. — Жена Лота (библ.) за ослушание была превращена Богом в соляной столб.

Кто б меня да турманом... — кувырком через голову. — *Турман* — голубь-вертун. Поднявшись на высоту, падает, кувыркаясь через голову, и опять летит вверх.

Михаил-Архистратиг — один из семи архангелов, предводитель небесного воинства в борьбе с темными силами ада.

Неверный разум наш Фомин. — По библейскому преданию, апостол Фома не поверил в воскрешение Христа, пока сам его не увидел и не вложил персты в раны от копья, которым стражи добивали Иисуса.

Шептала — см. комментарий на с. 786.

Самсон с Далилой. — По библейскому преданию, филистимлянка Далила, пленив иудея Соломона, доверившегося ее мнимой любви, обманом лишила его богатырской силы, заключавшейся в его длинных волосах, и предала своим единоплеменникам.

Царь Соломон (библ.) — автор «Книги премудростей» и «Притч».

Иосиф. — По Библии, жена египетского царедворца Патифара пыталась соблазнить Иосифа, молодого раба своего мужа, но тот бежал от нее, оставив в ее руках свою одежду.

Град Содом (библ.) — город, знаменитый крайней степенью греховности своих жителей. По преданию, был уничтожен небесным огнем.

Налой — высокий, покатый стол в церкви, за которым читается Евангелие.

Исайя — один из пророков, живший до появления Иисуса Христа, за ясность и определенность пророчества был прозван ветхозаветным евангелистом. *Исайя ликуй!* — слова из свадебного богослужения.

Чермное море — древнее название Красного моря.

Эбеновый волос — от эбенового дерева, иногда называемого черным деревом. Употребляется для столярных работ.

ПЕРЕУЛОЧКИ

Впервые — Цветаева М. Ремесло. Книга стихов. (Берлин: Геликон, 1923). Печатается по тексту первой публикации.

Поэма написана по мотивам известной былины «Добрыня и Маринка». По былине, ее героиня Марина Игнатьевна, живущая на киевской Игнатьевской улице, — колдунья, чародейка и безнравственная женщина. Сжигая следы Добрыни, она пытается всеми способами приворожить его; однако, после недолгого торжества своей победы, погибает от его карающей руки. У Цветаевой герои поэмы безымянны. Герой абстрактен и пассивен. Героиня не только одерживает победу, она выведена совсем иною — мудрой и сильной, хоть и грешной. Она завораживает «доброго молодца» не только и не столько земными соблазнами, сколько небесными, райскими.

Чабров А. А. (настоящая фамилия Подгаецкий; ок. 1888 — ок. 1935) — актер и музыкант, друг композитора Скрябина; впоследствии уехал за границу, перешел в католичество и стал священником.

MÓЛОДЕЦ

Впервые — отдельной книгой в издательстве «Пламя» (Прага, 1924). Печатается по прижизненному изданию.

Написана по мотивам народной сказки (собрание Афанасьева, № 363) «Упырь». Прекрасная девушка Маруся, роковым образом повстречавшая упыря в обличии доброго молодца, подпадает под его неотразимую власть и своим молчанием — неназыванием нечистого — губит своих родителей, а потом себя. Между тем ей надо лишь назвать «нечистого» по имени, чтобы он навсегда исчез, а она спасла бы себя и своих родных. Но она этого не делает и вот уже, похоронив отца с матерью, умирает сама. Ее хоронят так, как велела старая бабка-колдунья, к которой Маруся перед смертью обратилась за помощью: проносят умершую под порогом и зарывают на перекрестке двух дорог. На ее могиле расцветает прекрасный цветок; его находит проезжающий мимо боярский сын и привозит к себе в дом. Цветок оборачивается красной девицей, она становится женой боярского сына, но ставит условие, что четыре года не будет ходить в церковь. В дальнейшем (мы опускаем подробности) вновь вмешивается добрая колдунья, дает Марусе святой воды, и та, взбрызнув ею нечистого, впервые его называет. Злые чары рассеиваются, нежить рассыпается прахом, а Маруся с мужем и сыном живут долго и счастливо. Так в сказке.

Цветаева не только внесла изменения в сюжетную линию сказки, но полностью переосмыслила ее финал. «Я прочла у Афанасьева сказку „Упырь“, — писала она, — и задумалась, почему Маруся, боявшаяся упыря, так упорно не сознавалась в ею виденном, зная, что назвать — спастись? Почему вместо да — нет? Страх? Но ведь от страха не только забираются в постель — и в окно выбрасываются. Нет, не страх. Пусть — и страх, но еще что-то: Страх — и что? Когда мне говорят: сделай то-то и ты свободна, и я того-то не делаю, значит, я не очень хочу

свободы, значит, мне не-свобода — дороже. А что такое дорогая несвобода между людьми? Любовь. Маруся упыря любила, и потому не называла, и теряла, раз за разом, мать — брата — жизнь. Страсть и преступление, страсть и жертва...

Вот — *моя* задача, когда я бралась за „Мóлодца“. Вскрыть суть сказки данной в костяке. Расколдовать вещь» («Поэт о критике»).

Эпиграф: *«За игру за твою великую, за утехи твои за нежные...»* — слова Морского царя, обращение к Садко в былине «Садко — богатый гость». («Морской царь и Садко»). См. письмо 9 к Б. Пастернаку (т. 6).

Царем бы Давидом бы//В пляс — да с бубнами. — По библейскому преданию, царь Давид, отмечая перенесение святыни своего народа — ковчега Божьего в Иерусалим, плясал перед ковчегом и славил Бога.

Сулея — старинная плоская прямоугольная бутылка.

Ердань (Иордань) — прорубь в водоеме для совершения обряда во время христианского праздника Крещения.

Крин (древ.-рус.) — лилия.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ЧЕРВОННЫЙ ВАЛЕТ

Впервые — «Новый журнал» (Нью-Йорк. 1974. № 115). Печатается по тексту первой публикации в СССР: Цветаева М. Театр. М.: Искусство, 1988.

Эль-Каляо (El Coleo) — оазис на юге Алжира.

Куртаж — плата посреднику за труд.

Кира побеждает Крез. — *Крез,* лидийский царь, в войне против персов в 546 г. до н. э. попал в плен и был приговорен к сожжению на костре; здесь он постиг истину суждения афинского законодателя Солона, утверждавшего, что никого нельзя назвать счастливым при жизни и воскликнул: «О, Солон!» *Кир* II, глава персов, узнав причину этого восклицания, даровал Крезу жизнь и свободу.

МЕТЕЛЬ

Впервые — в газете «Звено» (Париж. 1923. 12 февраля). Печатается по изданию: Цветаева М. Избранные произведения. М.; Л.: Сов. писатель, 1965.

ФОРТУНА

Впервые — в журнале «Современные записки» (Париж. 1923. № 14, 15). Печатается по тексту первой публикации.

Пьеса посвящена личности и судьбе известного французского политического и военного деятеля Армана-Луи Бирона-Гонто, герцога Лозена (1747—1793). Свой жизненный путь герцог начал на «коленях фаворитки короля» Людовика XV маркизы де Помпадур, а окончил его на гильотине в звании главнокомандующего республиканских армий. На фоне ряда исторических фактов биографии Лозена Цветаева дает свою трактовку героя. Ее Лозен (Лозэн) — некий объект всеобъемлющей, всепрощающей женской любви во всех ее оттенках — от увлече-

ния до страсти; он лишь... «самой Любви младой военнопленный», «любовный герой, женщин — герой, обаяние слабости. Все женщины, от горничной до королевы, влюблены в него одинаково: чуть-чуть матерински...» Эта запись в черновой тетради «Фортуны» с достаточной ясностью определяет замысел автора.

В свою пьесу Цветаева ввела факты, почерпнутые из «Мемуаров» Лозена. Все цитаты из них даны в переводе А. С. Эфрон, сделанном по изданию: Mémoires du duc de Lauzun. Paris: A. Foryard, 1906.

Картина первая

Эпиграф: *...sur les genoux de la maîtresse du Roi...* — Маркиза де Помпадур (1721 — 1764) — фаворитка короля Людовика XV, покровительствовавшая отцу Лозена, — приняла живейшее участие в воспитании его сына, оставшегося без матери.

...в отеле графов... — Отель — здесь: особняк, дворец.

Как наша графиня? — Мать Лозена, Антуанетта Кроза дю Шатель (1728 — 1747), шестнадцати лет вышла замуж за маркиза Шарля-Антуана де Гонто де Бирона; умерла через три дня после рождения сына, в возрасте девятнадцати лет.

А сам? — Отец Лозена — маркиз Шарль-Антуан де Гонто де Бирон (1700 — 1788), маршал Франции, один из приближенных маркизы де Помпадур.

Картина вторая

Эпиграф — слова, сказанные маркизой д'Эспарбэс при разрыве со своим семнадцатилетним возлюбленным, Лозеном («Мемуары» Лозена, гл. 1).

Маркиза д'Эспарбэс — кузина и подруга маркизы де Помпадур; в 1764 г. ненадолго увлекается Лозеном. «Она была маленького роста, рыжая, близорукая, с неяркими голубыми глазами; но зато у нее был ослепительный цвет лица, очаровательные руки, а рот и зубы — совершенство» (там же).

Герцог Лозэн. — Герцогский титул Лозен получает два года спустя после описываемых событий, в 1766 г.

Незаменимы как кузен... — Лозен и д'Эспарбэс не состояли в родстве.

Кондэ — принц Луи Жозеф Конде (1736 — 1818), один из приближенных Людовика XV, впоследствии оказавшийся в оппозиции к нему.

Взойду, взгляну и побежду... — перифразированные слова Юлия Цезаря: «Пришел, увидел, победил», — которыми он объявил сенату о своей победе, одержанной в 47 г. до н. э. над Фарнаком Понтийским.

Елена (греч. миф.) — прекраснейшая из женщин, дочь Зевса и Леды.

Картина третья

Эпиграф — слова Изабеллы Чарторийской Лозену («Мемуары» Лозена, гл. 5).

Пованское — имение Чарторийских.

...тридцатилетняя княгиня Изабэлла Чарторийская. — Изабелла Фортуната Чарторийская (1743 — 1835). Лозен знакомится с ней в Англии в 1773 г.; сначала между ними завязываются чисто дружеские отношения, но вскоре Лозен всерьез увлекается Изабеллой, следует за ней в Бельгию, Голландию, Францию и, наконец, в Польшу; дружба их перерастает в полный драматизма роман.

Палатинский принц — герцог Филипп Орлеанский (1674—1723), сын принцессы Шарлотты-Елизаветы Палатинской. Герцог отличался широтой поступков.

...светлейший князь||Адам... — муж княгини Изабеллы, князь Адам-Казимир Чарторийский (1731—1823), претендент на польский трон, который он, по желанию Екатерины II, вынужден был уступить своему кузену, Станиславу-Августу Понятовскому, в 1764 г.

— *Что сын?* — Имеется в виду родившийся в 1774 г. и умерший в младенчестве сын Изабеллы Чарторийской, отцом которого, по мнению современников, был Лозен. Чтобы присутствовать при рождении этого ребенка, Лозен, несмотря на запрет Изабеллы, тайно приезжает из Франции в Пованское и скрывается в чулане, примыкающем к комнате его возлюбленной, все время, пока длятся роды.

...Начальника королевских гвардий. — Благодаря связям своего отца и покровительству госпожи де Помпадур двенадцатилетний Лозен был приписан к привилегированному полку французской гвардии, последующее командование которым было ему обещано Людовиком XV.

«Ars amandi» — книга любовных элегий, посланий и иронических дидактических поэм Овидия (43 г. до н. э.—ок. 18 г. н. э.).

— *Он был ее чтецом?* — Лозен подростком вел переписку госпожи де Помпадур и читал ей вслух.

Тысячу верст галоп! — Описываемый Цветаевой приезд Лозена к княгине Чарторийской произошел, судя по его мемуарам, на несколько месяцев раньше рождения ее сына, о котором идет речь в этой картине. В начале 1774 г. Изабелла признается мужу в своей любви к Лозену и от потрясения, вызванного тяжелым признанием, заболевает. Узнав об этом, находившийся во Франции Лозен едет в Польшу, приезжает в Пованское ночью, перелезает через ограду замка («К счастью, собаки узнали меня и не лаяли!» — вспоминает он) и проникает в комнату Изабеллы с помощью ее служанки. Княгиня Чарторийская, нисколько не удивленная, восклицает: «Я вас ждала!»

Что князь Репнин?|| — Простил. — Князь Николай Васильевич *Репнин* (1734—1801), дипломат и военный, с 1763 года — посол Екатерины II в Польше. Убедившись в силе чувства Изабеллы, которую страстно любил, к Лозену, покидает Польшу и возвращается в Россию.

Начнемте с леди Сарры. — В 1767 г. у Лозена был роман с замужней англичанкой леди Саррой Бэнбэри, окончившийся после того, как Лозен ответил отказом на предложение леди Сарры бежать с ним на остров Ямайка и поселиться там навсегда.

Петиметр — франт, щеголь.

...будет тебе трон||Польши... — Лозен никогда не претендовал и не имел никаких оснований претендовать на польский трон.

Доклад||Мы тотчас настрочим Екатерине. — В 1774 г. Лозен составляет доклад о политической ситуации в Польше, разделенной в 1772 г. между Австрией, Россией и Пруссией, в котором излагается мысль о целесообразности для России изменить прусскую ориентацию и вступить в союз с Францией. Доклад этот, направленный Лозеном князю Чарторийскому и русскому посланнику в Польше Штакельбергу (1736—1800), заинтересовывает Екатерину II. Переговоры о франко-русском объединении подготовляются Лозеном в течение трех лет, но его усилия ни к чему не приводят по вине королевы Франции Марии-Антуанетты и ее окружения.

Картина четвертая

Эпиграф: *«Vous êtes ma reine, la Reine de France!»* — Приближенные королевы Марии-Антуанетты (1755—1793), враждебно относившиеся к Лозену за его попытки вмешательства во внешние дела Франции и боявшиеся его влияния на королеву, которую он мечтал вывести на широкую политическую арену, участили на него нападки. Лозен приводит в своих мемуарах следующий диалог между ним и Марией-Антуанеттой: «Неужели вы думаете, что я не сумею защитить вас?» — сказала королева. — «Я осмелюсь умолять ваше величество, осмелюсь даже потребовать как единственную награду за мою безусловную преданность, чтобы вы не компрометировали себя подобной защитой: я сам сумею постоять за себя!» — «Неужели вы хотите, чтобы я проявила трусость?.. Нет, господин Лозен, дело наше — общее, и погубить вас невозможно, не погубив меня!» — «Ах, сударыня, могут ли частные интересы одного из ваших подданных идти в сравнение с интересами королевы?.. Вы — моя королева, вы — королева Франции!»

Трианон (Большой и Малый) — дворцы, построенные в Версале при Людовике XIV и XV; в царствование Людовика XVI — резиденция королевы Марии-Антуанетты.

... в... наряде «La Reine Laitiere»... — В трианонском парке были построены здания «королевской фермы» (мельница, коровник и прочее), в которых Мария-Антуанетта и ее придворные, одетые в «простые» наряды, изображали «поселян».

Шенбрунн — королевский дворец, построенный в Вене в 1695—1749 гг.; в нем австрийская принцесса Мария-Антуанетта, будущая королева Франции, провела первые годы жизни.

Как аглицкий жокей? — ...//Как новый конь? — По «Мемуарам», во время своего пребывания в Лондоне в 1773 г. Лозен увлекается конными бегами, еще неизвестными во Франции.

Граф д'Артуа — на польский трон... — Имеется в виду неосуществившийся план воцарения в Польше французского принца королевской крови графа д'Артуа, который принадлежал к враждебной Лозену придворной группировке; об этом плане сообщила Лозену Мария-Антуанетта, так же как о своем нежелании участвовать в политических интригах своих приближенных.

Союз... Меж//Антуанэттой — и Семирамидой! — Северная Семирамида — прозвище, данное Вольтером Екатерине II. Лозен переписывался с русской императрицей и пытался склонить Марию-Антуанетту к политическому сближению с Россией.

Екатерина вас звала?.. Зовет. — Лозен, сообщивший Екатерине II о нежелании Марии-Антуанетты ориентировать политику Франции на сближение с Россией и о трудном положении, в котором он оказался при французском дворе из-за враждебного к себе отношения приближенных королевы Франции, получил от русской императрицы письмо с предложением принять командование группой войск в России.

...перо//Вы подарите мне на память? — Согласно «Мемуарам», перо белой цапли с каски Лозена, подаренное им Марии-Антуанетте по ее просьбе и украсившее ее прическу, было замечено врагами Лозена и послужило поводом к дальнейшему обострению его взаимоотношений с могущественной придворной кликой, возглавляемой герцогом Куаньи и графиней Полиньяк.

Эгрет — перо, украшение на дамской шляпе.

Чуть из лесу — //Замки чинить! — По свидетельству современников, Людовик XVI не увлекался ничем, кроме охоты и слесарного дела.

Как скучен мне король французов!.. — Брат Марии-Антуанетты, австрийский император Иосиф II (1741—1790), отзывался о Людовике XVI как о человеке, «лишенном любознательности, хоть и неглупом; без малейшей тяги к знаниям; погруженном душой и телом в глубочайшую апатию».

Чтобы слишком крупной//Тайком от короля игры//Не затевали б... — При дворе Людовика XVI увлечение азартными играми приняло эпидемический характер. Мария-Антуанетта со своими приближенными проигрывала за карточным столом целые состояния; после одиннадцати вечера, когда король укладывался спать, дворцовые гостиные превращались в игорные притоны.

Картина пятая

Эпиграф. — Источники (по-видимому, апокрифичные), откуда были заимствованы «последние слова» Лозена, не установлены.

Тюрьма Сент-Пелажи — тюрьма для политических преступников, существовавшая в Париже с 1792 по 1899 г.

Грэвская площадь — площадь в Париже, на которой во время французской революции происходили казни.

...рукой Самсона... — Самсон — палач, приводивший в исполнение приговоры революционного трибунала.

Цветком лилеи//Играл ребенком. — Цветок лилии — эмблема Бурбонов.

За что умрешь сегодня? — За Вандею? — Лозен командовал республиканской армией, посланной на усмирение контрреволюционной Вандеи.

Что, взвешен быв, был найден слишком легким... — Перифразированный библейский текст из пятой главы Книги пророка Даниила.

За нашу встречу, доктор Гильотэн! — Гийотен Жозеф-Иньяс (1738—1814) — профессор анатомии при Парижском университете; изобретатель гильотины.

Для работы черной//Стакан вина хорош. — По легенде, дошедшей до наших дней, некий Бенье, находившийся в одной камере с Лозеном, вспоминал, что Лозен предложил пришедшему за ним палачу стакан вина, сказав при этом: «Выпей, при твоей работе тебе это должно быть кстати!» И, обратившись к своим товарищам по камере: «Все кончено, господа, я отправляюсь в дальний путь».

КАМЕННЫЙ АНГЕЛ

Впервые — в кн.: Цветаева М. Неизданное. Стихи. Театр. Проза. Париж: YMCA — PRESS, 1976. Печатается по тексту первой публикации в СССР: Цветаева М. Театр. М.: Искусство, 1988.

Пьеса посвящена Софье Евгеньевне Голлидэй (1894—1934), актрисе и чтице, ученице Вахтангова, с которой Цветаева дружила в 1919—1920 гг. С. Е. Голлидэй вдохновила поэта на создание образов Розанэтты в пьесе «Фортуна», Девчонки в «Приключении», Франциски в «Фениксе», Авроры в «Каменном Ангеле». Ей же Цветаева посвятила стихотворный цикл, озаглавленный «Сонечке Голлидэй», и большую прозаическую вещь «Повесть о Сонечке».

Эпиграф: из стихотворения Цветаевой «Бог согнулся от заботы...». См. т. 1.

Курфюрст (нем.) — князь, обладающий правом избирать императора Священной Римской империи.

Портшез — небольшие носилки в форме стула.

Меркурий (рим. миф.) — бог торговли, покровитель путешествий, то же, что у древних греков — Гермес.

Постой, одна//Сандалия как будто развязалась,//Дай, завяжу... — от выражения «недостоин развязать ремни его сандалий», восходящего к словам из Евангелия, принадлежащим Иоанну Крестителю: «Идет за мною сильнейший меня, у которого я недостоин, наклонившись, развязать ремень обуви его» (Евангелие от Марка, гл. 1).

А помнишь Фому? — См. комментарий на с. 789.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Впервые — в журнале «Воля России» (Прага. 1923. № 18—19). Печатается по тексту первой публикации.

Пьесы «Приключение» и «Феникс» вдохновлены личностью и судьбой легендарного авантюриста XVIII в. венецианца Джованни Джакомо Казановы (1725—1798).

Джакомо Казанова де Сейнгальт (дворянский титул он себе присвоил) — сын актера Гаэтано Казановы и дочери сапожника, впоследствии комедиантки Дзанетты Фарусси. К шестнадцати годам он изучил право, а в семнадцать защитил диссертацию по юриспруденции; решил принять духовный сан, но был исключен из семинарии за любовные похождения; поступил на службу к кардиналу Аквавива, но вскоре сбежал от него на военную службу и отправился скитаться по свету, преображаясь в зависимости от обстоятельств то в праведника, то в бретера, то в лекаря, то в игрока, то в чернокнижника, то в дипломата, побывал в Риме, Неаполе, Корфу, Константинополе, завязывая и распутывая любовные и деловые интриги. По возвращении в Венецию был заключен за обман, чернокнижие и богохульство в тюрьму дель-Пьомбо, откуда совершил в 1756 г. неслыханный по дерзости побег, уведя с собой через разобранную кровлю также заключенного в эту тюрьму священника Бальби.

Объездив Австрию, Россию, Польшу, Германию, Швейцарию (где встречался с Руссо и Вольтером), Францию, Англию, Испанию, Голландию, пережив несчетное количество приключений, в 1774 г. Казанова ценой штатного сотрудничества с инквизицией получает разрешение возвратиться в Венецию, которую вынужден покинуть навсегда в 1783 г. из-за скандала, вызванного публикацией его сатирического романа «Ни любви, ни женщины, или Очищенные конюшни» (1782).

В 1785 г., исчерпав все возможности авантюриста, Казанова становится библиотекарем в богемском замке Дукс, где умирает в июне 1798 г. в возрасте семидесяти трех лет.

Сюжет первых четырех картин «Приключения» — подлинная история, рассказанная Казановой в его «Мемуарах» (см.: Casanova J. de Seingalt. Mémoires. V.1—11. Paris: Edition de la Siréne. 1924—1932). Пятая картина полностью вымышлена. Добиваясь исторической достоверности, Цветаева подчас следовала мельчайшим деталям «Мемуаров», воссоздающим реальную обстановку, в которой протекало действие. «...В „Приключении“ я, в виду неизящества позы и громоздкости предмета, чуть было не заменила виолончель — скрипкой, но... *в жизни* была виолончель! И, укротив себя, не раскаялась: виолончель больше душа, чем скрипка, виолончель наисовершеннейшее воплощение души, за виолончелью мы забываем вид и позу, слушая — *не глядят*», — писала она в 1919 г.

Однако в то же время Цветаева несколько романтизировала образы главных героев, в некоторых случаях отступая от фактов, изложенных Казановой, при-

внесла собственные мотивы и акценты и устранила тривиальные подробности и ситуации, описанные в «Мемуарах».

Картина первая

Капля масла. — Название картины, так же как и привнесенные Цветаевой обстоятельства встречи Казановы и Генриэтты, навеяны эпизодом из рассказа об Амуре и Психее Апулея («Метаморфозы». Кн. 5). Желая увидеть скрытые от нее черты влюбленного в нее Амура, Психея склоняется над ним, спящим, держа в руке светильник. Капля масла, пролившаяся из светильника, пробуждает Амура.

«Значенье звезд». — «Семь спутников скелета». — Вымышленные Цветаевой названия книг по астрологии и черной магии.

Асмодей (б и б л.) — демон-вдохновитель «нечистых» страстей.

Над скольких Ариадн — стою — Тезеем?! — Намек на непостоянство Казановы: по древнегреческому мифу, Тезей покинул свою возлюбленную Ариадну.

Ле-Дюк. — Слуга Казановы Ле-Дюк, часто упоминаемый в «Мемуарах», был нанят им позднее описываемых в пьесе событий и, следовательно, не мог в них участвовать.

Сбирры (и т.) — полицейские.

Лепорелло — слуга Дон-Жуана.

Картина вторая

...никак не ниже десяти цехинов. — В «Мемуарах» Казановы ни о каком денежном «вознаграждении» Генриэтта не упоминает даже в шутку.

Мессэре (и т.) — сударь.

Одно — цвета месяца,//другое — цвета зари! ...Цвета Времени — Плащ. — Заимствовано из сказки Ш. Перро (1628—1703) «Ослиная шкура», в которой фигурируют платья «цвета месяца и зари» и плащ «цвета времени».

Дрались с польским временщиком... — Этого эпизода в «Мемуарах» нет. Речь идет о дуэли Казановы с Ф. К. Браницким в 1766 г. Эпизод нашел отражение в рассказе Казановы, опубликованном в альманахе «Литературная смесь» (1780) на итальянском языке.

Я жил тогда, недели три назад... — В изложении рассказа Капитана Цветаева в основном следует «Мемуарам», несколько романтизируя образ Генриэтты.

Чивите-Веккия — оживленный в то время порт в Италии.

Чезена — итальянский город, славившийся библиотеками и художественными редкостями, а также вином.

...В нашем замке нагадала лесничиха... — О знатности своего рода Генриэтта упоминает только однажды, в разговоре с Дюбуа-Шательро, намекая на то, что по своему происхождению могла бы быть представлена ко двору.

Картина третья

Фарусси — девичья фамилия матери Казановы, которую он носил, когда желал скрыть свою собственную. Французский гость намекает на эпизод, рассказанный в «Мемуарах», когда Казанова «почти срывает банк» во время карточной игры у актрисы Нариччи, накануне встречи с Генриэттой.

Когда б//Сам Цицерон... — «Суждения Генриэтты превосходили Цицероновы в его „Тускуланах“», — писал Казанова о красноречии своей возлюбленной.

...девяти Сестер бессмертных... — девяти муз, покровительниц искусств у древних.

Челлини Бенвенуто (1500—1571) — флорентийский ваятель и золотых дел мастер, автор непревзойденных по изяществу ювелирных изделий и медалей.

— А кто ее Парис? — Французский посол сравнивает Генриэтту с прекрасной Еленой.

Аббатишко разжалованный... — По настоянию своей семьи Казанова в юности учился в семинарии и в 1740 г. получил звание аббата.

Вулкан с Венерой... — Красавица Венера, богиня любви у древних римлян, и ее супруг Вулкан, хромой и кривоногий кузнец, бог огня и металла, часто изображались художниками Возрождения рядом. Уродство Вулкана подчеркивало красоту Венеры; по такой же аналогии французский посол называет красавицу Диану и козлоногого уродца Фавна.

Весы — астрологический знак сентября; подразумевается, что Генриэтта родилась в сентябре, «под знаком Весов».

...заведены часовщиком Спинозой. — В «Мемуарах» Казанова приводит высказывания Генриэтты, свидетельствующие о ее увлечении учением великого голландского философа Б. Спинозы (1632—1677).

...Прекрасный Сандро. — Молодой виолончелист, названный Цветаевой именем Сандро, упоминается Казановой в его «Мемуарах».

...виолончель, душа моей души? — Казанова вспоминает, что Генриэтта, прослушав концерт виолончелиста, взяла его инструмент и, читая ноты с листа, повторила сыгранное им с бóльшим мастерством, чем сам концертант. Потрясенный неведомым ему талантом Генриэтты, Казанова вскоре после вечера подарил ей виолончель.

Лаири — ученица! — В «Мемуарах» нет сведений о преподавателе музыки Генриэтты.

Где письмо?|| — А! Семь печатей! — Письмо, вынудившее Генриэтту расстаться с Казановой, было ею получено вскоре после вечера, описываемого в третьей картине.

Картина четвертая

Мингер (гол.) — господин.

Когда-нибудь, в старинных мемуарах... до слов *...как я, такая ж...* — В пьесе «Феникс» эти слова Генриэтты Казанова читает в ее письме (см. с. 540).

Картина пятая

Платонова родная половина! — Имеется в виду философский миф, изложенный в диалоге Платона «Пир». Некогда существовал род людей, соединявший в себе мужские и женские признаки, но боги рассекли каждого из них на две половины и разбросали по свету. С тех пор эти половины тянутся друг к другу. Это влечение есть Эрос.

ФЕНИКС

В 1922 г. частное издательство «Созвездие» выпустило в Москве одно лишь третье действие пьесы Цветаевой под названием «Конец Казановы. Драматический этюд». Полностью пьеса была опубликована в журнале «Воля России» (Прага. 1924. № 8—9), по тексту которого она и печатается.

Пьеса «Феникс» посвящена последнему периоду жизни Казановы, когда уставший от бесконечных скитаний, утративший веру в себя и в свою счастливую звезду старый искатель приключений нашел приют в богемском замке Дукс, где исполнял в течение тринадцати лет, до самой смерти, обязанности библиотекаря у графа Вальдштейна, владельца замка.

Граф Вальдштейн, ведший светский образ жизни, постоянно разъезжавший из одной европейской столицы в другую, был редким гостем в собственном замке, и Казанова вскоре оказался осужденным на общество невзлюбившей его за́мковой челяди. О пребывании Казановы в Дуксе почти не сохранилось упоминаний в мемуарной и эпистолярной литературе конца XVIII в., за исключением страниц, посвященных ему принцем Шарлем-Жозефом де Линем (1735—1814) в его «Исторических и военных записках и очерках» (Mémoires et mélanges historiques et militaires. V. 4. Paris, 1828). Именно эти страницы и помогли Цветаевой создать образ престарелого Казановы, воскресить обстановку, в которой происходит его последняя — вымышленная Цветаевой — встреча с Любовью.

Образ старого Казановы, «величественного, гордого, смешного, но никогда не жалкого в постигшем его непоправимом бедствии — старости» (запись Цветаевой 1919 г.), навеян был А. А. Стаховичем. В прошлом актер, он преподавал студийцам МХТ уроки «хороших манер», выправки, осанки. Ощущая себя одиноким и ненужным, А. А. Стахович в марте 1919 г. оборвал свою жизнь.

По Цветаевой, Казанова, не желая встречать новый, XIX в., уходит в полночь, в тьму, в мороз и в смерть; поэт сознательно смещает даты. На самом деле в 1799 г. Казановы уже не было в живых.

Картина первая

Оршад (фр.) — миндальное молоко с водой и сахаром.

Полента — ячменная каша, смешанная с мукой. У древних римлян считалась пищей плебеев и солдат.

Каплун — кастрированный петух, откармливаемый на мясо.

Мне сам король||Людовик доверял контроль! — В 50-е годы XVIII в., в царствование Людовика XV, Казанова был близок к придворным кругам Франции и занимался финансовыми операциями, а также выполнял секретные задания французского правительства.

Картина вторая

Рондо — старинная французская форма стихотворения в тринадцать строк. Цветаева несколько нарушает порядок их чередования.

Парни Эварист (1753—1814) — французский поэт, автор «Эротических стихотворений».

...и корсиканцев — в Нотр-Дам! — Корсиканец Наполеон Бонапарт был помазан на царство папой Пием VII в соборе Парижской богоматери (Нотр-Дам де Пари). Коронация Наполеона произошла в 1804 г., то есть через пять лет после описываемых в пьесе событий.

Всех Немезид пылающая ярость... — Немезида (греч. миф.) — богиня возмездия и справедливости.

Терпсихора (греч. миф.) — муза танца.

Сады Ленотр... — Андре *Ленотр* (1613—1700) — известный французский архитектор, мастер садово-паркового искусства; создатель регулярного (французского) типа парка.

Про Рим//И хижину есть изреченье. — Слова, приписываемые Юлию Цезарю, о том, что лучше быть первым в хижине, нежели последним в Риме.

Ребенок странный... — Здесь Цветаева с почти абсолютной точностью воспроизводит эпизод из детства Казановы, которым он начинает свои мемуары.

Картина третья

Но люблю я одно: невозможно. — Эпиграф к третьей картине взят из стихотворения Иннокентия Анненского (1856—1909) «Невозможно» (1907).

...настольный Ариосто... — Речь идет о поэме итальянского поэта Лудовико Ариосто (1474—1533) «Неистовый Роланд». Сохранилось французское издание этой книги (Roland Furieux. Trad. de h'Arioste. Paris, 1847) из библиотеки М. Цветаевой с владельческой надписью на книге и датой ее приобретения — *16 октября 1909 г.*

Фиалками звались? — В итальянском городе *Парме* выращивали знаменитый сорт фиалок, в *Голландии* — тюльпаны, в *Лионе* изготовляли искусственные цветы из шелка.

...Впервые в тратах возмещен! — Далее в рукописи 1919 г. шло:

Так, доблестно свершив судьбу,
Фюить — дымовым столбом в трубу!

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

Друг Джиакомо! Вы — мудрец...
Любовное письмо — что веник
Сухой, но бог Амур — что Феникс!
Как бы из пепла не воскрес!
— Смотрите!

КАЗАНОВА

На заре веков
Мы все охотники до басен.
Но времечко прошло. — Каков?
Хорош?

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ
(очень серьезно)

Нет, не хорош — прекрасен!

КАЗАНОВА
(указывая на свои волосы)

А что сие?

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

Скажу.

КАЗАНОВА
(вызывающе)

Скажи!

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

Цвет всех белых апрелей. — Пудра.
Из пудреницы госпожи
Фортуны.

КАЗАНОВА
(указывая на морщины)

А сие, премудрый?

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

Их уподоблю колее,
Проложенной в набегах частых
Ее же колесом...

КАЗАНОВА
(оскаливая ряд восхитительных зубов, где не хватает клыка)

Сие?

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ
(в замешательстве)

Сие?

КАЗАНОВА

Волк без клыков! Красавчик
Хорош! — За нежное лганье
Спасибо. — Не судите строго,
Коль я...

КНЯЗЬ ДЕ ЛИНЬ

Позвольте, а белье
Вы тоже в печку? (и т. д.)

Валленштейн (Вальдштейн) Альбрехт (1583—1634) — германский имперский главнокомандующий в Тридцатилетней войне. Копье, которым он был убит, хранилось в замке его потомка как реликвия.

Шталмейстер (нем.) — придворный чин, заведующий царскими конюшнями.

...Тасса//Вещаю... — *Тассо* Торквато (1544—1595) — итальянский поэт.

Визави — двухместная карета.

Небезызвестная мне дата! — Казанова родился в 1725 г.

...внимал ему фернейский бог! — С «фернейским богом!» — Вольтером (1694—1778) — Казанова познакомился в 1760 г. Казанова декламировал ему отрывки из «Макароникона», комического трактата поэта Т. Фоленго (1496—1544). Свои произведения Фоленго писал на смеси итальянских простонародных диалектов и латыни; этот стиль получил название «макаронического».

...За царьком всесильным... — то есть за Амуром, богом любви.

Рак — без клешней, рак — красный, рак — дурак! — Далее Цветаева вычеркнула сон Франциски о бессмертной птице Феникс:

А я умру! — Птиц видеть — не к добру!
Иду: костер горит, ну, я — к костру,

Ну и потух! — А из золы — петух,
Нет, не петух — павлин! — И черный дым:
И вдруг — павлин — фонтаном золотым,
— Снопом! — Столбом! — уж не павлин — орел,
В ночь, в небеса...

КАЗАНОВА

Уже твой сон сбылся.

ФРАНЦИСКА

Не умерла ж!

КАЗАНОВА

Нет, нет, мой мальчик пылкий.
И не умрешь!

...жили-были двое. — Здесь Казанова пересказывает один из эпизодов «Божественной комедии» Данте, кончающийся словами: «И в этот день мы больше не читали».

...бросают в Адриатику кольцо... — Правители Венеции, дожи, приносили своеобразную присягу в верности республике, «обручаясь» с Адриатическим морем.

Но никого я так, и никогда так... — Далее в рукописи следовал монолог Казановы:

Послушай, странная краса,
Вот мой последний сказ:
Осталось Веку — полчаса,
А мне — быть может — час.

На перекрестке двух веков
Сошлися стар и млад.
Эй, кони, не жалеть подков!
Мчать на старинный лад!

Что это там? — Где? — Впереди!
И щит: цветок и гроздь.
Харчевня «Счастье». — Осади! —
Я в ней желанный гость.

Седой привратник «Время» бдит.
«Эй, господин, свой вид!
В харчевне «Счастье» вам кредит
Давным-давно закрыт».

— А ради этих юных глаз
Не пустишь? — «Не бывать.
Года не вышли. Им у нас
Раненько гостевать!

Туда ж полночный сыч слепой!
Опять должать готов!»
И — наотмашь — меня стопой
Харчевенных счетов!

И будет у тебя дружок:
Кровь с молоком — гусар!
И будет у тебя ожог
Здесь —
(указывает на рот)
а вот здесь —
(указывает на сердце)
пожар!

...с седым//Венецианским львом. — Здесь венецианец Казанова отождествляет себя с львом св. Марка, изображенным на гербе Венецианской республики.

АРИАДНА

Впервые — в журнале «Версты» (Париж. 1927. № 2) под названием «Тезей». Печатается по журнальному варианту с мелкими исправлениями, сделанными автором в 1940 г.; тогда же было дано и новое название.

Летом 1923 г. Цветаевой была задумана драматическая трилогия под названием «Гнев Афродиты». Главный персонаж трилогии — герой древнегреческой мифологии Тезей (Тесей), счастливый в подвигах и роковым образом несчастливый в любви на протяжении всей своей жизни. Сюжетом первой части трилогии послужил миф о Тезее и Ариадне.

Эгей, царь афинский, когда-то явился причиной гибели Андрогея, сына критского владыки Миноса. Он становится вечным его данником и обязан каждый год посылать семерых лучших афинских юношей и семерых девушек в жертву кровожадному чудовищу Минотавру, обитающему в критском лабиринте. Тезей, сын Эгея, добровольно отправляется вместе с «жертвами» на остров Крит. Там он сражается с Минотавром и убивает его мечом, врученным ему Ариадной, дочерью Миноса. Ариадна дает Тезею также нить, при помощи которой он выходит из лабиринта. Полюбив Тезея, Ариадна соглашается стать его женой и уезжает с ним. На острове Наксос, куда причаливает корабль Тезея по дороге в Афины, бог Дионис (Вакх) убеждает Тезея уступить ему Ариадну, обещая ей бессмертие, если она станет женой небожителя. Тезей уступает Дионису и покидает спящую Ариадну. Скорбь Тезея настолько велика, что, приближаясь к Афинам, он забывает выполнить условие, о котором договорился с отцом, отправляясь на Крит: сменить черные паруса (символ скорби, если он погибнет) на белые (знак благополучного возвращения). Увидев на горизонте черные паруса, Эгей решает, что сын погиб, и бросается в море.

Причину дальнейших несчастий Тезея, злой рок, тяготеющий над ним, Цветаева объясняет проклятием Афродиты, богини любви, чей гнев Тезей навлек на себя, изменив ее любимице Ариадне. «Тезей проклят Афродитой и должен, одно за другим, терять все, что любит», — записывает Цветаева. Вот как она представляла себе ход сюжета всей трилогии:

«Тезей, спасенный Ариадной, увозит ее на остров Наксос и там, по велению Диониса, покидает. По возвращении его с Наксоса врывается враждебное племя амазонок, осаждают город и убивают Антиопу (жену). Возмездие первое.

Тезей женится на Федре, сестре Ариадны, в дни Наксоса малолетней.

Встреча Федры с Ипполитом.

Ненависть Ипполита к Федре. Ненависть к сестре *той*, — Ариадны, из-за которой (возмездие богини Тезею) Антиопа — погибла.

Гибель Федры и Ипполита...»

«...Афродита, разгневанная «изменой» Тезея Ариадне, омрачает его страстью к Федре, затем к Елене. Тезей погибает из-за Елены: согласно преданию, он, получив по жребию Елену, идет с другом похищать у Плутона Персефону. За это время братья увозят Елену и чужой царь овладевает его царством».

Части трилогии должны были называться по именам женщин, которых любил Тезей: первая часть — «Ариадна», вторая часть — «Федра», третья

часть — «Елена». «Ариадна: юность Тезея: восемнадцать лет; Федра: зрелость Тезея: сорок лет; Елена: старость Тезея: шестьдесят лет».

В процессе работы над трагедией «Ариадна» Цветаева изменила название всей трилогии. «Нельзя «Гнев Афродиты», потому что... так может называться явно-плохая вещь. Лучше просто — Тезей», — записывает она.

Картина первая

Семь утренних звезд... Семь доблестных львят... — Речь идет о жертвах, отправляемых к Минотавру.

В Дельфы царь — к вещим камням. — В городе Дельфы находился знаменитый оракул.

Посейдонова кость. — Согласно одной из версий предания, Тезей был сыном бога моря Посейдона.

...пятьдесят сыновей Палладия... — Сыновья брата Эгея, Палладия (Палланта), узнав, что Эгей объявил Тезея наследником царства, подняли мятеж. Цветаева смещает хронологию предания, ибо, по мифу, Тезей перебил всех «паллантидов» еще до своего путешествия на Крит к Минотавру.

Картина вторая

Гекатомбы — громадные жертвы.

...к одру пригвоздить Прокруста? — Подвиг, совершенный Тезеем по пути к отцу в Афины (до событий, излагаемых в трагедии Цветаевой): Тезей убил великана-разбойника Прокруста на его собственном ложе, на котором тот калечил и убивал своих жертв.

Химера — в греческой мифологии чудовище с изрыгающей огонь львиной пастью, хвостом дракона и туловищем козла.

Картина третья

...слышней Харон//Воду веслом задевает Стиксову. — *Харон* — см. комментарий на с. 779.

Стикс (греч. миф.) — река в царстве мертвых.

...Дедала детище... — Имеется в виду лабиринт, построенный, по мифу, Дедалом — великим скульптуром, художником и зодчим из Афин.

Соль! Волна! — По преданию, Афродита рождена из морской пены.

...розы вослед... — Роза — один из атрибутов Афродиты.

Пеплум — плащ.

Судьбы твоей волокна... — Судьбы человеческие прялись, по представлению древних греков, богинями судьбы Мойрами (Парками — у древних римлян).

...Дафны//Трепетом... — Дочь речного бога Пенея, Дафна, убегавшая от преследовавшего ее Аполлона, была превращена отцом в лавровое дерево.

Пеннородная — Афродита.

Картина четвертая

Тук — жир, сало.

Лен да понудят прясть//Женские козни! — Имеется в виду миф о Геркулесе: проданный в рабство Гермесом лидийской царице Омфале, Геркулес должен был прясть и ткать вместе с ее служанками.

Огненный сын Семелы... В утробе мужской догрет... Но дважды узревший свет. — По преданию, Вакх (Дионис) был сыном Зевса и Семелы, дочери фиванского царя Кадма. Когда Зевс по совету ревнивой супруги Геры явился Семеле в обличье бога-громовержца, Семела погибла, родив слабого, неспособного к жизни ребенка. Тогда Зевс зашил сына в свое бедро, и, окрепнув, Вакх родился вторично из бедра Зевса.

Фиванец — Вакх, родившийся в Фивах.

Картина пятая

Нерей — бог спокойной морской стихии.

...огнь пурпурный//Лемноса. — По преданию, бог огня Гефест обитал в вулкане острова Лемнос.

...по вещим//Внутренностям. — В Древней Греции жрецы предсказывали будущее по птичьим внутренностям.

Персть — прах.

ФЕДРА

Впервые — в журнале «Современные записки» (Париж. 1928. № 36—37). Печатается по тексту первой публикации.

События в «Федре» отделены от происходящих в «Ариадне» примерно двумя десятилетиями.

В трагедии, как полагала Цветаева, Ипполиту должно быть двадцать лет, Федре — тридцать, Тезею — сорок.

«Федру» Цветаева начала обдумывать еще в 1923 г., во время работы над трагедией «Ариадна». Наброски, планы, записи к «Ариадне» перемежаются в черновой тетради выписками, заметками, относящимися к «Федре». Интересно, что приблизительный план первой картины «Федры», а также записи, свидетельствующие об осмыслении характеров («достоверности — по мифу — о Федре»), написаны были еще до того, как Цветаева вплотную приступила к работе над «Ариадной», — то есть до октября 1923 г. Вот одна из важных мыслей, записанных в ту пору:

«Мстя Тезею (NB! те боги не карали, а мстили), Афродита зажигает в сердце его жены Федры страсть к Ипполиту (сыну амазонки). Встреча Ипполита и Федры (можно в лесу). Письмо Федры под деревцем.

Роль кормилицы? *Не* соблазнительница (NB! чтобы не любить Ипполита, нужно быть слепой!), она только убеждает Федру в удаче, дает ей последнюю уверенность (снимает последние сомнения).

Очень важна роль кормилицы».

Вторично Цветаева обращается к «Федре» примерно три года спустя, сразу же после того, как были внесены последние поправки в трагедию «Ариадна» и рукопись была отправлена в набор. В первой половине сентября 1926 г. Цветаева создает так называемый «Приблизительный план» будущей «Федры».

Поэт ищет, размышляет, спорит сам с собою, выбирает из нескольких возможностей единственную, необходимую. Для Цветаевой настолько существенна психологическая достоверность характеров, которые ей предстоит создать, что она придает огромное значение и всему тому, что составляет лишь предысторию описываемых ею событий и не должно войти в действие «Федры». Вот характерный пример. Набросав приблизительный план первой картины, «Привал», где Ипполит должен был рассказывать друзьям о своей погибшей матери, последние слова которой были: «Бойся любви», идет запись:

«Итог 1-й картины:

Задуматься: из уст ли Ипполита рассказ о его матери?

(Можно — из уст кормилицы.) Что — лейтмотив? — хвала дружбе или поношение любви? Любовь ли Ипполит проклинает, или женщин? Афродиту (богиню) — или любовь?

1) Если Ипполита взята Тезеем насильно — Ипполит должен ненавидеть отца. Ипполит его любит. Стало быть, Ипполита Тезея любила.

Можно: Тезей увез ее хитростью, и она полюбила его потом. (Свыклась? слабо.)

Можно: Тезей победил ее в поединке и этим покорил.

Можно: Тезей увез ее хитростью, женился на ней, и она, никогда не любя его, чтила в нем отца своего сына и была ему верной женой. (NB! Не любя Тезея, могла ли она пойти против амазонок? Могла ли, из-за сына—сохранить ему царство?) В чем же тогда проклятие Афродиты? (NB! Не забывать, что оно относится к Тезею, все другие—средство к покорению его.) Тезей теряет *любимую* жену (в случае нелюбви Ипполиты). Тезей теряет *любящую* жену (в случае любви Ипполиты).

Рассмотрим: Предположим, Тезей увозит ее хитростью, и она, в первый раз лицом к лицу с ним, влюбляется в него. Отец, вместо того чтобы сразиться с ней, любя и боясь убить, увозит ее хитростью. Первая низость. Мать, влюбившись, предает свое царство и сражается против своих же—вторая низость. (Либо: где же доблесть?) От этого союза рождаюсь я, ненавидящий женщин. (NB! Этого не нужно словами).

Решить: дать ли Ипполита сыном трагического или счастливого брака?

Образ Ипполиты, не любящей мужа и сражающейся за сына,—ценней. Ипполита, до конца, вся в женском царстве. Тезей до конца—для нее враг. Ипполита никого не любила, кроме *сына.* Таков же (отношение к женщинам)—Ипполит.

Ипполит и отец. Ипполит отца жалеет и чтит (подвиги). Единственное темное пятно (?)—похищение Ипполиты.

Либо: Ипполит отца не судит,—герою и отцу (для сына)—все позволено. Отец свят. Мать свята. Никто не виноват, кроме *той,* внушившей Тезею столь пагубную страсть,—внушительницы и разрушительницы. (Имен Тезей не произносит)».

Сентябрьский «Приблизительный план» близок к окончательному варианту трагедии: в первой картине Ипполит с друзьями охотниками восславляет Артемиду и провозглашает культ братства и дружества; во второй, «Федра и кормилица», больная Федра признается в своей пагубной страсти к пасынку; в третьей картине Ипполит получает письмо от мачехи (после чего происходит их объяснение); в картине четвертой—«Мирт»,—монолог кормилицы над телом Федры и явление Тезея; ложь кормилицы во спасение чести погибшей; и, наконец, в картине пятой—«Кони»,—покаяние кормилицы во лжи и ее последние слова, которыми «План» и заканчивается:

«—Двое невинных! Казни меня, только перед смертью исполни, Тезей, мое последнее желание: положи их (Федру и Ипполита.—*Сост.*) вместе под миртовым деревцем рядом, как они никогда не лежали».

19 сентября 1926 г. Цветаева принимается за первую картину, «Привал», и заканчивает ее начерно 2 ноября 1926 г. Ко времени работы над первой картиной относится запись: «Мечта о Федре».

Хотелось бы написать эту вещь с участием природы, провести все 5 картин по временам года (NB! невозможно)—часам ночи и дня.

Тезей (Ариадна) до странности вне природы—только душа и судьба. Федру хотелось бы дать воплощенным миртом, обвить ее всю вокруг миртового деревца.

NB! Дать в 1 картине мечту Ипполита о подвигах, превышающих отцовские. (NB! Почему их не совершает? Возраст? Тезей тоже был молод!) Дать, может быть, Ипполита *накануне* великих дел.

NB! Дать Федру, не Медею, *вне* преступления, дать—безумно любящую молодую женщину, глубоко понятную.

NB! Необходимая линия двух матерей: Пасифая (страсть к Минотавру, к чудищу) и Ипполита (Антиопа)—ненависть к мужчинам».

К работе над второй картиной Цветаева приступает 8 ноября и вчерне заканчивает ее 15 декабря 1926 г. «Вторая картина писалась—о, ужас!— 1 ме⟨сяц⟩ 1 нед⟨еля⟩ (NB! думала, два). Попала не в тот размер и—из суеверия не дописываю, чтобы еще труднее не было»—записывает она.

Главное, что беспокоило Цветаеву во время работы над второй картиной,—достоверность во времени, соблюдение временнóго правдоподобия:

«*Когда* происходит разговор Федры с кормилицей?

...Если утром, то разговор Федры и Ипполита тотчас же, а смерть Федры ночью. Что же делает Федра в промежутке?

...Думаю: разговор Федры и кормилицы к вечеру, приход кормилицы к Ипполиту ночью, самоубийство Федры непосредственно ⟨пропуск слова⟩ или же на ранней заре».

Второе, чему Цветаева придавала немалое значение,—это место действия:

«Где разговаривают Ипполит и Федра? В его комнате и ночью? Или под миртовым деревцем?..

...Если день—миртовое деревце, если ночь—комната...»

Цветаева считает по-прежнему очень важной речь кормилицы и разрабатывает подробный план разговора ее с Федрой. При этом она делает кормилицу натурой активной, ярко индивидуальной. Достаточно сравнить цветаевскую кормилицу с еврипидовской (Цветаева была знакома с отрывками из трагедии Еврипида «Ипполит Увенчанный»). У Еврипида кормилица, услыхав признания Федры, приходит в ужас, однако тут же, из страха перед богами, советует Федре «уступить потоку Киприды», ибо, если с богами дерзко спорить, они могут искалечить. Стремясь уладить дело, она рассказывает обо всем Ипполиту, чем предает Федру. «У Эврипида все выдает кормилица, без воли Федры.—Ложь.— Кормилица только передает»,—записывает Цветаева в 1923 г. А в 1926 г. она отказывается и от этого толкования и делает характер кормилицы гораздо сложнее, а ее роль в трагедии—значительнее.

План диалога Федры с кормилицей близок к окончательному варианту второго действия. Однако начало картины сразу не задалось.

«Мечта:

Переделать начало II картины. Сделать его живее, страстнее, сочнее. Может быть, дать Федру больную, в покое, служанок?.. (NB! больше же не будет случая дать ее лежащей, то есть безоружной)».

Затем в работе над «Федрой» наступает перерыв. К третьей картине Цветаева приступает лишь 27 июня и начерно заканчивает ее 9 августа 1927 г.

В набросках третьей картины читаем о Федре и Ипполите:

«*Говорит как во сне*, поэтому не слышит его возгласов, опоминается, перебитая ответом... Две линии: *забвение и опоминание*».

И дальше:

«*Подумать:* Федра предлагает Ипполиту умереть вместе, только в смерти осуществить общий сон. Благородно, но—не нелепость ли?

Странность предложения: не целовав меня, умри со мной...

Странность ответа Ипполита: *Гадина*—на благородное—пусть бредовое— предложение общей смерти.

Лучше: мечта об общей смерти, но—после: поцелуй меня, после этого все равно не сможешь жить. Начав ночь здесь, продлим ее там, никогда не закончим...

Федра у меня задумана *костной — не* плотской.

Плоть — Елена».

В черновике письма к Пастернаку, относящегося, по-видимому, к периоду работы над третьей картиной, Цветаева пишет:

«Заметила одно — от меня ничего не зависит. Все дело — ритма, в который я попаду. Мои стихи несет ритм, как мои слова — голос, тот, в который попадаю. Как только не в тот ритм (а который — *тот*? Не знаю, только знаю — не *этот*!) — конечно, ползу, 3 строки в день, не только бескрылость — безлапость! Словом, то — несет, то — ползу. Сейчас я, явно, не в течении и очень устала от чувств, которые не мои».

Над четвертой картиной Цветаева работала дольше, чем над каждой из предыдущих: начав ее 17 сентября, окончила первый беловик 4 декабря 1927 г. В эту картину, главным действующим лицом которой Цветаева сделала кормилицу, она привнесла от себя особенно много. Отказавшись от пятой картины — «Кони», в которой речь должна была идти о гибели Ипполита, и ослабив, таким образом, линию Ипполита, его благородства и безвинной смерти, Цветаева акцентировала внимание на *психологическом* конфликте. В душе кормилицы, по Цветаевой, борются две страсти: сильнейшая любовь к Федре и такая же ненависть к Ипполиту. Отталкиваясь от этого, Цветаева напряженно работает над монологом кормилицы, добиваясь, как и всегда, психологической убедительности, достоверности:

«*Выясняется ложь кормилицы.*

...Выгораживая Федру: — Я виновна! Я сгубила и Ипполита и Федру! Я толкнула Федру к Ипполиту, я́ передала письмо, я́, чтобы спасти ее честь, оклеветала твоего сына, я́, я́, я́!..

Кормилица признается только, чтобы выгородить Федру, посрамленную Тезеем. Ипполита она по-прежнему ненавидит: «если бы смогла убить его еще раз — сделала бы...»

Кормилица просто берет вину на себя. Упор: она чиста. Мои наущения и т. д....»

Финал трагедии: выяснение истины, примирение Тезея с Ипполитом, признание неотвратимости божественного промысла (люди лишь орудия, которыми движут боги) — обо всем этом в черновом плане, так же как и в окончательном тексте трагедии, сказано лишь мельком. Полностью отбрасывает Цветаева и еврипидовский вариант, по которому в финале появляется Артемида, разъясняет всё и обещает умершим отмщение и вечную славу.

Последние исправления в «Федру» Цветаева внесла перед сдачей рукописи в набор, в июне 1928 г.

Картина первая

Елень — олень в архаическом написании.

Чуть — чутье.

Понт — здесь: море.

Каллиста (Каллисто) — нимфа, родившая от Зевса сына Аркада. Ревнивая Гера, жена Зевса, превратила Каллисту в медведицу, которую, по одному из вариантов мифа, Артемида убила на охоте.

Картина вторая

Миртовый зеленый сук. — Миртовое дерево — символ любви.

Горькие женщины в вашем роду... Пасифая любила чудище. Разонравился царь, мил зверь. — По мифу, мать Федры, Пасифая, была женой критского царя Миноса.

Пасифая воспылала страстью к быку; от этого союза родилось чудовище Минотавр — получеловек-полубык.

Ариадну супруг твой нынешний//Богу продал во время сна. — См. трагедию «Ариадна» и комментарии к ней.

Ариадне — сестра.//Дважды: лоном и ложем свадебным. — Ариадна, первая жена Тезея, была сестрой Федры.

Антиопа — мать Ипполита.

Картина третья

Стрела свистнула... и т. д. — Слуга рассказывает о гибели Антиопы.

Мних — монах.

Во имя Белопенной... — то есть Афродиты.

Картина четвертая

...*Близни́ца//Фебова*... — Артемида была сестрой Феба (Аполлона).

Хо́ры — здесь: высо́ты, горы, холмы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЕГОРУШКА

Впервые — в кн.: Цветаева М. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1988. Печатается по тексту публикации с сохранением принятых там обозначений: угловых скобок для тех случаев, когда рукой А. С. Эфрон в рукописи были вставлены пропущенные слова, и квадратных скобок для слов и строф, зачеркнутых Цветаевой в рукописи. В целом поэма осталась незавершенной.

На создание большой поэмы-сказки Цветаеву вдохновила непродолжительная встреча с Борисом Александровичем Бессарабовым (1897—1970), молодым красноармейцем, влюбленным в стихи романтиком. Цветаеву поразил внешний облик будущего героя, как бы только что сошедшего со страниц русских сказок. «...Наружность: богатырская. Малиновый — во всю щеку — румянец, вихрь неистовый — вся кровь завилась! — волос, большие, блестящие, как бусы, черные глаза, прелестный невинный маленький рот, нос прямой, лоб очень белый и высокий. Косая сажень в плечах, — пара — донельзя! — моей Царь-Девице...» (Письмо к Е. Ланну в январе 1921 г.//Wiener slavistischer Almanach. Marina Cvetaeva. Studien und Materialien. Sonderband 3. Wien, 1981. S.181).

Егорушка — Егорий Храбрый — народный вариант Георгия Победоносца, греческого воина, по преданию, победившего дракона и спасшего царскую дочь. О Егории Храбром сложено немало народных легенд. Цветаева ими почти не пользовалась, сюжет поэмы выдуман ею полностью. Из этих источников взяты лишь упоминания о том, что Егорий — «волчий пастырь», покровитель стад и победитель Змия.

Парень — проломом,//Волк — вавилоном. — Вавилонами на Руси в давние времена называли вычурные узоры, извилистые дороги.

Десница-шуя — десница — правая рука, шуя — левая рука

Огнем по телу мечену — //Кажи статью наплечную! — В России беглым и бродягам накладывали клеймо на лопатку, плечо или руку. Отменено в 1863 г.

Ты бренчи-звенчи, Валдай... — В Валдае, городе в Новгородской губернии, главным промыслом было литье колоколов и бубенчиков.

Кивот (киот) — застекленный шкаф для икон.

То ли Савлова, то ли Павлова... — Савлом звали апостола Павла до обращения его в христианскую веру.

НЕСБЫВШАЯСЯ ПОЭМА

Впервые — в кн.: Цветаева М. Стихотворения и поэмы (Л.: Сов. писатель, 1990). Печатается по тексту первой публикации. При жизни поэта был опубликован лишь отрывок из поэмы в виде отдельного стихотворения «Кто — *мы*? Потонул в медве́дях...» Поэма осталась незавершенной. На полях тетради, рядом со строками поэмы, Цветаева записала «собственное мнение 12 лет спустя»: «Вся поэма бессмысленная, но выразительная» (там же. С. 766).

Шарантон, Бедлам — дома для умалишенных соответственно в Париже и Лондоне.

ПЕВИЦА

Впервые — в альманахе «Поэзия» (М.: Молодая гвардия, 1981. № 30). Поэма не завершена. Начало «Певицы» было напечатано в виде отдельного стихотворения под названием «Дом» (Современные записки. Париж. 1936. № 61). Печатается по тексту первой публикации.

В черновом варианте поэмы был отрывок о пении героини, впоследствии опущенный Цветаевой (альманах «Поэзия». С. 139):

Пела — как смолою древо,
Тело — кровью, немощь — гневом,
Пела — как светило — славой,
Нива — силой, Этна — лавой,
Пела — как наждавшись вдоволь,
Брошенный ребенок — зовом
Истекает — пела так.
Ибо — как рябина — ржавым,
Слива — синим,
⟨Ибо — как осина — сирым,
Ибо — как Россия — силой⟩
Истекает —
                  так от веку
Предрешенное: как млеком
Груди и смолою древо —
Женская обида — певом
Истекала...

Дом — так мало домашний. — Цветаева описывает дом в Ванве, предместье Парижа, где она жила с 1934 по 1938 г.

АВТОБУС

При жизни поэта не публиковалась. Впервые — в кн.: Цветаева М. Избранные произведения (М.; Л.: Сов. писатель, 1965). Печатается по тексту публикации, которую, к сожалению, нельзя признать точной. Работая в 1963 г. над

архивом Цветаевой, А. С. Эфрон подготовила текст поэмы «Автобус» по полубеловым отрывкам, сохранившимся в тетради поэта, придав поэме видимость завершенности. Более точно текст может быть восстановлен лишь после открытия, в будущем столетии, цветаевского архива.

Как вспоминала А. С. Эфрон, поводом к написанию поэмы явился реальный эпизод, а прототипом «спутника» — знакомый Цветаевой, который в действительности вовсе не был таким пошлым «гастрономом», каким нарисован в поэме. Преображенная творческой фантазией «явь» послужила поэту средством обличения потребительского, вкусового отношения к жизни у так называемых «слизателей сливок», как именовала Цветаева эстетов (см. там же. С. 778).

Вербный плясун — игрушка, продававшаяся во время Вербной недели.

...царь травоядный, четвероногий. — Имеется в виду Навуходоносор II (605 — 562 до н. э.), могущественный вавилонский царь. По Библии, в наказание за гордыню Бог отнял у него разум; Навуходоносор был на семь лет отлучен от людей и «ел траву, как вол».

Жан-Жаков брат — то есть вернувшийся к природе, согласно учению Ж.-Ж. Руссо.

Перу — страна, чье главное богатство составляют рудники с драгоценными металлами.

Счастья? Его я искала в клевере...//Четырехлистником! — «...как повторяла мне, маленькой, Марина, а ей, маленькой, ее мать, четырехлистник — добрая примета, символ удачи» (Из воспоминаний А. Эфрон, дочери Цветаевой. — Звезда. 1973. № 3. С. 166).

ПОЭМА О ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ

Впервые — в кн.: Цветаева М. Стихотворения и поэмы (Л.: Сов. писатель, 1990). Печатается по тексту первой публикации. Черновые варианты двух отдельных фрагментов, приводимые ниже, печатаются по тексту их первой публикации: Коркина Е. «Поэма о Царской Семье». — В сб.: Wiener slavistischer Almanach. Цветаева М. Статьи и тексты. Sonderband 32. Wien, 1992.

Как свидетельствует Марк Слоним, ссылаясь в своих воспоминаниях на пояснения самой Цветаевой, «мысль о поэме зародилась у нее давно, как ответ на стихотворение Маяковского „Император“». Ей в нем послышалось оправдание страшной расправы, как некоего приговора истории. Она настаивала на том, что уже неоднократно высказывала: поэт должен быть на стороне жертв, а не палачей, и если история жестока и несправедлива, он обязан пойти против нее» (Воспоминания о Марине Цветаевой. М.: Сов. писатель, 1992. С. 345).

Масштабы задуманной поэмы были достаточно велики, о чем можно судить по письму Цветаевой к Р. Н. Ломоносовой от 1 февраля 1930 г.: «Сейчас пишу большую поэму о Царской Семье (конец). Написаны: Последнее Царское — Речная дорога до Тобольска — Тобольск воевод (Ермака, татар, Тобольск *до* Тобольска, когда еще звался Искер или: Сибирь, отсюда — страна Сибирь). Предстоит: Семья в Тобольске, дорога в Екатеринбург, Екатеринбург — дорога на Рудник Четырех братьев (та́м жгли). Громадная работа: гора. Радуюсь.

Не нужна никому. Здесь не дойдет из-за «левизны» («формы» — кавычки из-за гнусности слов), там — туда просто не дойдет, физически, как все, и больше — меньше — чем все мои книги. «Для потомства?» Нет. Для очистки совести. И еще от сознания силы: любви и, если хотите, — дара. Из любящих только

я смогу. Потому и должна» (Минувшее. Исторический альманах. 8. Paris: Athene-um, 1989. С. 220).

Текст поэмы и ее черновики не сохранились. Они погибли в одном из зарубежных архивов во время войны. (О единственной уцелевшей из всей поэмы главе «Сибирь» см. комментарии в настоящем томе). Случайно сохранившиеся черновые варианты некоторых фрагментов и перечень эпизодов поэмы были обнаружены в одной из рабочих тетрадей Цветаевой Е. Б. Коркиной. О ее попытках реконструировать замысел утраченной поэмы см. указанный выше источник.

От Ходынского Поля красного||До веселого и красивого||Алексея Кровоточивого.—Ходынское поле—трагическое место в Москве, где 14 мая 1896 г. во время народного гулянья в честь коронации Николая II в результате давки погибли тысячи людей. *Алексей Кровоточивый*—наследник престола царевич Алексей (1904—1918) страдал гемофилией (несвертываемостью крови).

Аня—Анна Александровна Вырубова (1884—после 1929)—фрейлина, приближенная к императорской семье. С 1920 г. в эмиграции.

Для Матери здешней тружусь Абалакской.—Речь идет о чудотворной иконе Божией Матери, получившей название от Абалакского монастыря Тобольской губернии. Составляла святыню обители. Написана в 1637 г. Празднование ее совершалось 20 июля и 27 ноября.

Сестре Серафиме—сестра Феодора.—Возможно, Цветаева пишет о двух святых мученицах. *Серафима* была обезглавлена в царствование Адриана (II в.) за ревностное исповедание Христа. *Феодора* (Теодора), опекунша своего сына, императора Михаила III (I в.), ушла в монастырь, так как не хотела мириться с развратным образом жизни сына. К святым причислена греческой церковью.

Германская принцесса.—Цветаева имеет в виду жену Николая II, императрицу Александру Федоровну (настоящее имя—Алиса Гессен-Дармштадтская; 1872—1918), немку по крови.

Черновые варианты:

1) Есть у меня для твоих Княжен...
Не виноват человек: рожден,
Белые булочки, чернослив—
Не виноват виноград: красив!

Есть у меня для твоих Княжен
— Не виноват виноград: нежён!..
Бурые лисы, седы-бобры—
Ну и девицы твои добры!

Есть у меня для твоих невест
— Есть простота—и медведь не ест!
Есть светлота—и злодей не лих!—
Всё, кроме суженых четверых.

Есть у меня для твоих Княжен
Теплые шубы—и тонкий лён.
И обогрею и разряжу—
Всем, кроме суженого, ссужу!

А на *великость-то* их — Байкал,
А на *высокость* — Алтай-алтарь:
Не обездолю, не застужу —
Всем кроме суженого — ссужу!
. . . .
Есть у меня для твоих Княжен
Не виноват человек: рожден!
Белые булочки, желтый сот —
Не виноват василек: растет!

Есть у меня для твоих Княжен
— Не виноват человек: рожден! —
Знатное едево, сладкий сок
— Не виноват виноград, — высок!
〈16 февраля 1936〉

Есть у меня для твоих Княжен
— Не виноват человек: рожден! —
Прадедов камень александрит, —
Ведь у меня и скала — родит!
〈3 марта 1936〉

2) О чем она просила
Кончины на краю
Молитва — за *Россию*
За родину — *твою* —

Мою... За край, что полон
Был — не *ея* могил
Родных. За снег, что — солон
Ея слезами был...

От мхов сибирских
По... сухумских —
За каждого злобивца,
За каждого безумца...

От льдов охотских
По. . . . .
Сто пятьдесят мильонов —
Где все ея любимцы
. . . .
〈3 марта 1936〉

〈ПЬЕСА О МЭРИ〉

Впервые — Russica-81. Литературный сборник. Нью-Йорк, 1982. Печатается по тексту первой публикации.

Наброски неоконченной пьесы сохранились в рабочей тетради Цветаевой и относятся к первой половине 1919 г. Расшифровка их принадлежит А. Сумеркину и В. Швейцер.

Некоторые варианты, не предназначенные Цветаевой для окончательного текста, вынесены нами в комментарии.

Чернота?//Белизна? — Ср. с написанным годом ранее стихотворением «Белизна — угроза Черноте...». См. т. 1.

Черные — белых. — Далее в тексте вычеркнуты строки:

Белые — белых — и то не всегда
Одна у нас, Джим, беда:
Двое осиротелых.
Плохо без матери, Джим.
Сколько на свете прекрасных, смелых...
Белые — белых — и то не всегда!

Картина I. — На полях тетради перечислены действующие лица: Мэри, Цыганка, Придворный, Артур, Арабелла.

Лишь двадцать коротких лет. — Далее три строки отчеркнуты на полях:

Упокой, Господи, душу
Родителей их, которых,
Не видела и во сне.

Артур — король бриттов, герой сказок о рыцарях «Круглого стола». Умер в 542 г.

Я здешняя нищая. — Далее вычеркнуты четыре строки:

— Зачем же в окошко?
— Сейчас новолунье.
— Вы верно колдунья?
— Тссс... глупая крошка!

Возьмите себе из кармашка... — Бумажка... — этому отрывку предшествовали строки:

Золотом было — станет золой...
Дальше не видно. — Дай золотой!
— Возьмите себе из кармашка! — Бумажка —
Платочек — горошина — снова бумажка...
— Где ж деньги? — Я нынче ходила в селенье
И все раздала, до последнего пенни...

Где ж деньги? — Правда, я нынче была
В селеньи и кажется все раздала...
Но кто Вас впустил сюда? — Темная ночь
Да добрая кружка имбирного пива,
К которой Ваш сторож, как к девке красивой
пригубить не прочь.

Дашь мне цепочку, дочка, свою? — Далее на полях шли строки:

Золото. — Медь. Станет, заметь,
Золото — медью, золотом — медь.
У молодого — мед на языке,
А у другого — смертный пот в перстеньке...

«Юность и доблесть». — Ср. со стихотворением «Доблесть и девственность! Сей союз...». См. т. 1.

Эолова арфа — см. комментарий к поэме «Новогоднее».

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭМЫ

ПОЭМЫ-СКАЗКИ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Цветаева М.
Ц 25 Собрание сочинений: В 7 т. Т. 3: Поэмы. Драматические произведения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. — М.: Эллис Лак, 1994. — 816 с.
ISBN 5-7195-0014-6 (Т. 3)

В третий том вошли поэмы и драматические произведения.

Ц $\frac{4700000000-013}{130(03)-94}$ Без объявл. **ББК 84Р1-44**

Цветаева Марина Ивановна

Собрание сочинений в семи томах

Том третий

Редактор *Т. А. Горькова*
Художественный редактор *В. Н. Сергутин*
Технический редактор *Л. В. Жигульская*
Корректоры *Ю. П. Баклакова, О. В. Мокрович*

Сдано в набор 07.06.93. Подписано в печать 05.10.94. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 51,0. Усл. кр.-отт. 53,0. Уч.-изд. л. 47,2.
Тираж 29 000 экз. Заказ № 175. С-15. ЛР № 040571 от 19.01.93

Издательство «Эллис Лак»
123242, Москва, ул. Большая Грузинская, 3, стр. 1
Тел. 254-74-72. Факс 227-59-40

Типография ИПО Полигран
125438, Москва, Пакгаузное шоссе, 1

